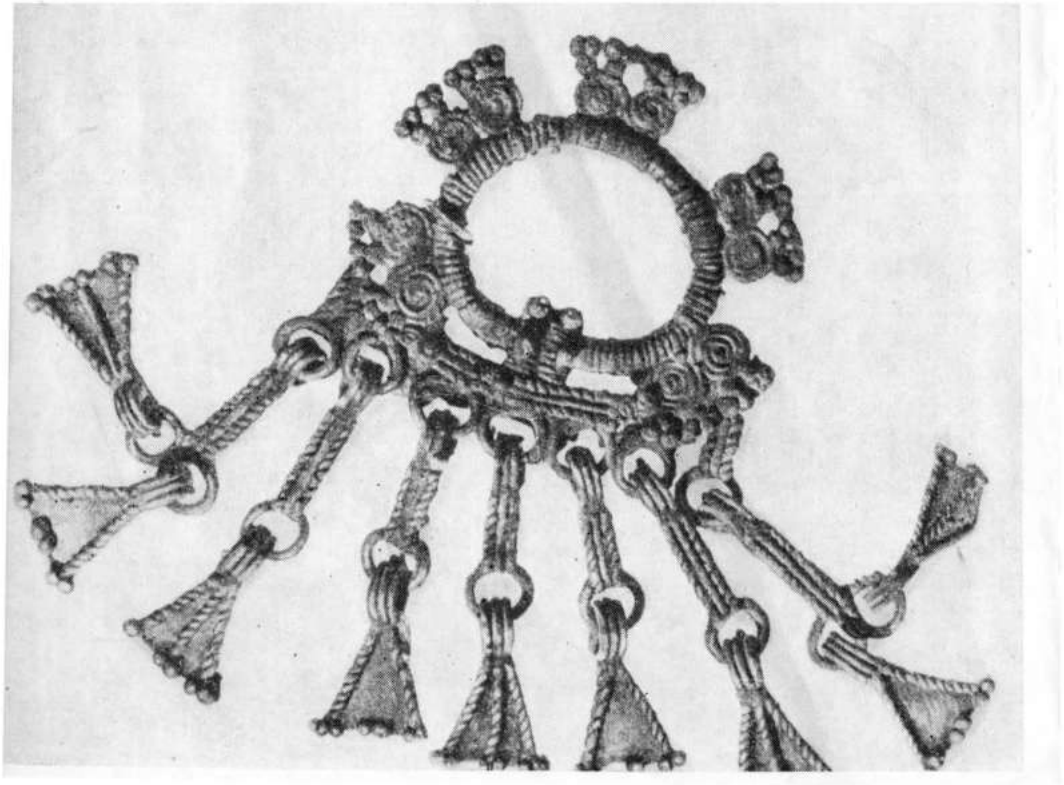
Т
А 874

Археология рязанской земли

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ



Археология рязанской земли

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА 1974

Т4(2)431.92Ря

Сборник содержит статьи советских археологов, посвященные изучению славянских и неславянских древностей территории Рязанской земли от каменного века до средневековья. В статьях рассматриваются проблемы, связанные с историей и культурой народов Восточной Европы. Особое внимание уделено результатам новых археологических исследований на городище Старая Рязань — древней столице Рязанского княжества.

Ответственный редактор

А. Л. МОНГАЙТ

10602-162
042(02)-75 103—75

© Издательство «Наука», 1975 г.

А. Л. Монгайт

Работа Рязанской археологической экспедиции в 1966—1970 гг.

Рязанская экспедиция Института археологии Академии наук СССР и Рязанского областного краеведческого музея (ныне Историко-архитектурного музея заповедника) начала свою работу в Старой Рязани в 1945 г. Раскопки велись на городище до 1950 г., и их итоги были изложены в монографии «Старая Рязань» [1]. В последующие годы раскопки были перенесены на другие объекты; исследовались Переяславль-Рязанский, городища Ижеславльское, Лубянское, Жокинское, Казарское, Льговское, Борисоглебское и славянские селища X—XVII вв.[2]

Таким образом, наступил длительный перерыв в археологических работах в Старой Рязани, и они были возобновлены только в 1966 г. Кроме дальнейшего изучения замечательного памятника русской истории, возобновление раскопок было вызвано необходимостью срочного исследования участков, подвергающихся разрушению далеко зашедшими на территорию городища и все растущими оврагами. Наконец, в связи с решением о превращении Старой Рязани в археологический заповедник необходимо было подготовить планы создания заповедника, откопать объекты, пригодные для экспозиции.

Среди важных научных проблем, стоящих перед Рязанской экспедицией, одно из первых мест занимает проблема взаимоотношений коренного местного населения, жившего в области среднего течения Оки в I тысячелетии до н. э.—I тысячелетии н. э., и пришедших славян. Наиболее яркими памятниками, оставленными местным населением в среднем течении Оки, являются так называемые рязанские могильники. Свыше 40 лет назад подробно проанализировавший инвентарь этих могильников П. П. Ефименко датировал их I—первой половиной VII в. н. э. В VII в. н. э. рязанские могильники неизвестно почему исчезли. Правда, в VII в. возникает и до XI в. н. э. существует группа муромских могильников, но П. П. Ефименко отрицал, что они появились в результате переселения сюда жителей Рязанского края [3]. Пытаясь ответить на

---

[1] *А. Л. Монгайт.* Старая Рязань. — МИА, № 49, 1955.
[2] *А. Л. Монгайт.* Рязанская земля. М., 1961.
[3] *П. П. Ефименко.* Рязанские могильники. Опыт культурно-стратиграфического анализа могильников массового типа. — Материалы по этнографии, т. III, 1926; *Он же.* К истории Западного Поволжья в I тыс. до н. э. по археологическим источникам. — СА, II, 1937, стр. 39—58.

вопрос, почему население, оставившее рязанские могильники, покинуло среднее течение Оки, я доказывал, что это произошло не в VII в. н. э., а на рубеже I и II тысячелетий н. э., когда славяне, заселившие эту область, вытеснили и ассимилировали местное население — предков мордвы [4]. Я указал, что в рязанских могильниках найдены отдельные предметы VIII—X вв. н. э., позволившие А. А. Спицыну датировать Борковский и Кузьминский могильники VIII—X вв. н. э.[5] Кроме того, на городищах, принадлежавших городецкой культуре, есть слои второй половины I тысячелетия н. э., свидетельствующие о продолжении здесь древних традиций в это время и о смене местного населения славянами. Однако сумма доказательств, которыми я располагал для подтверждения своих взглядов, была недостаточна, и хотелось бы получить новые данные для решения вопроса о смене населения в среднем течении Оки. Для этого Рязанской экспедицией были предприняты раскопки Шатрищенского могильника и северного мыса Старой Рязани.

Шатрищенский могильник, расположенный за юго-восточными валами городища Старая Рязань, раскапывался рязанскими краеведами в конце XIX—начале XX в. и П. П. Ефименко в 1920 г. (было вскрыто около 50 погребений, но сохранилась незначительная часть коллекций). Отряд Рязанской экспедиции под руководством Т. А. Кравченко в 1966—1970 гг. вскрыл 163 погребения (на площади около 3000 кв. м). Важнейшим результатом исследований является выяснение деталей погребального обряда. Казалось удивительным, что в рядовом могильнике, существовавшем по крайней мере 500 лет, поздние погребения почти никогда (кроме двух случаев) не пересекают древние. Это могло получиться лишь в том случае, если могилы были как-то отмечены на поверхности. Насыпи не сохранились, но были обнаружены оградки из пяти—семи колышков вокруг могильных ям. По мере того как они сгнивали, их заменяли другими, но ставили иногда дальше от первой линии. На втором мысе могильника, где открыты наиболее богатые захоронения, находилось святилище. В центре мыса обнаружена площадка, обнесенная двойным плетнем; внутри площадки — следы столбов, возможно деревянных идолов. По кругу расположены жертвенники в виде круглых «блюд» из обожжен-

---

[4] *А. Л. Монгайт.* Рязанская земля, стр. 71—78, 115—138.

[5] *П. И. Третьяков* оспаривает возможность такой датировки и указывает как на очевидную мою ошибку ссылку на находки в рязанских могильниках пиферных пряслиц (*П. И. Третьяков.* Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М.—Л., 1966, стр. 291). Действительно, названные мною погребения из Шатрищенского и Борковского могильников содержат украшения V—VI вв. н. э., и наличие в них пиферных пряслиц представляется плодом какого-то недоразумения. Могу лишь отметить, что в коллекциях Рязанского музея в комплексах из погребений Борковского (26, 38, 44, 77 и 87) и Шатрищенского (200) могильников на планшеты нашиты пиферные пряслица. Можно, конечно, отнести это за счет ошибок хранения, но планшеты сделаны вслед за раскопками А. И. Черепнина (1903 г.) и соответствуют приложенным к ним описям, в которых пряслица названы каменными, а не глиняными, как у Спицына. Однако, если вопрос о пиферных пряслицах остается неясным, то к разряду недоразумений нельзя отнести наличие в Борковском и Кузьминском могильниках лунниц, серебряных обкладок мечей, некоторых подвесок и маленьких поясных пряжек, которые А. А. Спицын датирует VIII—X вв. н. э. (*А. А. Спицын.* Древности бассейнов рек Оки и Камы. — МАР, № 25, 1901).

ной глины (диаметр около 1 м) с остатками на них кострищ и жертвоприношений. По-видимому, Шатрищенский могильник был местом захоронения покойников одного из занимавших окраинное положение в рязанской группе финских племен.

Датируется Шатрищенский могильник IV—VIII вв. н. э.

Городецкие городища, принадлежали тому же населению, что и рязанские могильники. А на этих городищах есть поздние слои, вплотную примыкающие к славянским слоям X в. н. э. В особенности убедительно это удалось показать в раскопках 1966—1967 гг. на северном мысе Старорязанского городища (руководитель работ И. Г. Розенфельдт). Северный мыс — место древнейшего поселения. Зачистка культурного слоя, достигающего в отдельных местах толщины 2,5 м, показала наличие здесь напластований от эпохи неолита до славянского времени. Вслед за неолитической керамикой найдены сосуды балановского (позднефатьяновского) типа, но большей частью бронзовый век представлен керамикой поздняковской культуры (конец II—начало I тысячелетия до н. э.). Вероятно, население, бывшее носителем этой культуры, генетически связано с городецким. Городецкая керамика I тысячелетия до н. э.— середины I тысячелетия н. э. представлена разными видами: штрихованной, рогожной, сетчатой, гладкостенной. В послегородецком финском слое раскопано святилище, состоявшее из восьми овальных жертвенников, окруженных столбовыми оградками. В центре находилось основное культовое сооружение, может быть с идолом посредине. К сожалению, центр святилища разрушен славянской полуземлянкой XII в. н. э. На святилище найдены разбитые горшки, кости животных, жертвенные ножи, поясные бляшки, бусы, зерна пшеницы. Большинство найденных предметов имеет аналогии в финно-угорских древностях середины—второй половины I тысячелетия н. э. Святилище функционировало до IX в. н. э. Жертвенники сохранялись в течение десятков лет. Вокруг них многократно возводились оградки и разжигались костры. Славяне, появившиеся здесь в IX—X вв. н. э. уничтожили древнее святилище. Раскопки подтвердили непосредственный хронологический контакт местного финского населения со славянами.

О том же свидетельствует погребение, найденное в 1968 г. близ школы глухонемых, вне городища, за оврагом, по которому течет р. Серебрянка. Это женское погребение, синхронное ранним слоям Старой Рязани с проволочными перстневидными височными кольцами, бочковидными позолоченными бусами, витыми из проволоки браслетами и шумящими привесками. В украшениях обнаруживается слияние черт славянского и финского наряда.

Итак, в городищенском слое мы находим новые подтверждения славяно-финских контактов. А дата Шатрищенского могильника в результате наших раскопок только немного подвинулась к рубежу I и II тысячелетий н. э. — разрыв со славянским заселением края остается равным 100 или 200 годам. Что же произошло с населением, оставившим могильники? Я надеюсь, что дальнейшие исследования разъяснят эту загадку. Пока же возможно следующее предположение: если рязанские могильники и городецкие городища оставило одно и то же население, то оно

жило на месте до самого прихода славян. Если наши датировки могильников не подтвердятся и придется вернуться к датам П. П. Ефименко, то невозможно понять, почему древнее население ушло в VII в. н. э. У финских племен на Рязанщине было много скота и лошадей, а в пойме Оки — великолепные пастбища. Они могли покинуть такие благодатные и заселенные в течение многих веков места только под давлением другого народа. Таким народом, вероятно, были славяне, но мы не находим здесь славянских древностей ранее X—возможно, IX в. н. э.[6] Может быть, наши датировки неверны, так как мы не знаем, как выглядели славянские древности VII—VIII вв. н. э. Может быть, финское население оставалось на месте, и просто в последней четверти I тысячелетия н. э. изменился обряд погребения, в связи с чем исчезли рязанские могильники. Словом, остается еще много «может быть», а следовательно, необходимо продолжать исследования Рязанской экспедиции в связи с намеченной темой финско-славянских контактов.

Вторая важнейшая тема работы нашей экспедиции — это продолжение изучения древнерусского города Старой Рязани, продолжение раскопок и разведок на городище. Именно разведок, это не описка. Хотя Старая Рязань раскапывается с 1836 г., как видно по прилагаемому плану городища с обозначением раскопок (рис. 1), до сих пор исследована столь незначительная часть города, даже находившегося в пределах валов, что мы не вышли еще за стадию разведок археологического памятника. Но город существовал и за пределами валов. Разведки 1970 г. показали хорошую сохранность древних жилищ на нижней террасе Оки, на территории дер. Старая Рязань, где, очевидно, находились посад и рыбацкий поселок. Конечно, в общих чертах топография города выяснена, но многое еще остается узнать. Это же касается и рязанских жилищ. Хотя начало их изучения было положено еще В. А. Городцовым и А. А. Мансуровым и свыше 50 жилищ раскопано нашей экспедицией, из-за плохой сохранности дерева мы не можем представить себе жилища в деталях. Каждые новые раскопки подтверждают, что тема еще не исчерпана, выявляют все новые черты устройства жилищ.

На основной территории городища главным объектом раскопок были оборонительные сооружения, возвышавшиеся над поймой Оки, и большое здание, в котором найдены три клада серебряных ювелирных изделий. О результатах этих раскопок рассказано в статье начальника раскопа 7 В. П. Даркевича, печатающейся в настоящем сборнике.

Вблизи раскопа 7 в 1968—1970 гг. была открыта усадьба XII в. (раскоп 11, руководители раскопок Г. Ф. Никитина и В. Н. Даркевич). Здесь находились полуземлянка с угловыми столбами, глинобитной прямоугольной печкой, подпечной ямой и наземные постройки, отмеченные линией столбов. С этой усадьбой связаны хозяйственные постройки — хлев, ямы для хранения зерна.

Интересный комплекс из двух полуземляночных построек был раскрыт в 1970 г. на раскопе 13. Это мастерская с остатками железоделательного

[6] *И. И. Третьяков* (Финно-угры, балты и славяне. . ., стр. 286 сл.) также считает, что только в конце I тысячелетия н. э. славяне пошли дальше на восток, сломав линию Ярославль—Плещеево озеро—Коломна.

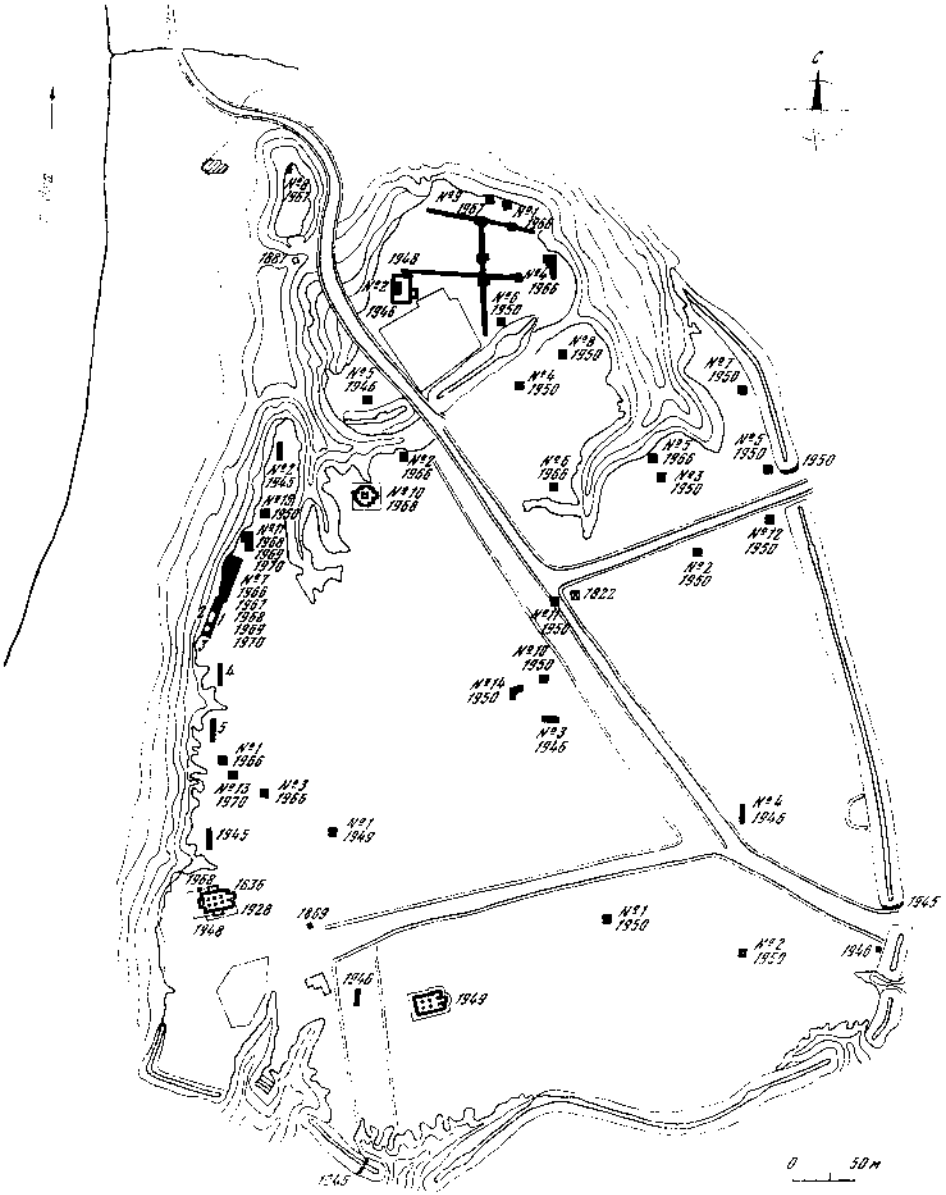
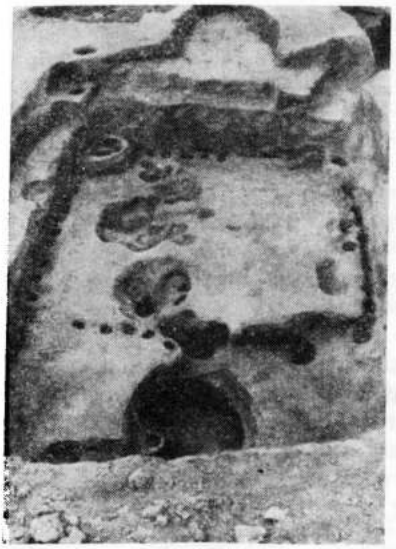


Рис. 1. План городища Старой Рявани с нанесением мест раскопок. Обмеры 1970 г.



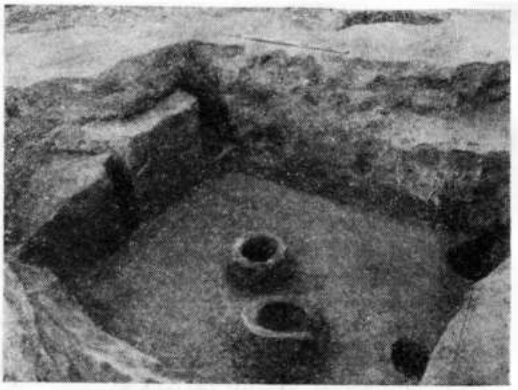


Рис. 3. Полуземлянка Б, раскоп 13, 1970

←

Рис. 2. Полуземлянка А, раскоп 13, 1970

производства. Меньшая полуземлянка — почти квадратная в плане (2,5×2,1 м). В углах и посредине каждой стены находилось по столбу (диаметр 20 см). Стена и крыша были обмазаны глиной. В северной части помещения стояла сыродутная печь, ее глинобитные стенки имели каркас из жердей. На полу найдены фрагмент сопла, большое количество шлака, три кресала. В противоположной стороне от печи был вход со ступенькой, ведущий в другую, бóльшую прямоугольную полуземлянку (4,5×3,2 м). Последняя имела особый вход с запада. В этом помещении ямки от столбов располагались по всему периметру стен. Стены были сделаны из жердей. Такая же стенка перегораживала помещение посредине. В восточной части полуземлянки находилась вторая плавильная печь с неглубокой предгорновой ямой. На полу найдены шлак и крицы, а также свинцовый брусок, похожий на гривну новгородского типа.

Другие полуземляночные постройки были найдены в 1966—1968 гг. на северном участке городища, за внутренним валом над обрывом, ведущим к р. Серебрянке (раскопы Р. Л. Розенфельдта и Г. Ф. Никитиной).

Здесь же в 1970 г. был раскопан интересный комплекс разновременных жилищ (работал отряд Ленинградского отделения ИА под руководством П. А. Раппопорта с участием Е. В. Шолоховой).

Наиболее интересно погибшее от пожара наземное жилище XII в. Размер его стен по наружным краям бревен 4,2×4,2 м. Обнаружены остатки бревен нижнего венца стен, рубленных в обло, с остатком лаги и доски пола, развал глинобитной печи. Самое интересное, что впервые в Старой Рязани найдены детали устройства крыши жилища: остатки рухнувших стропил и глиняной обмазки кровли. На полу жилища лежали два круглых лукошка, решето, деревянный гребень, бронзовый перстень со щитком и т. п. С жилищем связаны хозяйственные ямы, в одной из

которых найден жернов, в другой — свинцовая вислая печать Ярополка Ярославича (1197 г.)[7].

Я не пишу об отдельных вещах, найденных во время раскопок, хотя некоторые из них чрезвычайно интересны. Они, так же как и массовые находки (керамика, стеклянные браслеты и т. п.), будут описаны в последующих трудах Рязанской экспедиции. Укажу лишь на находку в 1970 г. большого клада древнерусских серебряных украшений в прибрежной части южного городища Старой Рязани (раскоп 13). Клад (общий вес около 2 кг) состоял из следующих вещей:

1) Гривны монетные серебряные новгородского типа — 4[8].

2) Наруч серебряный с чернью и позолотой. На каждой створке по шесть квадратных клейм в два яруса. В клеймах на черневом фоне гравированы птицы, барсы, растительные и плетеные мотивы.

3) Медальоны серебряные с чернью и позолотой — 5. На четырех (в том числе на обломке самого крупного) — изображения процветших крестов, на пятом — поясная фигура юного мученика — св. князя Глеба с крестом перед грудью.

4) Бусы серебряные крупные овальные — 42. 26 экземпляров обмотаны сканью, а средняя часть покрыта зерневыми треугольниками и ромбами. Остальные 16 бус, кроме зерни и скани, украшены напаянными овальными выпуклостями.

5) Колт серебряный большой с каймой из крупных полых шариков (отломаны). С обеих сторон на черневом фоне вырезан фантастический зверь со сложным узлом плетенки вместо хвоста. Сквозь дужку колта продето кольцо с тисненой полуцилиндрической колодочкой.

6) Колодочки серебряные — 30. Первоначально они составляли цепи, на которых висели колты. Каждая колодочка представляет собой полый полуцилиндрик с поперечными бороздками.

7) Колты серебряные звездчатые — 8 (один в мелких обломках)[9]. Грушевидные лучи покрыты сплошной зернью (каждый шарик посажен в проволочное колечко) и заканчиваются крупными полыми шариками. Колты образуют четыре пары: два шестилучевых, остальные семилучевые (верхние два луча образуют фигуру, подобную лунице). Семилучевые колты различаются размерами и оформлением концов лучей (у двух экземпляров шарики на горлышках).

8) Браслеты серебряные массивные — 2. Каждый сплетен из шести проволок. На концах браслетов стеклянные вставки в оправах, обрамленных крупной зернью.

9) Подвеска серебряная с полым коническим верхом и свисающими цепочками. Сохранилось только две цепочки с круглыми и каплевидными полыми привесками, украшенными зернью и скань[10].

10) Височные кольца серебряные трехбусинные — 8.

---

[7] Сообщения о раскопках жилищ в данной статье носят предварительный характер. Им будет посвящена специальная публикация.

[8] В 1973 г. найдена пятая гривна, относящаяся к тому же кладу.

[9] В 1973 г. найден девятый колт.

[10] В 1973 г. найдена третья цепочка.

Рис. 4. Часть вещей из клада 1970 г. Звездчатые колты и трехбусинные височные кольца

11) Кресты каменные — 4. Один — большой темно-зеленого цвета и три — маленькие. На концах крестиков серебряные оправы, покрытые зерневыми ромбами и треугольниками.
12) Фрагмент парчовой ткани.
13) Маленькая золотая пластинка Г-образной формы.
14) Бусины горного хрусталя круглые — 2.
15) Бусины сердоликовое бипирамидальные — 2.
16) Бусины стеклянные — 3. Одна круглая и две синие граненые [11].

Старорязанское городище буквально усеяно множеством погребений и кладбищ, иногда находящихся в непосредственной близости к жилищам. Значительная часть погребений относится ко времени татарского разгрома. Таково раскопанное на северном городище в 1968 г. кладбище. Покойники захоронены неряшливо, поспешно, по нескольку человек в одной яме. Погребения явно совершались в связи с массовой гибелью людей во время войны или эпидемии. В большинстве случаев датировать погребения очень трудно, они совершены по христианскому обряду и почти не содержат вещей, кроме отдельных украшений, обрывков тканей и т. п. Но в 1968 и 1970 гг. на южном городище (раскопы 7, 11, 13) было обнаружено кладбище XI в. н. э. с обрядом, обычным для курганных

[11] В 1973 г., кроме перечисленных вещей, найден слиток сплавленных серебряных изделий весом 250 г. Вещи разделить невозможно, но в слитке видны звездчатый колт, несколько серебряных бус и трехбусинных височных колец.

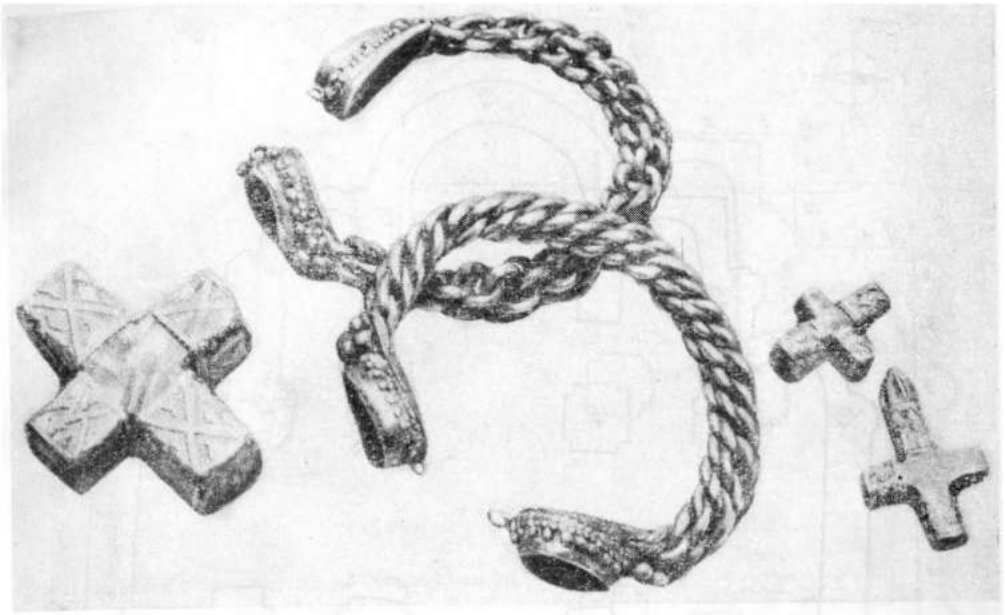


Рис. 5. Часть вещей из клада 1970 г. Кресты и браслеты

погребений, но редко встречающимся в городах: в ногах каждого покойника стоял горшок. Костяки лежали в вытянутом положении, на спине, головой на запад, в неглубоких могильных ямах. По краю могильных ям прослежены полоски древесного тлена, встречены гвозди от гробов. Найдены проволочные перстнеобразные и трехбусинные височные кольца, проволочные и пластинчатые перстни, подвеска в виде уточки, лировидные пряжки, ножи. По-видимому, до заселения этой части южного городища здесь был могильник. Насыпи не сохранились. Позже, в XII в. н. э. на месте могильника возник жилой квартал.

В 1968 г. Рязанская экспедиция предприняла повторные раскопки Спасского собора в Старой Рязани (руководитель работ архитектор М. Б. Чернышев). Эта церковь (одна из трех известных археологам и упоминаемых в летописи) была раскопана в 1888 г. А. В. Селивановым. Однако опубликованный им чертеж внушал большие сомнения. Для проверки данных Селиванова, а также в связи с необходимостью консервации остатков церкви, северную часть которой стал разрушать растущий овраг, мы произвели раскопки, результаты которых опубликованы в статье А. Л. Монгайта и М. Б. Чернышева «Спасский собор в Старой Рязани» [12]. Отсылая читателя к названной статье, все же вкратце сообщаю ее содержание.

[12] Новое в археологии. Сборник статей, посвященный 70-летию А. В. Арциховского. М., 1972, стр. 210—216.

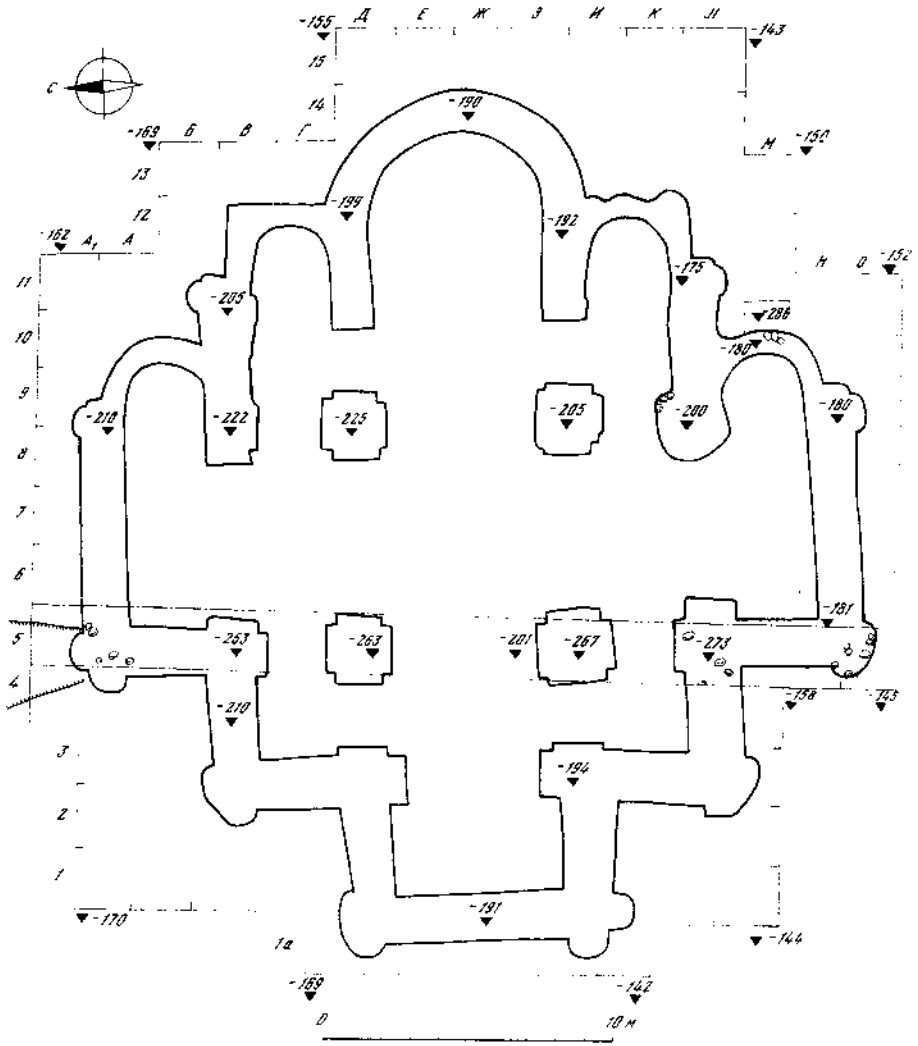


Рис. 6. План Спасского собора (по результатам раскопок 1968 г.)

Контрольные раскопки 1968 г. подтвердили предположение что план церкви, составленный в 1888 г., неверен. На самом деле, здание представляет четырехстолпный трехапсидный храм с тремя притворами (рис. 6; 7). Боковые апсиды, полукруглые внутри, снаружи имели прямые стены. Северный и южный притворы также имели в восточных частях алтарные полукружья. Снаружи стены обработаны сложными лопатками, для которых в фундаментных рвах сделаны специальные углубления. Фундаменты внутренних столбов крестчатые.

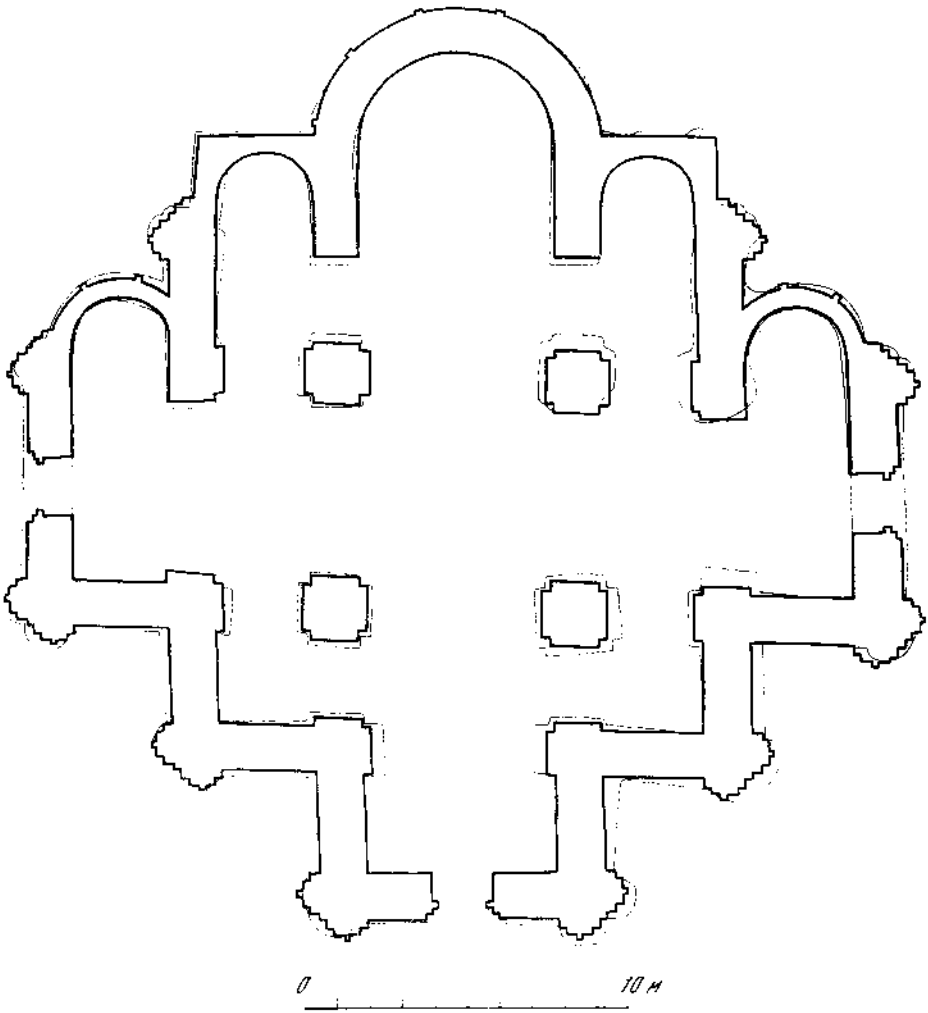


Рис. 7. Реконструкция плана Спасского собора (по М. Б. Чернышеву)

Длина здания составляет 28,7 м, ширина 26,9 м. Сторона квадрата четверика равна 18,2 м. Главный неф вдвое шире боковых. Ширина фундаментов основных стен в верхней части 1,6—1,7 м. В нижней части фундаменты несколько у́же за счет откосов. Глубина рва от поверхности материка 1,06 м. Ров на $^2/_3$ заполнен известняковым булыжником насухо. Верхняя треть рва залита известковым раствором с булыжником и обломками плинфы. Здание построено из плинфы.

Общая конфигурация здания и совокупность строительных приемов позволяют отнести время возведения церкви к рубежу XII—XIII вв.

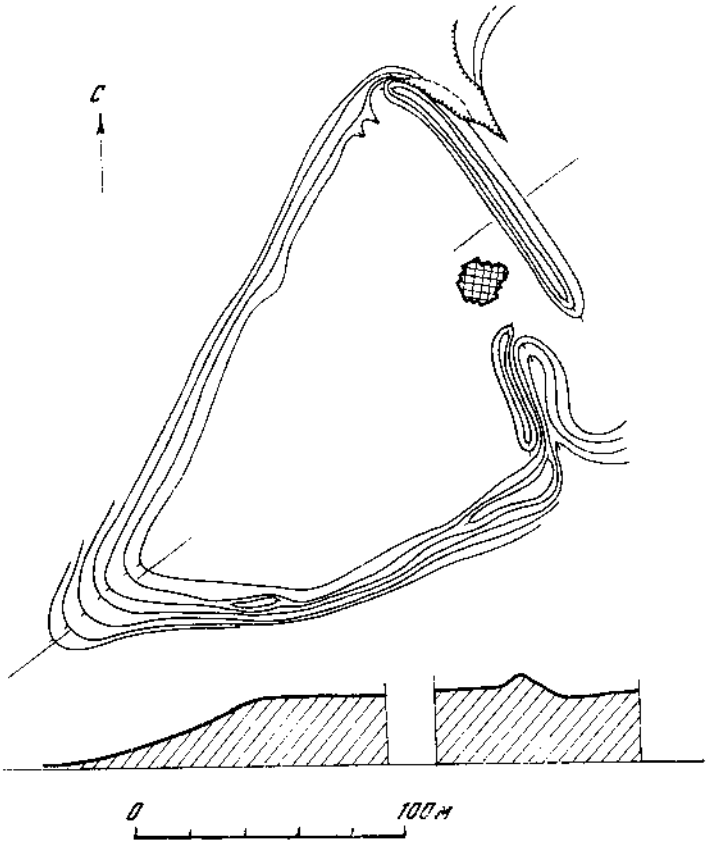
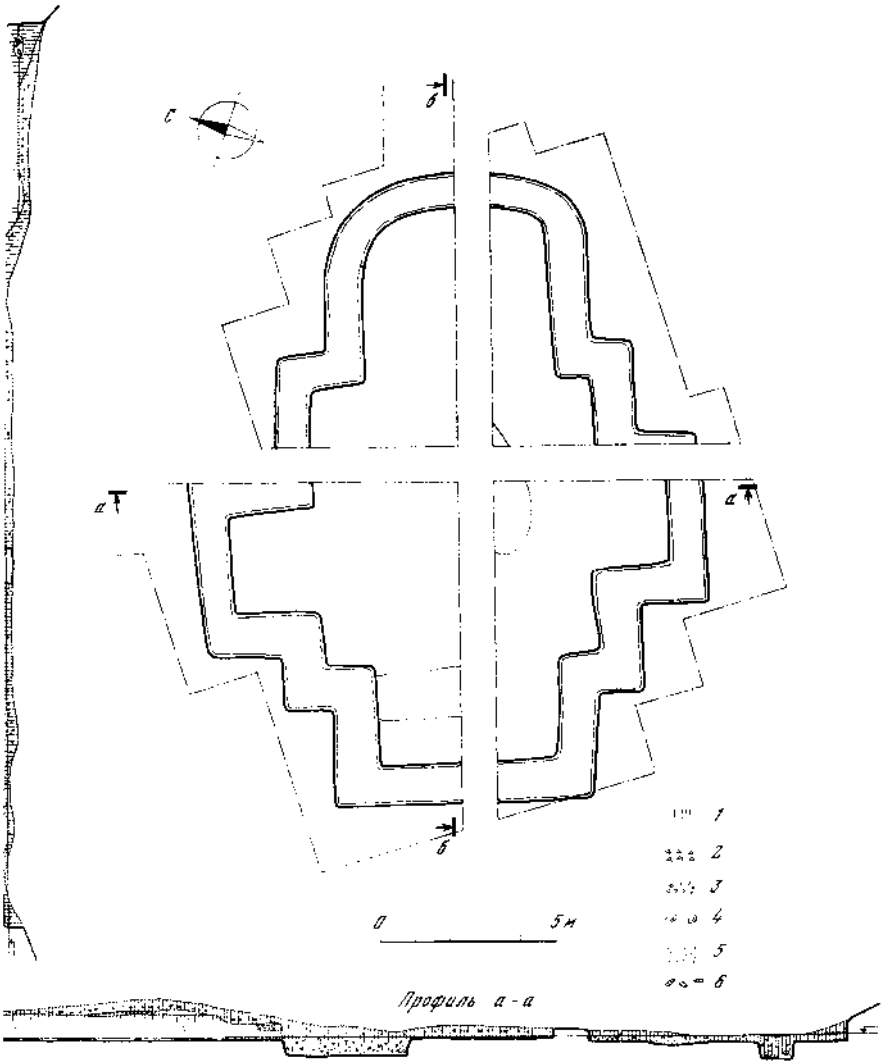


Рис. 8. План городища у дер. Никитино (Нового Ольгова городка). Обмеры 1970 г.

В 1970 г. отрядом Рязанской экспедиции (руководитель П. А. Раппопорт, архитектор М. Б. Чернышев) были произведены раскопки на городище у дер. Никитино, расположенном в устье Прони в 5 км от Старой Рязани. Есть основание отождествлять это городище с упоминаемым в Списке русских городов дальних и ближних «Новым городком Ольговым на усть Проне». Городище занимает мыс приблизительно треугольной формы, площадка которого поднимается над рекой на 20 м (рис. 8). Северо-восточная сторона городища, не имеющая естественных рубежей, была защищена валом и рвом. Вал состоит из двух самостоятельных отрезков, несколько заходящих друг за друга концами. Въезд имеет ширину около 12 м. Валы поднимаются над уровнем площадки городища на 3—4 м. Общая площадь городища 1,3 га. Раскопки показали, что до создания здесь русского укрепленного поселения, площадка мыса была занята населением, относившимся к городецкой культуре. На городище было заложено несколько шурфов, обнаруживших культурный слой



План церкви Нового Ольгова городка

ит; *2* — щебень плинфы; *3* — раствор; *4* — кампи; *5* — сулесь; *6* — крицы

XIII вв. Слой этот очень тонкий, сильно распаханный, поэтому емных жилищ, некогда стоявших на площадке крепости, сохра- лишь слабые следы и остатки глинобитных печей.

въезда на городище стояла кирпичная церковь конца XII—на- XIII в., подвергшаяся в 1889 г. весьма несовершенным раскопкам е А. В. Селиванова. Мы решили произвести контрольные раскопки.

Церковь оказалась полностью разобранной, включая фундаменты. План ее удалось, однако, точно проследить, по сохранившимся фундаментным рвам. В общем он близок к опубликованному Селивановым. Храм имел квадратный план с крестообразно примыкающими выступами (рис. 9). Общая длина здания 18,09 м, ширина 14,39 м. В отчете А. В. Селиванова указана необычайно большая ширина стен — 2,5 аршина, т. е. почти 1,8 м. В действительности, судя по ширине фундаментов (1 м), толщина стен была намного меньше. По-видимому, А. В. Селиванов сделал свой вывод потому, что в уровне основания стен существовала вымостка в один или несколько рядов кирпичей. Фундаменты были сделаны из белого известняка, камни положены насухо и только в верхней части политы раствором. Стены были сложены из плиточного кирпича на цемяночном растворе. Судя по находкам фигурных кирпичей, можно предположить наличие маленьких декоративных полуколонок.

По-видимому, церковь представляла собой объемную ступенчато-башнеобразную однокупольную постройку, бесстолпный вариант Спасской церкви в Старой Рязани или Георгиевского собора в Юрьеве-Польском [13].

Для сохранения следов церкви рвы были засыпаны речным песком и залиты раствором. Эта работа, так же как и консервация фундаментов Спасского собора в Старой Рязани, была осуществлена Рязанской специальной научно-реставрационной мастерской.

Работы Рязанской археологической экспедиции в последующие годы будут связаны главным образом с изучением Старорязанского городища и созданием здесь археологического заповедника. Однако предполагаются работы и на других объектах: рязанских могильниках, финских и славянских городищах, а также в Переяславле-Рязанском (современном городе Рязани).

---

[13] Подробную публикацию памятника см.: *А. Л. Монгайт, П. А. Раппопорт, М. Б. Чернышев.* Церковь Нового Ольгова городка. — Сб. Культура средневековой Руси. Л., 1974.

В. П. Даркевич

Раскопки на Южном городище Старой Рязани (1966—1969 гг.)

С 1966 г. основные археологические работы на Южном городище Старой Рязани сосредоточились в его прибрежной части — на раскопе 7. Выбор места раскопа на краю высокого обрывистого берега Оки был неслучаен (рис. 1). При зачистке обнажения берега здесь был выявлен толстый слой пожарища с включениями обломков кирпича. В 1969 г. вскрытая площадь достигла 450 кв. м при толщине культурного слоя от 0,5 до 2,8 м в местах углубленных в землю сооружений. Все культурные напластования относятся к четко выделяемым двум строительным периодам. Каждому из них в профилях соответствует угольно-зольный слой пожара. Верхний горелый слой датируется точно: 21 декабря 1237 г. Рязань была взята штурмом и сожжена войсками Батыя. В огне татаро-монгольского нашествия погибла городская феодальная усадьба первой трети XIII в., исследованная раскопками. Ее открытие, первое за всю историю археологического изучения Старой Рязани, обогащает наши представления о материальной и духовной культуре богатого боярского двора накануне татаро-монгольского завоевания.

Хоромы рязанского боярина XIII в.

На глубине 0,3—0,4 м от современной поверхности были обнаружены остатки большого дома в виде развала необожженной и обожженной глины, обломков кирпича и горелого дерева: золы, угля, обгоревших дубовых бревен (рис. 2) [1]. По границам пожарища (толщина слоя 0,2—0,3 м) были определены контуры и размеры постройки, вытянутой вдоль линии берега. Ее длина достигала 13 м [2], ширина неизвестна, так как край берега разрушен оползнями, но не менее 7 м. По аналогии с большими домами XII—начала XIII в. в окольном городе Новогрудка [3] можно считать,

[1] Определение пород дерева сделано Г. Н. Лисицыной.

[2] Длина стен 11—12 м обычна для построек в нижних слоях новгородского Неревского раскопа (XI—XII вв.). Самые длинные бревна достигали 13 м (*И. И. Засурцев.* Усадьбы и постройки древнего Новгорода. — Труды Новгородской археологической экспедиции, т. IV. МИА, № 123, 1963, стр. 19, 50). Длинные стены (11 м) одного из домов в Новогрудке состояли из двух бревен, соединенных «внахлестку» (*Ф. Д. Гуревич.* О жилищах окольного города древнего Новогрудка. — КСИА, 87, 1962, стр. 70, рис. 23).

[3] *Ф. Д. Гуревич.* О жилищах окольного города. . .; *Она же.* Дом боярина XII в. в древнерусском Новогрудке. — КСИА, 99, 1964.

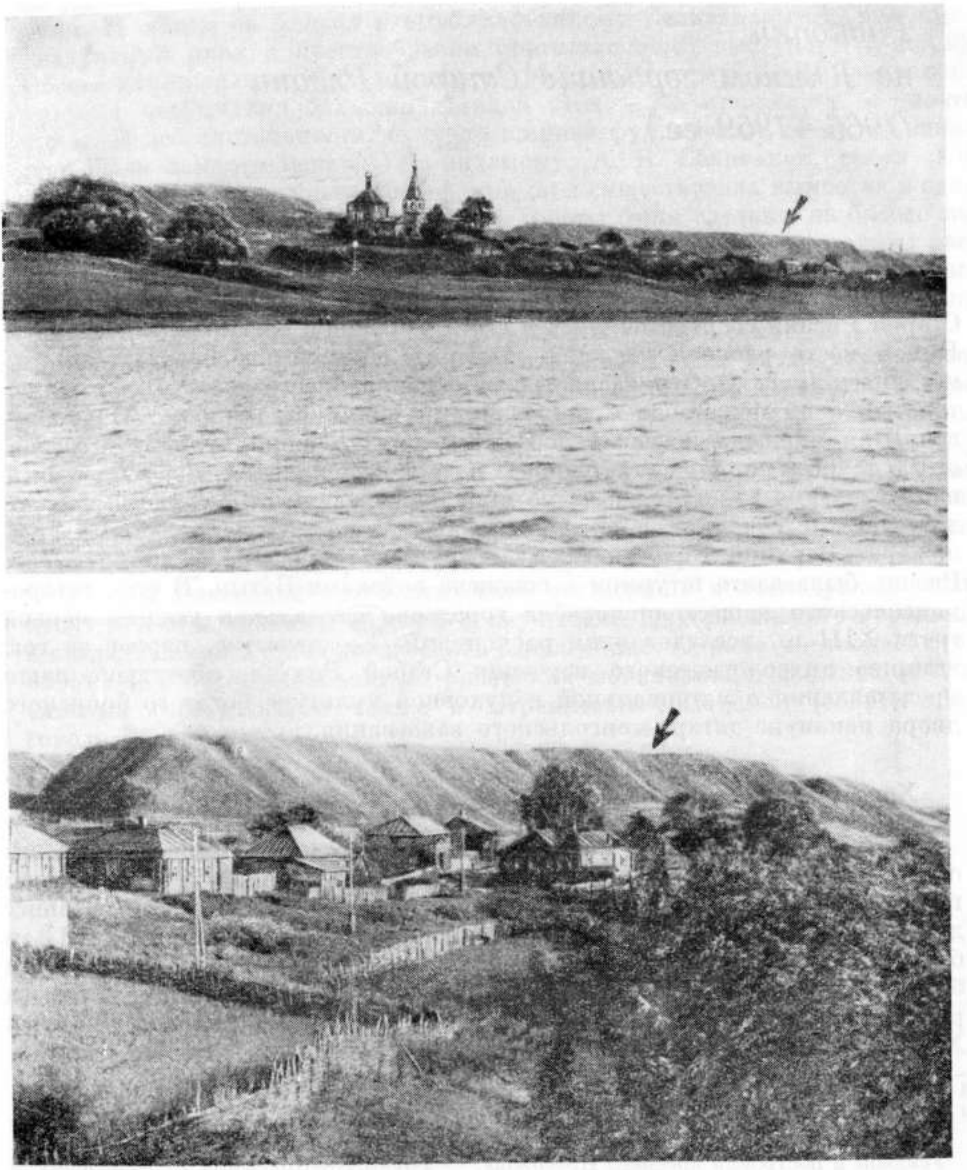


Рис. 1. Вид Старорязанского городища со стороны Оки (стрелкой показано место раскопа 7, внизу дер. Старая Рязань)

что прямоугольное в плане здание (примерные размеры 12×7—8 м) занимало площадь около 100 кв. м[4]. Оно представляло собой наземный сруб, венцы которого полностью сгорели. На уровне пола найдены куски глиняной обмазки с отпечатками дерева: бревна по пазам и трещинам были обмазаны глиной. На полу и в горелом слое собрано много кованых гвоздей, которыми крепились некоторые деревянные части здания. Пол жилища, как в украинских хатах, был покрыт желтой глиной толщиной 1—3 см (в основании печи 15 см). По плотности и цвету она напоминает материк, но включает угольки, кусочки обожженной глины, обломки кирпичей и гончарной посуды. Тот же тонкий глинистый слой прослежен почти по всей площади раскопа. Он одновременен постройке здания и представляет собой утрамбованную и выровненную площадку вокруг дома (в пределах двора-усадьбы?). Кровля здания могла быть двускатной, крытой тесом или дранью. Кусочки оплавившегося свинца и листовой меди, очень мелкие и немногочисленные, не имеют отношения к кровельному материалу.

Внутренней, разделяющей дом перегородки проследить не удалось, но она, по-видимому, была, судя по большим домам-пятистенкам, открытым в Новогрудке, Новгороде, Пскове и других местах. О внутреннем членении постройки свидетельствует и местоположение печи, которая в больших домах Новогрудка (XII—начало XIII в.), как правило, стоит в углу их жилой половины [5]. На Неревском раскопе в Новгороде около 95% печей располагалось в одном из углов дома [6]. Таким образом, срубная постройка Рязани была двухкамерной и состояла из основного отапливаемого помещения и холодного неотапливаемого, которое примыкало к камере с печью во всю длину ее дверной стены (рис. 2). П. И. Засурцев называет узкое отделение сруба богатого новгородского жилища «сенями» и считает, что оно служило теплозащитным тамбуром перед входом в жилище [7]. Согласно Ю. П. Спегальскому, эта часть дома, отделенная рубленой бревенчатой стеной, — не сени, а спальное помещение [8]. Такие помещения встречены во всех больших и наиболее богатых домах древнего Новгорода, где они особенно характерны для XI и XII вв.[9]

В парадной половине дома сохранилось основание большой кирпичной печи (рис. 3 и 4). Как в постройках южновеликорусской планировки, печь была расположена в переднем углу, слева от двери в «сени» (?) [10]. Стенки

---

[4] В Новгороде площадь домов возросла до 100 и более кв. м в XII в. (*П. И. Засурцев.* Усадьбы и постройки. . ., стр. 59).

[5] *Ф. Д. Гуревич.* О жилищах окольного города. . ., стр. 70, рис. 23, 24; *Она же.* Дом боярина. . ., стр. 97, рис. 40.

[6] *П. И. Засурцев.* Усадьбы и постройки. . ., стр. 29.

[7] Там же, стр. 52.

[8] *Ю. П. Спегальский.* Жилище Северо-Западной Руси IX—XIII вв. Л., 1972, стр. 96 и сл.

[9] *П. И. Засурцев.* Усадьбы и постройки. . ., стр. 52, рис. 19.

[10] Ср. план украинской хаты — с. Медвин на Киевщине (*Е. Э. Бломквист.* Крестьянские постройки русских, украинцев и белорусов. — Восточнославянский этнографический сборник. М., 1956, рис. 46, *4*). На Украине печь обычно ставили в левом углу от входа (там же, стр. 230). Так же расположены печи в больших домах Новогрудка. Они примыкали к поперечной перегородке, делящей площадь дома на две половины (*Ф. Д. Гуревич.* О жилищах окольного города. . ., рис. 23, 24).

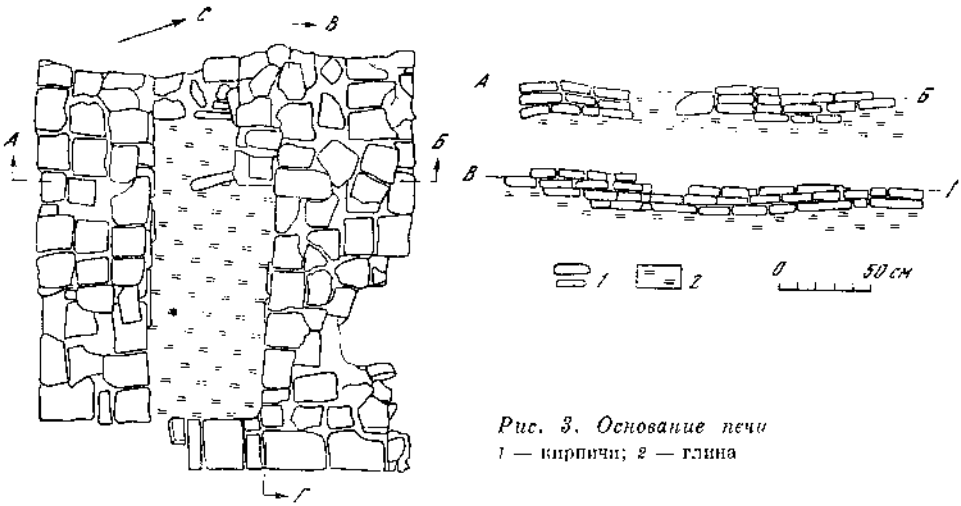


Рис. 3. Основание печи
1 — кирпичи; 2 — глина

печи выложены из кирпичей на глиняном растворе (толщина швов до 1 см). Кладка образует почти правильный квадрат (наружный размер печи 2,1×2,3 м) и сохранилась в высоту и ширину от одного до четырех рядов кирпичей. Полость внутри кладки размером 0,8×1,5 м была забутована утрамбованной глиной. Устье печи, видимо, выходило на запад — в сторону дверного проема (печи ставили ближе к двери, чтобы быстрее выходил дым). Кладка состоит из обломков кирпичей разнообразных форм и размеров, преимущественно квадратных (20×20×6 см) и прямоугольных (27—30×18—20×6—7 см; 29×14×6 см). Использованы и фигурные кирпичи: трапециевидные и полукруглые. Кирпичи близких размеров находим в кладке старорязанских храмов XII в., исследованных археологами [11]. Для печи могли быть специально подобраны кирпичи большей толщины. В архитектурных памятниках кирпичи толщиной 5,5—6 см встречаются только со второй половины XII в.[12] Вторичное использование кирпичей маловероятно (на них нет следов раствора), скорее это производственный брак. Сохранность кирпичей плохая, они расслаиваются. Многочисленные обломки кирпичей от печи образуют бесформенный развал на уровне пола здания. На одном из сильно прокалившихся обломков нанесен знак «вавилона» из трех вписанных квадратов, пересеченных диагональной линией (рис. 5). На торце другого кирпича оттиснуто рельефное клеймо в виде двух поперечных полос. В слой глины под печью случайно попала поливная плитка для пола (9,5×9,5×3 см). От долгого пребывания в земле полива приобрела грязно-зеленый цвет.

Печи из кирпича обнаружены в более богатых жилищах XII—начала XIII в.[13] при раскопках Дмитровского и Пронского городищ.

[11] *А. Л. Монгайт.* Старая Рязань. — МИА, № 49, 1955, стр. 129.
[12] *Н. Н. Воронин.* Древнее Гродно. — МИА, № 41, 1954, стр. 139.
[13] *Н. П. Милонов.* Славянские жилища по данным археологических раскопок Пронского городища. Рязань, 1931; *Он же.* Дмитровское городище (Кремль города Дмитрова). — СА, IV, 1937, стр. 154, 161.

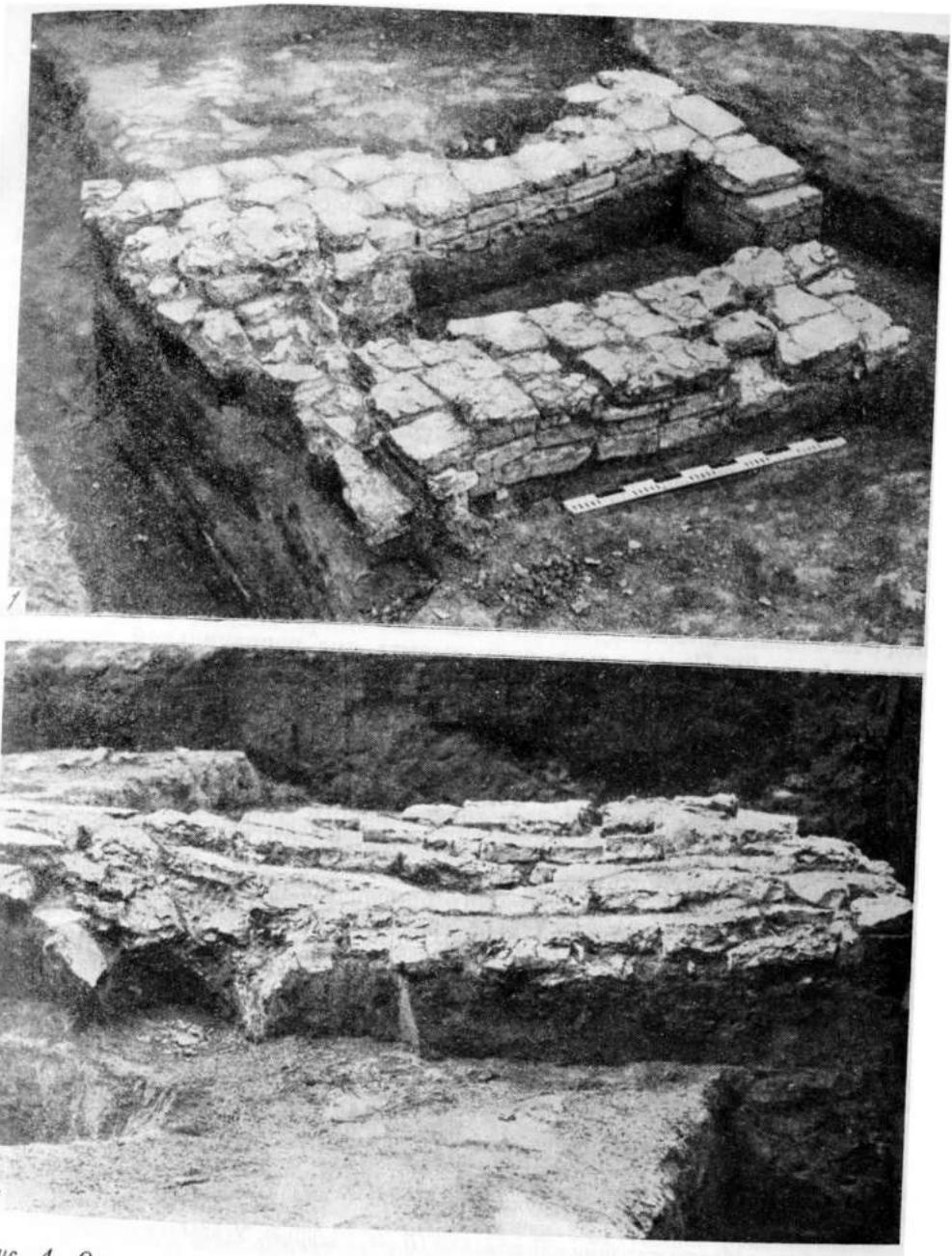


Рис. 4. Основание кирпичной печи
1 — вид сверху (с южной стороны); *2* — вид сбоку (с северной стороны)

Рис. 5. Кирпич со знаком «вавилона»

По форме, размерам и конструкции печь рязанского дома напоминает печи больших жилищ окольного города Новогрудка. Они были сооружены из камней на глине и окаймлены рядом кирпичей [14]. В углу одной из построек стояла глинобитная печь с кирпичным подом и устьем, окаймленным обычным и лекальным кирпичом [15]. Те же размеры (2×2 м), но иную конструкцию имели печи в больших домах древнего Новгорода [16].

Прямоугольное помещение в северо-восточном углу холодного отделения сруба (2,5×2 м) на 0,3—0,4 м ниже уровня пола основной части дома (рис. 2). В углах и вдоль стенок выявлены ямы от больших столбов (диаметр 0,4 м, глубина 0,7—1 м) [17]. В восточной земляной стенке был вырезан маленький очажок в виде своеобразного подбоя. Он углублен в стенку до 0,4 м при ширине устья 1 м и высоте 0,5 м. Свод ниши и под очага были обмазаны глиной, заполнение состоит из прослоек угля и золы (рис. 2). Перед ним в полу вырыта яма неправильной формы и глубиной 0,4 м. В этом отгороженном от сеней чулане найдено два десятка замков и ключей, много гвоздей и свитков бересты. Небольшие чуланы, отгороженные в дальнем конце холодной части здания, известны в новгородских постройках [18]. Выделение в сенях перегородками кладовки-чулана для хранения разных домашних вещей и провизии характерно для восточнославянского крестьянского жилища, в частности украинской хаты [19]. Судя по наличию очажка, это помещение в рязанском доме могло служить и сторожкой.

В северо-западном углу холодного помещения находилась подпольная яма для хранения зернового хлеба (размеры 2×1,6 м, глубина 0,8 м). Внутри большой овальной ямы вырыта меньшая, диаметром 0,9 м (рис. 2). Отвесные стенки ямы обмазаны глиной. На дне обнаружены остатки зерна.

---

[14] *Ф. Д. Гуревич.* О жилищах окольного города. . ., стр. 70, 73, рис. 24, 25.

[15] *Ф. Д. Гуревич.* Дом боярина. . ., стр. 97, 101, рис. 40. Печи, сложенные из кирпича и глины, упоминаются в русских былинах. Дюк Степанович говорит князю Владимиру: «Печки у тебя биты глиняны, а подики кирпичные». Эти печи имели особые трубы — «дымоловки» — для выхода дыма (там же, стр. 101).

[16] *П. И. Засурцев.* Усадьбы и постройки. . ., стр. 31, 59.

[17] В Новгороде столбовую конструкцию чаще всего имели сени и различные хозяйственные постройки. Основу конструкции составляли угловые столбы с пазами, стены были забраны жердями или плахами (*П. И. Засурцев.* Усадьбы и постройки. . ., стр. 20).

[18] Там же, стр. 52, рис. 8, *3*.

[19] *Е. Э. Бломквист.* Крестьянские постройки. . ., стр. 146, 156, рис. 26.

После гибели здания в заполнение ямы попало много костей животных, обломков посуды и стеклянных браслетов [20].

У северо-восточного угла дома находились срубные постройки хозяйственного назначения, открытые в виде развала обгоревших дубовых бревен, углей и обожженной глины (рис. 2). Они представляли собой несколько примыкавших друг к другу маленьких наземных клетей (не менее трех). Размеры одной из клетей 1,7×1,7 м при толщине бревен 0,2 м. Пазы бревен с обеих сторон были обмазаны слоем глины толщиной до 3 см. Ниже бревен от стен в нескольких местах прослежены остатки пола клетей: обугленные доски толщиной 2 см пригнаны вплотную друг к другу. В клетях найдены скопления обугленных зерен (запасы зерна невелики) [21], обломки бороздчатых амфор и пифосов, фрагмент обгоревшего кленового сосуда, в котором хранили зерно, две косы-горбуши, замок и ключ, медный крест-энколпион. Холодные клети, примыкавшие к главному зданию, служили амбаром для сельскохозяйственных продуктов и кладовой для инвентаря. В новгородских усадьбах неотапливаемая клеть располагалась в непосредственной близости от жилого помещения. Часто она соединялась с домом сенями. В клети хранили различное имущество, утварь, хлебные запасы, в летнее время она могла служить жильем. Размеры клетей невелики, но пол в них настилали обязательно [22]. Если в украинских хатах дощатые полы — редкость, то в каморах и амбарах они были необходимы, чтобы хлеб не отсырел и не был поеден мышами [23]. Амбар без подполья, стоящий прямо на земле, но всегда с деревянным полом, преобладает в зоне распространения наземного жилища [24].

---

[20] Архаический способ хранения зерна в ямах еще недавно существовал на Украине (в Черниговской и Сумской областях) и в Курской области (б. Путивльский уезд). Яму выкапывали в форме кувшина. Стенки, тщательно вымазанные глиной, обжигали соломой, либо обивали берестой при помощи мелких колышков. После заполнения зерном яму закрывали плотно пригнанной дощатой крышкой и сверху засыпали землей. Зерно в такой яме сохранялось десятками лет (*Е. Э. Бломквист.* Крестьянские постройки. . ., стр. 314).

[21] Н. А. Кирьянова в лаборатории Института археологии АН СССР исследовала восемь находок зерна из раскопок Старой Рязани. Состав культур характерен для древнерусских памятников XIII в. Найдены зерна ржи (13 155 зерен), овса (545 зерен), пшеницы мягкой (60 зерен), гороха (12 зерен) и пленки проса. Рожь составляет 95% всего количества зерен. По приведенным данным нельзя судить о соотношении возделывавшихся культур. Но значение ржи в составе хлебов прослеживается четко. В XIII в. на Руси она была основной продовольственной культурой. Распространено было также просо (много проса найдено при раскопках Переяславля-Рязанского). Большое количество овса объясняется, вероятно, тем, что его употребляли как фуражную культуру для содержания конного войска (много овса найдено в Старой Рязани в 1949 г.). Подобная картина наблюдается на ряде памятников XII—XIII вв., расположенных на границе со степью. Роль других зерновых культур в находках отражена слабо, но мягкая пшеница и горох, несомненно, имели известное значение. Не представлены зерна ячменя (в раскопках 1949 г. зерна ячменя найдены), но он, безусловно, имелся в культуре. Семян сорных растений немного (четыре находки). На основании количественного и видового состава сорняков можно говорить только о возделывании хлебов на старопахотных почвах.

[22] *И. И. Засурцев.* Усадьбы и постройки. . ., стр. 25, 27.

[23] *Е. Э. Бломквист.* Крестьянские постройки. . ., стр. 232.

[24] Там же, стр. 313.

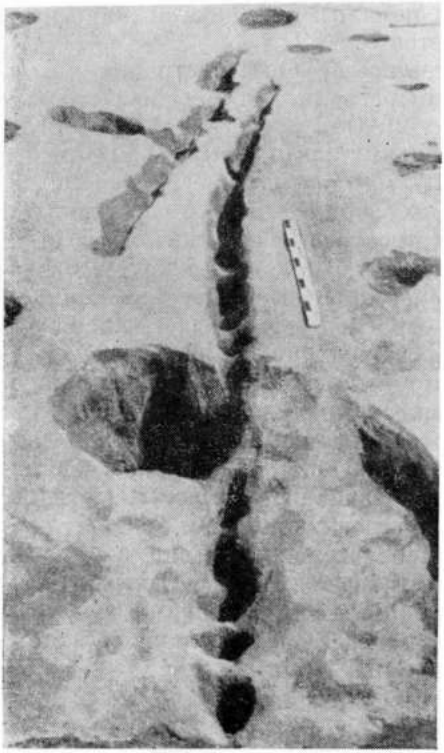


Рис. 6. Двор усадьбы. Столбовые ямки от частокола

С юга к зданию примыкала прямоугольная срубная постройка, от которой сохранились обожженные бревна нижнего венца диаметром 0,2—0,25 м. Ее размеры 3×2 м, южная стенка не прослежена (рис. 2). Отсутствие в этой части раскопа покрытия из глины и темная окраска культурного слоя (от навоза?) позволяют предположить, что пристройка служила хлевом или конюшней. Рядом могли находиться столбовые конструкции легкого типа — стойла для содержания скота. В Новгороде характерная особенность построек, в которых содержали скот, — их небольшие размеры (в одном случае 4,1×2,6 м, в другом — 3,2×2,8 м) [25].

Неподалеку от скотного двора (?) находилась хозяйственная яма диаметром 1,5 м при максимальной глубине 0,9 м (рис. 2). Ее стенки слегка расширяются книзу. Дно разделено надвое рядом из восьми столбовых ямок диаметром 0,1 м, яма была перегорожена стенкой из жердей. Одна ее половина плавно повышается по отношению к другой. Стенки и дно ямы обмазаны глиной, верхний край оконтуривают угольки, возможно от сгоревшей дощатой крышки. В рыхлом заполнении встречено много костей животных, рыбья чешуя, обломки глиняной посуды XII—XIII вв.

Территория двора, расположенного к востоку от жилого комплекса, была покрыта тонким слоем плотной материковой глины и выровнена [26].

Вдоль длинной выемки, оставленной бревном (полуовальной в поперечном разрезе), идут столбовые ямы диаметром 0,3—0,5 м. Возможно, это следы ограды двора. В пазы вкопанных столбов были вставлены жерди или плахи (рис. 2).

Можно предположить, что со стороны двора к дому примыкала галерейка на столбах, от которых остались ямы (рис. 2). Примерная ширина

---

[25] *П. И. Засурцев.* Усадьбы и постройки. . ., стр. 82.

[26] При нивелировке площадки двора были засыпаны две большие хозяйственные ямы овальной формы глубиной до 1,5 м. Их материковые стенки и дно, образующее ступеньку, местами обожжены. На дне одной ямы прослежен слой угля толщиной 2—3 см, возможно от сгоревшей деревянной крышки. Засыпка ям насыщена строительным мусором — кирпичным ломом и кусочками известняка, а также углем, кусками обожженной глины, костями животных, обломками посуды XII—XIII вв.

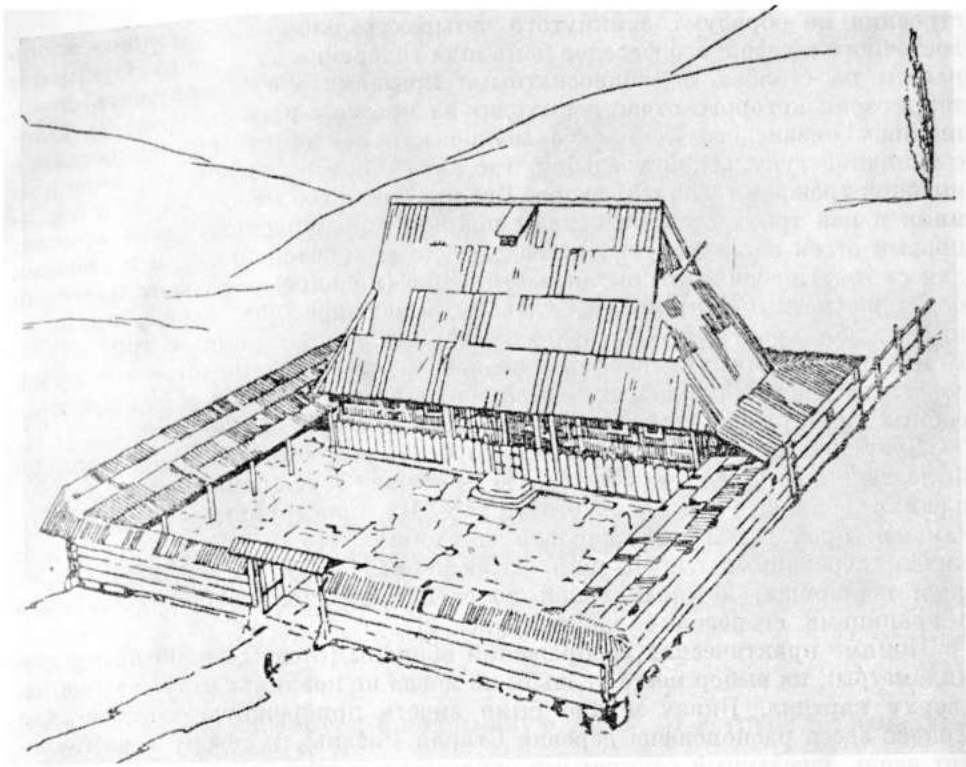


Рис. 7. Гуцульская усадьба (по Е. Э. Бломквист)

галерейки 3,5 м. Вероятно, она была покрыта продолжением свеса кровли. Рядом с предполагаемой галерейкой замечены следы частокольной стенки из вертикально вкопанных бревен диаметром 0,1—0,15 м (рис. 6).

Планировка рязанского комплекса напоминает южновеликорусский тип застройки крестьянских усадеб [27]. В глубине четырехугольного двора, окруженного оградой (?), стоял срубный дом владельца усадьбы, выделяющийся своими размерами. Кроме самого хозяина и его семьи, в нем, очевидно, проживали лица из непосредственного окружения феодала. Дом состоял из теплого помещения с печью и смежного с ним холодного отделения с отгороженным чуланом. С юга к зданию примыкали рубленые закутки для скота (?), с северо-востока — маленькие холодные клети-амбары. Расположение построек на усадьбе напоминает букву Г, т. е.

[27] Усадьбы с замкнутым четырехугольным двором были распространены к югу от Москвы во всех черноземных областях — Орловской, Брянской, Курской, Воронежской, Тамбовской, южной части Рязанской, Пензенской. На востоке они доходят почти до Волги, на севере захватывают южную часть Московской области, Тульскую, Калужскую и Смоленскую области (*Е. Э. Бломквист.* Крестьянские постройки. . ., стр. 186).

строения не образуют замкнутого четырехугольника. Возможно, вдоль восточного и северного фасадов дома шла галерейка на столбах. Открытые навесы на столбах под односкатными крышами могли окружать двор, территория которого отчасти выходит за пределы раскопа (рис. 2). Планировку рязанского комплекса можно в какой-то степени сопоставить с типичной гуцульской усадьбой, где хата стоит в глубине окруженного высокой гра́ждой (оградой) двора. Все пространство между хатой и ближними к ней тремя стенами ограды покрыто продолжением свеса кровли: правый отсек занят клетью, слева и сзади находятся притули с хлевами для скота. Передняя открытая часть двора (подвире) окружена навесами под односкатными крышами: слева — помещение для овец, справа — навесы для хранения сельскохозяйственных орудий и дров (рис. 7) [28]. Комплекс хоромных строений рязанского феодала представлял собой сочетание многих составных частей из отдельных срубов и легких подсобных пристроек хозяйственного назначения.

Боярский дом, стоявший на краю береговой возвышенности, можно было видеть издалека. Он вплотную примыкал к оборонительным сооружениям верхнего строительного яруса. Их конструкция пока неясна, так как край городища разрушен оползнями. Но о существовании каких-то деревянных укреплений, сгоревших в 1237 г., свидетельствует слой пожарища, который узкой полосой идет вдоль берега, смыкаясь с границами сгоревшего здания (рис. 2).

Помимо практических соображений обороны (отсюда видно на многие километры), на выбор места усадьбы не могла не повлиять открывающаяся сверху картина. Внизу можно было видеть прибрежную часть посада (сейчас здесь расположена деревня Старая Рязань), к северу и югу уходит вдаль изрезанный глинистыми оврагами высокий берег Оки, за рекой раскинулись широкие просторы заливных лугов с рассыпанными по ним многочисленными озерцами. На горизонте голубеют сосновые леса Мещерского края.

Клады

Усадьба сгорела в отсутствие хозяев, о чем свидетельствуют находки дверных замков, висевших на петлях. Но прежде чем покинуть свое жилище, они закопали в землю наиболее ценные вещи. Три клада женских украшений из серебра, найденных возле дома, говорят о богатстве обитателей усадьбы. Клады были зарыты второпях в твердой смерзшейся земле и поэтому неглубоко (0,25—0,4 м).

Клад 1 найден в 1966 г. на глубине 0,25 м в 5 м к северу от дома (рис. 8) [29]. Вещи были сложены компактно (денежные слитки внутри бра-

---

[28] *Е. Э. Бломквист.* Крестьянские постройки. . ., стр. 195, рис. 39.

[29] Многочисленные публикации клада в научных и популярных изданиях избавляют нас от необходимости его подробного анализа. См.: *В. П. Даркевич, А. Л. Монгайт.* Старорязанский клад 1966 г. — СА, 1967, № 2; *А. Л. Монгайт.* Художественные сокровища Старой Рязани. М., 1967, стр. 12—13, рис. 19—21 и др.

Рис. 8. Клад 1 (1966 г.)

слетов) и плотно завернуты в полотняную ткань, от которой сохранились небольшие фрагменты [30].

В состав клада входили: 1) палочкообразный слиток серебра новгородского типа; 2) шестиугольный слиток серебра киевского типа; 3) витой серебряный браслет, характерный для вятического комплекса курганных украшений; 4) витой серебряный браслет того же типа; 5) два серебряных с чернью и позолотой браслета, состоящие из двух полукруглых створок на шарнирах. Изображения обрамлены позолоченной серебряной проволокой, образующей арочки и прямоугольные клейма. Фигуры в клеймах гравированы мелкозубчатыми линиями и оставлены в серебре, фон покрыт чернью. На одном браслете в средней арочке изображен музыкант в платье скомороха, играющий на больших пятиструнных гуслях. Под арочкой справа от гусляра сидит пирующий скоморох с дудкой в руке. По другую сторону от гусляра пляшет девушка, одетая в рубаху с рукавами до пят. У ног танцовщицы показана звериная маска. На второй створке браслета в средней арочке помещен грифон, в боковых — сирины. Над грифоном в отдельных клеймах — две симметричные птицы. На втором браслете в прямоугольные обрамления вписаны драконы, грифон, лев и S-видные растения. Эти украшения были исполнены между рубежом XII—XIII вв. и 1237 г. Основой для датировки служит орнамент, близкий по стилю владимиро-суздальской скульптуре позднего этапа. Как

[30] Мелкие обрывки парчовой ткани, вытканной золотыми нитками, найдены также на уровне пола здания.

и витые браслеты вятического типа, они, по-видимому, изготовлены рязанскими мастерами. Местное производство пластинчатых браслетов со сценами скоморошьих потех доказано находкой литейной формы в Сереиске [31].

Клад 2 найден в 1967 г. на глубине 0,3 м в глинистом слое покрытия двора [32]. Ориентиром мог служить юго-восточный угол здания, от которого клад закопан в 1,5 м. Вместе с вещами найдены обломки прямоугольных железных пластин со штифтами для крепления к деревянной основе. Вероятно, железом был окован ларец, куда были сложены драгоценности. Под воздействием сильного огня серебряные украшения разрушились (рис. 9). В реставрационной лаборатории ГИМ некоторые из них удалось частично восстановить.

В состав клада входили: 1) большая серебряная подвеска с полым коническим верхом и свисающими цепочками (рис. 10). Вероятно, она прикреплялась к женскому головному убору. Конусообразная верхушка с петлей, в которую продето кольцо для подвешивания, разбита на семь частей продольными полосками из крупной зерни. Каждая часть украшена ромбическим узором из зерни. Крупная зернь обрамляет и основание конуса, покрытое сканным узором из мельчайших проволочных колечек, припаянных друг к другу (рис. 10, *2*). От края конуса свешиваются семь цепочек, восьмая спускается внутри них — от центра основания верхушки. На каждую цепочку было нанизано по две круглые полые бляшки, украшенные по ободку зернью. На концы цепочек насажены ромбические полые подвески, украшенные по краю зернью. Аналогичные подвески хорошо известны по кладам, зарытым между 70-ми годами XII в. и 1240 г.

2) Низка из тисненых серебряных колодочек (рис. 11, *1*). Удалось восстановить и соединить 16 колодочек, но первоначально их было больше. Каждая колодочка представляет собой полый полуцилиндрик, состоящий из двух частей. К нижней плоской пластинке припаяна краями наружная выпуклая пластинка с поперечными бороздками — перехватами, образованными штампом. Каждый полуцилиндрик с обеих сторон имеет по три отверстия, через которые проходили соединительные льняные нити (их обрывки сохранились). На крайних колодочках припаяны петли с продетыми кольцами. Известны случаи, когда низки из колодочек находили в качестве ожерелий на шее [33] или нашитыми на очелье [34]. Мнение Б. А. Рыбакова, что на этих декоративных цепях («ряснах») к головному убору подвешивались колты [35], вызывало возражения Г. Ф. Корзухиной [36]. Сейчас найдены доказательства правильности предложенной Б. А. Рыбаковым реконструкции женского головного убора. Оказалось,

---

[31] *Т. И. Никольская.* Кузнецы железу, меди и серебру от вятич. — Сб. Славяне и Русь. М., 1968, стр. 126—128, рис. 1, *2*.

[32] *В. П. Даркевич, А. Л. Монгайт.* Старорязанские клады 1967 г. — СА, 1972, № 2, стр. 206—211.

[33] *Г. Ф. Корзухина.* Русские клады IX—XIII вв. М.—Л., 1954, стр. 54.

[34] *Б. А. Рыбаков.* Ремесло древней Руси. М., 1948, стр. 317.

[35] *Б. А. Рыбаков.* Ремесло. . ., стр. 317; *Он же.* Древности Чернигова. — МИА, № 11, 1949, стр. 58, рис. 23.

[36] *Г. Ф. Корзухина.* Русские клады. . ., стр. 53—54.

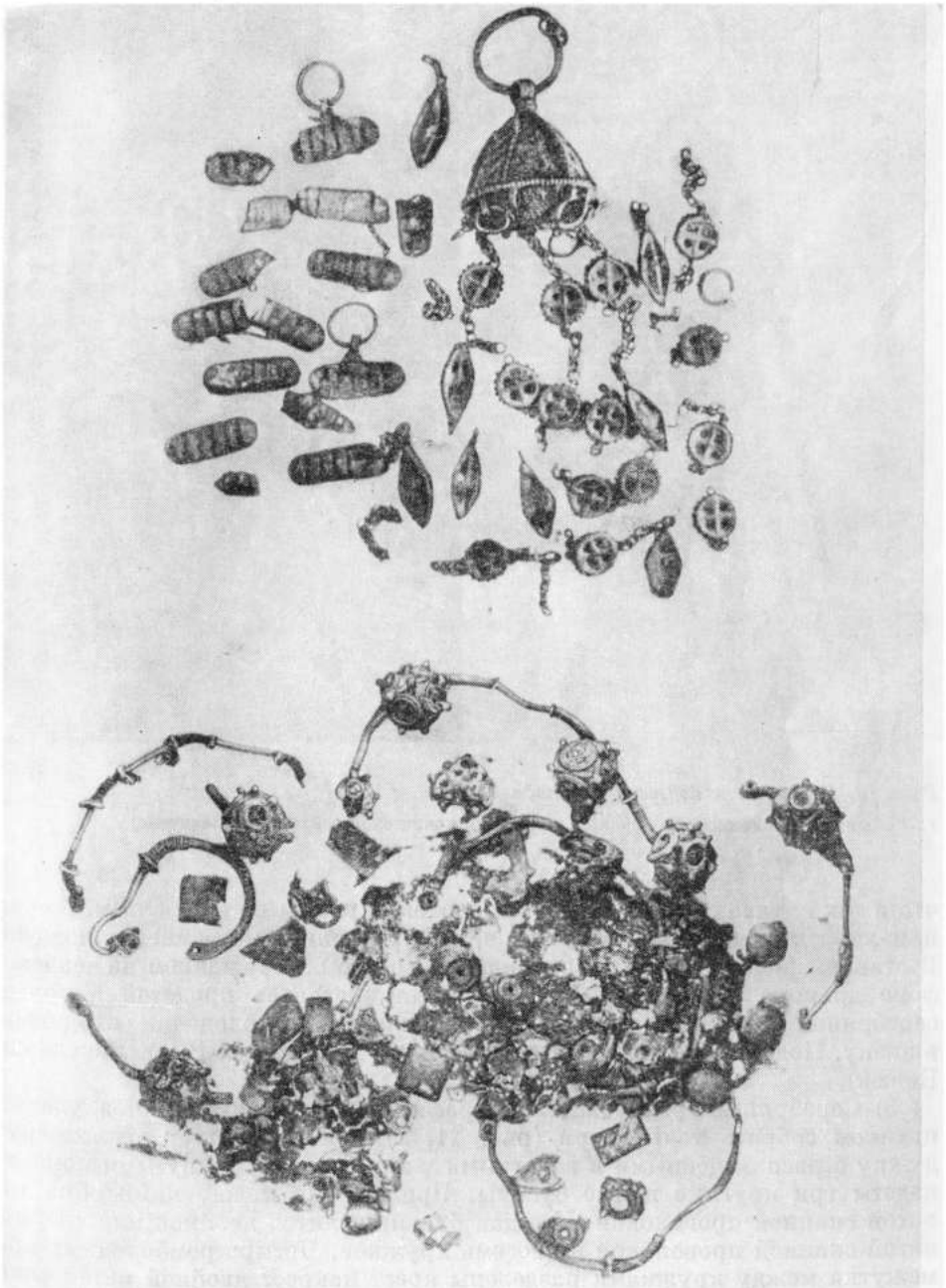


Рис. 9. Клад 2 (1967 г.) до реставрации

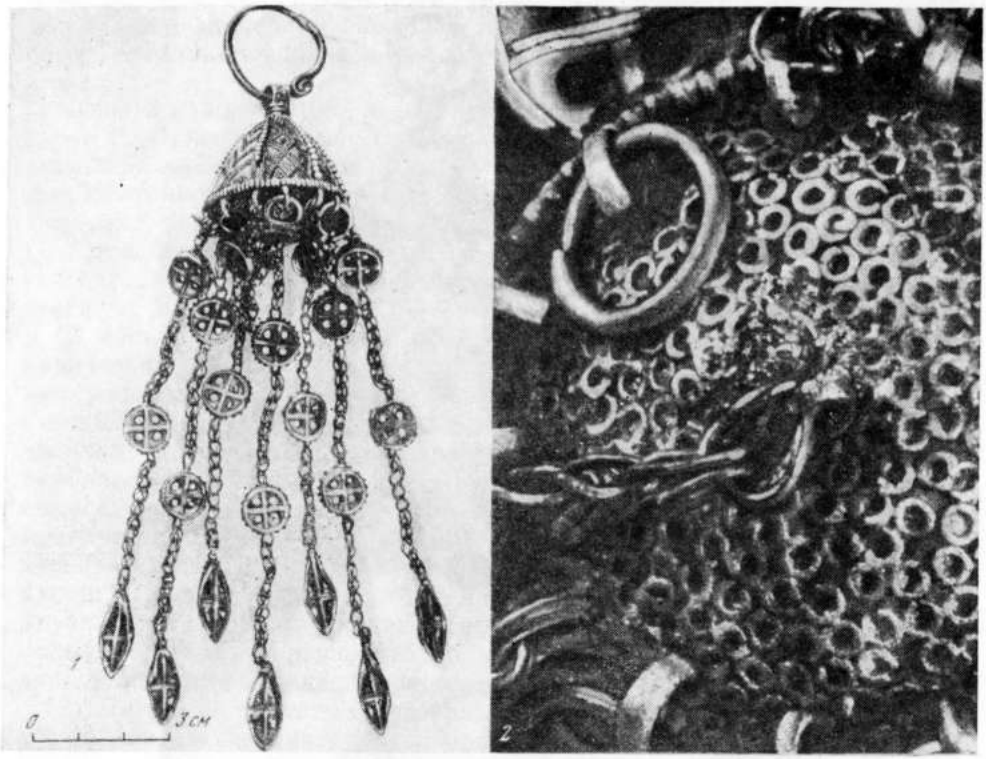


Рис. 10. Серебряная подвеска из клада 2

1 — общий вид подвески; *2* — скань в основании конической верхушки (увеличено)

что в тех случаях, когда низка колодочек служила не ожерельем, а «рясном», колт подвешивался на кольце, прикрепленном к крайней колодочке. В старорязанском кладе 1970 г. найден колт с изображением на черневом фоне дракона в плетенке. Дужка колта оказалась продетой в кольцо серебряной колодочки. Здесь же найдены и другие колодочки, входившие в низку. Подобные находки известны и в других городах Руси (Изяславль, Божск).

3) Серебряные трехбусинные «аграфы». Из семи экземпляров удалось целиком собрать только три (рис. 11, *2*). На изогнутую проволочную дужку с расплющенными и загнутыми в трубочки несомкнутыми концами надеты три круглые полые бусины. Промежутки между ними обмотаны витой сканной проволокой. Каждая бусина делится двойной или тройной витой сканной проволокой на восемь кружков. Четыре ромбовидных промежутка между кружками разделены крест накрест двойной витой сканной проволокой. На углы и в центр ромбов напаяны шарики зерни. Каждый шарик посажен в колечко из тончайшей сканной нити. Назначение

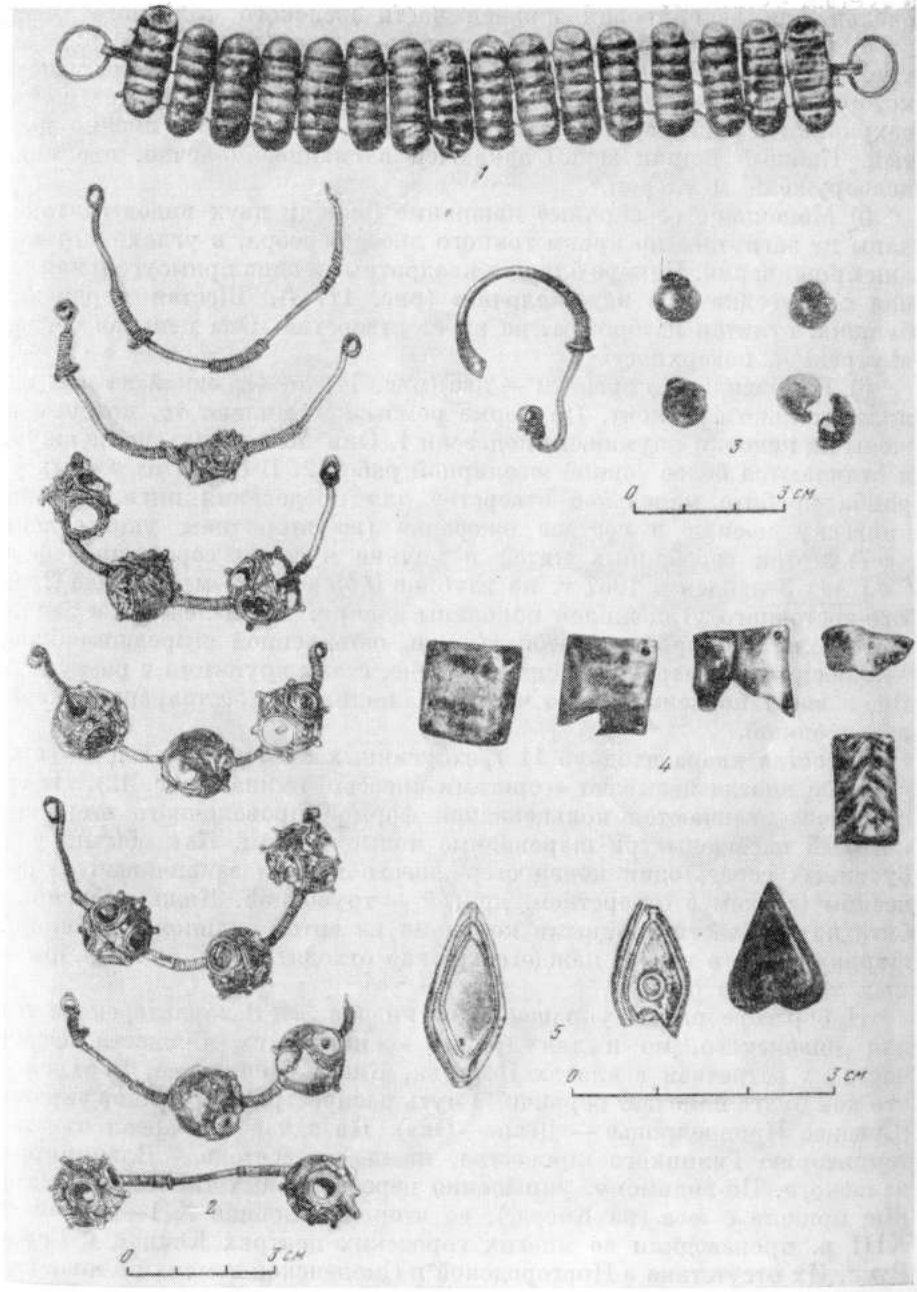


Рис. 11. Серебряные украшения из клада 2

1 — низка из тисненных колодочек; *2* — трехбусинные аграфы; *3* — обломки звездчатого колта; *4* — нашивные бляшки; *5* — ромбовидные привески

«аграфов» пока не выяснено. По мнению Г. Ф. Корзухиной, они составляли очелья для декорировки нижней части женского головного убора [37].

4) Обломки серебряного звездчатого колта (рис. 11, *3*). От колта уцелели только проволочная дужка и четыре крупных полых шарика, которыми заканчивались лучи. В местах соединения шариков с лучами сохранились ряды зерни — это доказывает, что колт был именно звездчатый. Каждый шарик зерни заключен в сканное колечко, еле видимое невооруженным глазом.

5) Маленькие серебряные нашивные бляшки двух видов (пять). Сделаны из загнутого по краям тонкого листа серебра, в углах — отверстия для пришивания. Четыре бляшки квадратные и одна прямоугольная тисненая с бороздками в виде «елочки» (рис. 11, *4*). Шестая сердцевидная бляшка, отлитая из бронзы, не имеет отверстий. Она цельная с гладкой внутренней поверхностью.

6) Ромбовидные привески — две (рис. 11, *5*). От одной из них сохранился только фрагмент. По форме ромбы напоминают те, которые насажены на цепочки «шумящей» подвески 1. Они тоже полые, но не ажурные, и отличаются более тонкой ювелирной работой. В одном из острых углов ромба пробито маленькое отверстие для продевания нити. Возможно, привеску носили в составе ожерелья (во вторичном употреблении?).

7) Моток серебряных нитей и мелкие кусочки серебряной фольги.

Клад 3 найден в 1967 г. на глубине 0,45 м в 1,5 м от клада 2, возле юго-восточного угла жилой половины здания. Вещи лежали в заполненной угольками продолговатой выемке, оставленной сгоревшим бревном. Украшения, побывавшие в сильном огне, стали хрупкими и разрушились. Вещи восстановлены только частично, полная их реставрация оказалась невозможной.

В состав клада входило 11 трехбусинных височных колец из серебра, которые иногда называют «серьгами киевского типа» (рис. 12). От «аграфов» они отличаются кольцевидной формой проволочного стержня, на который насажены три шаровидные полые бусины. Как обычно у трехбусинных серег, один конец стержневого кольца заканчивается ромбическим щитком с отверстием, другой — трубочкой. Каждая бусина разбита на три части двойными кольцами из витой сканной проволоки. От шарика зерни в центре каждого кружка отходят шесть лучей, образованных такой же сканью.

Набор серебряных украшений из кладов 2 и 3 характерен не только для Рязанского, но и для других южнорусских княжеств. Особенно часто их встречаем в кладах Поросья, Киева, Чернигова, Верхней Оки, что как будто намечает первичный путь распространения типов украшений (Среднее Приднепровье — Десна—Ока). На западе их ареал охватывает территорию Галицкого княжества, на северо-востоке — Владимиро-Суздальского. По-видимому, украшения перечисленных типов, мода на которые пришла с юга (из Киева?), во второй половине XII—первой трети XIII в. производили во многих городских центрах Южной и Северной Руси. Их отсутствие в Новгородской и Смоленской землях не может опровергнуть этой гипотезы, так как там почти нет кладов.

[37] *Г. Ф. Корзухина.* Русские клады. . ., стр. 62.

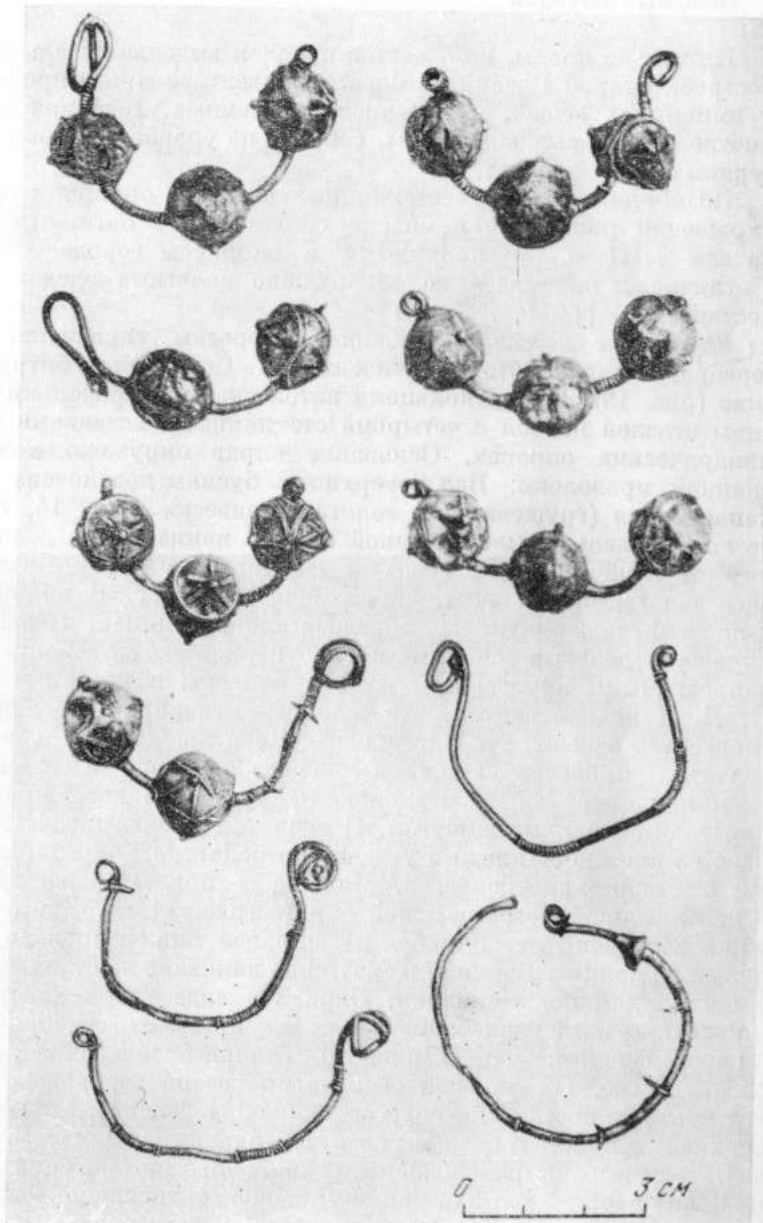


Рис. 12. Клад 3 (1967 г.)

Вещевые находки

Не только клады, но и состав находок выделяет усадьбу среди других построек Старой Рязани. В богатом инвентаре много предметов роскоши и импортных вещей, в том числе иноземных. Большая часть находок, многие из которых обожжены, собрана на уровне пола построек и в культурном слое около них.

По обилию обломков стеклянных сосудов, оружия и металлических украшений рязанский комплекс сближается с богатыми домами XII—начала XIII в., раскопанными в окольном городе Новогрудка. Но в отличие от них здесь не обнаружено заметных следов ювелирного и косторезного ремесел.

Ювелирные изделия. Особенно интересны украшения из золота и серебра, к числу которых относятся: 1. Серебряная битрапецоидная бусина (рис. 13). Двумя кольцами витой сканной проволоки посредине бусины отделен поясок с четырьмя стеклянными вставками в высоких цилиндрических оправах. Основание оправ окружено колечками витой сканной проволоки. Вся поверхность бусины позолочена. 2. Маленькая каплевидная (грушевидная) золотая привеска (рис. 14, *1*). Полая привеска с маленькой жемчужиной вверху нанизана на золотой проволочный стерженек с петлей сверху и расширением снизу. Сквозь петлю продета золотая проволочка, обломанная на конце. В нижней части стерженька была жемчужина, впоследствии утерянная. Подобные привески украшали золотые «сионцы» в виде церковки. 25 «сионцев» с четырьмя каплевидными привесками каждый найдены в киевском кладе 1824 г. П. П. Кондаков считал, что «сионцы» относились к убору икон [38], но скорее их подвешивали к ожерелью. Девять золотых каплевидных (но реберчатых) привесок украшали «сионец» из клада в киевском Михайловском монастыре [39]. Но возможно и другое использование грушевидных привесок с мелким жемчугом. На золотой с перегородчатой эмалью диадеме из киевского клада в усадьбе Гребеновского они украшают нижнюю часть створок-кнотцев [40]. 3. Маленькая привеска из трех жемчужин в позолоченной металлической оправе (рис. 14, *2*). Две большие жемчужины соединены между собой и с оправой тонкой проволочкой с утолщениями на концах. Верхняя жемчужина нанизана на отдельную проволочку с петлей для подвешивания. Оправа в виде узкой пластинки образует множество петлевидных изгибов. 4. Фрагмент серебряной пластинки с перегородчатой эмалью (рис. 15). Тонкий позолоченный листик серебра согнут вдвое. На лицевой стороне прорезано изображение грифона; по его контуру поставлена перегородка, образующая лоток и соединяющая верхнюю и нижнюю стороны согнутой пластины. От грифона сохранились часть головы с острыми ушами, серповидное крыло, спина и процветший на конце хвост. Угол пластинки украшен сердцевидной фигурой. Рисунок детализирован тончайшими золотыми (?) перегородками высотой 1 мм,

[38] *П. П. Кондаков.* Русские клады. СПб., 1896, стр. 103, рис. 64.
[39] Там же, табл. VII, *8*.
[40] Там же, рис. 96, табл. VIII.

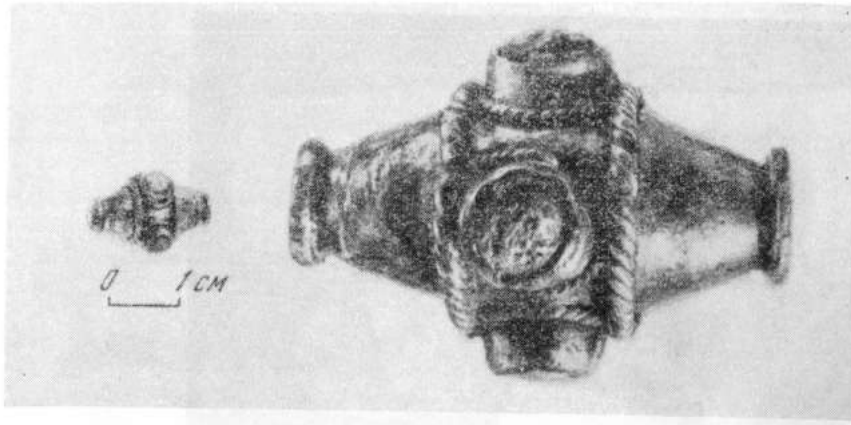


Рис. 13. Серебряная бусина

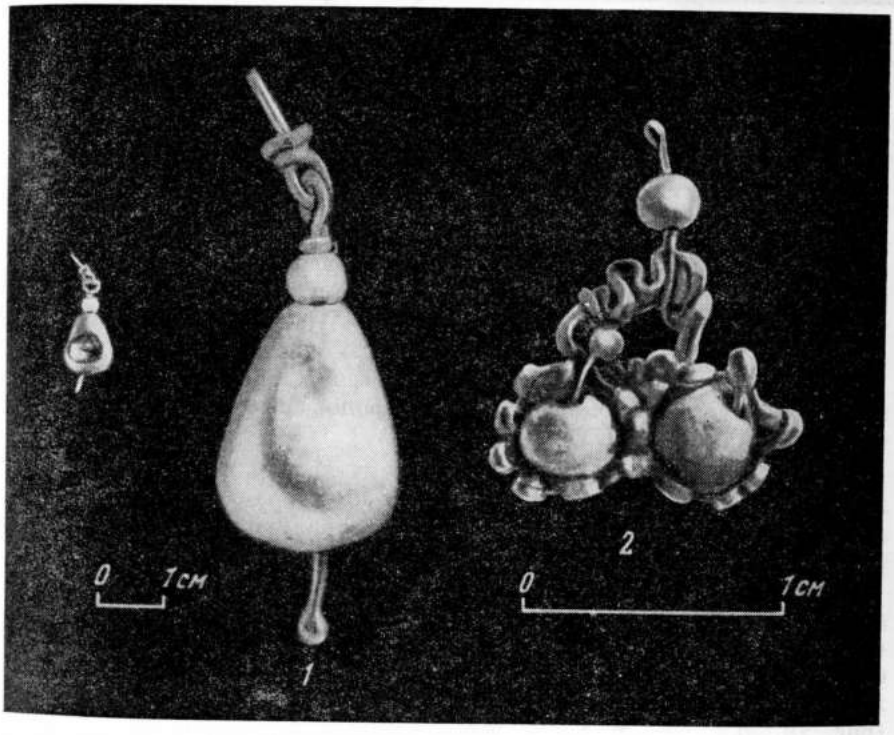


Рис. 14. Украшения, найденные на раскопе 7

1 — золотая привеска; *2* — привеска с тремя жемчужинками

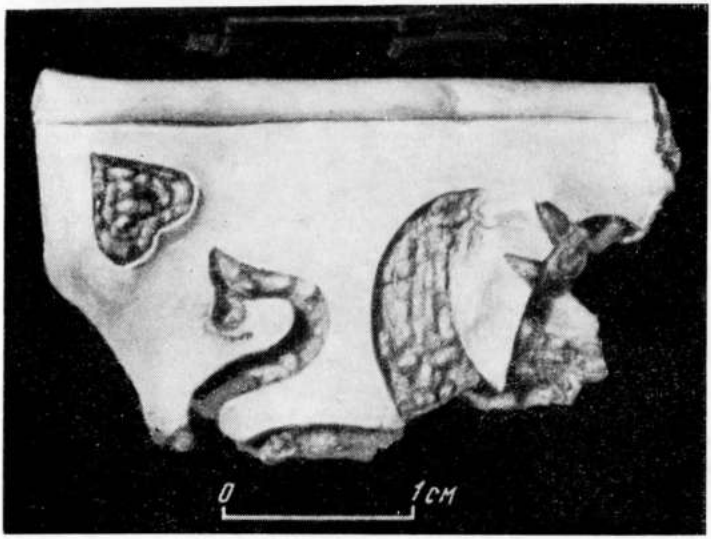


Рис. 15. Эмалевая пластинка с изображением грифона

напаянными на тыльную поверхность пластинки. Промежутки между ними были заполнены разноцветной эмалью. Украшение побывало в сильном огне, и эмаль расплавилась. Это позволяет хорошо видеть систему листовых перегородок. Дуговидными перегородками отделены уши и голова грифона. Верхняя часть крыла разделена продольными линиями. От плечевой части крыла она отделена поперечной полоской из мелких кружков, как у грифонов во владимиро-суздальской скульптуре. Мельчайшие кольцевидные перегородки покрывают спину и хвост грифона. Верхний край пластинки образует рельефный валик. Возможно, композиция первоначально включала двух грифонов, стоящих по сторонам растительного мотива.

Остальные женские украшения и принадлежности костюма из меди и бронзы — височные кольца, браслеты, перстни, привески — характеризуют массовую недорогую продукцию рязанских ювелиров.

Несколькими экземплярами представлены височные кольца: тонкопроволочное крюкоконечное (рис. 16, *1*), тонкопроволочные перстнеобразные, несомкнутые и сомкнутые (рис. 16, *2*, *4*, *5*). Встречено перстнеобразное височное кольцо, обернутое медными колечками. Его проволочные концы расплющены и свернуты трубочкой (рис. 16, *3*).

Найдены обломки витых двойных и тройных браслетов (рис. 16, *6—10*). Свободный конец внутри петли прямой или изогнут в форме спирали. Петлеконечный тип браслетов — самый распространенный на террито-

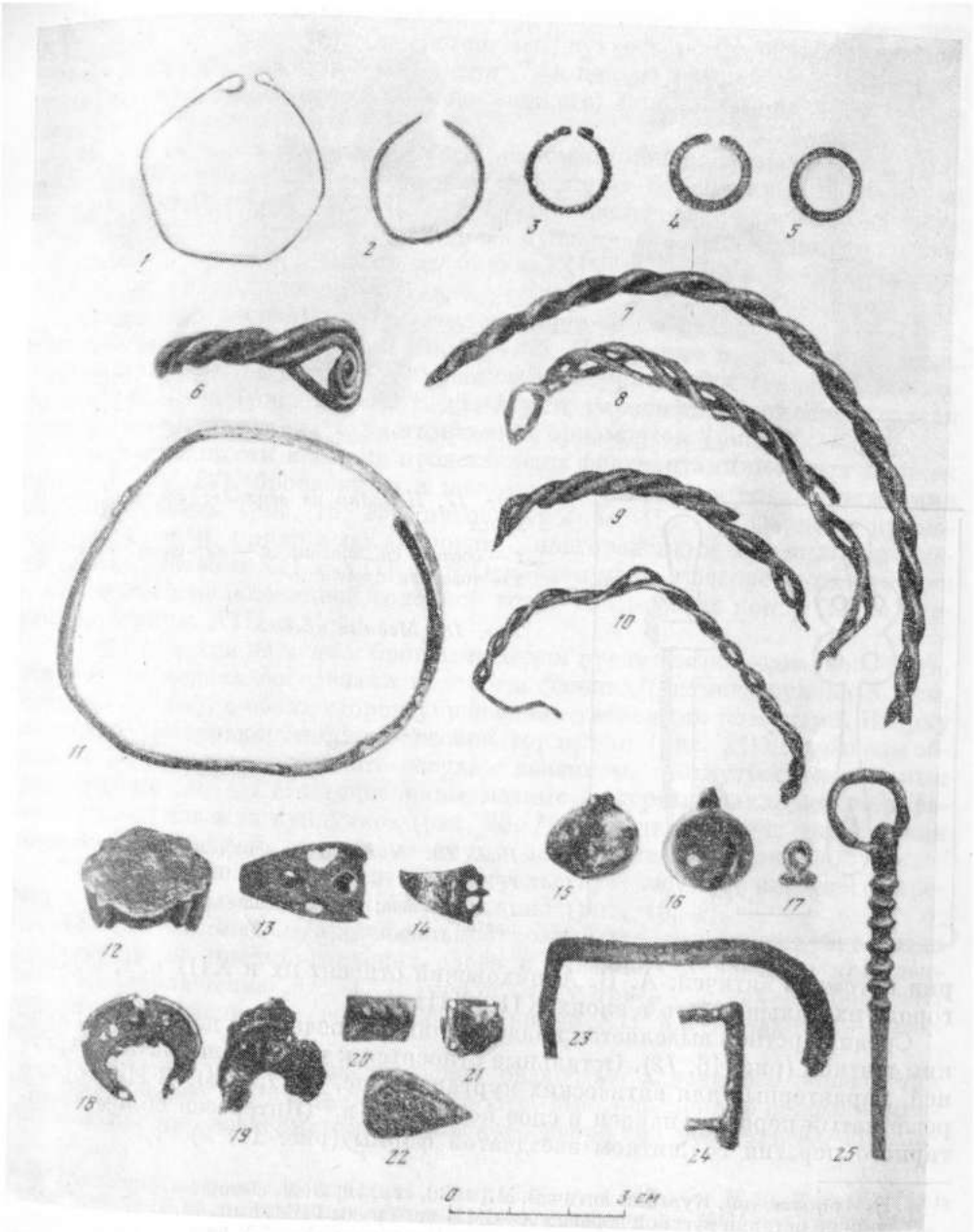
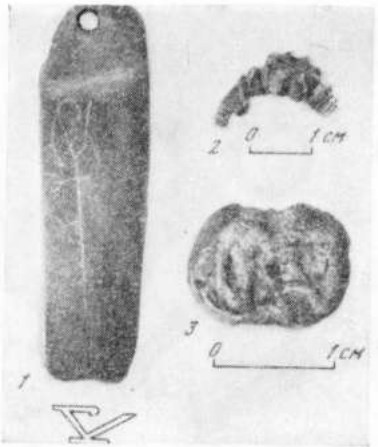


Рис. 16. Украшения и принадлежности костюма

1—5 — проволочные височные кольца; *6—10* — обломки витых браслетов; *11* — пластинчатый браслет; *12—14* — перстни; *15, 16* — бубенчики; *17* — пуговка; *18—21* — нашивные бляшки; *22* — поясная накладка; *23, 24* — обломки поясных пряжек; *25* — булавка



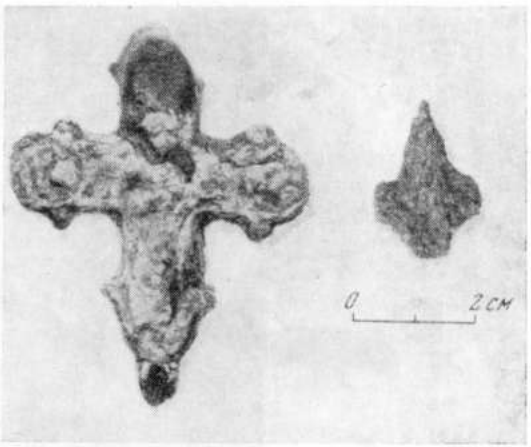


Рис. 17. Находки из верхнего строительного яруса

1 — оселок со знаком; *2* — янтарный перстень; *3* — товарная пломба

Рис. 18. Медные кресты

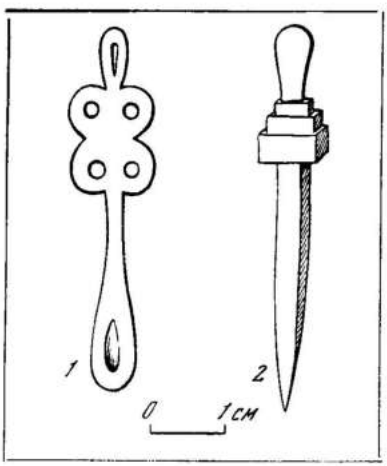


Рис. 19. Находки из верхнего строительного яруса

1 — копоушка; *2* — застежка от книжного переплета

рии потомков вятичей. А. В. Арциховский относит их к XIII в.[41], в Новгороде их больше всего в слоях XII—XIII вв.[42]

Среди перстней выделяется квадрифолийный печатный перстень с гладким щитком (рис. 16, *12*). Остальные относятся к числу решетчатых перстней, характерных для вятических курганов (рис. 16, *13*, *14*). В Новгороде решетчатый перстень найден в слое конца XII в.[43] Интересен обломок янтарного перстня со щитком звездчатой формы (рис. 17, *2*) [44].

[41] *А. В. Арциховский*. Курганы вятичей. М., 1930, стр. 10; *В. П. Левашева*. Браслеты. — Очерки по истории русской деревни X—XIII вв. Труды ГИМ, вып. 43, 1967, стр. 223.

[42] *М. В. Седова*. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X—XV вв.). — Труды Новгородской археологической экспедиции, т. II (МИА, № 65), 1959, стр. 247. См. также: *Т. В. Равдина*. О датировке витых браслетов. — КСИА, 113, 1968.

[43] *М. В. Седова*. Ювелирные изделия. . ., стр. 255.

[44] В верхних слоях раскопа 7 встречены кусочки необработанного янтаря.

Из привесок отметим сильно коррозированный медный энколпион XII—XIII вв. (рис. 18). Он состоит из двух створок с рельефными изображениями Богоматери и Распятия (?) в центре каждой. В круглые медальоны на концах креста (кроме нижнего) были вписаны плоскостные погрудные фигуры святых.

Привеска с ложковидным расширением на конце, возможно, служила копоушкой (рис. 19, *1*). Найдены шаровидные бубенчики с щелевидной прорезью (рис. 16, *15*, *16*). Их тулово орнаментировано пояском из двух концентрических линий. Шаровидные бубенчики с щелевидной прорезью бытовали с конца XI вплоть до начала XIV в. Наибольшее их распространение приходится на XII в.[45]

Встречены тисненые нашивные бляшки — квадратные, прямоугольные и в форме лунницы (рис. 16, *18—21*). Некоторые из них серебряные. Найдена медная матрица с углубленным рисунком для тиснения криновидных бляшек (рис. 20, *4*). К ременным украшениям относится литая сердцевидная накладка с растительным орнаментом (рис. 16, *22*).

Принадлежности костюма представлены фрагментами поясных пряжек (рис. 16, *23*, *24*), бронзовыми и железными булавками для застегивания верхней одежды (рис. 16, *25*), пуговками (рис. 16, *17*). Обломок прямоугольной литой пряжки по аналогии с новгородскими экземплярами датируется рубежом XII и XIII вв.[46] Основная часть новгородских булавок с подвижной кольцевидной головкой встречена в слоях конца XII и первой половины XIII в.[47]

Среди изделий из меди и бронзы находим предметы повседневного быта. Интересна медная со следами позолоты фляжка (диаметр тулова 8,2 см, ширина 3,5 см), с обеих сторон украшенная тиснеными розетками. Вверху припаяно маленькое цилиндрическое горлышко (рис. 21). Встречены обломки тонкостенного медного сосуда с венчиком, отогнутым под прямым углом (рис. 20, *8*). Многочисленны медные фигурные накладки от деревянных ларцов или сундучков (рис. 20, *1—3*). Одна из них, украшенная ажурной плетенкой, прорезана двумя замочными скважинами.

О хранившихся в доме книгах свидетельствует застежка книжного переплета в виде миниатюрного кинжальчика (рис. 19, *2*).

Изделия из стекла. Максимальное количество стеклянных браслетов происходит из предмонгольских слоев и связано с усадебным комплексом. По заключению Ю. Л. Щаповой, одну треть составляют браслеты местного производства, возникшего в конце XII в., остальные — предметы киевского ввоза.

Стеклянная посуда была большой редкостью и ценилась дорого, так как привозилась в Рязань с далекого юга. Многочисленные обломки стеклянной посуды на территории боярского двора (по подсчету Ю. Л. Ща-

---

[45] *М. В. Седова.* Ювелирные изделия. . ., стр. 237; *В. А. Мальм*, *М. В. Фехнер.* Привески-бубенчики. — Очерки по истории русской деревни X—XIII вв. Труды ГИМ, вып. 43, 1967, стр. 136—137.

[46] *М. В. Седова.* Ювелирные изделия. . ., стр. 258, рис. 7, *7*.

[47] *Б. А. Колчин.* Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого. — Труды Новгородской археологической экспедиции, т. II (МИА, № 65), 1959, стр. 106, рис. 94, *9—15*.

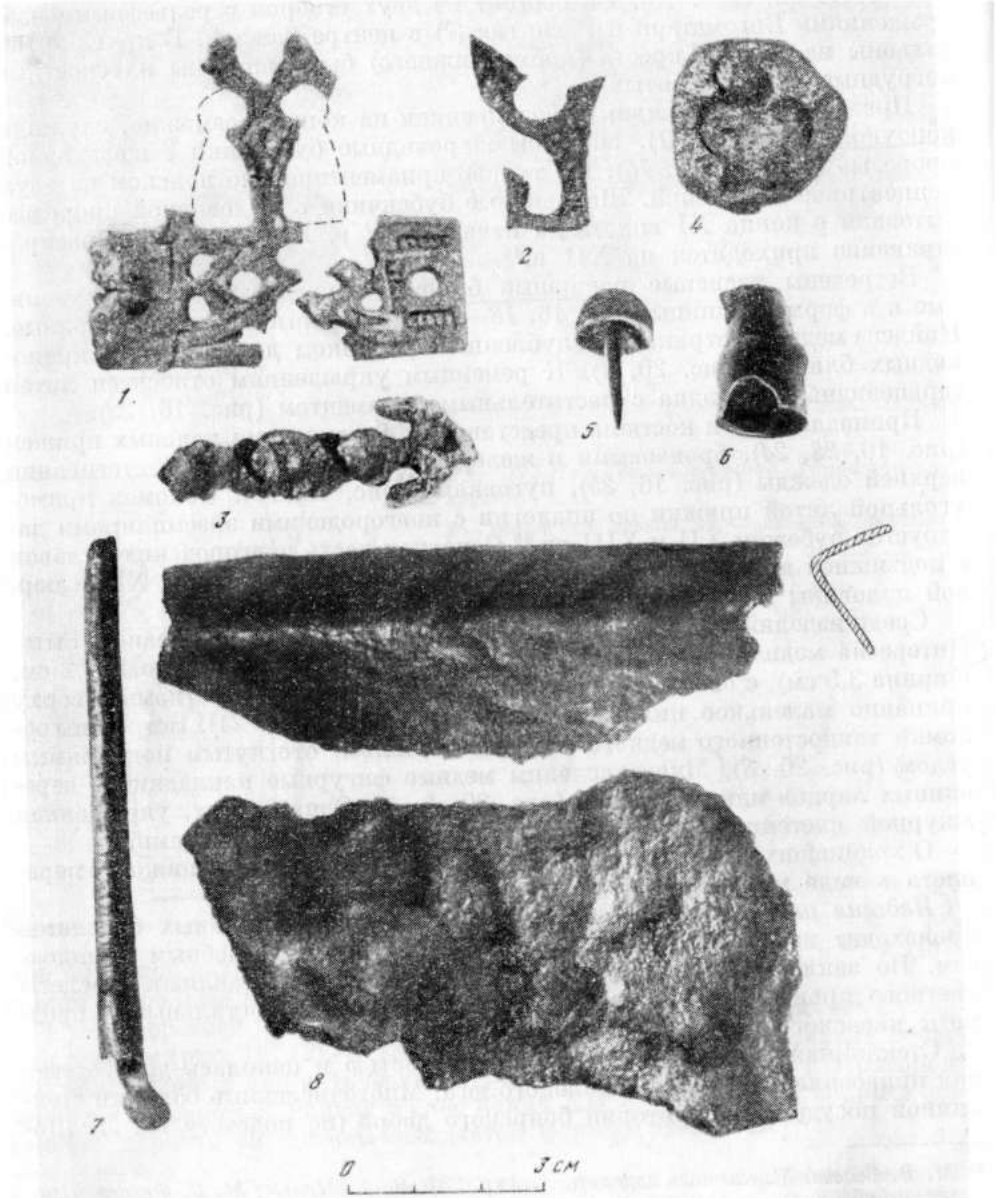


Рис. 20. Изделия из меди и бронзы

1—3 — накладки от ларцов; *4* — медная матрица; *5* — гвоздик; *6* — подвеска (?); *7* — накосник (?); *8* — фрагменты медного сосуда

Рис. 21. Медная фляжка

Рис. 22. Стеклянная вставка от перстня

новой — от двух десятков сосудов) лишний раз подтверждают зажиточность владельца усадьбы. Особенно велика доля импортных сосудов — византийских (Константинополь, Коринф), ближневосточных (Египет, Кипр. Сирия, в частности город Ракка) [48] и западноевропейских. Около трети составляют сосуды киевской работы (см. ниже статью Ю. Л. Щаповой).

Среди изделий из стекла выделяется овальная вставка от печатного перстня с вырезанным вглубь изображением святого Георгия-воина (рис. 22). Георгий представлен в рост, лицом к зрителю. В правой руке он держит копье, левой опирается на миндалевидный щит. Голова окружена нимбом. Рисунок схематичный, без деталей, сохранен лишь общий силуэт фигуры. В одежде можно выделить только поколенную тунику. Иконографический тип Георгия-воина в рост, который в правой руке держит копье, а левой — опирается на щит, в XI—XIII вв. имел широкое распространение в искусстве Византии и Грузии. Он встречается в древней Руси (рельеф Георгиевского собора в Юрьеве-Польском) и в Италии [49].

Изделия из кости. Иконография Георгия-воина могла повлиять на единственное в своем роде произведение рязанского резчика по кости. Неподалеку от кладовых при расчистке бесформенного развала глинобитной печи, стоявшей вне дома, был найден костяной кружок с изобра-

[48] Найдены также маленький обломок иранского сосуда с росписью люстром (производство Рея) и несколько мелких фрагментов ближневосточной поливной керамики. О торговых связях свидетельствует находка свинцовой товарной пломбы с неразборчивыми знаками на обеих сторонах (рис. 17, *3*). Встречена скорлупа грецкого ореха.

[49] *А. В. Банк.* Рельеф с изображением Георгия из собрания Эрмитажа. — Исследования по истории культуры народов Востока. М.—Л., 1960.

Рис. 23. Костяная шашка

жением пешего воина (диаметр 2,8 см, толщина 0,5 см). Он мог относиться к богатому набору шашек или (во вторичном использовании?) служить привеской, так как по его ободку проходит желобок (рис. 23) [50]. Фигурка воина, стоящего во весь рост, вырезана в высоком рельефе. Мастер отметил ее чертами средневековой условности: туловище дано в фас при профильной постановке ног, голова непропорционально велика. Обращает на себя внимание реалистическая передача костюма и оружия. Воин одет в длинный подпоясанный кафтан из тяжелой ткани, с длинными рукавами и разрезом во всю длину. Полы кафтана обшиты каймой, орнаментированной мелкими кружками (обозначение драгоценных камней или жемчуга?). На голове довольно высокая шапка с узкой опушкой. Ноги обуты в сапоги. Правой отведенной в сторону рукой дружинник сжимает рукоять меча. Навершие рукояти круглое, конец широкого клинка заострен. Мечи такого типа, которыми не только рубили, но и кололи, были распространены на Руси с XII в. Левая рука воина покоится на стоящем вертикально миндалевидном щите с узким ободком по краям. По типу вооружения шашка датируется XII—первыми десятилетиями XIII в.

Длинное верхнее платье, мягкая шапка с меховой опушкой, меч как символ власти позволяют признать в воине знатного дружинника или князя. В таких кафтанах и шапках (но с остроконечным или сферическим верхом), с мечами и крестами в руках изображали князей Бориса и Глеба, канонизированных русской церковью.

Рядом найдена другая костяная шашка с двусторонним циркульным орнаментом (рис. 24, *12*). Интересна игральная кость в форме правильного кубика с ребром 1 см (рис. 24, *10*). Очки, нанесенные циркулем, расположены так же, как на современных игральных костях: 1 — кружок в центре, 2 — кружки по диагонали, 3 — треугольником, 4 — по углам, 5 — конвертом, 6 — в два столбика. Если положить кость на единицу, то двойка окажется наверху, а тройка, четверка, пятерка и шестерка — по бокам.

Среди остальных поделок из кости отметим прямоугольную накладку с вырезами, прикреплявшуюся медными гвоздиками (рис. 24, *2*), рукоятки ножей и их детали (рис. 24, *4*), костяные трубочки с тремя отверстиями для крепления веревочных снастей (рис. 24, *6*). Найдены два наконечника

[50] О шашках см.: *В. П. Даркевич.* Произведения западного художественного ремесла в Восточной Европе (X—XIV вв.). — САИ, вып. Е1-57, 1966, стр. 59, табл. 25, *1*, *2*.

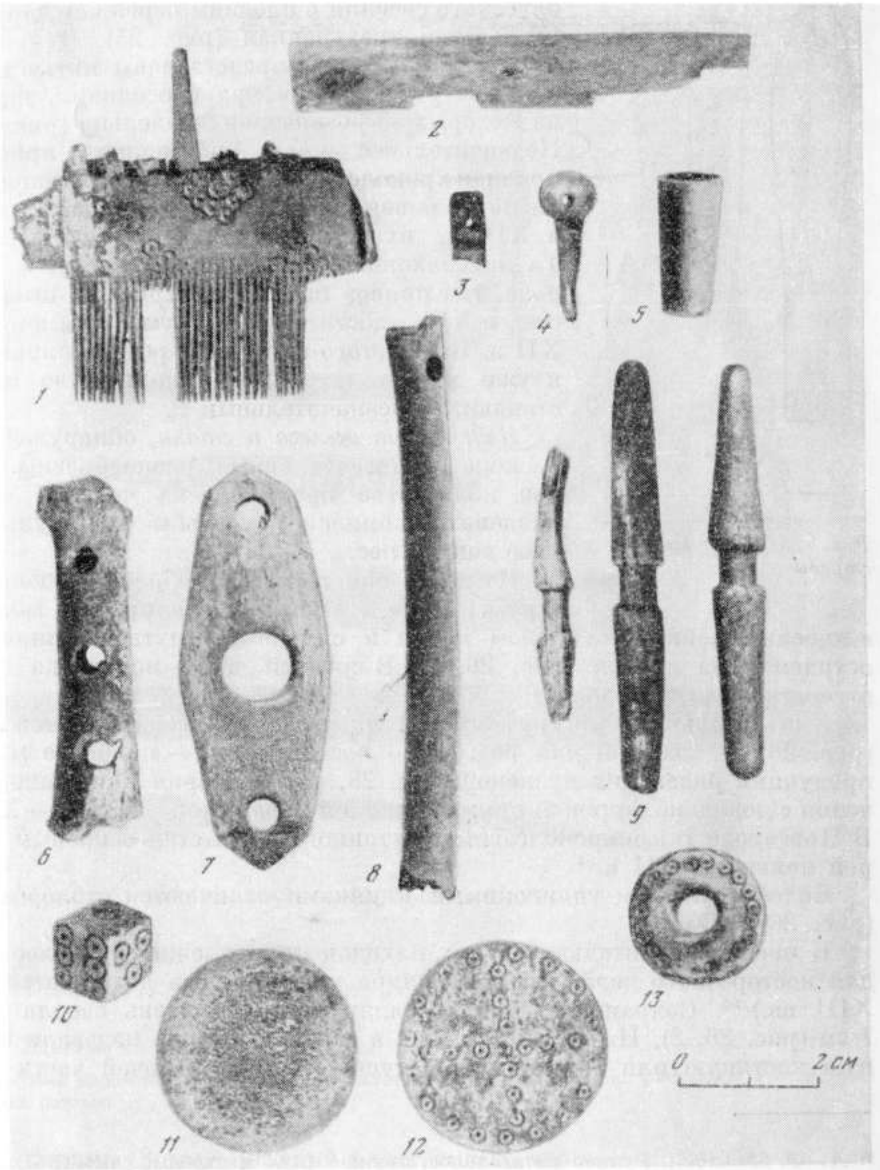


Рис. 24. Изделия из кости

1 — гребень; *2* — накладка от ларца; *3* — обломок шила (?); *4* — деталь рукояти с отверстием для привешивания; *5* — навершие; *6* — трубочка для крепления веревочных снастей; *7* — вертлюг для веревочных снастей; *8* — трубочка с отверстием; *9* — стержневые пуговицы; *10* — игральная кость; *11*, *12* — шашки; *13* — пуговица (?)

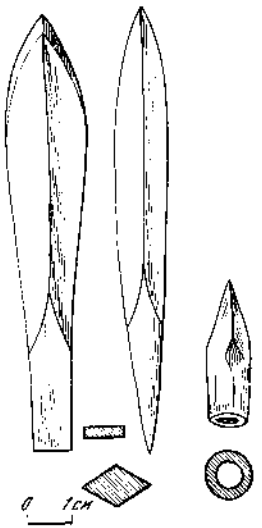


Рис. 25. Костяные стрелы

стрел, характерных для XII в.[51] Одна стрела ромбического сечения с плоским черешком, другая — втульчатая трехгранная (рис. 25).

Изделия из камня представлены пятью пряслицами из розового шифера и оселками, на одном из которых вырезан знак владельца (рис. 17, *1*). Незначительное число шиферных пряслиц — признак хронологический. В Старой Рязани время их наибольшего распространения падает на XI в., в XII в. их количество резко уменьшается [52]. Та же закономерность характерна для Новгорода, где привоз шиферных пряслиц быстро растет в XI в., достигая максимума в самом начале XII в. После этого их приток резко сокращается, и уже к началу XIII в. количество пряслиц становится незначительным [53].

Изделия из железа и стали, обнаруженные на раскопе 7, многочисленны и разнообразны. Основное количество предметов из черного металла найдено в комплексе усадьбы и в культурном слое вокруг нее.

Из ремесленного металлообрабатывающего инструментария отметим ювелирный молоточек с плоским бойком на одном конце и сильно отогнутым клиновидным острием — на другом (рис. 26, *1*). В средней части молоточка сделано отверстие для деревянной рукоятки.

Универсальный инструментарий представлен ножами, ножницами (рис. 26, *8*), сверлом для резьбы по кости. Ножи — наиболее массовая продукция рязанских кузнецов (рис. 26, *4*, *5*). Лезвия клиновидного сечения с довольно широкой прямой спинкой характерны для XII—XIII вв. В Новгороде тип широколезвийного тонкого ножа стал основным со второй половины XII в.[54]

Более крупными удлиненными клинками отличаются столовые ножи (рис. 26, *6*, *7*) [55].

К числу сравнительно редких находок принадлежит лучковое сверло для косторезного дела (два экземпляра из Новгорода датируются XII—XIII вв.) [56]. Сохранился лишь металлический стержень сверла длиной 7 см (рис. 26, *2*). На плоский щиток в середине сверла надевали приводную костяную или деревянную катушку. Длина рабочей части сверла

---

[51] *А. Ф. Медведев.* Ручное метательное оружие (лук и стрелы, самострел). VIII—XIV вв. — САИ, вып. Е1—36, 1966, стр. 87—88, табл. 22.
[52] *А. Л. Монгайт.* Старая Рязань, стр. 22.
[53] *Б. А. Колчин.* Хронология новгородских древностей. — СА, 1958, № 2, стр. 111, рис. 9.
[54] *Б. А. Колчин.* Железообрабатывающее ремесло. . ., стр. 51.
[55] Там же, стр. 56.
[56] Там же, стр. 67—68, рис. 53, *3—5*.

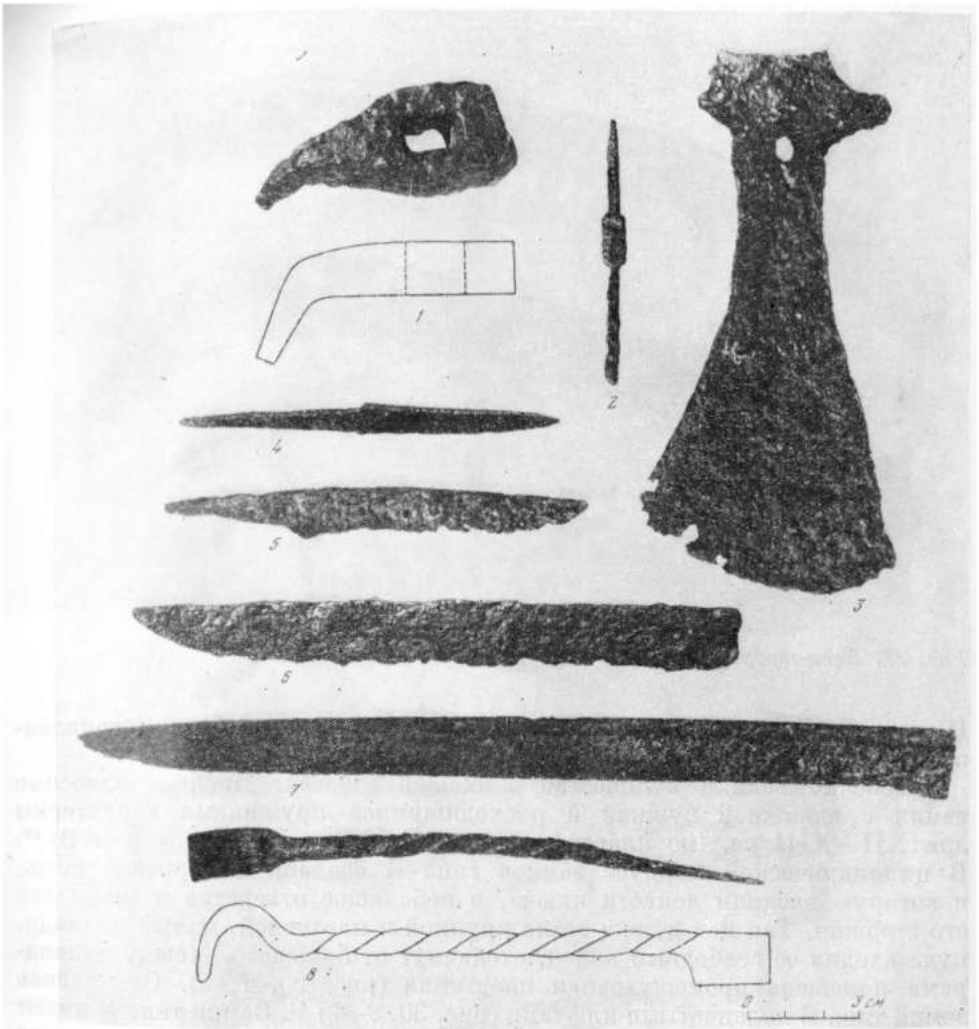


Рис. 26. Изделия из железа

1 — ювелирный молоточек; *2* — сверло для косторезного дела; *3* — топор; *4—7* ножи; *8* — обломок пружинных ножниц

2,5 см, ширина 3 мм. Верхний заостренный черенок предназначен для рукояти, за которую держали сверло при работе.

Сельскохозяйственные орудия представлены тремя косами-горбушами (рис. 27). К вспомогательным принадлежностям рыбного лова относится двухконечный крючок с перевитым стержнем, заканчивающимся петлей (рис. 28, *13*). Подобные крючки типа кошки служили для вытаскивания запутавшихся сетей и мереж. Аналогичные экземпляры известны из

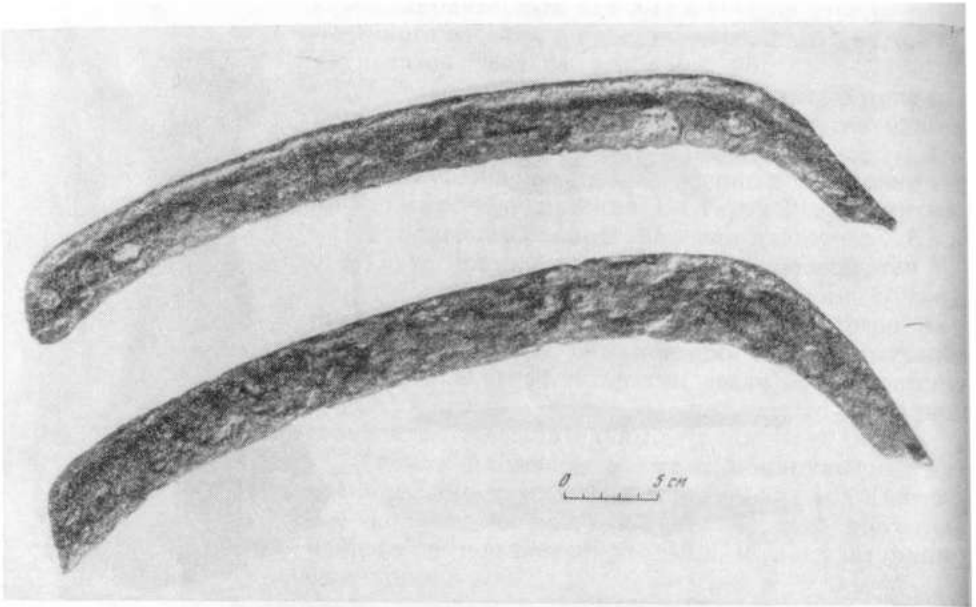


Рис. 27. Косы-горбуши

Плиснеска [57], Новогрудка [58], Княжьей Горы, с селища близ Богоявленского ручья Угличского района [59].

Особенно велико количество замков и ключей. Висячие навесные замки с вдвижной дужкой и расходящимися пружинами характерны для XII—XIII вв. (по классификации Б. А. Колчина, типы Б и В) [60]. В цилиндрическом корпусе замков типа Б сделаны поперечная щель, в которую вводили лопасти ключа, и небольшое отверстие в донце для его стержня. Так как дужка стала крупной и массивной, малый цилиндр, куда входил ее свободный конец, отодвинут от большого. Между цилиндрами помещена промежуточная пластинка (рис. 29, *1*, *2*). Отпирались замки типа Б коленчатыми ключами (рис. 30, *2—7*) [61]. Замки типа В имеют только одну щелевидную прорезь для ключа в донце корпуса большого цилиндра (рис. 29, *3*, *4*). Эти замки, изготовлявшиеся с середины XII до конца XIV в., открывались плоскими коленчатыми ключами (рис. 30, *8—10*) [62]. Усложненной конструкции замка типа В (первый вариант),

---

[57] *М. П. Кучера.* Древній Пліснеськ. — Археологічні пам'ятки УРСР, т. XII. Київ, 1962, рис. 9, *2*, *3*.

[58] *Ф. Д. Гуревич.* Сельское хозяйство и промыслы древнерусского Новогрудка. — КСИА, 104, 1965, стр. 83, рис. 32, *11*.

[59] *В. А. Мальм.* Промыслы древнерусской деревни. — Очерки по истории русской деревни X—XIII вв. Труды ГИМ, вып. 32, 1956, стр. 125, рис. 4, *9*.

[60] *Б. А. Колчин.* Железообрабатывающее ремесло. . ., стр. 78—86.

[61] Там же, стр. 82, рис. 65, *2*; 67, *1—3*.

[62] Там же, стр. 82, рис. 65, *3*; 67, *4*.

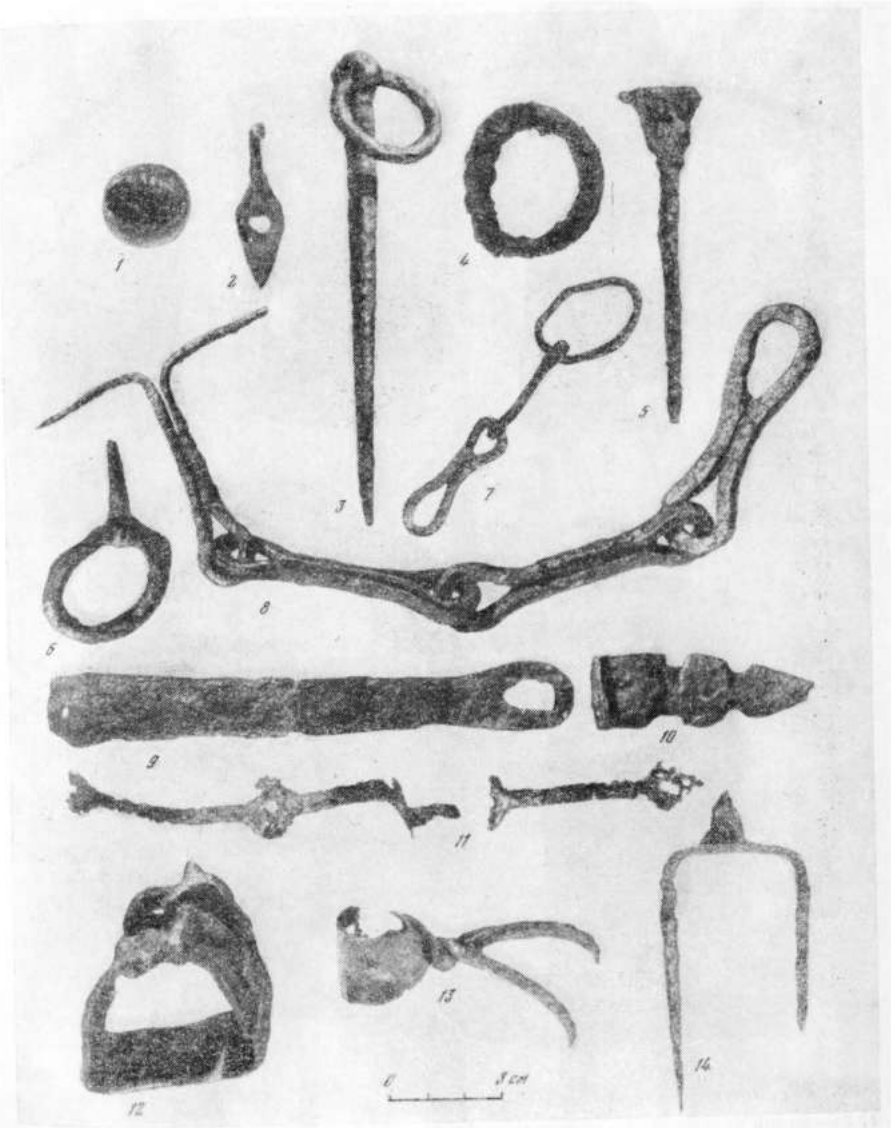


Рис. 28. Железные изделия

1 — гирька; *2* — обломок ушка от котла; *3* — булавка; *4* — поясная пряжка; *5* — писало; *6* — дверная ручка; *7, 8* — цепи; *9* — петля; *10, 11* — накладки; *12* — оправа; *13* — крючок для вытаскивания сетей; *14* — ледоходная конская подкова

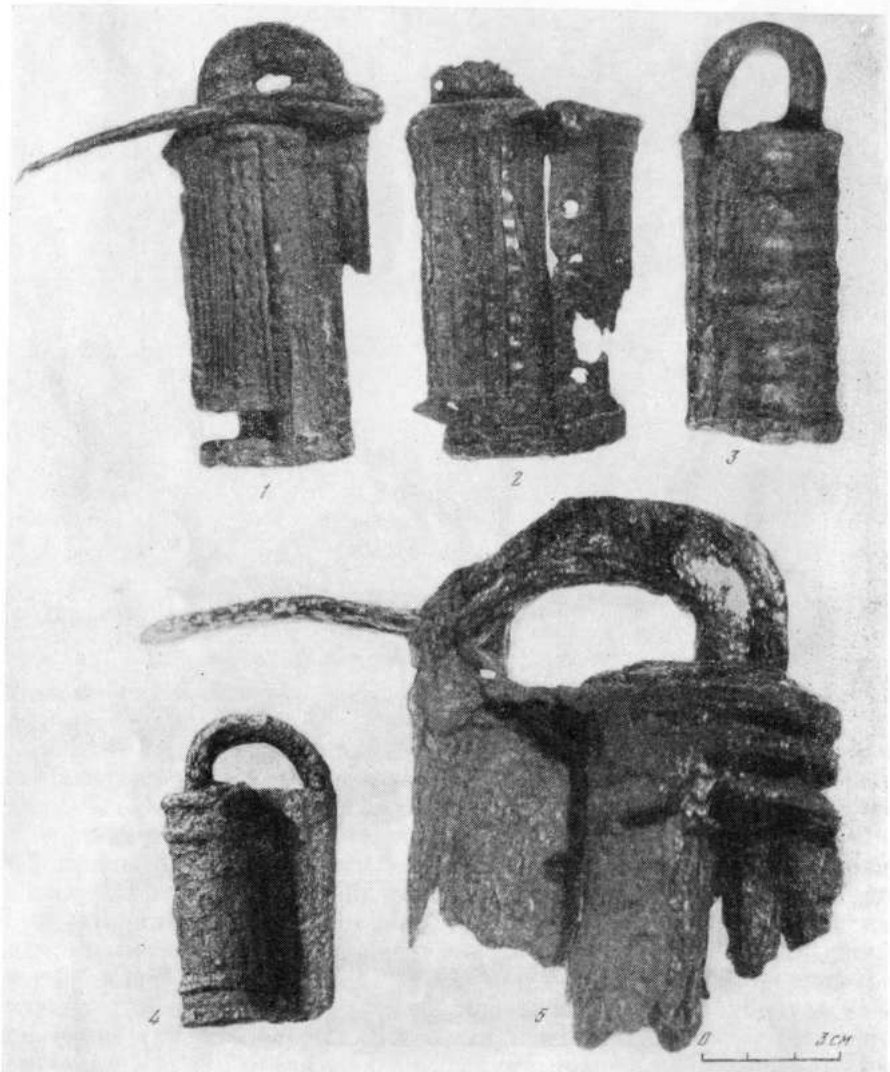
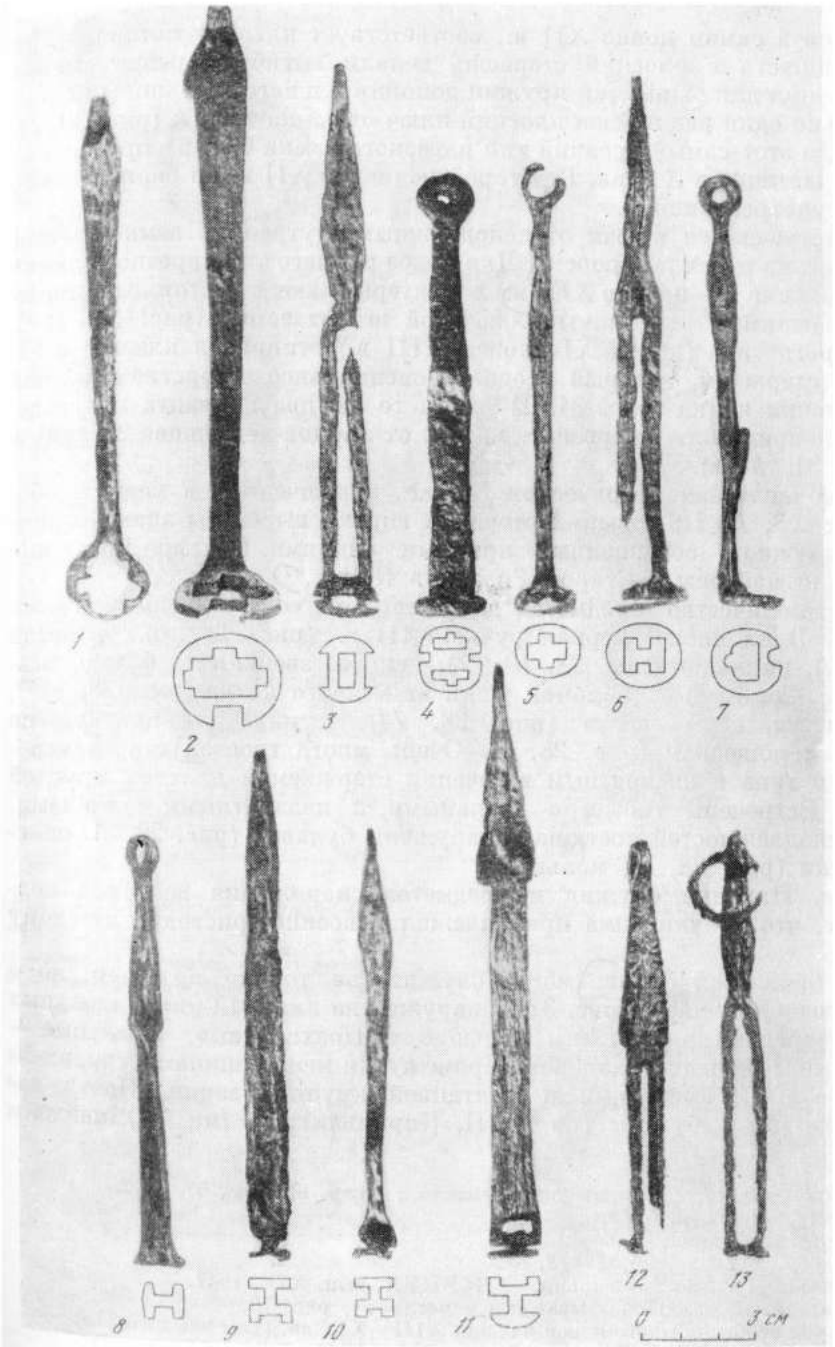


Рис. 29. Замки

1, 2 — замки типа Б; *3, 4* — замки типа В; *5* — замок неопределенного типа

Рис. 30. Ключи от навесных замков

1 — ключ от замка типа А; *2—7* — ключи от замков типа Б; *8—11* — ключи от замков типа
12, 13 — ключи, обломанные на конце


1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
0
3 см

появившейся в самом конце XII в., соответствует ключ, у которого при переходе лопасти в плоский стержень делали выгиб. В ребре выгиба имеется пропил для сжимания пружин дополнительного стержня (рис. 30, *11*) [63]. Только один раз найден плоский ключ от замка типа А (рис. 30, *1*). В Новгороде этот самый древний тип навесного замка был распространен в X, XI и частично в XII вв. Во второй половине XII в. он окончательно вышел из употребления [64].

Часто встречаются ключи от неподвижных внутренних замков, изготовлявшихся из металла и дерева. Для более раннего типа врезного замка (вторая половина X—начало XIII в.) характерен ключ с пустотелым стержнем, надевавшимся на длинный ключевой штифт замка (рис. 31, *1*) [65]. Замок второго типа (конец XI—конец XIII в.) отпирался ключом с заостренным стержнем, который входил в специальное отверстие в задней стенке полочки замка (рис. 31, *2*) [66]. На те же два варианта подразделяются маленькие ключи врезных замков от ларцов-ковчежцев и сундучков (рис. 31, *3—6*).

Найдена железная сферическая гирька, заключенная в медную оболочку (рис. 28, *1*). На плоских сторонах гирьки вырезаны знаки в виде четырех кружков, соединенных кривыми линиями. Четыре подобные гирьки были найдены в Старой Рязани в 1891 г.[67]

Велико количество предметов домашнего обихода и разнообразного инвентаря. В их числе дверная ручка XIII в. (рис. 28, *6*) [68], петли (рис. 28, *9*), накладки (рис. 28, *10*, *11*), цепи со звеньями в форме восьмерки (рис. 28, *7*, *8*) [69], обломок ушка от медного котла (рис. 28, *2*) [70], ледоходная конская подкова (рис. 28, *14*), «стиль» для писания по навощенным дощечкам (рис. 28, *5*). Очень много гвоздей строительно-крепежного типа с квадратным в сечении стержнем и плоской круглой шляпкой. Встречены гвозди с овальными и квадратными шляпками. Из принадлежностей костюма обнаружены булавки (рис. 28, *3*), поясные пряжки (рис. 28, *4*), кольца.

Оружие. Находки оружия и предметов снаряжения всадника подтверждают, что хозяин дома принадлежал к военно-аристократическому сословию.

Литая бронзовая булава могла служить не только оружием, но и эмблемой военной власти (рис. 32). Снаружи она имеет 12 пирамидальных шипов. В среднем ряду шипы большие четырехгранные, остальные — трехгранные и меньших размеров. Промежутки между шипами украшены шишкообразными выступами и имитацией крупной зерни. Почти все двенадцатишипные булавы (по А. Н. Кирпичникову тип IV) найдены

---

[63] *Б. А. Колчин.* Железообрабатывающее ремесло. . ., стр. 82, рис. 67, *5*, *6*.
[64] Там же, стр. 78, 80, рис. 66.
[65] Там же, стр. 86, 91, рис. 74, *1—6*.
[66] Там же, стр. 91, рис. 74, *7—13*.
[67] *А. Л. Монгайт.* Рязанские гирьки. — КСИИМК, вып. XIV, 1947.
[68] *Б. А. Колчин.* Железообрабатывающее ремесло. . ., рис. 79.
[69] В Новгороде особенно много цепей в слоях XIII—XIV вв. (Там же, стр. 113).
[70] В Новгороде медные котлы были распространены в XIII—XV вв. (Там же, стр. 104—105, рис. 90).

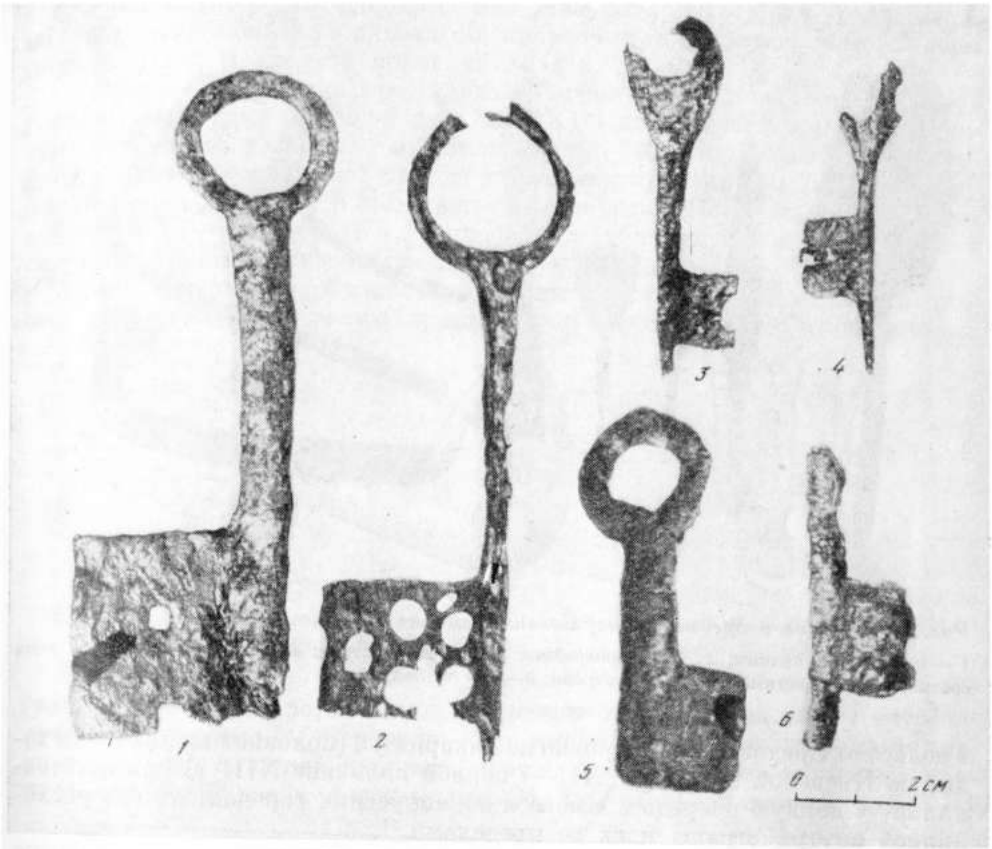


Рис. 31. Ключи от внутренних замков

1 — ключ с пустотелым стержнем; *2* — ключ с заостренным стержнем; *3—6* — ключи от ларцов

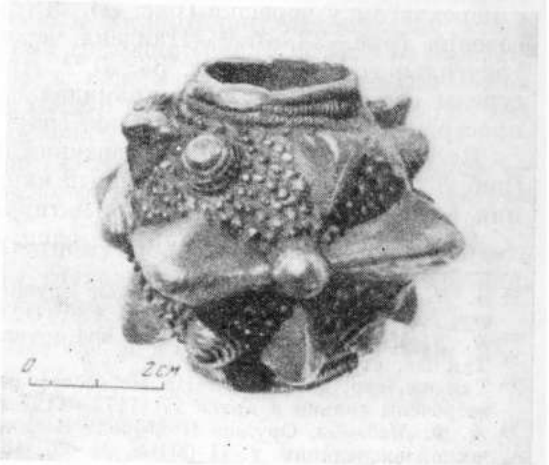


Рис. 32. Бронзовая булава

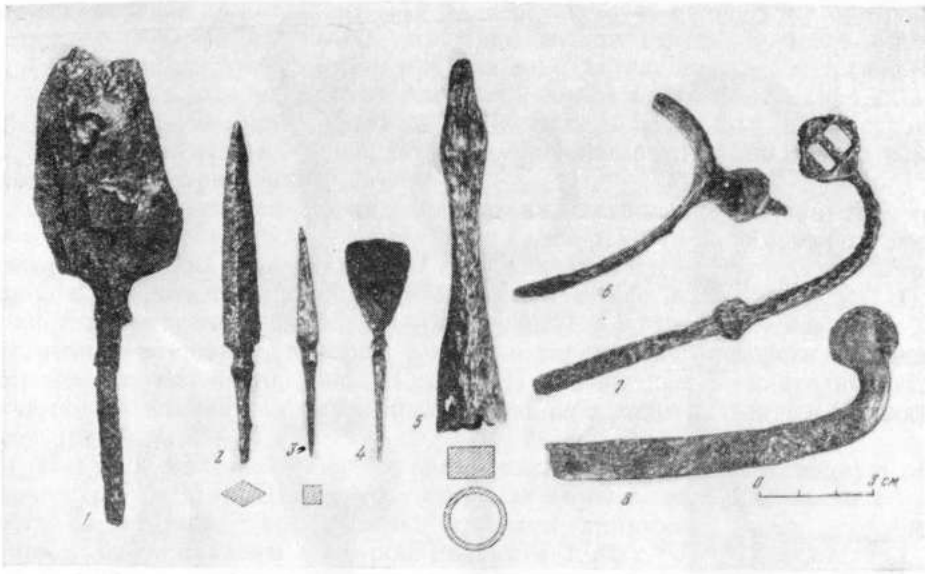


Рис. 33. Оружие и предметы снаряжения всадника

1 — наконечник сулицы; *2*, *3* — бронебойные наконечники стрел; *4* — наконечник стрелы типа срезня; *5* — арбалетный наконечник стрелы; *6—8* — обломки шпор

в полосе от Среднего Поднепровья до Закарпатья (половина из них происходит из Киевской земли). В XII — первой половине XIII в. они изготовлялись в первую очередь в Киеве и южнорусских городах, откуда расходились внутри страны и за ее пределами [71].

Среди наконечников стрел выделяются черешковые бронебойные (граненые). Одна из стрел узкая пирамидальная ромбического сечения с перехватом у черешка (рис. 33, *2*), другая — шиловидная квадратного сечения (рис. 33, *3*) [72]. Найдена черешковая плоская стрела в форме треугольного срезня (рис. 33, *4*) [73]. Арбалетный втульчатый наконечник стрелы относится к типу пирамидальных с ромбовидной головкой, распространенному в XIII—XIV вв. (рис. 33, *5*) [74].

Встречен обломанный наконечник сулицы или метательного копья (рис. 33, *1*). В Новгороде подобный кинжаловидный черешковый наконечник с широким плоским пером датируется XIII в.[75]

Из трех обломков шпор ни один нельзя отнести к определенному

---

[71] *А. Н. Кирпичников.* Древнерусское оружие, вып. 2. — САИ, вып. Е1—36, 1966, стр. 52—54, табл. XXVII, *1—7*; XXVIII, *2—4*; XXIX, *2*.

[72] *А. Ф. Медведев.* Ручное метательное оружие. . ., стр. 84 (тип 95).

[73] Там же, стр. 70—71 (тип 54).

[74] Там же, стр. 94 (тип 4). На Неревском раскопе в Новгороде арбалетные стрелы встречены только в ярусе 17 (1177—1197 гг.) (Там же, стр. 92).

[75] *А. Ф. Медведев.* Оружие Новгорода Великого. — Труды Новгородской археологической экспедиции, т. II (МИА, № 65), 1959, стр. 128, рис. 4, *10*.

типу (рис. 33, *6—8*). У одной из них шип с шарообразным утолщением, петли прямоугольные со сквозными прорезями или дисковидные. Шпоры относятся к XII—первой половине XIII в.[76]

Керамические изделия представлены огромным количеством обломков гончарной посуды, типичной для XII—XIII вв.[77] Кроме обычных горшков, сделанных на круге, имеются кринки, миски, миниатюрные горшочки и др. Преобладают сосуды неорнаментированные или с линейно-волнистым орнаментом. Клейма встречаются редко. Полностью отсутствует керамика XI—начала XII в., украшенная зубчатым штампом. Поливной посуды русского производства почти нет.

Среди изделий из обожженной глины отметим так называемый хлебец — маленькую овальную лепешку, украшенную прорезными линиями

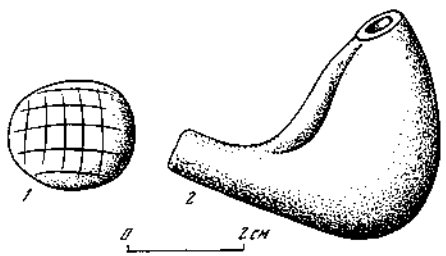


Рис. 34. Изделия из глины
1 — «хлебец»; 2 — свистулька

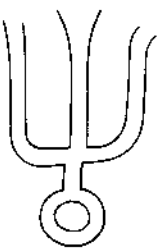


Рис. 35. Клеймо на днище сосуда

(рис. 34, *1*). На Старорязанском городище глиняные «хлебцы» встречались неоднократно [78] Вероятно, они имели ритуальное, обрядовое назначение (или служили детскими игрушками?). Найдена глиняная свистулька в форме водяной птицы (рис. 34, *2*). Голова «уточки» отбита.

* * *

Можно предположить, что усадьба принадлежала боярину, имевшему близкое отношение к княжеской семье. На ее территории найдено днище сосуда с княжеским знаком в форме трезубца (рис. 35). На Старорязанском городище гончарные клейма в виде «знака Рюриковичей» очень редки (вместе с находкой 1967 г. их всего три). Начертание одного из них близко тому же знаку, но средний зубец внизу не имеет кружка [79].

Не исключено, что Георгий-воин, вырезанный на печатном перстне, — патрональное изображение рязанского князя по имени Юрий (Юрия Ингваревича, погибшего в декабре 1237 г.?).

Хозяин усадьбы — человек «ратному делу искусный», мог входить в состав старшей дружины князя (находки парадной булавы, оружия, а также перстня и шашки с воинской тематикой изображений).

[76] *А. Н. Кирпичников.* Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX—XIII вв. — САИ, вып. Е1—36, 1973, стр. 66, табл. XVIII—XX.
[77] О керамике Старой Рязани см.: *А. Л. Монгайт.* Старая Рязань, стр. 108 и сл.
[78] Там же, стр. 126, 182, рис. 89.
[79] Там же, стр. 120, рис. 81.

Оборонительные сооружения

Возведению усадьбы предшествовала постройка оборонительных сооружений (нижний строительный ярус), которые защищали Южное городище со стороны Оки. По-видимому, участок раскопа 7 — одно из немногих мест, где их можно проследить, так как обрывистый окский берег, подвергаясь постоянным размывам, сильно осыпался. Открытие остатков укреплений подтвердило сведения о валах (обозначенных на плане 1774 г.), которые проходили по западной стороне городища [80]. Как свидетельствуют стратиграфические данные, укрепления сгорели до постройки на их месте боярской усадьбы. Их гибель можно предположительно приурочить к 1208 г., когда Рязань была взята войсками Всеволода III, а ее укрепления сожжены.

По краю крутого склона речной надпойменной террасы был насыпан вал, отчасти сохранившийся в юго-западном углу раскопа (рис. 36). Он хорошо виден в профиле южной стенки (рис. 37). От времени вал сильно оплыл, так что снаружи совершенно не заметен. Правда, он почти доходит до современной поверхности и в верхней части прикрыт только тонким дерновым слоем. В северной части раскопа насыпь вала почти бесследно исчезла в результате оползней. Вал насыпан из чередующихся прослоек плотной материковой глины желтого цвета и светло-серой гумусной земли, в которой изредка попадаются кости животных и обломки гончарной посуды. Насыпь чисто земляная, без каких-либо специальных деревянных или каменных конструкций. Культурного слоя под валом нет, он насыпан на необжитом месте. Земля при насыпке вала бралась на месте — с площадки городища, в результате за ним образовалась вырытая в материке выемка — «котлован». Первоначально ширина «котлована» была 2,5—3 м при глубине 1 м, и обе параллельные стенки были вертикальные. В результате оползания тыльного склона вала ширина «котлована» сократилась до 2 м, и его переднюю стенку под материковой глиной, сползшей с вала, выявить невозможно. Высота сохранившейся части вала (по отношению ко дну «котлована») 2,6 м. В древности он был выше — в профиле видно, как постепенный подъем насыпи резко прерван обрывом. Вся внешняя сторона вала разрушена (рис. 37). По гребню вала, по-видимому, шел деревянный частокол (тын) из заостренных вверху бревен (рис. 38). Тын из двух рядов бревен, стоявший на вершине насыпи, был прослежен в разрезе вала у Новых Пронских ворот [81].

Таким образом, замкнутый земляной вал проходил по всему периметру Южного городища, но с напольной стороны он был значительно выше (до 10 м), и перед ним был вырыт ров, который отрезал укрепленную часть поселения от прилегающего плато. Замкнутая планировка укреплений распространилась на Руси в XI—XIII вв. [82].

В «котлован» за валом были опущены конструкции из сосновых и дубовых бревен. При их сооружении образовалась строительная прослойка

[80] *А. Л. Монгайт.* Старая Рязань, стр. 16.
[81] Там же, стр. 34—35, рис. 6.
[82] *П. А. Раппопорт.* Очерки по истории русского военного зодчества X—XIII вв. — МИА, № 52, 1956, стр. 61—62.

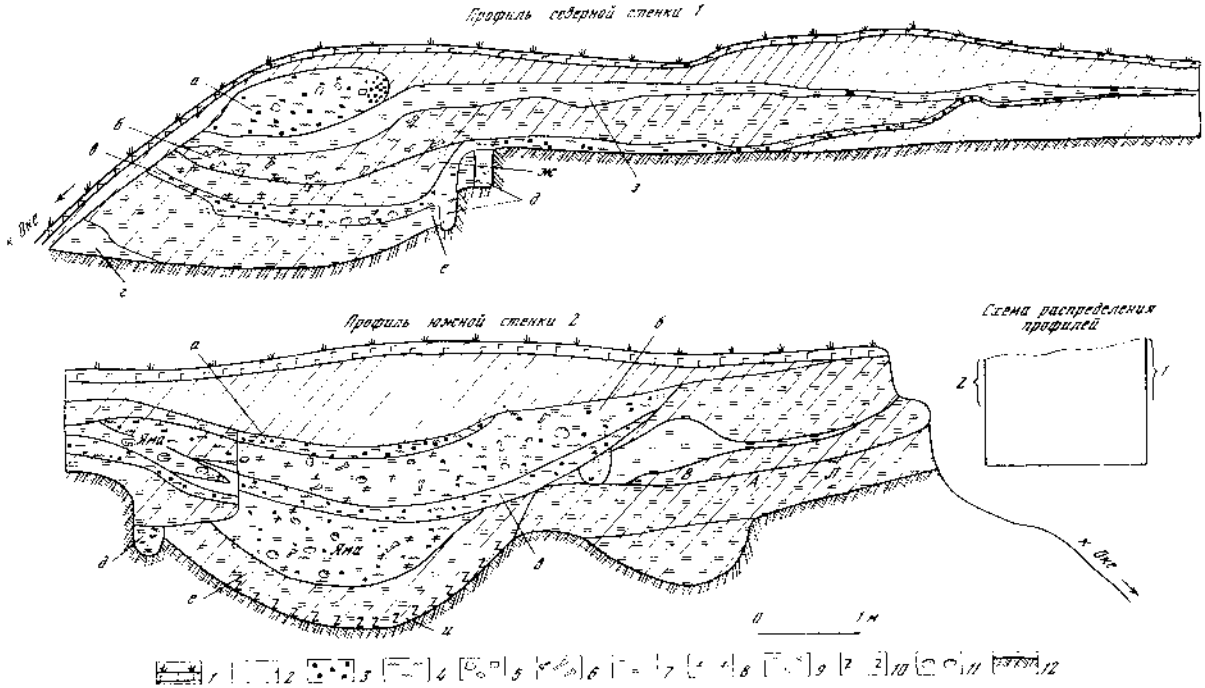


Рис. 37. Профили стенок раскопа 7

1 — гумус;
2 — серый культурный слой;
3 — уголь;
4 — зола;
5 — кирпичный лом;
6 — скопления костей животных;
7 — глина;
8 — обожженная глина;
9 — древесный тлен;
10 — щепа;
11 — камни;
12 — материк
а — пожар 1237 г.;
б — нивелировочная засыпка котлована сгоревших клетей;
в — пожар 1208 г. (?), сгоревшие клети;
г — останец вала;
д — следы бревен от внутренней продольной стенки клетей;
е — засыпка нижних венцов клетей при их постройке;
жс — насыпка на потолок клетей;
з — глинистая площадка (двор дома);
и — слой щепы, связанный с постройкой клетей

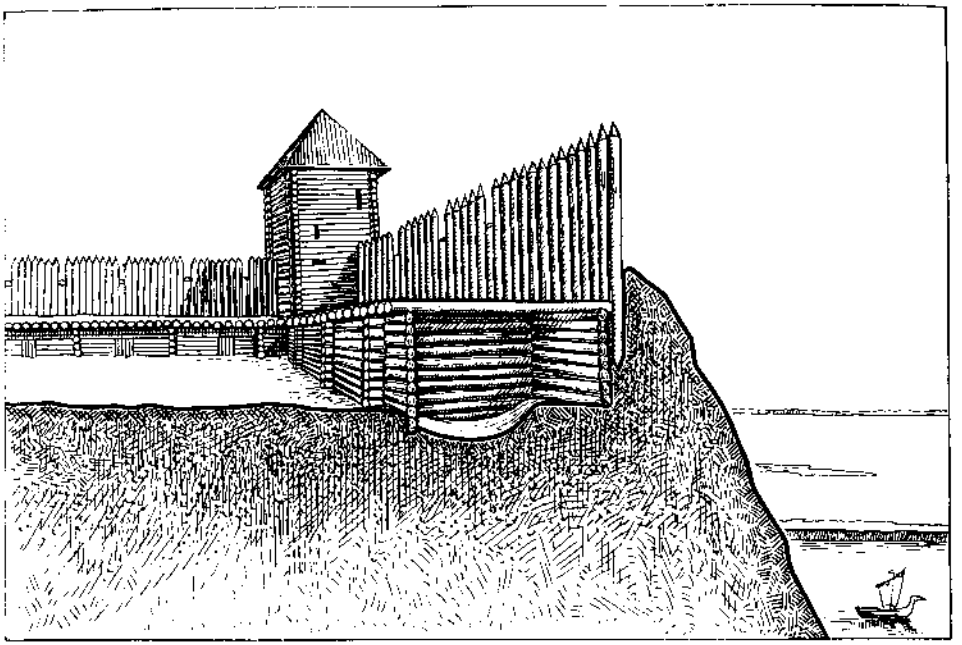


Рис. 38. Оборонительные сооружения Южного городища со стороны Оки (реконструкция Т. П. Кудрявцевой)

щепы и коры толщиной 1—2 см, прослеженная на дне «котлована» (рис. 37). Конструкции состояли из двух сплошных параллельных стенок, расположенных на расстоянии 2,5—3 м и разделенных перегородками на отдельные клети. Сплошная, связанная линия срубов прослежена в пределах раскопа на протяжении 25 м (рис. 36). Следы сгоревших клетей были видны уже на глубине 1 м в виде полос угля, золы, кусочков обожженной глины и мелких белых камней. В слое пожарища было много гвоздей. Но четкие границы срубов удалось проследить только в их основании (с глубины 1,4 м), так как бревна трех нижних венцов не сгорели, а сгнили. Это произошло потому, что нижние венцы срубов на 0,6 м были забиты плотно утрамбованной глиной. В этом серовато-желтом слое, служившем полом клетей, изредка встречались кости животных и обломки гончарной посуды XI—XII вв. Кроме глинистой забутовки, нижние венцы срубов были укреплены мелкими камнями. На желтом фоне разрушенной материковой глины различались узкие полосы темной рыхлой земли с включениями коричневого древесного тлена. Их ширина 0,2 м равна диаметру бревен. Горизонтальное расположение волокон дерева свидетельствует о горизонтальном положении сгнивших бревен. После расчистки темных полос (при сохранении вокруг забивки из глины) на тех местах, где были бревна, образовались выемки (рис. 39). На стенках выемок хорошо видны отпечатки бревен. Передняя стенка клетей,

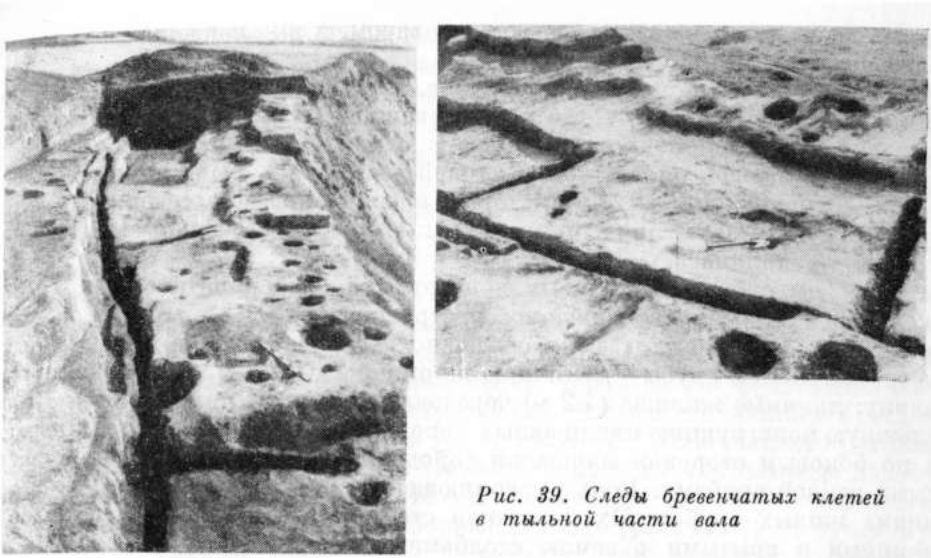


Рис. 39. Следы бревенчатых клетей в тыльной части вала

примыкавшая к валу, сгорела целиком и прослежена только по угольно-зольным полосам. Это можно объяснить тем, что она стояла несколько выше тыльной стенки и не была углублена в землю [83].

Хорошо сохранились следы четырех поперечных стенок срубов длиной 2,6—2,8 м. Расстояние между ними (с севера на юг) 3,8 м; 6,7 м; 5,2 м, т. е. длина клетей различна (рис. 36). Как производилось соединение продольных бревен срубов в одну сплошную линию? Скорее всего, оно было выполнено путем врубки продольных бревен в поперечные стенки «внахлестку», как в валах Вышгорода (XII в.) и Райковецкого городища [84]. Тип рубки можно определить по ритму поперечных стенок, которые находятся приблизительно на равных расстояниях. Если бы стена состояла из отдельных срубов, поперечные стенки были бы попарно сближены друг с другом [85]. Тыльная продольная стенка срубов местами двойная — возможно, это следы ремонта укреплений, когда заменялись плохие бревна. Врытые в землю столбы, от которых остались многочисленные ямки (диаметр от 0,2 до 0,5 м, глубина 0,2—0,8 м), могли укреплять наружную стенку срубов (рис. 36).

Клети, сплошной линией примыкавшие к валу, имели жилое или хозяйственное назначение (рис. 38). Против того, что здесь были жилища, как будто говорит отсутствие печей и сравнительно небольшое число находок бытового инвентаря на уровне пола помещений. Последнее обстоятельство легко объяснимо: перед тем как сжечь Рязань, Всеволод приказал ее жителям выйти из города с имуществом: «И повеле великый

---

[83] Это хорошо видно в разрезе вершины вала напротив шатрищенской школы (*А. Л. Монгайт.* Старая Рязань, рис. 7).

[84] *И. А. Раппопорт.* Очерки. . ., стр. 102—105.

[85] Там же, стр. 122, рис. 92.

князь всем людем изити из града и с товаром, и яко изидоша вси, повеле зажещи град» [86].

Если допустить, что высота срубов, как на Райковецком городище, была не менее 2,5 м, то тогда перекрывавший их бревенчатый накат находился примерно на одном уровне с вершиной вала. Крыша срубов, служившая боевой площадкой за стеной-частоколом, была покрыта слоем глины толщиной 0,2—0,4 м, который виден в профиле северной стенки (рис. 37). Там, где глина примыкала к сгоревшим бревнам наката, она сильно прокалилась.

Отметим сходство открытых конструкций с оборонительными сооружениями Райковецкого городища, построенными в XII в. Кроме забитых землей срубов, имевших исключительно военное значение, в валу были устроены жилые срубы [87]. Жилища шириной 2,6—2,7 м имели различную длину: длинные жилища (4,2 м) чередовались с короткими (3,3 м). Более сложную конструкцию имели валы с напольной стороны и со стороны мыса, а по боковым сторонам площадки городища вал не был укреплен забитыми землей срубами. Роль укрепляющей вал конструкции здесь играла линия жилых срубов. Их наружная стенка в нижней части укреплена камнями и врытыми в землю столбами.

Аналогичное устройство имели укрепления древнерусского города Колодяжина (не ранее XII в.) [88]. Жилые клети расположены по периметру укреплений площадки. Их ширина 3,2 м, длина обычно 3,5—3,6 м, хотя были обнаружены как более короткие (около 2 м), так и более длинные (до 5 м) клети.

Сходные деревянные конструкции были открыты в верхней части старорязанского вала у Новых Пронских ворот. В тыльной части насыпи шла сплошная стена из продольных бревен, перевязанных поперечными бревнами. Расстояние между продольными стенками 2,5 м, толщина 0,2 м. Вдоль линий клетей с внешней стороны стоял тын из двух рядов бревен. На деревянном накате стены находился ход, по которому передвигались защитники крепости [89]. После пожара (1208 г.?), когда деревянные укрепления сгорели, вал был снова подсыпан.

По-видимому, укрепления южной и западной сторон Южного городища были построены как единый комплекс, по заранее намеченному плану. Временем их постройки следует считать первую половину XII в., скорее всего середину этого столетия, когда Рязанское княжество полностью обособляется от Муромского и начинается период наивысшего подъема Рязани. Конструкция срубов, где продольные бревна связаны друг с другом «внахлестку», характерна для русских укреплений XII в. В XII в. появляется связанная система внутривальных срубов, лицевая стенка которых представляет собой непрерывную линию, идущую вдоль

---

[86] ПСРЛ, т. I, стр. 183.
[87] *В. К. Гончаров.* Райковецкое городище. Киев, 1950; *П. А. Раппопорт.* Очерки. . ., стр. 103—105.
[88] *В. К. Гончаров.* Древний Колодяжин. — КСИИМК, XLI, 1951, стр. 49; *П. А. Раппопорт.* Очерки. . ., стр. 105—106.
[89] *А. Л. Монгайт.* Старая Рязань, стр. 34—38, рис. 6; 11.

вала [90]. По определению Г. П. Смирновой, фрагменты керамики из насыпи вала (из разрушенных погребений?) относятся ко второй половине XI—первой половине XII в. Тем же временем датируется керамика в культурном слое, подстилающем вал в южной части городища и у Исадских ворот [91]. Из насыпи вала происходит пластинчатый браслет типа ленточных (рис. 16, *11*). Концы браслета заходят друг за друга и имеют прямой срез. Ленточные браслеты XI—XIII вв. распространены в северных районах Руси, обычны они на Средней Оке в районе Касимова. На территории вятичей их находки редки [92].

Оборонительные сооружения, изученные нами, простояли около полувека и после пожара были возобновлены. Находки в нижнем угольном слое 1208 г. (?) на уровне пола клетей хронологически неотделимы от находок в верхнем строительном ярусе. Здесь много фрагментов керамики XII—XIII вв., гвоздей, встречаются обломки стеклянных браслетов. Найден топор с симметричным узким лезвием и облегченным круглым обухом с ушками (рис. 26, *3*). На Неревском раскопе в Новгороде подобные топоры встречены в ярусах 14—17 (1177—1238 гг.) [93]. Из костяных поделок отметим двусторонний наборный гребень (рис. 24, *1*) [94], рукоятку ножа с циркульным орнаментом [95], вертлюг для веревочных снастей (рис. 24, *7*), стержневые пуговицы (рис. 24, *9*). Найдены четыре шиферных пряслица, медный крестик (рис. 18), две шарообразные бусины из горного хрусталя (XII—XIII вв.). К этому же времени относится желто-зеленая зонная бусина из прозрачного стекла. Встречены два маленьких фрагмента белоглиняных сосудов с двусторонней поливой бирюзового и синего тонов. Посуда с бирюзовой поливой на белой глине с XII в. была широко известна на Ближнем Востоке и в Средней Азии [96].

Могильник

В северо-восточной части раскопа 7, не затронутой застройкой XII—XIII вв., было открыто кладбище (рис. 36). Всего обнаружено пять погребений, довольно бедных находками. Все погребения совершены по обряду трупоположения в неглубоких могильных ямах, врезанных в материк на 0,2 м. Точные контуры ям не всегда удается проследить. Костяки лежат в вытянутом положении на спине, головой на запад с сезонным (зимним) отклонением к югу. Руки сложены на груди или на животе, иногда вытянуты вдоль туловища. По краю могильных ям прослежены полоски древесного тлена шириной до 2 см. Вероятно, как в вятических

---

[90] *И. А. Раппопорт.* Очерки. . ., стр. 102, 140, 144.
[91] *А. Л. Монгайт.* Старая Рязань, стр. 35, 37.
[92] *В. И. Левашева.* Браслеты, стр. 235.
[93] *Б. А. Колчин.* Железообрабатывающее ремесло. . ., рис. 12.
[94] В Новгороде гребни этой группы были распространены в XII и почти весь XIII в. (*Б. А. Колчин.* Хронология новгородских древностей, стр. 102, рис. 5, 6).
[95] Аналогичные рукоятки см.: *А. Л. Монгайт.* Старая Рязань, рис. 97, *3*, *4*.
[96] *Г. П. Макарова.* Поливная посуда. Из истории керамического импорта и производства древней Руси. — САИ, вып. Е1—38, 1967, стр. 34.

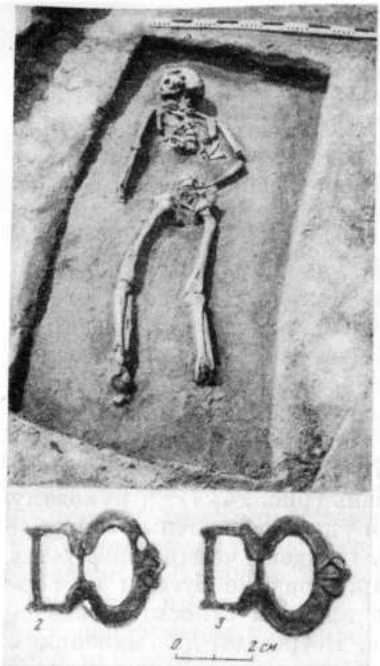


Рис. 40. Могильник и его инвентарь

1 — погребение 5; *2* — пряжка из погребения *1*; *3* — пряжка из погребения 5

курганах гробы представляли собой долбленные колоды, отпиленные от толстого бревна.

Погребение 1. От скелета мужчины сохранились череп (раздавлен), верхние позвонки, плечевые кости рук, частично таз и бедренные кости ног. Слева от таза лежала лировидная бронзовая пряжка XI в. (рис. 40, *2*). Из четырех лировидных пряжек, найденных в Новгороде, три датируются XI в.[97]

Погребение 2. Найден скелет маленького ребенка. Вещей нет.

Погребение 3. В могильной яме обнаружены только кости раздавленного черепа. Рядом вырыта неглубокая яма неправильной формы, заполненная костями животных и рыб, рыбьей чешуей, черепками горшков. Среди костей попадаются угольки. Возможно, это остатки тризны, сопровождавшейся разжиганием костров и ритуальным пиршеством. Остатки тризн в виде угольков, битой посуды и костей животных часто встречают в насыпях вятических курганов.

Погребение 4. Сохранность мужского скелета хорошая (рис. 41, *1*). В ногах с левой стороны лежал горшок, в свое время наполненный пищей (рис. 41, *2*). Горшок с довольно высокими плечиками и конусовидно суживающимся туловом сделан на гончарном круге. Его высота 13,5 см, диаметр устья 13 см, диаметр днища 7,5 см. Горшок желтого цвета, тесто содержит примесь кварцевого песка. Отогнутый наружу венчик имеет прямо срезанный край. Сосуд неорнаментирован. По совокупности признаков его можно датировать XI в.[98] У правого бедра костяка лежал железный нож с узким лезвием удлиненных пропорций (рис. 41, *3*). Длина лезвия 7,5 см, ширина 0,8 см. Сечение лезвия клиновидное, спинка довольно широкая прямая. Отношение ширины клинка к толщине обушка 2 : 1. Такая форма ножа характерна для X—XI вв.[99]

Погребение 5. Сохранность мужского костяка хорошая (рис. 40, *1*). Возле таза найдена лировидная пряжка XI в. (рис. 40, *3*).

---

[97] *М. В. Седова.* Ювелирные изделия. . ., стр. 258, рис. 7, *5*.

[98] В Новогрудке такие сосуды найдены в слое X—XI вв. В курганном могильнике у дер. Бретянка вблизи Новогрудка они датируются XI в. (*М. В. Малевская.* О датировке нижнего горизонта Новогрудка. — КСИА, 104, 1965, рис. 34; *К. В. Павлова.* Раскопки могильника близ Новогрудка. — Там же, рис. 37, *1*; 38, *6*).

[99] *Б. А. Колчин.* Железообрабатывающее ремесло. . ., стр. 48, рис. 34, *1—5*.

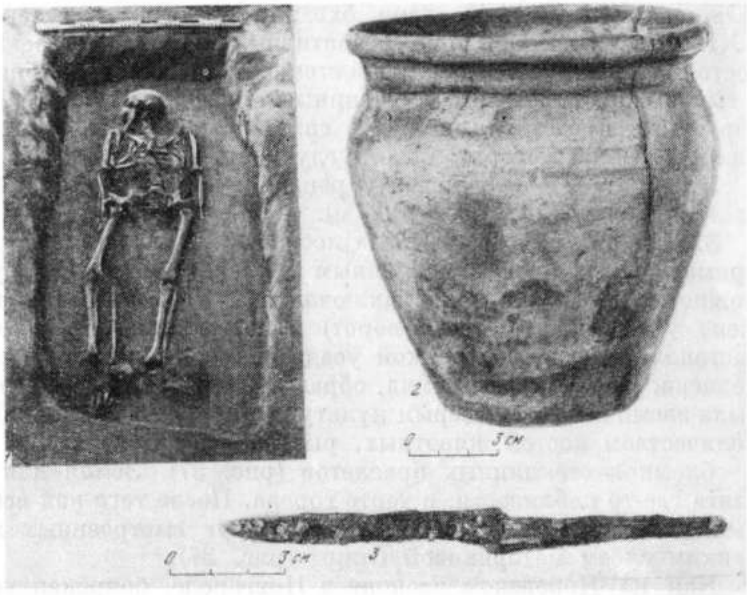


Рис. 41. Погребение 4

1 — общий вид погребения; *2* — горшок; *3* — нож

Все грунтовые погребения относятся к XI—началу XII в. Возможно, из разрушенных погребений происходят фрагменты керамики, пластинчатый браслет и отдельные человеческие кости, найденные в валах. О существовании небольших намогильных насыпей свидетельствует очень незначительная глубина захоронений, лежащих на одном уровне, и редкое расположение могил, которые никогда не перекрывают друг друга (рис. 36). Выбор места на краю береговой возвышенности очень удачен для могильника. До сих пор в Старой Рязани все кладбища расположены именно так.

История участка

Историю исследованного участка Южного городища, четко прослеживаемую и по стратиграфическим данным (рис. 37), можно обрисовать так:

1. В XI—начале XII в. на незастроенной в то время территории за пределами города (северного городища) существовал грунтовой могильник.

2. Около середины XII в. в связи с ростом Рязани возникает внешнее кольцо укреплений с южной и западной сторон разросшегося города

(Южного городища) [100]. Они охватывают огромную территорию, куда с XII в. переносится и административный центр [101]. Оборонительная линия состояла из вала с частокольной стенкой на гребне и срубных конструкций в тыльной части насыпи. Деревянные конструкции, выходившие в сторону городища, представляли собой сплошную стену из отдельных клетей, нижние венцы которых были углублены в материк.

В 1208 г. (?) деревянные укрепления сгорели (нижний угольно-зольный слой толщиной 0,1—0,2 м).

3. Вскоре на их месте была построена феодальная усадьба, вплотную примыкавшая к возобновленным оборонительным сооружениям. Возможно, их восстановление заключалось в подсыпке вала (как это прослежено у Новых Пронских ворот) и возведении на его вершине нового частокола. Перед постройкой усадьбы вся площадка за валом была выровнена. Продольная выемка, образовавшаяся на месте сгоревших клетей, была засыпана светло-серым культурным слоем толщиной 0,5 м с большим количеством костей животных, рыбьей чешуи, керамики XII—XIII вв. и обломков стеклянных браслетов (рис. 37). Земля для засыпки была взята где-то поблизости, в черте города. После того как все выемки и ямы были ликвидированы, территорию вокруг выстроенных хором покрыли тонким слоем материковой глины (рис. 37).

Как на Неревском раскопе в Новгороде, боярская усадьба, построенная в начале XIII в., располагалась по соседству с полуземляночными жилищами рядовых горожан, открытыми на соседних раскопах 3 (1966 г.) и 11 (1968, 1969 гг.).

После гибели усадьбы в декабре 1237 г. жизнь на изученном участке города больше не возобновлялась.

Раскоп 3 (1966 г.)

Раскоп 3 площадью 10×10 м был заложен восточнее раскопа 7 (рис. 42). Культурный слой, сверху распаханный, представлял собой обычную гумусированную почву серой окраски (мощностью от 0,4 до 0,7 м).

В северо-западном углу раскопа открыто жилище полуземляночного типа, от которого сохранилась нижняя, врезанная в материк часть (рис. 43). Полуземлянка в форме правильного прямоугольника (2,5×2,2 м) углублена на 1,2 м от верха материка. Стенки отвесные. С юго-западной стороны вырезаны ступени входа. У середины противоположной входу стенки находилась глинобитная печь, прослеженная в виде развала обожженной глины от рухнувшего свода. При выкапывании полуземлянки для печи была оставлена прямоугольная площадка (1,4×1 м) высотой 0,2 м от пола. В полу по углам жилища расположены круглые столбовые ямки (диаметр 0,2 м, глубина 0,2—0,5 м). В темном гумуси-

[100] История наиболее мощных укреплений с напольной стороны Южного городища, видимо, была сложнее (*А. Л. Монгайт.* Старая Рязань, стр. 35—38, рис. 9, 10). Невысокий вал с тыном на вершине здесь был сооружен раньше (в начале XII в.?) (Там же, стр. 37).

[101] *А. Л. Монгайт.* Старая Рязань, стр. 21.

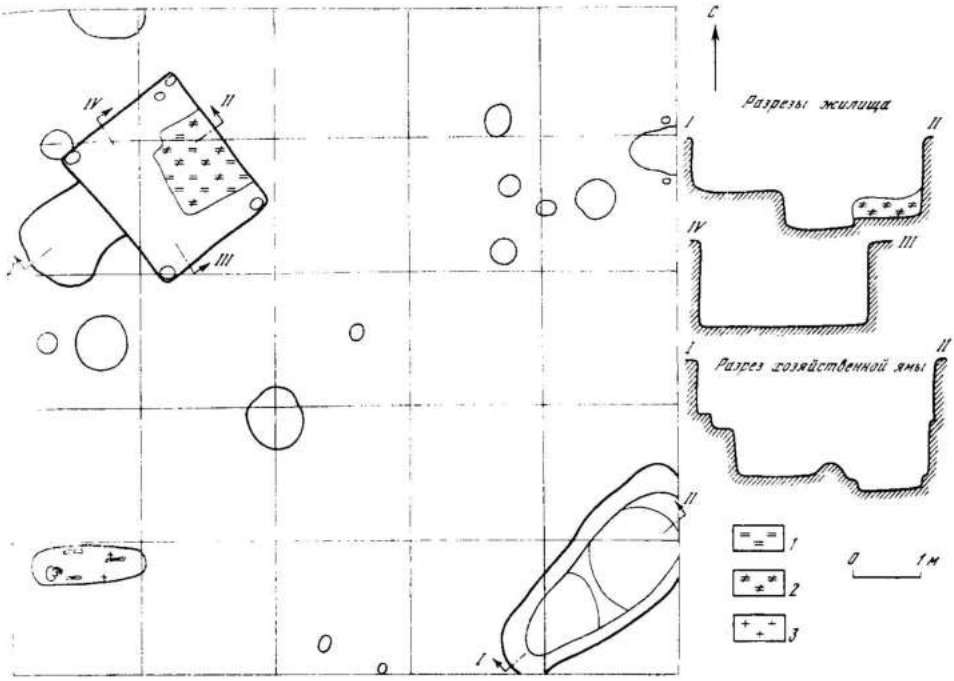


Рис. 42. Раскоп 3

1 — необожженная глина; *2* — обожженная глина; *3* — места находок в погребении

Рис. 43. Полуземлянка на раскопе 3

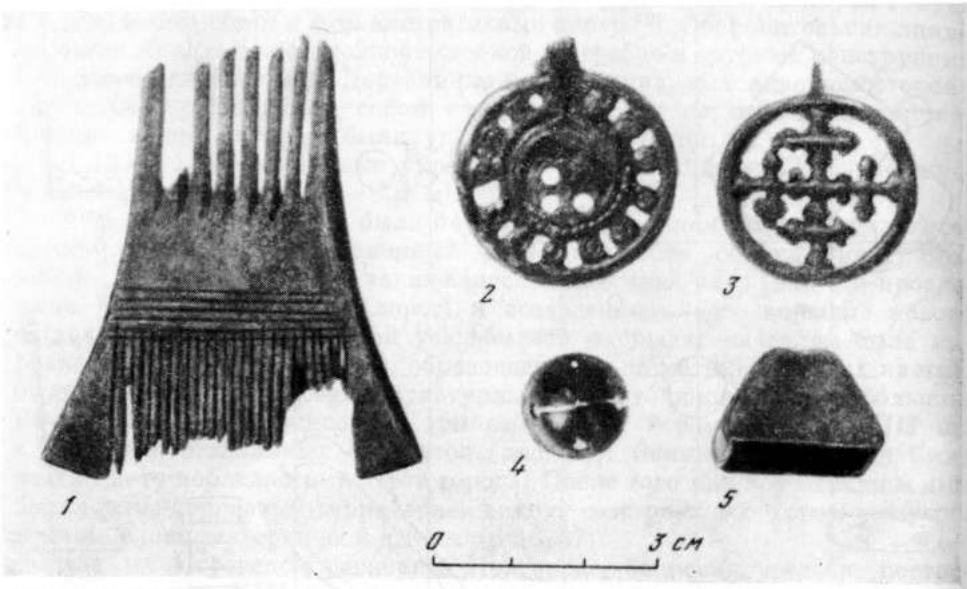


Рис. 44. Вещи из раскопа 3

1 — костяной гребень; *2*, *3* — привески к ожерелью; *4* — нашивная бляшка; *5* — привеска (?)

рованном заполнении полуземлянки, кроме костей животных и обломков посуды XII—XIII вв., найдены цельный двусторонний гребень типа трапециевидных (рис. 44, *1*) [102], обломок бронзового перстня с гравировкой в виде двойной плетенки и дужка от замка.

В юго-восточном углу раскопа обнаружена овальная в плане хозяйственная яма с отвесными стенками (3,8×1,5 м, глубина 1,8 м). У дна она имеет материковую перемычку (рис. 42). В гумусированном заполнении ямы много костей животных, обломков гончарной посуды XII—XIII вв. и стеклянных браслетов.

При разборке культурного слоя и в заполнении ям встречены раздробленные кости животных, обломки гончарной посуды XII—XIII вв., в том числе бороздчатых амфор, гвозди, обломки стеклянных браслетов. Найдены мелкие фрагменты поливных и стеклянных сосудов, несколько шиферных пряслиц. Интересны изделия из железа — хозяйственный инвентарь, оружие, принадлежности костюма. Среди них отметим следующие:

Обломок пилы-ножовки (?) с зубьями в форме равнобедренного треугольника (рис. 45, *1*).

---

[102] В Новгороде гребни этого типа появляются в начале XII в., их массовое производство длится до 20-х годов XIII в. (*Б. А. Колчин.* Хронология новгородских древностей, стр. 102, рис. 5, 6).

Рис. 45. Изделия из железа, найденные на раскопе 3

1 — обломок пилы-ножовки (?); *2* — половинка пружинных ножниц; *3* — нож; *4* — крючок типа кошки; *5* — ключ; *6* — обломок ключа (?); *7—9* — наконечники стрел; *10* — дужка от ведра; *11* — булавка; *12* — кольцо от поясной пряжки; *13* — цепочка; *14* — ледоходная конская подкова; *15* — обломок ключа

Половинка пружинных ножниц (рис. 45, *2*). Удлиненные режущие полотна с узкими лезвиями и тонкими стержнями отходят от массивного пружинного кольца.

Двойной крючок для вытаскивания запутавшихся рыболовных сетей (рис. 45, *4*).

Черешковая плоская стрела XII—первой половины XIII в. (рис. 45, *7*). Относится к типу ромбовидных с расширением в середине пера и пропорциями пера 1 : 3 [103].

Черешковая граненая стрела (рис. 45, *8*). Относится к типу пирамидальных с массивной короткой боевой головкой квадратного сечения и с перехватом у короткого черешка. Подобные наконечники употребляли для пробивания шлемов, панцирей и других доспехов [104].

Черешковая граненая стрела, характерная для XII—XIV вв. (рис. 45, *9*). Относится к типу лапетовидных квадратного сечения. Наконечник отличается длинным черешком, шейка имеет квадратное сечение, как и острие [105].

Ведерная дужка из крученого стержня (рис. 45, *10*). В Новгороде подобные дужки были распространены с конца XII по XIV в.[106]

Булавка для застегивания верхней одежды в виде острого стержня с кольцеобразной подвижной головкой (рис. 45, *11*).

Кольцо от поясной пряжки (рис. 45, *12*). В Новгороде аналогичные пряжки встречены в слоях XII—XIV вв.[107]

Цепочка из звеньев в виде буквы S и крепежного кольца (рис. 45, *13*). Звенья такой формы обычно имеют малые размеры.

Шип — в виде острия четырехгранного сечения, сваренного со скобой (рис. 45, *14*). Подобные шипы служили ледоходными конскими подковами [108].

Обломок овального кресала. В Новгороде вошли в употребление в первой половине XIII в.[109]

Среди изделий из бронзы (меди) преобладают украшения:

Подвеска (?) в форме полой четырехгранной пирамидки (рис. 44, *5*).

Прорезная подвеска к ожерелью. От креста, вписанного в полумесяц, отходят 12 лучей (рис. 44, *2*).

Прорезная подвеска к ожерелью с включенным крестом (рис. 44, *3*).

Полусферическая нашивная бляшка с крестовидной прорезью (рис. 44, *4*).

По составу находок культурный слой и синхронные ему сооружения раскопа 3 датируются второй половиной XII—первыми тремя десятилетиями XIII в.

К более раннему времени принадлежит погребение мужчины, обнаруженное в юго-западном углу раскопа (рис. 42). Неглубокая яма раз-

[103] *А. Ф. Медведев.* Ручное метательное оружие. . ., стр. 66—67 (тип 43).
[104] Там же, стр. 83 (тип 91).
[105] Там же, стр. 79 (тип 77).
[106] *Б. А. Колчин.* Железообрабатывающее ремесло. . ., стр. 104.
[107] Там же, стр. 108, рис. 98, *8—11*.
[108] *А. Н. Кирпичников.* Снаряжение всадника и верхового коня на Руси. . ., стр. 81—82, рис. 47, *7—10*.
[109] *Б. А. Колчин.* Железообрабатывающее ремесло. . ., стр. 101, рис. 85.

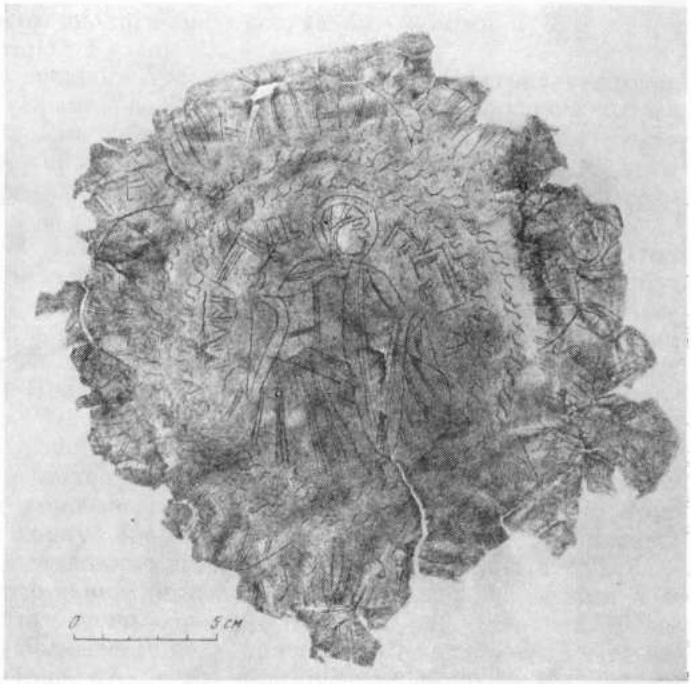


Рис. 46. Фрагмент романской бронзовой чаши

мерами 1,7×0,6 м вырыта в материке. Скелет лежал в вытянутом положении на спине, головой к западу. От него сохранились только раздавленный череп, плечевые кости рук и бедро левой ноги. Около бедра лежали железное кольцо, видимо от пряжки, и железный нож, форма которого характерна для XI—начала XII в.

Археологические заметки

В 1967—1968 гг. на Старорязанском городище и в его окрестностях обнаружены случайные находки, которые заслуживают особого внимания.

1. В 1967 г. около школы-интерната в дер. Фатьяновка был подобран большой фрагмент романской бронзовой чаши с гравированными изображениями (рис. 46) [110]. Композиция на внутренней поверхности сосуда восстанавливается полностью. Без труда читаются все латинские надписи, поясняющие женские фигуры — персонификации христианских добродетелей. Чаша изготовлена в западногерманской мастерской на рубеже

[110] Публикацию чаши см.: *В. П. Даркевич.* Новые находки романских бронзовых чаш.— Сб. Древние славяне и их соседи (МИА, № 176). М., 1970, стр. 150—153.

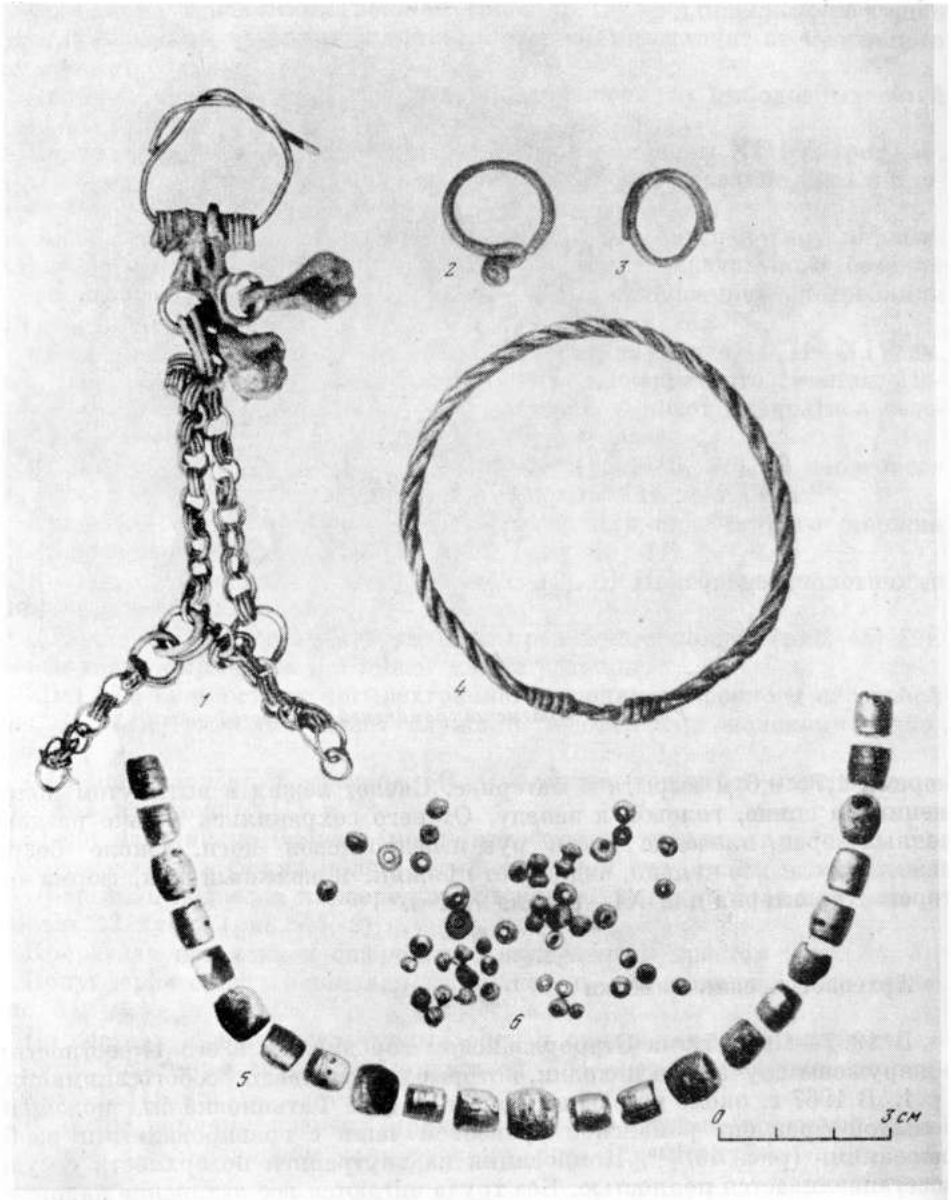


Рис. 47. Инвентарь погребения около школы-интерната

1 — кольцо с привесками; *2*, *3* — толстопроволочные височные кольца; *4* — витой браслет; *5* — стеклянные бочонкообразные бусы; *6* — стеклянные лимонные бусы

XII—XIII вв. Фрагмент аналогичного сосуда был найден в 1887 г. на Северном городище Старой Рязани [111].

2. В 1968 г. при сооружении фундамента для новой пристройки к школе-интернату (южная окраина дер. Фатьяновка) было разрушено погребение женщины. По словам рабочих, оно обнаружено на глубине около 2 м, что вызывает некоторые сомнения. Вещи тщательно собраны, хотя и не исключено, что часть из них пропала. В погребении найдены следующие украшения:

1. Тонкопроволочное кольцо XI в., завязанное на оба конца. Оно продето в трубочку с двумя кольцами, к которым подвешены два бубенчика и две цепочки (рис. 47, *1*). Привески на концах цепочек не сохранились. Бубенчики вытянутой формы имеют одну прорезь и большие уши. Бубенчики этого типа встречаются в трупосожжениях конца X—начала XI в.[112] В Новгороде грушевидные бубенчики были распространены в X—XI вв.[113] 2. Височное кольцо толстопроволочное перстневидное S-конечное (рис. 47, *2*). 3. Височное кольцо толстопроволочное перстневидное с заходящими концами (рис. 47, *3*). 4. Браслет витой с завязанными концами (рис. 47, *4*). Концы, наложенные друг на друга, обматывают корпус браслета. Витые браслеты типа завязанных бытовали в X—XI вв., отдельные экземпляры доходят до XII в.[114] В славянских курганах витые завязанные браслеты встречены с монетами X—XI вв.[115] 5. Стеклянные бочонкообразные бусы (23 экз.). Из них 16 золоченые, остальные — бесцветные непрозрачные. В ожерелье те и другие, видимо, чередовались (рис. 47, *5*). По новгородской стратиграфии время расцвета бочонкообразных золоченых бус — XI в.[116] В славянских курганах их встречают с монетами X—XI вв., но в основном — с монетами XI в.[117] 6. Вторую низку составляли стеклянные лимонные бусы (46 экз.). Некоторые из них двойные (рис. 47, *6*). По новгородской стратиграфии лимонные бусы датируются X—первыми двумя десятилетиями XI в.[118]

Погребение относится к XI в. К сожалению, территория, где оно обнаружено, почти недоступна для раскопок.

---

[111] *В. П. Даркевич.* Произведения западного художественного ремесла в Восточной Европе, стр. 21—22, табл. 14, *4*.
[112] *В. А. Мальм, М. В. Фехнер.* Привески-бубенчики, стр. 134—135, рис. 20, *7*.
[113] *В. А. Колчин.* Хронология новгородских древностей, рис. 11.
[114] *В. П. Левашева.* Браслеты, стр. 219.
[115] *А. В. Арциховский.* Курганы вятичей, стр. 144—145.
[116] *Ю. Л. Щапова.* Стеклянные бусы древнего Новгорода. — Труды Новгородской археологической экспедиции, т. I (МИА, № 55), 1956, стр. 171—172.
[117] *А. В. Арциховский.* Курганы вятичей, стр. 145.
[118] *Ю. Л. Щапова.* Стеклянные бусы древнего Новгорода, стр. 174.

П. А. Раппопорт. Е. В. Шолохова

Новые материалы о жилищах Старой Рязани

Огромное городище в Старой Рязани — один из редчайших в археологии примеров большого древнерусского города, столицы самостоятельного княжества, вся площадь которого доступна археологическому изучению. Естественно, что раскопки здесь начались уже давно, систематически продолжаются в настоящее время и дарят нам все новые открытия [1].

За многие годы раскопок в Старой Рязани вскрыто большое количество жилищ. Очень серьезные раскопки жилищ были проведены здесь В. А. Городцовым уже в 20-х годах [2]. Не удивительно, что одно из первых исследований, в которых поднимался вопрос о типологии древнерусских жилищ в целом, также в основном опиралось на материалы Старой Рязани [3]. Позднее А. Л. Монгайт, сведя воедино археологические материалы Старорязанского городища, уделил большое внимание и устройству жилищ [4]. Тем не менее, и в этой области каждый год приносит что-то новое; выявляются новые данные, позволяющие с большей и большей полнотой судить о жилищах древней Рязани.

Интересные новые материалы о жилищах дали и раскопки 1970 г. На раскопе 12, заложенном на краю Северного городища, было вскрыто несколько жилищ наземного типа. В верхнем горизонте жилища сохранились очень плохо, поскольку они залегали непосредственно под пахотным слоем, а кроме того были нарушены большим количеством поздних ям. В раскопе отмечены остатки двух жилищ этого горизоната. В их основании лежали глиняные выстилки, имевшие толщину от 3 до 5 см и, очевидно, служившие для выравнивания почвы на участке дома. Очень вероятно, что поверх этих глиняных прослоек настилался деревянный пол. В одном случае на уровне глиняной прослойки расчищены остатки печи, имевшей в плане овальную форму (приблизительно 1,4×0,8 м). Сохранились нижние части стенок печи из обожженной глины, имеющие

---

[1] См., например, регулярные информации начальника Рязанской экспедиции А. Л. Монгайта и коллектива сотрудников этой экспедиции в сборниках «Археологические открытия» за 1966, 1967, 1968 и 1969 гг.

[2] В. А. Городцов проводил раскопки жилищ в Старой Рязани в 1926 г. Материалы раскопок В. А. Городцова были позднее опубликованы А. А. Мансуровым. См.: *А. А. Мансуров.* Древнерусские жилища (по материалам археологических раскопок Старой Рязани). — Исторические записки, 1941, № 12.

[3] *А. Л. Монгайт.* Древнерусские жилища XI—XIII вв. (по раскопкам в Старой Рязани). — СЭ, 1948, № 4.

[4] *А. Л. Монгайт.* Старая Рязань. — МИА, № 49, 1955, стр. 40—74.

толщину около 20 см, а также незначительные остатки пола, трижды подмазывавшиеся. Печь была частично разрушена более поздней ямой. Судя по тому, что в этой яме найдены небольшие камни со следами действия огня, очень возможно, что в конструкцию верхней части печи входила не только глина, но и камни. От второго жилища этого горизонта сохранились лишь обрывки глиняной выстилки и отпечаток бревна одной из стен — канавка, заполненная деревянной трухой и кусочками обожженной глины. Ни размера, ни конфигурации этих жилищ определить не удалось. Весь археологический материал, связанный с жилищами, относится к XII—XIII вв.

Значительно лучше сохранилось жилище, лежавшее несколько ниже и частично прикрытое сверху остатками одного из верхних жилищ. Уровень земли, на котором стояло это жилище, залегает на глубине около 40 см от современной поверхности, непосредственно над материком. Жилище сгорело, и только это обстоятельство дало возможность проследить его основные конструктивные элементы, поскольку негорелое дерево в Старой Рязани совершенно не сохраняется. Границы жилища определены по обгорелым бревнам — остаткам нижнего венца сруба стен (рис.). От северо-восточной и юго-восточной стен уцелели лишь небольшие куски бревен, тогда как юго-западная стена сохранилась примерно наполовину, а северо-западная — целиком. Обгорелое дерево, лежавшее параллельно юго-западной стене, вне жилища, по-видимому, откатилось во время гибели жилища и конструктивно не связано со срубом. В северном и западном углах сруба четко выявлено, что врубка была исполнена с выпуском остатков (т. е. «в обло»). Северо-западная граница жилища, кроме бревна стены, хорошо определяется и по бортику из желтого суглинка, образованному подмазкой, которая некогда была сделана снаружи у стен

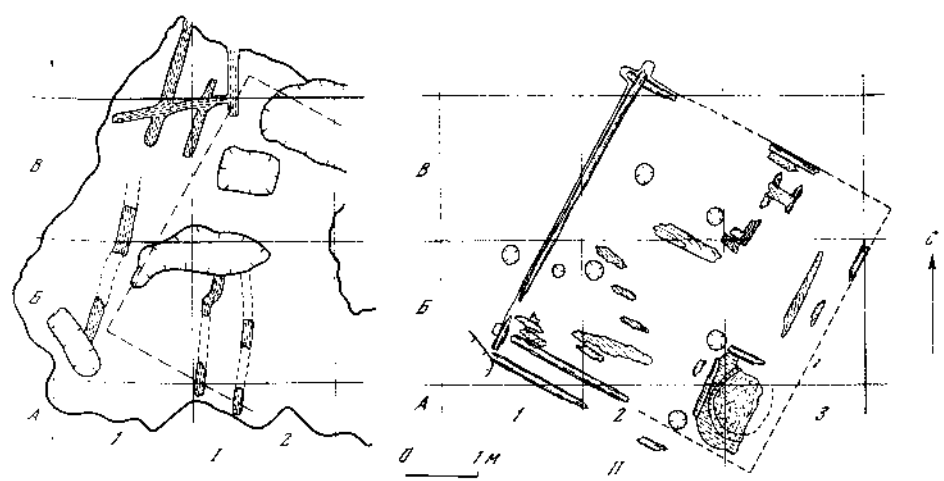


Рис. Наземное жилище XII в.

I — план рухнувшей кровли; *II* — план жилища

жилища. Толщина этой подмазки у стены жилища достигала 8 см, а от стены быстро уменьшалась.

Жилище имело в плане правильную квадратную форму; размеры его стен (по наружным краям бревен) 4,10—4,12 м.

Пол жилища был выстлан досками. Сохранились куски сгоревших лаг и лежавших на них досок. Ширина досок достигала 24 см. Толщина их неизвестна, так как от досок сохранилась лишь тонкая угольная прослойка.

В южном углу жилища — остатки печи, значительная часть которой была уничтожена более поздней ямой. Овальный под этой печи имел размеры примерно 80×95 см. В настоящее время под лежит на 7—8 см выше пола, но до того как пол сгорел, они, видимо, находились на одном уровне. Судя по форме пода, устье печи было направлено к северо-востоку. Вокруг пода обходит тонкая полоса несколько менее пережженной глины — место, где были расположены стенки печи. К печи примыкает глиняная подушка, которая с двух сторон ограничена небольшими бревнами, а двумя другими сторонами, видимо, примыкала к стенкам жилища.

В материке на площади жилища отмечен ряд круглых ям от столбов, заполненных гумусом с угольками. Часть из этих ям, несомненно, связана с конструкцией или внутренним оборудованием дома. Так, две ямы, почти вплотную примыкающие к боковой части печи, а также одна яма в западной части помещения, по-видимому, отмечают место полатей, тянувшихся вдоль юго-западной стены дома. Точно так же, видимо, не случайно расположены и две ямы в северной части жилища; быть может, они служили основанием стола. Диаметр отмеченных ям 20—25 см, их глубина от уровня древней поверхности 25—30 см. Остальные ямы расположены так, что сверху были перекрыты досками пола и, следовательно, не могли быть связаны с внутренним оборудованием жилища. Целый ряд мелких ямок, вскрытых в материке, вероятно, никак не связан с устройством жилища.

Вход в жилище, судя по направлению досок пола, должен был быть расположен либо в северо-западной, либо в юго-восточной стене.

Замечательную особенность жилища составляет то, что в нем сохранились остатки рухнувшей крыши. Это очень неровный по толщине (от 5 до 15 см) и по глубине залегания слой глины, имеющей явные следы действия огня. Сквозь этот слой проступали полосы, заполненные мелкими угольками и древесной трухой, — следы бревен, прикрытых сверху глиной. Бревна частично сгорели, частично сгнили. Очевидно, что остатки бревен и глина — это стропила крыши и слой глиняной обмазки кровли.

С жилищем связано небольшое количество бытовых находок — немного керамики, две фигурные костяные накладки, две очень маленькие стеклянные бусины, костяная проколка, бронзовый перстень с орнаментированным щитком, просверленный кабаний клык. На сгоревшем полу удалось различить следы двух круглых лукошек, решета, большого сгоревшего деревянного гребня. По-видимому, к этому же жилищу относятся три

шиферных пряслица, два железных ножа, железный крючок. Весь материал не выходит за рамки XII в., а судя по керамике, относится скорее к первой половине этого века.

Поблизости от жилища в материке было раскопано несколько больших хозяйственных ям. Очень вероятно, что некоторые из этих ям принадлежали жилищу. К сожалению, установить это с достоверностью не удалось.

Жилище, раскопанное в 1970 г., не ново по своему типу для Старой Рязани. Наоборот, оно целиком входит в ту большую серию наземных жилищ XII—XIII вв., которые уже были ранее раскопаны на этом городище. Однако относительно хорошая сохранность этого жилища позволила уточнить некоторые детали его конструкции, и это, несомненно, вносит вклад в изучение старорязанских жилищ.

Ю. Л. Щапова

Стеклянные изделия из Старой Рязани

(по материалам раскопок 1966—1968 гг.)

Стеклянные изделия, бытовавшие на Руси, имели разное происхождение: одни составляли заметную статью ввоза, другие изготавливались древнерусскими ремесленниками.

Собственное производство стекла началось в первой четверти XI в. в Киеве и было там сосредоточено на протяжении целого столетия. С середины XII в. киевская производственная монополия исчезает. В это время почти одновременно в целом ряде городов — Новгороде, Полоцке, Смоленске, Любече — появляются мастерские по изготовлению стеклянных браслетов. Производство браслетов имело место и в Старой Рязани. Аргументация этого утверждения изложена А. Л. Монгайтом [1]. В общей связи с историей производства браслетов древней Руси [2] мы писали о стеклянных браслетах Старой Рязани [3].

Настоящую работу мы начинаем с рассмотрения старорязанских браслетов, ставя целью установить их происхождение, особенности и время изготовления.

Стеклянные браслеты

В качестве материала для изготовления браслетов выступает стекло разного химического состава. Свой цвет стекло получает во время варки, причем атмосфера печи, температура в ней и время варки играют в образовании цвета заметную роль, правда меньшую, чем специально вводимые красители. Цвет стеклянного браслета прежде всего зависит от технологии стекловарения.

Большинство древнерусских браслетов изготовлено путем вытягивания палочки из горячей стеклянной массы. Разрезав вытянутую палочку на части и скрепив ее концы, мастер получал браслет. Некоторые браслеты, плосковыпуклые и треугольные, изготовлены путем накручивания стеклянной нити (или полосы) вокруг стержня, диаметр которого соответствовал диаметру руки. Форму стеклянного браслета определяют два сечения: поперечное и продольное. Природа этих двух признаков тоже технологическая: поперечное сечение браслета зависит от поперечного

[1] *А. Л. Монгайт.* Старая Рязань. — МИА, № 49, 1955, стр. 131.
[2] *Ю. Л. Щапова.* Стекло Киевской Руси. М., 1972, стр. 172—174.
[3] Там же, стр. 155—157.

сечения инструмента, которым вытягивается палочка. Продольное сечение, имеющее первоначально вид прямоугольника, усложняется кручением, причем этот прием дает результат только в тех случаях, когда закручивается палочка сложного поперечного сечения, например рифленая. Если палочка круглая, то от кручения продольное сечение не меняется, лишь цветная спираль на поверхности браслета регистрирует ритм вращения заготовки.

Таким образом, и цвет браслета, и его форма — технологические по своей природе признаки, причем цвет как признак возникает на более ранней технологической стадии, чем форма. В силу этого обстоятельства цвет стеклянного браслета нужно считать признаком более существенным, чем форму. Цвет в применении к древнерусским изделиям из стекла обладает еще одним полезным свойством: с его помощью можно надежно ориентироваться в составе стекол, можно даже определять химический класс стекол. Например, стекло фиолетовое и бирюзовое, сине-фиолетовое и бесцветное получали в древней Руси только на базе калиево-свинцово-кремнеземного стекла. Стекло желтое, зеленое, оливковое (от черного до зеленовато-коричневого цвета) получали на базе калиево-свинцово-кремнеземного и бесщелочного свинцово-кремнеземного.

Браслеты этих трех цветов можно грубо разделить по составу, руководствуясь сохранностью стекла: в отличие от бесщелочных свинцово-кремнеземных стекла калиево-свинцово-кремнеземные склонны к «расстекловыванию». Этим техническим термином выражается известное всем археологам свойство части стеклянных браслетов изменять свой цвет и структуру. Например, обломок браслета серого цвета на свежем изломе в самой сердцевине сохраняет нередко первоначальный цвет — бирюзовый, фиолетовый, желтый, зеленый или коричневый. Сердцевина сохраняет все первичные свойства стекла, наружная же часть теряет не только цвет, она становится матовой, крошится, рассыпается.

Описанные свойства и особенности древнерусских стекол, возникающие как следствие различий их химического состава, проверены тысячекратно. Их использование вполне применимо на начальных уровнях исследования, а иногда целесообразно и на более высоких.

Каждый стеклянный браслет выступает как единство всех свойств и признаков. Рассматривая его как произведение прикладного искусства или как статью ввоза или вывоза, мы искусственно нарушаем это единство в интересующем нас направлении. И в любом из этих аспектов изучения химический состав стекла, цвет браслета и его форма выступают как основа.

Вместе с тем цветовая гамма изменчива. Она изменяется от города к городу, не очень резко, но заметно; она изменяется и с течением времени. Таким образом, цветовая характеристика браслетов с учетом времени и территории отражает динамику изменений в потреблении стеклянных браслетов, в сбыте, можно уловить и некоторые особенности производства украшений этого вида.

Рассмотрим цветовую гамму браслетов Старой Рязани (таблица). Предметом рассмотрения являются 644 браслета, найденные на раскопе 7 за время работ в 1966—1968 гг. Этот раскоп включает в себя комплекс

Цветовая гамма браслетов Старой Рязани (сравнительная характеристика)

Цвет браслетов	Находки на раскопе 7			Находки на городище *			Изяславль
	количество	%	доверительные интервалы	количество	%	доверительные интервалы	
Коричневый	280	43,5	40—46	143	21,1	19—24	44
Фиолетовый	132	20,5	19—24	63	9,3	7—11	23
Синий	59	9,2	7—11	66	9,7	8—12	9
Зеленый	52	8,1	6—10	121	17,8	16—21	10
Бирюзовый	86	13,3	11—15	132	19,5	18—23	9
Желтый	35	5,4	4—7	41	6	5—8	5
Неопределенный				112	16,5		
Итого	644	100		678	100		100

* *А. Л. Монгайт.* Старая Рязань, стр. 155.

богатой боярской усадьбы [4]. Для сравнения взяты браслеты, найденные в разное время на площади городища Старая Рязань [5].

В таблице результаты подсчета браслетов разных цветов переведены в проценты. Изучение целого по части в случае небольших выборок предусматривает учет доверительных интервалов, т. е. пределов допустимых изменений конкретных данных. Цветовая гамма стеклянных браслетов с раскопа 7, взятая в доверительных интервалах, как нельзя более соответствует цветовой гамме браслетов, вывозимых из Киева в последние десятилетия перед татаро-монгольским нашествием. В качестве эталона вывоза выступают браслеты Изяславля [6].

Стеклянные браслеты, входящие в состав коллекции, созданной в результате раскопок на городище Старая Рязань в 1946—1950 гг., существенно отличаются по цвету от только что рассмотренных. Доверительные интервалы отчасти стирают различия, но не снимают их. Своеобразие цветовой гаммы — это первая примета возможного собственного производства, если нет прямых свидетельств. В данном случае прямые свидетельства есть: еще в 1913 г. был найден стеклянный браслет, испорченный в момент изготовления [7]. Этот красноречивый аргумент терял часть своей доказующей силы от того лишь, что был единственным. Второе свидетельство, полученное независимо, подкрепило основной аргумент, и в связи с ним и само наблюдение стало значительнее.

Собственное производство браслетов может отразиться не только в цветовой гамме, а и в наборе форм и их соотношении. Старорязанские стеклянные браслеты общим набором форм одинаковы со всеми древнерусскими: те же гладкие, крученые, витые рифленые, четырехгранные.

[4] См. выше статью В. П. Даркевича в настоящем сборнике.
[5] *А. Л. Монгайт.* Старая Рязань, стр. 131.
[6] *Ю. Л. Щапова.* Стеклянные браслеты Изяславля [в печати].
[7] *А. Л. Монгайт.* Старая Рязань, стр. 131, рис. 94.

Обычное соотношение этих форм таково: половина всех браслетов — гладкие, 5—7% составляют браслеты самых сложных форм, а 43—45% браслетов по-разному закручены. Среди браслетов, найденных на городище Старая Рязань, гладких — 21%, сложных форм — не более 3%, все остальные — более 75% — крученые. Что касается соотношения форм стеклянных браслетов из комплекса боярской усадьбы, то они больше соответствуют обычному правилу.

Сравнивая характеристики этих двух браслетных комплексов из Старой Рязани, нельзя не заметить значительных различий. Следует предположить, что основы сложения двух рассматриваемых комплексов разные. Особенности цветовой гаммы и набора форм позволяют считать, что в сложении комплекса браслетов с городища отразились и привоз браслетов из Киева, и изготовление их в Старой Рязани. Детальное сходство браслетов, найденных на боярской усадьбе, с киевскими заставляет считать их все привозными.

Химический состав браслетов из Старой Рязани специально изучался в археологической лаборатории МГУ. Проведено 54 анализа (№ 387: 1—5; 7—11; 13—22; № 388: 1—5; 7—10; 13—16; 19—22; № 389: 7—11; 13—18; 19, 20, 22, 23) [8]. Активное расстекловывание большей части неисследовавшихся браслетов означает, что их химический состав отвечает типу калиево-свинцово-кремнеземных стекол. Это общее заключение одинаково справедливо в отношении обоих сравниваемых комплексов. Браслеты, изготовленные из калиево-свинцово-кремнеземного стекла, своим происхождением обязаны Киеву.

Вывоз готовых изделий из Киева — обычная практика в древней Руси. В результате в разных городах появлялись браслеты одинакового состава, цветовая гамма и набор форм которых близки друг другу. С другой стороны, в домонгольской Руси достаточно хорошо была известна и практика приглашения мастеров, переезды мастеров из города в город. И, наконец, в это же время в таких городах, как Новгород, Полоцк, Смоленск, мастера-браслетчики жили и работали постоянно. Треть браслетов, известных в этих городах, была изготовлена в собственных мастерских. Заметим, что в этих городах браслетчики работали на свинцово-кремнеземном стекле, а в Новгороде с конца XII в. — и на калиево-свинцово-кремнеземном.

Стеклянные браслеты Старой Рязани — и привезенные из Киева, и местной работы — все изготовлены из калиево-свинцово-кремнеземного стекла. Поэтому в качестве метрополии рязанского производства браслетов должен выступать непосредственно Киев, приезд браслетчиков в Рязань через Новгород не исключен, но маловероятен.

К сожалению, в рязанских браслетах очень трудно отыскать долю собственного производства, прямых данных нет. Однако, сравнивая браслеты киевские и рязанские, нельзя не заметить, что коричневых и фиолетовых браслетов в Рязани так же мало, как и в самом Киеве, браслетов же бирюзовых вдвое больше. Если не считать исключений (Коло-

[8] Номера анализов даны по книге регистрации спектральных анализов, хранящейся на кафедре археологии МГУ.

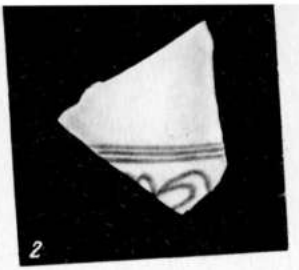
дяжин, Городск), то бирюзовые браслеты — это десятая доля в обычном среднем наборе, в Рязани бирюзовые браслеты выступают как пятая часть, вдвое бо́льшая, чем обычно и повсеместно [9]. Существенно больше в Рязани и зеленых браслетов, тоже почти вдвое (табл. 1). Сумма обоих превышений, взятых в доверительных интервалах (6—10% для зеленых, 9—14% для бирюзовых), могла бы составить возможную долю собственного производства — 15—24%. Предполагаемая доля собственного производства в Рязани вдвое меньше, чем в Новгороде и Полоцке. Однако там производство существовало более столетия. В случае, когда мастерская работала недолго, как, например, в Любече, объем браслетов местного изготовления приближался к 15% [10]. Предполагаемая величина — 15—24% — совпадает с долей собственных браслетов в Любече и, видимо, может в некоторой степени не только характеризовать собственное рязанское производство браслетов, но и косвенно свидетельствовать о недолгом времени его существования.

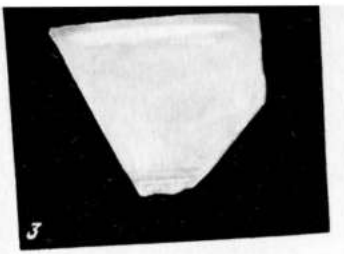
Остается еще один вопрос: когда же возникло собственное производство в Рязани? В первой половине XIII в. оно существует, как мы видели, и верхний предел его определен 1237 годом, когда Рязань была буквально стерта с лица земли. А вот время его возникновения мы еще не определили. В решении этого вопроса нам существенно помогут сведения о химическом составе рязанских браслетов. Все рязанские браслеты, как отмечено, изготовлены из стекла калиево-свинцово-кремнеземного. И это весьма существенный показатель. В Полоцке, Смоленске и Новгороде во второй половине XII в. собственные стеклянные браслеты делались только из свинцово-кремнеземного стекла. Лишь в конце XII в. стекло типа K—Pb—Si становится известным браслетчикам, живущим и работающим в Новгороде. Этот факт нельзя объяснить иначе как появлением в Новгороде киевских мастеров-браслетчиков, работающих со стеклом K—Pb—Si, самое появление которых определено закономерностями развития древнерусского стеклоделия [11]. Можно было бы датировать начало этого процесса и более ранним временем: любечская мастерская, где стеклоделы работали со стеклом типа K—Pb—Si, основана в 30-е годы XII в. Несмотря на формальную возможность датировать возникновение производства браслетов в Рязани 30-ми годами XII в., использовать ее в реальной рязанской ситуации вряд ли можно, коль скоро производство здесь существовало недолго. Следовательно, у нас остается один выход — датировать появление производства браслетов в Рязани (из стекла K—Pb—Si) временем более поздним — судя по Новгороду, концом XII в.

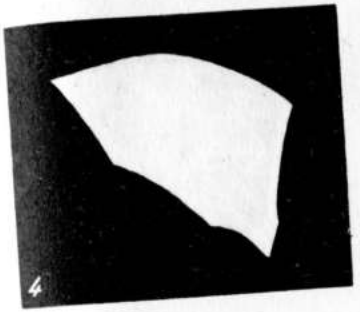
Распространение вширь производства стекла в древней Руси делится на два этапа. Один этап этого процесса приходится на середину XII в., когда появляются первые браслетные мастерские в Любече, Смоленске, Новгороде, Полоцке. Начало другого этапа нужно относить, базируясь

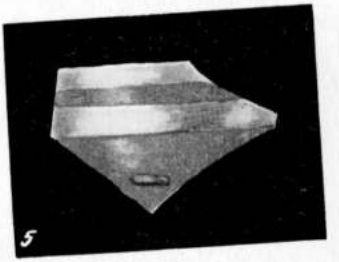
---

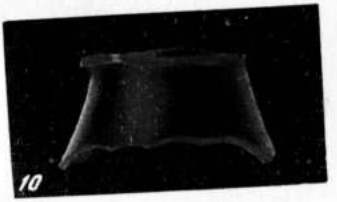
[9] *Ю. Л. Щапова.* Стекло Киевской Руси, стр. 166, табл. 30.
[10] *Ю. Л. Щапова.* Мастерская стеклодела в древнем Любече. — Сб. Славяне и Русь. М., 1968, стр. 236.
[11] *Ю. Л. Щапова.* Стекло Киевской Руси, стр. 172—173.











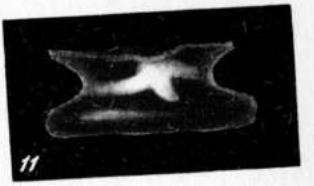


Таблица. Фрагменты цветных стеклянных сосудов с декором (1—11)

Бусы и перстни

На площади раскопа 7 найдено всего 14 бусин. Типологически они мало примечательны: найдено пять зонных бусин, две — рыбовидные, три — шарообразные, определить форму еще четырех невозможно, настолько малы фрагменты. Изготовлены бусины из склонного к расстекловыванию цветного (желтого, фиолетового, бирюзового, коричневого) стекла, типичного для изделий киевских мастеров. Бус так мало, что нельзя не признать их малозаметной роли в рязанском наборе украшений.

Перстней найдено 13. Если судить по аналогичным находкам в других городах, они также были изготовлены в Киеве.

Стеклянная посуда

Стеклянная посуда Старой Рязани весьма примечательна. Число находок невелико — по инвентарной описи их 30, — но под некоторыми номерами значатся осколки от двух разных сосудов, так что ниже пойдет речь о 34 сосудах, причем почти каждый из них достоин специальной публикации.

Характеристика стеклянных сосудов выясняется из анализа их формально-утилитарных и декоративных свойств, рассмотрения технологической схемы изготовления сосудов и химического состава стеклянной массы, из которой они изготовлены.

Первый сосуд представлен тремя осколками. Это открытый сосуд, диаметр устья которого равен 10—11 см (к сожалению, самый край сосуда не сохранился). Слегка вздутая верхняя часть сосуда плавно переходит в цилиндрическое тулово диаметром 7—8 см. Нижняя часть сосуда в находках не представлена, поэтому форма и высота сосуда будут восстановлены по аналогии.

Верхняя (вздутая) часть сосуда была украшена широким (до 4 см) декоративным поясом, отделенным красной полоской (*табл., 1*). Декоративный пояс состоит из мелких выпуклых точек, расположение которых, подчиненное форме сосуда, строго определено сеткой квадратов: точки располагаются рядами по вертикали и горизонтали. Декор исполнен белой эмалью, а самый нижний ряд точек выделен черным контуром. На одном осколке сохранились остатки декора на основной части сосуда (*рис. 1, 1*). Предполагаемая форма представлена на рисунке.

Исследован состав стекла этого сосуда (см. Приложение, ан. 385 : 5); это содово-известковое стекло, обесцвеченное окисью марганца. Однако состав стекла, указывая на Ближний Восток и Византию как на возможный источник происхождения, более определенного решения

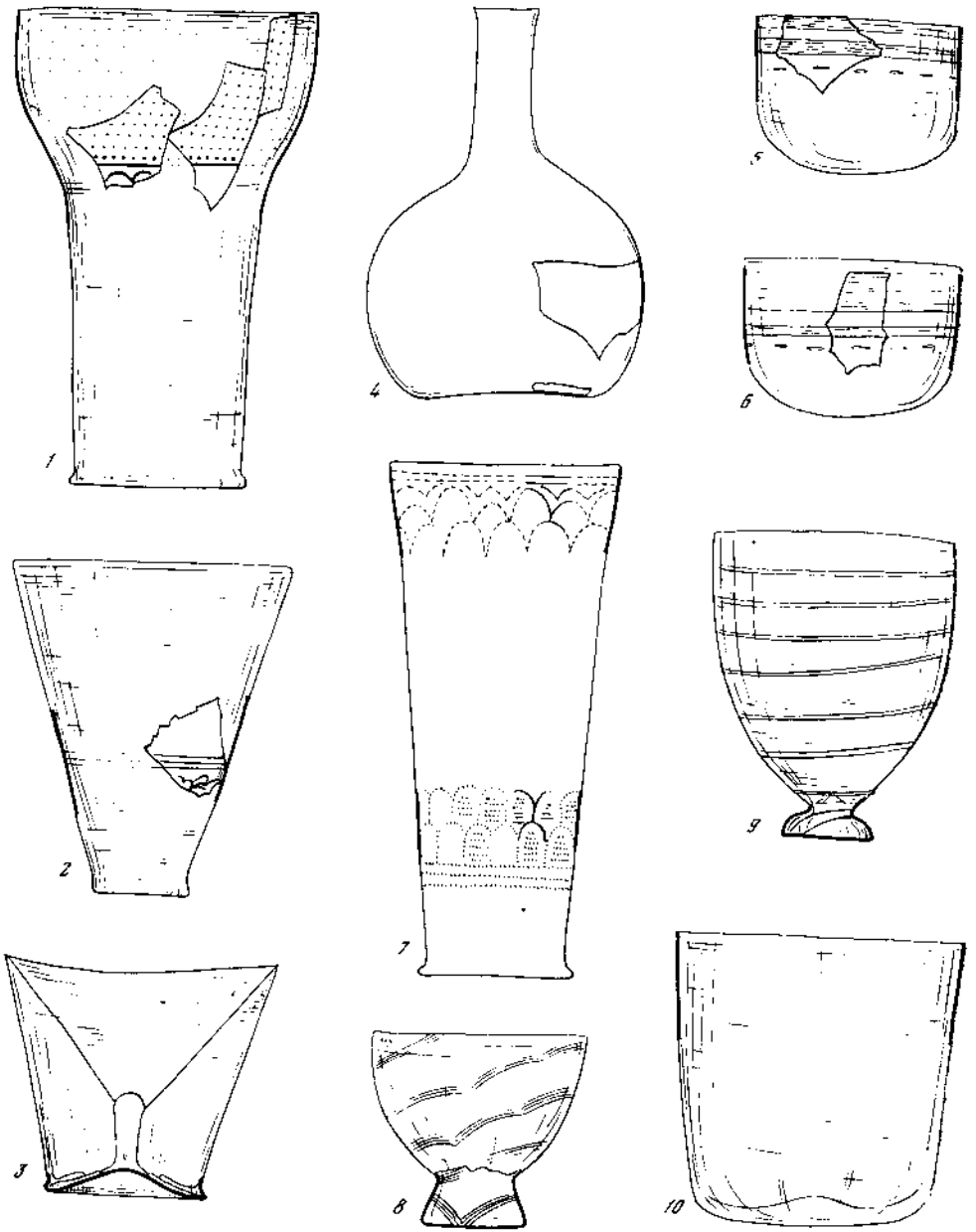


Рис. 1. Формы стеклянных сосудов. Реконструкции

не подсказывал. Декоративные свойства сосуда — прозрачные стенки расширяющегося цилиндра как фон несложного эмалевого узора — уточняют решение. Техника нанесения декора, художественный принцип контраста прозрачного бесцветного стекла с цветным эмалевым узором, форма сосуда, наконец, время, которым рязанская находка датируется, — вторая половина XII в., ограничивают круг поисков аналогий. Идентичных сосудов, правда, нет, однако по всем отдельным признакам и их сочетанию самую близкую аналогию составляют сосуды, изготовленные в мастерских Сирии [12].

Другой осколок принадлежал сосуду, изготовленному из такого же золисто-известково-кремнеземного стекла, обесцвеченного окисью марганца (ан. 385 : 23). Состав стекла отличается высоким содержанием окиси алюминия. Присутствие алюминия в стекле такого класса — явление нередкое. На обломке едва заметен вытравленный след, какой оставляет после себя роспись золотом (табл., *2*). Золотой узор состоял из трех параллельных линий и нескольких кривых, расположенных на той части сосуда, диаметр которой равен 5—6 см. Эта часть сосуда располагалась ближе к донцу, диаметр устья был бо́льшим. Если принять во внимание это соображение, то ближайшей аналогией окажется недавно опубликованный сосуд из Новогрудка [13]. По мнению авторов публикации, этот сосуд (прозрачного стекла, как и рязанский) был украшен в нижней части арабской надписью, исполненной золотом (почерком «насх»). Сосуды, украшенные в таком стиле, принадлежат к ранним (XII—XIII вв.) изделиям мастерских сирийского города Ракка.

По аналогии с новогрудским сосудом можно думать, что осколок принадлежал прозрачному кубку конической формы (рис. 1, *2*) с золотой орнаментальной надписью, исполненной почерком «насх» [14].

Третий осколок принадлежал прозрачному сосуду, изготовленному из такого же стекла (зола—известь—песок), обесцвеченного окисью марганца (ан. 385 : 11). Диаметр устья сосуда равен 11 см, стенки наклонные толщиной 1,5 мм. Это был конический стакан, на стенке которого сохранились остатки резного узора (табл., *3*). Начало узору положено двумя линиями — тонкой верхней и более широкой, расположенной под ней. От нижней линии отходит тонкая косая черта (рис. 2, *3*).

На раскопе 7 найдено еще два осколка от сосудов с резьбой. Один фрагмент принадлежал донцу. Линия перехода от донца к стенке подчеркнута неглубокой, но широкой линией гравировки (рис. 2, *6*); такая же линия и на другом, совсем невыразительном обломке. Происхождение этих фрагментов можно было бы определить по трем признакам: состав стекла (ан. 385 : 11) одинаково присущ продукции ближневосточных и византийских мастерских; декоративный прием — резьба и гравировка — одинаково известен в стеклоделии ближневосточном и византийском; бес-

---

[12] *K. J. Lamm.* Mittelalterliche Gläser und Steinschnittarbeiten aus dem Nahen Osten. Berlin—Leipzig, 1928—1930, Bd. I, pic. 125; Bd. II, рис. 34, *8*.

[13] *Ф. Д. Гуревич, Р. М. Джанполадян, М. В. Малевская.* Восточное стекло в древней Руси. Л., 1968, табл. XI, *4*.

[14] Характер почерка определил П. И. Петров, профессор МГУ. Пользуюсь случаем выразить ему свою признательность.

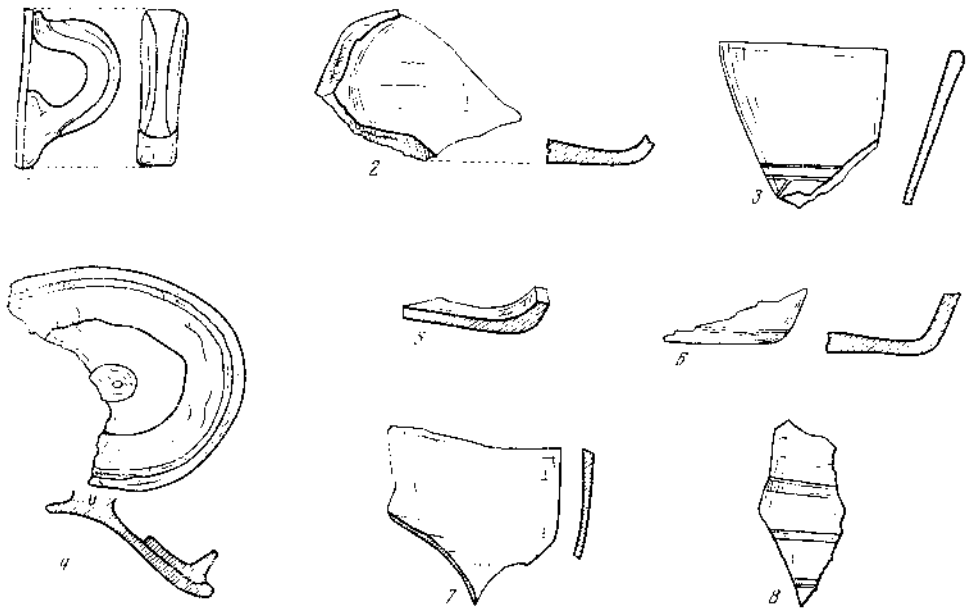


Рис. 2. Фрагменты стеклянных сосудов

цветная же прозрачность самого стекла скорее характеризует изделия ближневосточные, чем византийские. К сожалению, нет единственно верного решения вопроса о происхождении этих сосудов.

Рядом с этими двумя сосудами нужно поставить еще один, изготовленный из такого же стекла (зола — известь — песок), обесцвеченного окисью марганца (ан. 385 : 6). Сосуд изменил форму, а местами оплавился под действием сильного жара. Однако несмотря на это, некоторые детали сохранились настолько хорошо, что позволяют целиком восстановить нижнюю часть сосуда (рис. 2, *4*). Заметим, что сосуды подобной сложности прежде не были известны. По сохранившимся остаткам можно представить ножку рюмки, а в ножке, в центре, крохотное, с булавочную головку, углубление. Наклонные стенки основного сосуда укреплены на подставке рюмки так, что ножка рюмки оказывается заключенной внутри сосуда; восстанавливается сосуд с двойными стенками (рис. 1, *3*).

Три осколка молочно-белого стекла, найденные неподалеку друг от друга, принадлежали, по-видимому, одному сосуду. Один осколок — часть донца, другой — часть тонкой стенки (табл., *4*), третий — сильно деформирован. Тем не менее, все три фрагмента можно объединить. Это части довольно широко открытого сосуда диаметром 8 см (рис. 1, *4*). К сожалению, более строгого решения получить не удается. Что касается аналогий, то поиски их упрощаются, благодаря сведениям о химическом составе стекла (ан. 385 : 18). Стекло изготовлено по очень сложному рецепту, предписывавшему применение золы солончаковых растений, щелочных земель

и окиси свинца. Оно предварительно обесцвечено окисью марганца, а затем сделано непрозрачным с помощью окиси олова. Точно такому же рецепту следовали на протяжении столетий мастера, изготовлявшие и хорошо известные бусы-лимонки. Эта параллель указывает прямо на Ближний Восток. Ближайшая строгая аналогия — сосуд из Новогрудка. Приводимые авторами параллели ограничиваются XI—XII вв., и старорязанская находка укладывается в эти даты. В отличие от упомянутых аналогий молочно-белый сосуд из Старой Рязани лишен каких-либо декоративных элементов. Однако, эта деталь вряд ли заслуживает внимания и анализа: случай сохранил только осколки нижней части сосуда, где декор размещался очень редко. Остальная, главная часть сосуда могла быть украшена так же, как украшены почти все известные сосуды этого стиля [15].

Как убедительно показала Р. М. Джанполадян, «византийская» школа в средневековом стеклоделии — явление сложное, разветвленное и яркое [16]. Ей обязаны своим происхождением почти все сосуды цветного стекла, поверхность которых расписана золотом и эмалями.

В Старой Рязани найден обломок синей чаши, на котором едва видны следы стершейся росписи золотом, осколок открытой чаши диаметром 7 см, толщина стенки у венчика 2 мм, книзу она становится тоньше (табл., *5*). Осталась неизвестной высота сосуда, поэтому и реконструирован он в двух вариантах (с высотой меньше диаметра сосуда и с высотой, равной диаметру сосуда,— рис. 1, *5*). Верхний бордюр шириной 2 см составляют параллельные полосы, а ниже начинается зона коврового узора. Состав стекла (ап. 385 : 2), его цвет и роспись золотом свидетельствуют в пользу византийского происхождения кубка. По таким же признакам (синее кобальтовое стекло, роспись и химический состав стекла — ап. 385 : 3) к школе византийского стеклоделия отнесен еще один сосуд (табл., *6*). К сожалению, нет данных, которые позволили бы достоверно восстановить и его форму. Фрагменты декора — широкая (1,5 см) золотая полоса и параллельная ей узкая (3 мм) — показывают, что данный фрагмент должен был находиться совсем близко к устью сосуда. Начало «ковровой» части декора еще более в этом убеждает (рис. 1, *6*). Возможно, что оба кубка происходят из одного производственного центра.

Если рассматривать рязанские кубки рядом с новгородским, старо-ладожским, вщижским и новогрудскими [17], которые мы приводим в качестве ближайших аналогов, то можно заметить, что декоративный сюжет последних иной, а техника исполнения декора абсолютно одинаковая. Однако есть еще одно отличие рязанских кубков: стекло и роспись покрыты плотной серой пленкой призации. Значение этого отличия важно было бы

---

[15] *Ф. Д. Гуревич, Р. М. Джанполадян, М. В. Малевская.* Восточное стекло. . ., стр. 9—11, табл. III—V; XI, *5*, XII, *1*, *3*.

[16] *Р. М. Джанполадян.* Новые материалы по истории византийского стеклоделия. — ВВ, XXVII, 1967, стр. 248—257.

[17] *Ю. Л. Щапова.* Стеклянные изделия древнего Новгорода. — МИА, № 117, 1963, стр. 117—118, рис. 4, *8*; стр. 125; ГЭ ОИПК, № 2082; ГИМ, опись 115/1397; *Б. А. Рыбаков.* Вщиж — удельный город XII в. — КСИИМК, XLI, 1951, стр. 56—58; *Ф. Д. Гуревич, Р. М. Джанполадян, М. В. Малевская.* Восточное стекло. . ., стр. 7—11.

оценить. Дело в том, что византийские браслеты X—XI вв., хорошо известные в домонгольских древностях, также различаются сохранностью стекла. Одни (их немного) — прекрасно сохранили блестящую и гладкую фактуру, цвет и роспись, другие — покрыты плотной пленкой иризации. Мы ставили это различие в зависимость от техники обработки готовых изделий. Мы предполагали, что изделия лучшей сохранности прошли так называемую огневую полировку, а изделия худшей сохранности огневой полировке не подвергались. Эти последние были дешевле, поскольку технология их изготовления была на одну операцию короче. Это позволило, уменьшив расходы на изготовление единицы продукции, увеличить объем ее выпуска в целом. В условиях производства, рассчитанного на рыночный спрос, себестоимость продукции — немаловажное обстоятельство. В производстве браслетов тенденция к снижению себестоимости обнаружилась в X—XI вв.[18] Если замеченные различия в сохранности стекла сосудов толковать в этом же плане, то нужно будет признать, что в производстве посуды, сохранявшей в XI в. свои высокие качества, тенденция к ухудшению качества стекла заметна только во второй половине XII в. Ухудшение качества продукции сопровождается увеличением объема ее выпуска.

Примечателен еще один сосуд, изготовленный из стекла сода—известь—песок (ан. 385 : 1), окрашенного окисью марганца в пурпурный цвет. При внимательном осмотре на внешней поверхности сосуда удалось заметить легкие следы узора. От сосуда сохранилось два небольших осколка (табл., *7*, *8*), которые были найдены на значительном расстоянии друг от друга в разные годы полевых работ [19]. Диаметр устья равен 8 см. Высота этого сосуда неизвестна. На расстоянии 0,5 см от края была проведена неширокая полоска; сохранились и другие детали декора — два яруса разномерных арок (рис. 1, *7*). Внутри высоких и узких арок — ветки, широкие, низкие, свободны от изображений. Все свободные пространства над арками заполнены узорами.

Небольшой фрагмент, украшенный арками с веточками внутри, мы поместили в нижней части сосуда, создав на нем два декоративных пояса. Весь декор едва виден. Именно такие следы остаются от узора, выполненного золотом.

Ближайшей аналогией рязанской находке является сосуд из Новогрудка. Оба сосуда имеют одинаковый диаметр устья, одинаковую форму среза венчика и такой же наклон стенки (одинаковую толщину стенок, что тоже важно); сосуды одинаковы и в цветовом решении — пурпур стекла и золото росписи; одинакова и техника исполнения росписи. Совпадает и дата — XII — середина XIII в. Такая безусловная близость сосудов в достоверно сохранившейся части позволяет предполагать сходство частей несохранившихся. Рязанская находка связана, очевидно, с тем же

---

[18] *Ю. Л. Щапова.* Стеклянные изделия средневековой Тмутаракани. – Сб. Керамика и стекло древней Тмутаракани. М., 1963, стр. 108–116.

[19] Инв. № $\frac{\text{Ст. Ряз. 67}}{\text{р.7}}$ № 154 и $\frac{\text{Ст. Ряз. 68}}{\text{р.7, кв.С1–С4}}$.

кругом стеклянных сосудов восточновизантийского происхождения, что и найденные в Новогрудке [20].

На раскопе 7 найден фиолетово-коричневый сосуд со следами белой росписи (табл., *10*). Химический состав стекла — зола—известь—песок (ан. 385 : 9) — указывает на те же области традиционного стеклоделия — Сирию, Византию — как на возможное место происхождения. Осколок довольно крупный, представляет собой верхнюю часть полого поддона и самый низ основного объема сосуда. Поддон расписан белой эмалью. В нескольких местах заметно, что и сам сосуд был расписан. Можно думать, что спираль, которая опоясывала поддон, была повторена и на сосуде. Достаточных оснований для реконструкции сосуда (рис. 1, *8*) нет. Здесь все гипотетично, кроме колорита (белый и пурпурный) и свободной манеры нанесения декора, в которой угадывается и технический прием: роспись кистью. Эти два признака заставляют искать аналогии в Византии.

Форма сосуда — кубок на поддоне — не совсем обычна: высокий поддон прикреплялся к сферическому сосуду и, будучи изготовленным отдельно, имел законченный вид. В итоге оказалось, что больший сосуд стоит на меньшем перевернутом.

В Старой Рязани найдена небольшая серия сосудов, состав стекла которых отличен не только от описанных выше, но и от собственно древнерусских, рассматриваемых ниже. Речь идет о стекле калиево-кальциево-кремнеземном, из которого выдуты три сосуда.

Один сосуд (от него сохранился небольшой осколок, инв. № 220) с толстыми (до 4 мм) почти вертикальными стенками, имел диаметр устья 10 см. Сосуд изготовлен из калиево-кальциево-магниево-кремнеземного стекла, содержащего в своем составе окиси марганца и фосфора (ан. 385 : 19). Такой состав характерен для посуды, изготовленной в центральных областях Западной Европы. Там можно встретить толстостенные широкие стаканы, выдутые в форму и лишенные каких-либо украшений.

Подобное по основному составу стекло было использовано для изготовления двух других сосудов. От одного сосуда (ан. 385 : 14) сохранилась небольшая часть донца и прилегающей к нему толстой зеленоватой стенки (рис. 2, *5*). Сосуд выдут в форму.

Немногим отличается состав третьего осколка, принадлежавшего такому же толстостенному сосуду, но в отличие от всех — желтоватого цвета (рис. 2, *2*). До нас дошел кусок донца со стенкой, сохранившейся на высоту 3 мм, по которым можно восстановить скорее всего открытый сосуд. В реконструкции (рис. 1, *10*) этот сосуд оказался очень близок двум другим, описанным выше. Эти сосуды близки, таким образом, и по составу, и по реконструируемой форме. Известную близость можно наблюдать и в самом художественном стиле сосудов, разница в цвете стекла несущественна. Эти три сосуда попали в Рязань из Западной Европы.

От другого, на этот раз фиолетового, сосуда сохранилась ручка, прикрепленная к довольно толстой стенке (рис. 2, *1*). Стекло сильно расстеклова-

---

[20] *Р. М. Джанполадян.* Два стеклянных сосуда из Новогрудка. — ВВ, XIX. 1961. См. также: *A. H. S. Megaw.* More Gilt and Enameled Glass from Cyprus. — Journal of Glass Studies, v. X (1968), стр. 88—104.

лось и выщелочилось, о чем свидетельствует спектрограмма (ан. 385 : 13), которая зарегистрировала почти полное отсутствие щелочей. Стекло сохранило в своем составе щелочные земли, алюминий и марганец, которым оно и окрашено. К сожалению, форма сосуда не реконструируется, однако состав стекла даже в столь превращенном виде заставляет связывать происхождение этого сосуда с одной из многочисленных мастерских Западной Европы.

Все эти сосуды стратиграфически датируются второй половиной XII—началом XIII в. Именно на это время падает и самое большое число известных на Руси вещей западного происхождения [21].

Теперь рассмотрим оставшиеся сосуды, которые мы относим к изделиям древнерусских, киевских мастерских. В целом таких находок совсем немного, гораздо меньше, чем обычно, — всего восемь сосудов. Доля же привозных сосудов в Старой Рязани очень велика: привозных издалека сосудов здесь вдвое больше, чем киевских. В других местах доля привозных сосудов никогда не бывает такой значительной: в Новогрудке — менее половины [22], в Турове — столько же [23], в Новгороде — четверть, принимая во внимание домонгольские находки.

Несколько сосудов из Старой Рязани принадлежат к типу кубков на поддоне. Так условно называется наиболее распространенный на Руси тип стеклянной посуды.

В Рязани найдено пять сосудов этого типа (из восьми). Все они изготовлены из желтоватого прозрачного стекла. Изучен состав двух таких сосудов (ан. 385 : 10 и 386 : 12) [24]. Оба сосуда изготовлены из стекла K—Ca—Pb—Si. Стекло этого состава отличается от того, которое использовалось традиционно, заметной примесью окиси кальция. Окись кальция частично замещает окись свинца. Ее присутствие в известной мере сказалось на химических свойствах самого стекла, благодаря которым оно лучше сохранилось: покрылось плотной отслаивающейся пленкой и не расстекловалось.

Что касается формы сосуда, то она не отличается от обычной: такой же нечеткой формы поддон, переходящий в стенки разной толщины.

На одном поддоне (табл., *9*) сохранилась широкая декоративная полоса, нанесенная фиолетовым стеклом. Эта полоса являлась основанием фиолетового узора, композиция которого, к сожалению, осталась неизвестной.

Столь же неопределенным остался узор, которым были украшены стенки фиолетового кубка на поддоне (табл., *10*). Этот кубок отличается не только цветом — густо-фиолетовым, но и редкой чистотой линий контура, и тщательностью исполнения, и узором, выполненным полупрозрачным молочно-белым стеклом, — он кольцом обвивает ножку, а затем переходит на стенки сосуда. Кубок изготовлен из калиево-свинцово-кремне-

---

[21] *В. П. Даркевич.* Произведения западного художественного ремесла в Восточной Европе (X—XIV вв.). — САИ, вып. Е1-57, 1968.

[22] *Ф. Д. Гуревич, Р. М. Джанполадян, М. В. Малевская.* Восточное стекло. . ., стр. 15.

[23] *М. Д. Полубояринова.* Стеклянная посуда древнего Турова. — СА, 1963, № 4, стр. 233–238.

[24] Шифр $\frac{\text{Ст. Ряз. 67}}{\text{р.7}}$ № 122; $\frac{\text{Ст. Ряз. 67}}{\text{р.7}}$ № 135.

земного стекла (ан. 385 : 4) и только это, но бесспорно, заставляет отнести кубок к изделиям собственно русского производства домонгольского времени. По другим признакам — декору, колориту, чистоте отделки — он близок некоторым сирийским сосудам, встречающимся, хотя и редко, в Восточной Европе [25].

В предмонгольское время появляются сосуды, изготовление которых требует детального знания сирийской стеклянной посуды. Это направление производственных связей и заимствований оказывается совершенно новым для древнерусского стеклоделия. До этой находки мы могли говорить лишь о связях с Византией, правда, весьма своеобразных [26].

К кубку на поддоне относится также донце (инв. № 42), украшенное широкой фиолетовой нитью. Свое начало нить брала где-то вверху и круто завивалась, переходя на поддон, а самый конец нити мастер спрятал под донцем (рис. 1, *9*). Сосуды с цветными накладными деталями появляются не ранее середины XII в., а частыми становятся лишь к концу столетия. Именно так и датируется рязанская находка.

Так же надо датировать сосуд (инв. № 214), украшенный бирюзовыми нитями (рис. 2, *8*). Менее определенна дата сосудов, зарегистрированных под № 207 и 280. Осколок одного из них (инв. № 207) принадлежал широко открытому кубку (диаметр устья 11 см) киевской работы: кубок изготовлен из калиево-свинцово-кремнеземного стекла (ан. 385 : 17; рис. 2, *7*).

Описанная нами стеклянная посуда найдена при раскопках богатого жилища, возможно боярской усадьбы. Много это или мало — около двух десятков сосудов на один комплекс? Много, если отвечать односложно. Однако можно найти параллели, например в том же Новогрудке, где в одном комплексе, относящемся к первой половине XII в., найдено 16 сосудов, а в другом, более позднем — 23. Следовательно, около двух десятков стеклянных сосудов могло находиться в употреблении в богатом доме если не одновременно, то на протяжении всей жизни этого дома — видимо, 20—30 лет. Отсюда неизбежно следует подтверждение тезиса об относительной редкости стеклянной посуды в древней Руси. Мы заметили, что почти для каждого из рассматриваемых сосудов в самой Старой Рязани есть более или менее близкие повторения (синие византийские, бесцветные сирийские, бесцветные западноевропейские). Ф. Д. Гуревич, Р. М. Джанполадян, М. В. Малевская установили, что привозные сосуды в Новогрудке представлены не единичными экземплярами, а небольшими группами изделий одинаковых форм и декора. Это наблюдение послужило поводом для предположения, что изготовление некоторых аналогичных сосудов осуществлялось не только в одном центре, но и в одной мастерской [27]. Наши наблюдения в Старой Рязани позволяют согласиться только с предположением об изготовлении аналогичных вещей в одном производственном центре, вторая часть гипотезы находками в Старой Рязани не подтверждается. Кстати, находками в Херсонесе также подтверждается только пер-

---

[25] *В. А. Кузнецов.* О позднеаланской культуре Северного Кавказа. — СА, 1959, № 2, стр. 102, рис. 2, 3.

[26] *Ю. Л. Щапова.* Стекло Киевской Руси, стр. 182—185.

[27] *Ф. Д. Гуревич, Р. М. Джанполадян, М. В. Малевская.* Восточное стекло. . ., стр. 16.

вая часть этой гипотезы [28]. Примечательно, что почти каждому старорязанскому сосуду есть параллель в Новогрудке, где представлены изделия самых разных стеклодельных школ. Это означает, очевидно, что феномен, наблюдавшийся ранее только в Новогрудке, наблюдается и в Рязани, а некоторые черты его прослеживаются в Турове. Следовательно, византийские, сирийские, наконец, западноевропейские стеклянные сосуды встречаются на Руси гораздо чаще, чем мы думали ранее, составляя серии пусть небольшие, но достаточно приметные, особенно для второй половины XII в. Появление серий привозных стеклянных сосудов нужно объяснить устойчивостью торговых связей с Византией, Сирией, Средней Европой.

Стеклянная посуда Старой Рязани привезена из разных центров. Совершенно очевидна разница между прозрачными бесцветными сосудами, происходящими с Ближнего Востока, и цветными (синими, пурпурными) сосудами, изготовленными в Византии, хотя и те и другие богато украшены золотом, эмалями и резьбой. Тем не менее, разница заметна во всем: в орнаменте и в принципах его размещения, в цветовом решении и технике исполнения. Красивой, нередко изысканно-декоративной и очень дорогой была посуда, которую привозили из Византии и через Византию. Исполнение настолько совершенно, что каждый сосуд можно рассматривать как произведение подлинного искусства.

А рядом — сосуды западноевропейской работы. Их немного, и это нетрудно объяснить — достаточно внимательно взглянуть на них: они по сравнению с византийскими и сирийскими грубые, тяжелые, почти без всякого декора, то желтоватого, то синеватого, то зеленоватого стекла.

И, наконец, сосуды киевской работы — из чуть желтоватого стекла с тяжелым донцем и тонкими, прозрачными и легкими стенками, хорошо профилированным устьем, иногда с декором, чаще без него. Можно видеть, что киевские стеклоделы уверенно следовали лучшим традициям своего времени. Эта посуда во многом еще технически несовершенна, но не лишена своеобразного изящества.

Оконное стекло

До нас дошло два небольших обломка оконного стекла. Оба они тонкие (1,5 мм), хорошей сохранности, если не считать небольшой радужной побежалости; изготовлены из стекла типа сода—известь—песок. Заметная разница в составе стекла — в одном есть примесь алюминия и калия (ан. 385 : 15), в другом — нет (ан. 385 : 16) — не позволяет считать их одним комплектом. Однако это различие не мешает утверждению, что оба стекла были изготовлены в Византии, хотя, вероятно, в разных мастерских. К сожалению, в нашем распоряжении нет сведений о форме целых стекол.

---

[28] *Л. К. Колесникова.* Восточное стекло из собрания Херсонесского музея. — ВВ, XXXIV, 1973, стр. 251—252.

* * *

Подведем некоторые итоги изучению стеклянных изделий Старой Рязани. Прежде всего бросается в глаза одна особенность: здесь очень мало бус. Это качество старорязанского набора стеклянных изделий представляет собой не только местную городскую особенность, а скорее общерусскую, хотя в других городах она менее выражена. Можно, очевидно, говорить, что посуда и браслеты из стекла — это элементы городской материальной культуры, а стеклянные бусы, особенно в последние десятилетия перед татаро-монгольским нашествием, менее ей свойственны, характерны для деревни. Другая особенность — это отличие цветового набора старорязанских стеклянных браслетов.

История стекла в древней Руси еще не дописана до конца. Старая Рязань заняла в ней свое место. В этом городе, поглощавшем множество привозного стекла — киевского, византийского, сирийского, западноевропейского, существовала и своя, может быть не одна, мастерская, где делали стеклянные браслеты.

Номер анализа	Описание предмета	Паспорт	Результаты спектрального анализа стеклянных изделий из Старой Рязани													
			Na	K	Ca	Mg	Al	Si	Mn	Co	Pb	Cu	Sn	Cr	P	Ag
385 : 1	Сосуд фиолетовый	Ст. Ряз. 67, раскоп 7, инв. № 154	3	4	4	3	5		3	—	5	4	4	6		6
385 : 2	Сосуд синий	То же, б/№	2	4	4	2	5	o	3	3	4	4	3	6	.	6
385 : 3	То же	» » б/№	4	4	4	3	5		3	4	5	6	5	5	—	6
385 : 4	Сосуд пурпурный	» » инв. № 400	4	3	4	5	5		3	—	3	4	5	5	—	4
385 : 5	Сосуд бесцветный	» » 24	2	3	3	3	4	e	3	—	5	5	5	5	—	7
385 : 6	Сосуд зеленоватый	» » 210	2	2	4	3	4		3	—	5	5	5	6	—	7
385 : 9	Сосуд пурпурный	» » 63	2	2	4	3	4		3	—	5	4	4	6	—	.
385 : 10	Сосуд желтоватый	» » 122	4	2	3	4	—	n	3	—	3	5	5	6	—	—
385 : 11	Сосуд бесцветный	» » б/№	2	2	3	3	.		3	—	5	5	5	5	—	—
385 : 12	То же	» » инв. № 135	—	3	3	5	4		—	—	2	5	—	5	—	—
385 : 13	Ручка сосуда	» » 27	—	—	3	2	3	o	3	—	5	6	5	6	—	.
385 : 14	Сосуд желтоватый	» » 1	4	3	2	2	3		2	.	5	6	5	6	—	—
385 : 15	Оконное стекло	» » 64	3	3	3	2	3		3	—	5	6	5	6	4	—
385 : 16	То же	» » 65	3	4	2	2	4	n	3	—	5	6	5	5	4	—
385 : 17	Сосуд	» » 207	4	2	3	4	5		5	.	3	6	3	5	5	—
385 : 18	Сосуд белый	» » 226	2	2	2	2	4		3	—	3	5	5	5	4	—
385 : 19	То же	» » 220	4	2	3	2	4	a	3	—	5	5	5	6	4	—
385 : 20	Перстень зеленый	» » 217	.	—	4	5	5		5	—	2	6	5	6	—	—
385 : 21	То же	» » 204а	—	—	4	5	5		5	—	2	6	5	6	—	—
385 : 22	Перстень красный	» » б/№	4	3	3	3	5		5	—	5	6	5	6	—	—
385 : 23	Сосуд желтоватый	» » инв. № 212	2	3	3	5	3		3	—	5	6	5	6	4	.

И. Г. Розенфельдт

Северный мыс городища Старая Рязань

В 1966 г. после длительного перерыва были возобновлены работы Старорязанской экспедиции Института археологии АН СССР под руководством А. Л. Монгайта. Кроме раскопок древнерусского города, были проведены исследования и на более ранних памятниках, оставленных местным дославянским населением, — на Шатрищенском могильнике III—VII вв. и на северном мысе Старорязанского городища. Среди археологических памятников Старой Рязани особое положение занимает Северный мыс — место древнейшего поселения людей в этом районе.

Северный мыс (точнее — северо-западный) археологического комплекса Старая Рязань представляет собой изолированный холм-останец, отделенный с юга от основного славянского городища глубокой промоиной [1]. С северной стороны холма по дну большого оврага протекает р. Серебрянка, впадающая в Оку на территории дер. Старая Рязань. Западная сторона холма обращена к Оке, и здесь у его подножия стоит каменная Спасо-Преображенская (Благовещенская) церковь XVIII в. В настоящее время через устье оврага, по которому течет р. Серебрянка, вдоль восточного склона мыса и далее по площади Старорязанского городища через Северные, а затем Исадские ворота проходит дорога Старая Рязань — Исады. Северный мыс представляет собой высокий холм с крутыми склонами (рис. 1, *1*). Его площадка овальной формы, вытянутая в направлении север — юг (с небольшим отклонением северного конца к западу), имеет размеры 108 × 50 м и расположена на высоте 15—20 м от подножия. В юго-западной части мыса на высоте около 9 м имеется небольшой террасовидный уступ, по которому проходит современная тропинка от дер. Старая Рязань на вершину холма. Следы укреплений в виде валов и рвов в настоящее время не сохранились, но на основании проведенной инструментальной топографической съемки можно предполагать, что в напольной южной, более пологой части холма был вал, о чем свидетельствует небольшая насыпь в юго-западной части края площадки. За ним, по-видимому, проходил ров, на месте которого и образовалась промоина, отделяющая теперь холм от Старорязанского городища. Бо́льшая часть площадки мыса занята современным кладбищем дер. Старая Рязань, и лишь северная оконечность его свободна от могил. Склоны мыса задернованы, но в них имеются обнажения с выходами культурного слоя.

[1] Расположение северного мыса по отношению к основному городищу Старая Рязань см.: *А. Л. Монгайт.* Старая Рязань. — МИА, № 49, 1955, стр. 7, рис. 2.

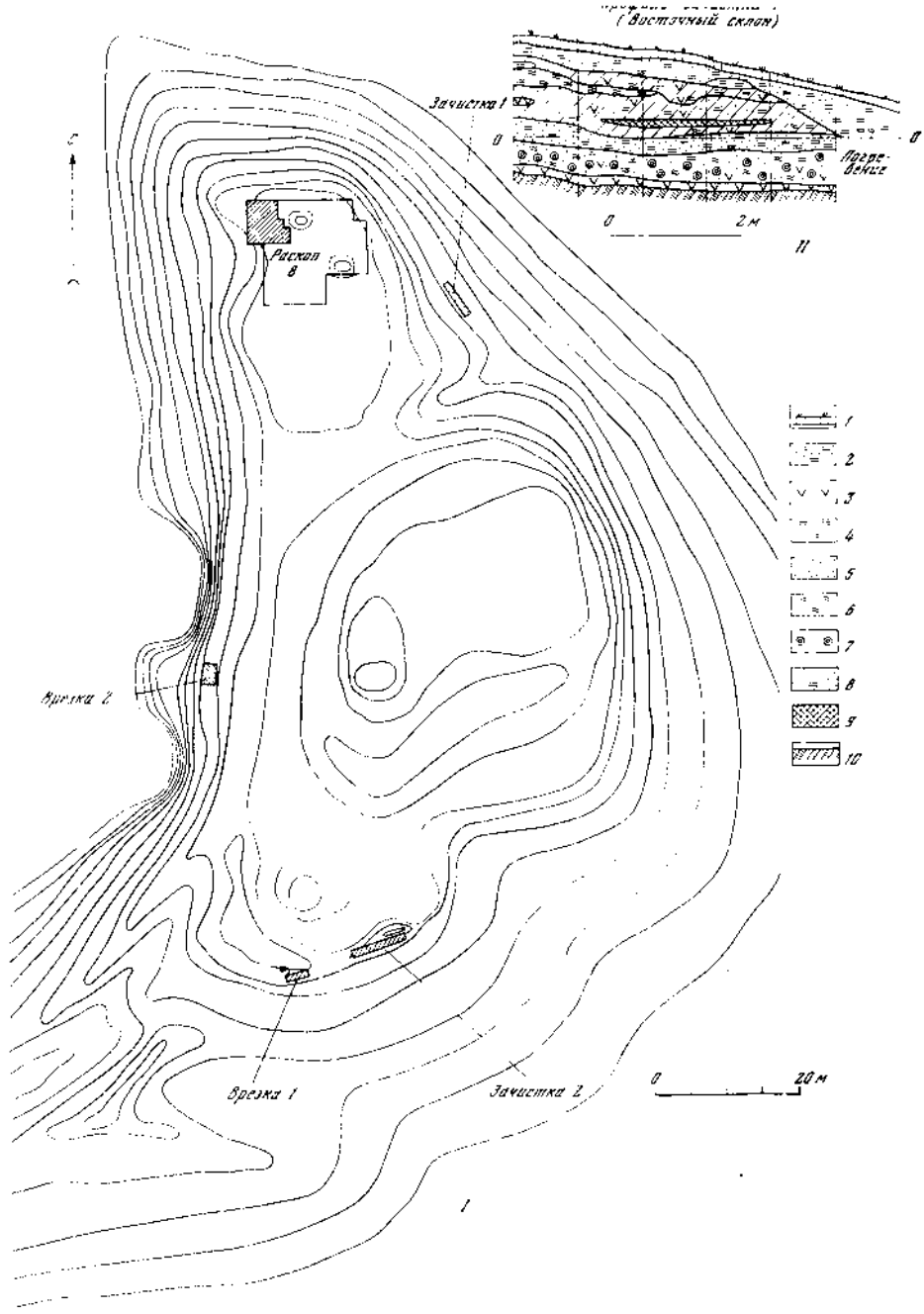


Рис. 1. План северного мыса Старорязанского городища с указанием исследованных участков (I) и разрез культурного слоя (II)

1 — дерн; *2* — светлая серая супесь; *3* — уголь; *4* — глина; *5* — песок; *6* — зола; *7* — рыбья чешуя; *8* — темная серая супесь; *9* — древесный тлен; *10* — материк

Первые сведения об археологических находках с северного мыса восходят к 1887 г., когда при случайном обвале после дождя в юго-восточной части холма был найден клад серебряных украшений и крестов, который, по предположению обследовавшего место находки А. В. Селиванова, был завернут в тряпочку и зарыт в яме [2]. В протоколе обследования А. В. Селиванов отметил, что на том же бугре найдены следы жженых зерен ржи и пшеницы и еще ряд предметов. Кроме того, им был приобретен «найденный на вершине бугра при копании могилы костяной нож с вырезанным на нем узором».

Северный мыс до настоящего времени не подвергался специальному исследованию, так как величественное и обильное находками городище Старая Рязань целиком занимало внимание ученых и многочисленных кладоискателей. Тем не менее, с северного мыса происходят отдельные вещи и керамика, как случайно найденные, так и собранные при экскурсиях. Это главным образом каменные и костяные орудия (кремневые стрелы и топоры, костяные стрелы) и керамика с сетчатыми и рогожными оттисками на поверхности [3]. В 1926 г. В. А. Городцов произвел здесь рекогносцировочные раскопки. Были заложены траншея в северной части и два шурфа — в южной и юго-западной части мыса. Было установлено, что культурный слой относится в основном к славянскому поселению XI—XIII вв., ниже были найдены предметы, которые В. А. Городцов связывал с «восточнофинскими древностями» VII—X вв.[4]

А. Л. Монгайт, суммируя все имеющиеся данные, писал, что на северном мысе находились поселения неолитического, городецкого, древнечудского и славянского типов, но вопрос о хронологической последовательности и преемственности между ними остался неразрешенным ввиду плохой сохранности культурного слоя [5]. При работах 1966 г. наше внимание привлекли обнажения культурного слоя на склонах холма, в которых наблюдались западины и ямы, содержащие керамику городецкого типа. Были проведены зачистки и врезки с детальным исследованием слоя.

На восточном краю площадки при зачистке обнажения прослежен слой мощностью 2,2 м с четкой последовательной стратиграфией горизонтально лежащих слоев (рис. 1, *2*). На материке лежала углистая прослойка, перекрытая мощным слоем супеси с углем, золой и рыбьей чешуей. В нем была керамика эпохи неолита и бронзы; над ним, в слое супеси найдена

---

[2] ТРУАК, т. II, вып. 5, 1888, Протокол заседания 5 июня 1887 г., стр. 100—102; *А. В. Селиванов.* Древности с. Старой Рязани. — Труды VII АС в Ярославле, т. II. М., 1891, стр. 208—212, табл. V; *А. С. Гущин.* Памятники художественного ремесла древней Руси X—XIII вв. Л., 1937, стр. 79, 80, табл. XXVIII, XXIX.

[3] *А. Л. Монгайт.* Из истории населения бассейна среднего течения р. Оки в I тысячелетии н. э. — СА, XVIII, 1953, стр. 156; *В. А. Городцов.* Материалы для археологической карты долины и берегов р. Оки. — Труды XII АС в Харькове в 1902 г., т. I. М., 1905, стр. 632; колл. ГИМ — костяной и кремневый наконечник, поступившие из Румянцевского музея (1905); *А. Л. Монгайт.* Старая Рязань. — МИА, № 49, 1955, стр. 18.

[4] *В. А. Городцов.* Дневник археологических раскопок Старорязанского городища в 1926 г. — ГИМ, отдел письменных источников, 431, д. 78, л. 3, 5, траншея 1.

[5] *А. Л. Монгайт.* Из истории населения. . .. стр. 159; *Он же.* Старая Рязань, стр. 19.

керамика эпохи бронзы и раннего железа; выше — слой со славянской керамикой и обломками плинфы. Стерильных прослоек не обнаружено.

Аналогичная стратиграфия прослежена на террасе западного склона. Здесь слой достигал 2,5 м мощности, и в нижних прослойках его также было много угля, золы, рыбьих остатков и керамики эпохи бронзы (вместе с которой в небольшом количестве залегала и неолитическая). Здесь была сделана врезка и на небольшой площади в 8 кв. м найдено 40 разнообразных предметов (рис. 2, *1—9*, *11*, *12*, *14—19*): кремневые орудия (скребки, острия с ретушью и стрелы), глиняные грузики, пряслица и бусы, керамическая форма для отливки бронзовых украшений с *S*-образными завитками, широко распространенных у финно-угорских племен. Интересен костяной орнаментированный предмет, по-видимому охотничий манок. Здесь же были найдены обломки бронзовых украшений, пастовые голубые бусы — бисер и раковины каури. Очень важна находка на глубине 2—2,20 м скопления керамики, где среди обломков разных сосудов лежали части одного большого раздавленного сосуда эпохи бронзы (рис. 3, *17*), который удалось полностью реставрировать. Это был горшок со слегка отогнутым венчиком, сильно раздутым в верхней трети туловом, с округлыми плечиками и узким с небольшой закраиной дном. Поверхность сосуда покрыта тонкой штриховкой, поверх которой нанесен орнамент из мелких вдавлений неправильной формы, разбросанных по всему тулову.

Находка целого сосуда и повторение соотношения слоев на разных участках холма дали основание судить о сохранении здесь участков с непотревоженным культурным слоем.

В южной части холма при зачистке обнаружено несколько разрушенное бытовое сооружение городецкого времени, по-видимому землянка. Ширина ее 2,5 м, глубина 0,8 м. На дне ее в углистом слое найдены сетчатая керамика, миниатюрный сосудик и костяное заполированное острие (рис. 2, *13*, *20*).

Зачистка в юго-восточной части холма, наиболее близкая к месту находки клада 1887 г., дала славянский материал XI—XIII вв.

Таким образом, работы по обследованию обнажений показали стратиграфию культурного слоя и дали материалы, уточняющие время основания памятника и последующих этапов жизни. Представляется, что поселение на северном мысе было основано в эпоху позднего неолита. Однако неолитическая керамика немногочисленна, залегает вместе с керамикой эпохи бронзы (рис. 4) и, по-видимому, происходит из нарушенного слоя, возможно переотложенного еще в эпоху бронзы, к которой относятся древнейшие прослеженные нами напластования. Может быть, здесь была временная неолитическая стоянка. Найденные здесь отдельные фрагменты посуды балановского типа (рис. 4, *13—16*) позволяют говорить о позднефатьяновском времени. Основная масса керамики (рис. 3, *1—16*), оставленная местными племенами эпохи бронзы, относится к концу II—началу I тысячелетия до н. э. Она по типу близка к поздняковской и, по-видимому, генетически связана с городецкой. Городецкая керамика разнообразна: штрихованная, рогожная, сетчатая, гладкостенная (рис. 5). Реже встречается лощеная. Аналогичная керамика и другие предметы городецкой

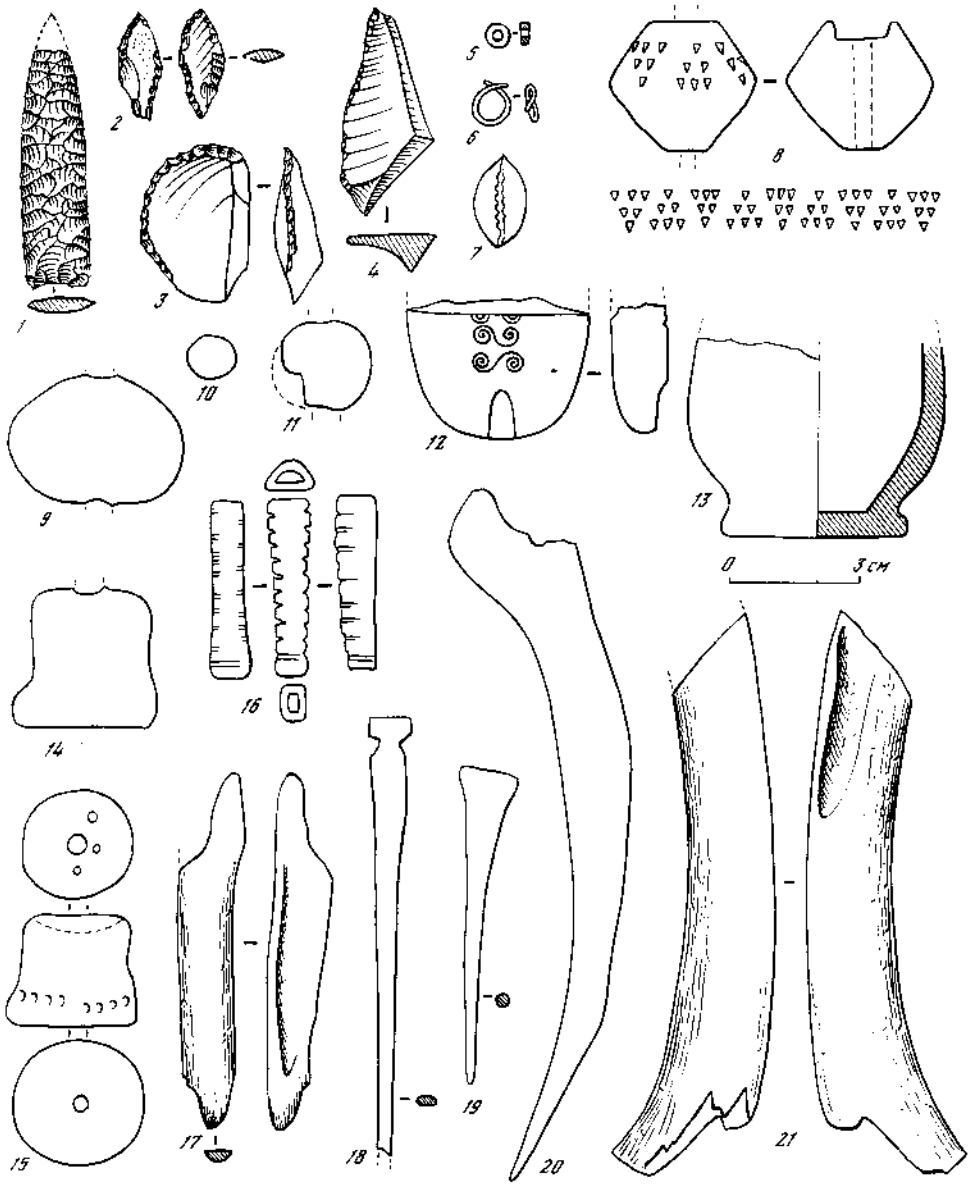


Рис. 2. Находки из зачисток и врезок на северном мысе Старорязанского городища

1—4 — кремневые орудия; *5* — пастовая бусина; *6* — бронзовое колечко; *7* — раковина каури; *8—15* — глиняные изделия; *16—21* — костяные предметы

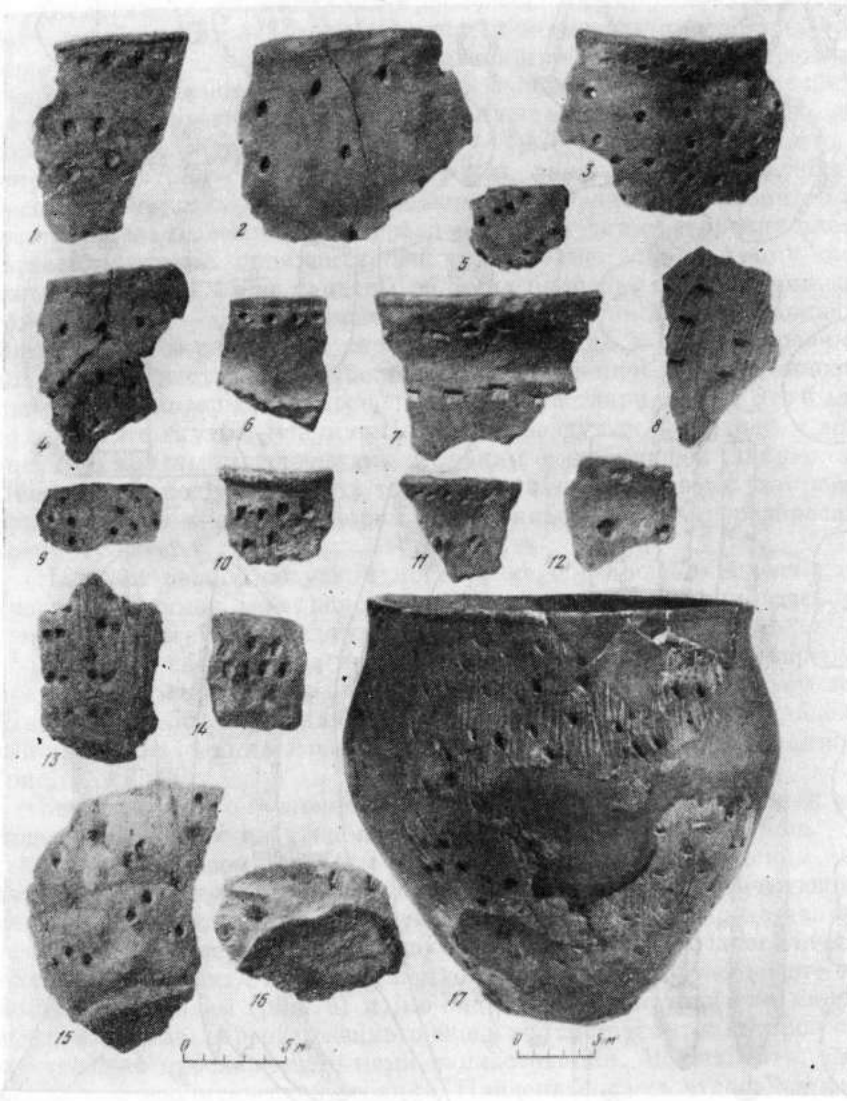


Рис. 3. Керамика поздняковского типа (1—17)

культуры были найдены на Северном городище Старой Рязани. Там же были обнаружены две боспорские монеты: статер царя Тиберия Юлия Рискупорида IV с датой ЕМФ (248 г. н. э.) и плохо сохранившаяся медная монета Рискупорида, последнего боспорского царя (315—322 гг. н. э.) [6].

Городецкая керамика, найденная на северном мысе, свидетельствует о существовании городецкого поселения во второй половине I тысячелетия до н. э. (сетчатая, штрихованная, рогожная) и в первой половине I тысячелетия н. э. (гладкостенная и лощеная). Некоторые типы керамики могут быть сопоставлены с находками из расположенного поблизости Троице-Пеленицкого городища, которое является одним из поздних памятников городецкой культуры и по инвентарю с учетом найденной там монеты царя Савромата IV (275 г. н. э.)[7] датируется I—V вв. н. э. По-видимому, до середины I тысячелетия существовало и городецкое городище на северном мысе.

Из первоначально открытого поселения рыболовов-охотников Северный мыс в городецкое время превратился в укрепленное поселение. Жилые сооружения этого времени, располагавшиеся на его площадке, были, по-видимому, уничтожены в послегородецкое и славянское время, а также при сооружении современного кладбища.

Послегородецкий и славянский периоды полнее характеризуются раскопками в северной части площадки холма. Заложенный здесь в 1966 г. шурф показал наличие этих напластований, и в нем открылась часть древнего культового сооружения, что заставило нас в 1967 г. вскрыть максимально возможную площадь, не занятую современными могилами. Следует отметить, что на этом участке проходила траншея В. А. Городцова 1926 г. В настоящее время она на поверхности не видна, и место ее прохождения на исследуемом участке выявилось в процессе раскопок.

Общая площадь раскопа 176 кв. м. Культурный слой представлял собой гумированную супесь с большим содержанием угля и золы в основании. Средняя мощность его около 0,3 м (рис. 6, *2*). На материке обнаружились остатки сооружения, от которого сохранились многочисленные столбовые ямы (около 350) и расположенные по кругу более крупные углубления со следами круговых столбовых оградок (рис. 6, *1*; 7, *2*, *3*). Они размещались примерно на равных расстояниях одно от другого. По-видимому, с внешней стороны вся эта система замыкалась общей столбовой оградой, следы которой выявились на некоторых участках (рис. 7, *1*). По характеру планировки сооружение, резко отличное от бытовых комплексов поселений, оказалось сходным с языческими культовыми сооружениями древних североевропейских племен. Круглые и овальные святилища, обычно с изображением идола в центре, были распространены с глубокой древности и обычно связаны с поклонением солнцу, огню и другим обожествленным силам природы. В языческой религии древних народов было много общего [8], что дает возможность сопоставлять

[6] *А. Л. Монгайт.* Из истории населения. . ., стр. 159.
[7] *В. А. Городцов.* Результаты археологических исследований Троице-Пеленицкого городища-холмища в 1926 г. — Исследования и материалы Рязанского областного среднеокского музея, вып. V. Рязань, 1930.
[8] *И. И. Третьяков.* Древние городища Смоленщины. М.—Л., 1963, стр. 31.

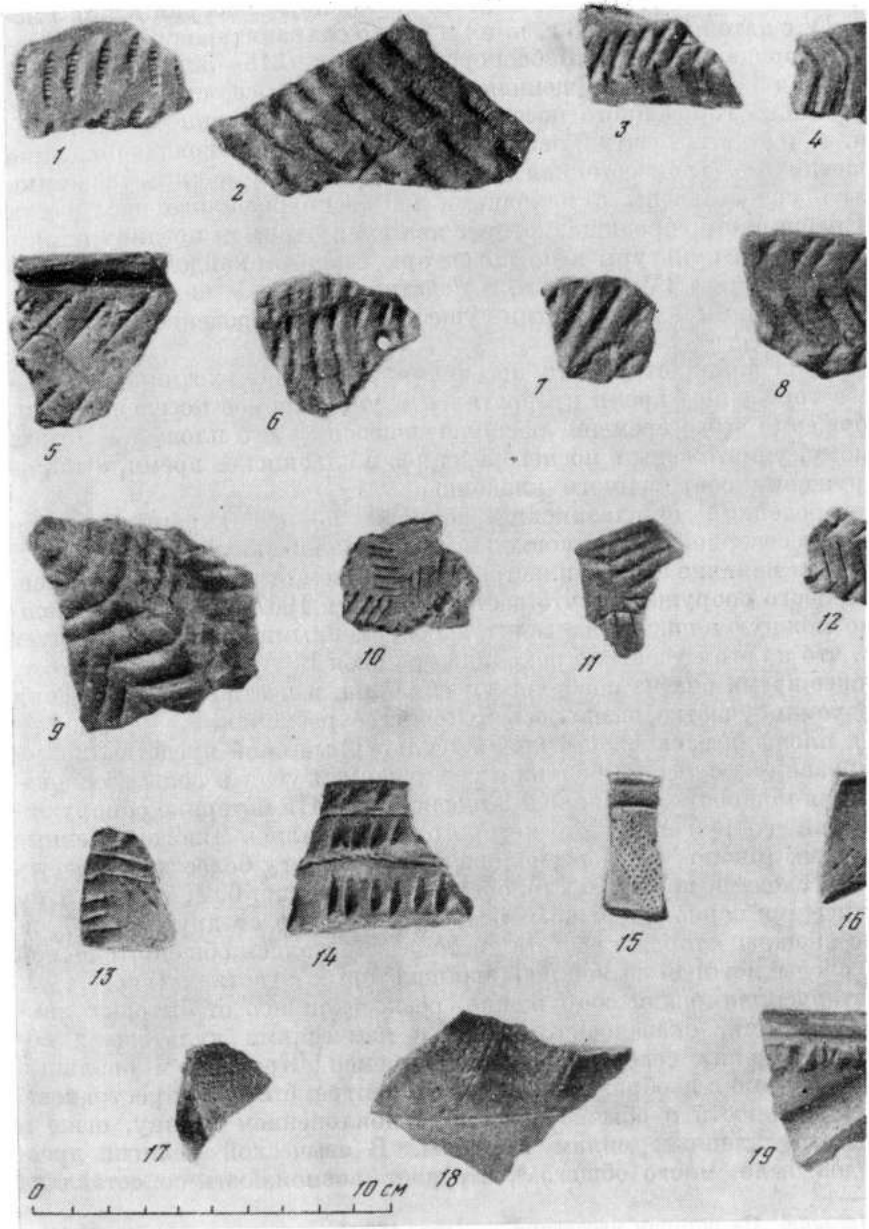


Рис. 4. Керамика эпохи неолита и бронзы (1—19)

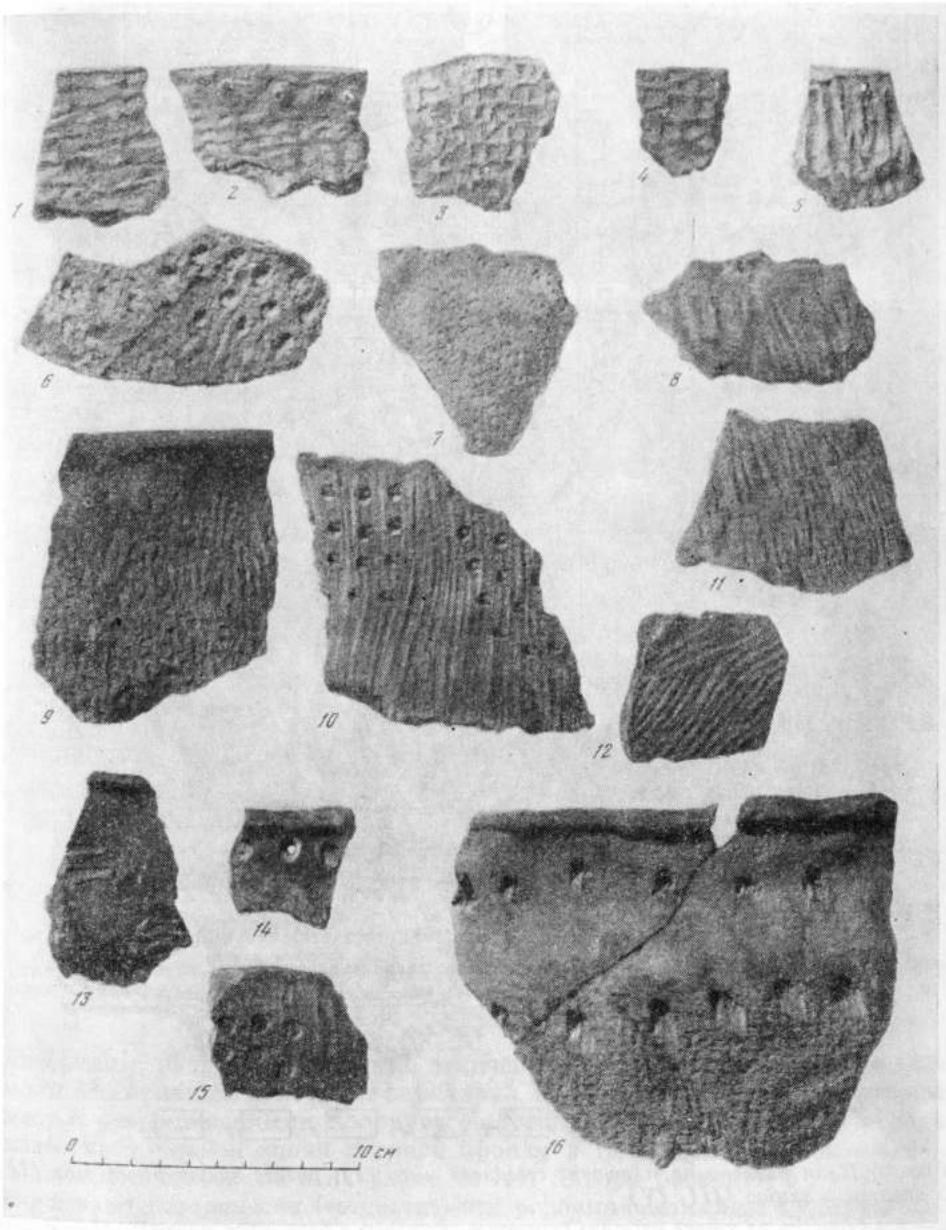


Рис. 5. Керамика городецкая (1—16)

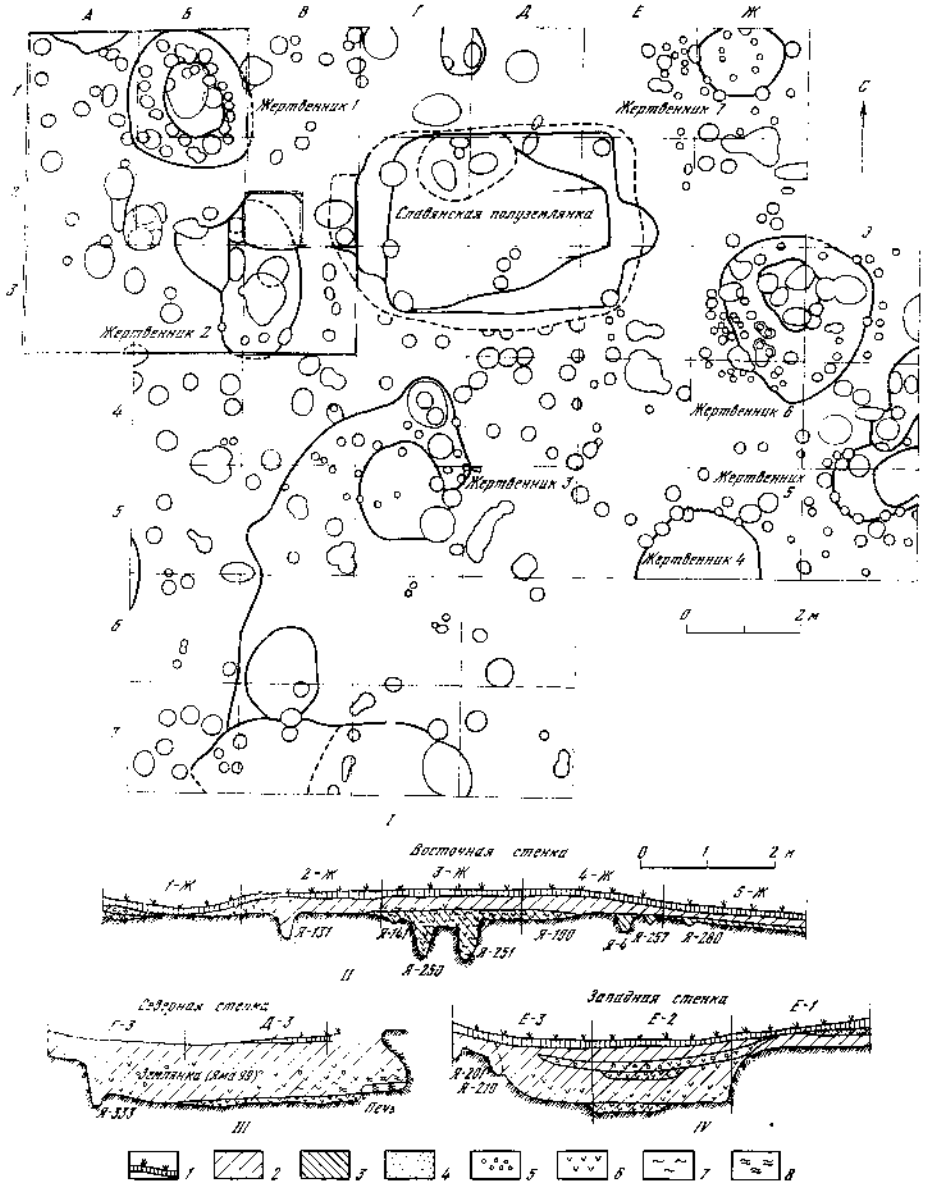


Рис. 6. План раскопа на площадке северного мыса (I), разрез культурного слоя (II) и разрезы жилища (III, IV)

I — план раскопа на уровне материка (языческое святилище и славянское жилище); *II* — разрез культурного слоя — виден жертвенник 6, перекрытый славянским слоем

1 — дерн; *2* — супесь верхнего культурного слоя; *3* — супесь нижнего культурного слоя; *4* — песок; *5* — известь; *6* — угли; *7* — зола; *8* — обожженная глина

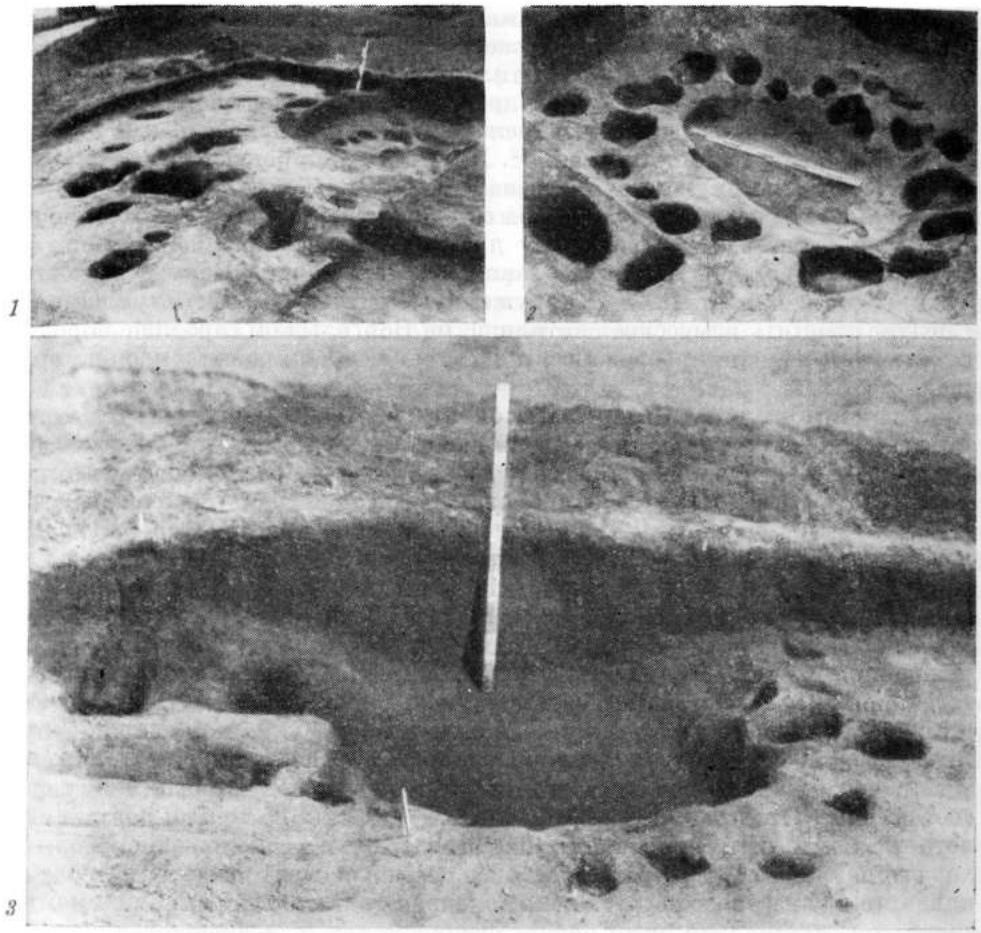


Рис. 7. Фотографии деталей святилища в процессе раскопок

1 — северо-западный участок раскопа: видны столбовые ямы от круговой ограды и углубления жертвенников 1 и 2; *2* — жертвенник 1; *3* — жертвенник 5

материалы, разные не только по этнической принадлежности, но и по времени. Мы приведем некоторые параллели. Круглая планировка жертвенных мест с расположенными по кругу очагами и круговой столбовой оградой известна у племен эпохи поздней бронзы в Приказанском Поволжье на Балымском поселении и на Займище III. Авторы раскопок и публикации связывают исторически («отчасти») эти родовые святилища с удмуртскими ритуальными святилищами, зафиксированными этнографами в XIX в.[9]

[9] *П. Ф. Калинин* и *А. Х. Халиков.* Поселения эпохи бронзы в Приказанском Поволжье по раскопкам 1951—1952 гг. — МИА, № 42, 1954, стр. 202—204, 228—229.

Круговую планировку с кострищами и идолом в центре имели жертвенные места финно-угорских племен железного века, о чем можно судить по достаточно полно раскопанным святилищам на Шоломе [10] и в Ага-Базаре[11]. О круглой планировке святилищ древних русов с центральным идолом, окруженным более мелкими изображениями, и с оградой позади них сообщается в записке Ибн-Фадлана [12]. Круглая планировка характерна для балтских святилищ железного века Смоленщины, где прослеживаются кольцевые оградки и остатки столба от идола [13]. Круговые культовые конструкции были распространены у древних славян Западной Европы [14]. Известна круглая планировка славянского святилища Перуна в Новгороде со столбом от идола, окруженным ритуальными кострищами [15]. Следует отметить языческое святилище на Воргольском городище боршевской культуры, где прослеживаются овальная планировка и идол в окружении костров [16].

Этот список можно было бы дополнить многочисленными круглыми и овальными жертвенниками, памятниками типа болотных городищ[17] и др. Однако достаточно приведенных сравнений, чтобы предположить, что сооружение на Северном мысе Старорязанского городища было древним языческим святилищем. А. Л. Монгайт опубликовал хранящийся в ЦГАДА чертеж первой половины XIX в. с изображением общего вида Старой Рязани [18]. В заглавии к нему сказано: «Вид Предъместія Древней Княжеской Столицы Рязани, прирекѣ Оке «состоящеи вѣчисле 44 хъ» Языческихъ Отделеніи. Въ Мещорскои Области. съ двумя земляными крепостями, внутреннеи покружнои «предъ лицомъ первой. Отдельно остался высокій холмъ, тогдашняго ихъ жертвоприношенія». Исследуемый нами мыс изображен в виде изолированного холма и в описании плана указано: «Высокій бугоръ Древняго идольскаго жречища оставшагось отъ язычества». Мы не знаем, чем руководствовались при составлении комментария к плану его составители. Представляется, что это было вызвано не только догадками, которые могли быть порождены внешним видом и расположением холма, характерным для языческих святилищ, но скорее всего легендами, сохранявшимися у местного населения из поколения в поколение и, по-видимому,

---

[10] *Б. Б. Жиромский.* Древнеродовое святилище Шолом. — МИА, № 61, 1958, стр. 424—450.

[11] *К. А. Смирнов.* Святилище в урочище Ага-Базар. — МИА, № 61, 1958, стр. 451—458.

[12] Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу. М.—Л., 1939, стр. 79—80.

[13] *И. И. Третьяков.* Древние городища Смоленщины, стр. 14, 19, 26—27, 31, 57—59, 65, 96—98, 102; *Е. А. Шмидт.* Отчет о раскопках, проведенных в Смоленской области в 1966 г. — Архив ИА АН СССР, Р—1, д. 3330.

[14] *Bořivoj Dostal.* Slovanské kultovni misto na Pohansku u Břeclavi?—Vlastivědný vestnik moravský. Brno, 1968, стр. 3—25.

[15] *В. В. Седов.* Древнерусское языческое святилище в Перыни. — КСИИМК, L, 1953, стр. 90; *Он же.* Новые данные о языческом святилище Перуна. — КСИИМК, 53, 1954, стр. 105—108.

[16] *А. Д. Прялин.* Отчет археологической экспедиции Воронежского университета в 1964 г. — Архив ИА АН СССР, Р—1, д. 2896; *А. Н. Москаленко.* Святилище на реке Воргол. — СА, 1966, № 2, стр. 203—209.

[17] *В. В. Седов.* Языческие святилища смоленских кривичей. — КСИА, 87, 1962, стр. 57—64.

[18] *А. Л. Монгайт.* Старая Рязань, стр. 17, рис. 3.

как можно предполагать на основании заголовка чертежа, зафиксированными в каких-то неизвестных нам документах. Возможно, что и возведение в XVIII в. Спасо-Преображенской (Благовещенской) церкви у основания этого холма, и создание на вершине холма христианского кладбища не случайны и связаны с обычаем возведения христианских храмов на местах разрушенных языческих святилищ. Археологическое исследование этого памятника и изучение деталей открытого здесь сооружения укрепило наше мнение о том, что здесь действительно располагалось древнее языческое святилище.

Семь прослеженных при раскопках больших углублений, расположение которых определяет общую планировку святилища, мы рассматриваем как жертвенные ямы, в которых разжигались костры. Возможно, что в древности их было больше. Множество ям на исследуемой площади позволяет думать о наличии еще каких-то деталей. В 1926 г. В. А. Городцов проследил здесь три очага, в одном из которых была шлакированная керамика. Возможно, что это также были жертвенники. В отчете 1926 г. нет чертежей, позволяющих точно увязать расположение очагов В. А. Городцова с нашим планом, хотя бóльшая часть траншеи 1926 г. попала на площадь последних раскопок и границы ее прослежены. По-видимому, место одного из этих очагов прослежено нами ниже уровня проведенной здесь траншеи. Это место жертвенника 3, где на материке обнаружено овальное зольное пятно (частично выходящее за пределы траншеи) со следами столбовой оградки и с находками (на прилегающей к траншее площади), датирующими этот комплекс. Интересны наблюдения В. А. Городцова, позволяющие судить о залегании на северном мысе под славянским слоем более древнего финского и о связи финских очагов со столбами. Это хорошо иллюстрируется единственным приложенным к отчету рисунком. Интересны и отмеченные В. А. Городцовым два предмета: костяное шило и пряжка восточнофинского типа.

Возвратимся к планировке исследуемого сооружения. Кажется вероятным, что кроме прослеженных семи жертвенников еще один мог размещаться в северной части сооружения, по-видимому, со временем подвергшейся разрушению. В таком случае можно было бы считать, что сооружение на северном мысе состояло из восьми жертвенников и подобная конструкция могла бы быть сопоставлена с древнерусским святилищем в Перыни, восьмилепестковая планировка которого объясняется автором раскопок как явление, связанное с языческими религиозно-культовыми представлениями, как геометризованное изображение одного из посвященных Перуну восьмилепестковых цветков [19].

Вся система культового сооружения на северном мысе, состоящего из расположенных по кругу (овалу) жертвенников с оградками и обнесенного внешней круговой оградой, предполагает наличие в центре какого-то основного культового сооружения.

Судя по аналогиям с другими языческими святилищами, это мог быть столб с изображением идола.

Однако центральная часть культового сооружения на северном мысе

[19] *В. В. Седов.* Древнерусское языческое святилище в Перыни, стр. 99—101.

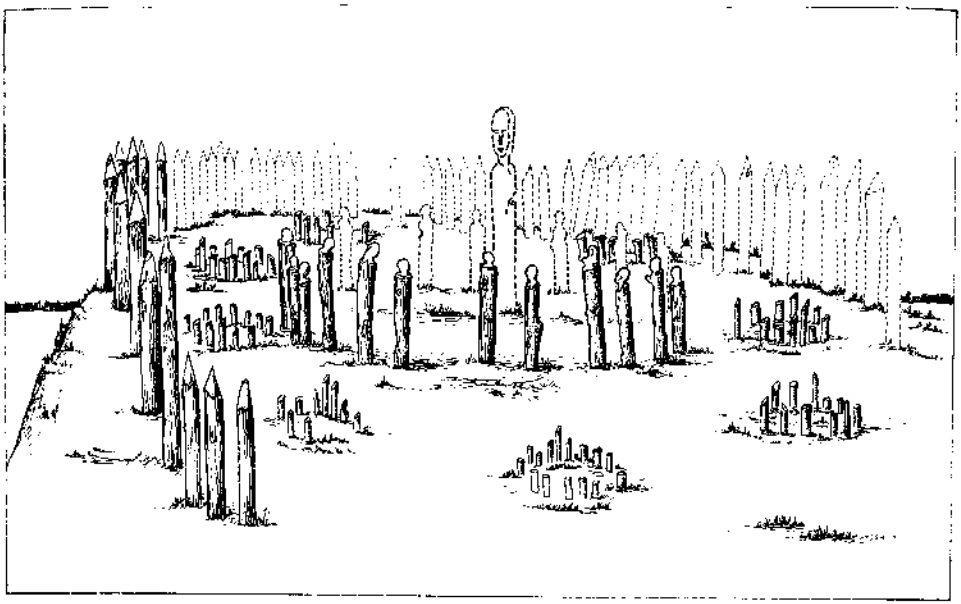


Рис. 8. Реконструкция святилища

нарушена полуземлянкой славянского времени, и при исследовании этого участка с ранним сооружением удалось связать лишь небольшую дугу столбовой оградки, которая могла бы окружать фигуру центрального идола. Не исключено, что наподобие святилища, описанного Ибн-Фадланом, эта оградка также венчалась изображениями [20]. Наличие кроме главного идола второстепенных божков предполагает и Б. Б. Жиромский на святилище Шолом [21]. Может быть, и в оградках жертвенных ям тоже стояли идолы, однако, кажется более вероятным, что эти оградки состояли просто из столбиков, отмечавших место семейного или родового жертвенника (рис. 8).

Остановимся подробнее на обнаруженных нами жертвенниках. Это были овальные ямы, ориентированные в направлении север — юг или с небольшим отклонением к западу. Средние размеры их 2,5 × 2 м при углубленности в материк около 0,50 м. Есть округлые ямы. Прослежены углубления с одним или двумя рядами оградок, а в некоторых местах осталось такое большое скопление столбовых ям, что можно предполагать многократное возведение оградок на одном и том же месте [22].

В заполнении ям найдено много угля, золы, встречаются и пережженные камни — известняк. Все это говорит о разжигании в них костров. В отдельных случаях прослежены остатки кострищ в верхней части уг-

[20] Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу, стр. 79—80.
[21] *Б. Б. Жиромский.* Древнеродовое святилище Шолом, стр. 447.
[22] Есть ямы меньшего размера и есть более глубокие, около 1 м.

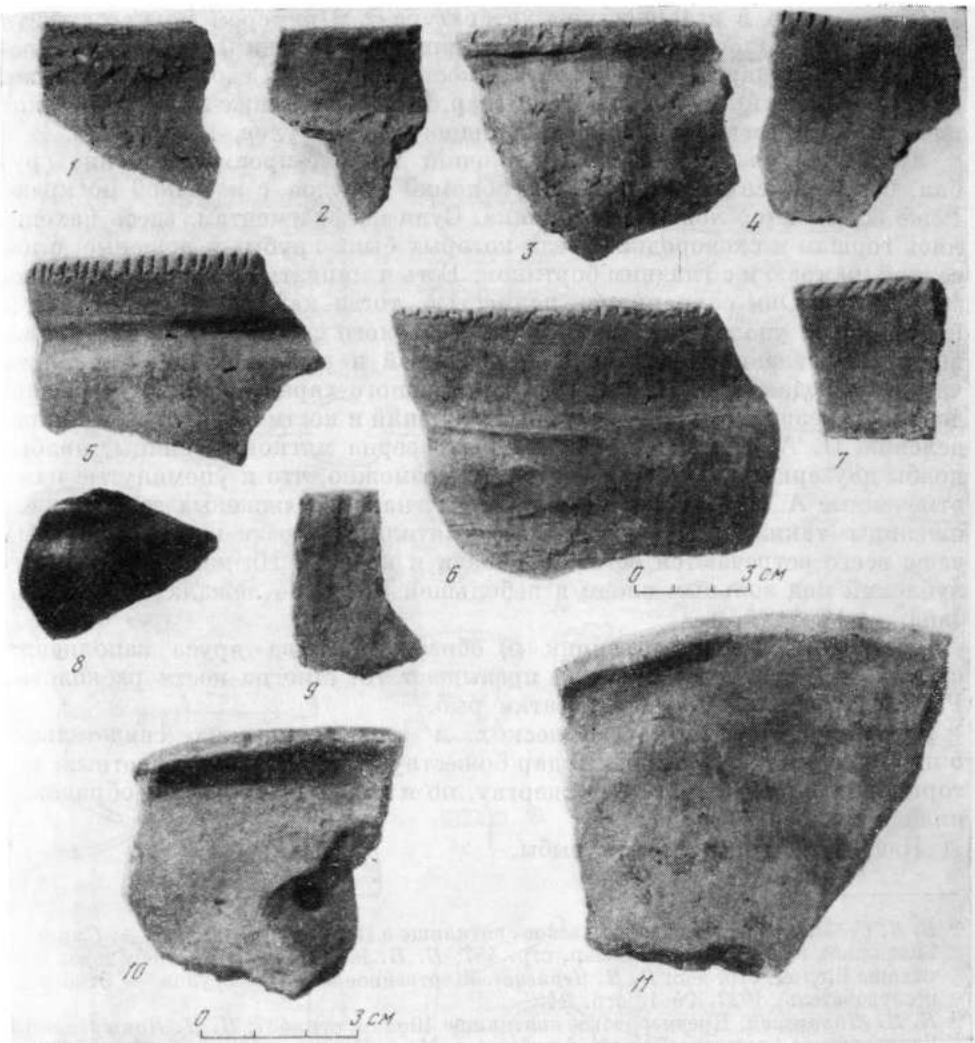


Рис. 9. Керамика из святилища

1—9 — обломки горшков; *10, 11* — обломки сковородок

лублений, т. е. костер был разведен на месте уже функционировавшей и заполненной продуктами горения ямы. Судя по обилию гари и другим признакам (слоистость заполнения, расширение размеров ям в верхней части по мере заполнения, наличие развалов кострищ и керамики), можно говорить о многократном разведении в этих ямах костров. Многократное разведение очистительных костров на жертвенных местах во время исполнения языческих ритуальных обрядов каждый раз на одном и том же

месте отмечено в исторической литературе [23]. Примером могут служить открытые археологами языческие святилища в Перыни (где наряду с временными, многократно зажигаемыми кострами В. В. Седов отмечает лишь один постоянный), в урочище Ага-Базар, Шоломе, а также этнографическое описание жертвенного места и обрядности у вогулов.

Керамика из заполнения углублений лепная, преимущественно грубая, без орнамента (рис. 9). Есть обломки сосудов с насечкой по краю. Реже встречается лощеная керамика. Судя по фрагментам, здесь находились горшки и сковородки, среди которых были грубые и лощеные, с насечкой по краю и с гладким бортиком. Есть и миниатюрные сосудики (рис. 10, *19*, *37*). Они сохранились полностью, тогда как из остальной массы керамики не удалось собрать ни одного целого сосуда. Керамика производит впечатление преднамеренно разбитой и разбросанной, что также часто наблюдается на памятниках жертвенного характера [24]. В ямах найдены обгоревшие зерна культурных растений и кости животных. По определению Н. А. Кирьяновой, здесь были зерна мягкой пшеницы, полбы, полбы-двузерянки, ячменя и гороха. Возможно, что и упомянутые нами отмеченные А. В. Селивановым в 1887 г. находки «жженых зерен ржи и пшеницы» также происходят из слоя святилища. Среди костей животных чаще всего встречаются остатки лошади и коровы. На дне одного из углублений под зольным слоем в небольшой западине лежала челюсть кабана.

В другой яме (жертвенник 5) обнаружено два яруса заполнения с костями животных, их число превышает 70. Многие кости расколоты. Реже встречаются костные остатки рыб.

Имеется много этнографических и археологических свидетельств о приношении в святилищах в дар божеству зерна, каши и животных, которых не только приносили в жертву, но и съедали в качестве обрядовой пищи [25].

Известны и приношения рыбы.

---

[23] *В. В. Седов.* Древнерусское языческое святилище в Перыни, стр. 101; *К. А. Смирнов.* Святилище в урочище Ага-Базар, стр. 457; *Б. Б. Жиромский.* Древнеродовое святилище Шолом, стр. 448; *В. Н. Чернецов.* Жертвенное место у вогулов. — Этнограф-исследователь, 1927, № 1, стр. 24.

[24] *Б. Б. Жиромский.* Древнеродовое святилище Шолом, стр. 437; *Н. Н. Новокрещеных.* Гляденовское кострище Пермской губ. на р. Каме Пермского уезда. — Труды Пермской ученой архивной комиссии, вып. XI, 1914, стр. 50—51; *К. А. Смирнов.* Святилище в урочище Ага-Базар, стр. 454; *В. В. Седов.* Древнерусское языческое святилище в Перыни, стр. 101.

[25] *Б. Б. Жиромский.* Древнеродовое святилище Шолом, стр. 428, 437, 445, 447; *Н. Н. Новокрещеных.* Гляденовское кострище. . ., стр. 51—52; *К. А. Смирнов.* Святилище в урочище Ага-Базар, стр. 457; *В. В. Седов.* Древнерусское языческое святилище в Перыни, стр. 102; *А. Д. Пряхин.* Отчет археологической экспедиции Воронежского университета в 1964 г.; *Б. А. Рыбаков.* Стольный город Чернигов и удельный город Вщиж (языческое святилище на Благовещенской горе). — Сб. По следам древних культур. Древняя Русь. М., 1953, стр. 110; Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу, 1939, стр. 79; *Н. Ф. Калинин* и *А. Х. Халиков.* Поселения эпохи бронзы. . ., стр. 228—229; *В. Н. Чернецов.* Жертвенное место у вогулов, стр. 24; *А. Н. Минх.* Моляны и обряды мордвы Саратовской губернии. — Этнографическое обозрение, кн. XV, № 4, 1892, стр. 118.

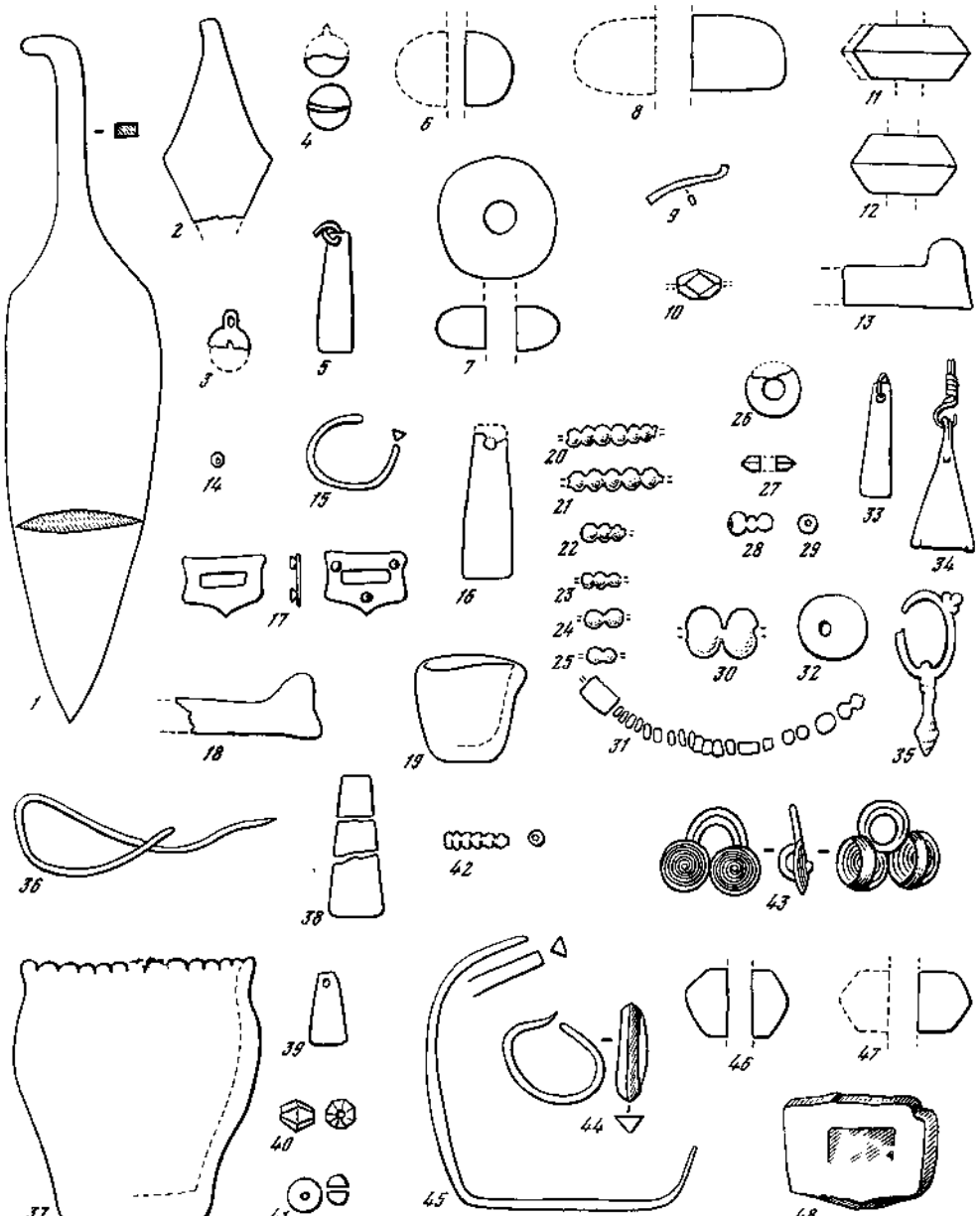


Рис. 10. Комплексы находок из святилища

1—8 — из жертвенника 1; *9—13* — из жертвенника 2; *14—19* — из жертвенника 6; *20—37* — из жертвенника 3; *38—48* — с площади между жертвенниками

1, 2 — железо; *3—5, 9, 15—17, 33—36, 38, 39, 43—45* — бронза; *6, 8, 11—13, 18, 19, 32, 37, 46—48* — глина; *7* — известняк; *10, 14, 20—31, 40—42* — стекло

В больших ямах на северном мысе найдены также и бытовые предметы, среди которых наиболее распространенными были украшения — также широко известный и излюбленный вид жертвоприношений в языческих святилищах [26].

Приведем комплексы предметов, связанных с каждой жертвенной ямой:

Жертвенник 1. Два железных ножа, бронзовая трапециевидная подвеска, обломки бронзовых бубенчиков, глиняное и известняковое пряслица, глиняное грузило и фрагментированная керамика (рис. 10, *1—8*). Ножи были необычной формы — с листовидным и ромбоидальным лезвиями, напоминающие по характеру загнутого черешка средневековые сулицы, но отличающиеся от них по пропорциям (соотношение длины лезвия и черешка). К тому же один из ножей был миниатюрным. Ножи имели обоюдоострое лезвие колющего назначения. По-видимому, это были ножи жертвенного характера.

Имеются сведения о находках ритуальных ножей и на других памятниках. Так, в родовых жертвенниках эпохи бронзы в Поволжье божеству посвящались кремневые ножи [27]. В Балымском жертвеннике обнаружен «ритуальный склад», состоящий из 11 кремневых ножей. Ритуальные кремневые ножи найдены на жертвенном месте в Займище III. Известны они и в более поздних святилищах, например Шолом [28], Воргольское [29], Перынь [30], языческое святилище на р. Гнилопять [31]. Есть также и этнографические свидетельства о принесении ножей в качестве жертвоприношений (вогулы) [32].

Жертвенник 2. Два глиняных пряслица, обломок бронзового предмета, синяя стеклянная бусина, обломки глиняной сковороды (рис. 10, *9—13*) и гладкостенных горшков.

Жертвенник 3 — один из наиболее интересных и насыщенных комплексов. Здесь найдено около 30 бусин, среди которых есть стеклянные позолоченные, бисер, многочастные пронизки с металлической прокладкой, синяя стеклянная уплощенная бусина и глиняная бусина. Здесь же найдены две трапециевидные бронзовые подвески, бронзовая аланского типа серьга с грузиком и зерненым боковым отростком, обломок бронзовой проволоки, железный стержень и миниатюрный сосудик с насечками по краю (рис. 10, *20—37*). Кроме того, обнаружены обгоревшее зерно, кости птиц и животных (зубы), кусочек охры, фрагментированная керамика.

Жертвенник 4. Обломки глиняных сковородок и грубой керамики. Очень много костей животных (в донной части ямы и в верхней).

---

[26] *А. П. Смирнов, Н. В. Трубникова.* Городецкая культура. — САИ, вып. Д1—14, 1965, стр. 13.

[27] *Н. Ф. Калинин* и *А. Х. Халиков.* Поселения эпохи бронзы. . ., стр. 204, 228—229.

[28] *Б. Б. Жиромский.* Древнеродовое святилище Шолом, стр. 443.

[29] *А. Д. Пряхин.* Отчет археологической экспедиции Воронежского университета в 1964 г.

[30] *В. В. Седов.* Новые данные о языческом святилище Перуна, стр. 106.

[31] *И. П. Русанова.* Языческое святилище на р. Гнилопять под Житомиром. — Сб. Культура Древней Руси. М., 1966, стр. 236.

[32] *В. Н. Чернецов.* Жертвенное место у вогулов, стр. 24.

Жертвенник 6. Бронзовые украшения (поясная бляшка салтовского типа с квадратной прорезью, трапециевидная подвеска, кольцо), бусина из красной пасты, миниатюрный сосудик, обломок глиняной сковороды (рис. 10, *14—19*) и фрагменты горшков. Здесь же найдено обгоревшее зерно.

Жертвенник 7. Керамическая бусина, много обожженного зерна разных сортов и шлакированная керамика.

На пространстве между жертвенниками также встречались отдельные находки. Кроме керамики и украшений перечисленных типов, здесь найдены бронзовый гладкий литой браслет, бронзовая подвеска, пастовые бусы печеночного цвета, глиняная миниатюрная литейная формочка вотивного характера и значительное количество биконических глиняных пряслиц (рис. 10, *38—48*). Глиняные пряслица, как и украшения, использовались в качестве жертвоприношений и в других святилищах железного века — на Воргольском городище и особенно в Шоломе, где их найдено более 60 [33].

Большинство предметов, найденных при раскопках языческого святилища на северном мысе Старой Рязани, находит аналогии в материалах финно-угорских памятников середины—второй половины I тысячелетия н. э. Это шумящие трапециевидные подвески, бубенчики, бусы разных типов (пастовые печеночные, позолоченные, синие стеклянные), многочастные пронизки, а также керамические сковородки и сосуды с насечками по краю. Найденная в жертвеннике 3 бронзовая литая серьга с грузиком на конце характерна для более южных степных областей Восточной Европы VIII—IX вв.[34]. Однако разновидности серег этого типа известны и в более северных районах — например, погребение VII в. у с. Арцибашево [35] и могильник Мыдлань-шай [36]. Интересно отметить, что серьги из могильника Мыдлань-шай служили подвесками в ожерелье, в состав которого входили также многочастные стеклянные пронизки, подобные найденным на северном мысе, и омаядские дирхемы первой половины VIII в. К этому же времени, судя по аналогиям, относится и бронзовая поясная бляшка с прямоугольной прорезью [37].

Все обнаруженные жертвенники стратиграфически одновременны, что подтверждается и определенностью планировки святилища в целом и составом инвентаря. Судя по находкам, святилище функционировало с середины I тысячелетия н. э. до VIII—может быть, IX в. Жертвенники постоянно сохранялись, вокруг них многократно возводились оградки и здесь многократно разжигались костры. Относительно длительный период существования святилища и его сохранность приводят к мысли

---

[33] *Б. Б. Жиромский.* Древнеродовое святилище Шолом, стр. 445. Пряслица есть и на языческом святилище, раскопанном И. П. Русановой под Житомиром. (*И. П. Русанова.* Языческое святилище на р. Гнилопять. . ., стр. 236).

[34] *С. А. Плетнева.* От кочевий к городам (МИА, № 142). М., 1967, рис. 2, *19*.

[35] *А. Л. Монгайт.* Археологические заметки. — КСИИМК, XLI, 1951, стр. 124—130; *Он же.* Рязанская земля. М., 1961, стр. 81—84.

[36] *В. Ф. Генинг.* Мыдлань-шай — удмуртский могильник VIII—IX вв. — Вопросы археологии Урала, вып. 3. Свердловск, 1962, стр. 36.

[37] *С. А. Плетнева.* От кочевий к городам, стр. 163, рис. 44, *36—43*.

о том, что это было древнеродовое жертвенное место, на которое собирались для свершения ритуальных обрядов раз в год, может быть и реже. В этнографии известно, что в обрядности финно-угорских племен было много разных форм ритуала и жертвоприношений и некоторые из них исполнялись с большими перерывами. Так, у вогулов для поклонения солнцу и месяцу выезжали на место обитания родового божества один раз в год в определенный день, а у некоторых родов вогулов собирались для этого лишь каждый третий год [38].

О культурной принадлежности племен, оставивших святилище на северном мысе Старой Рязани, может говорить сходство с материалами финно-угорских памятников, в частности с материалами рязанских могильников и поздних городищ городецкой культуры [39]. Некоторые аналогии с материалом расположенного поблизости Шатрищенского могильника, прослеживаемые в инвентаре (керамика, бусы, бронзовые подвески), и некоторая общность в конструкциях ритуальных сооружений в виде ям со столбовыми оградками приводят к выводу о том, что святилище и могильник являются памятниками родственного населения.

А. П. Смирнов и Н. В. Трубникова в сводной работе по городецкой культуре обращают внимание на распространение у древних финно-угорских племен, как городецких, так и дьяковских, округлых жертвенников из глины и камней и культовых холмищ. Как религиозный центр целого племени рассматривается святилище Шолом, основанное в поздний период городецкой культуры и функционировавшее особенно интенсивно в послегородецкое время — в VI—VIII вв. Исследователи предполагают широкое распространение жертвенных мест у городецких племен [40]. Сооружение, открытое на северном мысе Старорязанского городища, представляет собой одно из таких святилищ.

Выше уже говорилось о некоторых общих чертах в конструкциях языческих святилищ и в характере ритуальных обрядов различных древнеевропейских племен.

Однако интересны и наблюдения над конструкциями языческих святилищ племен разной этнической принадлежности, позволяющие отметить и их различия. Несмотря на то, что количество подобных исследованных памятников не очень велико, кажется возможным наметить следующие особенности:

1. Круглые святилища Смоленщины, связываемые с балтскими племенами, обычно не сопровождаются ритуальными кострищами.

2. Разведение костров вокруг изображения идола известно у славян (Перынь, Воргольское городище, святилище на р. Гнилопять под Житомиром) и на финно-угорских святилищах (Шолом, Ага-Базар, Северный мыс Старорязанского городища).

3. Святилище на северном мысе отличается одной особенностью — наличием оградок вокруг жертвенников.

---

[38] *В. Н. Чернецов.* Жертвенное место у вогулов, стр. 21.

[39] Следует особо отметить сходство с Троице-Пеленицким городищем, которое иногда рассматривается как жертвенное место.

[40] *А. П. Смирнов, Н. В. Трубникова.* Городецкая культура, стр. 13.

По-видимому, все эти различия в конструкции жертвенных мест связаны с различием обрядности.

Остатки святилища на северном мысе перекрыты славянским слоем X—XIII вв., интенсивно насыщенным находками (рис. 11). Одним из наиболее ранних среди найденных в нем предметов является обломок подковообразной бронзовой фибулы с многогранной головкой на конце (рис. 11, *12*), представляющей тип украшений, широко распространенных в IX—XI вв. в Финляндии, Прибалтике, Швеции, а также на территории Руси, в областях с финно-угорским населением [41]. Подобные фибулы встречены в Ладожских, Гнездовских, Владимирских, Шестовицких курганах, в курганах Ярославского Поволжья, в Новгороде, в Нукшинском могильнике. Найденный нами экземпляр по аналогии с фибулами Тимиревского могильника [42] датируется второй половиной X в. К этому же времени можно отнести обломок спиралеконечной подковообразной фибулы (рис. 11, *13*) [43]. Ко второй половине X в. относится и наиболее ранняя круговая керамика. Необычна для славянских древностей находка бронзового наконечника стрелы. По определению А. Ф. Медведева, это — первый экземпляр литого бронзового древнерусского наконечника (рис. 11, *1*) [44]. Большинство находок славянского времени (керамика, бытовые вещи, украшения) соответствует находкам из основных слоев Старой Рязани XI—XIII вв. Они представлены стеклянными и витыми браслетами, обломками стеклянных перстней и бус, железными изделиями (ножи, трубчатые замки, пробои, рыболовный крючок, долото, обломок пилы), костяными двусторонними гребнями и т. д. Интересен железный предмет в виде стержня с заостренными концами и с фигурным выступом посредине одной стороны, в котором имеется круглое отверстие (рис. 11, *25*). Назначение изделия неясно. Следует упомянуть находку бронзового перстня с прямоугольным щитком и стеклянной вставкой (рис. 11, *19*), а также типичные вятические украшения — серебряные семилопастные височные кольца, бронзовые орнаментированные браслеты и обойму (рис. 11, *8*, *9*, *15*, *16*).

Из сооружений этого времени исследовано жилище, упоминавшееся выше в связи с тем, что при его возведении была нарушена центральная часть более раннего святилища. Оно представляло собой полуземлянку (рис. 6, *I*, *III*, *IV*), ориентированную длинной стороной по направлению запад—восток. Размеры жилища 4,8 × 3,2 м. Вход находился с западной стороны. Прослежены ступеньки, вырытые в материковом суглинке. По углам жилища стояли столбы, поддерживавшие кровлю. У восточной стенки полуземлянки была устроена печь в виде ниши, врезанной в материк. Раскопками обнаружены остатки пода печи, обмазанного глиной и сильно потрескавшегося от огня. Здесь же были уголь и зола. К печи примыкала неглубокая предпечная яма, также заполненная гарью. По обе

---

[41] Ареал указан по сводке М. В. Фехнер. См.: *М. В. Фехнер*. Внешнеэкономические связи по материалам Ярославских могильников. — Сб. Ярославское Поволжье X—XI вв. М., 1963, стр. 81—84.

[42] *М. В. Фехнер*. Тимиревский могильник. — Там же, рис. 6, *6*.

[43] *В. А. Мальм*. Подковообразные и кольцевидные застежки-фибулы. — Очерки по истории русской деревни X—XIII вв. Труды ГИМ, вып. 43, 1967, стр. 153.

[44] Автор приносит глубокую благодарность А. Ф. Медведеву за определение.

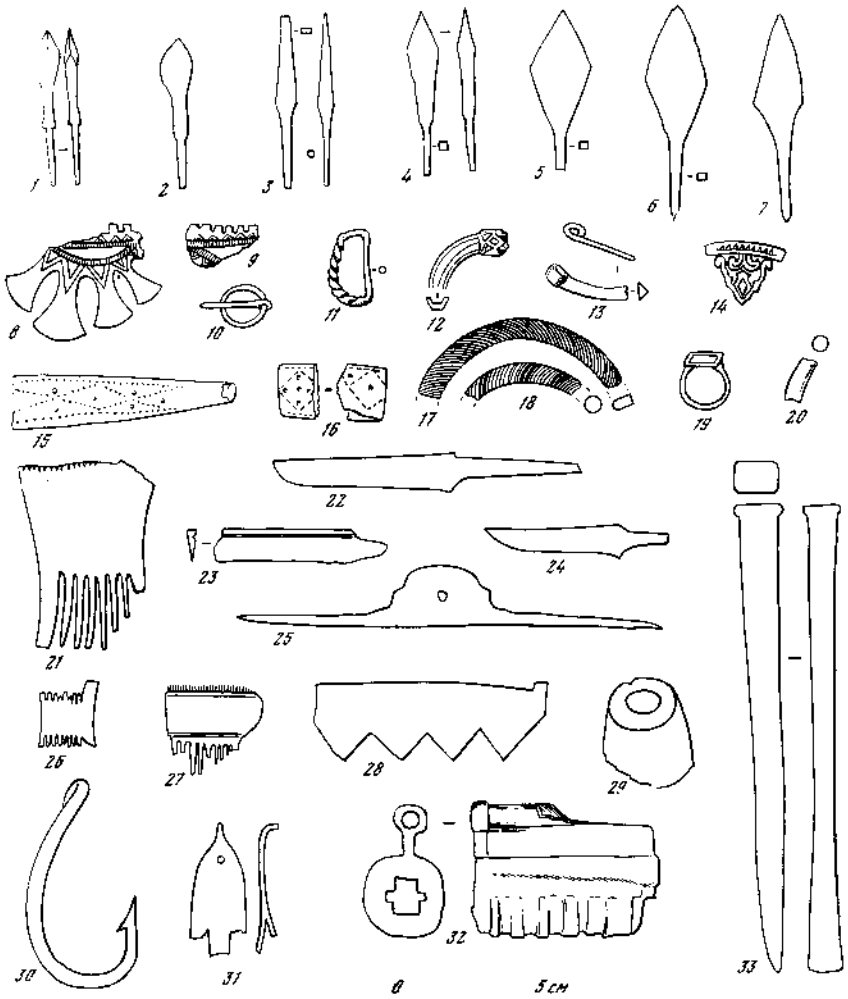


Рис. 11. Находки из славянского слоя

1, 10—16, 19 — бронза; *2—7, 22—25, 28, 30—33* — железо; *8, 9* — серебро; *17, 18, 20* — стекло; *21, 26, 27, 29* — кость

стороны от нее вдоль длинных стен жилища прослежены лежанки, устроенные на материковом возвышении. Следы дощатой обшивки или деревянного настила не обнаружены. Пол был земляной. Полуземлянка подобной конструкции на Старорязанском городище открыта впервые. Она несколько отличается от остальных. По характеру заполнения она соответствует древнерусским сооружениям в основной части городища. Здесь найдены славянская керамика, железные ножи, наконечники стрел, костяные двусторонние гребни, обломки стеклянных браслетов, бронзовые

украшения, а также обломки серебряных семилопастных височных колец и бронзового пластинчатого орнаментированного браслета, свидетельствующие о вятическом населении.

Таким образом, раскопки показали непосредственный хронологический контакт местного финского населения со славянским. Пришедшие сюда славяне уничтожили древнее святилище и основали здесь свое поселение, застроив это место жилыми сооружениями. В комплексе древнерусского городища Старая Рязань Северный мыс является местом первоначального поселения [45].

Северный мыс — один из памятников, на котором прослеживается хронологический контакт местного финского и славянского населения. Дальнейшее изучение этой проблемы — одна из задач Рязанской экспедиции.

---

[45] А. Л. Монгайт отметил возможность датировки славянского поселения на этом мысе X в. Основанием для этого послужили найденные здесь керамика, костяная конопушка, железная шпора X в., пряжка и наконечник ножен меча. См.: *А. Л. Монгайт*. Старая Рязань, стр. 19—20. Раскопки 1966—1967 гг. на северном мысе подтверждают эту дату.

Т. А. Кравченко

Шатрищенский могильник

(по раскопкам 1966—1969 гг.)

Шатрищенский могильник, расположенный за юго-восточными валами городища Старая Рязань, вблизи Пронского шоссе, не раз уже привлекал внимание исследователей [1]. Этот памятник, входящий в группу рязанских могильников среднеокских финнов II—VII вв. н. э., судя по сохранившимся разрозненным комплексам [2], занимает в ней окраинное положение. Отдельные находки из Шатрищенского могильника свидетельствуют о тесной связи местного населения с племенами Прибалтики, Крыма и Прикамья.

Раскопками предшествующих лет было вскрыто 50 погребений (5 — сотрудниками Рязанской ученой архивной комиссии и 45 — П. П. Ефименко).

Отряд Старорязанской экспедиции начал здесь работы в 1966 г. Выяснилось, что Шатрищенский грунтовой могильник занимает огромную площадь — четыре мысовые площадки в верховьях урочища Черной речки — Шатрищенского оврага (рис. 1) [3]. Те же мысы, которые подвергались раскопкам в начале века, наполовину разрушены оврагом. Нам удалось обнаружить следы лишь одной траншеи П. П. Ефименко на четвертом мысе. Мысы не распахиваются, но овраг «наступает» на них довольно быстро. Часть мысовой площадки (3), на которой проводил свои основные работы П. П. Ефименко, сейчас обвалилась. Огромные осыпи обнажают погребения. По этим обнажениям четко видна стратиграфия могильника: под дерновым слоем (5—10 см) идет светло-серая супесь с включениями желтой материковой глины, угольками. На мысе 3 в этом слое встречаются кости животных, керамика (в верхних слоях — славянская,

---

[1] Результаты осмотра могильника А. И. Черепниным см.: Архив ЛОИА, д. 1894, № 102. Здесь же работали А. В. Селиванов, А. И. Черепнин и А. Я. Кожевников в 1894 г. — подробный отчет см.: *А. А. Спицын.* Древности бассейнов рек Оки и Камы. — МАР, № 25, 1901. О раскопках П. П. Ефименко см.: Архив ЛОИА, ф. 2, оп. 1, д. 65 за 1920 г.; *П. П. Ефименко.* Рязанские могильники. — Материалы по этнографии, т. III. Л., 1926; *Он же.* К истории Западного Поволжья в I тысячелетии н. э. — СА, II, 1937.

[2] Эрмитаж, Отдел первобытной истории, колл. № 620 и Рязанский областной краеведческий музей, колл. № 198—201, 207 и 350.

[3] В 1966 г. проводились раскопки на мысах 1 и 2, которые не были известны П. П. Ефименко (во всяком случае они не нанесены на топографический план могильника, составленный им в 1920 г). Те два мыса, на которых вел раскопки П. П. Ефименко, на нашем чертеже обозначены цифрами 3 и 4.

ниже — гладкостенная, позднегородецкая и с рогожным орнаментом). Мощность этого слоя колеблется от 0,5 до 0,9 м. И, наконец, подстилает этот слой плотная материковая глина. Есть основания предполагать, что на мысе 3 некоторое время находилось селище позднегородецкого времени. В этой связи интересны результаты разведочных работ охранного порядка, проведенных в 1969 г. М. М. Макаровым на этом мысе.

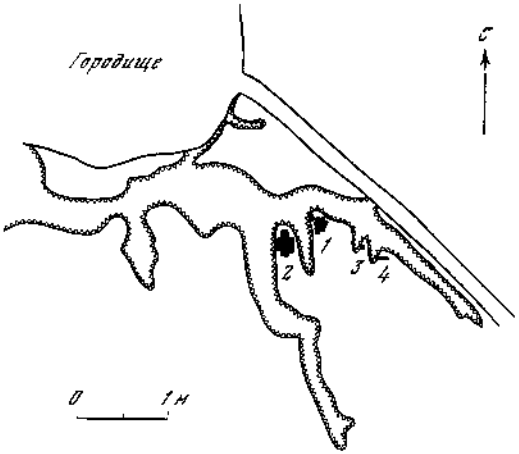


Рис. 1. Общий план раскопок Шатрищенского могильника

1—4 — номера мысов. Заливкой указана раскопанная площадь

Здесь была обнаружена яма, выкопанная на уровне древнего горизонта. На дне ее, у южной стенки найдены остатки двух столбов. Длина ямы 2 м, ширина 1,4 м, глубина 1 м. В заполнении встречены кусочки обожженной глины и два фрагмента гладкостенной позднегородецкой керамики [4]. Возможно, что это остатки полуземляночного жилища.

За четыре года работ в Шатрищенском могильнике была вскрыта площадь более 2500 кв. м. Исследованию подверглись только оконечности мысов, не занятые посевами (рис. 1). Почти полностью раскопана мысовая площадка 2 (рис. 3) — вскрыто 2000 кв. м. Заложены две траншеи (длиной 30 м, шириной 5 м) и раскоп на мысе 1 (рис. 2). Исследования на мысах 3 и 4 (рис. 4; 5) ограничились закладкой траншеи длиной свыше 20 м и шириной 3,5 м (мыс 4) и небольшого раскопа (4 × 5 м) на мысе 3.

Раскопки Шатрищенского могильника принесли много новых данных, изучение которых будет способствовать решению вопросов, связанных с историей племен, оставивших рязанские могильники. Так, систематическое изучение погребального инвентаря, лишь частично учтенного в классификации П. П. Ефименко [5], поможет решению вопроса об этнической принадлежности и датировке этих памятников [6]. На материале могильника, находившегося в непосредственной близости к городищу Старая Рязань — важнейшему славянскому поселению на Средней Оке, может быть вновь поставлен вопрос о времени заселения этой территории славянами и о том, соприкоснулись ли славяне с теми, кто оставил рязанские могильники. Однако эти и подобные им исследования — дело будущего. Задачей настоящей статьи являются лишь описание погребального

---

[4] См.: *М. М. Макаров.* Отчет о раскопках на III мысе Шатрищенского могильника. Старорязанская экспедиция, июль 1969 г. — Архив ИА АН СССР, Р—1, д. 3953.

[5] *П. П. Ефименко.* Рязанские могильники; *Он же.* К истории Западного Поволжья. . .

[6] См. пересмотр датировок П. П. Ефименко в работе: *А. К. Амброз.* Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы. — СА, 1971, № 2 и 3.

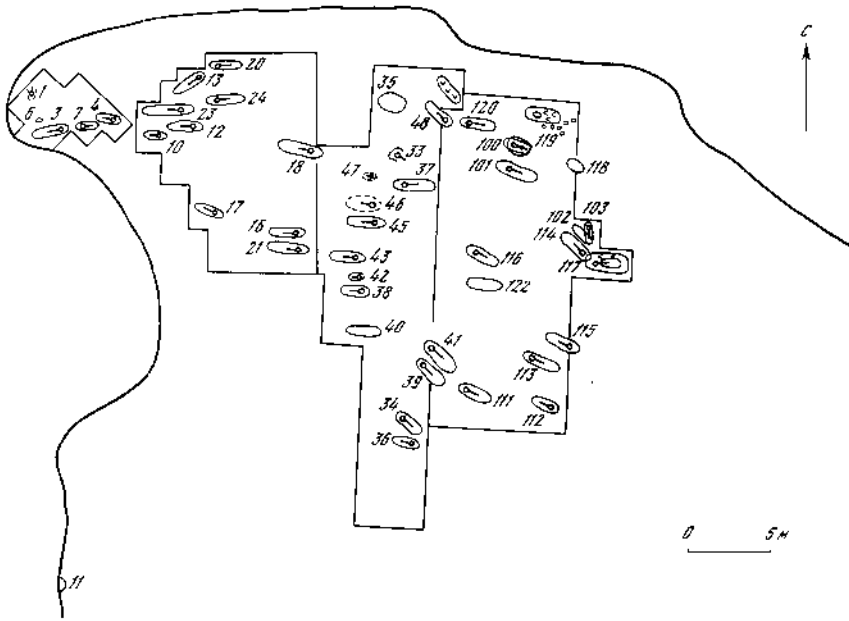


Рис. 2. План раскопок на мысе 1

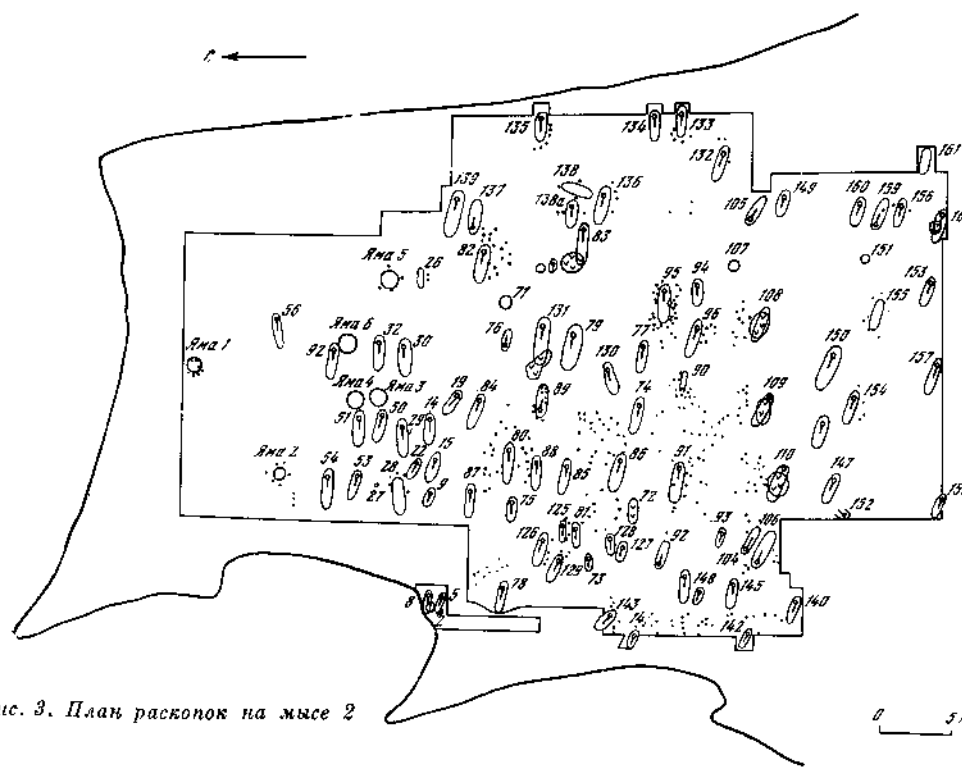


Рис. 3. План раскопок на мысе 2

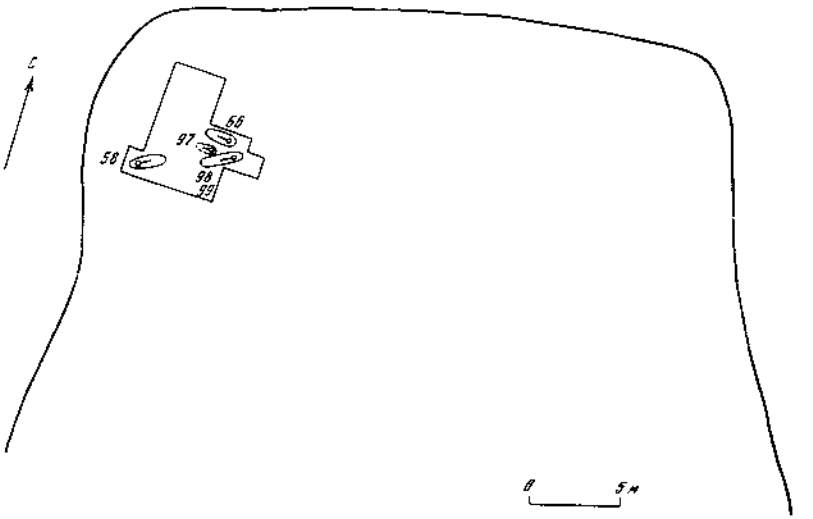


Рис. 4. План раскопок на мысе 3

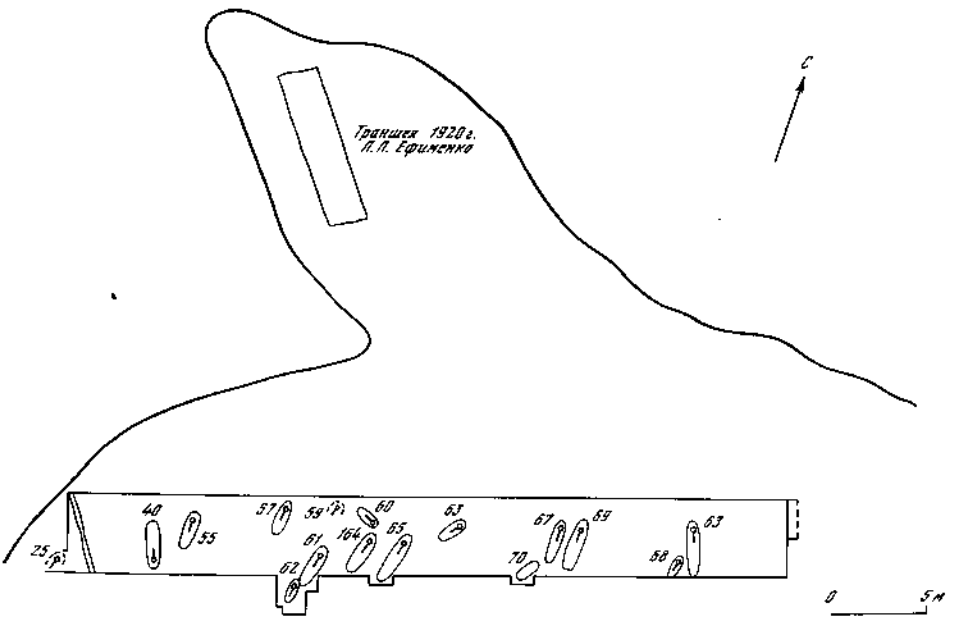


Рис. 5. План раскопок на мысе 4

обряда, что служит необходимым дополнением к публикуемому дневнику (описанию 163 раскопанных погребений), и попытка реконструкции женского костюма.

Погребальный обряд

Шатрищенский могильник использовался для захоронения довольно длительное время — по крайней мере, в течение трех веков (V—начало VIII в.). Традиция захоронений на этом месте сохранялась несколькими поколениями. Не было ни одного случая пересечения могил, четко сохранялась рядность. Возможно, помимо могильных знаков-памятников (о них см. ниже), мысовые площадки были обнесены еще и с внешней стороны. Так, на мысе 4, на глубине 0,9 м от современной поверхности, на расстоянии 1 м от западного края мыса нам удалось проследить небольшой ровик, шедший по краю кладбищенской площадки. Более четко изгородь была прослежена на мысе 2 (см. рис. 11).

За четыре полевых сезона раскопано 163 погребения. Из них лишь четыре — кенотафы (28,72 — на мысе 2 и 48а, 119 — на мысе 1); три — захоронения отдельных черепов (погребения 26,27 — мыс 2 и погребение 59 — мыс 4); одно — кремация (144); остальные — трупоположения.

Таким образом, можно выделить четыре типа захоронений — трупоположения в ямах (большинство), захоронения отдельных черепов, кенотафы и трупосожжения.

Почти все трупоположения могильника одиночные, только в двух случаях встречены двойные погребения: на мысе 3 в одной могильной яме лежали мужчина (погребение 98) и на 20 см ниже — женщина (погребение 99); на мысе 1 в одной яме раскопано два мужских погребения (113 и 121), их тоже разделяла прослойка земли.

На мысах 1, 3 и 4 могилы расположены рядами; расстояния между рядами 2—2,5 м. На мысе 2 могилы располагаются довольно густо — ими занят весь центр мысовой площадки, и порой расстояние между погребениями составляет всего 20 см.

Могильные ямы — прямоугольные, с округленными углами, корытообразные (рис. 6). Разновидность этого вида — ямы, суживающиеся к ногам погребенных (погребения 22 и 79).

Как правило, ширина могил колеблется от 0,4 до 0,7 м; в богатых погребениях — от 0,8 до 1,1 м. Глубина захоронения различна. В целом наблюдается некоторая закономерность: для мужских погребений глубина колеблется от 0,8 до 1,3 м, для женских — от 0,7 до 1,1 м, для детских — от 0,3 до 1 м.

Покойного обычно клали на спину, руки — вдоль туловища. Лишь в одном случае (погребение 13) костяк лежал на левом боку с подогнутыми ногами. Пол и возраст умершего устанавливаются в основном по вещам, их расположению и размерам. Сохранность костей очень плохая. Кости ребер, грудной клетки, позвоночника, рук и ног представлены только в том случае, если погребенного сопровождало большое количество металлических вещей. Несмотря на то что череп во многих случаях удается

обнаружить, из-за плохой сохранности антропологическому изучению он не поддается. Исключение из этого правила составляет небольшая группа погребений, где костяки сохранились довольно хорошо; это захоронения с западной ориентировкой (погребения 20, 117, 118 и 120). Все они обнаружены на глубине 40—50 см от современной поверхности; ни одной вещи с ними не было.

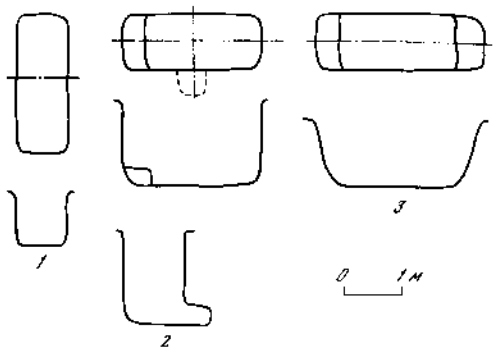


Рис. 6. Типы могильных ям (1—3)

При всей пестроте ориентировки (есть все возможные варианты ориентировки по странам света) мы можем говорить о преобладании в Шатрищенском могильнике широтной группы погребений (около 100) — головой на восток и юго-восток (рис. 7). Выделяется небольшая группа с северной ориентировкой. Особое место занимают захоронения с западной ориентировкой. Все эти группы различаются и по топографии: первая группа сконцентрирована в основном на мысах 2 и частично 1; вторая — на мысах 4 и частично 3; третья — на мысе 1.

Типы захоронений и ориентировка погребений Шатрищенского могильника

Место	Всего погребений	Захоронения черепов	Кремация	Кенотафы	Ингумация							
					Север	Северо-запад	Северо-восток	Восток	Юго-восток	Юго-запад	Юг	Запад
Мыс 1	44	—	—	2	1	10	4	14	6	2	—	5
Мыс 2	85	2	1	2	2	5	2	36	29	1	—	5
Мыс 3	5	—	—	—	—	—	3	1	—	1	—	—
Мыс 4	15	1	—	—	7	—	5	1	1	—	—	—

Богатые мужские и женские захоронения расчищены в широких (от 0,8 до 1,1 м) ямах, отстоящих на 1,5 — 1,6 м от современной поверхности (погребения 18, 50, 57, 67, 110, 146).

Для широтной группы (восточная и юго-восточная ориентировка) в устройстве ям выделяется дополнительная конструкция. Во-первых, встречены ямы с подголовником — небольшой ступенькой, поднятой над основанием могилы на 20 см (погребения 19, 79 и 110), и подбоями (рис. 6, 2). Ступеньки располагаются в головах погребенных (в погребениях 19 и 110 череп лежал на таком возвышении). Подбои (погребения 72, 91 и 110) сооружены в боковой северной стенке ямы и представляют собой небольшое (50×40 см) углубление высотой 20 см. В них ничего не найдено. Сооружение подбоев в богатых могилах характерно и для позднего этапа бахмутинской культуры — V—VII вв. н. э., в частности для Бирского

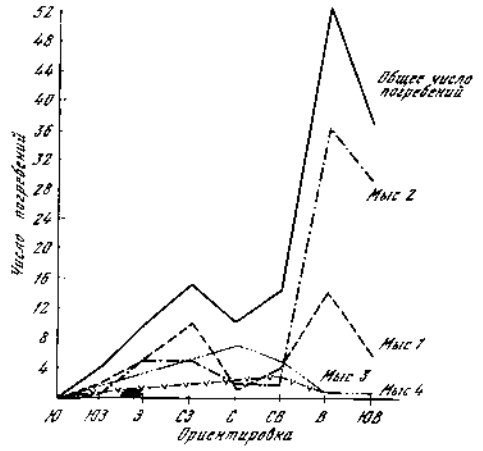


Рис. 7. Сводный график ориентировок в погребениях на мысах

могильника. «В поздних погребениях, — пишет Н. А. Мажитов, — появляются могильные ямы с глубокими подбоями или широкими ступеньками в северо-западных узких стенках. Могилы с такой сложной конструкцией найдены в 48 случаях, что составляет примерно 32% от общего числа исследованных поздних погребений могильника» [7]. Этот подбой есть и в Ново-Турбаслинском могильнике [8]. Н. А. Мажитов полагает, что такая конструкция принесена в Башкирию кочевыми племенами с юга. Возможно, из тех же мест подобные сооружения распространились и по Рязанщине.

Во-вторых, встречены ямы трапециевидной формы (в продольном сечении), суживающиеся книзу (погребения 22 и 79 — мыс 2, погребение 21 — мыс 1). Контуры этих ям прослеживались на глубине 30 см от современной дневной поверхности. Длина ям 4 м (погребение 79), 3,2 м (погребение 21) и 3 м (погребение 22). Книзу длина уменьшалась и достигала соответственно 2,7, 2,6 и 2 м (рис. 6, *3*). В заполнении ям встречены угольки (остатки кострищ) и разбитый горшок (погребение 22). Аналогичные ямы-трапеции отмечены на памятниках азелинской культуры I—VI вв. н. э.

В-третьих, могилы широтной группы, как правило, обнесены оградкой. И, наконец, именно эта группа могил выделяется по вещевым комплексам.

Большая скученность могил в Шатрищенском могильнике, при которой все же ни одно погребение не пересекает другое, наводила на мысль, что в древности здесь были какие-то намогильные сооружения. Раскопками 1968 г. впервые обнаружены оградки вокруг могильных ям (рис. 8): 5—7 колышков (диаметр 5—8 см), углубленных на 6—10 см в материк. Такие оградки были расчищены вокруг 27 погребений. Особенно интересная могильная оградка выявлена у погребения 82. Здесь на глубине 1,1 м на материковой глине четко обозначились с южной стороны два ряда небольших столбиков (диаметр 6—10 см). Они оконтуривали яму. Любопытно, что по мере того как столбики этой ограды сгнивали, их заменяли другими, но ставили уже несколько дальше от первой линии. Местами удалось проследить и третий ряд оградки. Несколько другой тип оградки исследован у погребения 95, где в непосредственной близости от края могильной ямы расчищены парные колышки (диаметр 8—10 см). Они

[7] *Н. А. Мажитов.* Бахмутинская культура. М., 1968, стр. 29.
[8] *С. М. Васюткин.* К дискуссии по бахмутинской культуре. — СА, 1971, № 3, стр. 100.

Рис. 8. Столбовые ямки (ограда) вокруг могилы

плотным кольцом окружали могилу и могут быть реконструированы как оградка-плетень. В основном оградки сопровождали богатые, преимущественно мужские погребения.

Аналогичные столбики от оградок были зафиксированы и при раскопках Борковского могильника (Рязанская обл.). В дневниковых записях 1891—1892 гг. А. В. Селиванова есть упоминание о небольших (2—5 вершков) столбах, обнаруженных около погребений; некоторые из столбов даже нарушили положение костяка [9]. Доклад А. В. Селиванова «Столбы Борковского могильника» вызвал оживленную дискуссию на IX археологическом съезде. Многие признавали, что столбы-оградки древние. Аналогичные конструкции были встречены А. Поливановым при изучении Муранского могильника. Сам автор раскопок, считая оградки намогильными памятниками, связал их с финским этносом. В. А. Городцов, участвовавший в раскопках, занял совершенно иную позицию. Он писал, что столбы, встреченные в Борковском могильнике, разного происхождения: часть их принадлежит сооружениям XVIII в., другие — неизвестно

[9] *А. В. Селиванов, А. И. Черепнин, В. А. Городцов.* Дневник раскопок Борковского могильника. Рязань, 1893, стр. 2—4.

откуда [10]. В. А. Городцов считал их не связанными с самими погребениями и в качестве доказательства ссылался, в частности, на то, что в других соседних окских могильниках — Пальновском, Кузьминском, Старорязанском — нет столбиков. В другой своей статье В. А. Городцов более определенно отозвался об этих столбах: «Похоже, они прямо вбивались как колья или тын, служили подпорами плетневой городьбы, несомненные остатки которой нами и были открыты на площади описываемых столбов — это столбы XVIII века» [11].

Материалы Шатрищенского могильника опровергают эту точку зрения. Во всех 27 случаях столбы зафиксированы на древнем материке, они одного размера, одинаково врыты в материковую глину и, несомненно, служили оградками вокруг погребений, поставленных финнами в V—VII вв. Следует обратить внимание на упоминание о том, что в XIX в. мордва совершала молитвы на самих могилах, которые большей частью покрывали срубами венцов на пять с тесовой крышей (поверх ставился крест) [12]. Возможно, это пережитки более древнего обычая ставить ограду. В I тысячелетии н. э., видимо, насыпали земляной холм, который обносили деревянной изгородью.

Обычай огораживать место погребения каменными крепидами, небольшим тыном, врытым в специально выкопанную канавку, зафиксирован многими исследователями на памятниках разных культур середины и второй половины I тысячелетия н. э.

В верховьях Десны и Оки распространены памятники роменского типа с кольцевыми деревянными оградками. Оградки есть и под полами мощинских курганов [13]. Оградки из камней известны в Прибалтике. Но все эти примеры лишь подчеркивают, что обряд этот в равной степени характерен как для финского, так и для славянского, и для балтского населения.

Почти в каждом погребении, совершенном по обряду ингумации, обнаружены угольки, а над многими богатыми могилами непременно были и кострища (например, над погребениями 9, 22, 41, 65, 81, 100, 105, 109, 110, 126).

Остатки кострищ, как правило, прослеживаются на глубине 30 см от современной поверхности, толщина слоя, содержащего угли, 30—40 см. Основной диаметр кострищ колеблется от 30—40 до 40—60 см.

Костер разводили на специальной подсыпке в центре могильной ямы, а в некоторых случаях (погребения 83, 131) — рядом с ямой. Так, в ногах костяка из погребения 131 была расчищена большая прямоугольная площадка (1×0,6 м) — сильно обожженная земля с вкраплениями угля, золы и обожженной глины. Четырехугольная площадка была обнару-

[10] *В. А. Городцов.* Столбы, встреченные на площадке Борковского могильника. — АИЗ, т. V, 1897, стр. 390—402.

[11] АИЗ, т. VI, 1898, стр. 174.

[12] *П. И. Мельников-Печерский.* Очерки мордвы. М., 1876, стр. 92. О домовинах у финно-угорских племен см. также: *Е. И. Горюнова.* Этническая история Волго-Окского междуречья. — МИА, № 94, 1961, стр. 78—81.

[13] *И. И. Булычев.* Журнал раскопок по части водораздела верхних притоков Волги и Днепра. М., 1899, стр. 7; *П. И. Третьяков.* Об истоках культуры роменско-боршевской древнерусской группировки. — СА, 1969, № 4, стр. 88.

жена и на мысе 1. Вокруг нее группировались погребения 102, 103, 114. При разборке сооружений не было найдено ни одной вещи, но почти всегда встречались угольки. Это — остатки поминальных костров. Интересное святилище с большим столбом (диаметр 50 см) было поставлено между могилами на мысе 1.

Трудно судить о том, всегда ли обертывали покойника в ткань, а потом в бересту. Остатки бересты и тканей встречены только в тех случаях, когда в могиле найдены бронзовые и железные предметы, окислы которых консервируют органические вещества. В 12 детских и женских погребениях удалось зафиксировать, что сначала покойный был завернут в ткань, потом сверху обернут берестой. Этот обычай характерен для мордовских племен. В мужском погребении 54 найден кусочек ткани; в погребениях 22 и 50 береста закрывала браслет; в погребении 83 в берестяную сумочку положены украшения.

Изредка погребения совершены в деревянных гробах. В Шатрищенском могильнике в трех случаях (погребения 18, 83 и 150) удалось зафиксировать остатки гробовища — бархатистые углистые широкие полосы (сами доски или остатки долбленой колоды не сохранились).

В трех случаях (погребения 72, 89, 159) уже после разборки погребений на материке в центре могилы прослежены маленькие колышки, подобные по диаметру колышкам оградки. Их происхождение выясняется из этнографических сведений: у финских народов спустя три дня после похорон на могиле совершали тризну — закалывали лошадь, корову и забивали три кола в могилу. Вероятно, в данном случае мы сталкиваемся с аналогичным обрядом.

Погребений отдельных черепов встречено всего три: два (26 и 27) — на мысе 2, одно (59) — на мысе 4. Первые два обнаружены в небольших (0,5×0,5 м) ямах в культурном слое на глубине 0,6 и 0,7 м от современной поверхности. Вещи с ними не найдены.

Череп из погребения 59 обнаружен сразу под дерновым слоем, на глубине 25 см. Ориентирован головой на север (10° к востоку). Слева на самом черепе лежало проволочное бронзовое кольцо с заходящими концами. Эта височная подвеска — самый характерный тип головного украшения в Шатрищенском могильнике. Существовал ли обычай захоронения отдельных черепов и с чем он связан? На памятниках городецкой культуры известны случаи захоронения черепов на городищах, вероятно в связи с жертвоприношениями. Так, в 1963 г. при раскопках городища Тоганаши (Шумерлинский р-н Чувашской АССР) внутри вала на обожженной глиняной площадке были обнаружены рядом с зольниками очагов вместе с костями животных и предметами быта человеческие кости (челюсть). Н. В. Трубникова перечисляет еще несколько городищ I тысячелетия н. э. в Чувашии, где был прослежен обряд жертвоприношения при строительстве городищ и оборонительных сооружений [14].

---

[14] *Н. В. Трубникова.* Городище у дер. Тоганаши Шумерлинского района. — Ученые записки Чувашского НИИ языка, литературы, истории и экономики, вып. XXIX, 1965, стр. 225—226; *Она же.* Погребение шамана в Кошибеевском могильнике и верования позднегородецких племен. — СА, 1969, № 3, стр. 46—48.

Этот обряд описывается также в этнографических очерках, посвященных народам Поволжья [15].

Однако поставить приведенные примеры в прямую связь с находками Шатрищенского могильника нельзя. У нас слишком мало материалов, чтобы пытаться объяснить причины захоронения отдельных черепов.

Весьма немногочисленную группу составляют кенотафы. Их всего четыре: два (28, 72) — на мысе 2, два (48а, 119) — на мысе 1. Все они представляют собой могильные ямы обычных размеров. Их заполнение — черная углистая земля, довольно рыхлая. Исключение — кенотаф 28, где земля сильно прокалена, содержит обожженную глину и массу угольков и золы. В заполнении ямы на глубине 80 см в центре обнаружены плоскодонный едва обожженный горшок и перевернутый вверх дном черноглощеный горшок-миска с резко профилированными боками и высоким отогнутым венчиком. Подобная черноглощеная керамика известна на позднегородецких памятниках середины I тысячелетия н. э.

В кенотафе 72 на глубине 70 см был найден бронзовый колокольчик с крупной петлей. Такие подвески обычны для комплексов V—VI вв. н. э. На мысе 1 в кенотафах не встречено никаких находок. Кенотаф 119 выделялся среди других усложненной конструкцией: рыхлое углистое заполнение на глубине 20 см сменилось утрамбованной прокаленной землей, с трудом поддающейся расчистке. В западной части ямы выявлен правильной формы овал (диаметр 80 см) — вероятно, остатки столба-идола, врытого на глубину 1,8 м. Все кенотафы огорожены кольями. Остатки костей или иные следы погребения в них не найдены.

Из 163 раскопанных погребений лишь одно (144 на мысе 2) содержало трупосожжение. Судя по вещам, сожжение было совершено на стороне, а потом пепел, перемешанный с золой и углем, захоронили в яме. В золе встречаются мелкие кальцинированные кости. В центре ямы вместе с точилом и железной пряжкой лежали согнутый браслет и серебряная пряжка-сюльгама с длинными «усами» и ромбическим приемником — предмет, который определяет дату кремации VI — началом VII в. В южной стороне ямы — красные пастовые бусы, нож и бронзовая подвеска с колокольчиками и браслет. Судя по вещам, здесь захоронены останки двух трупосожжений — мужчины и женщины.

Святилище Шатрищенского могильника

В течение четырех лет (1966—1969 гг.) наиболее интересными были работы на мысе 2. Нам удалось раскопать $^2/_3$ площадки мыса. В результате изучена очень интересная конструкция — ритуальный центр Шатрищенского могильника.

В центре мысовой площадки на глубине 85 см от современной дневной поверхности на материке четко прослеживалось два ряда параллельных ямок от небольших столбиков (диаметр 8—10 см). Такие ямки оконтуривали площадку (15×18 м) с западной, южной и восточной сторон.

[15] *А. А. Шахматов.* Мордовский этнографический сборник, СПб., 1910, стр. 146, 425.

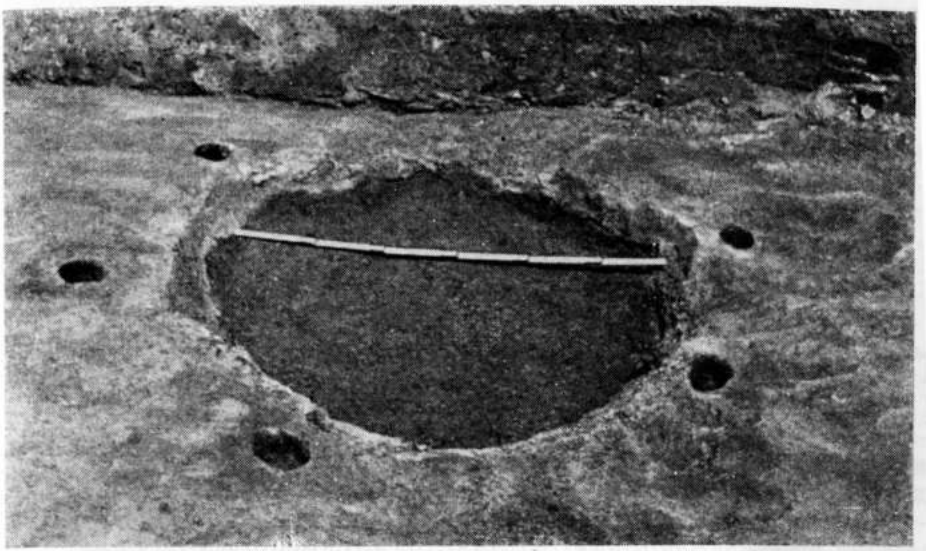


Рис. 9. Столбовые ямы вокруг кострища

С северной стороны их заменяли большие ямы-круги (шесть), вырытые в материковой глине. Их заполнение — черная углистая земля с вкраплением угля, золы и обожженной глины, но без каких-либо вещественных находок. Ямы 1, 2 и 6 были обнаружены уже под дерном; другие зафиксированы на глубине 50 см от современной поверхности. Вокруг ямы 2 стояли точно по кругу, будто прочерченному циркулем большого радиуса, пять колышков оградки. Несколько колышков-оградок было вокруг ям 1, 5, 6 (рис. 9). Любопытно, что в расположении ям имелась определенная закономерность. Как правило, они находились в одном ряду с группой погребений или рядом с богатым погребением. Так, ямы 3 и 4, отстоящие друг от друга на 1 м, были выкопаны в непосредственной близости от богатого мужского погребения 50. В свою очередь эти ямы составляли единое целое с общей конструкцией ритуальной площадки мыса, огражденной плетнем.

Большинство могил внутри этой площадки было огорожено изгородью (рис. 10). Центр этого святилища располагался в южной стороне площадки. Это большой круг-кольцо (диаметр 3,5 м), огороженный двумя рядами столбиков. От него лучами расходились тройные ряды столбиков. В центре круга был расчищен небольшой заплыв культурного слоя диаметром 20 см. Вероятно, это остатки постамента (столба?) для идола. На продолжении прямой от этого круга к северу было расчищено еще два круга. Внутри кругов и рядом с ними было немного угля, золы, местами кусочки обожженной глины. Их очертания выделяла ограда из небольших колышков. Среди них был большой (диаметр 15 см) столб — возможно, остаток деревянного идола.

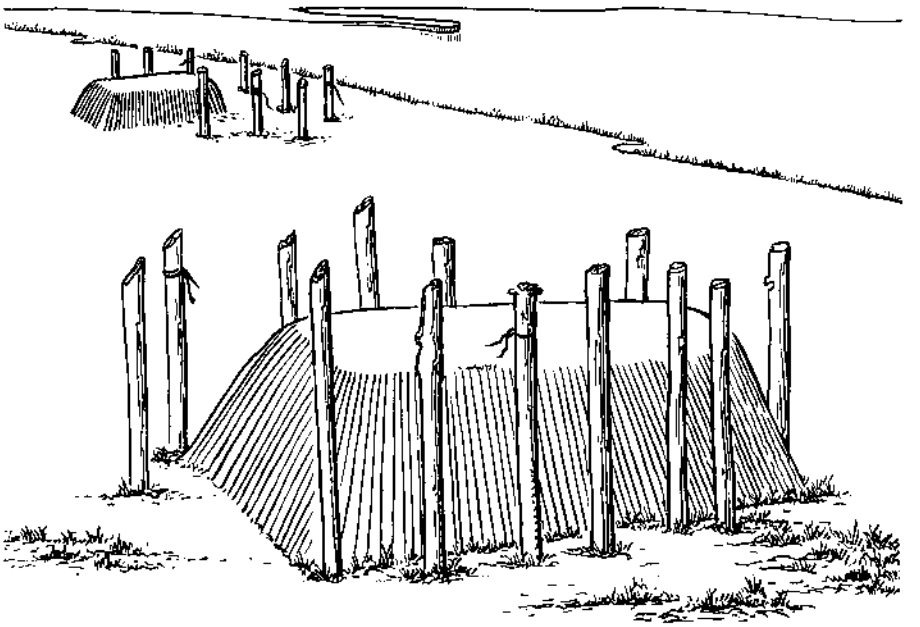


Рис. 10. Реконструкция ограждения могилы

В ямах, вырытых в материке, земля была так сильно прокалена, что едва поддавалась расчистке. Вероятно, огонь в них разводили не один раз. Их заполнение весьма однообразно — уголь, зола, пережженная глина и никаких вещей. Сюда же следует отнести и небольшой круглый развал (диаметр около 1 м) обожженной глины, находившийся вблизи погребений 28 и 29. Комплексы вещей в этих погребениях относятся к VI—VII вв. н. э.

Подобные глиняные «жертвенники» — «остатки глинобитных печей» — описаны А. В. Селивановым в дневнике раскопок Борковского могильника (1892 г.).

Как правило, эти «глинобитные печи или очаги» (по терминологии А. В. Селиванова) в Борковском могильнике находились около одной или нескольких могил. Они овальной формы (диаметр 1,5 и 1 аршин). На поверхности «печей» в одном случае найден бронзовый бубенчик, в другом — обломок керамики. Часто там встречают и просто угольки. Правомерно ли считать эти сооружения глинобитными «печами»? Зачем их строить на кладбище и обязательно рядом с могильной ямой? Почему в их заполнении в основном уголь? По всей вероятности, и в Борковском, и в Шатрищенском могильниках это — ритуальные сооружения. В Шат-

рищенском могильнике они концентрируются в северной части площадки и окружены погребениями с комплексами вещей IV—V вв. н. э.

Другой тип — круги такого же диаметра, но образованные оградкой из небольших колышков. Они сконцентрированы в южной части площадки и к ним тяготеют погребения V—VII вв. н. э.

Судя по инвентарю могил, вся площадка существовала почти с самого начала возникновения могильника, с IV—V вв. н. э. до VI в. н. э. В VII в. н. э., вероятно, здесь еще были остатки плетня, выделявшие эту площадку. Два погребения (104 и 106) нарушили южную стенку плетня, три погребения (108, 109, 110) — западную и два (130, 136) — восточную. Впрочем, эти могилы были дополнительно обнесены собственной изгородью (см. общий сводный план мыса 2, рис. 3).

В общих чертах эта площадка с ямами, огороженная плетнем, очень близка по этнографическим описаниям мордовским и марийским кладбищам и керемети (рис. 11).

«Когда мордва не была крещена, в лесу или роще избиралась небольшая четвероугольная ровная площадка сажень 20—30, ее огораживали плетнем, а иногда и высоким тыном. Она имела трое ворот, обращенных к востоку, югу и северу. Люди входили через южные ворота, скот — через восточные. Внутри, у восточных ворот, обычно врывали три столба: к первому привязывали приносимых в жертву лошадей, ко второму привязывали жертвенных быков, к третьему — овец. С западной стороны врывали также три столба: здесь закалывали жертвенный скот. Между столбами вырывали небольшую яму, закрываемую каменной плитой, в нее спускали кровь закалываемого животного. . .» Затем, по словам этнографа, посредине врывали небольшие столбики для котлов, в которых варили жертвенное мясо. У восточных ворот вешали шкуры жертвенных животных [16]. О кожах, развешиваемых поволжскими народами рядом с местами жертвоприношений, писали и восточные авторы X в. Кожи эти всегда оставались на столбах керемети. Нам представляется, что на мысе 2 Шатрищенского могильника также находилось нечто вроде керемети. Круглые конструкции с оградой из кольев служили местом для развешивания шкур, а возможно, и просто тряпочек (как у славян), в память об умерших. Большой круг был центром, символизировавшим солнце с расходившимися лучами.

Стоял ли в центре языческий идол или какой-то столб, ответить трудно. Хотя в центре круга и было обнаружено небольшое углубление, но оно шло только на 5 см в материк, и контуры его не так четки и определенны, как обычно бывает у врытых столбов. Свои небольшие «идолы» были, видимо, у остальных двух центров, только стояли они в общем ряду круговой конструкции, выделяясь бо́льшим размером (диаметр 15—20 см).

В отличие от соседних мысов внутри этой площадки преобладают богатые захоронения, что служит дополнительным аргументом в пользу особого назначения этого мыса — ритуального центра всего Шатрищенского могильника. Время его функционирования — с IV до VII—начала VIII в. н. э. Верхняя дата могильного святилища устанавливается по се-

[16] *И. И. Мельников-Печерский.* Очерки мордвы, гл. 2.

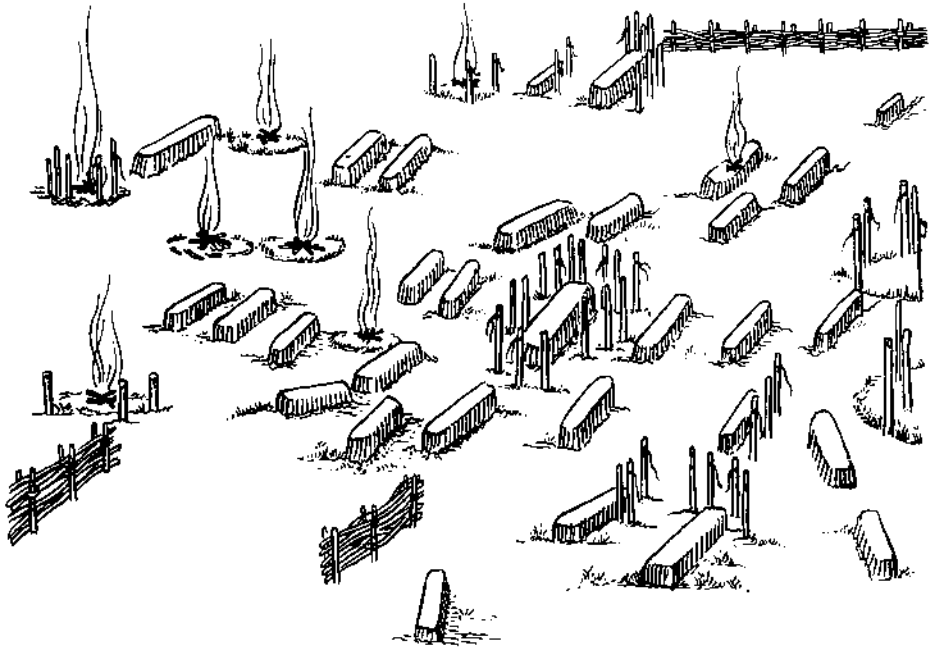


Рис. 11. Реконструкция намогильных и культовых сооружений на мысе 2

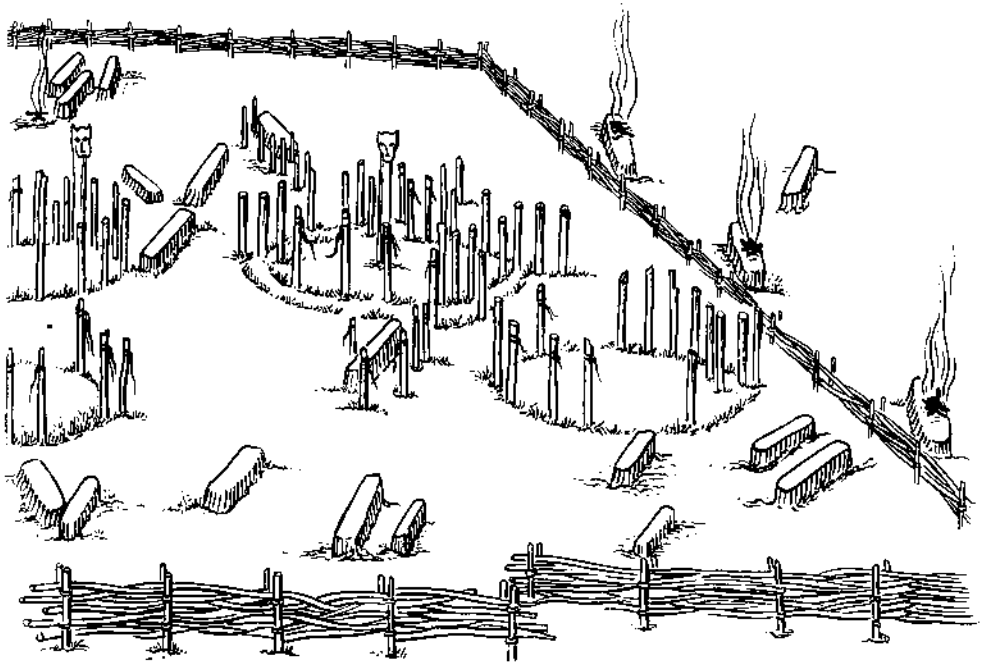
ребряным вещам из комплексов 108, 125, 126 и 127, где встречены сюльгамы-пряжки с длинными «усиками», круглые гривны с замком в крупную петлю, бляха с крышечкой, которая, в отличие от более ранних типов — ромбических и шестиугольных, округлой формы, четырехугольные шумящие подвески и пр. Все они имеют аналогии в комплексах вещей VII—начала VIII в. н. э.

Прямых археологических аналогий таким ритуальным сооружениям у нас нет. Но неподалеку от могильника, на северном мысе городища Старая Рязань, был раскопан весьма похожий памятник — круглое святилище (диаметр 8 м) [17]. Судя по вещам, оно относится к VI—IX вв. н. э.

Такова в общих чертах характеристика погребального обряда Шатрищенского могильника.

В 20-е годы П. П. Ефименко составил для рязанских могильников стратиграфическо-корреляционную схему, разделив весь инвентарь на стадии A, BB_1, C и D. В задачи нашей работы не входит пересмотр этой схемы. Несмотря на большое количество раскопанных погребений, провести статистическое исследование вещей, которое бы позволило выявить стро-

[17] *И. Г. Розенфельдт.* Древнее языческое святилище на северном мысе Старорязанского городища. — Сб. Древности Восточной Европы. М., 1969, стр. 173—178.



гие закономерности, пока не удается. Как правило, у нас имеется по три-четыре предмета одинаковых типов, что явно недостаточно для статистических выводов и проверки хронологии. Пользуясь схемой П. П. Ефименко, для Шатрищенского могильника можно выделить три хронологических этапа:

Первый этап соответствует стадии BB_1 по П. П. Ефименко. Вещевой материал характеризуется небольшими височными колечками с заходящими друг за друга концами, набором проволочных гривн и пакосников упрощенного типа, бляхами с перекрестьями, появлением отдельных шумящих подвесок, круглопроволочными браслетами с уплощенными концами. Этот этап датируется серией арбалетовидных фибул IV—V вв. н. э.

Второй этап (стадия С). Преобладание шумящих подвесок, гривн с напускными бусинами и гривн с коробочкой, блях с крышечкой и браслетов балтского типа. Время определяет южный импорт — так называемые готские поясные бляшки, фибулы. Это V—VI вв. н. э.

Третий этап (стадия D) определяют комплексы серебряных вещей из погребений 126 и 127: массивные обручи, гривны с замком в крупную петлю, височные браслетообразные кольца с обрубленными концами, бляхи с округлой крышечкой, массивные браслеты. Датирующим материалом служат сюльгамы мордовского типа (с длинными «усиками») — VII — начало VIII в. н. э.

Своеобразие любой этнической группы выражается в женском костюме, его головном уборе, наборе нагрудных и поясных украшений, мотивах орнамента. Женский костюм в древности изменялся медленно. Мужская одежда обычно легче нивелируется и теряет национальные особенности, женская же сохраняет дольше и яснее следы древних напластований.

Из-за плохой сохранности костяков нам трудно провести деление женского наряда на девичий, женский и вдовий, поэтому ниже будет дана суммарная характеристика деталей костюма.

О присутствии головного убора мы можем судить либо на основании сюльгам, которыми застегивалось головное покрывало, либо по головным венчикам и остаткам шапочек. В целом следы головного убора удалось зафиксировать в 40% всех случаев (31 из 78 погребений).

Одним из характернейших украшений головного убора был венчик — лента из бронзовых витушек, нанизанных на два-три ремешка (рис. 12, *1*). Сзади венчик застегивался бронзовой сюльгамой (погребения 3, 7, 10, 25, 31, 42, 53, 57, 76, 95, 123). Более усложненный тип венчика — витушки перехвачены бронзовыми плоскими обоймицами с подвесками — плоскими трапециевидными и шумящими (погребения 1, 25, 30, 32, 64, 68, 126, 157, 162) (рис. 12, *2* и *3*).

В четырех погребениях (24, 65, 110 и 142) найдены широкие повязки. В трех случаях их сопровождают накосники, прикрывавшие сверху косы. Они расшиты бронзовыми витушками и бляшками (погребение 65) или серебряными прямоугольными пластинками, декорированными тремя выпуклыми «жемчужинами» (погребение 142), и перехвачены сверху перпендикулярной полосой из таких же бронзовых витушек [18]. Аналогичные повязки встречены в Кузьминском могильнике [19] и в Суворовском могильнике азелинской культуры. В. Ф. Генинг предполагает, что это обшивка шапочки и датирует ее III—V вв. н. э.[20] Шапочка из погребения 142 Шатрищенского могильника, судя по пряжке, которой она застегивалась, с загнутым хоботовидным язычком (овальным в сечении) и пряжке с «усиками», датируется VI—VII вв. н. э. Того же времени и повязка из погребения 65. (Реконструкции головных уборов такого типа см. на рис. 12, *4*).

Все венчики, вероятно, были надеты когда-то на головное покрывало — непременную часть женского головного убора. Нам представляется, что такое покрывало отсутствовало в девичьих уборах (погребение 3, 32, 38, 57, 64, 109, 110, 127, 130, 156).

Вероятно, шапочки изготовлялись из кожи и шерсти. В погребении 130 удалось найти круглую затылочную часть кожаной шапочки. От нее вправо и влево отходили две нити ремешков, обернутые бронзовыми

---

[18] Накладные пластинки применялись по-разному; в Борковском могильнике они встречены в составе нагрудного ожерелья.

[19] *А. А. Спицын.* Древности бассейнов рек Оки и Камы, табл. XIX, *10* (Кузьминский могильник, погребение 66).

[20] *В. Ф. Генинг.* Азелинская культура. Ижевск, 1963, стр. 114.

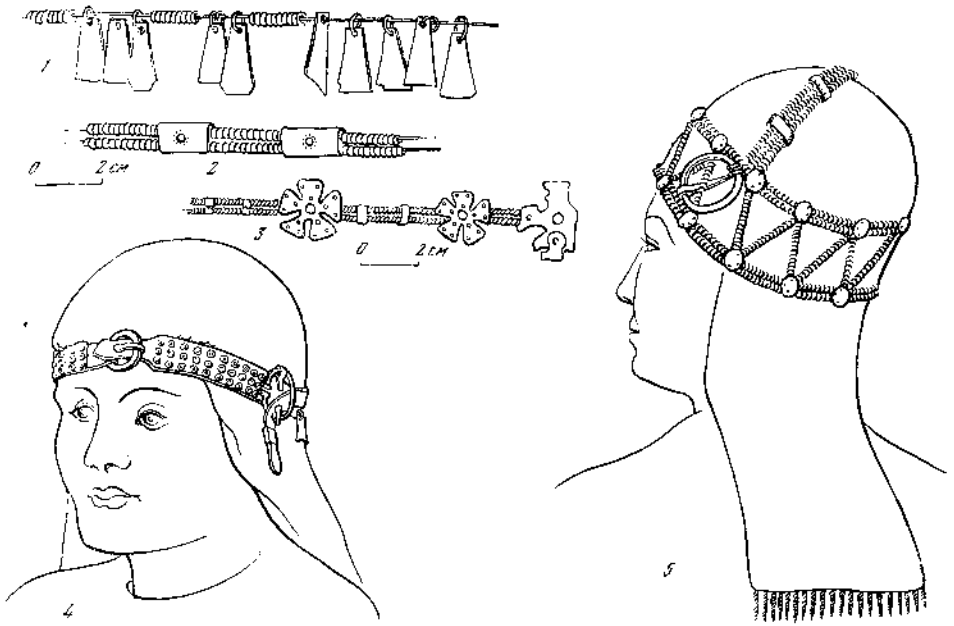


Рис. 12. Типы украшений головного убора

1 — погребение 68; *2* — погребение 94; *3* — погребение 30; *4* — реконструкция головного убора из погребения 142; *5* — реконструкция головного убора из погребения 126

витушками, с небольшими колокольчиками на концах. Это погребение датируется VI в. н. э.

В погребении 99 на месте черепа была найдена круглая бронзовая бляха (диаметр 12 см). Она, вероятно, была пришита как донце к шапочке (аналогия есть в Борковском могильнике — погребение 12).

В погребении 126 встречен головной убор особого типа — так называемая сорока (рис. 12, *5*). Трудно сказать, была ли она сделана на твердой основе или же это мягкая шапочка, края которой складывались и завязывались на затылке, а на спину спускался длинный «хвост» — лопасть, заканчивающаяся блестками, металлическими подвесками или просто многочисленной бахромой. Судя по серебряным вещам (бляхам, подвескам), это погребение следует отнести к VII — началу VIII в. н. э. Аналогичный убор известен в Перемчалкинском могильнике [21].

Исследователи рязанско-окских могильников постоянно отмечают обилие височных подвесок. В Шатрищенском могильнике встречены подвески 10 типов, которые в свою очередь могут быть разделены по времени бытования на три группы.

Первая группа — бронзовые спиральные кольца (диаметр 1,5 см)

[21] *А. Е. Алихова.* Перемчалкинский могильник. — Археологический сборник, I. Саранск, 1948, стр. 209, рис. 1.

с заходящими друг за друга концами. Иногда на кольцо нанизаны плоские трапециевидные подвески. Как правило, эта группа украшений встречается с вещами простых конструкций: венчиком, шумящими подвесками наипростейших форм (у-образные с колокольчатыми подвесками или из листовой бронзы), красными мелкими пастовыми бусами, проволочными гривнами. Вероятно, они доживают до VI—VII вв. н. э., так как некоторые из них встречены с гривнами с коробочкой и круглыми бляхами с крышечкой (шестиугольной). Эта самая распространенная группа подвесок относится к племенным украшениям раннего этапа могильника (погребения 1, 12, 14, 15, 17, 30, 32, 43, 45, 57, 59, 60, 73, 76). В погребениях 51 и 71 кольцевидные подвески встречены с подвесками мерянского типа и стилизованными «гусиными лапками». Такие височные подвески известны из материалов Борковского (погребения 15, 58, 64, 102), Кузьминского (погребения 21 и 27) и Максимовского (погребения 38) могильников.

Вторая группа — шумящие серебряные и бронзовые подвески с кольчатыми привесками. Этот тип обычен для рязанских могильников и распространен на всем протяжении существования Шатрищенского могильника. Самый поздний вариант — подвеска так называемого мерянского типа: к прямоугольному щитку, украшенному ложновитой веревочкой, подвешены колокольчатые подвески (погребение 51).

Третья группа — бронзовые и серебряные браслетообразные кольца с обрубленными концами (диаметр 4,8—5,5 см). Они появляются с комплексами вещей последнего этапа существования могильника — VII — начала VIII в. н. э.: с крупными красными пастовыми бусами, ожерельем из бус, чередующихся с шумящими подвесками, и ожерельем из бус и бронзовых витушек, серповидными гривнами и круглыми нагрудными бляхами с округлой крышечкой. Такие височные украшения обнаружены в девяти могилах (62, 67, 68, 105, 106, 109, 126, 127, 148). Кольца носили и по два с каждой стороны, и по одному. Подобные кольца встречены в Лядинском могильнике [22].

В погребении 116 была найдена типично мордовская височная подвеска — спиральная с бипирамидальным слегка округлым грузиком. В раскопках П. П. Ефименко 1920 г. в Шатрищенском могильнике была найдена такая же привеска. Комплекс вещей погребения 116 датируется V—VI вв. н. э.

Судя по остаткам сохранившихся волос, женщины (скорее девушки) заплетали волосы в две косы, о чем свидетельствуют парные накосники, но, видимо, носили и одну косу, перекинутую на грудь с левой стороны (рис. 13). В погребении 110 мы обнаружили следующее: с левой стороны почти до пояса лежала коса (каштановые остатки волос кое-где сохранились), в нее было вплетено шесть крупных бронзовых колокольцев. Аналогичные, но меньших размеров накосники найдены в погребениях 53, 126, 127, 151, 152, 162. От подобных накосников, состоящих из одиночных колокольцев, отличается двойной накосник. Он состоял из двух пар ремешков, обернутых бронзовыми витушками, на конце каждой пары был прикреплен бронзовый колокольчик (погребение 64).

[22] А. А. *Спицын*. Древности бассейнов рек Оки и Камы, табл. XXIII, *15*; XXI, *4*.

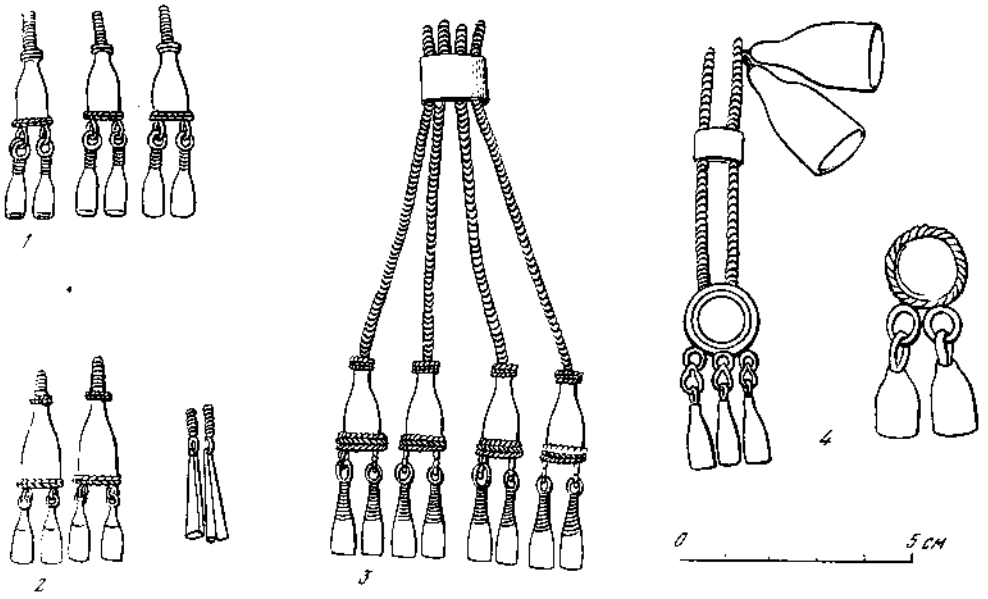


Рис. 13. Типы накосников

1 — погребение 79; *2* — погребение 106; *3* — погребение 126; *4* — погребение 130

Дальнейшая эволюция этого типа: ремешки перехватываются обоймицами (погребения 130, 57) и даже дополнительно украшаются розетками (рис. 13, *4*).

Наиболее выразительно это представлено в накоснике из погребения 57. С помощью сюльгам-застежек к головному венчику прикреплялись справа и слева две полоски парных бронзовых витушек, перехваченных в нескольких местах обоймицами. Эти ленты-полосы как бы охватывали косу с двух сторон, причем с внешней стороны на уровне груди, симметрично с одной и другой стороны, на них была укреплена пятилопастная розетка. От нее уже отходили две ленточки бронзовых витушек, которые свободно болтались. С правой стороны на концах были нанизаны огромные литые бронзовые колокольца. Похожий накосник обнаружен Н. П. Ефименко в раскопках Гавердовского могильника (погребение 3), аналогичный тип описан Н. С. Рыковым по находкам Армиевского могильника (погребения 3, 43, 50, 68) и датирован им V—VI вв. н. э.

Та же дата остается верна и для Шатрищенского могильника, что подтверждают и сюльгамы, концы которых вытягиваются в небольшие «усики», браслеты со стилизованными головками.

Еще один тип накосников — кистеобразный из трех ремешков (рис. 13, 2). Он заканчивается или тремя колокольчиками, свернутыми из тонкого листа бронзы (погребения 106, 147), или литыми колокольчиками с удлиненной шейкой, орнаментированными по краю ложной веревочкой, вшизу к ним припаяно по паре вытянутых колокольчиков (погребения 79, 109,

126, 127) (рис. 13, *1*, *3*). Эти накосники относятся к позднему периоду существования могильника, о чем свидетельствуют характер орнаментации и литья колокольчиков, а также весь комплекс вещей, в котором они встречены (серебряные бляхи, гривны с застежками в крупную петлю и пр.).

Большую категорию находок составляют нагрудные украшения (рис. 14; 15): ожерелья, нагрудники и гривны, особой конструкции вышитые воротники, бляхи, различного рода подвески-обереги, застежки-сюльгамы. Для современного исследователя местоположение украшений становится надежным основанием для реконструкции древней одежды.

В Шатрищенском могильнике выделяется группа богатых женских погребений — 3, 15, 19, 30, 32, 106, 109, 110, 126, 149, 157 (рис. 16). Благодаря обилию женских украшений, можно не только восстановить с большой точностью контур одежды, но и определить длину платья и рукава, восстановить ворот. Бронзовые окислы хорошо консервируют, ткань, поэтому в самом богатом украшениями погребении Шатрищенского могильника (110) сохранились бейки, оторачивающие кофту, сшитую из шерстяной коричневой ткани. Такая же материя найдена в погребениях 15 и 19.

Судя по имеющимся данным, выделяется два типа женского костюма: рубаха с поясом (рис. 16, *1*, *2*) и рубаха с верхней кофтой (рис. 16, *3*, *4*).

Для всех народностей Поволжья рубаха была не только нательным, но и выходным платьем. Все рубахи были туникообразные. Древний тип рубахи мордвы-эрзи — два полотнища, перекинутые через плечи так, что швы, соединяющие их, приходятся посредине на спину и грудь и по бокам одежды [23]. Грудной разрез застегивался застежкой.

Многие исследователи, занимавшиеся рязанскими могильниками, отмечали обилие бронзовых, реже серебряных застежек-сюльгам. Все они группируются в двух местах — на черепе с правой и левой сторон и на груди, в основном с левой стороны. В первом случае — это застежки головного платка. Во втором — это застежки, скреплявшие боковой разрез рубахи, который был сделан с левой стороны, а не по центру, как это отмечают этнографы для более поздних вариантов рубахи. Как правило, этот разрез закалывали двумя сюльгамами (погребения 32, 109). В погребении 54 у плеча было четыре сюльгамы. Лишь в одном случае (погребение 19) разрез шел, видимо, по центру; сверху он закрывался нагрудником, от которого удалось обнаружить остатки ремня. Вероятно, в состав женского костюма входило несколько рубах — нижняя (археологически проследить невозможно), средняя (выделяется по украшениям, надетым на нее) и, наконец, верхняя — «руця». В погребении 32, вероятно, была такая верхняя одежда — о ее присутствии свидетельствуют три сюльгамы, которые располагались чуть выше пояса (см. реконструкцию на рис. 16, *2*). Длину рукава и общую длину рубахи установить несложно, ибо в нескольких погребениях сохранились обшивки-украшения — плоские бронзовые трапециевидные подвески (погребения 15, 106, 109, 149,

---

[23] *И. И. Гаген-Торн.* Женская одежда народов Поволжья. Чебоксары, 1960, стр. 7.

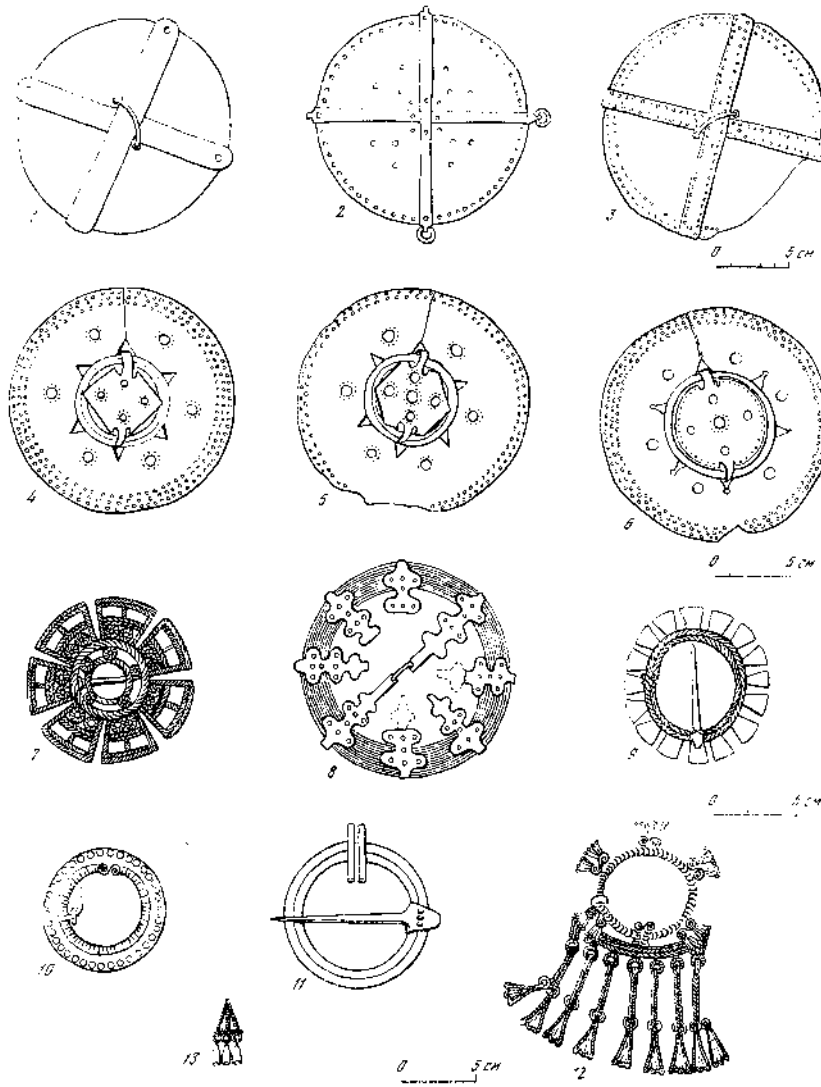


Рис. 14. Типы нагрудных украшений

1 — погребение 24; *2* — погребение 38; *3* — погребение 14; *4* — погребение 17; *5* — погребение 67; *6* — погребение 127; *7* — погребение 137; *8* — погребение 65; *9* — погребение 116; *10* — погребение 71; *11* — погребение 108; *12* — погребение 116; *13* — погребение 51

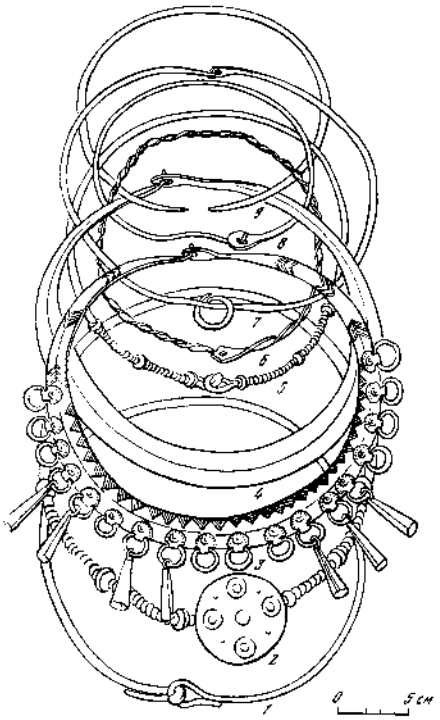
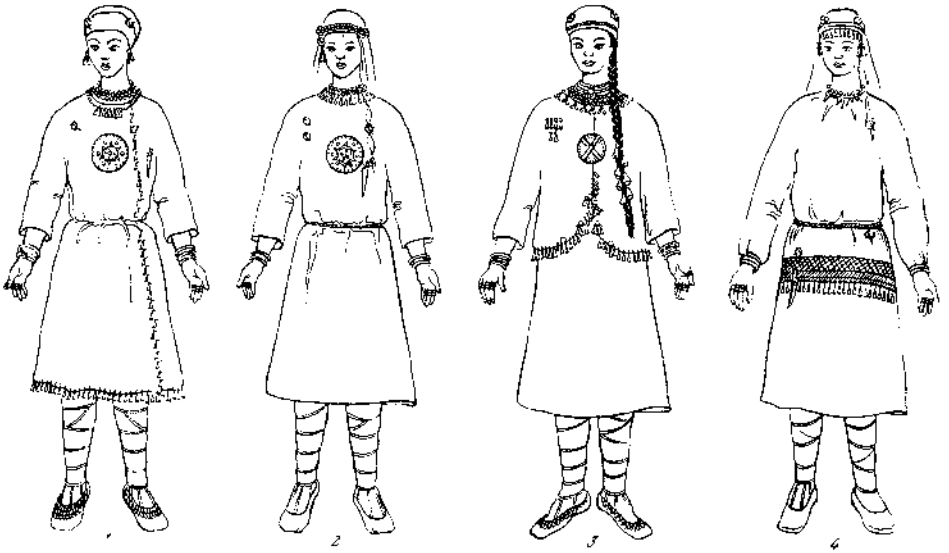


Рис. 15. Типы шейных гривн

1 — погребение 126; *2* — погребение 30; *3* — погребение 19; *4* — погребение 68; *5* — погребение 25; *6* — погребение 135; *7* — погребение 1; *8* — погребение 11; *9* — погребение 163

Рис. 16. Реконструкция костюмов из погребений (рисунок Т. П. Кудрявцевой)

1 — погребение 19; *2* — погребение 32; *3* — погребение 110; *4* — погребение 157



157). Рукав был в $^3/_4$ и внизу перехвачен браслетами. Длина рубахи — немного ниже колен. Подбиралась такая рубаха поясом, к которому крепились ножи, вероятно, пряслице. Мы не можем установить, носили ли такие рубахи с напуском, или широкий пояс плотно схватывал бедра и завершался бахромой или кистями, как это описано Палласом для мордвы-мокши.

По данным этнографии, к «нательным рубахам», реконструируемым на основе наших раскопок, ближе всего одежда мордвы-эрзи, у которой женщины носили подобные одеяния спущенными до голени; подбирались они поясом.

Второй тип одежды — рубаха с верхней кофтой — прослеживался в погребениях 110 и 157 (рис. 16, *3*, *4*). Кофта с округленными полками заканчивалась на бедрах, была обшита по краю бронзовыми подвесками и симметрично с правой и левой стороны крепилась к рубахе красивыми шумящими подвесками. Рубаха была перехвачена поясом, к которому подвешивали ножик; она застегивалась с левой стороны двумя сюльгамами.

Как уже отмечалось выше, женское погребение 110 — самое богатое по количеству украшений и самое интересное для реконструкции женского платья. Можно восстановить головной убор (шапочка-тухья), платье, обувь. Поэтому приведу полное описание этого праздничного девичьего (возможно, и молодой женщины) костюма [24]. Умершая небольшого роста (155 см) была обернута в ткань, а потом в луб. На женщине была надета распашная кофта. Благодаря обилию бронзовых украшений, хорошо сохранилась шерстяная бейка — полоска шириной 5 см, которой были обшиты края кофты. К бейке пришиты шумящие колокольчики, сделанные из согнутого куска листовой бронзы. Симметрично с одной и другой стороны у бедер и немного выше на кофту были нашиты шумящие литые привески — умбоновидные бляшки с колокольчиками. На груди лежало два ожерелья: одно — из красных пастовых бус и тройных шумящих подвесок, ниже — ожерелье из бронзовых пронизок и колокольчиков. Под ними были три бронзовые гривны: две гривны с коробочкой и одна — круглая проволочная (замок — в крупную петлю). На груди — круглая бронзовая нагрудная бляха, украшенная взаимопересекающимися накладными полосками. Слева от нее в косу были вплетены шесть больших бронзовых колокольцев. С правой стороны тоже был накосник (но меньших размеров). На руках надето по пять браслетов — круглопроволочных с расплющенными концами, и на каждом пальце — по спиральному кольцу. На голове была шапочка-тухья, состоящая из пересекающихся полос, с нашитыми бронзовыми витушками-пронизками. Видимо, под ней были головной платок и повязка, пристегнутая к нему маленькими бронзовыми сюльгамами.

А. А. Шахматов, описывая женский костюм, подчеркивает, что «девушки не носили платков. . . Выйдет замуж, в течение года ходит с одной косой, носит кисть, а после того как родит, ходит без кисти, наденет

[24] Наряд девушек или молодушек отличался от бабьего тем, что они заплетали волосы в одну косу, вплетали в нее колокольца и иные украшения.

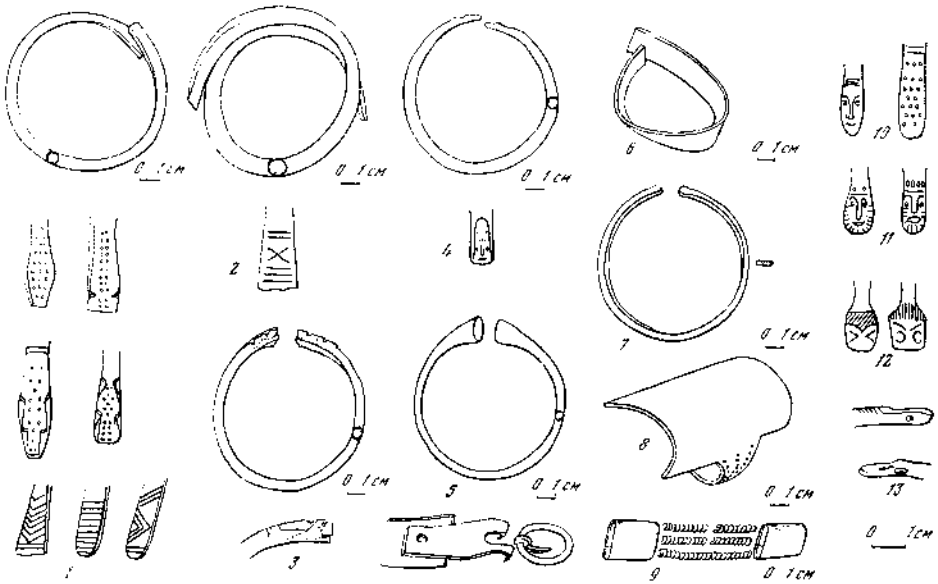


Рис. 17. Типы браслетов

1 — погребения 3, 4, 15; *2* — погребение 38; *3* — погребение 60; *4* — погребение 32; *5* — погребение 21; *6* — погребение 24; *7* — погребение 17; *8* — погребение 99; *9* — погребение 14; *10* — погребение 86; *11* — погребение 85; *12* — погребение 73; *13* — погребение 17

на голову шлыган»[25]. В данном случае трудно объяснить, был ли под тухьей платок, который крепился сюльгамами, или же сюльгамы были застегнуты как украшение на самой шапочке. Вероятнее первое. На ногах были надеты поршни, которые по бокам расшиты двойным рядом бронзовых витушек. К задникам подвешены шумящие подвески с колокольчиками. Такие подвески лежали рядом с поршнями в погребениях 15, 110 и 157.

Таковы в общих чертах особенности женского костюма Шатрищенского могильника.

* * *

Приложение

Ниже дается описание погребений Шатрищенского могильника, исследованных в 1966—1969 гг. Так как работы велись одновременно на всех мысах и номер могилам давался по мере их вскрытия, независимо от местонахождения, то целесообразней описывать погребальные комплексы не в порядке очередности номеров, а по каждому мысу в отдельности.

[25] *А. А. Шахматов.* Мордовский этнографический сборник, стр. 76.

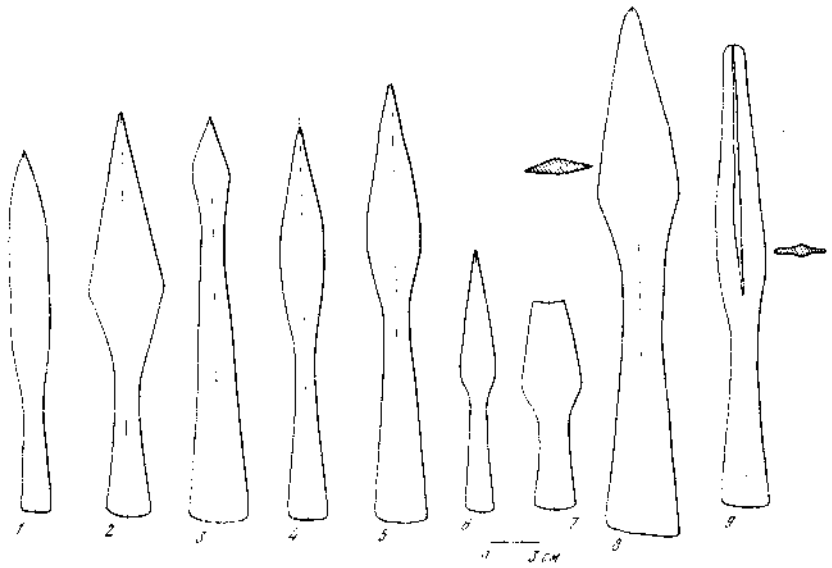


Рис. 18. Типы копий (датировка и типология по А. Н. Кирпичникову)

Тип I — линейно-заостренный. VII—VIII вв. н. э.: *1* — погребение 82; *тип II — ромбовидный.* VII—VIII вв. н. э.: *2* — погребение 40; *тип III — ромбовидный с коротким лезвием.* VII в. н. э.: *3* — погребение 84; *тип IV — лавролистный.* VII—VIII вв. н. э.: *4* — погребение 112; *тип V — уплощенно-треугольный* (со скошенными и нормальными плечиками). VIII—X(?) вв. н. э.: *5* — погребение 129, *6* — погребение 91, *7* — погребение 104; *тип VI.* VI—VII вв. н. э.: *8* — погребение 85, *9* — погребение 80

ДНЕВНИК РАСКОПОК ШАТРИЩЕНСКОГО МОГИЛЬНИКА
1966—1969 гг.

Мыс 1

За три года раскопок (1966—1968) было раскопано 49 погребений [1]. Все они сконцентрированы в северо-западной части мысовой площадки.

Погребение 1. Контуры могильной ямы в плане почти не прослеживались, лишь более темное пятно (60 × 50 см) давало возможность предположить наличие здесь очень неглубокой ямы, ориентированной с северо-востока на юго-запад. В результате расчистки на глубине 40 см от современной поверхности по расположению украшений (кости не сохранились, череп в очень плохом состоянии) удалось установить, что это детское погребение. Ребенок лежал на спине головой на юго-запад, голова чуть повернута к востоку. На черепе был небольшой венчик из бронзовых спиралек-пронизок, чередующихся с плоскими трапециевидными подвесками (3—10) [2]. Небольшие бронзовые выпуклые бляшки с отверстиями по бокам камского типа (11, 12), видимо, были нашиты на ту же головную повязку у висков, сзади венчик застегивался на S-образную

[1] В 1966 г. раскопано 16 погребений (1, 3, 4, 6, 7, 10—13, 16—18, 20, 21, 23, 24); в 1967 г. — 17 погребений (33—39, 41—48, 48а, 49); в 1968 г. — 16 погребений (100—103, 111—122).

[2] В скобках даны номера вещей данного комплекса, под которыми они значатся в полевой документации (обозначения на плане и в дневнике).

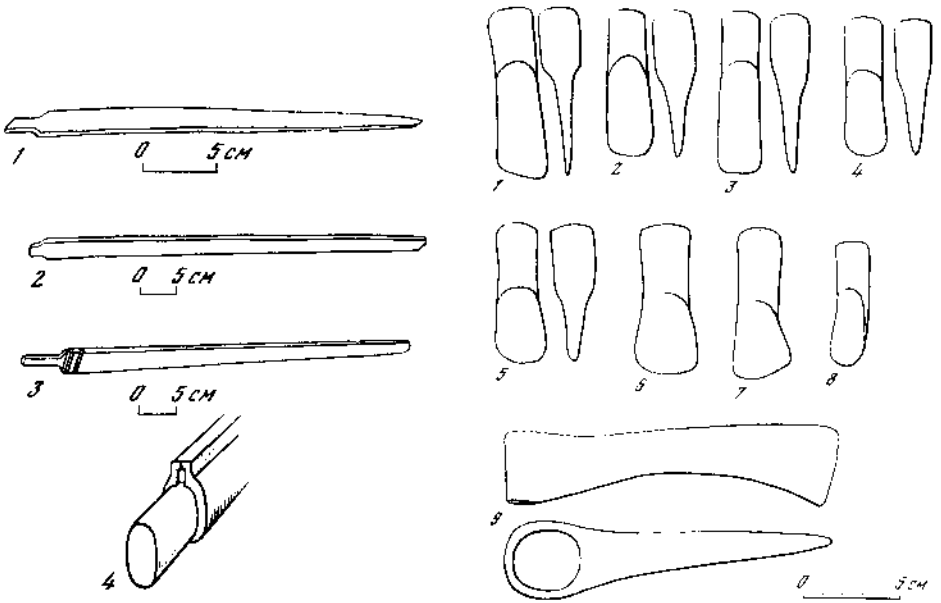


Рис. 19. Типы мечей

1 — погребение 50; *2* — погребение 81; *3* — погребение 22; *4* — обкладка меча из погребения 22

Рис. 20. Типы топоров

1 — погребение 61; *2* — погребение 86; *3* — погребение 91; *4* — погребение 80; *5* — погребение 83; *6* — погребение 69; *7* — погребение 75; *8* — погребение 81; *9* — погребение 66

застежку (1). На шее была тонкая проволочная гривна с замком в крючок (13). На гривне — бронзовое колечко. Под венчиком на виске — височная подвеска в виде кольца с заходящими концами (2). Вблизи черепа справа и слева небольшие плоские скульгамы (18 и 19), левая согнута пополам. Направление рук, вытянутых вдоль туловища, определяют бронзовые браслеты, свернутые из круглого бронзового прута, с заходящими друг на друга концами (14 и 15). На каждой руке — по маленькому бронзовому спиральному перстеньку (16 и 17).

Погребение 3. Грунтовая могила с очень ровными стенками почти прямоугольной формы [3], ориентирована с северо-востока на юго-запад. Погребенный обращен головой на северо-восток. Длина могилы 2 м, ширина 0,58 м, глубина 0,95 м от современной поверхности. В засыпке ямы было немного угольков. Сохранились кости голени, верхняя часть грудной клетки, фаланги пальцев, на которых были перстни. Ткань и луб покрывали все вещи сверху. Видимо, при захоронении тело обернули в материю, а потом — в луб. На черепе лежала бронзовая пронизка, видимо от головного венчика (4), слева — височная подвеска — бронзовое кольцо с заходящими концами, с тремя напускными колечками и трапециевидной подвеской (3). Второе такое кольцо, но без подвесок, лежало справа под черепом (11). На шее — ожерелье из мелких рубленых красных пастовых бус с двумя бронзовыми в центре (10). Под ним — ожерелье из шумящих подвесок: бронзовых колокольчиков, прикрепленных к умбоновидной бляхе (5, 6, 12). Здесь же — расколотая на две части гривна из четырехгранного брон-

[3] Ввиду того что могилы имеют одинаковую форму, мы будем указывать их контуры лишь в тех случаях, когда имелись отклонения от обычной для этого памятника формы.

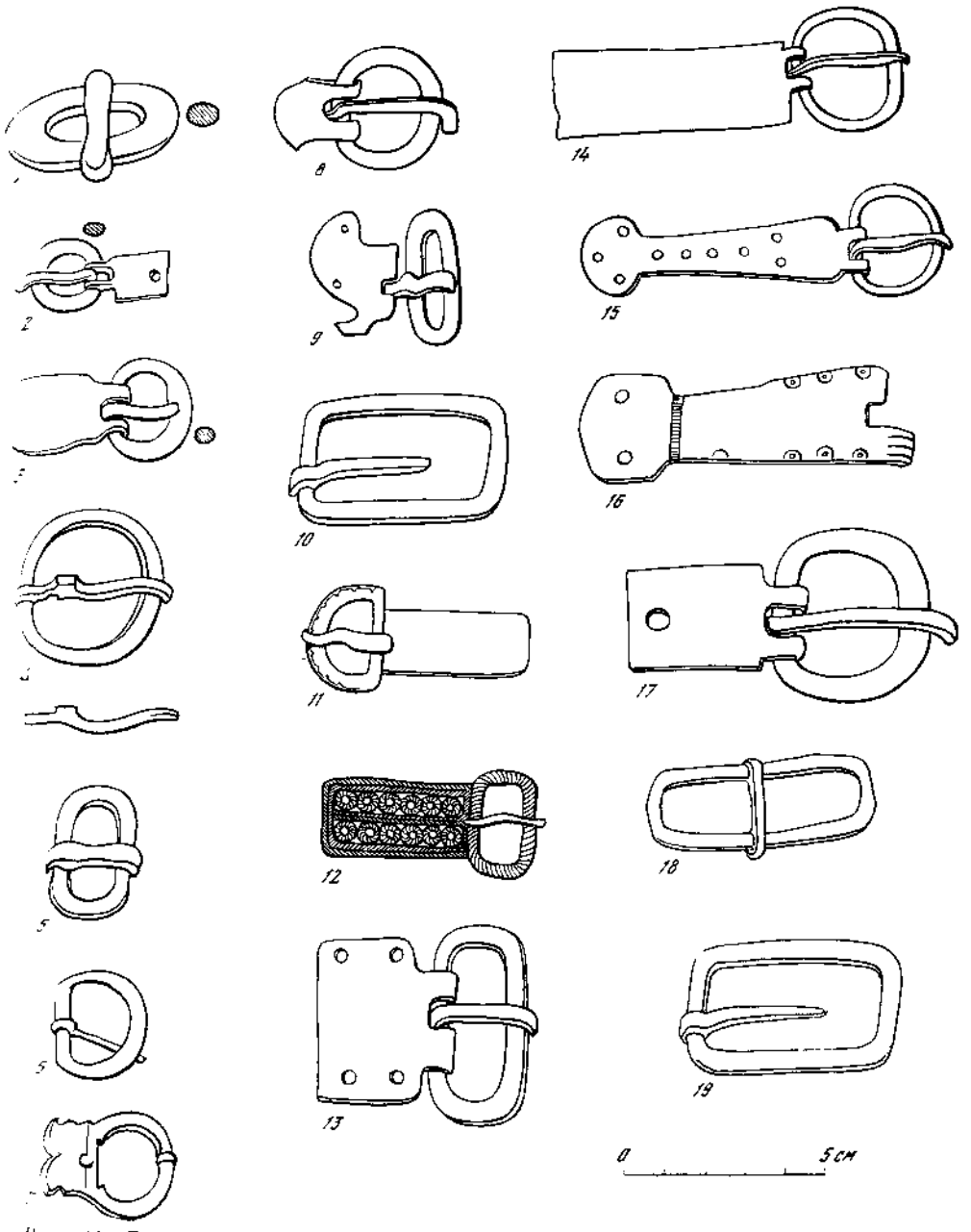


Рис. 21. Типы пряжек

1, 2 — погребение 131; *3* — погребение 103; *4* — погребение; *5* — погребение 158; *6* — погребение 18; *7* — погребение 78; *8* — погребение 83; *9* — погребение 20; *10* — погребение 23; *11* — погребение 102; *12* — погребение 82; *13* — погребение 91; *14* — погребение 100; *15* — погребение 56; *16* — погребение 139; *17* — погребение 74; *18* — погребение 20; *19* — погребение 23

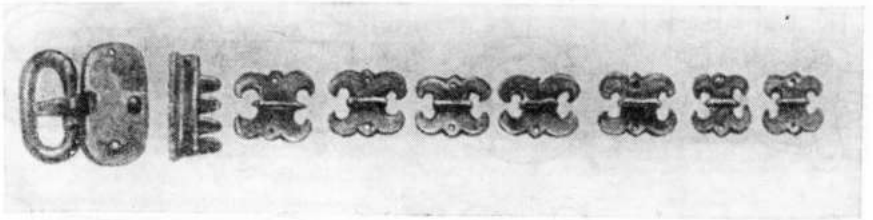


Рис. 22. Пояс из погребения 69

Рис. 23. Реконструкция поясов

1 — погребение 50; *2* — погребение 91

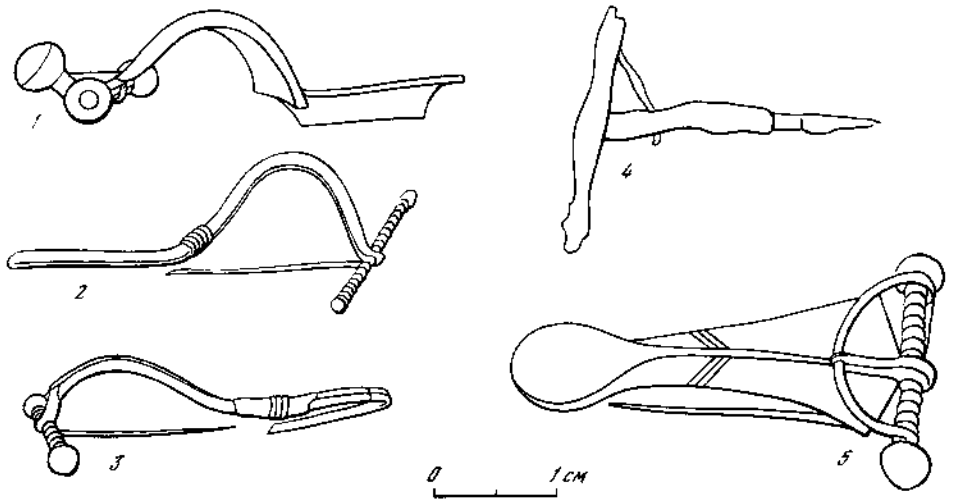


Рис. 24. Типы фибул

1 — погребение 21; 2 — погребение 97; 3 — погребение 103; 4 — погребение 38; 5 — погребение 85

зового прута с бронзовыми напускными бусинками, перевитыми проволочкой у концов, с замком в форме плети (1, 2). В центре костяка, видимо, к рубахе была прикреплена серебряная лунница (9), орнаментированная мелкими выпуклыми точками — «жемчужинами». Под этими нагрудными ожерельями строго по центру на расстоянии 5—10 см лежали две сюльгамы — бронзовая с рубчатым орнаментом (7), овальная в сечении, а под ней — плоская (8). Ими застегивалось платье. Еще одна сюльгама с насечкой по окружности лежала слева почти у края ямы (18). На каждой руке было по круглому бронзовому браслету с орнаментом на концах: у одного на немного утолщенных концах насечки, на другом — стилизованные человеческие головки (15, 16). Сохранилась фаланга пальца с бронзовым спиральным перстнем (в четыре оборота) из граненой проволоки (13). Такое же кольцо было и на другой руке (14). В области голени и стопы обнаружены два небольших литых бронзовых колокольчика с петлей для подвешивания (17, 19).

Погребение 4. Длина могилы 1,9 м, ширина 0,9 м. Ориентирована по линии восток—запад с небольшим отклонением (5°) к югу. Глубина ямы 95 см. Сохранился только черепной тлен. В области шеи найдена гривна с бронзовыми напускными бусинами (1). Справа у черепа круглое кольцо с трапециевидной подвеской (2). Такая же была слева под черепом (6). Вокруг гривны рассыпаны бусы — красные пастовые и стеклянные желтые и синие (11). Они соединялись несколькими нитями в ожерелье. На груди — круглая бронзовая бляха с накладными перекрещивающимися полосами (3). Она была закрыта тканью и лубом. Сохранился кожаный ремешок, продетый в дырки, пробитые у пересечения полос. Им бляху привязывали к платью — рубахе. Над бляхой на груди — бронзовая сюльгама (4), которой закалывали разрез рубахи у ворота. Под подбородком найден обломок бронзового колокольчика (5). На руках — бронзовые браслеты, сделанные из четырехгранного прута, с заходящими концами (8, 9). Их концы украшены стилизованными изображениями человеческого лица. Рядом с браслетом плоская сюльгама (7). На обеих руках — бронзовые спиральные кольца в три оборота (10, 13), а на левой руке — маленькое пластинчатое колечко (12). Ниже пояса — бронзовая сюльгама в обломках (14).

Погребение 6. Небольшое (40×30 см) углистое пятно примыкало к погребению 3. На глубине 95 см, в слое угля, перемешанного с землей, обнаружено два бронзовых браслета, сделанных из четырехугольного дрота (диаметр 3 см), с насечками

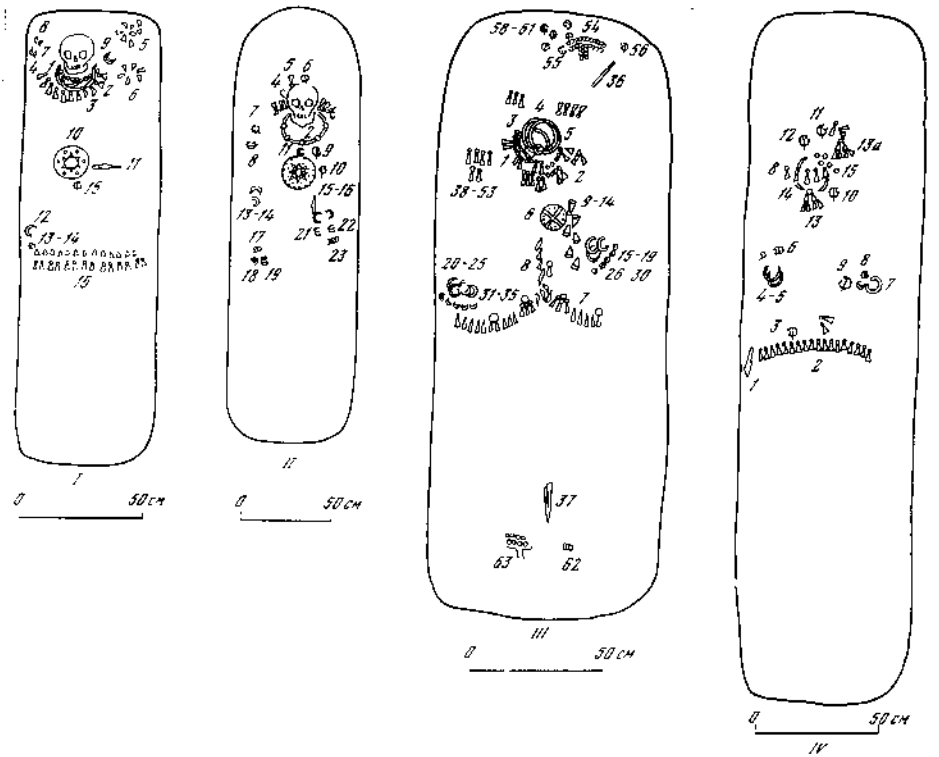


Рис. 25. Погребения 19 (I), 32 (II), 110 (III), 157 (IV)

I — погребение 19 (глубина 1 м) *1* — гривна; *2* — гривна с подвесками; *3, 4*— ожерелья; *5, 6, 16* — подвески; *7, 8, 15* — сюльгамы; *9* — пулокерь; *10* — бляха; *11* — нож; *12* — браслет; *13, 14* — перстни

II — погребение 32 (глубина 0,94 м) *1, 4* — височные кольца; *2* — гривна; *3* — ожерелье; *5* — колокольчик; *6, 7—8, 9—11* — сюльгамы; *12* — бляха; *13—16* — браслеты; *17—19, 21—23* — перстни; *20* — нож

III — погребение 110 (глубина 1,5 м) *1,2* — ожерелья; *3—5* — гривны; *6* — бляха; *7,8* — обшивка кофты, *9—14, 38—53* — колокольчики наконечника; *15—25* — браслеты; *26—35* — перстни; *36* — шило; *37* — нож; *54* — венчик; *55—56* — сюльгамы платка; *57* — обшивка платья; *58—61* — сюльгамы; *62, 63* — поршни

IV — погребение 157 (глубина 1,2 м) *1* — нож; *2* — обшивка платья; *3, 9—12* — сюльгамы; *4, 5, 7* — браслет; *6, 8* — перстни; *13, 13а* — подвески; *14* — головной венчик; *15* — бусы

на концах (1, 2). В одном из них была маленькая косточка запястья. Видимо, это детское погребение.

Погребение 7. Яма (1,24×0,54 м) ориентирована с северо-востока на юго-запад (20° от линии запад—восток к северу). В заполнении ямы встречались угольки. Костяк лежал на лубяной подстилке головой на юго-запад. Сохранились бронзовые пронизки головного венчика (2) и маленькая пряжка с бронзовым прямоугольным приемником, которая застегивала венчик сзади (3). На груди — бронзовая сюльгама (1). По-видимому, это детское погребение.

Погребение 10. Могильная яма (1,4×0,5 м) ориентирована с востока на запад с небольшим отклонением к югу. Погребение находилось на глубине 1,1 м от современной поверхности. Костяк не сохранился. В той части могилы, где должен был находиться череп, справа стоял полукруглый лепной маленький горшочек с отогнутым

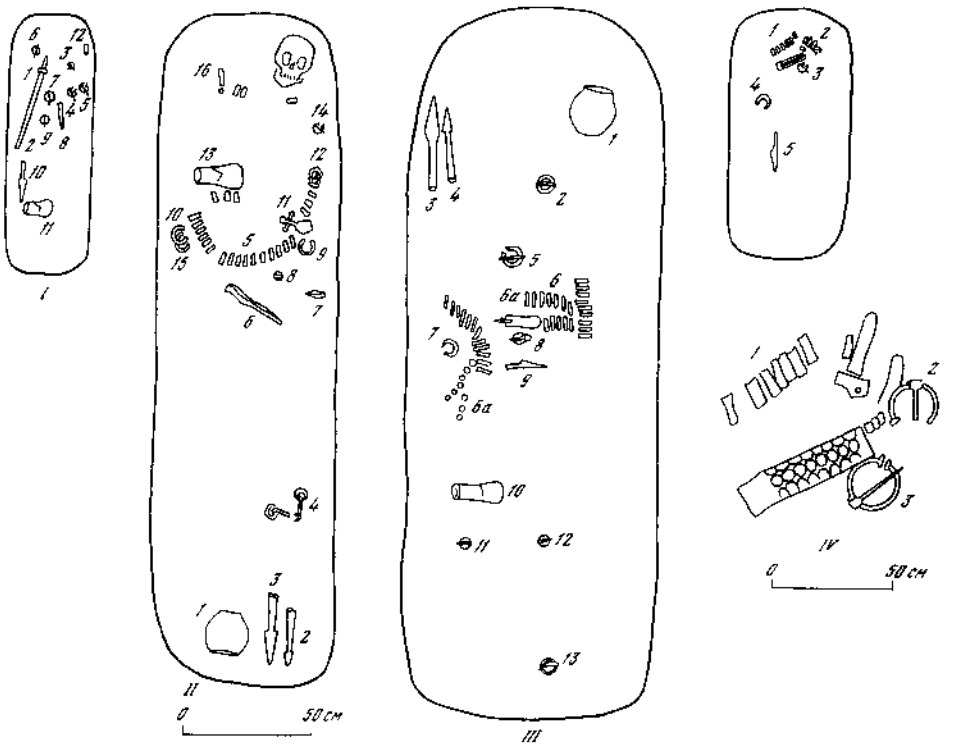


Рис. 26. Погребения 81 (I), 91 (II), 139 (III), 142 (IV)

I — погребение 81 (глубина 0,85 м) *1* — меч; *2* — обкладка меча; *3—5* — сюльгамы; *6, 7, 9* — пряжка; *8* — нож; *10* — копье; *11* — кельт; *12* — защелка

II — погребение 91 (глубина 1,05 м) *1* — горшок; *2* — дротик; *3* — копье; *4* — удила; *5* — пояс; *6* — нож; *7* — кремень; *8* — железная пряжка; *9, 10, 15* — браслеты; *11* — фибула; *12* — пряжка пояса; *13* — кельт; *14* — сюльгама; *16* — портупея пояса

III — погребение 139 (глубина 1,45 м) *1* — горшок; *2, 5* — сюльгама; *3* — копье; *4* — дротик; *6* — пояс; *6а* — наконечник пояса; *7* — браслет; *8, 11—13* — пряжки; *9* — нож; *10* — кельт

IV — погребение 142 (глубина 0,8 м) *1* — обшивка шапочки; *2, 3* — сюльгамы; *4* — браслет; *5* — нож

небольшим венчиком и едва намеченными боками (1). Рядом полукругом лежали мелкие пастовые бусы (57 штук) — рубленые и четковидные (2), а над ними — бронзовая гривна из тонко перевитого плоского прута с пластинчатым замком (3). Слева находилась височная подвеска, состоящая из двух петлеобразных частей, концы которых закручены (4). Обломок аналогичной подвески найден с правой стороны под бусами (4а). На каждой руке были браслеты (5, 6). Они сделаны из разрубленного четырехгранного прута. На концах браслетов — насечки. Между браслетами найден обломок гривны из круглого прута с крючком на конце (7), рядом — бронзовая дужка, видимо от какого-то сосуда (8), и сломанная бронзовая сюльгама (9). Судя по размерам вещей и могильной ямы, это детское погребение.

Погребение 11. Женское полуразрушенное погребение находилось на глубине 40 см от дневной поверхности на краю обрыва мысовой площадки. Сохранился лишь от черепа, который был ориентирован на северо-восток. Рядом с ним — полураздавленный большой плоскодонный лепной горшок с отогнутым венчиком, укра-

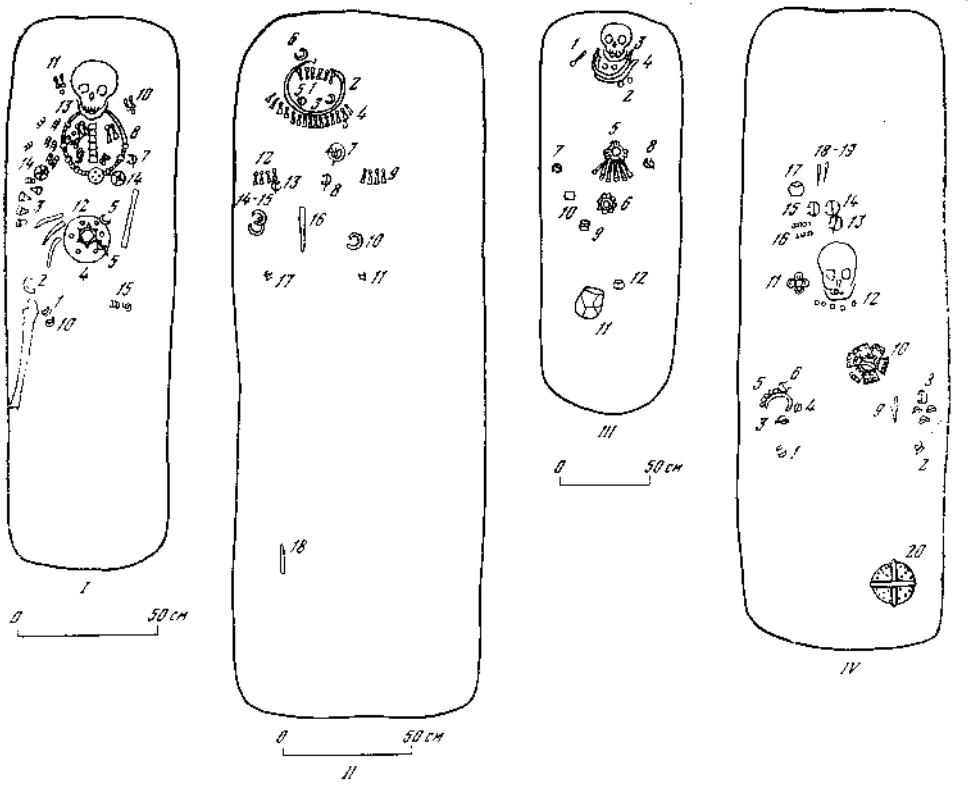


Рис. 27. Погребения 57 (I), 106 (II), 116 (III), 137 (IV)

I — погребение 57 (глубина 1,05 м) *1*, *1а*, *15* — перстни (*15* — 2 экз.); *2* — браслет; *3* — колокольчики (4 экз.); *5*, *6—7* — сюльгамы (*5* — 5 экз.; *6*, *7* — 1 экз.); *8* — гривна; *9* — ожерелье; *10*, *11* — подвески; *12* — пряжка под бляхой; *13* — бусы; *14* — накосник

II — погребение 106 (глубина 1,1 м) *1* — венчик; *2* — гривна; *3*, *6* — височное кольцо; *4* — ожерелье; *5*, *7*, *8*, *13* — сюльгамы; *9* — накосник; *10*, *14*, *15* — браслеты; *11—17* — перстни; *12* — накосник; *16* — нож; *18* — шило

III — погребение 116 (глубина 0,9 м) *1* — височная подвеска; *2* — бусы; *3*, *4* — гривны; *5*, *6* — бляхи; *7*, *8* — сюльгамы; *9* — перстень; *10* — обоймица; *11* — горшок; *12* — пряслице

IV — погребение 137 (глубина 1,35 м) *1*, *2* — перстни; *3*, *5* — браслеты; *4*, *7* — бляшки; *6*, *8*, *13—15* — сюльгамы; *9* — нож; *10*, *20* — бляхи; *11* — подвеска; *12* — бусы; *16* — спиральки; *17* — пряслице; *18*, *19* — шильце

шенный нарезкой, с раздутыми боками (3). Глина черная с примесью шамота. Под горшком рассыпаны круглые и рубленые средней величины пастовые бусы, мелкий позолоченный бисер (2). Над черепом — бронзовая проволочная гривна в обломках с замком-крючком и круглым уплощенным приемником (1). Остальная часть этого погребения «съедена» оврагом.

Погребение 12. Длина ямы 2,1 м, ширина 0,6 м, глубина 1,3 м, ориентирована с юго-востока на северо-запад. Хорошо сохранился костяк. Он лежал на спине, голова, обращенная на юго-восток, была повернута к югу. На черепе были остатки головного венчика — бронзовые пронизки (6). К венчику у висков крепились височные бронзовые подвески — кольцо с заходящими концами (4). У правого виска к такому кольцу была подвешена треугольная плоская подвеска (5). Под челюстью на позвоноч-

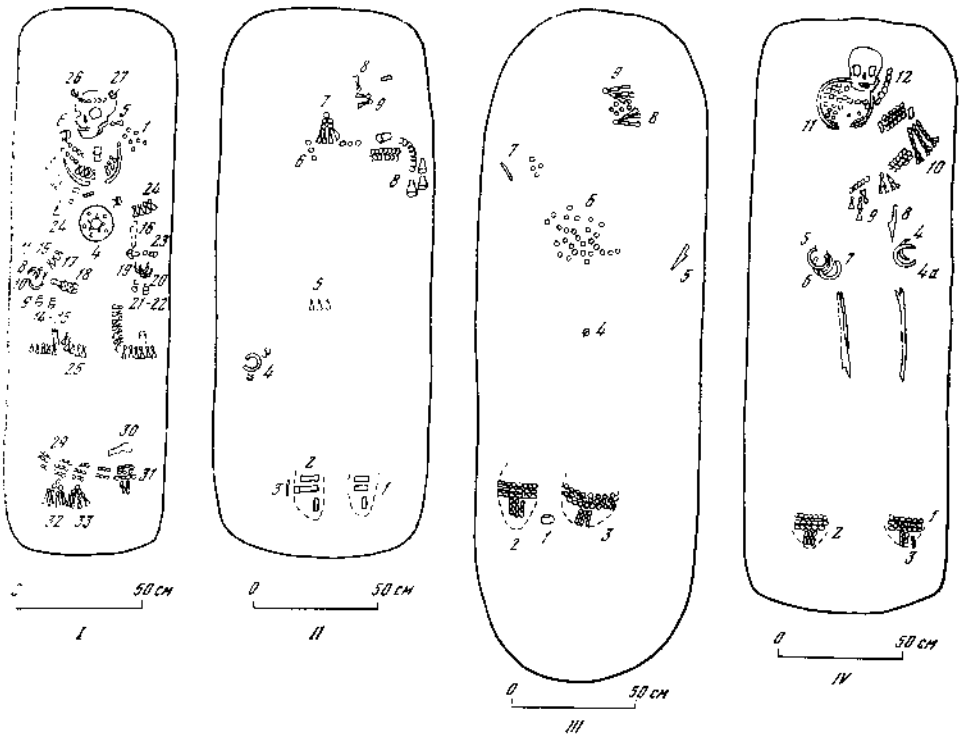


Рис. 28. Погребения 15 (I), 162 (II), 150 (III), 156 (IV)

I — погребение 15 (глубина 0,95) *1, 2* — ожерелья; *3* — гривна; *4* — бляха; *5, 11—13, 24, 25, 32, 33* — подвески; *6, 7, 26, 27* — сюльгамы (*26, 27* — 1 экз.); *8—10, 17, 18, 19, 20, 23* — браслеты; *14, 15, 21, 22* — перстни; *16* — нож; *29, 31* — украшение поршня; *30* — поршень

II — погребение 162 (глубина 1,20 м) *1, 2* — обшивка поршней; *3* — шило; *4* — браслет; *5, 7, 8* — подвески; *6* — бусы; *8* — накосник

III — погребение 150 (глубина 1,35 м) *1* — пряслице; *2, 3* — поршни; *4* — перстень; *5* — нож; *6* — бусы; *7* — шило; *8, 9* — подвески

IV — погребение 156 (глубина 0,9 м) *1, 2* — поршни; *3* — шило; *4, 4а, 5, 7* — браслеты; *8* — нож; *9* — подвески; *10* — накосник; *11* — гривна; *12* — бусы

нике — бронзовая сюльгама (3). На правой руке — обломки проволочного спирального кольца (1), рядом — глиняное пряслице (2).

Погребение 13. Могильная яма (2,3×0,6 м) ориентирована с северо-востока на юго-запад. Глубина могилы 1,3 м. Костяк сохранился довольно хорошо: погребенный лежал на левом боку, левая нога вытянута, правая — согнута в колене. Голова, обращенная на северо-восток, повернута к югу. Над черепом в северо-восточной части могилы лежала бронзовая плоская сюльгама (1), справа у стенки ямы — обломок копья (2). Слева — очень плохой сохранности железный псалий серповидной формы с двумя выносными петлями и остатками круглых маленьких железных удил (3). В правом северо-восточном углу ямы была маленькая бронзовая подвеска-«гусиная лапка» с накладными стилизованными прожилками (4). У пояса — железный с обломанным концом нож (5). В тазовой кости была железная трехлопастная стрела (6). В ногах стоял невысокий горшок с прямым невысоким венчиком, орнаментированным отпечатками гребенчатого штампа, и едва выраженными в верхней части тулова боками. Глина черная с примесью шамота, толщина стенок 0,8 см (7).

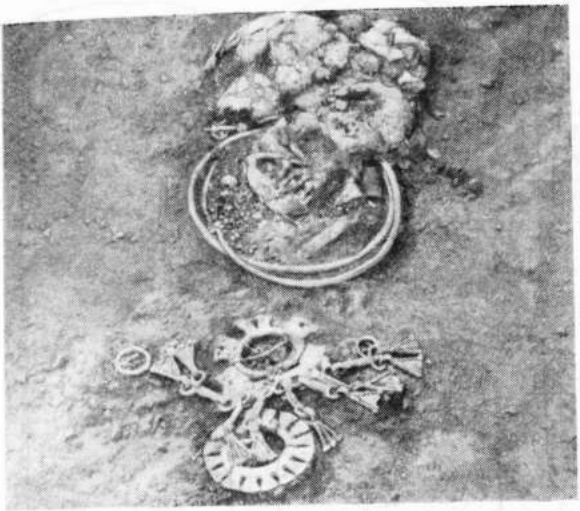
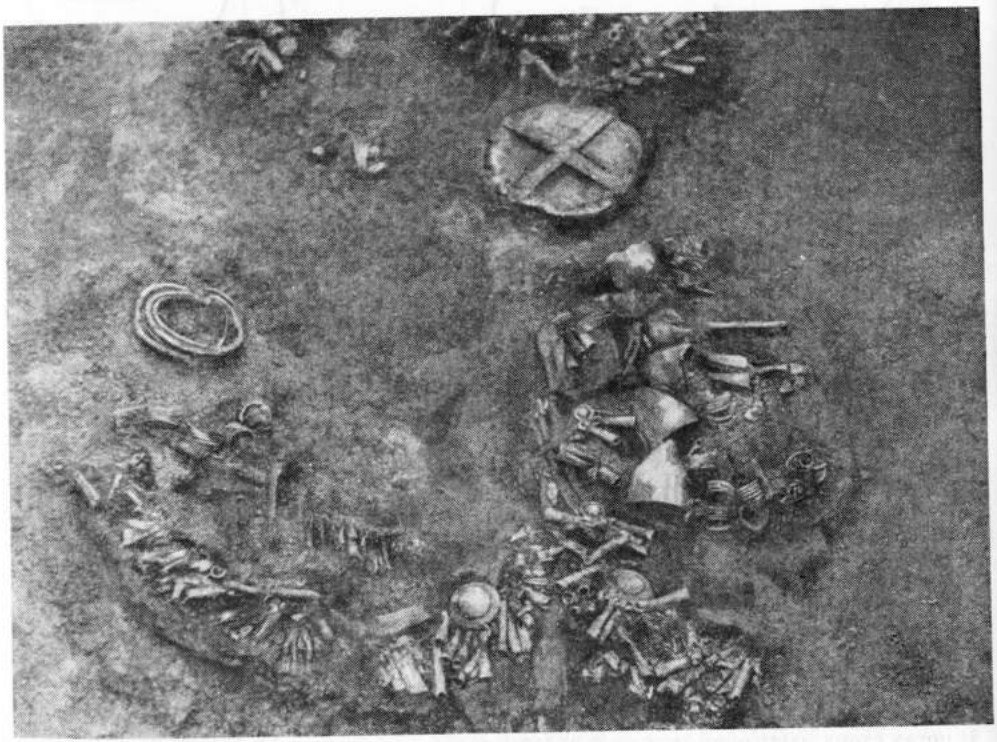


Рис. 29. Могильный инвентарь из погребения 116 в процессе раскопок

Рис. 30. Могильный инвентарь из погребения 110 в процессе раскопок



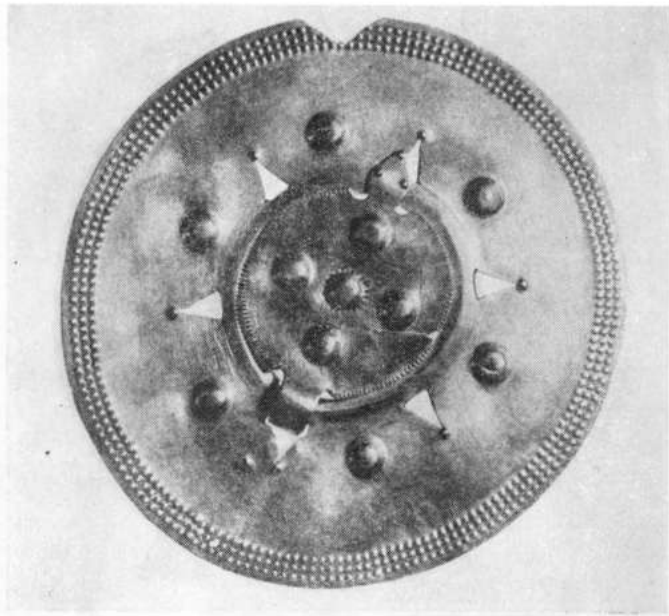


Рис. 31. Серебряная бляха из погребения 127

Погребение 16. Могильная яма (2,5×0,8 м) ориентирована с востока на запад. Ее глубина 1,4 м. Сохранились кости ног и рук, череп. Костяк лежал на спине, с вытянутыми ногами, головой на восток. У черепа лежал узкий и длинный нож (1), внизу у правой ноги — круглый бронзовый браслет, концы которого украшены полосками и пунктирным орнаментом (2).

Погребение 17. Могильная яма (2,8×0,8 м) была заполнена темной землей. Погребение находилось на глубине 1,3 м от современной поверхности. Оно ориентировано с юго-востока на северо-запад. Сохранились череп, позвоночник, частично кости таза и ног. На черепе справа и слева — височные подвески в виде бронзовых колечек с заходящими концами (12, 13). На шее — бронзовая гривна, концы которой обвиты бронзовой проволокой с напускными бусинами; замок гривны в виде крупной петли (3). Под гривной — ожерелье, в центре которого серебряная лунница, соединенная тремя рядами бронзовых пронизок с двумя бронзовыми пятилопастными бляшками, украшенными выпуклым орнаментом (8—10).

В центре на груди — круглая бронзовая нагрудная бляха с ромбовидной крышкой. Крупные «жемчужины» украшают крышку и поверхность бляхи. По самому ее краю идут двумя рядами мелкие «горошины» (11). Над бляхой — бронзовая сюльгама с загнутыми концами (7).

На руках — по одному круглому бронзовому браслету, концы которых украшают змеиные головки (1, 2), и по одному бронзовому спиральному кольцу (4, 5). Рядом с правой рукой у локтя — глиняное пряслице (6).

Погребение 18. Погребальная яма (2,6×0,7 м) ориентирована с юго-востока на северо-запад. Глубина ямы 1,55 м. В профиле стенки ямы на расстоянии 25 см от дна четко прослеживалась обуглившаяся полоска дерева, видимо остатки гробовища. Сохранность костей удовлетворительная: расчищены кости ног, череп. Скелет лежал на спине, головой на юго-восток. У черепа стоял невысокий (14,3 см) лепной плоскодонный горшок с четко выраженными плечиками, со слегка заглаженной поверхностью черного цвета. По краю прямого высокого горла — насечка (11).

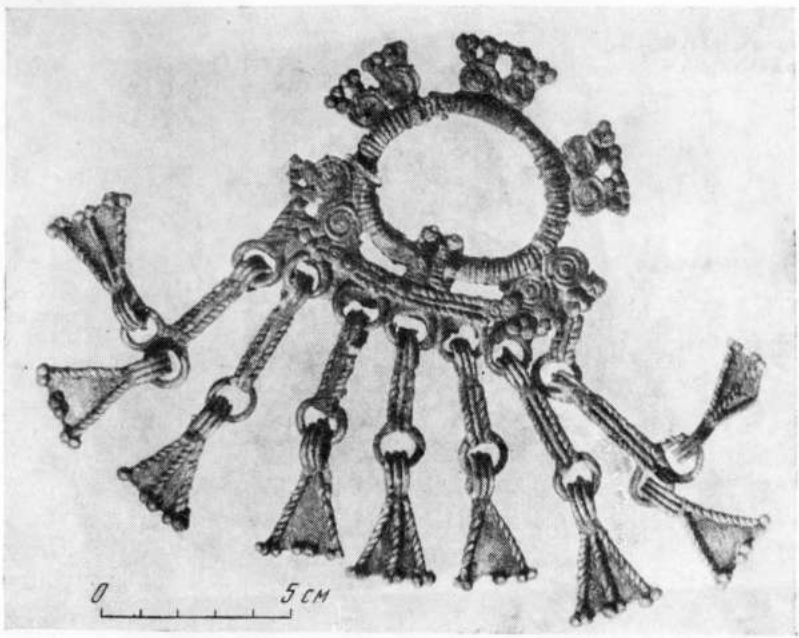


Рис. 32. Нагрудная бляха из погребения 116

Справа у черепа вблизи стенки могилы лежали наконечник копья листовидной формы (4) и дротик (3). На груди слева внизу, под черепом — бронзовая сюльгама (7). На поясе — две небольшие железные пряжки с изогнутым язычком (9, 10) и два ножа: один узкий длинный обломанный, другой — небольшой (5, 6). Рядом с ними — сюльгама (8). На правой руке — бронзовый браслет, концы которого немного расширяются. Они украшены насечкой-«елочкой» (2). У ноги — железный кельт (1).

Погребение 20. Могильная яма (1,8×0,6 м, глубина 0,8 м) ориентирована по линии запад—восток. Находилась на самом краю мысовой площадки. Хорошо сохранились череп и кости ног. В отличие от соседних погребений, костяк лежал головой на запад. Вещей нет.

Погребение 21. Первоначальные размеры ямы на глубине 60—80 см были 3,2×1 м. По мере углубления контуры ямы суживались. И на глубине 1,3 м, когда показались первые вещи, размеры могилы выявились окончательно: 2,6×0,9 м. Она ориентирована по линии запад—восток. Скелет лежал головой на восток. Сохранились череп и кости ног. В головах справа стоял лепной тонкостенный горшок из светлой глины с примесью шамота (1). Ниже у самого черепа были положены наконечник копья листовидной формы (9) и дротик с жаловидными отростками (10). Под подбородком острием вниз — железный кельт со втулкой (8). В области груди слева у плеча — две сюльгамы, круглые в сечении, с завернутыми в спираль концами (5, 6). На поясе — небольшая бронзовая фибула рязанского типа с трапециевидным «хвостом» и приемником, куда продевалась железная игла, по бокам ее украшают шишечки (2). Рядом — бронзовая полуовальная пряжка с утолщением в центре, язычок этой пряжки загнут (3). На правой руке — бронзовый браслет так называемого балтского типа; концы этого браслета резко расширяются и в сечении становятся четырехугольными (4). С левой стороны лежал узкий и длинный нож с прямой спинкой (7).

Погребение 23. Могильная яма (2,9×0,6 м) расположена точно по линии запад—восток. Костяк обращен головой на восток. Сохранился весь скелет. В головах

Рис. 33. Керамика Шатрищенского могильника

1 — погребение 44; *2* — погребение 85; *3* — погребение 99; *4* — погребение 75; *5* — погребение 83

Рис. 34. Керамика Шатрищенского могильника

1 — погребение 11; *2* — погребение 13; *3* — погребение 18; *4* — погребение 21; *5* — погребение 82

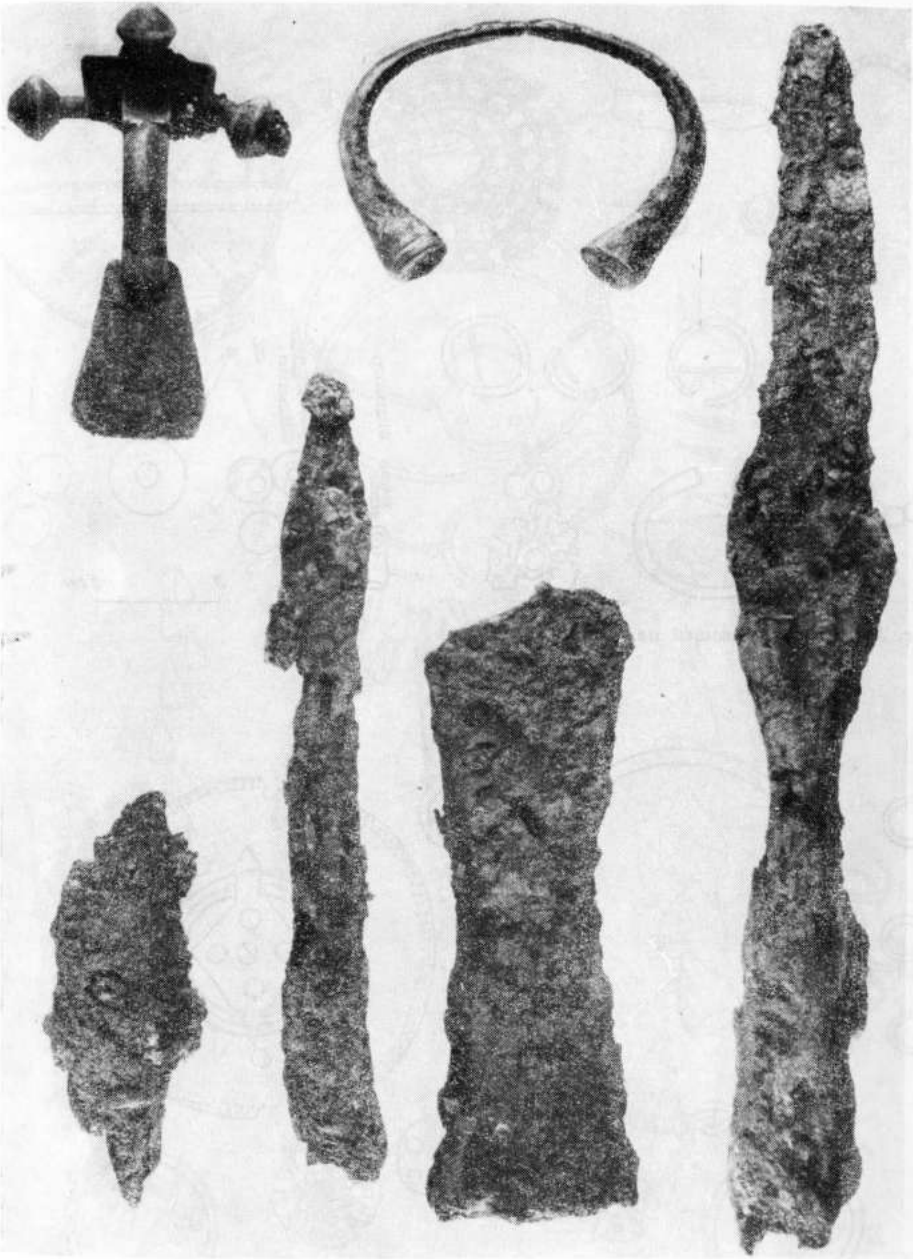


Рис. 35. Комплекс вещей из погребения 21

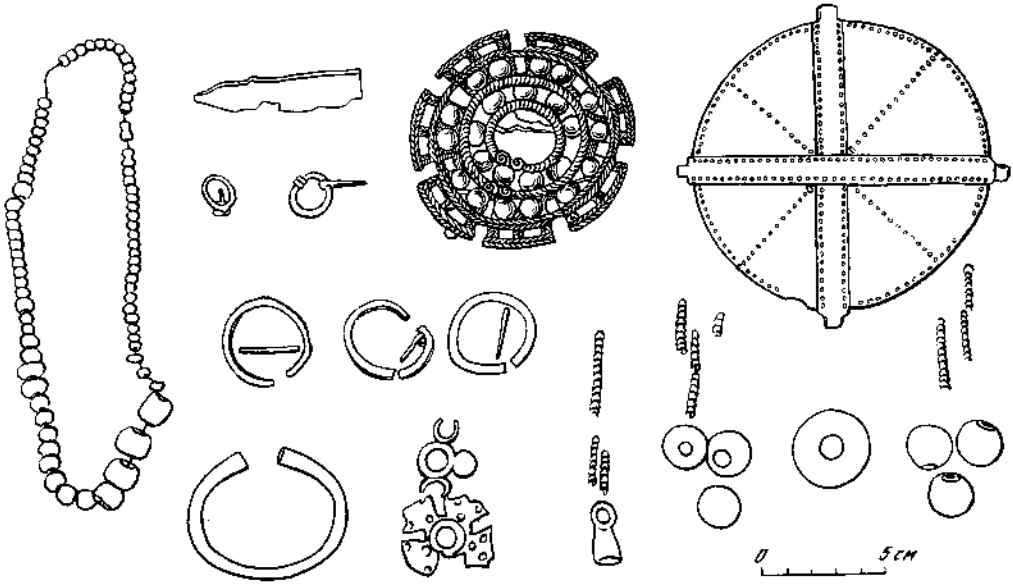


Рис. 36. Комплекс вещей из погребения 137

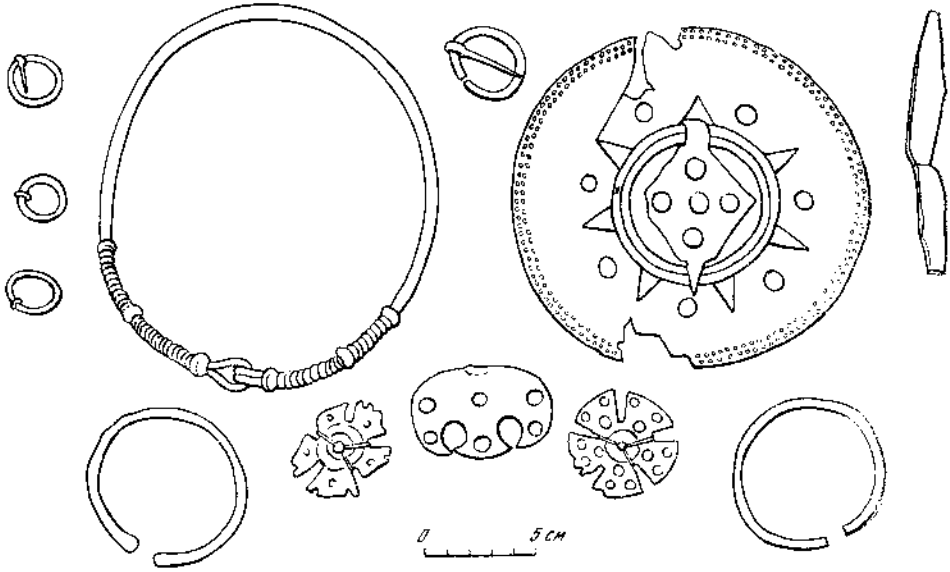


Рис. 37. Комплекс вещей из погребения 17

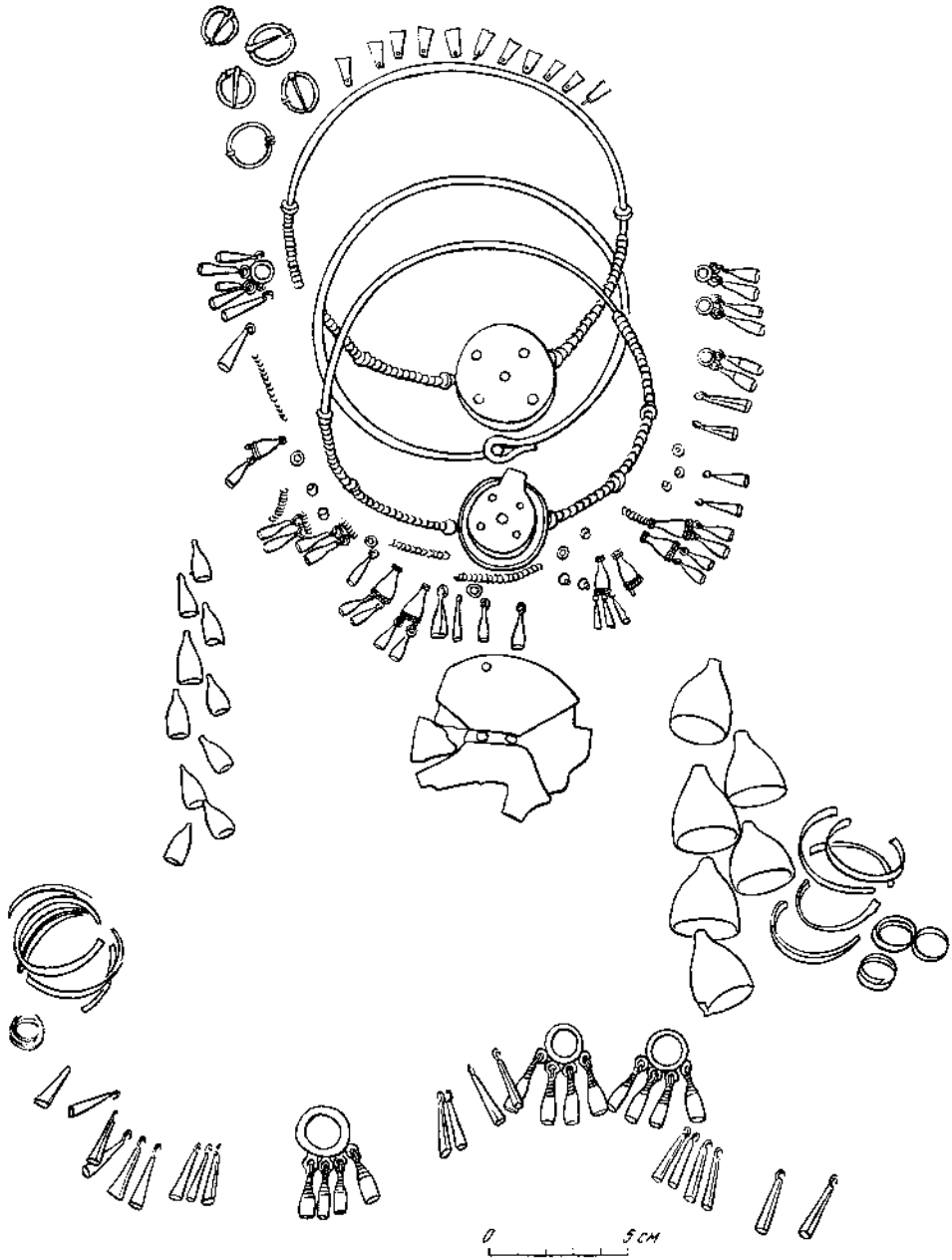


Рис. 38. Комплекс вещей из погребения 110

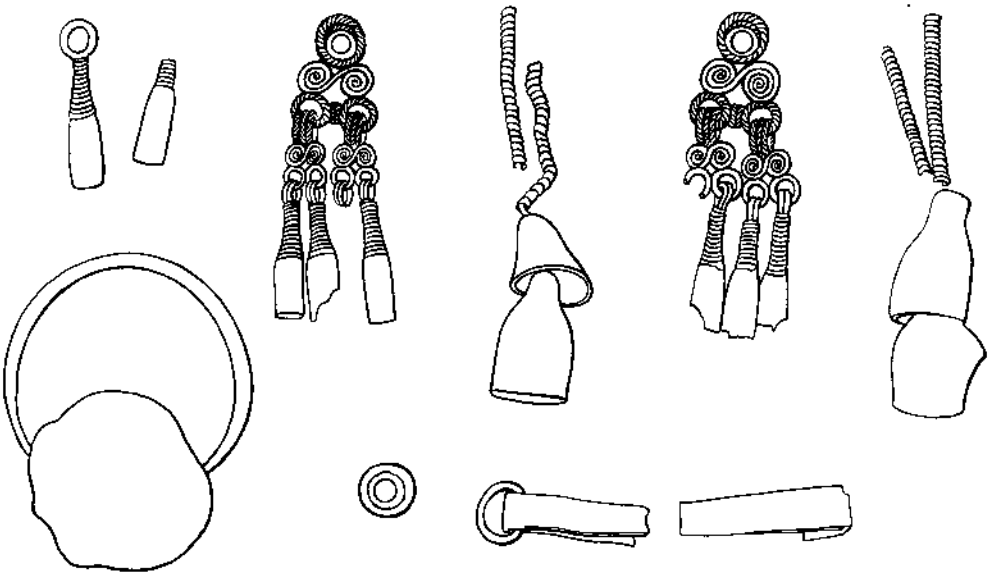


Рис. 39. Комплекс вещей из погребения 162

справа лежали наконечник копья и дротик (6,7) и кольчатые удила (8), а слева, лезвием в сторону черепа, — железный кельт (1). Под подбородком — бронзовая подвязная фибула (2) и чуть ниже — овальная бронзовая пряжка с подвижным язычком, конец которого слегка загнут (3). Слева в области таза — узкий длинный нож в обломках (4). В ногах — плоскодонный лепной баикообразный горшок (серая глина с примесью шамота) (5). Это мужское погребение находилось на глубине 1,5 м от современной поверхности.

Погребение 24. Могильная яма (2,5×0,6 м) глубиной 1,3 м ориентирована по линии запад—восток, с отклонением на 10° к северу. Костяк лежал головой на запад. Сохранился черепной тлен, на котором четко прослеживался головной убор (13). Венчик, состоящий из трех кожаных ремешков, обвитых бронзовыми проволоками, опоясывал голову; у висков эти ремешки перехватывались прямоугольными обоймицами; от ремешка на шнурках свисали три выпуклых крупных бронзовых колокольчика. Они крепились ажурными пряжечками так называемого кошибеевского типа. На затылке венчик застегивался маленькой бронзовой пряжкой. Под челюстью — три витые проволочные бронзовые гривны в обломках (1), а вокруг разбросаны желтые и синие стеклянные бусы (2). Рисунок ожерелья четко виден: к одной красной пастовой бусине подходило шесть нитей мелких желтых и синих стеклянных бус. Под ними на груди лежали бронзовые сюльгамы (3—5). Слева у плеча находилось глиняное пряслице (6).

В центре на груди — круглая бронзовая нагрудная бляха с пересекающимися накладными полосками (8). Под бляхой — бронзовая сюльгама с завернутыми концами (7). На правой руке — бронзовый круглый браслет с расширяющимися концами (9), на левой — пластинчатый браслет, концы которого украшены насечкой (10). На пальцах — бронзовые спиральные перстни (11, 12).

Погребение 33. В заполнении ямы (контуры ее почти не прослеживались) были угольки. Яма ориентирована с северо-запада на юго-восток. На глубине 0,35 см был расчищен костяк очень хорошей сохранности, головой на северо-запад. Вещей нет.

Погребение 34. В яме (1,8×0,8 м), ориентированной с юго-востока на северо-запад, на глубине 0,8 м были расчищены вещи. Костяк не сохранился. В северо-западной части обнаружен железный наконечник дротика (1), а в противоположном

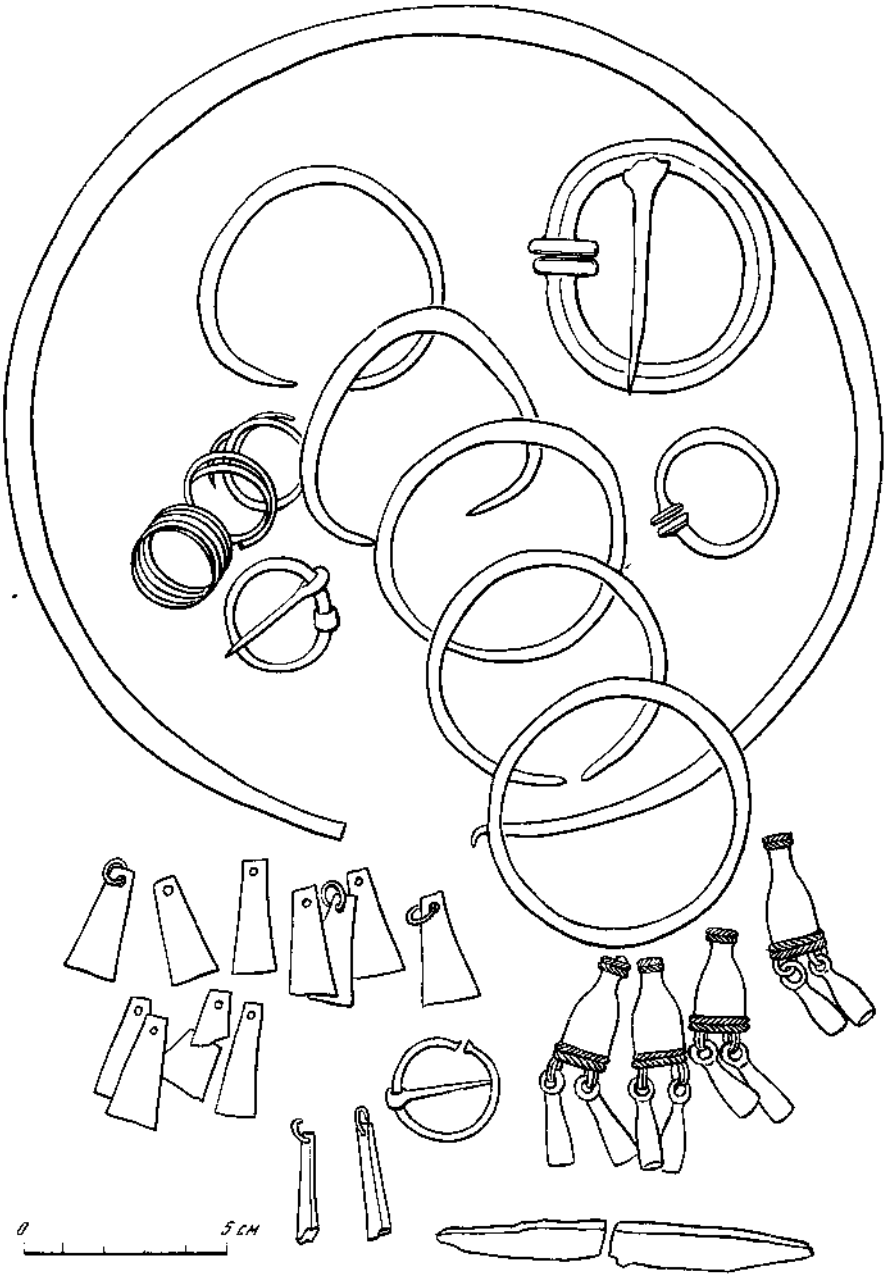


Рис. 40. Комплекс вещей из погребения 106

конце — раздавленный баночный толстостенный горшок из глины желтого цвета с примесью шамота (2). Судя по вещам, костяк лежал головой на северо-запад.

Яма 35. В большой яме (1,7×1,1 м) в земле, перемешанной с углем и золой, на глубине 50 см в беспорядке разбросаны кости крупного животного (сохранились позвоночный столб и обломки костей таза). Возможно, это останки лошади или коровы.

Погребение 36. Яма (1,9×0,7 м) ориентирована по линии северо-запад—юго-восток. Глубина 35 см. Костяк не сохранился. В северо-восточной части ямы лежал железный наконечник копья лавролистной формы (1); ниже, на уровне груди — кремневое точило (2), круглая железная пряжка (3). В юго-восточном углу находился раздавленный тонкостенный горшок (высота 14 см) с вздутыми боками и резко отогнутым высоким горлом, без орнамента, с примесью шамота в глине (4).

Погребение 37. В могильной яме (1,8×0,5 м), ориентированной с запада на восток, костяк не сохранился. Но судя по размерам вещей, это детское захоронение. В области шеи были сюльгама (4) и витая из двух бронзовых проволочек гривна (6). Под ней — два ожерелья: одно — из бронзовых витушек (5), другое — из красных пастовых и синих стеклянных бус (7). Слева в головах лежал бронзовый колокольчик (8). В западной части могилы были положены круглопроволочный браслет (1) и две бронзовые шумящие подвески, состоящие из умбоновидной бляшки, обрамленной витой веревочкой, и двух подвешенных к ней колокольчиков (2, 3). Это погребение находилось на глубине 0,9 м от современной дневной поверхности.

Погребение 38. Яма (1,5×0,6 м) ориентирована по линии запад—восток. Костяк лежал головой на восток. На черепе находился венчик из двойного ряда бронзовых витушек, перехваченных обоймицами, в которые вставлены овальные колечки с утолщением в центре. С боков к венчику крепились литые двухколокольчатые подвески (16). К головному платку венчик пристегнут двучленной «воинской» бронзовой фибулой (15). Под черепным тленом — бронзовая гривна с напускными бусинами и замком в петлю (11) и рассыпанные красные пастовые и стеклянные синие бусы крупной и средней величины (14). По обеим сторонам черепа — накосник из бронзовых витушек, которые оканчиваются крупными бронзовыми колокольчиками (13). Под гривной — сюльгама (12). На груди — круглая бляха с накладными взаимоперекрещивающимися полосками. Ее поверхность покрыта «жемчужным» рядом точек по краю и по три — в каждом секторе. Бляха привязывалась кожаными ремешками прямо к одежде (9). На левом плече — колокольчик (10). На руках — бронзовые пластинчатые браслеты (диаметр 6 см) с заходящими концами, украшенными нарезными линиями — полосками и крестиками (7, 8), и по два спиральных перстня на каждой руке (3—6). В ногах глиняное пряслице (2) и банкообразный глиняный горшок высотой 11 см (1).

Погребение 39. В заполнении могильной ямы (2,2×0,9 м) в верхних слоях отмечено много угля. Яма ориентирована с северо-запада на юго-восток. Ее глубина 105 см. Судя по инвентарю (кости не сохранились), костяк лежал головой на северо-запад. В головах — лавролистный наконечник копья, ромбический в сечении (6). В центре могилы группа предметов: железное четырехгранное шило (5), кремневое точило (4) и железный нож с горбатой спинкой (3). У южной стенки — вислообушный топор (2). У края могилы на боку лежал толстостенный горшок с резко отогнутым венчиком, профилированными боками, украшенный по заглаженному венчику нарезкой (1).

Погребение 41. Яма (2,32×0,8 м) ориентирована с северо-запада на юго-восток. В верхних слоях заполнения в центре было обнаружено углистое пятно (диаметр 20 см, толщина 30 см). Костяк не сохранился. В северо-западной части ямы у левой стенки лежал наконечник листовидного копья (6), под ним — кольчатые железные удила (3). На том же уровне, но справа, — две круглые железные пряжки (4, 5), обломок шила (7) и небольшой нож с горбатой спинкой (2). В юго-восточной части могилы — горшок высотой 10 см с раздутыми боками, резко отогнутым венчиком, без орнамента (1). Судя по вещам, костяк лежал головой на северо-запад.

Погребение 42. Могильная яма — 0,8×0,4 м. На глубине 0,8 м обнаружены бронзовые пронизки (2), маленькие пастовые бусинки (3) и бронзовая сюльгама (1). Видимо, погребение детское, костяк был ориентирован головой на восток.

Погребение 43. В узкой (0,5 м) и длинной (2 м), ориентированной с запада на восток яме захоронение находилось на глубине 80 см. На черепном тлене справа и слева — височные проволочные колечки с едва разомкнутыми концами (2—4, 8). На шее — бронзовая гривна (диаметр 15 см) с серебряной коробочкой, в которой содержится прессованная белая древесноподобная масса. Концы гривны обмотаны бронзо-

вой проволокой и между ними — напускные бусины (5). Ниже в обломках две сюльгамы (6, 7). В центре — нагрудная бляха с ромбической крышечкой (1).

Погребение 44. Большая (2,6×0,7 м) могильная яма. В западной части ямы на глубине 1,2 м обнаружены горшок высотой 15 см с высоким горлом, нарезкой по венчику и расширенным туловом (1), круглая железная пряжка в обломках (2), на ней — нож с горбатой спинкой (3) и поясная бронзовая пряжка с утолщением в центре (4).

В восточной части у северной стенки — овальная (диаметр 3 см) железная пряжка (5). Судя по вещам, погребенный лежал головой на восток.

Погребение 45. Длинная узкая (2,2×0,6 м) яма ориентирована по линии запад—восток. Костяк лежал головой на восток. В головах справа был помещен кельт с перехваченной «талией» — намечающимся обухом (2) и обломанный наконечник дротика (1). Слева на черепе — височное проволочное кольцо с несомкнутыми концами (12). На шее — гривна-дрот с напускными бусинами на концах, обвитыми проволокой, замок — в петлю (3). На груди справа — бронзовая сюльгама в обломках (4). На месте пояса — полуразвалившаяся круглая железная пряжка (6), немного ниже — бронзовые проволочные браслеты с заходящими концами (5 и 7) и по одному спиральному перстню на руках (9, 10). Слева у пояса — длинный узкий железный нож с прямой спинкой (8). В ногах — толстостенная глиняная чаша с высоким венчиком и едва намечающимися боками (11).

Погребение 46. Большая (2,2×0,9 м) могильная яма. Захоронение на глубине 0,9 м. Костяк не сохранился, но, видимо, он был обращен головой на восток. В восточной части ямы лежали обломок железного ножа с горбатой спинкой (1), кельт (2) и бронзовый круглый в сечении браслет с утончающимися концами, стилизованными в форме змеиных головок (3).

Погребение 47. Судя по размерам могильной ямы (0,84×0,4 м), это детское захоронение. Костяк был обращен головой на восток. В восточной части ямы обнаружены два маленьких человеческих зуба и обломок черепной крышки. Под зубами найдены мелкие красные пастовые бусинки (полурассыпавшиеся), слева — две бронзовые сюльгамы с едва намечающимися «усиками» (2 и 3), а внизу — бронзовый проволочный браслет с утончающимися концами (1).

Погребение 48. Большая (2,4×0,7 м) могильная яма была ориентирована с северо-запада на юго-восток. В ее заполнении встречены угольки. Глубина могилы 1,35 м. Костей нет. Судя по вещам, погребенный лежал головой на юго-восток. В юго-восточной части у самого края ямы находились три железные овальные пряжки (3, 3а, 4). С противоположной стороны — толстостенный горшок из желтой глины с примесью шамота, с высоким горлом и едва намеченными боками (1) и железный нож в обломках (2).

Погребение 48а. В северо-восточной части траншеи под дерном было обнаружено углистое могильное пятно (2,4×0,6 м). Его заполнение — уголь и зола, перемешанные с землей. Вещей нет. Глубина 1 м.

Погребение 49. В большой (2,3×0,7 м, глубина 1 м) яме, ориентированной строго по линии запад—восток, скелет лежал головой на восток. Сохранились череп и кости ног. В ногах стоял горшок с отогнутым венчиком и слабо профилированным туловом (1). Рядом с правым виском лежал лезвием к стенке могильной ямы кельт с перехваченной «талией» (2). С левой стороны — железный наконечник дротика (7). Под подбородком на груди — бронзовая пряжка (6). На поясе — четырехугольная железная поясная пряжка (3), узкий длинный нож в обломках (5). Справа у ноги — бронзовая сюльгама (4).

Погребение 100. Над могилой (1,82×0,9 м) во всю длину ямы кострище — крупные угли, зола. Толщина слоя, оставленного кострищем, 30 см. Яма ориентирована с северо-запада на юго-восток (30° к северу от линии запад—восток). Глубина ямы 89 см. Костяк не сохранился. В юго-восточной части могилы под лубом лежал пояс с бронзовой пряжкой, имеющей длинный прямоугольный приемник (10). Язычок пряжки слегка изогнут. Кольцо пряжки в сечении ромбическое. Ниже — железная овальная пряжка (9), шило (7) и широкий нож с прямой спинкой (8). Видимо, шило и нож были подвешены к поясу. Отдельно лежали такой же нож (6) и круглая железная пряжка (5). В противоположном конце могилы обнаружены бронзовая ромбическая в сечении сюльгама с завернутыми концами (2), узкий железный нож (4), овальная железная пряжка (3) и листовидный наконечник копья (1).

Погребение 101. В большой (2,94×1 м) могиле, ориентированной с северо-запада на юго-восток (отклонение на 30° к северу от линии запад — восток), на глубине 92 см был найден погребальный инвентарь. Скелет не сохранился. В юго-восточной части могилы, в 16 см от края лежал раздавленный горшок (1) и в нем — тонкая проволочная гривна в обломках (2). Немного ниже найден пояс: сохранились несколько маленьких кусочков ремня от обоих концов пояса и бронзовые плоские пряжки с круглыми маленькими приемниками (3, 4). В северо-западной части ямы найдены широкий нож с прямой спинкой (5) и полусогнутый лавролистный наконечник копья (6).

Погребения 102, 103, 114, 117 сгруппированы вокруг сильно обожженной площадки (2,48×1,3 м). Заполнение площадки — уголь, зола, обожженная глина и керамика позднегородецкого типа: гладкостенная с примесью шамота, обычная для могильных комплексов исследуемого памятника. Площадка эта образовалась в период существования Шатрищенского могильника и, по-видимому, имела ритуальное значение. В центральной части площадку перерезало позднее детское погребение (117). Названные четыре могилы у площадки — явно разновременные. Так, погребение 103 синхронно сооружению ритуальной площадки. На другом стратиграфическом уровне — погребение 114, восточный край которого четко вырисовывался на углистом пятне площадки на глубине 0,7 м от современной поверхности. Погребение 102 врезалось в погребение 103, уничтожив его южные контуры. Завершает всю картину погребение 117 — впускное, видимо славянское.

Погребение 103. В небольшой (1,1×0,4 м) могиле, ориентированной по линии север—юг, костей нет. В северо-западной части могилы найдена тонкая проволочная гривна, заканчивающаяся петлей (1). Ниже на 30 см слева — арбалетовидная фибула (2). В юго-восточной части могилы расстелен пояс с бронзовыми плоскими пряжками и небольшим прямоугольным приемником (4, 5). Здесь же найден проушный топор (3). Судя по вещам, это погребение мальчика.

Погребение 102. В могиле (1,8×0,54 м), ориентированной с северо-запада на юго-восток, на глубине 0,75 м расчищено мужское погребение. Кости не сохранились, но судя по положению вещей, покойный был обращен головой на северо-запад. В северо-западной части могилы лежали железный скобель (1) и бронзовая сюльгама (2). Выше находилась уплощенная гривна-дрот, четырехгранная в сечении (3). Рядом с с ней — пояс с двумя уплощенными овальными бронзовыми пряжками с насечкой по поверхности (4, 5). Одна из них (5) — с удлиненным пластинчатым приемником. Под поясом — обломанный нож с прямой спинкой (6) и раздавленный горшок (7).

Погребение 114. В большой (2,1×0,7 м) могиле, ориентированной с северо-запада на юго-восток (40° к северу от линии запад—восток), в середине — остатки кострища (0,76×0,54 м). В заполнении — уголь, золистая земля и множество обломков керамики. Мощность этого заполнения 40 см (оно выявлено с глубины 30 см от современной поверхности).

На глубине 82 см раскопано погребение. Кости не сохранились. В северо-западном углу лежал раздавленный горшок (1). Все вещи сконцентрированы в юго-восточной части могилы: бронзовая маленькая сюльгама (4), кремень (5), шило (3) и железный нож, слегка изогнутый, с деревянной ручкой (2) и полурассыпавшаяся круглая железная пряжка (6). Вероятно, покойный лежал головой на юго-восток.

Погребение 117. В небольшой (1,5×0,84 м) яме, ориентированной с запада на восток, с более темным заполнением, чем окружающая ее поверхность, на глубине 0,5 м хорошо сохранился костяк. Но не найдено ни одной вещи.

Погребение 111. В могиле (2,52×0,7 м), ориентированной с северо-запада на юго-восток (30° к северу от линии запад—восток), на глубине 0,75 м расчищено женское захоронение. Костяк не сохранился. В головах в северо-западном углу — раздавленный горшок (1). Рядом с ним — человеческие зубы. Под ними — две красные пастовые бусины (4). Справа бронзовая сюльгама обычного типа в обломках (2) и круглая железная пряжка (3).

Погребение 112. В засыпке могилы (1,8×0,8 м) много угольков и фрагментов керамики. Яма ориентирована по линии запад — восток (10° к северу). На глубине 0,7 м расчищено погребение. В восточной части могилы — скопление керамики (3). Здесь же у левой стенки были положены остриями к стенке ямы два листовидных копья длиной 23,5 см (1), 21,5 см (2). Правее — овальная железная пряжка (4). Внизу в западной части могилы — четырехгранное шило (5), широкий нож с прямой спинкой (6)

и справа — маленькая железная пряжка (7) и кремень-точило (8). Судя по положению вещей, это погребение мужчины, который лежал головой на восток.

Погребение 115. В большой (2,24×0,7 м) яме, ориентированной с северо-запада на юго-восток (30° к северу от линии запад—восток), на глубине 1,05 м расчищено погребение. Костей нет, находок очень мало. Все вещи в юго-восточной части: обломок бронзовой сюльгамы (1), рядом — железное шило (2), железная пряжка (3) и вставленный в железную втулку кремень (4).

Погребение 116. В могиле (2,2×0,78 м), ориентированной с северо-запада на юго-восток (30° к северу от линии запад—восток), на глубине 0,8 м расчищено погребение. Справа от черепа, обращенного на северо-запад, лежала височная подвеска мордовского типа — пирамидальный грузик на проволочном стерженьке общей высотой 4 см (1). Вокруг — рассыпавшееся ожерелье из пастовых и стеклянных позолоченных бус (2) и две гривны — гладкие, бронзовые с утолщением в центре, замок-крючок и плоский щиток (3), а также серповидная бронзовая гривна (4). Все бронзовые вещи были покрыты лубом. В центре — ажурная бляха с шумящими подвесками — стилизованными «гусиными лапками» (5), а под ней — нагрудная бляха с многолопастными ответвлениями (6). Справа на уровне бляхи — сюльгама (7). Слева немного ниже — бронзовая сюльгама больших размеров (8). На правой руке — маленький спиральный перстенек (9) и рядом — бронзовая обоймица (10). В ногах положены горшок (11) и глиняное пряслице (12).

Погребение 118. В могиле (1,1×0,62 м), ориентированной с запада на восток (3° к северу от линии запад—восток), на глубине 60 см расчищен костяк хорошей сохранности. Он лежал на спине с вытянутыми вдоль тела руками, головой на запад.

Яма 119. В яме (2,02×0,86 м), ориентированной с запада на восток (5° к северу от линии запад—восток), заполнение состояло из земли, перемешанной с углем и золой. Вокруг этой ямы были зафиксированы остатки колышков (диаметр 0,5 см). Они оконтуривали яму с восточной стороны. С глубины 20 см мягкий углистый слой сменился утрамбованной прокаленной землей, с трудом поддающейся расчистке. На глубине 50 см в западной части ямы выявился правильной формы овал (диаметр 80 см) с тем же заполнением. Оказалось, что заполнение восточной части кончилось на глубине 60 см (показался материк), а глубина ямы в западной части могилы — 1,8 м от современной поверхности. Никаких следов вещей, керамики, кальцинированных костей не найдено. Назначение ямы неясно: перед нами кенотаф или место, где совершались какие-то ритуальные действия.

Погребение 120. В могиле (2,6×0,8 м), ориентированной с запада на восток, на глубине 0,8 см расчищен костяк хорошей сохранности. Он лежал на спине с вытянутыми вдоль туловища руками, головой на запад. Никаких вещей не найдено.

В одной яме обнаружено два захоронения (погребения 113 и 121).

Погребение 113. В яме (2,22×0,7 м), ориентированной с северо-запада на юго-восток (30° к северу от линии запад—восток), на глубине 98 см было совершено захоронение мужчины. Костяк не сохранился. Но судя по положению вещей, умерший был помещен головой на северо-запад. В центре могилы слева лежали кольчатые удила (1) и бронзовый браслет (2). После зачистки на глубине 108 см от современной дневной поверхности было расчищено второе погребение (121). Юго-восточный край могилы был заглублен на 10 см, и там находился черепной тлен. Слева от него лежали копье (3) и дротик (4); справа — железная пряжка (5). В ногах — железная пряжка (6) и нож (7).

Погребение 122. В яме (2,5×0,7 м), ориентированной с северо-запада на юго-восток (30° к северу от линии запад—восток), на глубине 0,95 м расчищено мужское погребение. Справа от погребенного лежали копье (13), кольчатые удила (12), железная пряжка (14). Под головой — гривна с напускными бронзовыми бусами (10), слева — арбалетовидная фибула (11) и сюльгама (15). На поясе — два ножа (5, 6), железные круглые пряжки (7, 9), кремень (8). Под ножами — кельт (4). Ниже — две железные пряжки (2, 3) — возможно, от расстеленного пояса. В ногах — горшок (1).

Мыс 2

Раскопки здесь велись в течение четырех лет (1966—1969). С западной стороны мысовая площадка осыпается. Поэтому первую разведочную траншею (7×1 м) заложили рядом с осыпями, отступив от края на 1 м. Стратиграфия слоев та же, что и в других частях могильника. В остальные годы раскопки велись большими траншеями с помощью бульдозера. За четыре года было раскопано 94 погребения. Из них 88 — трупоположения, 1 (144) — кремация, 2 (28 и 72) — кенотафы и 2 (27 и 31) — захоронения отдельных черепов [4].

В течение раскопок вскрыто 2000 кв. м, изучено $^3/_4$ мысовой площадки.

Погребение 2. В полуразрушенной яме, контуры которой едва различимы (1,1×0,54 м), ориентированной с запада на восток, на глубине 0,3 м от современной поверхности обнаружены черепной тлен и длинная кость голени. Под черепом на груди лежал в обломках нож с прямой спинкой (1) и рядом — бронзовая плоская сюльгама (2). Покойный был обращен головой на запад.

Погребение 5. В узкой (1,5×0,4 м) могильной яме, ориентированной с северо-востока на юго-запад, на глубине 0,5 м расчищен костяк, лежавший головой на северо-восток. Под черепом была сюльгама с завернутыми трубочкой «усиками» (4). Ниже пояса — два ножа в обломках (1 и 3), а рядом с голенной костью — четырехугольная железная пряжка (2). Выше черепа у самой стенки ямы стоял горшок-миска (5).

Погребение 8. Над могильной ямой (3×0,8 м) на глубине 0,5 м обнаружено кострище (1,2×0,8 м) — земля, перемешанная с углем и золой. Оно имело толщину 0,3 м. Яма ориентирована с запада на восток, со дно — на глубине 1,3 м. От костяка сохранился лишь череп. Вокруг него и в противоположной стороне могилы в беспорядке разбросаны крупные пастовые бусы грушевидной формы (1). Лишь под подбородком они образовали подобие ожерелья (41 бусина). На черепе — небольшая бронзовая сюльгама (2), такая же сюльгама (3) — справа от головы, вблизи края могилы. Их концы имеют форму коротеньких «усиков». На черепе с левой стороны найдена височная подвеска — колокольчик, свернутый из небольшого бронзового листка (4). Выше черепа — маленькая бронзовая пронизка. Справа на черепе — остатки рассыпавшегося бронзового изделия (возможно, такой же пронизки). Справа от черепа за пределами могильной ямы лежали два бронзовых браслета (диаметры 5 и 6 см) из четырехугольного дрота с уплощенными концами в виде змеиных головок (5, 6). Они были вставлены один в другой. В ногах — проволочное бронзовое колечко (7) и обломки железного прута (назначение неизвестно) (8).

Погребение 9. В небольшой (1,06×0,6 м) яме, ориентированной с северо-запада на юго-восток, на глубине 0,7 м, судя по инвентарю, была погребена девочка. Костяк не сохранился, найдено только несколько зубов. В юго-восточной стороне могилы рассыпаны красные пастовые бусы — 42 штуки (1). Под ними справа помещались одна над другой две бронзовые бусины. Непосредственно под ожерельем из бус лежало ожерелье из шумящих подвесок — восемь бронзовых колокольчиков с витым жгутиком по краю, к каждому из которых крепилось еще два небольших колокольчика. Эти две подвески были разделены бронзовыми пронизками-витушками (4). Ниже — две бронзовые сюльгамы (2, 3). На левой руке — маленькое бронзовое спиральное колечко (5). Под вещами прослежена лубяная подстилка.

Погребение 14. Могильная яма (2×0,7 м) ориентирована по линии запад—восток. На глубине 95 см расчищено погребение — череп (на восток), кости голени. Слева у черепа — бронзовая пронизка и височная шумящая литая подвеска с двумя колокольчиками (1). Справа под черепом — другая такая же подвеска (1а). На груди почти в центре — круглая бронзовая нагрудная бляха с перекрестьем, украшенная двойным рядом точек (2). В центре сделаны две дырки, через которые, видимо, продевали ремешок и привязывали к одежде.

Погребение 15. В могильной яме (2,2×0,7 м) глубиной 95 см, ориентированной с юго-востока на северо-запад, сохранился почти весь костяк. Это женское погребение. Вокруг черепа в юго-восточной стороне могилы лежало ожерелье в три нити из красных пастовых бус — грушевидных, круглых, рубленых палочек, всего

[4] В 1966 г. раскопано 8 погребений (2, 5, 8, 9, 14, 15, 19, 22), в 1967 г. — 13 погребений (26—32, 50—54 и 56), в 1968 г. — 42 погребения (71—96, 104—110 и 123—131), в 1969 г. — 31 погребение (132—162).

258 штук (1). На груди—луб и шерстяная ткань (сохранились довольно крупные куски), которые прикрывали украшения. Когда их сняли, очень четко был виден подол облачения и разрез рубахи, отороченные плоскими трапециевидными подвесками (24), у левого плеча рубаха застегивалась двумя сюльгамами (7 и 28). Под бусами шло ожерелье, состоящее из бронзовых витушек и 94 колокольчиков, свернутых из листа бронзы (2). Немного ниже лежала в обломках бронзовая серповидная гривна с замком в виде пластинчатого ушка и крючка (3). В центре на груди — круглая нагрудная бляха с шестигранной крышкой (4). Ее прикрывала ткань, а сверху — луб. Такая же ткань была и под бляхой. В 20 см слева от бляхи найден нож с прямой спинкой (16).

Справа у черепа обнаружена сюльгама (6), слева — височная подвеска в виде колечка с заходящими концами (5). На темени справа и слева — еще две сюльгамы (26, 27). Видимо, ими закалывали головной платок.

Кости рук не сохранились, но их положение (вытянуты вдоль тела) определяется вещами.

На правой руке находилось три круглых бронзовых браслета, концы которых украшены насечками в виде «елочек», зигзагов и полосок (8—10). Немного ниже — четвертый пластинчатый браслет, сделанный из трех рядов бронзовых витушек, перехваченных обоймицами (17). Он застегивался небольшой пряжечкой (18). На каждой руке— бронзовые спиральные кольца в несколько оборотов (14, 15 и 21, 22). Рукав рубахи оканчивался немного ниже локтя, что видно по плоским трапециевидным подвескам, которыми он был обшит. Их найдено здесь три штуки (11—13). На левой руке — два круглых бронзовых браслета (19 и 20) и третий — пластинчатый, сделанный из бронзовых витушек, перехваченных обоймицами (23). На левой руке также сохранилась обшивка рукава (25).

Трапециевидные подвески прослежены с левого бока по всему костяку: они были пришиты к разрезу рубахи, который прослеживается сверху вниз. Чуть ниже колен эти подвески превращаются в единую линию: они украшали подол. На ногах покойной были неглубокие поршни: сохранился маленький кусок кожи, сквозь который на расстоянии 1 см от края крупными стежками был пропущен ремешок (30). Поршни были расшиты бронзовыми витушками в три ряда (29 и 31). В ямке за ними лежали две серебряные шумящие подвески (32, 33). Возможно, они были пришиты к поршням.

Погребение 19. Яма (1, 86×0,56 м) ориентирована с северо-запада на юго-восток. Костяк расчищен на глубине 1 м. Череп, обращенный к юго-востоку, лежал на искусственно сделанной ступеньке (глубина 0,8 м от современной поверхности). На шее обнаружены две гривны: бронзовая серповидная с незамкнутыми концами (1), под ней другая бронзовая серповидная, на основание которой наклепаны круглые, едва выступающие бляшки; к ним подвешены овальные пряжки с небольшим утолщением в центре, с листовыми колокольчиками; замок в виде уплощенного щитка и крючка (2). Ниже — ожерелье из бус: 8—9 нитей пастовых бус неправильной формы чередовались с двумя нитями бронзовых пронизок — всего 265 бусин и 24 пронизки (3). Здесь же ожерелье из 14 парных бутыльчатых подвесок (4). Слева у головы лежали кучками бронзовые сюльгамы (7, 8), у одной из них завернутые концы немного вытянуты, напоминая «усики». Слева у головы найден обломок пулокери (9). В центре на груди лежала круглая нагрудная бляха с крышечкой в центре (10). По краю она украшена тремя рядами точек. Под бляхой хорошо сохранилась шерстяная ткань, а под ней был нагрудник — проходящие крест-накрест довольно широкие ремни, над которыми находился ряд плоских трапециевидных подвесок (5, 6). Ремни застегивались бронзовой пряжкой с обоймицей. Видимо, к этому нагруднику крепилась бляха. Рядом с бляхой слева найден нож (11). На правой руке — бронзовый браслет из круглого прута с уплощенными концами (12) и два перстня из граненой проволоки в пять оборотов (13, 14). Под нагрудником найдена еще одна сюльгама (15). Ее концы расплющены и подобны «усикам». И, наконец, под браслетом и перстнями в два ряда лежали такие же трапециевидные подвески, как и наверху (16). По-видимому, они были нашиты на подол платья.

Погребение 22. Могильная яма имела около 3 м в длину. По мере углубления она становилась меньше. На глубине 0,8 м над могилой расчищено кострище (0,4×0,5 м), в котором среди угля и золы лежал разбитый плоскодонный горшок, побывавший в огне. Толщина углистого слоя 40 см. На глубине 1,2 м контуры ямы установились — 2×0,7 м. Глубина ямы 1,4 м. Она ориентирована с юго-востока на северо-запад (20° к югу от линии запад—восток). В погребении не сохранилось костей.

Слева у края могилы лежал однолезвийный меч (3) с деревянной рукоятью и деревянными ножнами, украшенными круглыми серебряными накладками-полосами (4а, б) (длина меча 80 см, ширина 4,5 см, длина рукояти 13.5 см). Небольшие серебряные гвоздики с широкими шляпками скрепляли половинки деревянных ножен (6). Рядом с мечом лежал бронзовый браслет, круглый в сечении, с уплощенными концами (5). На поясе лежала четырехугольная железная пряжка (2), рядом — круглая железная пряжка и бронзовая сюльгама (7). По всей яме разбросана керамика (1).

Погребение 26. В небольшой ямке (0,5×0,5 м) на глубине 0,6 м обнаружены обломки черепной крышки. Никаких вещей нет.

Погребение 27. При снятии третьего штыка на глубине 0,7 м в земле темного цвета обнаружен полуразвалившийся человеческий череп без вещей.

Погребение 28. Могильная яма (2,6×0,9 м) ориентирована по линии запад—восток. Сразу под дерном — углистое заполнение, сильно прокаленная поверхность. В заполнении не было никаких находок. На глубине 80 см в центре ямы найден слегка обожженный чернолощеный плоскодонный горшок-миска с резко профилированными боками и отогнутым высоким венчиком. Этот горшок был перевернут вверх дном, под ним ничего не было. Углистое заполнение кончилось на глубине 1,18 м от современной поверхности. С восточной стороны яма была обнесена пятью колышками (диаметр 10 см), и здесь на уровне древнего горизонта расчищен полукруглый развал обожженной глины с золой и углем. Видимо, погребение 28 — кенотаф.

Погребение 29. В яме (2,5×0.7 м), ориентированной с запада на восток, на глубине 1,06 м расчищен костяк плохой сохранности. В восточной стороне ямы слева от черепа лежали железный дротик и листовидное копье (1, 2), под ними — кольчатые удила (3). Под подбородком на груди — бронзовая сюльгама (4), а на поясе слева — железный однолезвийный меч в обломках в деревянных ножнах с бронзовым наконечником и с прямой рукояткой-стержнем (5). От пояса сохранились бронзовая пряжка с загнутым коротким язычком (9) и железная прямоугольная пряжка (10). Справа у пояса лежали кельт (6) и бронзовый проволочный браслет с уплощенными концами (7). В ногах стоял раздавленный тонкостенный горшок с нарезкой по венчику и орнаментом на боках — треугольные насечки, следы гребенчатого штампа (8). С западной стороны яма оконтурена колышками (диаметр 10 см). В заполнении ямы встречались угольки.

Погребение 30. В яме (2,4×0,8 м), ориентированной с запада на восток, на глубине 1 м было расчищено богатое женское захоронение. Погребенная была сначала обернута в шерстяную ткань, а потом — в луб. В ногах стоял лепной горшок (1). Справа от костяка были положены железный дротик (3) и листовидное копье, ромбическое в сечении (2). В головах (в восточной стороне могилы) лежал кельт (4). На черепе — головной убор: тройной ряд бронзовых витушек, соединенных пятилопастными подвесками (5), слева на виске — бронзовое колечко с заходящими концами (5а) и сюльгама (5б). Над черепом — спиральный перстень (5в). На шее — бронзовая гривна с коробочкой (6), в которой лежала спрессованная древесноподобная масса. В центре на груди — фибула «рязанского» типа с большим трапециевидным «хвостом» (7) и бронзовая бляха с круглой крышечкой, ее поверхность украшена «жемчужинами» (8). Слева — три бронзовые сюльгамы, которыми, вероятно, застегивалась одежда (9—11). Их концы вытянуты в «усики». Костей не сохранилось, но судя по расположению вещей, на бедренных костях лежал пояс, состоявший из прямоугольных нашивных бронзовых бляшек (12). Спереди от пояса свисали ремешки-подвески, плотно унизанные маленькими круглыми пряжечками с круглыми приемниками. Под этим поясом, застегнутым крупной бронзовой пряжкой, в деревянных ножнах лежал узкий длинный нож (12а). На правой руке был круглопроволочный браслет с концами в виде змеиных головок (13).

Погребение 31. В небольшой (1,2×0,6 м) яме на глубине 0,7 м в восточной части обнаружен черепной тлен, на нем — две бронзовые витушки, видимо от головного венчика (1), и в западном углу могилы — обломок железного ножа (2). Это детское погребение, ориентированное по линии запад—восток.

Погребение 32. В заполнении могильной ямы (2,24×0,7 м) встречены угольки. Она ориентирована с запада на восток, глубина 94 см. Сохранился только череп, на котором справа и слева найдены височные бронзовые колечки с заходящими концами (1а и 4). Под черепом — гривна-дрот с бронзовыми бусинами, перевитыми бронзовой проволокой на концах и с замком в крючок (2). На голове венчик — три ряда бронзовых витушек с вплетенными по бокам пятилопастными подвесками. Сзади венчик застегивался бронзовой пряжкой с приемником (1) и сюльгамой сбоку (6).

Там же лежал колокольчик (5). На шее — нагрудное ожерелье из бронзовых витушек, разделенных трапециевидными плоскими подвесками (3). Слева на плече — две бронзовые сюльгамы с «усиками» (7, 8). В центре — круглая бляха с крышкой, под которой лежали три человеческих зуба и три бронзовые сюльгамы вокруг (9—11). На руках — по два браслета, концы которых украшены стилизованными человеческими головками (13—16), на пальцах — по три спиральных перстня (17—19, 21—23). Правая рука была вытянута, левая — согнута. В левой руке был железный нож с прямой спинкой (20). Женщина, похороненная в этом погребении, была обернута в луб и обращена головой на восток.

Погребение 50. Погребальная яма (2,4×0,7 м) отличалась от всех ям ярко-черным заполнением с вкраплениями глины. С глубины 0,5 м была четко видна черная углистая полоска (обгоревшие доски), которая окоптуривала могилу. Дно могилы на глубине 86 см. На черном бархатистом фоне очень четко вырисовывался погребальный инвентарь. От костяка сохранился лишь череп (к востоку). Видимо, умерший был положен в деревянный гроб и осыпан углями. На шее лежала проволочная гривна с замком в крючок (1). Две бронзовые сюльгамы найдены у ворота и на груди (2, 3). На поясе — закрытый любом ремень, украшенный накладными круглыми и продолговатыми бронзовыми бляшками, к одежде он дополнительно был прикреплен бронзовой защипкой. Слева к поясу ремня был привязан массивный нож-секач (6). Две железные пряжки крепили его к одежде (4,7). Справа к поясу был подвешен железный нож (5). Напротив голени острием к ноге лежал массивный железный кельт (9). На уровне правой руки, чуть ниже пояса — рассыпавшийся от коррозии псалий (8).

Погребение 51. Яма (2,5×0,8 м) имела глубину 0,9 м. Найдены череп, ориентированный на восток, кости таза и ног. Справа и слева от черепа — проволочные височные кольца с заходящими концами (3, 3а) и под ними — шумящие подвески с тремя колокольчиками, подвешенными к треугольному щитку (2 и 2а). В центре на черепе — круглая плоская бронзовая сюльгама (1), а вокруг разбросаны зеленые и синие стеклянные бусинки, среди них — одна красная пастовая, инкрустированная синей полосой (4).

Погребение 52. Могильная яма (2,5×0,6 м) ориентирована с запада на восток, глубина 1,5 м. Сохранились череп и позвоночный столб. Справа от головы погребенного у самой стенки были положены железный дротик (7) и массивное копье, имеющее длинное листовидное перо с ребром и маленькую втулку (6). Под подбородком, тоже справа — две плоские бронзовые сюльгамы (4, 5). Немного выше пояса — железный нож с прямой спинкой (2) и овальная железная пряжка-застежка от ремня (3). В ногах — горшок с прямым туловом и округлыми боками (1).

Погребение 53. Контуры ямы, ориентированной с юго-востока на северо-запад, овальной в плане, с расширением в восточной части могилы (2,2×0,5 м) обозначились только на глубине 0,7 м от современной поверхности. До этого, на глубине 0,5 м, здесь найдены мелкие полурассыпавшиеся неопределимые кости. Может быть, это остатки тризны в насыпи, а возможно, и разрушенное погребение. Заполнение нижней части ямы такое же, как и в соседних: черная земля, перемешанная с предматериковой глиной. Сохранился черепной тлен. На нем бронзовые витушки — остатки головного венчика, к которому справа были подвешены на у-образной проволочной подвеске два бронзовых колокольчика, свернутых из тонкого листика бронзы (1, 2). Слева на груди лежали четыре бронзовые сюльгамы (3—6), немного ниже — крупный бронзовый колокольчик, который обычно встречается в составе накосников (7). На руках, — три проволочных перстня, украшенных с двух сторон миниатюрными двойными подвесками, повторяющими височную подвеску (8). В ногах — бронзовая сюльгама (9) и узкий железный нож (10).

Погребение 54. В яме (2,6×0,7 м), ориентированной с запада на восток, на глубине 0,8 м было расчищено погребение, усыпанное угольками. Сохранились череп, остатки костей ног. Под головой, обращенной на восток, и вокруг — слой перегнившей шерстяной ткани. Справа и слева от черепа лежали три бронзовые сюльгамы (1—3). Ниже черепа справа острием к костяку был положен железный кельт (4), под ним — сюльгама (5). На правой руке — два бронзовых браслета с уплощенными концами в виде змеиных головок (6, 7) и проволочный перстень на пальце (8). На левой руке — такой же перстень (12) и браслет (11). На поясе лежал узкий длинный нож в обломках (9) и железная пряжка (10). В западной части могилы в ногах остриями

в стенку могильной ямы были положены железный наконечник дротика (13) и ромбовидное копье (14).

Погребение 56. В узкой и длинной (2,7×0,5 м) яме, заполненной черной рыхлой землей с углем и глинистыми вкраплениями, на глубине 1,26 м найден череп, судя по которому, покойник лежал головой на юго-восток. Справа у черепа было положено массивное железное листовидное копье (1), на черепе — полуразрушенная бронзовая сюльгама (2). На поясе найдена бронзовая пряжка с удлиненным округлым приемником, украшенным «жемчужинами» (3). Немного выше — железная пряжка (6) и железный нож с прямой спинкой (4). В ногах — банковидный горшок с едва профилированными боками (5).

Погребение 71. В яме (0,72×0,52 м), ориентированной с севера на юг, на глубине 0,7 м обнаружено погребение маленькой девочки. Сохранилась только челюсть. Справа и слева на месте черепа найдены бронзовые височные колечки (1. 2), под ними подвески — умбоновидная пряжка, к которой на колечках прикреплены стилизованные треугольные подвески-«гусиные лапки» (3, 4). С правой стороны положена круглая бронзовая пряжка, украшенная по краю «жемчужинами» (5).

Погребение 72. В яме (1,5×0,7 м), ориентированной с запада на восток, под дерном шло углистое заполнение с большим количеством золы, угля. На глубине 70 см в восточной части обнаружили подвеску — бронзовый колокольчик с петлей вверху (1). После зачистки с северной стороны выявлен небольшой подбой-ниша длиной 50 см, высотой 20 см. В подбое ничего не было. На дне могилы зафиксированы следы небольших колышков.

Погребение 73. В яме (0,8×0,4 м), едва различимой в грунте, костей не сохранилось, найдено несколько зубов. Рядом с ними височное кольцо — согнутое бронзовое колечко, к которому подвешено еще одно (5). В западной части ямы лежал круглопроволочный бронзовый браслет, концы которого немного уплощены и на них — антропоморфные изображения (1), рядом — спиральный перстенек в четыре оборота (2) и бронзовая сюльгама (3). Вокруг челюсти рассыпаны красные пастовые бусы (4). Судя по вещам, это захоронение ребенка, положенного головой на восток.

Погребение 74. В яме (2,5×0,6 м), ориентированной с северо-запада на юго-восток (15° к югу от линии запад—восток), на глубине 55 см сохранились череп (к юго-востоку) и одна берцовая кость. В центре могилы, видимо на поясе погребенного, лежал железный нож с прямой спинкой (1), а рядом — бронзовая поясная пряжка с хоботовидным язычком (2).

Погребение 75. В яме (1,5×0,7 м), ориентированной по линии запад—восток, на глубине 88 см раскопано погребение. Сохранились черепной тлен и зубы. У края могилы в восточной части острием в стенку ямы лежал листовидный наконечник копья (5). В ногах — кельт (1), немного выше — железный нож (2), небольшая бронзовая пряжечка (3), витое бронзовое колечко-перстенек (4). В ногах покойного стоял плоскодонный горшок с профилированной стенкой и орнаментальной нарезкой по венчику (6).

Погребение 76. В яме (1,3×0,56 м), ориентированной с запада на восток (9° к югу), на глубине 0,85 м было расчищено захоронение, от которого сохранилось всего несколько зубов. Судя по найденным вещам, в могиле похоронена головой на запад женщина. В головах найдены мелкие красные пастовые бусинки и несколько позолоченных (всего 50 штук) (1). Там же лежали остатки головного венчика — бронзовые пронизки, чередовавшиеся с трапециевидными подвесками (3). На концах венчика и слева находились височные подвески — бронзовые колечки с разомкнутыми концами (2, 2а).

Погребение 77. На глубине 60 см от современной поверхности выявились контуры ямы (2,06×0,6 м). Погребение находилось на глубине 1 м. В восточной стороне могилы лежала бронзовая гривна из круглого дрота, ее концы расплющены и сделаны в виде змеиных головок (1). Под гривной — ожерелье, в котором красные бусины чередуются с бронзовыми пронизками, — 38 бусин и 12 пронизок (2). Справа на черепе была шумящая височная подвеска с двумя колокольчиками (3). Ее поверхность украшают S-образные завитки и «веревочка». Под челюстью и немного левее — три плоские бронзовые сюльгамы, видимо застежки от ворота (4—6). На правой руке — два круглых в сечении бронзовых браслета с расплющенными концами в виде головки змеи (7, 8). На левой — один такой же браслет (9) и под ним спиральное кольцо-перстень (10). Вокруг ямы прослежен двойной ряд ямок оградки.

Погребение 78. В яме (2,22×0,62 м), ориентированной с запада на восток (11° к югу от линии запад—восток), погребение находилось на глубине 1,15 м. Костяк не сохранился. Судя по положению вещей, он лежал головой на восток. Слева в головах остриями в стенку были положены ромбические в сечении копье (1) и дротик с резко разведенными крыльями (2). Под ними — маленькая бронзовая сюльгама (3). Почти в центре — бронзовый четырехгранный браслет, концы которого уплощены и сделаны в виде змеиных головок (4). На поясе — бронзовая пряжка, ее приемник сделан в форме «разведенных крыльев бабочки» (5). По форме и технике исполнения эта пряжка аналогична поясным накладкам южных крымских древностей (могильник Суук-Су и пр.). Ниже — четырехугольная железная пряжка, побывавшая в огне (6), железный нож с прямой спинкой и остатками деревянной рукоятки (7). В ногах лежал раздавленный толстостенный баночный сосуд (8).

Погребение 79. Уже под дерном выявилась яма огромных размеров — в длину до 4 м. По мере углубления ее контуры менялись, и на глубине 90 см она занимала 2,74×1,1 м. В ее заполнении были угольки. На глубине 1 м показалось дно могилы. Костяк не сохранился, но головой он, видимо, был положен на юго-восток (13° к югу от линии запад—восток). На месте груди лежала круглопроволочная гривна с едва уплощенными концами (1). Под ней ожерелье из грушеобразных печеночных пастовых бус среднего размера (2). В нем чередуются две бусины — бронзовая пронизка — три бусины — пронизка и т. д. Справа и слева от головы лежали накосники, состоящие каждая из трех бронзовых пронизок, заканчивающихся тремя литыми шумящими колокольчиками, к каждому из них припаяны внизу два бронзовых колокольчика (3 и 4). Концы колокольчиков украшены ложной «веревочкой». Между ними — бронзовая сюльгама (5). На правой и левой руках — по три браслета (6—8 и 9—11). Три браслета (8, 10 и 11) сделаны из круглого в сечении дрота, концы уплощены в форме змеиных головок. Один браслет (9) — четырехугольный в сечении, его концы расплющены и вывернуты. В головах найден железный нож в деревянных ножнах (12), а рядом — несколько бронзовых витушек (12а) и сюльгама с кусочком ткани (13). У самого изголовья слева лежали височная подвеска — бронзовый колокольчик из свернутого листа, а к нему подвешено еще два колокольчика (14), и сюльгама в обломках (15). Видимо, обе сюльгамы (5 и 15) застегивали головной платок.

Погребение 80. Вокруг ямы (2,8×0,7 м) на глубине 1 м видны остатки колышков — небольшие (диаметр 8—10 см) ямки. Они оконтуривали яму двумя рядами, отступая от ямы на 70—80 см. Видимо, насыпь над могилой осыпалась, и оградка подновлялась. На глубине 1,3 м в восточной половине ямы расчищен череп. За ним в самом углу могилы лежала сюльгама, круглая в сечении (1), ниже — кельт (2) и рядом почти по центру ямы, у самой головы — большое копье (3). Железная овальная пряжка (4) под черепом, видимо, застегивала одежду. На поясе — большая круглая железная пряжка (5). Вероятно, к поясу был подвешен длинный нож с прямой спинкой (6). В ногах — раздавленный горшок (7).

Погребение 81. В яме (1,68×0,54 м) на глубине 0,83 м собран погребальный инвентарь. Костей не сохранилось. В засыпке встречено много угольков. Судя по вещам, умерший был положен головой на восток. Справа у стенки могилы, несколько наискосок, лежал однолезвийный меч (1). На мече сохранилась небольшая железная обкладка, которая была прикреплена бронзовыми гвоздиками к деревянным ножнам (2). Левее меча найден обломок витой бронзовой сюльгамы (3), немного ниже под ней — еще две сюльгамы в обломках (4, 5). Справа от меча расчищена развалившаяся железная пряжка (6), слева, несколько ниже — еще одна такая же (7). Рядом — железный нож с прямой спинкой (8). На том же уровне найдена маленькая бронзовая пряжечка (9), к которой крепился ремень портупеи. Ниже, видимо, в том же направлении, что и меч, лежал листовидный наконечник копья (10), а перпендикулярно к нему — кельт (11). После разборки погребения в головах в верхнем левом углу могилы обнаружен маленький серебряный зажим-защелка (12), назначение которого неясно.

Погребение 82. Контуры ямы (2,66×0,66 м) выявлены на глубине 80 см. Заполнение состоит из черной земли с желтой материковой глиной. На глубине 1,1 м вокруг четко обозначились небольшие (диаметр 8—10 см) ямки от колышков. Они оконтуривали яму с южной стороны двумя рядами, местами едва прослеживается третий ряд.

В восточном углу могилы на глубине 1,2 м справа остриями в стенку были положены вместе наконечник лавролистного копья (1) и дротик (2), а слева лежали железные

кольчатые удила (3). Под черепом, обращенным к юго-востоку, справа лежала маленькая бронзовая арбалетовидная фибула с железной иглой (4), рядом — маленькая плоская бронзовая сюльгама (5) и под ней еще одна такая же (6). На месте пояса — бронзовая пряжка с прямоугольным приемником, украшенным кругами из ложновитой «веревочки» (4а). Сохранились остатки кожаного ремня, рядом — железный нож с рукояткой (7). Справа под поясом — бронзовый четырехгранный в сечении браслет с едва расходящимися концами (8) и спиральный бронзовый перстень (9). В ногах лежал лепной горшок с резко профилированными боками и высоким горлом (10). Крупный ямочный орнамент украшает устье тулова, на боках — орнамент в форме «шагающих» треугольников.

Погребение 83. На глубине от 0,7 до 1,2 м открыта прямоугольная площадка сильно прокаленной земли (1,44×1,3 м). После разборки этого кострища четко вырисовалась яма (2,56×0,8 м), ее дно на глубине 1,5 м. Костяк хорошо сохранился. В профиле стенки могилы прослежены обуглившиеся деревянные плахи (шириной 3—4 см) — остатки гробовища. В ногах на небольшом возвышении стоял горшок с резко профилированными боками и высоким горлом (1). Он был наполнен до краев бусинами — красными пастовыми средней величины и небольшими стеклянными позолоченными и четковидными. На дне горшка в маленькой круглой берестяной коробочке, прошитой нитками, лежали два маленьких пластинчатых колечка-перстенька и две очковидные проволочные височные подвески. Чуть выше горшка лежали кольчатые железные удила (2). В восточной стороне могилы слева у самого черепа остриями в стенку были положены ромбовидное копье (8) и дротик (10). Справа под челюстью острием к стенке лежал железный кельт (7). Бронзовая сюльгама, заколотая на небольшом кусочке сохранившейся ткани (6), и чуть ниже такая же другая сюльгама (5) заменяли пуговицы. На поясе — бронзовая поясная пряжка с массивным фигурным язычком и очень маленьким приемником (4), в котором сохранился кусочек ремня. Железный нож с прямой спинкой в деревянных ножнах (9) был подвешен к поясу. Рядом — бронзовая пряжка (11), и около левой ноги — железная массивная пряжка с загнутым язычком и кусочком ткани (3). После разборки могилы над черепом выявлена еще одна бронзовая сюльгама (12), совершенно аналогичная 5 и 6.

Погребение 84. В яме (2,56×0,7 м), ориентированной на глубине 0,8 м с северо-запада на юго-восток (19° к югу), находилось захоронение. Сохранился только череп. Около него слева острием к стенке ямы положено слегка обожженное ромбическое копье (1). Рядом — кельт (2). Под челюстью — плоская бронзовая сюльгама (3).

Погребение 85. В яме (2,4×0,72 м), ориентированной с запада на восток (7° к югу от линии запад—восток), на глубине 0,95 м расчищен хорошо сохранившийся костяк. В головах стоял горшок (1). Справа у стенки положены копье (2) и дротик (3). Слева на груди положен кельт (4). На поясе — бронзовая фибула (5), и под ней — длинный узкий нож. На правой руке — бронзовый ромбический в сечении браслет, заканчивающийся головками «бородатых людей» (7), над ним у самой стенки — небольшая круглая железная пряжка (9), слева под черепом — бронзовая круглая в сечении сюльгама (8). Погребенный лежал головой на восток.

Погребение 86. В яме (2,7×0,78 м), ориентированной с юго-востока на северо-запад (15° к югу от линии запад — восток), на глубине 0,9 м расчищен хорошо сохранившийся костяк головой на юго-восток. Слева от черепа лежали ланцетовидный наконечник копья (1), дротик (2) и раздавленный горшок (3). Еще ниже, на уровне левого плеча был положен кельт (4). Под челюстью, прямо по центру костяка лежали друг под другом три бронзовые сюльгамы: одна из них — овальная в сечении (15), другая — плоская в сечении (6) и третья — плоская рубчатая (7). На поясе — бронзовая пряжка с прямоугольным приемником и фигурным загибающимся язычком (8), нож в обломках (9). На правой и левой руках было по бронзовому проволочному браслету (10 и 12). Концы браслета правой руки украшены схематическими изображениями человеческого лица. На каждой руке надето по одному спиральному перстню (11 и 13).

Погребение 87. В яме (2,12×0,68 м), ориентированной с запада на восток (5° к югу от линии запад—восток), на глубине 0,9 м расчищено мужское погребение. Сохранились череп (к востоку) и верхние кости ног. В заполнении ямы угольки. В центре на груди лежала в обломках бронзовая сюльгама (1). На поясе — узкий нож (2). В ногах в западной стороне могилы острием в стенку могилы был положен лавролистный наконечник копья (3). Там же лежал баночный сосуд с широким и высоким горлом, по краю венчика — насечка (4).

Погребение 88. В яме (2,24×0,7 м), ориентированной по линии запад—восток (5° к югу), на глубине 0,9 м открыто захоронение. Сохранился череп. В центре ямы — глиняное пряслице, сделанное из глины с примесью кварцита и шамота (1). За черепом — обломок железного шила (2).

Погребение 89. В яме (2,02×0,66 м), ориентированной по линии запад — восток (6° отклонение к югу), на глубине 0,7 м расчищено детское погребение. Сохранился череп (к западу). Под ним — гривна из бронзового дрота с уплощенными змеевидными концами, орнаментированными насечкой (1). Вокруг рассыпаны бусы — красные пастовые средней величины круглые и тоже пастовые мелкие четковидные (2). Здесь же лежал обломок маленькой бронзовой сюльгамы (3). На левой руке — маленькое колечко-перстенек (4). Могила обнесена оградкой, колышки зафиксированы и внутри могильной ямы, под вещами.

Погребение 90. В яме (1,1×0,52 м), ориентированной с запада на восток, на глубине 0,65 м расчищено погребение. Кости не сохранились. Обнаружена лишь маленькая бронзовая сюльгама (1). Со всех сторон яма оконтурена ямками от столбиков ограды. Одна ямка отмечена и в центре ямы.

Погребение 91. В яме (2,6×0,74 м), ориентированной с запада на восток (8° к югу), по мере расчистки обнаружен небольшой подбой в северной стенке: яма (50×20 см), расположенная по центру могильной стенки, глубиной 20 см. Заполнение то же, что и в могильной яме, никаких вещей не было. На глубине 1,05 м в яме расчищен череп. В западной части ямы в ногах лежал раздавленный горшок (1), рядом положен остриями к стенке могилы наконечник дротика (2), массивный с острыми углами наконечник копья (3) и кольчатые железные удила (4). В центре ямы лежал пояс, состоящий из 24 серебряных накладных бляшек, прямоугольных, немного суживающихся в средней части. На каждой бляшке сверху и снизу приклепаны круглые гвоздики (5). Поясная пряжка — массивная с прямоугольным приемником и хоботовидным язычком (12). Под поясом были длинный железный нож с прямой спинкой (6), кремень (7) и маленькая железная поясная пряжка (8). На левой руке — бронзовый браслет, концы которого украшены позолоченными нарезками (9). На правой руке — бронзовые браслеты — круглопроволочный (10) и сломанный с уплощенными концами, орнаментированными насечками (15). Рядом с браслетом у левой руки лежала бронзовая крупная фибула «рязанского» типа (11). У правого плеча — бронзовый кельт (13). Слева на груди — небольшая плоская бронзовая сюльгама (14). На правом плече разложена портупея пояса, состоящая из серебряных накладок, бляшек и наконечника (16). Судя по вещам, это погребение мальчика.

Погребение 92. В яме (1,7×0,64 м), ориентированной с запада на восток (15° к югу), на глубине 0,9 м расчищено детское погребение. Скелет не сохранился. В западной части могилы в головах — бронзовая проволочная гривна в обломках (1). Выше — головной венчик, состоящий из бронзовых витушек и пастовой бусины. С двух сторон он заканчивается маленькими бронзовыми колокольчиками (2). Рядом с гривной — маленькая бронзовая лунница (3). Под гривной справа и слева — плоские рубчатые сюльгамы (4, 5). На левой руке — круглопроволочный браслет с заходящими краями (6).

Погребение 93. В яме (1,12×0,48 м), ориентированной с юго-востока на северо-запад (10° к югу от линии запад—восток), на глубине 0,75 м расчищено детское захоронение. Костяк не сохранился. В юго-восточной части могилы лежала бронзовая круглопроволочная гривна (1), справа и слева — бронзовые плоские сюльгамы (2, 2а). Над головой слева — сюльгама от головного платка (3). На руках — круглопроволочные браслеты (4, 5). На поясе — пряжка с прямоугольным приемником (6). На правой и левой руках — бронзовые перстеньки (7, 8). В правой руке — железный нож с горбатой спинкой (9). Между браслетами — железная пряжка, немного обгоревшая (10).

Погребение 94. Над ямой (1,66×0,7 м), ориентированной с юго-востока на северо-запад (50° к югу), во всю ее длину зафиксированы остатки большого кострища — углистый слой мощностью 30 см без находок. Лишь с глубины 0,6 м выявлены контуры погребальной ямы, а само погребение — на глубине 85 см. Костяк не сохранился. Судя по вещам, это погребение девочки. Все вещи сконцентрированы в центре ямы. Слева лежал обломок железного ножа с прямой спинкой и деревянной рукояткой (1), немного выше над ним — обожженная железная пряжка в обломках (2). На левой руке — бронзовый круглопроволочный браслет с заходящими уплощенными концами (3). Рядом — бронзовая сюльгама (4). Тут же расстелен головной венчик — брон

зовые витушки, заканчивающиеся шумящей подвеской в виде колокольчика, свернутого из тонкого листа бронзы, к которому прикреплены справа и слева два таких же колокольчика (5). Рядом с этим венчиком — обломок маленькой бронзовой сюльгамы (6). Слева, напротив нее — другая бронзовая сюльгама, концы которой закручены в «усики» (7).

Погребение 95. Яма (2,38×0,8 м), ориентированная с запада на восток (8° к югу), была обнесена плетнем из парных колышков. Костяк не сохранился. Все находки зафиксированы на глубине 0,78 м вблизи западного края могилы. Сохранились бронзовые витушки, нашитые на кожу (видимо, остатки поршня) (1). Рядом с ними лежала маленькая берестяная коробочка — два кружка бересты, прошитые нитками (2). В ней оказались маленькие бронзовые подвески, причем к более крупной справа и слева крепились точно такие же, меньшего размера. На левой ноге сохранились такие же бронзовые витушки, украшавшие обувь (4), и положена точно такая же коробочка, в которой были витушки и подвеска (3). Эти витушки и украшения обернуты шерстяной тканью. Рядом лежали два колокольчика, свернутых из листовой бронзы (5). В противоположном, восточном конце могилы обнаружена всего одна красная пастовая бусина (6). После зачистки в центре ямы на материке обнаружена столбовая ямка (диаметр 40 см).

Погребение 96. Яма (2,52×0,72 м), ориентированная с запада на восток (7° к югу), выявлена на глубине 0,80 м от современной поверхности, ее дно — на уровне 1,15 м. Костяк не сохранился. В восточной части могилы — бронзовая сюльгама с «усиками» (1), ниже — бронзовое спиральное кольцо (2). Вся яма была оконтурена колышками (диаметр ямок 10 см).

Погребение 104. В заполнении ямы (2,06×0,74 м), ориентированной с юго-востока на северо-запад (33° к югу от линии запад — восток), встречены угольки. Захоронение расчищено на глубине 1,3 м. Кости не сохранились, но костяк, видимо, лежал головой на северо-запад. В головах слева острием к стенке лежал ромбический наконечник копья (6). Под ним, видимо на груди, — овальная железная пряжка (7). На правой руке — бронзовый спиральный перстень (5). На месте пояса, поперек — железный кельт (4). Справа под ним железный нож с прямой спинкой в обломках (2), рядом — сюльгама (3) и еще ниже — обломок маленькой бронзовой сюльгамы (1).

Погребение 106. В яме (2,8×0,94 м), ориентированной с юго-востока на северо-запад (33° к югу от линии запад — восток), на глубине 1,1 м расчищены черепной тлен и несколько зубов. Из-за обилия бронзовых предметов под некоторыми вещами сохранились небольшие кусочки шерстяной ткани. На голове — венчик из плоских трапециевидных бронзовых подвесок — 18 штук (1). На шее — серебряная проволочная гривна с утолщением к центру, замок — крючок (2). Слева и справа у черепа — круглые браслетообразные серебряные височные кольца (3, 6). Ниже гривны — ожерелье, состоящее из шумящих подвесок: две литые бутыльчатые подвески справа и две — слева, с подвешенными к ним маленькими колокольчиками, между ними — колокольчики, свернутые из листовой бронзы (4). У ворота справа была бронзовая застежка-сюльгама (5), под ней — крупная широкая пластинчатая серебряная сюльгама с «усиками» (7), рядом — еще одна сюльгама, плоская бронзовая (8). Справа и слева на уровне плеч прослеживались в очень плохом состоянии бронзовые колокольчики, свернутые из листа (9, 12), по три с каждой стороны. Под правым наколенником лежала небольшая бронзовая сюльгама (13). На правой руке — два бронзовых круглопроволочных браслета с уплощенными концами (14, 15). Один браслет такого же типа (10) — на левой руке. Рядом с правой рукой был маленький железный нож (16). По одному спиральному перстню украшали пальцы правой и левой руки (1, 7). В погах — следы железного шила (18).

Погребение 105. Над ямой (2,04×0,74 м), ориентированной с северо-запада на юго-восток (33° к югу от линии запад—восток), уже под дерном почти всю площадь могилы покрывало кострище. Его мощность 30 см. Никаких находок в нем не обнаружено. Само погребение расчищено на глубине 86 см. Костяк не сохранился. В западной части ямы обнаружены рассыпавшиеся красные пастовые бусы средней величины (1), под ними — два крупных браслетообразных височных кольца (2, 3). В области левой руки — бронзовый спиральный перстень (4), и на том же уровне справа — бронзовая сюльгама (5). На левой руке, несколько в отдалении от перстня — круглопроволочный бронзовый браслет с уплощенными концами (6).

Погребение 107. Над круглой ямой (0,8×0,8 м) на глубине 60 см от современной поверхности открыт небольшой зольник мощностью 20 см. На глубине 1,03 м — детское погребение. Костей нет, сохранились лишь бронзовый круглопроволочный браслет (1) и спиральное кольцо-перстень (2).

Погребение 108. Над ямой (2,42×0,7 м), ориентированной с северо-запада на юго-восток (30° к югу от линии запад—восток), сразу под дерном находилось кострище. Его мощность 30 см. Под ним с глубины 0,6 м обозначились контуры ямы, глубина ее дна 1,2 м. Костяк не сохранился, но был, видимо, положен головой на юго-восток. Все вещи в основном разложены в восточной части ямы. У самого восточного края ямы лежал железный кельт (1). Рядом с ним — пластинчатая серебряная сюльгама с «усиками» и с крупной иглой, украшенной «жемчужинами» (2), и небольшая бронзовая сюльгама с выступающими «усиками» (3). Рядом с кельтом лежал спекшийся обломок железа — вероятнее всего, побывавшая в огне железная пряжка (4), немного ниже слева — четырехугольная, слегка оплывшая от огня железная пряжка (5). В центре ямы — железный нож (6). Могила обнесена оградкой из кольев.

Погребение 109. Над ямой (2,3×0,8 м), ориентированной с юго-востока на северо-запад (33° к югу от линии запад—восток), найдено большое кострище. Оно отмечено с глубины 0,3—0,6 м. В зольнике никаких находок нет. На глубине 1,1 м расчищено захоронение. Костяк сохранился благодаря обилию бронзовых украшений. Он лежал головой на юго-восток. Можно установить, что покойник был обернут в ткань и луб. На груди лежала большая бронзовая круглая бляха с крышечкой (1), прикрытая тканью и лубом. Вокруг рассыпано нагрудное ожерелье — бронзовые пронизки, чередующиеся с красными пастовыми бусинами (2). Здесь же найдена круглопроволочная гривна в обломках с замком в крючок (3). Справа — браслетообразное височное кольцо (4) и обломки сюльгамы (5) для застегивания головного платка. Слева — сюльгама (7) и овальная железная пряжка (6). Справа и слева лежали накосники одной и той же конструкции: на трех бронзовых нитях-витушках подвешены три бронзовых колокольчика, на каждом из которых висит еще по два маленьких колокольчика (8, 9). На правой и левой руках надето по три круглопроволочных с уплощенными концами браслета (10—12 и 16—18) и по два спиральных бронзовых перстня (13, 14, 19, 20). У правой руки положен железный нож с прямой спинкой (15). Ниже костей таза сохранилась обшивка рубахи — плоские трапециевидные подвески (21). Частично они разбросаны на груди — это обшивка ворота. Вся могила была окружена оградой, прослеживающейся по столбовым ямкам (диаметр 10 см).

Погребение 110. Над ямой (2,32×0,9 м), ориентированной с северо-запада на юго-восток (33° к югу от линии запад — восток), находилось небольшое кострище, которое занимало центральную часть ямы (глубина 0,3—0,6 м). На глубине 0,55 м от современной поверхности в юго-восточной части могилы обнаружены глиняная сковородка (из темной глины с примесью шамота) и воткнутый в землю небольшой железный ножичек (1а, б). Само погребение расчищено на глубине 1,5 м. Умершая — женщина небольшого роста (155 см) — была обернута в ткань, а потом в луб. Она была одета в верхнюю кофту (благодаря обилию бронзовых украшений, хорошо сохранилась шерстяная бейка — полоска кофты шириной 5 см, края которой спереди почти по центру закруглялись и были обшиты колокольчиками, сделанными из согнутого куска листовой бронзы. Симметрично с той и другой стороны у пояса на кофте были пришиты шумящие привески — умбоновидные бляшки с колокольчиками (7). Подобные же привески, но меньших размеров, располагались немного выше. На груди лежало ожерелье из красных пастовых бус и тройных шумящих подвесок (1), ниже — ожерелье из бронзовых пронизок и колокольчиков (2), под ними — три бронзовые гривны: две — с коробочкой (3, 4), третья — круглая проволочная с замком в крупную петлю (5). На груди — круглая бронзовая нагрудная бляха, украшенная взаимоперекрещивающимися накладными полосками (6). Слева от нее на косе висело шесть бронзовых колокольчиков от накосника (9—14). Накосник был расчищен с правой и левой стороны (36—53). На правой руке — шесть браслетов (20—25), на левой — пять браслетов (15—19). Все они круглопроволочные с расплющенными концами. На каждом пальце — спиральные кольца (26—35). На голове находилась шапочка, состоящая из пересекающихся полос, с нашитыми бронзовыми витушками-пронизками. Видимо, под ней был головной платок, застегнутый со всех сторон маленькими бронзовыми сюльгамами (55, 56, 58—61). Головной платок был обшит шумящими трапециевидными подвесками (57). На ногах были надеты поршни, которые по бокам были расшиты двойным

рядом бронзовых витушек. Остатки кожи не найдены. Рядом с грудью найдено небольшое железное шильце (62, 63). В северной стенке могилы обнаружен небольшой (50×20 см) подбой высотой 20 см от дна могилы. Заполнение то же, что и в могильной яме. Находок в нем не было.

Погребение 123. Яма (0,7×0,54 м) ориентирована с запада на восток. На глубине 35 см от современной поверхности были расчищены небольшие по размерам вещи, очевидно принадлежавшие девочке. Рядом с остатками черепа — бронзовая проволочная гривна (1) с замком в большую петлю, трапециевидная подвеска (2) и немного ниже — бронзовая плоская сюльгама (3).

Погребение 124. Яма (0,62×0,4 м) ориентирована с севера на юг (2° к западу). На глубине 0,4 м найдены детские вещи: круглопроволочная гривна с небольшим утолщением в центре (1) и под ней — обломок плоской сюльгамы (2).

Погребение 125. В яме (1,46×0,52 м), ориентированной с запада на восток (10° к югу), на глубине 1,1 м расчищено женское захоронение. Костяк не сохранился. В восточной части могилы, в 30 см от края, строго по центру лежала бронзовая проволочная гривна (1). Слева рядом с ней — обломок бронзовой сюльгамы (2). Справа, немного ниже, почти друг под другом лежали две сюльгамы, овальные, выпуклые в сечении (3, 4). На правой руке — обломок спирального кольца-перстня (5) и тут же — железный нож в обломках (6). Могила с трех сторон была обнесена оградкой.

Погребение 126. Над ямой (2,4×0,81 м), ориентированной с северо-запада на юго-восток (15° от линии запад—восток к югу), на глубине 45 см от современной поверхности в западной стороне обнаружен раздавленный горшок (20). В заполнении ямы встречены угольки. Погребение расчищено на глубине 1,1 м. Погребенная лежала головой на юго-восток. Она была обернута сначала тканью, потом лубом. Обилие бронзовых вещей сохранило ткань, и поэтому можно представить себе костюм умершей женщины. На голове справа и слева лежали круглые большие серебряные височные кольца (1, 2). На шее — ожерелье из красных пастовых бус, отделенных друг от друга бронзовой проволокой (3), и ожерелье из плоских трапециевидных подвесок (6). Под ними — серповидная гривна (4). Справа — большая серебряная пряжка-сюльгама с «усиками» (5). Она закалывала верхнюю одежду — рубаху, на которой красовалась серебряная нагрудная бляха с округлой крышечкой (7). После того как была снята бляха, оказалось, что под ней висит железный нож (11). Тут же лежат остатки подголовника (13), накосники (19а, 19б), состоящие из трех ленточек бронзовых витушек, перехваченных обоймицами. Заканчиваются накосники тремя подвесками-колокольчиками. Вторая рубаха на плечах украшена нашитыми шумящими колокольчиками, свернутыми из тонкой листовой бронзы (8). На правой и левой руках — бронзовые круглопроволочные браслеты с уплощенными концами (9, 10). На правой руке — три бронзовых спиральных перстня (14—16), на левой — два перстня (17 и 17а). На ногах — остатки кожаных поршней, украшенных тремя рядами бронзовых витушек (18). После того как был снят накосник, под ним обнаружился бахромчатый край подголовника. Таким образом, женский костюм в этом погребении был достаточно полный — две рубахи, верхняя и нижняя, накосник. Впервые удалось выявить подголовник — заднюю деталь головного убора. Могила обнесена колышками-оградой.

Погребение 129. В заполнении ямы (2,28×0,78 м), ориентированной с запада на восток (10° к югу от линии запад—восток), встречены угольки. Костяк не сохранился. В западной части на глубине 1,2 м у стенки лежали горшок (6), а также остриями к стенке ямы копье и дротик (4, 5). Слева вдоль южной стенки — прямой однолезвийный меч (1), на котором были положены поясные фигурные серебряные бляшки-накладки (2, 2а, 2б, 2в, 3). Всю могилу оконтуривала оградка.

Погребение 127. Контуры ямы (1,4×0,8 м) очень расплывчаты. На глубине 0,4 м была вскрыта могила. Она ориентирована с запада на восток (7° к югу). Костяк не сохранился, но, видимо, в могиле была похоронена женщина. На голове ее, вероятно, был платок, который застегивали бронзовыми сюльгамами (1, 15, 16). Вблизи восточной части ямы лежала серебряная проволочная гривна с замком в крупную петлю (2), над ней — серебряная сюльгама с «усиками» (14), вокруг рассыпаны красные пастовые бусы и бронзовые витушки, составлявшие ожерелье (3). Справа и слева от гривны — обломки браслетообразных серебряных височных колец (5). В центре — круглая серебряная бляха с крышечкой (7), а под ней — железный нож с прямой спинкой (17). Справа на уровне запястья — остаток накосника: на двойных бронзовых витушках двойные литые колокольчики, к каждому из них подвешено еще по два малень-

ких литых колокольчика (6). На правой руке — три бронзовых браслета с уплощенными концами (8—10), на левой — два (11, 12). В западной части ямы лежали четыре литых крупных колокольчика (13).

Погребение 128. В яме (1,4×0,6 м), ориентированной с запада на восток, на глубине 0,5 м был похоронен мужчина, положенный головой на восток. Сохранились кости ног. Все вещи сконцентрированы в восточной части ямы: бронзовая сюльгама (1) и железный нож (2).

Погребение 130. В могильной яме (2,02×0,64 м), ориентированной с северо-востока на юго-запад (17° к северу от линии запад—восток), на глубине 0,8 м сохранился череп. Под ним уцелел кусок кожи — остатки кожаной шапочки. Справа и слева на двойных пронизках, перехваченных обоймицами, подвешены крупные колокольчики (1, 1а). Справа у конца накосника лежала овальная литая ажурная бронзовая пряжка с тремя подвешенными колокольчиками (2). Немного ниже — бронзовая плоская сюльгама (3). Слева, у самой стенки ямы — глиняное пряслице (4).

Погребение 131. Перед ямой (3,18×0,92 м), ориентированной с запада на восток (11° к югу), вблизи западной части могилы открыто кострище неправильной формы (1,1×1,4 м): земля, перемешанная с большим количеством угля. Глубина кострища 0,3—0,7 м. На глубине 1,5 м хорошо сохранился костяк, положенный головой на восток, лицом к югу. В головах справа и от черепа лежали раздавленный горшок (15), листовидное копье (2) и дротик (3). Под черепом — бронзовая круглопроволочная гривна с круглой петлей и замком в крючок (4). Под ней слева и справа — бронзовые сюльгамы (5, 6). Справа на груди сверху вниз — овальная железная (14) и круглая железная (7) пряжки. На поясе — большая круглая железная поясная пряжка (8). На костях таза лежал железный нож с прямой спинкой (9), рядом с ним — небольшая серебряная пряжечка с прямым приемником для подвешивания к поясу (10). Слева у таза лежал еще один узкий железный нож (11). У левой коленной чашечки острием к ноге был положен бронзовый кельт (1). В ногах у самой западной стенки — железное шило (13) и маленькие кольчатые удила с восьмеркообразными подвесками (12). Могильная яма была окаймлена колышками, оставившими след в виде ямок (диаметр 10 см).

Погребение 132. В яме (2,6×0,65 м), ориентированной с северо-запада на юго-восток, на глубине 0,9 м в восточной части сохранился только череп. В заполнении ямы — угольки. Под челюстью — обломок бронзовой сюльгамы (11). На поясе — круглая железная пряжка в обломках (10) и овальная железная пряжка с утолщением (8). К поясу был подвешен на пряжке (7) нож с прямой спинкой (6). На руках — бронзовые полые внутри браслеты, концы уплощены и украшены точечным орнаментом (5, 9). Под правой рукой острием к ноге лежал массивный кельт (4). В ногах — горшок (1). У южной стенки были положены вместе дротик (2) и ромбическое в сечении листовидное копье (3).

Погребение 133. В яме (1,9×0,75 м), ориентированной с запада на восток, на глубине 0,98 м расчищено мужское погребение. Костяк не сохранился. В западной части ямы положен горшок (1). На поясе — кельт (2), рядом — поясная железная круглая пряжка (3а) и нож с деревянной ручкой (3). Железной пряжкой нож крепился к поясу. В восточной стороне ямы в головах — дротик (4).

Погребение 134. В яме (2,25×0,7 м), ориентированной с запада на восток, на глубине 1 м расчищено женское погребение. Костяк не сохранился. В восточной части могилы лежала бронзовая проволочная витая гривна с замком в крючок (5), под ней — нагрудное ожерелье (6), состоящее из бронзовых витушек, чередующихся с синими стеклянными, четковидными стеклянными позолоченными и средней величины красными пастовыми бусами. Сзади ожерелье скреплялось ажурной пряжечкой, сделанной из четырех кружков, орнаментированных веревочкой (6а). Справа на груди — обломок бронзовой сюльгамы (4) и оплавленная ажурная нагрудная бляха-застежка средней величины с треугольными прорезями на поверхности, с железной иглой для застегивания (3). На правой руке — спиральный перстень (2). Слева у ног — глиняное пряслице (1).

Погребение 135. В яме, ориентированной с запада на восток, на глубине 1,4 м расчищено женское захоронение, осыпанное угольками. Кости не сохранились. В головах в восточной стороне могилы лежали круглая железная пряжка (14) и круглое железное кольцо (13), рядом, ближе к южной стенке могилы — небольшие кольчатые удила с подвижными кольцами-подвесками (7). Под головой, почти в центре ямы, — бронзовая гривна: перевитой дрот с застежкой — уплощенным змеевидным приемником

и крючком (8 . Там же — остатки ожерелья, состоявшего из красных пастовых бус, чередующихся с бронзовыми витушками и стеклянными позолоченными четковидными бусами (9). Справа и слева на голове — шумящие четырехлопастные подвески, украшенные «жемчужинами» с остатками витушек, которыми они обычно крепились к волосам (11, 12). Видимо, к волосам были подвешены и два литых колокольчика (10). Справа у плеча лежало глиняное пряслице с черным лощением (5). Ниже — бронзовая сюльгама в обломках (3). На груди — бронзовая бляха, украшенная «жемчужинами» (4). Слева у руки — остатки шумящих подвесок — двух колокольчиков, украшавших, видимо, косу (6). На левой руке — плоский пластинчатый браслет (2). В ногах — шило (1).

Погребение 136. В яме (2,65×1 м), ориентированной с юго-востока на северо-запад, на глубине 1,2 м лежал череп. Под ним — полуразвалившаяся овальная железная пряжка (6). Справа — в центре могилы — железный кельт (5), рядом — обломок ножа с прямой спинкой (4). На руке — бронзовый круглопроволочный браслет с уплощенными концами (3). В ногах у самого края могилы лежали дротик (1) и копье (2).

Погребение 137. В яме (2,4×0,7 м), ориентированной с северо-запада на юго-восток, на глубине 1,35 м, в северо-западной стороне могилы сохранился черепной тлен. Вокруг него разбросаны красные пастовые бусы (12). Справа у черепа — височная трехлопастная подвеска так называемого кошибеевского типа (11), подвешенная на бронзовых спиральках (16). Под черепом — три бронзовые сюльгамы (13—15), служившие для закалывания головного платка. Справа лежали глиняное пряслице (17) и два железных шильца (18, 19). На груди с левой стороны была положена круглая ажурная бляха (10), орнаментированная «жемчужинами» и «веревочкой». Немного ниже лежал маленький ножичек с прямой спинкой (9). Обшлага рукавов платья унизаны бронзовыми умбоновидными бляшками (4, 7). Найдены сюльгамы (6, 8). На правой руке — два круглых бронзовых браслета с немного расширяющимися концами, четырехугольных в сечении (3, 5). На обеих руках — бронзовые спиральные перстни (1, 2). В ногах слева, у края западной части могилы положена вторая нагрудная бляха — круглая бронзовая с накладными полосами, украшенными мелкими «жемчужинами» (20).

Яма 138. Яма (2×0,5 м), ориентированная с севера на юг, отличалась своим заполнением, состоявшим из перекопанной мягкой углистой земли. Находок нет, костяка не сохранилось. Вокруг ямы несколько ямок от кольев оградки (диаметр 8 см, глубина 10 см).

Яма 138а. Могильная яма с таким же заполнением, как у 138. Видимо, ямы 138 и 138а — могилы, раскопанные в 1920 г. П. П. Ефименко.

Погребение 139. В заполнении ямы (1,8×1 м), ориентированной с северо-запада на юго-восток, встречались угольки. На глубине 1,25 м собран могильный инвентарь. Костей нет. В восточной части могилы у южной стенки лежал горшок (1). У северной стенки на том же уровне — дротик (4) и ланцетовидное копье (3). Между ними — две бронзовые сюльгамы (2, 5). Ниже был разложен незастегнутый пояс (6), состоящий из вычурно вырезанных прямоугольных пластинок, каждая из которых крепилась к ремню двумя штифтами. Поясная пряжка — крупная бронзовая с изогнутым язычком и длинным приемником, украшенным орнаментом в виде кружочков и заштрихованных треугольников. Справа от пояса — поясной наконечник из круглых бронзовых бляшек, видимо укрепленных на ремне (6а). На правой руке был надет серебряный бронзовый браслет с расширяющимися концами, четырехугольный в сечении (7). Под парадным поясом лежал другой — пояс-ремень с бронзовой пряжкой с круглым приемником (8). К нему, вероятно, был подвешен железный нож (9), найденный в обломках и слегка шлакированный. Вблизи правой ноги лежал кельт (10), а под ним — две маленькие серебряные пряжки с изогнутым язычком (11, 12). У западной стенки могилы — железная пряжка, оплывшая от огня, шлакированная (13).

Погребение 140. В заполнении ямы (2,4×0,6 м), ориентированной с запада на восток, встречены угольки. На глубине 0,6 м расчищено захоронение. Костяк не сохранился. Почти в центре ямы найдена железная поясная пряжка в обломках (6). К поясу был подвешен небольшой железный нож с прямой спинкой (5), рядом — кельт (4). Кельт был обложен со всех сторон деревом (возможно, футляр?). Выше пояса на 40 см, на груди справа — бронзовая с утолщением в центре литая железная пряжка с железной иглой (7). В ногах в западной части могилы вплотную к северной стенке положены дротик (2), ланцетовидное копье (3) и рядом с ними — горшок (1).

Погребение 141. В могильной яме (1,1×0,54 м) глубиной 0,5 м, ориентированной по линии запад—восток, костей не сохранилось. В центре ямы разбросаны бусы — красные пастовые средней величины и палочковидные позолоченные стеклянные (3). Справа — один бронзовый браслет из круглой проволоки с уплощенными концами, орнаментированными прямыми полосками и крестиками (1). Слева — два подобных же браслета (2, 2а).

Погребение 142. В могиле (1,2×0,46 м) глубиной 0,8 м, ориентированной по линии юго-восток — северо-запад, сохранились черепной тлен и несколько зубов. Сверху череп был покрыт кожаной полоской с продолговатыми серебряными пластинками; каждая из них была украшена тремя выпуклыми кругами-«жемчужинами». На лобной части черепа лежала маленькая серебряная пряжка-застежка с утолщением в центре и загнутым язычком (1). Кожаная полоска была пристегнута слева двумя сюльгамами (2, 3) к головному платку, который не сохранился, но, без сомнения, когда-то существовал. Справа — бронзовый браслет (4). В области таза (чуть ниже браслета) — железный нож (5).

Погребение 143. В заполнении ямы (2,06×0,72 м) глубиной 1,2 м, ориентированной по линии юго-восток — северо-запад встречены угольки. На глубине 0,75 м от дневной поверхности в восточной части могилы найдены обломки керамики. Костяк не сохранился. Но судя по положению вещей, он был ориентирован головой на восток. На дне могилы найдено несколько пастовых бусин. В 30 см к востоку от края могилы сохранилась ямка от столбика (диаметр 8 см, глубина 8 см).

Погребение 144. В пределах могильной ямы (2,4×0,9 м) глубиной 0,8 м, ориентированной с юго-востока на северо-запад, контуры которой были не очень четкими, земля сильно обожжена и насыщена угольками и пеплом. Расположение вещей — небольшими скоплениями и по всему дну могилы — свидетельствует о том, что их поместили в яму после совершения кремации. В центре могилы лежали только мужские вещи; в восточной ее половине — только женские. Видимо, в этой могиле находятся остатки двух трупосожжений — мужчины и женщины. Обломки обожженной керамики обнаружены по всей площади ямы. В центральном скоплении вещей рядом с точилом (1) лежал согнутый проволочный браслет с уплощенными концами (2). Вблизи от него — серебряная сюльгама с длинными «усиками», иглой и ромбическим приемником (3). В «усики» вложены тростниковые палочки. Неподалеку лежали обгоревшая железная пряжка (4) и две шумящие бронзовые подвески с колокольчиками (5). У южной стены ямы — проволочный браслет (6), несколько пастовых красных бусин и железный нож с прямой спинкой (7).

Погребение 145. Могильная яма (2,2×0,7 м) глубиной 1,3 м ориентирована с юго-востока на северо-запад. В заполнении имеются угольки. В восточной ее части у северной стенки — черный тлен. Сохранились также обломки длинных костей ног. Судя по костям, погребенный лежал головой на восток. Под черепом — две небольшие бронзовые сюльгамы в обломках (1, 2). У костей ног близ северной стенки могилы обнаружен обломок железного ножа (3).

Погребение 146. На дне ямы (2,7×0,8 м), ориентированной по линии северо-запад—юго-восток, на глубине 1,6 м находились черепной тлен и длинные кости ног. В ногах в северо-западной части ямы обнаружен горшок (1). Рядом лежали дротик (2) и лавролистный плоский в сечении наконечник копья (3). В восточной части могилы (вероятно, на плече погребенного) — бронзовая сюльгама (14). Немного выше пояса — бронзовая сюльгама (13) и овальная железная пряжка (12), ниже пояса — овальная железная пряжка (11). К поясу был подвешен железный нож с прямой спинкой (9). На обеих руках — бронзовые круглопроволочные браслеты с уплощенными концами (8, 10). На пальцах — многоспиральные кольца (6, 7). Под правой рукой обнаружены крупная сюльгама (5) и железный кельт (4).

Погребение 147. В яме (2,1×0,97 м), ориентированной с северо-запада на юго-восток, на глубине 1 м расчищено детское захоронение. Костяк не сохранился. Все вещи лежали на слое луба. В юго-восточной стороне ямы обнаружены едва заметные остатки от двух накосников — бронзовые витушки (4, 7). На конце левого накосника сохранилось несколько колокольчиков, свернутых из бронзового листа. Между ними — железная подовальная пряжка (3). У правой руки — бронзовый перстень-кольцо (2). Выше перстня — бронзовый браслет из круглой проволоки, концы которого уплощены и орнаментированы нарезкой и крестиками (1). Слева на том же уровне —

браслет поменьше (5). Выше черепа найдена бронзовая сюльгама, видимо от головного платка (6).

Погребение 148. В яме (0,9×0,5 м), ориентированной с юго-востока на северо-запад, на глубине 0,9 м раскопано детское захоронение. Сохранился черепной тлен, вокруг которого рассыпаны красные пастовые бусы средних размеров (3). Под черепом — браслетообразное височное кольцо с едва разомкнутыми концами (2). На груди — круглая полуразвалившаяся бронзовая бляха с крышечкой (1). Выше черепа справа, у самого края могилы находился обломок железного ножа (4). По всей вероятности, покойник лежал головой на юго-восток.

Погребение 149. В заполнении ямы (1,7×0,6 м), ориентированной с юго-востока на северо-запад, встречены угольки. Погребенный лежал головой на юго-восток. От костяка сохранился лишь череп. Ниже находятся остатки двух нагрудных ожерелий. Одно составлено из красных пастовых бус, расположенных в следующей очередности: три бусины, бронзовая пронизка, одна бусина, бронзовая пронизка и т. д. (11). Другое ожерелье составлено из бронзовых витушек, пастовой бусины и шумящей подвески с двумя колокольчиками (13). Сохранилась обшивка ворота рубахи — плоские трапециевидные бронзовые подвески (12). Справа и слева от черепа лежали височные ажурные шумящие подвески с четырьмя колокольчиками (14, 15). Слева у ворота — две небольшие бронзовые сюльгамы (9, 10), которыми, вероятно, закалывали рубаху. На груди прослеживаются нашитые прямо на рубаху крупные колокольчики с узкой и длинной шейкой (8). На груди в центре — круглая бронзовая бляха с перекрещивающимися накладными полосами (6). Под ней — бронзовая сюльгама (7). На руках — бронзовые браслеты из круглой проволоки, орнаментированные по всей плоскости насечкой (3, 4). На пальцах левой руки — два спиральных перстня, сделанных из бронзовой гранчатой проволоки (1, 2); на правой руке — один перстень (5). После доследования погребения под нагрудными ожерельями и под позвонками были обнаружены остатки шерстяной ткани — край платка с бахромой. По всей вероятности, это фрагменты подголовника.

Погребение 150. В яме (3,1×1,1 м), ориентированной с юго-востока на северо-запад, на глубине 1,35 м найден инвентарь женского погребения. Костяк не сохранился. В центре могилы рассыпано множество бус — красных пастовых средней величины и стеклянных позолоченных (6). Рядом с ними с левой стороны — железный нож с прямой спинкой (5). Справа, выше ожерелья — небольшое железное шильце (7).

В головах лежали две серебряные шумящие височные подвески, каждая из которых оканчивается двумя колокольчиками (8, 9). На руках — бронзовый перстень, свернутый из гранчатой проволоки (4). В северо-западной части ямы сохранилось украшение обуви (2, 3): четыре ряда бронзовых витушек, нанизанных на кожаные ремешки, лежали перпендикулярно к таким же четырехрядным пронизкам. По всей вероятности, они украшали носок поршня. Между ними в центре обнаружено глиняное пряслице (1).

Яма 151. Круглая яма с углистым заполнением без всяких находок.

Погребение 152. В яме (контуры которой удалось проследить лишь частично) на глубине 0,4 м обнаружена челюсть, под ней — два ряда бронзовых нагрудных украшений, ожерелье из крупных грушевидной формы красных пастовых бус (1), ожерелье из двойных шумящих подвесок с колокольчиками, разъединенных двумя бусинками (2). В центре ожерелья висела раковина каури (3).

Погребение 153. В могильной яме (2,4×0,8 м) глубиной 1,3 м, ориентированной с запада на восток, костяк не сохранился. По расположению вещей показывает, что голова погребенного находилась в восточной части могилы. На груди слева лежала бронзовая сюльгама с «усиками» (9). Справа, чуть ниже — круглая железная пряжка (8). Там, где находился пояс, — железная пряжка (7). Здесь же чуть ниже — железный нож с прямой спинкой (6), который был подвешен к поясу, и небольшая овальная железная пряжка с загнутым хоботовидным язычком (5). Вероятно, с ее помощью нож крепился к поясу. Здесь же лезвием к ноге лежал кельт (4). В ногах был помещен горшок (1). Справа у стенки лежали дротик (3) и пламевидный наконечник копья (2).

Погребение 154. Погребение находилось в яме (2,4×0,9 м) глубиной 1,1 м, ориентированной с запада на восток. Всю яму оконтуривала с южной стороны небольшая оградка из кольев (диаметр ямок 10 см, глубина 6 см). Вещи были закрыты сверху лубом. Под лубом в тех местах, где лежали бронзовые украшения, прослеживалась ткань. В восточной части ямы, почти по центру, лежала бронзовая гривна, сделанная из круглой проволоки, утолщающейся в центральной части гривны (3). Внутри нее

лежали остатки ожерелья — красные пастовые бусы средней величины (5). По бокам, справа и слева — плоские трапециевидные подвески от второго ожерелья (?) (4). На руке внизу — бронзовый браслет с уплощенными концами (2), а рядом — небольшой железный нож (1) и узкие бронзовые витушки (1а) от обшивки одежды (?).

Яма 155. Могильная яма (2,1×0,8 м) глубиной 0,9 м ориентирована с запада на восток. Заполнение ямы — черная рыхлая земля, перемешанная с материковой глиной. Со всех сторон яма была ограждена колышками (диаметр ямок 10 см, глубина 6 см). Никаких находок нет.

Погребение 156. В заполнении ямы (2,4×0,8 м) глубиной 0,9 м, ориентированной по линии запад—восток, встречены угольки. Сохранился череп. Рядом с ним, немного вправо, лежала круглопроволочная гривна, концы которой обмотаны бронзовой проволокой, застежка — крючок (11).

Погребение 157. В яме (2,8×0,7 м) на глубине 1,2 м расчищено женское захоронение. Погребенная лежала головой на юго-восток. Вещи были прикрыты лубом, кое-где под ним уцелела ткань. Кости не сохранились, только в юго-восточном углу удалось расчистить черепной тлен. Вокруг него были рассыпаны крупные пастовые бусы (15). Головной венчик состоял из трапециевидных подвесок (14). На затылке его закалывали бронзовой сюльгамой, концы которой были закручены в «усики» (10). Над черепом лежали еще две небольшие бронзовые сюльгамы, которые, вероятно, закрепляли концы головного платка (11 и 12). С обеих сторон черепа лежали серебряные шумящие подвески (3 и 13а). На руках покойной были бронзовые круглопроволочные браслеты с уплощенными концами: два — на правой руке (4 и 5), один — на левой (7). На правой руке еще было два спиральных перстня (6 и 6а), на левой — один (8). На поясе — крупная бронзовая сюльгама с «усиками» (9). Сохранилась обшивка подола рубахи, состоящая из колокольчиков, свернутых из листовой бронзы (2). Справа у подола лежал нож (1). Над ножом — бронзовая сюльгама с «усиками» (3). Вероятно, с ее помощью нож крепился к платью. Под украшением подола сохранилась шерстяная ткань крупнорядного плетения.

Погребение 158. Это мужское погребение расчищено в яме (2,1×0,7 м) на глубине 1,3 м. Умерший был положен головой на восток. В засыпке могилы встречены угольки. Кости не сохранились. В восточном углу могилы у стенки лежали рядом листовидный наконечник копья (3) и дротик (4). В центре могилы — железный нож (5), рядом с ним кельт (1), железная пряжка (2).

Погребение 159. В яме (2,4×0,9 м), ориентированной с запада на восток, на глубине 1,1 м расчищены остатки захоронения. Кости не сохранились. В восточной части могилы обнаружен железный тлен от неизвестного предмета (1). Рядом с ним — небольшой столбик, врытый в материк на 6 см.

Погребение 160. Размеры могильной ямы 2,4×0,8 м, глубина захоронения 1 м. В заполнении ямы встречены угольки. Сохранился череп (на восток). Рядом с ним лежала серебряная шумящая подвеска с колокольчиками (1). Выше над черепом — железная пряжка (2).

Яма 161. В яме (2,16×0,7 м) глубиной 1 м, ориентированной по линии запад—восток, не встречено ни костей, ни вещей. На разных уровнях обнаружена только керамика.

Погребение 162. Яма (2,2×0,3 м) глубиной 1,2 м ориентирована по линии запад — восток. Над погребением обнаружено большое кострище (диаметр свыше 0,5 м). Оно начиналось на глубине 30 см от уровня древнего горизонта. Костяк почти не сохранился. Там, где должен был находиться череп, справа лежала одна серебряная височная шумящая подвеска с четырьмя колокольчиками (7). Рядом — ожерелье из крупных красных пастовых бус (6). Слева — накосник из четырех крупных бронзовых колокольчиков, подвешенных на бронзовых витушках (8). Слева же, немного выше, прослеживаются остатки головного венчика из плоских трапециевидных бронзовых подвесок (9). На уровне колен было помещено несколько таких же плоских трапециевидных подвесок — по-видимому, украшение подола рубахи (5). На правой руке был надет бронзовый браслет из круглой проволоки с уплощенными концами (4). Сохранились украшения поршней — прямоугольные бронзовые обоймицы с пряжками (1, 2). В ногах лежало маленькое железное шильце (3).

Мыс 3

Всего за два года раскопок (1967—1968) было вскрыто пять погребений [5].

Погребение 58. На глубине 60 см выявились контуры могильной ямы (2,2×0,7 м), ориентированной по линии северо-восток—юго-запад. Вещи были расчищены на глубине 1,25 м. Никаких костей не обнаружено. В юго-западном углу в головах стоял толстостенный горшок из желтой глины (в тесте примесь шамота) с нарезкой по венчику (1), слева под ним — массивный железный кельт (2), а еще ниже слева, в непосредственной близости от западной стенки ямы — железный меч (5). Рядом лежала круглая железная пряжка (3), которой меч, видимо, крепился к поясу. На том же уровне лежала другая бронзовая пряжка с круглым приемником (4).

Погребение 66. В заполнении ямы (1,94×0,68 м), ориентированной с запада на восток, после снятия дерна на глубине 20 см были найдены лошадиная челюсть и фрагмент керамики с рогожным орнаментом. Еще ниже, на глубине 40 см, едва различимы контуры ямы, которая оканчивалась на глубине 0,6 м. Сохранились лишь длинные кости ног. В западной части могилы найден горшок (1), чуть выше — железная овальная пряжка (2). Возле северной стенки — обломок круглой железной пряжки (3), ниже — бронзовая сюльгама (5). У правой ноги положен острием к стенке проушный топор (4). В восточной части могилы в головах — железный нож с горбатой спинкой (6), железная пряжка (7) и железное шило (8).

Погребение 97. В могиле (1,46×0,66 м), ориентированной с запада на восток, на глубине 0,9 м расчищено погребение. Кости почти не сохранились. Вещи сложены двумя кучками. В засыпке немного угля, но следов кострища нет. В западной части ямы сложены бронзовые спиральные перстни (1, 4) и пластинчатое орнаментированное насечкой кольцо (2). Сохранился пояс — кожа и бронзовая поясная пряжка с железным язычком и маленьким круглым приемником (3) — и вместе с ним обломок прямолезвийного железного ножа (5), а рядом — кремень (66). Видимо, эти вещи были подвешены к поясу слева. В центре ямы — железная овальная пряжка (7). Вблизи южной стены — небольшая бронзовая арбалетовидная фибула, ножка обернута железной проволокой (8). В восточной части могилы — бронзовая сюльгама (10), листовидное копье (11) и кельт (9). Это мужское захоронение. Видимо, покойник лежал в скорченном положении на левом боку, головой на восток.

Погребения 98 и 99 обнаружены в одной яме: погребение 98 — мужчины, погребение 99 — женщины. Размеры ямы 2,72×0,76 м, погребение (верхнее) мужчины от нижнего отделяет небольшая (14 см) прослойка материковой глины. При расчистке этой погребальной ямы на глубине 50 см зафиксировано в центре небольшое углистое пятно (мощность 20 см). Могила ориентирована с северо-востока на юго-запад (отклонение к северу от линии запад — восток). Костяки не сохранились, найден только один череп, но судя по вещам, оба умерших были ориентированы головами на северо-восток.

Погребение 98. В северо-восточной части могилы лежали острием к стенке могилы ланцетовидное копье (1) и круглая железная пряжка (2). На поясе — нож с горбатой спинкой (3) и рядом — овальная железная пряжка (4).

Погребение 99. В западной части могильной ямы вблизи стенки найден горшок (5). В восточной части ямы расчищен череп. Над ним находились бронзовая сюльгама (6) и обломки бронзовой круглой бляхи, орнаментированной концентрическими полосами (7). Под черепом — ожерелье из позолоченных стеклянных четковидных, цилиндрических пастовых красных и синих стеклянных бус (8), а также плоская бронзовая гривна-дрот (9). В центре ожерелья — плоская круглая синяя пастовая бусина-амулет и две крупные белые стеклянные бусины (8, 10). На каждой руке — широкие прямоугольные пластинчатые браслеты (11—14). На пояс — железный нож в обломках (15), плоская небольшая бронзовая сюльгама с насечками (17) и крупная бусина (16).

Мыс 4

Работы на мысе 4 велись с 1967—1969 гг., вскрыто 16 погребений [6]. Почти все покойники (за исключением погребенных в могилах 40 и 163) ориентированы головами на север и северо-запад.

[5] В 1967 г. раскопано одно погребение (58), в 1968 г. — четыре (66, 97—99).

[6] В 1967 г. раскопано 4 погребения (25, 40, 55 и 57); в 1968 г. — 11 погребений (59—65, 67—70); в 1969 г. — 1 погребение (163).

Погребение 25. Погребение разрушено, и границы могильной ямы определить не удалось. На глубине 0,6 м найдены череп, ребра и остатки позвоночника. На черепе лежал головной венчик, состоящий из двух рядов бронзовых витушек, скрепленных обоймицами; справа и слева к бронзовым витушкам подвешены плоские трапециевидные бронзовые подвески (4). Немного выше лежала бронзовая сюльгама с едва намечающимися «усиками» на концах (5). На висках — шумящие бутыльчатые биллоновые подвески (7, 8). На шее — бронзовая гривна-дрот с напускными бусинами на концах и замком в крупную петлю (2), ниже — ожерелье из бронзовых витушек, к которым подвешены двойные бутыльчатые подвески, чередующиеся с парными красными пастовыми бусами (3). В центре могилы — нагрудная круглая бронзовая бляха с шестигранной крышечкой (1), под которой лежали шлакированная красная паста и обломки нескольких человеческих зубов. Справа от бляхи — перстень (6).

В западной части мыса 4 за погребением 25 с глубины 40 см от современной дневной поверхности четко обозначились следы канавы шириной 28 см, которая проходила по западной части траншеи. Ее заполнение — углистая земля без находок. На глубине 90 см показалось дно. Видимо, она оконтуривала погребальную площадку мыса.

Погребение 40. Яма (2,2×0,8 м) ориентирована с юго-востока на северо-запад. На глубине 0,8 м найдено погребение. Костяк очень хорошо сохранился. Покойник был положен головой на юго-восток. На лицевой части черепа лежал массивный железный наконечник копья с короткой втулкой (2), под подбородком — железный кельт (1). Слева на груди — бронзовая сюльгама (3), в ногах — толстостенный горшок из светло-желтой глины (в тесте примесь шамота) с едва профилированными боками (4).

Погребение 55. Могильная яма (2,2×0,74 м) ориентирована с севера на юг. На глубине 1,15 м расчищено захоронение мужчины, обращенного головой на север. В северной части могилы у самой стенки лежали наконечник дротика (1) и длинное железное копье (2), удила (3), две круглые железные пряжки без язычков (9, 9а). Череп находился ниже этих предметов — вблизи восточной стенки ямы. Под челюстью найдена проволочная бронзовая гривна с замком в крючок (5). На груди в центре — бронзовая сюльгама (4) и чуть ниже — массивная Т-образная фибула «рязанского» типа с шишечками по бокам (6). На поясе — овальная небольшая железная пряжечка (8), слева к поясу был подвешен нож (7).

Погребение 57. В яме (2,02×0,54 м), ориентированной по линии север—юг с небольшим отклонением к западу, на глубине 1,5 м найдены череп и кости грудной клетки. Погребенная была обернута тканью и лубом. Множество мелких красных пастовых, синих и зеленых стеклянных бус (13) было рассыпано вокруг черепа и на груди. Справа и слева на черепе — бронзовые височные шумящие подвески (10, 11), а под ним — накосник весьма любопытной конструкции (14). Он пристегивался к волосам на затылке двумя пряжечками (14). От затылка справа и слева отходили две полоски парных бронзовых витушек, перехваченных в нескольких местах обоймицами. Они как бы охватывали косу с двух сторон, причем с внешней стороны на уровне груди, симметрично на правом и левом накоснике, было укреплено по одной пятилепестковой бронзовой розетке. Слева бронзовые шнурки свободно болтались. На правой стороне накосник заканчивался четырьмя крупными литыми бронзовыми колокольчиками (3). С внутренней стороны эта бронзовая «лента» не имела никаких украшений. Такой двойной накосник закрывал целиком волосы. (Несколькими столетиями позже в этих местах его сменила дулокерь — бронзовые спиральные жгуты, в которые запеленывали косу). На шее была бронзовая гривна с замком в виде круглой серебряной коробочки (8), в которой находилось легкое белое пробкообразное вещество (такие «коробочки» обнаружены в раскопках 1967 г. на мысах 1 и 2). Под гривной — изящное нагрудное ожерелье из ряда бронзовых витушек, чередующихся с красными пастовыми бусинами и двойными колокольчиками (9), и слева — сюльгама (7). На груди в центре лежала бронзовая круглая бляха с шестигранной крышечкой (4); под ней — бронзовая поясная пряжка (12) и сюльгамы (5, 6). На фалангах пальцев — по два спиральных перстня (15, 15а, 1, 1а). На правой руке — бронзовый проволочный браслет со стилизованными головками змей на концах (2).

Погребение 59. Следов ямы нет. Череп ориентирован на север с отклонением 10° к востоку. Слева на черепе — бронзовое проволочное височное колечко с заходящими концами (1). Глубина захоронения 0,2 м.

Погребение 60. В яме (1×0,5 м), ориентированной по линии запад—восток, на глубине 0,65 м расчищено женское захоронение. Сохранность костей плохая.

Справа и слева от черепа — бронзовые разомкнутые проволочные височные колечки (6а, 6б). Под черепом — ожерелье (5) из проволочных витушек, в центре которого пятилопастная подвеска, орнаментированная «веревочкой». Слева оно заканчивается пятилопастной подвеской, рядом с ней — замок-застежка в виде двух овальных выпуклых бляшек, спаренных между собой проволоками. Под подбородком — плоская бронзовая сюльгама (4). В западной части могилы (в ногах) были положены железный нож с прямой спинкой (1), глиняное пряслице (2) и бронзовый проволочный браслет, концы которого украшены стилизованными головками животных (3).

Погребение 61. Лишь на глубине 0,5 м выявились четкие контуры ямы (1,92×0,66 м), ориентированной по линии север—юг (10° к востоку). Судя по плохо сохранившимся костям черепа и длинным костям ног, покойник лежал на правом боку, головой на север. Под челюстью — бронзовая плоская сюльгама (1), немного ниже — кельт (2) и еще одна сюльгама (3), на поясе — железная удлиненная пряжка (4) и обломок ножа (5). В ногах — горшок. Глубина захоронения 72 см.

Погребение 62. В яме (1,5×0,68 м), ориентированной по линии север — юг, погребение находилось на глубине 46 см. Сохранился черепной тлен (к северу). Справа и слева на нем лежали браслетообразные проволочные височные кольца с разомкнутыми концами (1, 3). Под черепом — ожерелье, составленное из чередующихся бронзовых витушек и шести средних и мелких красных пастовых бус (2).

Погребение 63. Очертания могилы (2,08×0,68 м), ориентированной с северо-востока на юго-запад, выявлены на глубине 63 см. На глубине 1,43 м найден могильный инвентарь. Судя по положению вещей (костей нет), погребенный лежал головой на северо-восток (30° к востоку от линии север—юг). В северо-восточной части ямы, почти по центру лежал листовидный наконечник копья, немного оплавившийся от огня (1). Слева от него, немного ниже — обломок полурассыпавшейся бронзовой сюльгамы (5). На предполагаемом поясе — длинный нож, немного оплавленный (2), железная поясная пряжка (3) и кремневый отщеп (4). В южной части могилы лежали горшок (7) и кельт (6).

Погребение 64. В могиле (2,36×0,62 м), ориентированной с северо-востока на юго-запад, на глубине 0,9 м, головой на северо-восток (15° к востоку от линии север—юг) расчищен череп. Под челюстью сохранилось нагрудное ожерелье из стеклянных позолоченных бус (5). Видимо, они были нашиты на ткань, которую местами удалось зафиксировать по темно-коричневому тлену. Этот нагрудник состоял из четырех рядов мелких позолоченных бус, идущих параллельными рядами. У центра было несколько наклонно пришитых рядов. Полоска ткани шириной 4 см была обшита более крупными бусинками. Справа и слева от черепа — накосники, состоящие из двух рядов бронзовых пронизок, заканчивающихся двумя крупными литыми колокольчиками (3, 4). Внизу у этих колокольчиков — соответственно по одной бронзовой сюльгаме (1, 2).

Погребение 65. В заполнении могилы (3,04×0,8 м), ориентированной с северо-востока на юго-запад, на глубине 1,25 м раскрыто женское захоронение. Умершая положена головой на северо-восток. Справа от сохранившегося черепного тлена — железный нож в деревянных ножнах (1). Вокруг рассыпано ожерелье из стеклянных позолоченных и красных пастовых бус (2). Ниже — ожерелье из бронзовых пронизок и четырех прорезных бронзовых колокольчиков (3) и круглопроволочная гривна (4). От круглой нагрудной бронзовой бляхи сохранилась лишь центральная часть: застежка и остатки плоскости с небольшими «жемчужинами» (5). Слева лежал пластинчатый бронзовый браслет (6), а справа на том же уровне — глиняное пряслице (7). В ногах лежала кожаная овальная сумочка (8). В ней были бронзовая бляха с восемью вычурными резными накладными гвоздиками-украшениями, между ними вся поверхность покрыта частой сеткой прочерченных полос. Под бляхой — сложенная в несколько раз головная шерстяная повязка, расшитая двумя параллельными рядами пронизок, между которыми цепь и зигзагообразный орнамент из полос-пронизок и нашивных маленьких выпуклых бляшек. К этой повязке были приколоты две сюльгамы.

Погребение 67. В могиле (2,1×0,64 м), ориентированной с севера на юг, на глубине 1,5 м головой на север была погребена женщина. Под черепом — круглопроволочная гривна с небольшим утолщением в центре, концы отогнуты (1). Под ней — ожерелье из двух нитей бронзовых витушек и пастовых бусин (2). Слева у головы — два браслетообразных височных кольца, концы этих колец уплощены и сделаны в виде змеиных головок, украшенных нарезной «елочкой» (3, 4). С правой стороны на груди —

три небольшие бронзовые сюльгамы (5—7). В центре — круглая бронзовая нагрудная бляха с шестигранной крышкой (8).

Погребение 68. В яме (1,66×0,7 м), ориентированной с северо-востока на юго-запад (15° к востоку от линии север—юг), на глубине 0,85 м расчищено детское захоронение. Умерший лежал головой на северо-восток. На черепе — венчик, состоящий из бронзовых пронизок и трапециевидных подвесок (1). Он оканчивается слева и справа двумя височными браслетообразными кольцами (3, 4). Рядом с правым виском лежала височная шумящая подвеска (1а). На груди — серповидная бронзовая гривна (2). В центре груди — небольшая нагрудная бляшка, украшенная «жемчужинами» (5). Вокруг черепа — россыпь пастовых рубленых бус — 152 штуки (6). Слева на груди — обломанная шумящая подвеска с двумя сломанными колокольчиками (7). На правой и левой руках — бронзовые проволочные браслеты (8, 9), концы которых расплющены в виде змеиных головок. Спиральный перстенек (10) — на правой руке и небольшая сюльгама (11) — слева.

Погребение 69. В заполнении могилы (2,48×0,7 м), ориентированной с севера на юг, встречаются угольки. На глубине 1,5 м находилось захоронение. Почти по центру на всю ширину ямы был разложен пояс, состоящий из бабочковидных накладок, уменьшающихся от центра к бокам. В центре — крупная массивная овальная пряжка с овальным приемником и гребенкообразная накладная пластинка, зубья которой обращены к бляшкам (7). Под поясом справа лежал нож с прямой спинкой (6). Немного ниже, видимо на пальце правой руки, — бронзовый спиральный перстень (5), слева — два проволочных браслета, круглых в сечении, концы которых уплощены и орнаментированы змеевидным орнаментом (8, 8а). Под браслетом — кельт (3) и сюльгама (4). В ногах лежали остриями к южной стенке могилы лавролистное копье (2) и дротик (1).

Яма 70. Яма (1,42×0,46 м), ориентированная с северо-востока на юго-запад, была углублена на 1,1 м. В яме не было найдено ни костей, ни тлена, ни одной вещи.

Погребение 163. Яма (2,8×0,8 м) глубиной 1 м ориентирована по линии север—юг. Сохранился только черепной тлен. Справа и слева от черепа лежали серебряные шумящие подвески с колокольчиками (9 и 9а), под черепом — ожерелье из двойных красных пастовых бус средней величины, чередующихся с бронзовыми витушками (10), и гладкая гривна из круглого бронзового дрота (8). На груди с правой стороны — круглая бронзовая нагрудная бляха с крышечкой (6). На том же уровне, только слева, лежал небольшой железный ножичек (7). На руках — бронзовые браслеты с уплощенными концами: на правой руке — один браслет (3), а на левой — два (4, 5). На каждой руке было надето по одному спиральному перстню из бронзовой гранчатой проволоки (1, 2).

Р. Л. Розенфельдт

Егорьевская коллекция рязанских вещей

В фондах Егорьевского районного краеведческого музея Московской области хранится коллекция находок со Старорязанского городища из сборов рязанских краеведов, купленная у них лет 60 тому назад основателем музея купцом Бардыгиным. В ней около 50 предметов. Значительный интерес представляют четыре железных наконечника копий (рис. 1, *1—4*). Два из них (рис. 1, *1*, *2*) по аналогиям можно датировать XI—XII вв. Длина наиболее крупного около 36 см. Это наконечники копий с плоским длинным пером без ребра, широко распространенного в древней Руси типа. Наконечник копья, изображенный на рис. 1, *3*, датируется XII—XIII вв. Перо его узкое граненое. Очевидно, к XIII—XIV вв. может быть отнесен наконечник копья, изображенный на рис. 1, *4*. У него плоское и относительно широкое перо без грани, низ украшен фигурными вырезами. Между ними и втулкой выделено яблоко. В коллекции есть и два наконечника дротиков (рис. 1, *5*, *6*). Происхождение этих предметов со Старорязанского городища сомнительно. Скорее всего они — из разрушенных погребений Шатрищенского могильника, расположенного за валами Старорязанского городища. Если верны сведения, что могильник частично заходит и на площадь древнерусского поселения в районе Новых Пронских ворот, то тогда они могут быть и из погребений под культурным слоем, возможно разрушенных заходящим на территорию города оврагом. Изделия этого рода известны из большинства окских и мордовских могильников с VII—VIII по X—XI вв.[1]

В коллекции широко представлены и железные наконечники стрел — 10 штук (рис. 1, *7—16*). Часть среди них бронебойные (рис. 1, *8—10*, *13*, *15*), одна — срезень (рис. 1, *16*). В коллекции есть два костяных наконечника стрел и одна заготовка костяного наконечника стрелы (рис. 2, *32*). Один из этих наконечников — славянский XI—XII вв. с трехгранным пером и плоским черешком (рис. 2, *23*). Другой — одношипный (рис. 2, *31*) и может происходить только с северного мыса Старорязанского городища, где есть слои раннего железного века. Стрела эта специального назначения — для стрельбы из лука по рыбе. Подобные найдены в большом числе на большинстве дьяковских, окских и городецких городищ, где

[1] *А. Е. Алихова*. Средне-Цнинская мордва. Саранск, 1969, табл. II, *6*.

они датируются временем от VI—V вв. до н. э. до II—III вв. н. э.[2] С рыболовством связаны два глиняных грузила цилиндрической и одно — яйцевидной формы (рис. 1, *1—3*). Это мелкие грузила от бредней XII—XIII вв. Они типичны для слоев этого времени и в других древнерусских городах, в том числе и Старой Рязани. Два железных крючка в Егорьевской коллекции (рис. 2, *4*, *5*) — от удочек. Они откованы из квадратного в сечении прута с жалом внизу и петлей наверху. С городища происходят и шесть кресал: два калачевидной формы, три — прорезных и одно — фигурное. Наиболее раннее среди них — XI в. — калачевидное кресало, изображенное на рис. 2, *26*. Более поздние три прорезных кресала — XII—XIII вв. (рис. 2, *18*, *21*, *25*). XIV—XV вв. датируется фигурное кресало в виде пластинки, над которой три крупных и пять мелких колечек. Подобные хорошо известны по находкам в Новгороде [3]. Очень любопытно калачевидное кресало, изображенное на рис. 2, *13*. Дата его XVIII в. Это одна из наиболее поздних разновидностей кресал такого типа.

В коллекции со Старорязанского городища есть несколько нательных крестов (рис. 2, *8—12*, *17*) и небольшой энколпион (рис. 2, *16*). Среди крестов один из наиболее ранних — пастовый (рис. 2, *9*). Он, по-видимому, датируется XI—XII вв. Остальные все — XIII в. Несколько необычен по материалу крестик из лазурита, изображенный на рис. 2, *8*. В коллекциях разных музеев нам известны только три креста из этого материала. Лазурит привозился на Русь из Средней Азии, по-видимому из Бадохшанского месторождения. Изделия из него — преимущественно кулоны — часто встречаются в половецких погребениях [4]. Известен еще один предмет — браслет из Белой Вежи славянского облика, концевые вставки которого были из лазурита. Старорязанский энколпион обычен. Он относится к XIII в., на нем — изображение креста, выполненное в технике черни.

К деталям упряжи могут быть отнесены два предмета: медная уздечная разделительная бляха-тройник (рис. 2, *30*) и бронзовая накладка декоративного характера (рис. 2, *24*), по-видимому от седла, с остатками растительного орнамента. Подобная, происходящая со Старорязанского городища, опубликована А. Л. Монгайтом [5].

В коллекции есть два железных ключа от внутренних замков очень сложной конструкции — двузасовных (рис. 2, *33*, *34*). Один штыревой, а другой — втульчатый. Оба они XII—XIII вв. К XI—XII вв. относится небольшой медный замочек-лошадка (рис. 2, *27*). Он происходит из Волжской Болгарии. Несколько сот их было найдено в Булгарах и Суваре. По-видимому, болгарского происхождения и медное однобусинное височное кольцо (рис. 1, *19*). По месту спайки половинок бусины напаяна

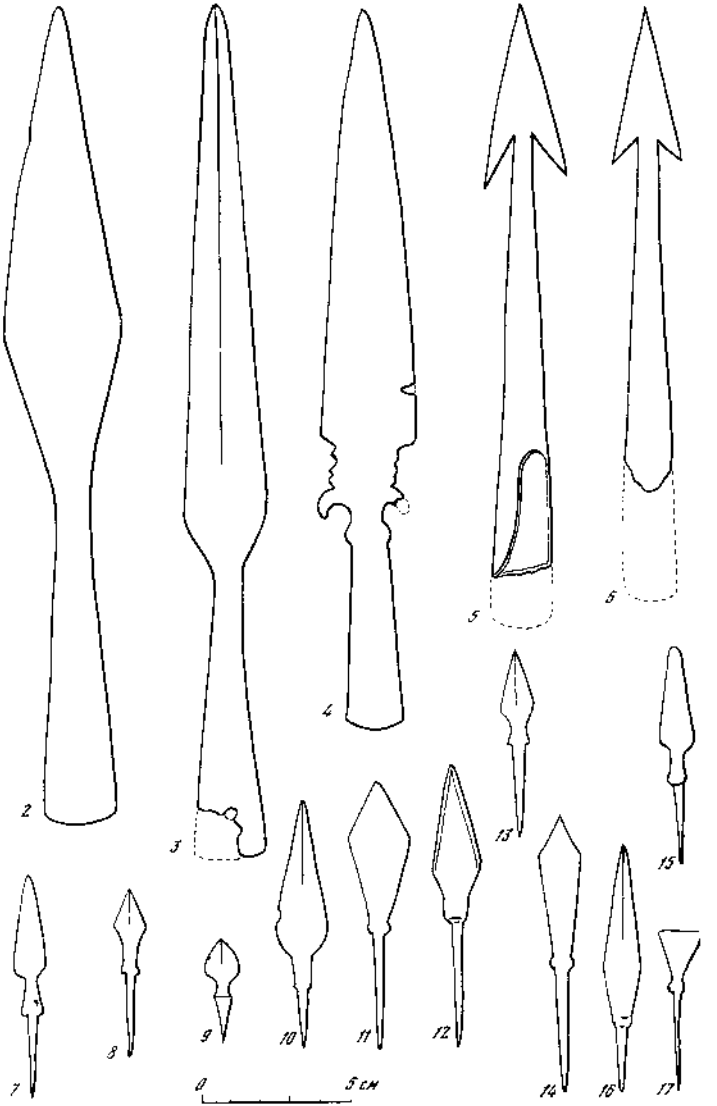
---

[2] *А. Ф. Дубынин, И. Г. Розенфельдт.* Раскопки Щербинского городища в Московской области в 1963 г. — КСИА, 107, 1966, рис. 39, *3*, *10*; *Р. Л. Розенфельдт.* Селище Певкин Бугор. — СА, 1968, № 3, стр. 226, рис. 1, *20*.

[3] *Б. А. Колчин.* Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого. — Труды Новгородской археологической экспедиции, т. II (МИА, № 65), 1959, стр. 104, рис. 87, *2*, *3*.

[4] *Т. И. Макарова.* Украшения и амулеты из лазурита у кочевников X—XI вв. Археологический сборник Эрмитажа, № 4, 1962, стр. 127—134.

[5] *А. Л. Монгайт.* Старая Рязань. — МИА, № 49, 1955, рис. 139, *13*.



из Егорьевской коллекции (1—17)

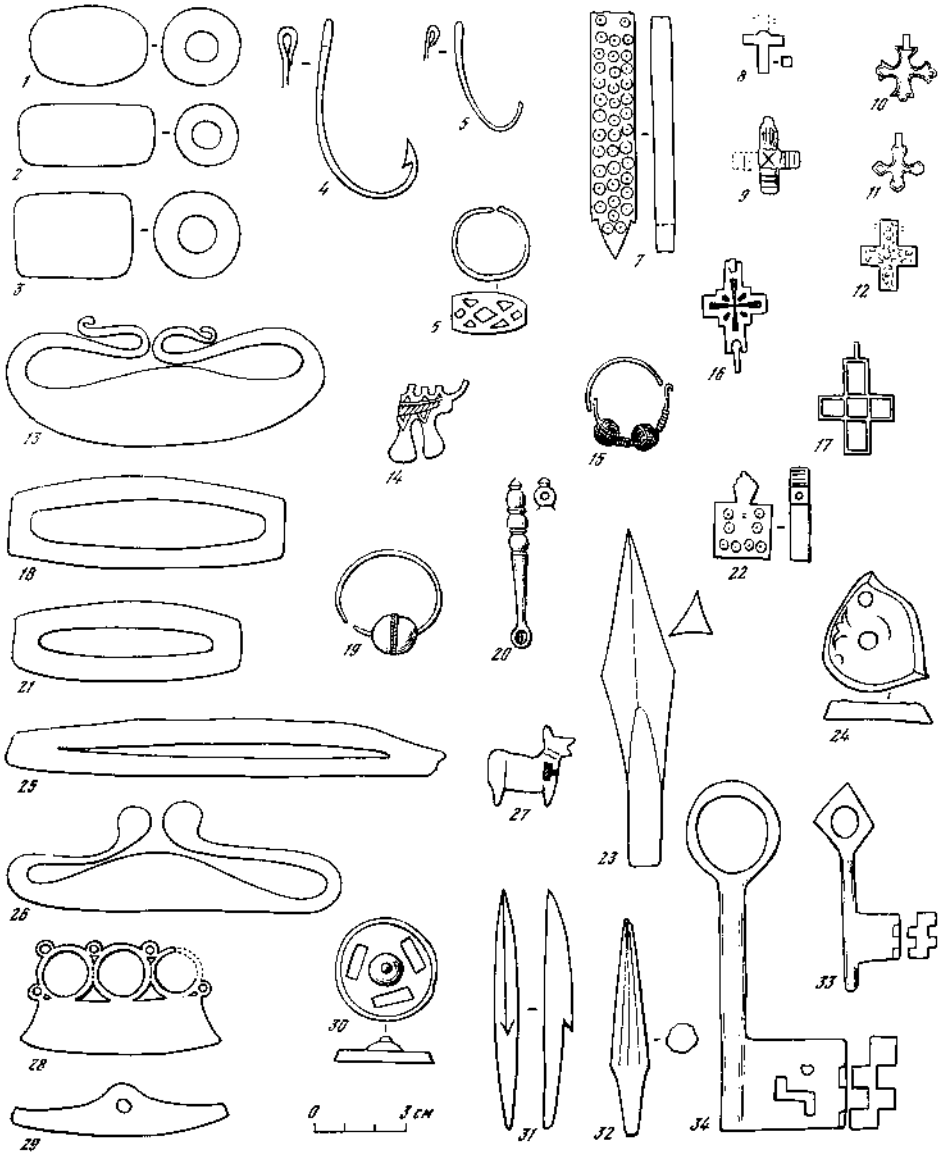


Рис. 2. Вещи из Егорьевской коллекции (1—34)

медная косичка. Среди украшений следует отметить обломок вятического височного семилопастного кольца с каплевидными лопастями (рис. 2, *14*), которое может быть датировано временем позже XI в., и обломки трехбусинного височного кольца киевского типа (рис. 2, *15*). Своеобразна роговая подвеска-кулон с циркульным орнаментом на лицевой стороне (рис. 2, *22*). Подвеска сходного типа и тоже с циркульным орнаментом встретилась в Старой Рязани при раскопках В. А. Городцова. Такая же костяная подвеска, но без орнамента, встречена и на Донецком городище [6]. Циркульным орнаментом покрыта и имеющаяся в коллекции костяная пластинка (рис. 2, *7*) — скол рукояти ножа. Еще один предмет из кости — миниатюрная конопушка, выточенная на токарном станке (рис. 2, *20*). Из кости сделан и относящийся к поясному набору небольшой якорек от ременной петли, на которую подвешивали нож, сумку (рис. 2, *29*). О вятической принадлежности населения Старорязанского городища напоминает и обломок пластинчатого решетчатого перстня (рис. 2, *6*), который скорее всего датируется XII—XIII вв.

[6] *В. А. Шрамко.* Древности Северского Донца. Харьков, 1962, рис. 145, *10*. Этот костяной предмет почему-то назван «антропоморфным точильным брусочком».

Е. И. Оятева

Обувь из раскопок Переяславля-Рязанского

В 1955—1957 гг. археологическая экспедиция Института археологии АН СССР и Рязанского областного краеведческого музея под руководством А. Л. Монгайта вела раскопки в кремле Переяславля-Рязанского (современный город Рязань) [1]. В культурном слое было найдено 110 фрагментов обуви, бо́льшая их часть относится к XIV—XVII вв. Обувь этого времени среди археологических находок представлена очень фрагментарно и мало изучена. Поэтому присланные Рязанской экспедицией в Государственный Эрмитаж фрагменты обуви из Переяславля-Рязанского не могут служить основой специального исследования. Учитывая все же безусловный интерес, который представляют найденные фрагменты, мы считаем нужным опубликовать результаты их определения и систематизации (табл.)

Наименование	Количество находок		
	1956 г.	1957 г.	общее
Обувь мягкой конструкции			
Подошвы второго вида	—	5	5
Задник	—	1	1
Обрывки верха	—	1	1
Итого	—	7	7
Обувь жесткой конструкции			
Подошвы			
Второго вида	12	2	14
Третьего вида	2	1	3
Головки			
Первого вида	20	6	26
Второго вида	4	4	8
Третьего вида	4	—	4
Неопределимые	3	—	3
Поднаряды			
Узкие	9	2	11
Широкие	7	2	9
Неопределимые	1	—	1
Задники	13	1	14
Голенища	7	3	10
Итого			103
Всего			110

[1] *А. Л. Монгайт.* Рязанская земля. М., 1961, стр. 168—189.

Обувь мягкой конструкции

Обувь мягкой конструкции представлена всего семью фрагментами — это несколько однослойных подошв без каких-либо признаков каблука. Одна подошва симметричная, наиболее архаического облика; остальные — выкроены с учетом правой и левой ноги. Плохо сохранились части заготовки верха, вероятно от детского башмачка. Кроме того, имеется задник с треугольным вырезом, в который, возможно, вшивалась удлиненная часть подошвы (первого вида). Все эти находки относятся к XII—XIII вв.

Обувь жесткой конструкции

Обувь жесткой конструкции преобладает — 103 фрагмента. Несмотря на плохую сохранность поверхности кожи, можно с известной долей вероятности сказать, что она изготовлена из «коровины», или «простяка». В нашем распоряжении только разрозненные детали, поэтому правильно будет давать характеристику по отдельным группам.

Подошвы. Среди 17 фрагментов вычленяются два вида кроя подошв, которые уже получили свое место в нашей типологической схеме. Подошвы второго вида кроя нормальной длины — с округлой пяткой и округлым или слегка заостренным носком. Подошвы третьего вида кроя имеют округлую пятку, но удлиненный носок. Головка прикреплялась к подошве в «подтай» и выворачивалась, а задник — прямым швом. Наличие равных крупных отверстий со следами ржавчины свидетельствует о применении гвоздей. Подошвы второго, и третьего видов под пяткой имели многослойные кожаные прокладки — внутренние широкие и низкие наборные каблуки.

Головки. Среди 41 фрагмента вычленяются три разновидности контуров края головок, особенно по носковой части (рис. 1; 2). Головки первого вида имеют треугольный вырез, в который вшивалась удлиненная носко-

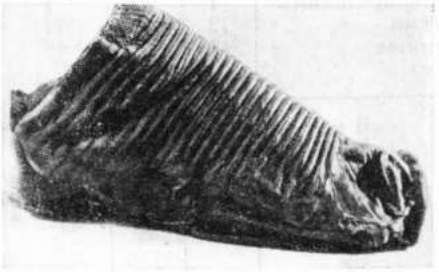


Рис. 1. Сапог II вида. Переяславль-Рязанский, раскопки 1957 г., раскоп 4

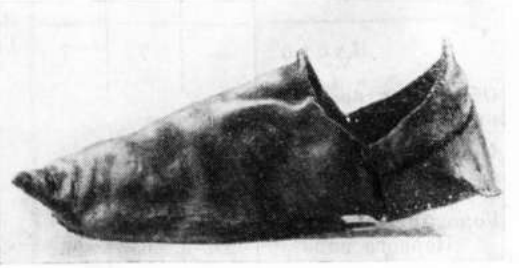


Рис. 2. Сапог III вида. Переяславль-Рязанский, раскопки 1956 г., раскоп 4

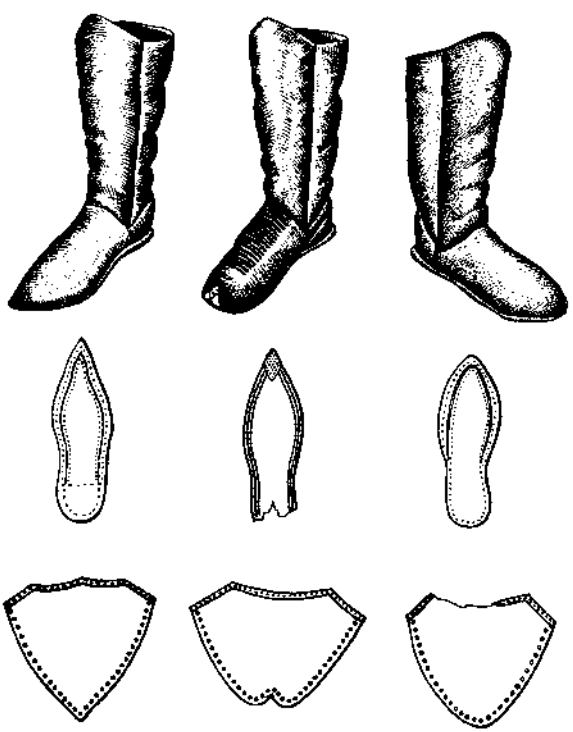


Рис. 3. Реконструкция сапог III, II и I видов, их подошвы и головки

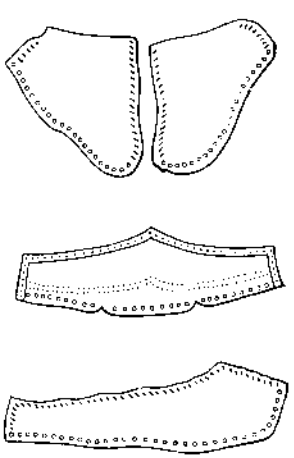


Рис. 4. Задник, поднаряд узкий и широкий

вая часть подошвы первого вида кроя (рис. 3). Головки второго вида имеют округлый носок, а головки третьего вида — остроугольный (рис. 3).

Поднаряды. Среди 21 фрагмента поднарядов — 20 от двучастных, но двух разновидностей: узкие и широкие. Широкие дублируют почти всю головку, а узкие—только ее контуры. Поднаряды нижним краем входили вместе с головками в основной шов, а по остальному периметру прикреплялись швом через край. Узкие и широкие поднаряды сосуществовали одновременно (рис. 4).

Задники. Среди 14 фрагментов широких трапециевидных форм деталей имеются наружные заготовки и внутренние прокладки задников. Сложная система внутренних многослойных кожаных прокладок иногда дополняется и берестяными. Подробную характеристику различных видов жестких задников по имеющимся находкам дать затруднительно (рис. 4).

Голенища. Среди 10 фрагментов лучше всего сохранились задние половинки двучастных голенищ. Глубокий треугольный вырез на голенище соответствует контурам верхнего края задников. Высота голенища 22—34 см. Верхний край, вероятнее всего, просто обрезали, так как следы обшивки отсутствуют.

Украшения. Своеобразное украшение обнаружено на носке подошвы, который был вшит в треугольный вырез головки. По всей вероятности,

это была ромбовидная пластинка, прикрепленная к коже 24 металлическими шпеньками, от которых сохранились только окислы.

Головки первого вида украшались тиснением — линейным или «елочкой». Техника тиснения различная: неглубоким линованием и выпуклой штамповкой.

На основании имеющихся материалов и аналогий [2] можно представить общий вид обуви, которую носило население Переяславля-Рязанского в XIV—XVII вв. (рис. 3). Было три типа сапог с длинными голенищами, но пока нельзя с полной уверенностью сказать, существовали ли эти три типа одновременно или постепенно сменяли друг друга.

[2] *Ю. И. Зыбин.* Древнерусская обувь XII—XVI вв. — Известия высших учебных заведений. Технология легкой промышленности, № 4 и 6. Киев, 1958; *С. А. Изюмова.* К истории кожевенного и сапожного ремесел Новгорода Великого. — Труды Новгородской археологической экспедиции, т. II (МИА, № 65), 1959; *Е. И. Оятева.* Обувь и другие кожаные изделия древнего Пскова. — АСГЭ, № 4, 1962.

В. А. Мальм, М. В. Фехнер

Археологические исследования древнего Пронска и городища на горе Гневне

Древнерусский город Пронск известен по летописным данным с XII в. Он был столицей Пронского княжества — одного из уделов Рязанской земли [1].

Город стоял на высоком мысе левого берега Прони близ впадения в нее реки Пралии, в 60 км к югу от Переяславля-Рязанского. Покровский бугор, или Покровская гора, как в настоящее время называют это место, находится в южной части современного поселка Пронска.

Расположение города на естественной возвышенности, господствующей в данной местности, было типичным для русских крепостей домонгольского времени. Крутые и обрывистые берега Прони и Пралии, ограничившие узкую и длинную площадку Пронского городища, делали его недоступным для врагов. Видимо, в конце XII — начале XIII в. Пронск имел деревянные укрепления — стены и башни с тремя воротами, которые возведены были на искусственной земляной насыпи. С напольной стороны он был огражден еще двойной линией валов и рвов [2]. Пронская крепость могла выдержать длительную осаду. Так, в 1207 г. после трехнедельной осады многочисленным суздальским войском он принужден был сдаться только из-за отсутствия воды — главного недостатка этой крепости [3].

Земляные укрепления древнего Пронска уничтожены давно. В настоящее время полностью оплыли рвы городища, и в результате оползней происходят систематическое разрушение Покровского бугра и вымывание культурного слоя. Памятник сильно пострадал и от проложенной в его западной части дороги, которая спускается от поселка к реке. На его поверхности видны следы многочисленных ям, траншей и котлованов. Однако на сохранившейся нетронутой площади городища, свободной от строений, все же оказалось возможным произвести небольшие раскопочные работы.

Интерес к Пронску как к объекту археологических исследований был проявлен еще в 70-х годах прошлого века, когда случайно местными

---

[1] ПСРЛ, т. I, стр. 109; т. VII, стр. 242, 244; т. IX, стр. 157.

[2] Следы земляных укреплений отмечены Н. П. Милоновым при раскопках. Внешние склоны вала и края рвов были покрыты каменными (из песчаника) плитами (*Н. П. Милонов.* Основные источники и приемы изучения истории сел и городов Рязанской области. Рязань, 1950, стр. 31).

[3] НСРЛ, т. I, стр. 182.

жителями «в отвале Покровской горы, через которую пролегает проезжая дорога, найден был клад, состоящий из 19 серебряных слитков и 7 золотых пластин» [4]. Позднее при исправлении дороги обнаружено несколько костяков, найдены обрывки шелковой ткани, железные наконечники стрел, обломки глиняной посуды, следы кирпичной кладки и т. д.[5]

Первые раскопки на городище были предприняты в конце XIX в. Затем археологические исследования проводились в 1925, 1928—1930 и 1947 гг. Н. П. Милоновым. Хотя они затронули сравнительно небольшую часть памятника, результаты проведенных работ оказались чрезвычайно интересными. Установлена стратиграфия памятника, вскрыты 11 жилищ, из которых шесть относятся, вероятно, к домонгольскому времени, обнаружены производственные сооружения — сыродутный горн, кузница — и следы деревянных укреплений города. Вещевой материал раскопок относится к XII—XVII вв. Среди находок сравнительно много предметов восточного импорта XII—XIV вв.[6]

Результаты раскопок в Пронске опубликованы Н. П. Милоновым только частично, а так как отчеты об этих полевых работах необычайно кратки и полевая документация сохранилась не полностью, то в ряде случаев не удается восстановить тип вскрытых им жилых и производственных комплексов. В связи с этим признано целесообразным продолжить исследование этого памятника, тем более что в ближайшие годы предполагается застройка его территории.

Настоящая статья посвящена результатам раскопочных работ, проводившихся на Пронском городище в 1969—1971 гг. При выборе мест для археологических работ на Покровском бугре учтен опубликованный план Пронского городища, на котором нанесены раскопы Н. П. Милонова [7].

В 1969—1971 гг. на памятнике вскрыта площадь в 358 кв. м (рис. 1). Толщина культурного слоя памятника составляла в среднем 140—160 см, а на некоторых участках доходила до 250 см. Его стратиграфия не отличалась четкостью. Почти на всех раскопах под дерном шел слой наносного светлого песка без находок; ниже залегал темно-серый суглинок, который местами был очень плотным, а местами, наоборот, имел рыхлую структуру. Он содержал значительное количество костей домашних животных и птиц, обломков глиняной посуды и различные вещи из железа, бронзы, стекла и кости времени с XII—XIII до XVII в. включительно.

---

[4] *С. Яхонтов.* Дело о старинном кладе, найденном в г. Пронске в 1872 г. — ТРУАК, т. X, вып. 1, 1895, стр. 30—34.

[5] *Н. П. Милонов.* Материалы к археологической карте Скопинского уезда Рязанской губернии. Рязань, 1928, стр. 15.

[6] *А. Л. Монгайт.* Рязанская земля. М., 1961, стр. 207—212; *Н. П. Милонов.* Материалы к археологической карте Скопинского уезда. . .; *Он же.* Славянские жилища по данным археологических раскопок Пронского городища. Рязань, 1931; *Он же.* К изучению археологических памятников и истории сел и городов на территории Рязанской области. Рязань, 1949; *Он же.* Основные источники и приемы изучения истории сел и городов Рязанской области. Рязань, 1950; *Он же.* Отчет об археологических разведках в 1947 г. по селищу на Гневне и наблюдениях в Пронске. — Архив ИА АН СССР, Р—1, д. 128.

[7] *А. Л. Монгайт.* Рязанская земля, стр. 210, рис. 88.

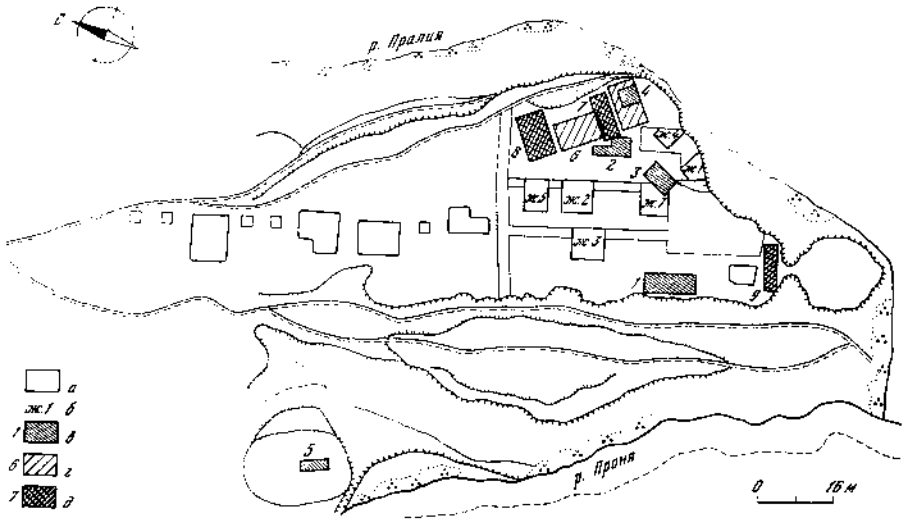


Рис. 1. План Пронского городища

а — раскопы 1927—1930 гг.; *б* — остатки древних жилищ; *в* — раскопы 1969 г., *г* — раскопы 1970 г. *д* — раскопы 1971 г.

В этом слое встречены также обломки рогожной керамики. В результате перекопов вещи городецкого времени и керамика курганного типа оказывались нередко выше фрагментов посуды XVII в. Начиная с глубины 100—120 см культурный слой становился более однородным по материалу. Он состоял из светло-серого рыхлого суглинка и был насыщен находками, относящимися преимущественно к XII в.

В раскопах восточной части городища нижний, предматериковый слой четко выделялся своей черной гумусированной окраской. Толщина его в отдельных местах достигала 30—60 см. Этот слой содержал исключительно вещи городецкого времени: обломки лепной рогожной и лощеной керамики, ручку чернолощеного сосуда в виде фигурки медведя, глиняные лощеные двускатные кольца, штамп из лосиной кости для нанесения орнамента на глиняную посуду, бронзовые человеческую фигурку и прямоугольную подвеску с эмалью, железную стрелу и костяную привеску треугольной формы с прорезным орнаментом (рис. 2). Этот материал подтверждает высказанное Н. П. Милоновым предположение, что Пронское городище с VII в. до н. э. по V—VI вв. н. э. было заселено племенами — носителями городецкой культуры. Спустя несколько веков это удобное для поселения место было занято славянами.

Таким образом, во время раскопок на Пронском городище выделились в основном два слоя, которые содержали остатки человеческой деятельности: один из них относится к городецкому времени, другой — датируется XII—XVII вв. В последнем на большинстве раскопов более ранние и более поздние наслоения стратиграфически не прослеживаются.

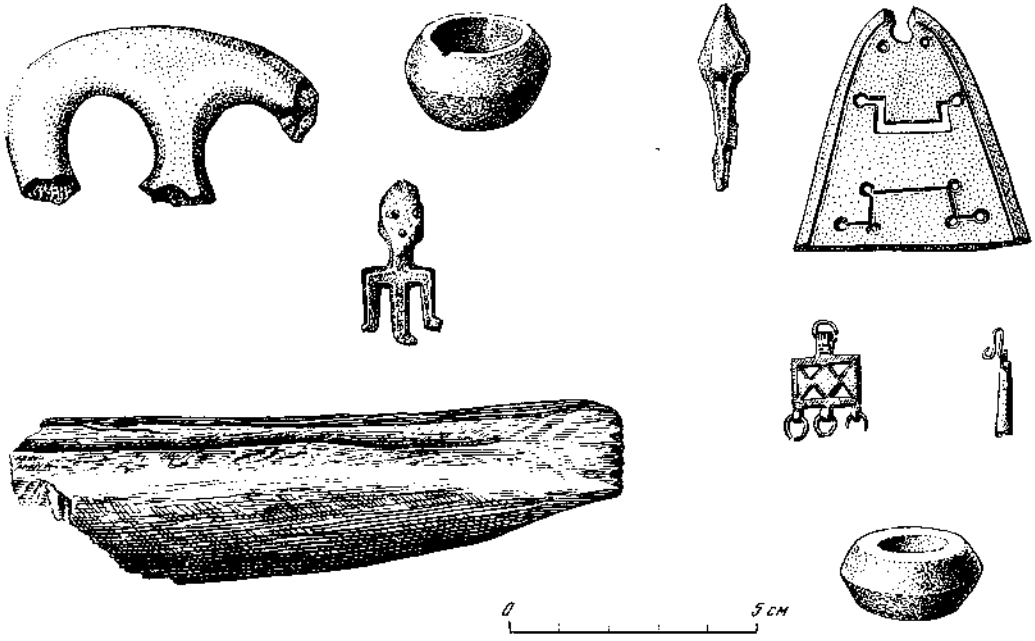


Рис. 2. Вещи из городецкого слоя Пронского городища

В восточной части городища в раскопках 1969—1971 гг. обнаружены остатки двух наземных деревянных жилищ и деревянной хозяйственной постройки, ставших жертвой пожара, следы сооружения производственного характера, развалы нескольких глинобитных и каменных очагов и ряд ям хозяйственного назначения.

Особый интерес представляет жилище на раскопе 4, которое расположено вблизи того места, где Н. П. Милонов открыл одну из построек домонгольского времени. Обуглепные бревна нижнего венца сруба, несколько углубленного в материк, найдены на глубине 140—170 см от современной поверхности. Сруб был квадратным в плане (3,9×3,9 м) и ориентирован с небольшим отклонением с севера на юг.

Бревенчатые стены этого дома толщиной 20—28 см для утепления были обмазаны глиной, как об этом свидетельствует тонкий слой обожженной глины, выявленный около северной и восточной стен. Следы глины поверх горелого слоя хорошо видны также на профиле обреза раскопа, к которому примыкала западная стена дома. Все внутреннее пространство жилища заполнено большим количеством угля и золы, фрагментами бревен от упавших стен и перекрытий, кусками глиняной обмазки. Вполне возможно, что и потолок дома имел глиняную обмазку. Здесь найдены еще остатки горелой соломы, видимо от крыши, как и в большинстве жилищ, открытых в Пронске Н. П. Милоновым [8].

[8] *Н. П. Милонов.* Славянские жилища. . ., стр. 19.

По углам дома и посредине его северной и южной стен находились ямы от столбов, поддерживавших кровлю. Пол сохранился лучше всего в юго-западной части дома. Он был дощатым — из плотно пригнанных друг к другу и сбитых гвоздями досок шириной около 20 см и толщиной 3 см.

Вход был расположен, очевидно, посредине южной стены дома, так как здесь найден железный дверной висячий замок цилиндрической формы. Он был заперт и продет через кольцо пробоя (рис. 3). Расположение входной двери в южной стороне дома типично для пронских жилых построек [9].

Печь не удалось реконструировать. Нельзя было даже точно установить место, которое она занимала в доме. Возможно, печь находилась справа от входа и примыкала к восточной стене, где найдены пятно обожженной глины со следами извести и углубленная в материк яма (подпечная?) с углями, костями животных и обломками круговой посуды.

Против входа в дом обнаружена еще одна яма — подпольная, овальной формы (1,70×1 м), заполненная горелым зерном, смешанным с соломой. Сверху яма забита камнями, среди которых оказалось несколько обломков разбитого жернова.

Большой интерес представляет находка трех круглодонных амфор грушевидной формы с дугообразными ручками, высоко поднятыми над краем сосуда. Они стояли в ряд, врытыми в землю в центральной части дома (рис. 3). На сосудах процарапаны какие-то знаки: на ручке маленькой корчаги (высотой 39 см) — три зарубки, а на ручке самой большой из них (высотой 55 см) — шестиконечный крест. На тулове большой амфоры с двух сторон проделаны круглые отверстия (диаметром 12 и 35 мм) для затычек-пробок.

Круглодонные амфоры грушевидной формы являются массовыми находками в городах Северного Причерноморья и датируются XII—XIII вв. Они использовались в качестве тары для хранения жидкостей (вина, масла, воды), сыпучих продуктов и мелкой соленой рыбы (камсы). Центрами изготовления амфор были города Крыма, откуда их вывозили в различные районы древней Руси [10]. Характерно, что в Пронске обломки грушевидных амфор найдены во всех заложенных нами раскопах.

В разрушенном пожаром жилище собраны вещи, относящиеся к бытовому и хозяйственному инвентарю: фрагменты большого бронзового котла, железная ручка от него и железные звенья цепи, за которую его подвешивали, железные долото, тесло, пробой, ножи, наконечник стрелы и швейная игла, железные дужки и обручи от деревянного ведра, костяной гребень, каменное битрапецоидное пряслице и значительное количество обломков кругов керамики.

Посуда в основном имеет тонкий белый черепок и орнамент из прямых и волнистых линий. Некоторые обломки горшков украшены зубчатым орнаментом, нанесенным штампом. На днищах сосудов встречаются клейма в виде круга, креста в круге, пятиконечной звезды и т. д. (рис. 4).

[9] *И. П. Милонов.* Славянские жилища. . ., стр. 20, 34.

[10] *А. Л. Якобсон.* Средневековые амфоры Северного Причерноморья. — СА, XV 1951, стр. 340—342.

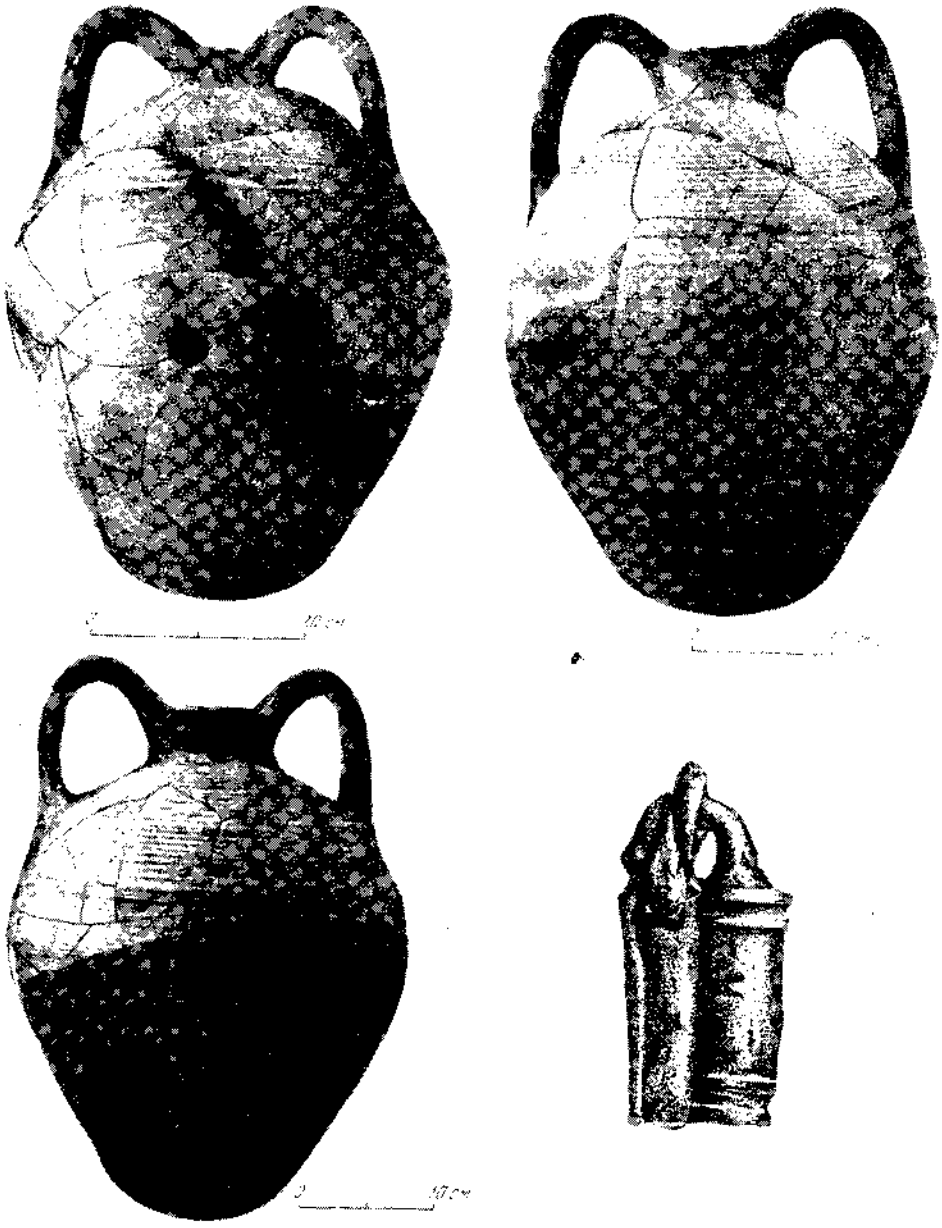


Рис. 3. Амфоры из жилища и замок от входной двери

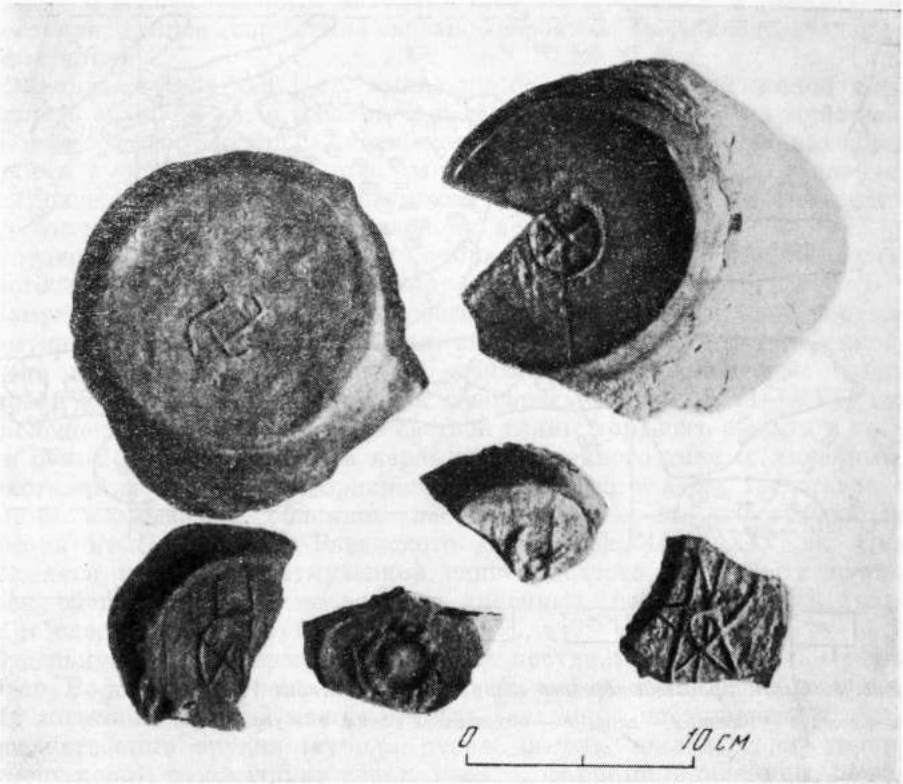


Рис. 4. Образцы гончарных клейм с Пронского городища

Из украшений, найденных в горелом слое, можно назвать бронзовые бусину с ложной зернью и обломок круглой пластины с орнаментом в виде плетенки, стеклянные браслеты (20 фрагментов) и перстни (3 обломка). Весь этот вещевой материал разрешает отнести жилой комплекс на раскопе 4 к XII в.

Одна находка в жилище потрясла нас. Из-под рухнувших во время пожара деревянных перекрытий и стен извлечен сильно обгоревший скелет ребенка 6—7 лет. Не имея возможности выбраться из запертого дома, охваченного пламенем, он, видимо, забился в угол за одну из амфор, где и погиб. Недалеко от него, между двумя другими амфорами, обнаружен скелет небольшой собаки, типа лайки.

Вокруг дома на значительном пространстве выявлен деревянный настил, на котором плотно спрессованным слоем лежал смешанный с глиной навоз. Продолжение этого настила четко прослеживалось на раскопе 6 (заложен в 4 м к западу от раскопа 4), в той его части, которая обращена к обрывистому берегу Пралии. Возможно, это остатки уличного настила.

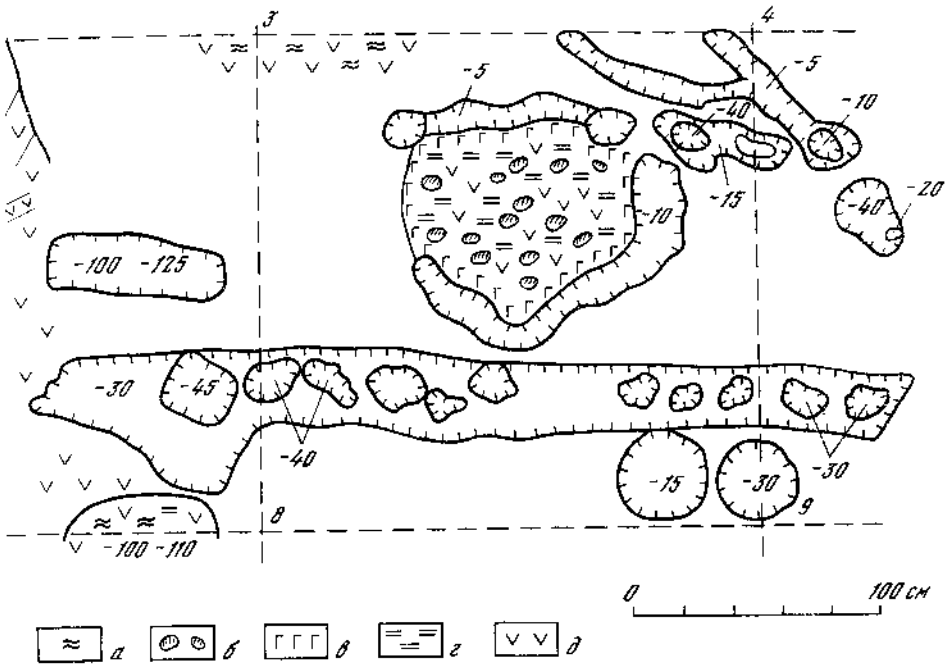


Рис. 5. Следы производственного сооружения на раскопе VI

а — зола; *б* — камни; *в* — дерн; *г* — обожженная глина; *д* — уголь

Вопрос о его датировке решить трудно, так как вещи, обнаруженные в непосредственной близости от него, оказались разновременными.

На этом же участке работ на глубине 90—100 см обнаружен развал печи, круглой в плане (80×86 см). Глинобитные ее стены, обложенные дерном, сохранились на высоту 60 см (рис. 5). Под печи, также глинобитный, углублен в материк на 10—15 см. На дне ее находились обожженные камни, куски угля, стеклянный шлак, куски расплавленного стекла и бронзы. Расплавленное стекло и бесчисленное количество стеклянных слезок найдены и вокруг печи на глубине 120—140 см. На той же глубине на раскопе собраны обломки стеклянных браслетов и бус, куски железистого шлака и расплавленной бронзы. К этому производственному комплексу относится ряд неглубоких канав, назначение которых осталось неясным. Вокруг печи раскопаны две канавы шириной 10—20 см, глубиной 10 см; одна из них заканчивалась двумя столбовыми ямами. Аналогичные канавы обнаружены и в некотором отдалении от печи. Одна из них — более широкая (26—50 см) и глубокая (15—30 см), длиной 3,5 м. В ней обнаружено 11 небольших ямок глубиной 10—15 см. Подобная печь, окруженная канавками, обнаружена и на городище Старая Рязань в раскопках 1968 г.[11]

[11] Архив ИА АН СССР, Р—1, д. 3861, 3861а.

Судя по многочисленным находкам стеклянных слезок и расплавленного стекла, данное сооружение связано, вероятно, со стеклоделательным производством.

Раскопками 1969—1971 гг. выявлены следы еще одной жилой избы площадью около 14 кв. м (раскоп 8) и деревянной постройки хозяйственного назначения (раскоп 2), погибших во время пожара. По находкам керамики курганного типа, стеклянных браслетов, шиферных пряслиц, цилиндрических замков, наконечников копья и стрел эти постройки могут быть отнесены к домонгольскому времени.

Обратимся теперь к материалу, обнаруженному при разборе культурного слоя, залегающего вне сооружений.

Самую многочисленную группу составляют обломки глиняной посуды, преимущественно круговой. Лепная керамика, не считая городецкой, найдена на Пронском городище в незначительном количестве. Среди круговой керамики встречаются как фрагменты сосудов XVI—XVII вв. (чернолощеных, тонкостенных, из светлой глины хорошего обжига и др.), так и большое число обломков керамики курганного типа (с линейным, волнистым и штампованным орнаментом). Кроме того, здесь представлена большим количеством обломков посуда, которая по классификации керамики из Переяславля-Рязанского датируется XIII—XIV вв. Она изготовлена из хорошо отмученной глины желтого или серого цвета, хорошо обожжена, имеет по венчику линейный, реже волнистый орнамент и слегка залощенную поверхность [12].

Отдельную группу керамики составляет посуда, привезенная из Крыма и стран Востока, — обломки грушевидных амфор и поливных сосудов.

Из железных изделий можно назвать различные инструменты и сельскохозяйственные орудия (зубило, тесло, сверла, шилья, серп, топор, фрагмент косы), наконечники стрел, писало, шарнирные ножницы, швейные иглы, ножи с наварным лезвием XII—XIII вв., кресала, дужки от деревянных ведер, пряжки, кованые гвозди, замок от лошадиных пут, ключи и дверные цилиндрические висячие замки, относящиеся к обычному типу русских замков XII—XIII вв. (рис. 6).

На городище найдено несколько украшений из бронзы — фрагмент вятического семилопастного височного кольца, решетчатые вятические перстни, витые браслеты и литая пластина с растительным орнаментом — часть изогнутого пластинчатого узкоконечного браслета. На конце пластины сделано отверстие — очевидно, обломок браслета предназначался для вторичного использования. Аналогичные браслеты известны из раскопок древнего Серенска и Бородинского городища. Обломок браслета, найденного на Бородинском городище, был согнут в перстень [13].

По числу находок не последнее место занимают гладкие, витые и рифленые стеклянные браслеты различных цветов (зеленые, фиолетовые, коричневые, синие, голубые и черные) и бусы. Среди бус отметим синие, зонные и шарообразные из прозрачного желтого стекла XI—начала

[12] *А. Л. Монгайт.* Рязанская земля, стр. 279, рис. 118.

[13] *Т. Н. Никольская.* К истории древнерусского города Серенска. — КСИА, 113, 1968, стр. 111, рис. 35, *4*; *В. В. Седов.* Сельские поселения центральных районов Смоленской земли. — МИА, № 92, 1960, стр. 115, рис. 60, *1, 2*.

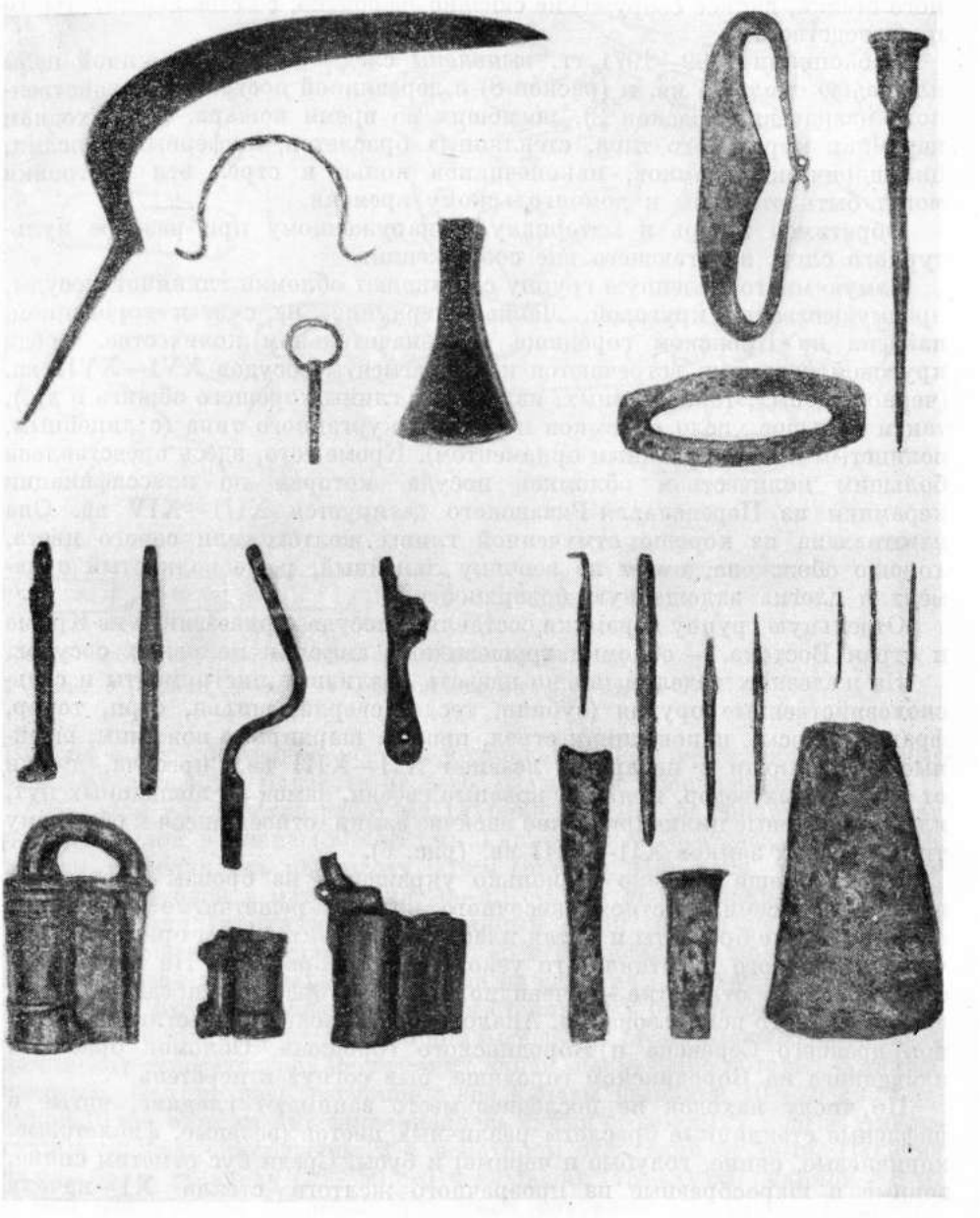


Рис. 6. Железные изделия с Пронского городища

XIII в. и одну многочастную желтую из глухого стекла X—XI вв. Обнаружено и несколько обломков стеклянных перстней.

Среди находок стеклянных изделий особого внимания заслуживают обломки стеклянных сосудов восточного происхождения.

Изделия из кости немногочисленны. Это обломки двусторонних гребней, рукоятей ножей и различных накладок, по-видимому, тоже от рукоятей (рис. 7). На лицевой стороне одной из накладок процарапано схематическое поясное изображение женщины. На другой пластинке — орнамент в виде пересекающихся линий.

Поделки из камня представлены на Пронском городище бусинами — сердоликовой, бипирамидальной и хрустальными шарообразными, подвеской из горного хрусталя, обломком равноконечного креста-тельника и шиферными пряслицами.

Одно из пряслиц — бочковидной формы, орнаментировано мелкими крестиками (рис. 7).

Итак, судя по археологическому материалу, древнейший славянский слой городища относится к XII в. За исключением нескольких фрагментов лепной керамики и одной многочастной бусины из желтого глухого стекла, культурный слой памятника не содержал вещей XI в. Таким образом, нет оснований считать, как это делает Н. П. Милонов, что возникновение города Пронска относится к XI в.

Расположенный на границе «Половецкого поля», Пронск с начала своего основания (видимо, в первой половине XII в.) приобрел важное стратегическое значение в борьбе Рязанского княжества с кочевниками. Росту города способствовало также его положение на торговом пути из русских земель в Крым и страны Востока: по рекам Проне, Ранове, Хупте, Рясе и Воронежу торговые караваны выходили к Дону, спускаясь затем по этой реке к Азову и Феодосии (Кафе) — одной из главных гаваней Крыма.

Вокруг города уже в XII в. существовал посад. Так, в урочище Вшивая горка, расположенном на одном из уступов левого коренного берега Прони, в 175 м к западу от Пронского детинца, нами раскопано жилище полуземляночного типа (рис. 1). Вещевой материал, собранный в нем (ножи с наварными лезвиями, костяной гребень, стеклянные браслеты и перстень, глиняный светильник «киевского типа» в виде чаши на высоком поддоне, янтарный крестик, грушевидные амфоры, гончарная посуда), по своему характеру вполне соответствует материалу древнейшего славянского слоя (XII—XIII вв.) Пронска.

По материальной культуре к Пронскому городищу близко поселение на горе Гневне, которая находится в 500 м к северо-востоку от древней Пронской крепости, на левом берегу р. Пралии при впадении ее в Проню.

В археологическом отношении Гневна интересна для изучения как памятник, относящийся к разновременным культурам. Как и в Пронске, наиболее древний период жизни на городище связан с городецкими племенами, более поздний — со славянами.

Впервые городище Гневна раскапывал Н. П. Милонов в 1924—1927 гг. Следы этих работ сохранились в виде ям от небольших раскопов и узких

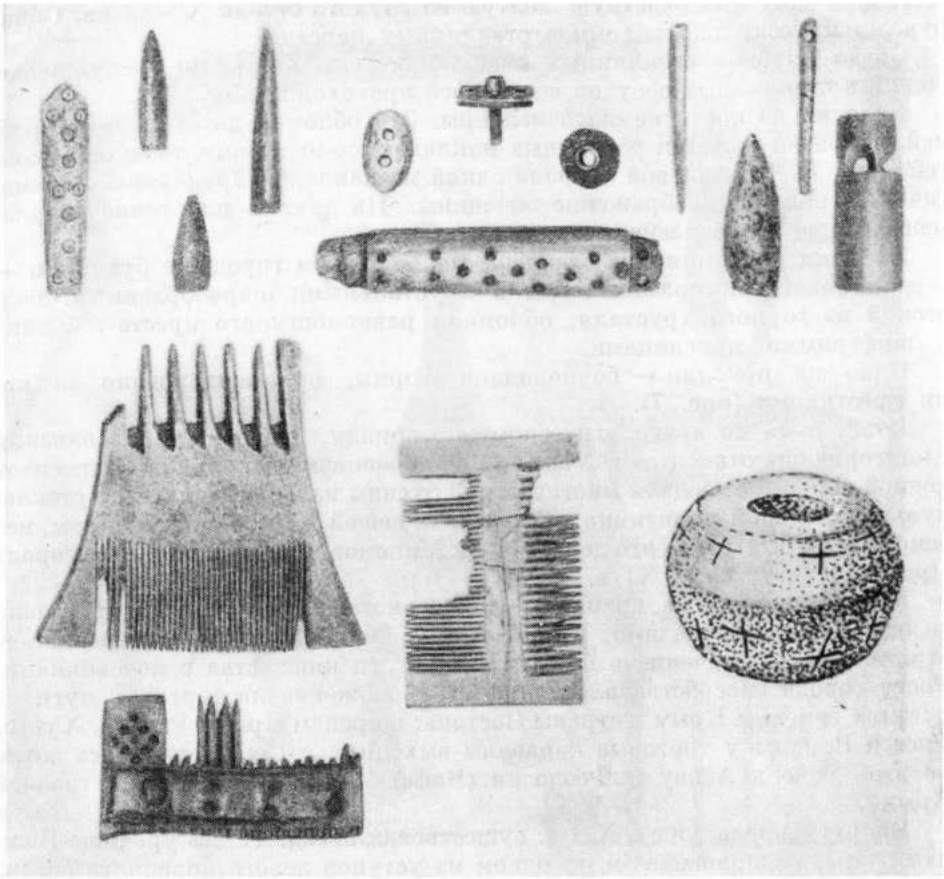


Рис. 7. Изделия из бронзы, стекла, кости и камня

Браслет, обломок сосуда и крестик — с раскопа VI; бронзовая обмотка от рукояти, орнаментированная пластина, обломки перстней и гребень — с раскопа IV; многочастная бусина — с раскопа I

длинных траншей, идущих в разных направлениях. В настоящее время памятник сильно разрушен большим количеством кладоискательских ям, число которых увеличивается с каждым годом.

В 1970—1972 гг. изучение древнего поселения на Гневне было возобновлено. На участках, свободных от многочисленных ям и археологических работ прежних лет, заложены небольшие раскопы общей площадью 515 кв. м (рис. 8). В результате получен материал, указывающий, что северо-западная часть гневненского плато, наиболее высокая, была занята в прошлом поселением городецкой культуры. Здесь найдена в большом количестве типичная для этой культуры рогожная керамика, которая в южной части горы встречалась единицами.

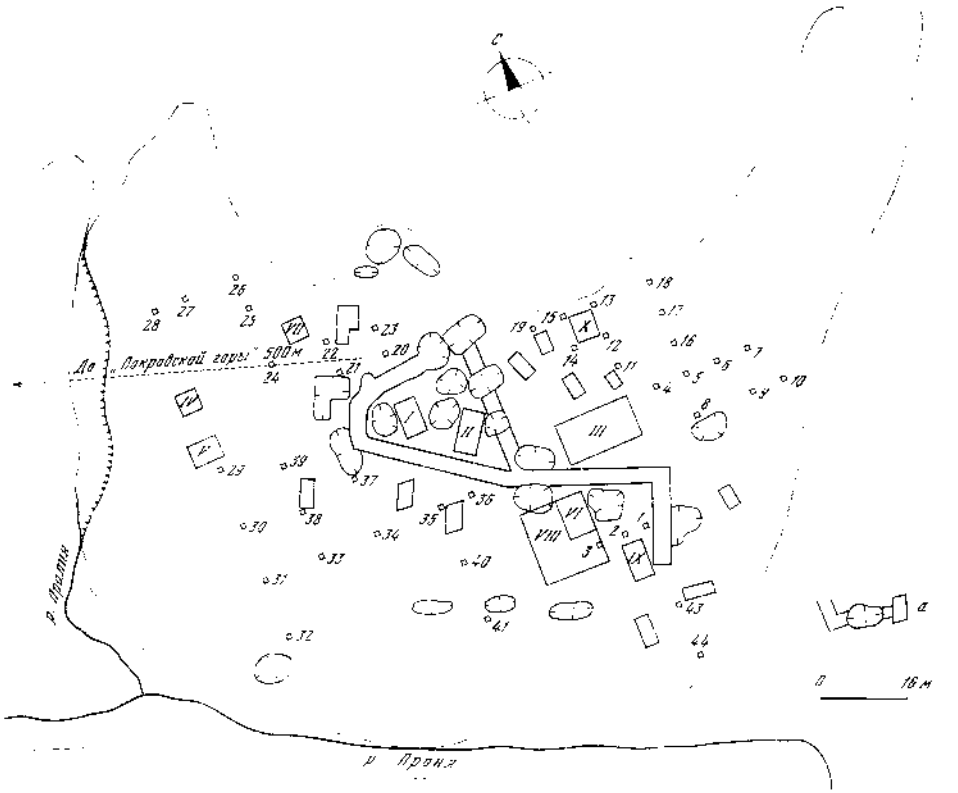


Рис. 8. План городища на горе Гневне

а — раскопы 1924—1927 гг.; I—VII — раскопы 1970 г.; VIII—X — раскопы 1972 г.

К сожалению, ни на одном из раскопов не удалось проследить ненарушенный культурный слой, относящийся к городецкому периоду жизни на Гневне. Славянское поселение XII—XIII вв. нарушило его.

Толщина культурного слоя в раскопах колебалась в пределах 45—140 см. Он состоял из суглинка и содержал обломки разновременной керамики, небольшое количество костей животных, птиц и рыб и отдельные предметы различного назначения.

В некоторых местах лепная керамика вместе с круговой встречалась начиная с дернового слоя и глубже. Большинство найденных обломков лепной керамики было с рогожным орнаментом, значительно меньшее число — с сетчатым или совсем без орнамента. Рогожный орнамент различался по величине, форме и четкости ячеек, что зависело, вероятно, от характера штампа, которым наносили узор. Некоторые венчики лепной посуды имели по краю насечку или глубокие вдавления. Тесто содержало довольно крупную примесь дресвы или шамота, что придавало поверхности шероховатость. Явное преобладание рогожной керамики над гладкой

свидетельствует о том, что интенсивная жизнь на городище относилась к первой стадии развития городецкой культуры, т. е. примерно к VII в. до н. э. — I в. н. э, для которой типичен рогожный орнамент. Для последующей стадии развития этой культуры (I—V вв. н. э.) характерной была уже гладкая керамика.

Помимо лепной керамики, к городецкой культуре следует отнести такие находки, как обломок костяного наконечника стрелы, небольшое глиняное грузило и, возможно, часть железистых шлаков.

Жизнь на горе Гневне возобновилась снова, видимо, в XII в. Отсутствие четкой стратиграфии, как указывалось выше, и смешанный характер разновременного материала затрудняют более точную датировку начала славянского периода. От этого времени сохранились следы сгоревшего наземного жилища. На глубине 110—130 см обнаружено большое количество углей, которые шли двумя четкими полосами шириной 10—40 см при толщине 6—15 см. В одном месте эти полосы угля перекрещивались под прямым углом. На месте пересечения сохранилась обугленная плашка длиной 40 см при толщине 12 см, рядом с которой находилось обгоревшее бревно в вертикальном положении. Его высота равнялась 25 см, а толщина 12 см. В пределах этого жилища найдено большое количество керамики, несколько костей животных и следующие вещи: обломок стеклянного браслета голубого цвета, небольшой фрагмент стеклянного сосуда, пробой со следами обгоревшего дерева, небольшой железный нож и кусок железистого шлака.

Около жилища найдены дужка и два ключа от цилиндрических замков, железный светец, небольшой нож, на левой стороне клинка которого имеется узор из двух параллельных линий, костяные поделки и куски железистых шлаков. Особого внимания заслуживает редкая находка на поселениях — обрывок кольчуги.

Керамика из жилища и вне его пределов представлена преимущественно фрагментами горшков курганного типа. Среди них выделяются два больших обломка от одного горшка с отогнутым венчиком, с внутренней стороны которого имеется узкая ложбинка от загиба венчика. Тулово горшка украшено линейным орнаментом. Здесь же, кроме обломков горшков, на которых часть имела следы кухонного нагара, найдены фрагменты толстостенных сосудов из светло-желтой и розоватой глины с примесью песка. Их поверхность украшали многорядная глубоко врезанная «волна» и параллельно-линейный узор. Этот орнамент, судя по обломкам, был нанесен на поверхность сосудов в различных направлениях. Как известно, богатая орнаментация на сосудах типична для рязанской керамики XI—XII вв.[14] По керамике и вещам это жилище можно датировать, по-видимому, XII в.

Большой интерес представляют два сосуда, из которых один (высотой 24 см), украшенный широкой волнистой линией, был целым, а другой, значительно большего размера (высотой 32 см), обнаружен в разбитом виде. Так же, как и первый, он имел волнистый орнамент, а на дне — четкое клеймо (рис. 9). Фрагменты подобных сосудов конца XII—XIII в. часто встречаются на Гневне.

[14] *А. Л. Монгайт.* Старая Рязань. — МИА, № 49, 1955, стр. 125.

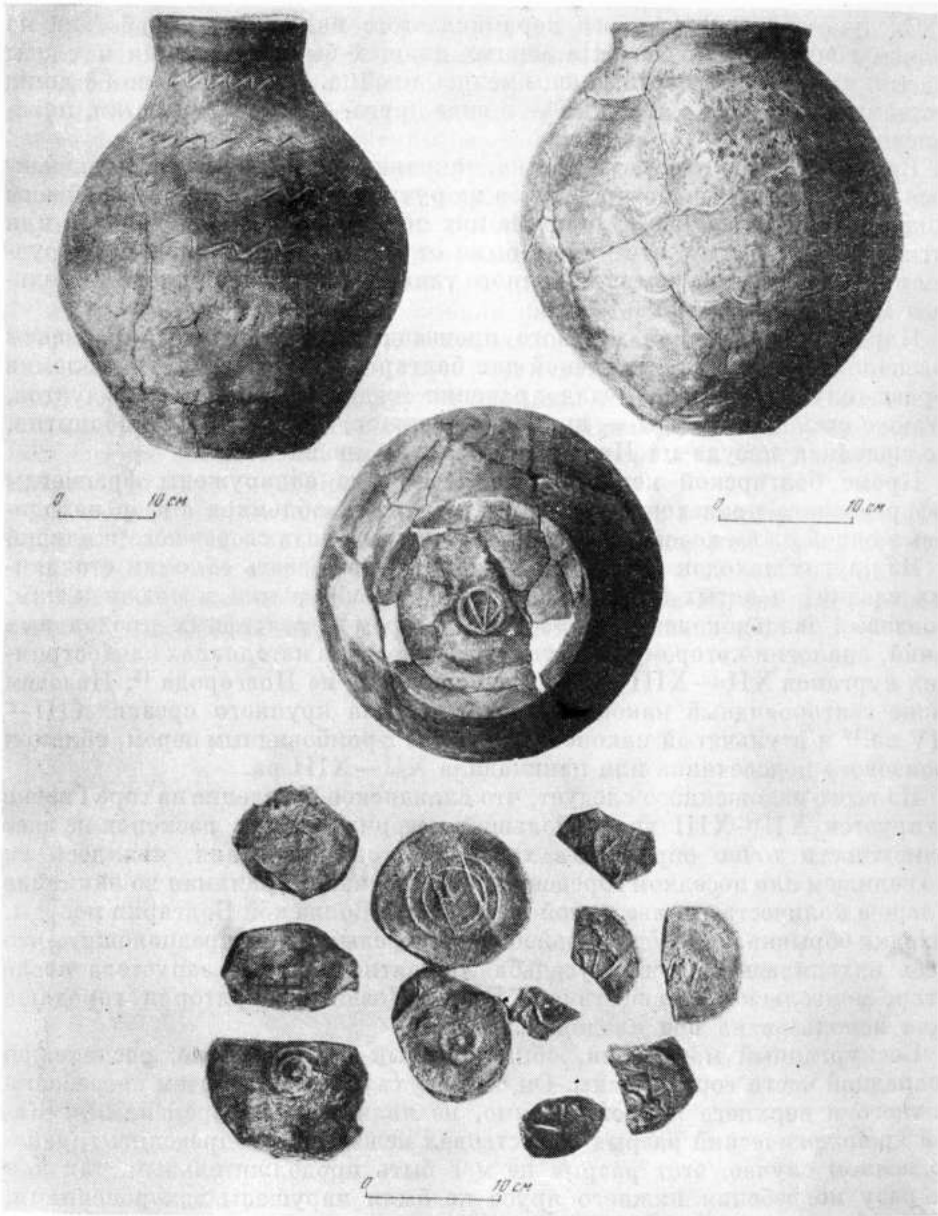


Рис. 9. Сосуд и гончарные клейма с городища на горе Гневне

Следует заметить, что вся керамика этого памятника выработана на ручном гончарном круге. На многих днищах были закраинки и следы подсыпки песка. На части днищ имелись клейма. Всего найдено 66 днищ с клеймами. Клейма различные — в виде круга, квадрата, розетки, пятиконечной звезды и др.

Помимо днищ с подсыпкой песка, закраинками и клеймами, являющимися признаками выработки сосудов на ручном гончарном круге, найдены днища довольно гладкие. Однако на них нет следов среза проволокой или ниткой. По-видимому, эти днища были от посуды, формованной на ручном круге более усовершенствованного типа, без применения дополнительного малепького кружка.

Наряду с керамикой местного производства обнаружены фрагменты краснолощеной посуды, типичной для болгар XII—XIII вв. Это обломки корчаг, служивших тарой для хранения жидких и сыпучих продуктов, а также столовой посуды — кринок, кувшинов, блюд и т. д. Любопытно, что подобная посуда на Пронском городище не найдена.

Кроме болгарской керамики на памятнике обнаружены фрагменты амфор южного происхождения. Много крупных обломков амфор находилось в одной из ям хозяйственного назначения вблизи сгоревшего жилища.

Из других находок этого памятника следует назвать обломки стеклянных гладких и витых браслетов, цилиндрические замки и ключи к ним, бронзовый овальноконечный браслет с узором из рельефных продольных линий, аналогии которому известны, в частности, в материалах из Костромских курганов XII —XIII вв. и того же времени из Новгорода [15]. Назовем также секторовидный наконечник стрелы типа крупного срезня XIII—XIV вв.[16] и втульчатый наконечник стрелы с ромбовидным пером, обломок бронзового подсвечника или паникадила XII—XIII вв.

Из всего изложенного следует, что славянское поселение на горе Гневне датируется XII—XIII вв. Небольшой материал наших раскопок не дает возможности точно определить характер этого поселения, являлось ли оно селищем или поселком городского типа. Однако, принимая во внимание большое количество привезенной из Крыма и Волжской Болгарии посуды, находки обрывка кольчуги и бронебойной стрелы, можно предположить, что здесь находилась боярская усадьба. Вероятно, усадьба запустела после татаро-монгольского нашествия XIII в. Позднее территория городища была использована под кладбище.

Бескурганный могильник, обнаруженный на памятнике, расположен в западной части горы Гневны. Он был двухъярусным, причем погребения нижнего и верхнего ярусов, видимо, не являлись одновременными. Какой хронологический разрыв существовал между ними, определить трудно. Во всяком случае, этот разрыв не мог быть продолжительным, так как ни разу погребения нижнего яруса не были нарушены захоронениями,

---

[15] МАВГР, т. III. М., 1899, табл. I, *18*; *М. В. Седова.* Ювелирные изделия древнего Новгорода. — Труды Новгородской археологической экспедиции, т. II (МИА, № 65), 1959, стр. 252.

[16] По мнению А. Ф. Медведева, этот тип стрел был занесен в Восточную Европу монголами и распространен в течение XIII—XIV вв. (*А. Ф. Медведев.* Ручное метательное оружие. — САИ, вып. Е1—36, 1966, стр. 76, табл. 24, *16*; 30, *66*).

расположенными выше. Вероятно, над погребением был какой-либо опознавательный знак, может быть в виде невысокого холма, заметного еще при вторичных захоронениях. Всего вскрыто 39 погребений (на раскопах I, IV, V, VII). Одни погребения находились на глубине 60—70 см, другие — на глубине 80—95 см. Контуры могильных ям не прослеживались, так как захоронения залегали в культурном перемешанном слое с материалом, относящимся к славянской и городецкой культурам.

Очевидно, покойники были погребены в гробах. Около некоторых костяков замечены слабые следы древесного тлена, а в одном случае сохранилась небольшая часть деревянной доски, вероятно от крышки гроба.

Большинство погребенных лежали на спине в вытянутом положении, головами на юго-запад. В виде исключения встречались костяки, лежащие головой на запад. Положение рук различно: руки вытянуты вдоль туловища; одна рука вытянута, другая сложена; обе руки сложены на животе или на груди. Вещей в погребениях, как правило, не было. Лишь при одном костяке обнаружен обломок каменного четырехконечного креста-тельника и при двух — глиняные сосуды.

В связи с тем, что эти захоронения находились в культурном слое поселения XII—XIII вв., можно считать, что они относятся к тому периоду, когда поселение на Гневне запустело.

За годы раскопок поселений древнего Пронска и Гневны было собрано свыше 6 тыс. костей животных, из которых определено 4544 [17].

[17] Результаты изучения фауны Пронска и Гневны по костным остаткам см. в статье Е. Г. Андреевой (Труды Московского общества испытателей природы, т. XLVIII, 1972).

Н. Г. Недошивина

Курганный могильник у дер. Маклаково

В районе г. Пронска изучено сравнительно небольшое количество курганных групп. В 1896—1897 гг. А. И. Черепнин раскопал здесь 64 насыпи в трех курганных кладбищах (Завальские, Монастырские и Городищенские курганы). Часть погребений содержала вятические украшения, но большинство захоронений было совершенно лишено инвентаря. Больше сколько-нибудь значительных раскопок курганов в этом районе не производилось. Вот почему исследование здесь еще одного аналогичного памятника представляет значительный интерес.

Маклаковская курганная группа (Рязанская обл., Кораблинский р-н) расположена в 5 км от дер. Маклаково, на правом берегу р. Прони (на противоположном берегу находится дер. Денисово) [1].

Проня в этом месте делает крутой поворот. Между рекой и кладбищем с северной стороны находится валообразная насыпь, отделяющая часть мыса от курганов. Исследователи этого памятника предполагали, что насыпь осталась от валов небольшого городища, к которому с юга примыкали курганы. Однако раскопками культурный слой здесь не был обнаружен. Учитывая, что в насыпях курганов встречались обломки керамики от бывшего здесь ранее селища, можно предполагать, что на мысе было расположено городище-убежище.

В 1901 г., когда проводилось первое обследование данного района, близ дер. Маклаково были зафиксированы две группы курганов: в одной насчитывалось 48 насыпей, в другой — 5. Со временем часть курганов была разрушена. Так, в 1924 г. вместо 53 насыпей насчитывалась лишь 51. В настоящее время курганная группа, состоявшая ранее из 5 насыпей, полностью распахана, а в другой сохранилось 48 курганов, из которых 12 носят следы прежних раскопок (рис. 1).

Маклаковские курганы исследовались несколько раз. Известно, что в 1901 г. В. Н. Крейтон и А. И. Черепнин разрыли здесь четыре насыпи, в 1919 г. было вскрыто четыре кургана, в 1924 г. Н. П. Милонов раскопал еще восемь захоронений [2].

Все исследователи отмечали, что костяки лежали в ямах, головой на юго-запад — запад, со сложенными на животе руками. Погребальный инвентарь из курганов оказался вятическим [3].

[1] Раскопки производились автором данной статьи в 1969 и 1970 гг.
[2] *А. А. Мансуров.* Археологическая карта р. Прони. — СА, IV, 1937, стр. 236—237.
[3] Вещи не сохранились.

В 1969—1970 гг. были раскопаны оставшиеся насыпи, и, таким образом, исследование курганной группы было завершено.

Из всех разрытых курганов три оказались пустыми, бо́льшая часть насыпей содержала одиночные захоронения, и только под насыпями трех курганов найдены парные погребения.

Высота курганов колебалась от 0,5—0,7 до 1 м при диаметре в среднем 6—7 м. Лишь три насыпи имели высоту более 1 м. Особенно выделяется своими размерами курган 15, имеющий диаметр 12 м и высоту 1,5 м.

Нужно сказать, что эта насыпь занимает особое место среди Маклаковских курганов не только своими размерами и центральным положением на кладбище, но и характером сооружения, найденного под насыпью кургана.

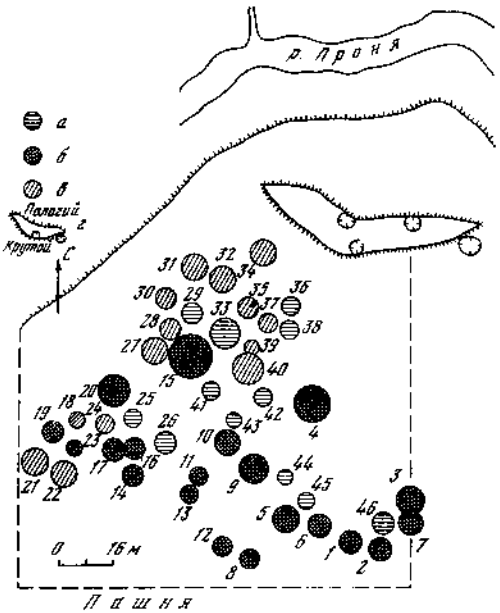


Рис. 1. План курганной группы

а — курганы, раскопанные и поврежденные до 1969 г.; *б* — курганы, раскопанные в 1969 г.; *в* — курганы, раскопанные в 1970 г.; *г* — вал и ямы

Насыпь его, по-видимому, сооружалась в два приема: верхний слой ее состоял из чернозема, ниже шла темная супесь, в которой встречались мелкие угольные прослойки и большое количество кусков обожженной коры. Помимо нескольких фрагментов лепной керамики с сетчатым орнаментом, попавших в насыпь из бывшего здесь ранее селища, тут же найдены обломки от двух гончарных славянских сосудов.

Почти в самом центре кургана была обнаружена вырытая в материке яма глубиной 0,5 м и диаметром 0,5 м, имевшая в плане правильную круглую форму и отвесные стенки. В яме стоял хорошо сохранившийся деревянный столб высотой 0,75 м. Поверх столба лежали большие (20—40 см) камни, тщательно пригнанные друг к другу и образующие треугольник. Назначение описанного сооружения остается пока невыясненным. По-видимому, оно носило ритуальный характер.

Все захоронения описываемого кладбища находились в могильных ямах. Исключение составляет лишь курган 34, под насыпью которого найдено парное погребение на горизонте. Два детских костяка располагались в центре кургана на угольном слое. Однако оба они найдены несколько ниже уровня горизонта. Возможно, что и эти погребения лежали в неглубоких ямах, границы которых не удалось проследить.

Длина могильных ям равна, как правило, 2,2—2,5 м, ширина колеблется от 0,8—0,9 до 1—1,2 м, глубина обычно 0,8—0,9 м, иногда 1 м.

Рис. 2. Сосуд из кургана 22

Костяки лежат в ямах в вытянутом положении на спине, головой строго на юго-запад. Руки (или одна рука), как правило, сложены на груди или животе (в 20 случаях). В двух курганах руки умерших были согнуты в локтях, и кисти положены к плечам. И только в трех насыпях костяки лежали с вытянутыми вдоль тела руками.

О наличии гроба в захоронениях судить трудно. Видимо, чаще всего дерево в могиле не сохранялось. Однако в нескольких случаях вокруг костяка, иногда рядом с ним или под костями прослежены остатки дерева. В некоторых случаях с уверенностью можно сказать, что захоронение совершено в гробе-колоде (гвозди от гробов не найдены). Так, например, в кургане 40 (погребение 1) четко видны контуры гроба, имевшего в длину 2 м и в ширину 0,6 м. Такую же ширину имела колода в кургане 8. В остальных насыпях (остатки дерева зафиксированы в девяти курганах) остатки дерева настолько незначительны, что трудно сказать, был ли это гроб или деревянная подстилка под погребенным.

Следует отметить также пережитки обряда трупосожжения в виде небольших угольных прослоек вокруг могильной ямы (курган 4) или отдельных угольков вокруг костяков и в насыпях курганов. Однако угля в маклаковских погребениях мало — угольки найдены лишь в шести курганах.

В курганах встречается небольшое количество керамики. Целые сосуды при погребениях ни разу не найдены, лишь в кургане 22 у края могильной ямы в ногах погребенного лежал разбитый горшок (рис. 2). В ряде захоронений найдены лишь обломки посуды. Так, часть горшка лежала у края могильной ямы в ногах костяка из кургана 30, а в кургане 40 обломок сосуда лежал на материке между ямами. Кроме того, мелкие фрагменты керамики обнаружены еще в 11 насыпях кладбища, куда они попали, возможно, вместе с насыпной землей.

И, наконец, из деталей погребального обряда нужно отметить употребление бересты при захоронении. Обычай обертывать покойника берестой характерен для пронских памятников и несколько раз встречен в Монастырских курганах. В Маклакове, правда, куски плохо сохранившейся бересты найдены в ногах лишь одного из костяков. Однако плохая сохранность коры в этом кургане дает возможность предположить, что число погребений с берестой было более значительным.

Переходим к описанию погребального инвентаря. Из всех раскопанных курганов только 14 содержали предметы украшения. Большое количество безынвентарных захоронений — также характерная черта пронских могильников.

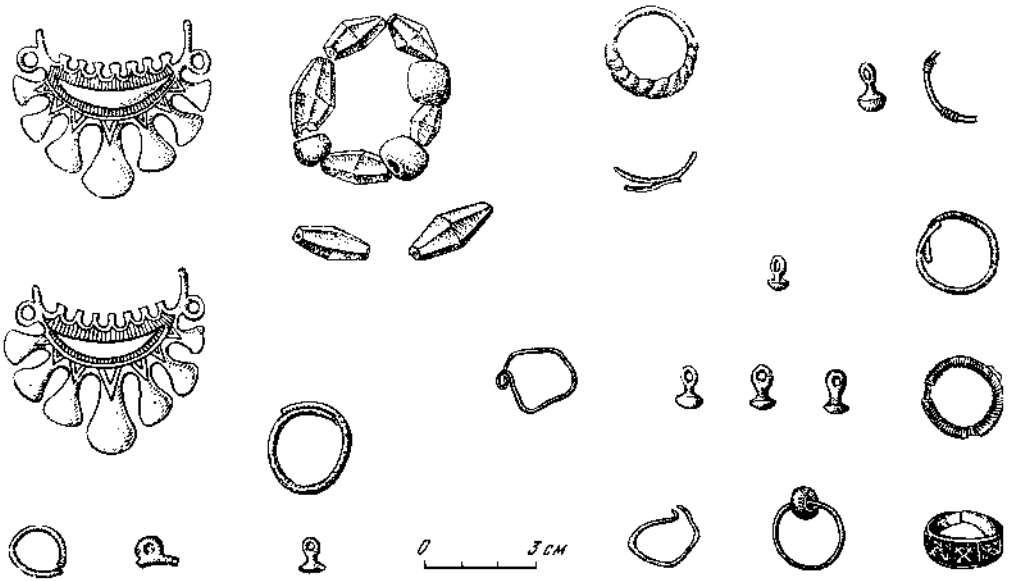


Рис. 3. Височные кольца, бусы, перстни и пуговицы. Курганы 6, 10, 12, 13, 14, 16, 17 и 19

Семилопастные височные кольца обнаружены в трех погребениях. Все они однотипны: имеют закругленные лопасти и боковые колечки на дужках. Однако в кургане 31 наряду с такими височными кольцами найдена подвеска более архаичной формы — без боковых колечек, которая употреблялась, по-видимому, в течение длительного времени, о чем говорит не только форма кольца, но и следы починки его, хорошо видные на боковой лопасти подвески.

Интересно, что в состав племенного наряда в качестве обязательного компонента входили, видимо, и бусы, так как они найдены только в тех курганах, где имелись семилопастные височные кольца. Во всех трех погребениях ожерелья состояли из сердоликовых бипирамидальных бус, которые в одном случае перемежались хрустальными шарообразными, в другом — желтостеклянными шарообразными бусами. Кроме того, в единичных экземплярах найдены стеклянные зонные голубые и фиолетовые бусины.

В шести курганах встречены перстнеобразные височные кольца, сделанные из тонкой бронзовой, реже серебряной проволоки. Они имеют сомкнутые или загнутые концы. В одном случае на такое кольцо была нацизена стеклянная голубая бусина.

Из украшений, найденных в курганах, следует назвать также перстни, обнаруженные в трех захоронениях. В двух из них были найдены серебряные проволочные перстни — один гладкий, другой с перевитью, а в третьем — бронзовый пластинчатый перстень, характерный для вятичей.

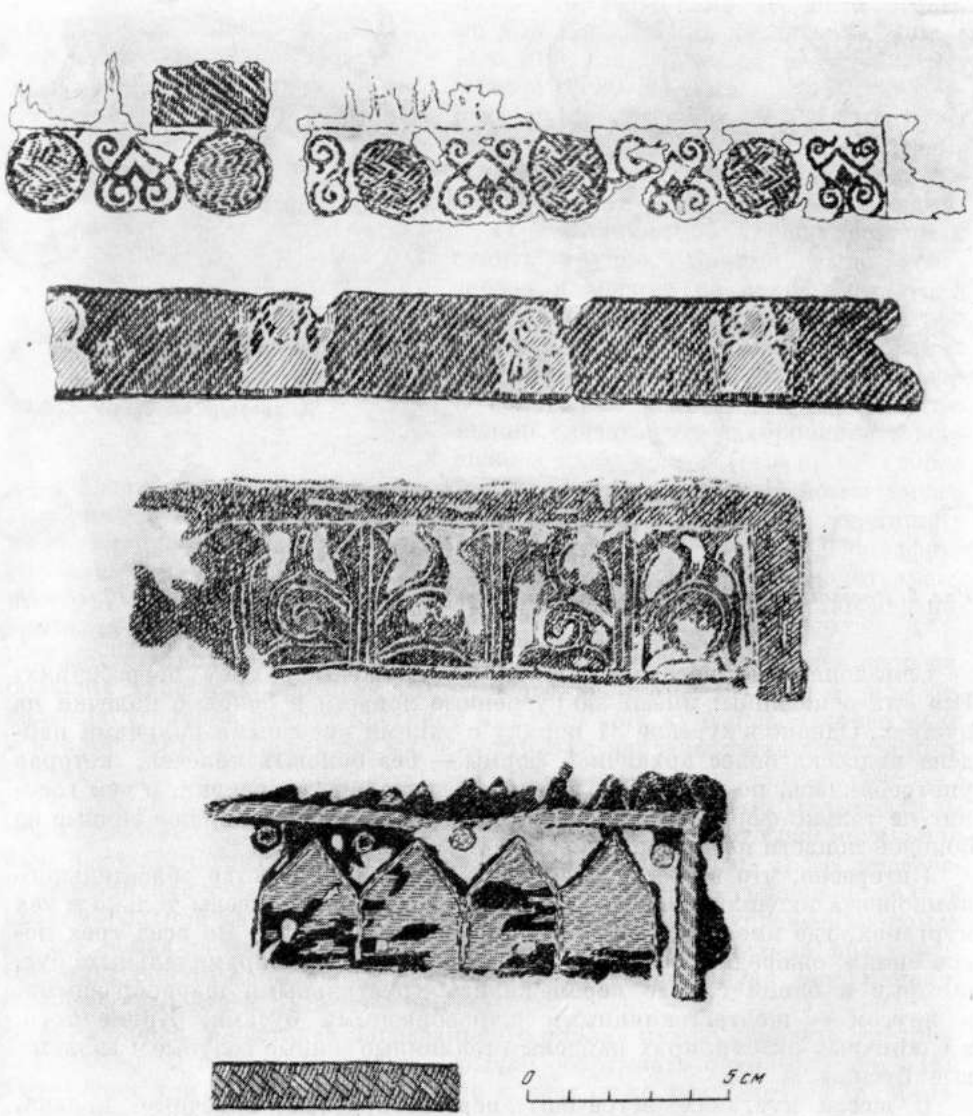


Рис. 4. Фрагменты шелковых тканей и золотной тесьмы из курганов 4, 14, 17, 21, 31

Кроме того, в девяти захоронениях были найдены литые пуговицы небольшого размера. Все они сделаны из бронзы. Три из них, найденные в кургане 16, были позолочены. Они, как правило, лежали на шейных позвонках, т. е. застегивали ворот одежды. Интересно, что в кургане 22 пуговицы найдены слева от подбородка — видимо, они застегивали рубаху типа косоворотки (рис. 3).

Наибольший интерес среди всех находок могильника представляют фрагменты шелковых тканей и золотной тесьмы [4]. Часть тканей, вышитая шелком и золотной нитью (курганы 14, 21), лежала на шейных позвонках и служила обшивкой ворота одежды. Золотная тесьма использовалась в качестве головного венчика. Фрагменты золотной тесьмы найдены в трех захоронениях. Два из них имеют геометрический орнамент, на третьем изображена погрудная деисусная композиция. На основании того, что нигде, кроме Византии, не производились шелковые ткани с изображениями святых, и принимая во внимание, что основа золотых нитей этих тканей является шелковой, можно считать, что все золотные ленты из Маклаковских курганов являются импортом из Византии и стран Востока (рис. 4).

Рассмотренные детали погребального обряда и инвентарь захоронений позволяют говорить о сходстве всех погребений кладбища, которое существовало, по-видимому, в течение сравнительно небольшого отрезка времени.

Если основываться при датировке курганов на форме семилопастных височных колец, то можно было бы отнести памятник к середине или второй половине XII в.[5] Однако характер вышивки найденных тканей дает возможность датировать кладбище второй половиной XII — началом XIII в.[6] Не противоречит указанной дате и даже подтверждает ее также обряд погребения: захоронения в ямах значительной глубины, отсутствие целых сосудов в захоронениях, большое количество безынвентарных погребений.

Таким образом, перед нами один из наиболее поздних памятников, оставленных вятичами в Рязанской земле.

---

[4] Найдены в шести погребениях.

[5] *Т. В. Равдина.* Типология и хронология лопастных височных колец. — Сб. Славяне и Русь. М., 1958.

[6] *М. О. Новицька.* Гаптування в Київській Русі. — Археологія, XVIII. Київ, 1965, стр. 36—38.

Г. Ф. Полякова

Селища в долине Прони

Самую многочисленную группу археологических памятников в районе будущего водохранилища Пронской ГРЭС составляют славянские поселения сельского типа XI—XIII вв. Здесь насчитывается более 20 селищ. Сведения об этих памятниках до настоящего времени ограничивались в основном данными разведок [1]. В связи со строительством электростанции возникла настоятельная необходимость в более детальном исследовании славянских поселений.

В течение первых двух лет работы Пронской археологической экспедиции было раскопано три селища — Малиновское I, Малиновское II и Денисовское.

Малиновские I и II селища располагались на ручье Малиновом — левом притоке Прони. Оба памятника были открыты А. А. Мансуровым в конце 20-х годов [2] и повторно обследованы Ю. А. Смирновым в 1968 г.[3]

Малиновское I селище находится в 1 км к югу от дер. Студенец Пронского р-на Рязанской обл. на краю надпойменной террасы левого берега ручья, возвышающегося над уровнем воды на 4 м. Территория, занимаемая поселением, имеет небольшой наклон к западу, в сторону ручья, и к югу, где расположена неглубокая низина (рис. 1).

Селище издавна распахивалось, что привело к значительному разрушению его культурного слоя.

В процессе сбора подъемного материала (его составляют фрагменты круговой славянской керамики XI—XIII вв., куски обожженной глины и железные шлаки) удалось установить, что находки распространялись по всей площади поселения неравномерно. Основная их масса концентрировалась отдельными группами вдоль края террасы. Здесь было заложено два раскопа общей площадью 72 кв. м.

Раскоп 1 у кромки террасы был разбит на площади 48 кв. м (6×8 м).

Верхний (пахотный) слой раскопа представлял собой суглинок темно-серого цвета, залегающий почти по всей площади на глубину 0,40 м. Лишь в западной части раскопа у края террасы, где сохранилась полоса дерна

---

[1] *А. А. Мансуров.* Археологическая карта р. Прони. — СА, IV, 1937; *Ю. А. Смирнов.* Отчет о разведке в долине р. Прони летом 1968 г. — Архив III археологического отдела ГИМ, № 303.

[2] *А. А. Мансуров.* Археологическая карта. . .

[3] *Ю. А. Смирнов.* Отчет. . .

шириной 0,8—1 м, толщина суглинка была значительно больше, достигая 0,65—0,70 м. Под слоем суглинка шла материковая коричневая глина.

Находки залегали в слое суглинка, целостность которого была нарушена вспашкой.

В центральной части раскопа под темно-серым суглинком на фоне материковой глины четко обрисовалось большое гумусированное пятно интенсивно черного цвета с многочисленными вкраплениями мелких древесных угольков. Пятно имело четырехугольную форму и было вытянуто с севера на юг. Размеры пятна 3,80×2,45 м. Толщина слоя, окрашенного в черный цвет, оказалась сравнительно небольшой — около 0,20 м. При его разборке в нижней части черного слоя, на границе его с материком, были найдены два куска железного шлака. Никаких других находок здесь не обнаружено. Возможно, здесь было какое-то сооружение, связанное с металлургическим производством, что в некоторой степени подтверждается находками шлака на поселении и при разборе черного слоя, а также кусков обожженной глины на пашне.

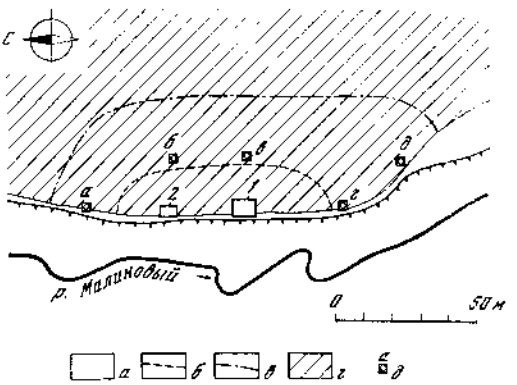


Рис. 1. Малиновское I. Ситуационный план

а — раскопы; *б* — предполагаемая граница поселения; *в* — граница распространения находок; *г* — пашня; *д* — шурфы

Раскоп 2 расположен в 20 м к северу от раскопа 1. Он был вытянут вдоль кромки террасы с севера на юг. Его площадь 24 кв. м (6×4 м).

На раскопе 2 слой темно-серого суглинка, залегающий под дерном, сохранившимся в виде узкой полосы у края террасы, значительно тоньше, чем на раскопе 1. Максимальная мощность этого слоя составляет лишь 0,40 м.

Материал, собранный в процессе раскопок, немногочислен. По-видимому, недалеко от раскопа 2 проходила граница поселения. Чтобы убедиться в этом, мы заложили шурф на расстоянии 25 м к северу от раскопа 2. Стратиграфия шурфа аналогична стратиграфии этого раскопа, но количество находок в нем ограничилось лишь двумя фрагментами керамики.

Для определения южной и восточной границ поселения было заложено четыре шурфа размерами 2×2 м каждый. Два шурфа располагались на расстоянии 15 м к востоку от раскопов 1 и 2, третий шурф был разбит в 35 м к югу от раскопа 1, четвертый шурф находился в 50 м к юго-востоку от того же раскопа.

Стратиграфия всех шурфов одинакова: темно-серый суглинок (пахотный слой) толщиной 0,40 м и материковая глина. В каждом из шурфов найдено не более пяти фрагментов керамики.

Таким образом, можно приблизительно очертить границы площади, занимаемой поселением. С севера на юг вдоль края террасы она простиралась на 70—80 м, ширина ее составляла 15—20 м.

В результате работы на поселении было собрано 1146 фрагментов круговой керамики. Для ее изготовления использовалась глина с примесью песка, реже дресвы или шамота. Обжиг сосудов в большинстве случаев неравномерный. Глиняное тесто имеет серый или желтый цвет, но иногда встречаются черепки из белой или красной глины.

Среди собранной керамики насчитывается 196 обломков венчиков сосудов. По характеру профиля они делятся на две неравные группы. Первую группу составляют венчики с небольшим, резко отогнутым наружу краем, оформленным в виде валика. Таких венчиков большинство. Ко второй группе относятся венчики с высоким прямым, вертикально поставленным краем. Плечики всех сосудов плавно изогнуты. Тулово конусовидно сужи-вается книзу.

Днища представлены 64 фрагментами, носят следы песчаной подсыпки, свидетельствующей об изготовлении сосудов на ручном гончарном круге. На одном фрагменте частично сохранилось клеймо в виде двух концентрических окружностей.

Орнамент, покрывающий сосуды, выполнен в виде прямых или волнистых линий. Изредка встречается сочетание этих линий.

Помимо указанной керамики на поселении был найден обломок привозной амфоры, изготовленной из тонко отмученной глины красного цвета. Поверхность черепка имеет слабое рифление.

Описанный выше комплекс керамики находит многочисленные аналогии среди керамического материала древнерусских поселений и курганов XI—XIII вв.

Вещевой материал, собранный на поселении, немногочислен. Это обломки точильного бруска трапециевидной формы, три обломка железных предметов, шаровидная бусина из бесцветного стекла, шиферное пряслице битрапецоидной формы с нацарапанным на его боковых гранях узором. Среди элементов узора пряслица хорошо различимы шестиконечный крест, занимающий центральное место в общей композиции, и меандры, расположенные по бокам креста (рис. 2).

Материал поселения четко датируется XI—XIII вв.

Поселение Малиновское II находится в 300 м к северу (вверх по течению ручья) от поселения Малиновское I. Оно расположено на слабо выраженном выступе левобережной надпойменной террасы с крутым хорошо задернованным склоном. Площадка поднимается над уровнем воды на 5 м (рис. 3).

Поселение систематически распахивалось. Это привело к нарушению целостности культурного слоя. На пашне были собраны фрагменты круговой славянской керамики и обломки лепных сосудов позднегородецкого времени. Площадь распространения находок — около 3 тыс. кв. м.

Для выяснения характера и мощности культурных напластований вдоль края террасы на нетронутой вспашкой полосе земли шириной около 2 м было заложено четыре шурфа размерами 2×2 м на расстоянии 35 м друг от друга. Наиболее интересные результаты дал шурф 2.

В нем обнаружено значительное число фрагментов славянской керамики (138) и глиняное пряслице. Находки залегали под дерном в слое темно-серого суглинка мощностью 0,35 м. В северо-западном углу шурфа при

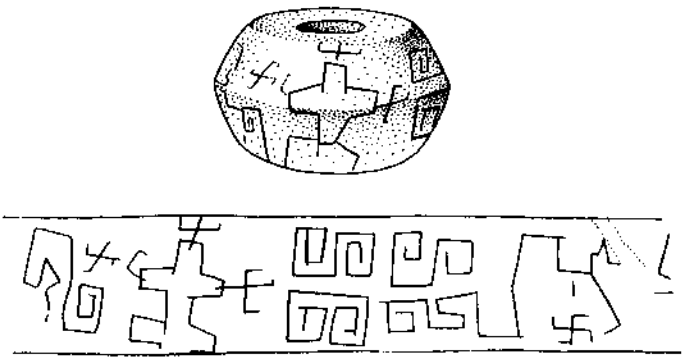


Рис. 2. Шиферное прясмице с поселения Малиновское I

зачистке по материку на глубине 0,45 м от поверхности был прослежен край углисто-золистого пятна.

Другие шурфы оказались менее интересными. В шурфе 1 найдено 6 черепков, в шурфе 3 — 22 черепка, в шурфе 4 находок не было.

Характер напластований во всех шурфах одинаков: дерн, темно-серый суглинок, коричневая материковая глина. Дерн во всех шурфах имеет толщину 0,08—0,10 м, темно-серый суглинок — 0,20—0,35 м.

На месте шурфа 2 был разбит раскоп площадью 48 кв. м (12×4 м). Толщина дернового слоя составляла около 0,10 м. Ниже, как и в шурфах, шел слой суглинка темно-серого цвета, содержащий находки. Мощность его постепенно уменьшалась с востока на запад.

В квадратах, прилегающих к шурфу 2, была расчищена остальная часть углисто-золистого пятна. Оно имело круглую в плане форму диаметром 0,75 м. В пределах пятна обнаружены чернолощеная керамика и несколько фрагментов грубой лепной посуды с шероховатой поверхностью без орнамента. Толщина углисто-золистого слоя составляет 0,15 м. По-видимому, это остатки кострища или очага. Найденная в пределах углисто-золистого пятна керамика позволяет датировать его позднегородецким временем.

Материал поселения Малиновское II четко делится на два хронологических комплекса: позднегородецкий и славянский. Стратиграфически эти комплексы не выделяются из-за перемешанности культурного слоя.

В количественном отношении преобладает славянский материал. Он представлен фрагментами круговых сосудов (627 обломков) с отогнутым наружу и слегка утолщенным по краю венчиком и плавно изогнутыми плечиками. Глиняное тесто желтое или серое с примесью песка. Линейно-волнистый орнамент характерен для сосудов XI—XIII вв.

Керамика позднегородецкого времени делится на две группы. Первую группу (197 обломков) составляют фрагменты лепных толстостенных неорнаментированных сосудов. Цвет черепков серовато-желтый. В глине хорошо различима примесь дресвы и шамота.

Вторую, значительно меньшую по численности группу (49 обломков) составляют фрагменты черных лощеных сосудов, сделанных на круге.

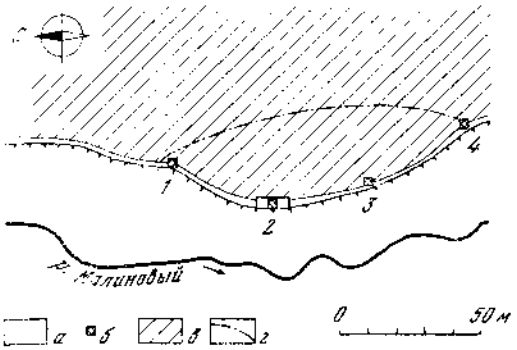


Рис. 3. Малиновское II. Ситуационный план

а — раскоп; *б* — шурфы; *в* — пашня; *г* — граница распространения находок

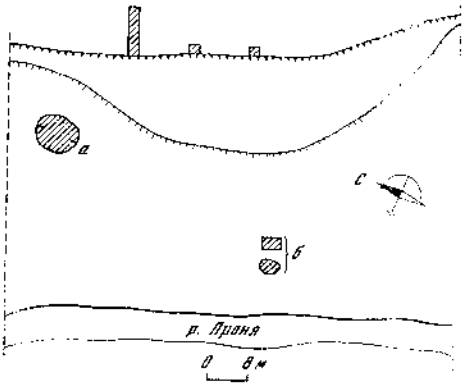


Рис. 4. Селище Денисово. Ситуационный план

а — курганная группа близ дер. Маклаково; *б* — раскопы 1969 г.

Отсутствие венчиков не позволяет полностью восстановить форму этих сосудов. Можно лишь отметить, что они имели выпуклое тулово и плоское дно.

К позднегородецкому комплексу относятся обломок глиняной сковороды и пряслица (два целых и один обломок). Одно из пряслиц имеет слегка залощенную поверхность. На поселении обнаружено небольшое количество костей домашних животных (лошадь, корова).

Денисовское поселение расположено в 1,5 км к югу от дер. Денисовки Сторожиловского р-на. Оно занимает ровную площадку левого довольно крутого берега Прони, возвышающуюся над уровнем воды на 8—9 м.

Склон берега и узкая береговая полоса площадки шириной 3—3,5 м задернована, остальная часть поселения занята под пашню. Площадь поселения составляет приблизительно 1500 кв. м (рис. 4).

Памятник впервые был обследован Н. П. Милоновым летом 1924 г. Он заложил здесь три небольшие траншеи, в которых обнаружены обломки глиняной посуды, древесные угли, шлаки, обожженная глина, камни, кости домашних животных и пр. Культурный слой в его раскопах достигал 0,35 м. В юго-восточном углу поселения Н. П. Милонов отметил следы древних валов и рвов [4].

В 1968 г. памятник был повторно обследован Ю. А. Смирновым, собравшим здесь большое количество славянской керамики.

В 1969 г. на поселении проведены небольшие раскопки с целью выяснения сохранности культурного слоя. Перпендикулярно к краю террасы была заложена траншея размерами 2×10 м. Дерновый слой отсутствовал.

---

[4] *Н. П. Милонов.* Опыт археологических исследований по течению рек Верды, Прони и Галины. — Собрание и изучение вещественных памятников старины для истории прошлого Скопинского края, вып. 1. Скопин, 1925.

Находки шли прямо с поверхности на глубину до 0,40 м. Они залегали в слое суглинка серого цвета. Ниже этого слоя шел материк.

Помимо траншеи на поселении у края террасы на невспаханной полосе было заложено два шурфа. Проходка шурфов дала следующую картину: дерн — 0,10 м, суглинок серый с находками — 0,90 м, суглинок темно-серый без находок — 0,10 м, материк.

Культурный слой памятника, как показали раскопки, оказался полностью разрушенным, за исключением узкой полосы вдоль края террасы.

Собранный на поселении материал представлен 650 фрагментами круговой керамики. По форме это горшки с небольшим, резко отогнутым наружу венчиком, короткой шейкой, плавно изогнутыми плечиками и плоским дном. Сосуды изготовлены из глины, содержащей мелкозернистый песок. Цвет основной массы черепков серо-желтый. Обжиг неравномерный. Около 40% обломков украшены прямыми или волнистыми линиями. На одном фрагменте днища частично сохранилось клеймо в виде круга.

Обследованное поселение представляет собой типичное древнерусское селище XI—XIII вв. Возможно, на этом же месте существовало и более раннее поселение, так как Н. П. Милонов находил здесь сетчатую керамику и отмечал следы укреплений, которые, к сожалению, до настоящего времени не сохранились.

По окончании работ на поселении раскопки были перенесены к подножию террасы, где находилась воронкообразная яма. Она располагалась в 20 м к западу от поселения. Диаметр ямы около 8 м, глубина от современной поверхности 1м. В яме, по словам местных жителей, неоднократно встречались куски шлака. В настоящее время стенки ямы задернованы, и на поверхности никаких находок не обнаружено. При вскрытии дерна в восточной части ямы встречен значительный слой железного шлака мощностью около 0,60 м. В южной части расчищены остатки основания горна, сложенного из камней и глины. О конструкции горна по этим остаткам судить трудно. Можно лишь предположить, что основание его было четырехугольным или овальным. Вокруг на значительной площади встречаются обожженная глина и угли.

В центре исследуемой ямы выявлено четырехугольное углубление. Судя по его размерам (1,20×1,40 м) и глубине (0,60 м), это углубление могло быть предгорновым выемом. На дне лежал большой сильно прокаленный камень, вероятно входивший когда-то в конструкцию горна и скатившийся сюда после его разрушения. Датирующих вещей при исследовании горна не обнаружено. Однако, учитывая, что он расположен в непосредственной близости от славянского селища XI—XIII вв., его, по всей вероятности, можно датировать тем же временем.

Материал, полученный в результате раскопок на поселениях Малиновское I, Малиновское II и Денисовское, в целом носит обычный характер для данного типа славянских памятников XI—XIII вв.

Т. Б. Попова

Исследование памятников эпохи бронзы на Каширцевских дюнах под Рязанью

Территория Рязанской земли входит в область, которую к середине II тысячелетия до н. э. населяли племена так называемой поздняковской культуры. Эти племена, сложившиеся к середине II тысячелетия до н. э., формируются на территории Средней Оки. С Дона и Северского Донца сюда продвинулась по Цне и Мокше группа племен срубной культуры. Ассимилировав местное население, эти племена обособились от своих южных предков, впитали в свою культуру многие черты и обычаи аборигенов и постепенно сформировали своеобразную культуру, известную в археологической литературе как поздняковская[1].

На территории Рязанской земли памятников поздняковской культуры известно более десятка. Среди них Подборновское поселение под Касимовом[2], Алекановское под Рязанью, групповой могильник на Черной горе под г. Клепики[3] и др.

Но большинство памятников поздняковской культуры на Рязанской земле мало исследованы, и о них мы имеем представление лишь по тем небольшим коллекциям, которые хранятся в фондах Рязанского краеведческого музея. Эти коллекции происходят из разведок и рекогносцировочных раскопок, проведенных в 20-х и 30-х годах А. А. Мансуровым, П. В. Говоровым, Н. И. Лебедевой, Б. А. Куфтиным и О. Н. Бадером и в 40-х годах В. И. Зубковым. Коллекции мало известны в археологической литературе, а подъемные материалы с таких поселений, как Логинов Хутор, Логиновская Приозерная, Фефеловская Придорожная, Харинская I и II, Засеченская I и II и др.[4], не дают возможности правильно их интерпретировать.

В течение ряда последних лет в Рязанской обл. работают две археологические экспедиции, организованные ГИМ и Государственными рязан-

---

[1] *Т. Б. Попова.* Допоздняковские памятники в Окском бассейне. Экспедиция ГИМ. М., 1969.

[2] *О. Bader.* Kulturen der Bronzezeit in Zentralrussland. — SMJA, FFT, 59 : 1. Helsinki, 1958; *Б. А. Куфтин.* Новая культура бронзовой поры в бассейне р. Оки на озере Подборном близ г. Касимова Рязанской губ. — Материалы к доистории ЦПО. М., 1925.

[3] *И. К. Цветкова.* Погребения поздняковской культуры на Черной горе. — Сб. Древности Восточной Европы. М., 1969.

[4] Коллекции Рязанского областного краеведческого музея: Логинов хутор. инв. № 381; Логиновская Приозерная, инв. № 221; Фефеловская Придорожная. инв. № 362; Харинская I и II, инв. № 365; Засеченская I и II, инв. № 363.

скими реставрационными мастерскими. Задачей их является изучение памятников неолита и бронзы на территории бассейна Средней Оки.

Одна экспедиция под руководством И. К. Цветковой занимается систематическими исследованиями многослойных памятников Черная Гора и Владычино на р. Пре [5]. На памятнике Черная Гора, который больше известен как неолитическое поселение, обнаружен большой грунтовой могильник, содержащий разновременные захоронения поздняковской культуры.

Другая экспедиция ГИМ с двумя отрядами, возглавляемыми один — автором, а другой — Б. А. Фоломеевым, сосредоточила свою работу на изучении памятников неолита и бронзы в районе с. Канищево под Рязанью [6]. В 1968—1973 гг. здесь проводились исследования поселения Логинов Хутор, могильника и стоянки у Фефелова бора.

На северо-западной окраине Рязани, у с. Канищево, в пойме р. Оки, на узкой песчаной дюне протяженностью более 2 км расположен ряд древних поселений, древнейшее из которых относится к раннему неолиту с ямочно-зубчатой керамикой льяловского типа.

Встречены на дюнах и отдельные кремневые орудия — стрелы на тонких ножевидных пластинах с частичной подработкой пера и черенка, боковые резцы и микролиты, относящиеся к эпохе мезолита, но все они происходят из уже разрушенных стоянок.

Наиболее хорошо сохранились на Канищевских дюнах памятники эпохи бронзы. На северо-западной окраине дюн расположено одно наиболее интересное поселение развитого бронзового века — Логинов Хутор.

Поселение открыто В. А. Городцовым [7]. Во время разведок там собрали небольшие коллекции Н. В. Говоров и А. А. Мансуров. В 40-х годах О. Н. Бадер, обследовав Канищевские дюны, заложил на поселении несколько рекогносцировочных шурфов. В 1967 г. сотрудник ГИМ Б. А. Фоломеев заложил на поселении несколько шурфов с целью выяснения сохранности культурного слоя. Только в одном шурфе был обнаружен мощный культурный слой.

Бо́льшая часть поселения в настоящее время оказалась уже разрушенной. В 1968 г. экспедиция ГИМ разбила раскоп в 200 кв. м, который непосредственно примыкал к шурфу 1967 г. [8], а в 1969 г. раскоп был увеличен, и вскрытая площадь на поселении достигла 356 кв. м.

В результате работы было установлено, что поселение сохранилось лишь на небольшом участке, активно разрушается со стороны обрыва террасы весенними паводками, с другой — песчаными карьерами и выдувами.

Поверхность сохранившейся части поселения слабо задернована и покрыта скудной растительностью:

---

[5] *И. К. Цветкова.* Племена рязанской культуры. — Труды ГИМ, вып. 40, 1970.

[6] *Б. А. Фоломеев.* Охранные раскопки в окрестностях г. Рязани и Клепиковском районе Рязанской области. — Археологические открытия 1969 г. М., 1970.

[7] *В. А. Городцов.* Материалы к археологической карте долины и берегов р. Оки. — Труды XII АС, т. I. М., 1905.

[8] *Т. Б. Попова.* Раскопки поселения Логинов Хутор. — Археологические открытия 1968 г. М., 1969.

Стратиграфия раскопа следующая:

1. Слой дерна и подпочвы от 15 до 25 см.

2. Слой перевеянного светлого песка от 20 до 40 см. Наибольшая его толщина залегала под углублением землянки, так как здесь и на поверхности современной почвы было заметно небольшое понижение горизонта. В нижней части светлого перевеянного песка во всех разрезах прослежены вкрапления угольков. Это следы пожара, во время которого в 20-х годах сгорела небольшая поросль, покрывавшая всю северо-западную оконечность дюны.

3. Под слоем перевеянного песка шел слой гумусированного серого песка, его мощность колебалась от 50 до 70 см.

4. Далее шел слой темно-серого, почти черного, сильно гумусированного песка. Этот слой заполнял все пятно жилища. Максимальная его мощность в центре жилища достигала 75—80 см (рис. 1).

Слои 3 и 4 были заполнены культурными остатками. Наибольшее их количество концентрировалось в темном гумусированном песке.

5. Культурный слой на всем протяжении подстилался светло-желтым материковым песком.

На вскрытой площади удалось проследить остатки двух жилищ-землянок. Жилище 1 (в раскопе I) площадью 65,7 кв. м было углублено в материк на 75—80 см и имело почти правильную четырехугольную форму. Центр землянки, а также пространство вдоль юго-восточной и северо-восточной стен были заняты скоплениями золы и угля. Особенно мощные скопления наблюдались в северо-восточном и северо-западном углах дома. Около центрального очага найдены сильно прокаленные крупные булыжники, по-видимому, обрамлявшие очаг. В очаге, зольниках и около них концентрировалось основное количество находок. Вход в землянку был расположен с широкой стороны дома и обращен в сторону озера. Размерами и конструкцией это жилище близко к хорошо изученным жилищам на поселениях поздняковской и срубной культур. Как ближайшие аналоги можно указать жилища, исследованные О. Н. Бадером на Подборновском поселении под Касимовом [9], Наумовском поселении в низовьях Оки [10], на поселении Саушкино на р. Суре [11] и др. Жилище, открытое на поселении Логинов Хутор, необычно лишь тем, что на его полу обнаружено много зольников. Практически очаг и зольники занимают почти половину всей площади пола. В них концентрируется большинство находок. В жилище и около него найдено 13 сосудов. А в зольнике у северо-западной стены найдены два миниатюрных сосудика-курильницы необычной четырехугольной формы (рис. 2, *1*, *3*). Несколько больших размеров курильница была найдена в другом зольнике, в северо-восточном углу жилища (рис. 2, *2*). Вся верхняя часть покрыта узором, нанесенным веревочным и зубчатым штампом, а на большой курильнице орнамент за-

[9] *О. Бадер.* Культуры бронзового века. . .

[10] *В. Ф. Черников.* Отчет о работах в Горьковской области. — Архив ИА АН СССР, Р-1, д. 3080, 2767, 2520.

[11] *В. Ф. Каховский, Ю. А. Краснов, С. В. Оношкин, Т. В. Трубникова, А. Х. Халиков, В. Ф. Черников.* Чебоксарская экспедиция. — Археологические открытия 1970 г. М., 1970.

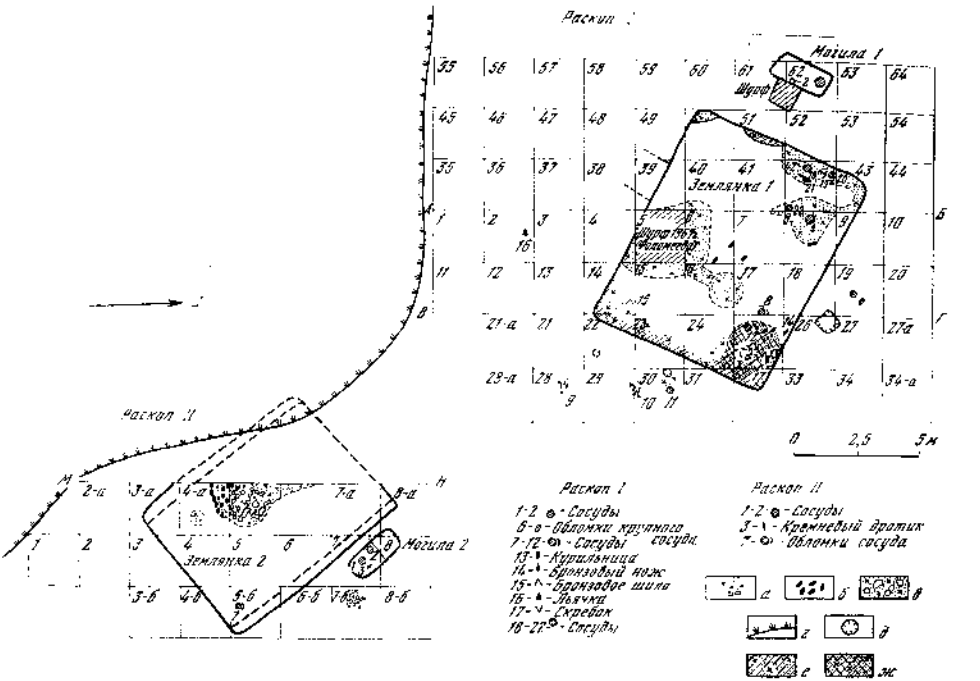


Рис. 1. План раскопок поселения Логинов Хутор под Рязанью

а — скопление керамики, золы, угольков; *б* — обожженные камни; *в* — обожженная глина; *г* — обрыв; *д* — яма; *е* — места интенсивных скоплений керамики, золы, угольков

нимает всю поверхность и переходит на днище сосуда. Около очага, в котором была найдена бо́льшая курильница, найдены бронзовый нож, целые и разбитые сосуды (рис. 2, *4—6*), один сосуд стоял перевернутым вверх дном (рис. 2, *5*).

Интересна находка в зольнике у северо-западной стенки жилища рядом с двумя маленькими курильницами двух сильно обгорелых челюстей крупного быка [12]. К сожалению, костные остатки на поселении Логинов Хутор сохраняются только в верхних слоях культурного слоя. Остеологический материал полностью отсутствует в нижней части культурного слоя, в том числе и в жилище. Кости быка в данном случае сохранились лишь потому, что они сильно обгорели и лежали в слое золы. Обе челюсти в кострище лежали в полном анатомическом порядке, и создается впечатление, что это не кухонные отбросы, а остатки ритуальной пищи или какого-то другого обряда. Рядом с костями стояли врытые в золу сосуды. Кроме того, изобилие в жилище зольников и кострищ, а также большое количество целых сосудов в зольниках наталкивают на мысль, что здесь,

[12] Весь остеологический материал определен Е. Г. Андреевой.

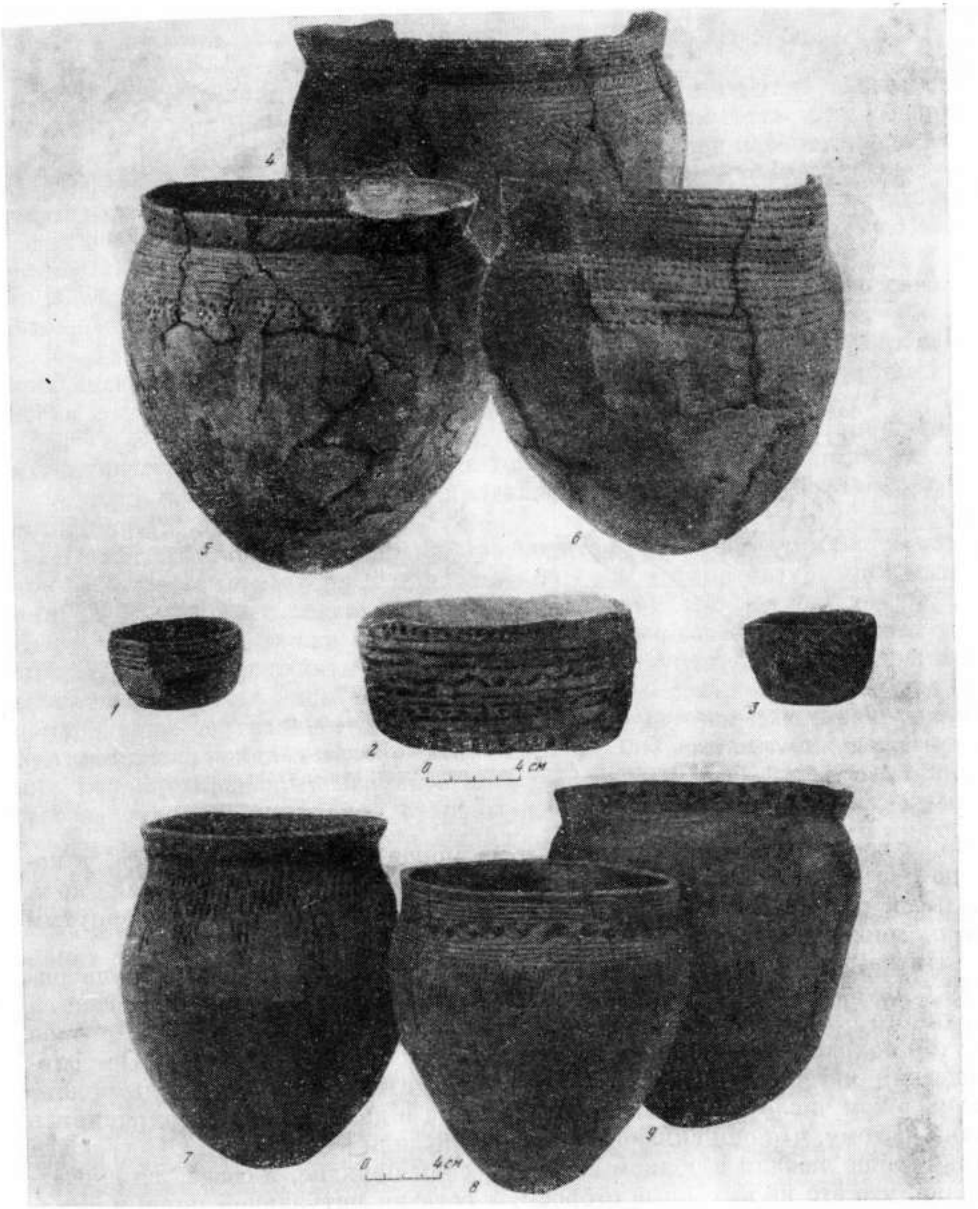


Рис 2. Керамика с поселения Логинов Хутор

1—6 — курильницы и сосуды из жилища 1; ***7, 8*** — сосуды из погребения 2; *9* — сосуд из погребения1

вероятнее всего, мы имеем дело не с обычным жилищем, а с каким-то ритуальным сооружением. Это как будто подтверждается и тем, что к западу от этого сооружения на глубине 75 см от поверхности найдена могила (рис. 1, могила 1). Могила была немного задета старым шурфом (1×1 м), который, к счастью, разрушил лишь сосуд, стоявший у стенки, и не задел самой могилы. Это была большая могильная яма (2,25×1,05 м), ориентированная по линии северо-восток—юго-запад, с остатками трупосожжения. В засыпке могильной ямы встречены кальцинированные кости, комочки красной краски, а в северо-восточном углу — большой сосуд (рис. 2, *9*). У него высокая шейка, округлое дно. По шейке сосуда нанесен орнамент из ямок по лицевой стороне и прочерченный елочный — с внутренней стороны.

Второй сосуд, сохранившийся частично, орнаментирован по плечикам и шейке треугольниками, состоящими из ямок.

Жилище 1 отличалось по характеру материала от жилища 2, найденного юго-восточнее, в раскопе II. Конструкция его была та же. Это землянка площадью 50 кв. м, углубленная в материк на 80—85 см. Но в жилище 2 был только один очаг, расположенный, как обычно, в центре.

Здесь найдены развал камней со следами большого прокала, вокруг камней — площадка обожженной глины, на ней — скопление золы и угля (рис. 1). Количество находок в жилище очень невелико. Это главным образом керамика.

Наибольший интерес представляет находка второго погребения, расположенного вдоль северо-восточной стены дома. Могила размерами 2,30××1 м уходила в материк на 40 см, содержала остатки трупосожжения. В могиле, на дне и в засыпке, встречены кальцинированные кости человека. На дне могилы — два больших сосуда (рис. 2, *7*, *8*) и кремневый наконечник стрелы (рис. 3, *1*). Оба сосуда по форме и орнаментальным мотивам весьма характерны для керамики поздняковской культуры. Аналогии им можно найти в материале всех известных ранних памятников этой культуры. Узоры, нанесенные вдавлением, в виде «слезок» или рядов «жемчужин» — это весьма распространенные и типичные приемы орнаментации поздняковской керамики. Керамика из этой могилы более архаична, чем керамика из жилища 2, и по своему характеру ближе к материалу из жилища 1.

Сопровождавший сосуды кремневый наконечник стрелы или дротика был распространен в эпоху бронзы довольно широко. Он известен в материалах поздняковских, сейминско-турбинских и срубных памятников.

Вполне вероятно, что, исследовав всю сохранившуюся часть поселения вокруг жилища 1, мы обнаружим и другие погребения. Тогда это окончательно сможет подтвердить наше предположение о культовом назначении этого сооружения.

Основными находками на поселении Логинов Хутор была керамика (8330 фрагментов). Только в раскопе I (на площади жилища 1 и около него) собрано 4880 фрагментов. Из этого количества удалось выделить фрагменты, принадлежавшие 61 сосуду. Среди керамики всего несколько фрагментов, покрытых «сеткой», характерной для позднего этапа поздняковской культуры.

Список работ А. А. Мансурова *

I. Археология и этнология

1. К восстановлению границ Касимовского кремля. Вестник рязанских краеведов, 1924, № 3.
2. Палеонтологический отдел. — В кн.: Путеводитель (по Рязанскому государственному музею). Рязань, 1926.
3. Археологический подотдел. — Там же.
4. Археологические исследования Старой Рязани. — Рабочий ключ. Рязань, 1926, № 196.
5. Археологические исследования в Рязанской губернии. — Сб. Материалы к доистории Центрально-Промышленной области. М., 1927.
6. Протоколы заседаний Первого совещания палеоэтнологов Центрально-Промышленной области (совместно с О. П. Бадером). — Там же.
7. Старая Рязань по материалам археологических раскопок. Путеводитель. Рязань, 1927.
8. Анкета по собиранию сведений об археологических памятниках. Рязань, 1927.
9. Описание рукописей этнологического архива, вып. 1. — Труды Общества исследователей Рязанского края, вып. XV, 1928.
10. Описание рукописей этнологического архива, вып. 2. — Труды Общества исследователей Рязанского края, вып. XXII, 1929.
11. Раскопки в Пронске. — Рабочий ключ. Рязань, 1929, № 178.
12. Этнографические работы по Рязанской губернии за 1927 г. — Этнография, 1929, № 1.
13. Материалы к изучению быта касимовских татар [автореф.]. — Труды Общества исследователей Рязанского края, вып. XXII, 1929.
14. Местный словарь Касимовского края. — Там же.
15. Библиография Рязанского края. Этнология и палеоэтнология (археология), ч. I, вып. 1. — Труды Общества исследователей Рязанского края, вып. XXXI, 1930.
16. Описание рукописей этнологического архива, вып. 3. — Труды Общества исследователей Рязанского края, вып. XXVI, 1930.
17. Описание рукописей этнологического архива, вып. 4. — Труды Общества исследователей Рязанского края, вып. XXXIX, 1930.
18. Заметки по народному быту [автореф.]. — Труды Общества исследователей Рязанского края, вып. XXVI, 1930.
19. Этнографические работы по Рязанской губернии за 1928—1929 гг. — Этнография, 1930, № 3.
20. К материалам по этнографии Пронска [автореф.]. — Труды Общества исследователей Рязанского края, вып. XXVI, 1930.
21. Записки о татарском быте [автореф.]. — Труды Общества исследователей Рязанского края, вып. XXXIX, 1930.
22. Материалы к словарю южновеликорусского костюма по данным, собранным в Рязанском крае [автореф.]. — Труды Общества исследователей Рязанского края, вып. XXXIX, 1930.
23. Библиография Рязанского края. Этнология и палеоэтнология (археология), ч. II, вып. 1. — Труды Рязанского Бюро краеведения, вып. 5 (46), 1932.
24. Описание рукописей этнологического архива, вып. 5. — Труды Рязанского Бюро краеведения, вып. 7 (48), 1933.
25. К материалам по терминологии южновеликорусского жилища. — Там же.
26. Этнографические работы в Среднеокских районах за 1930—1932 гг. — Советская этнография, 1933, № 3.
27. Материалы к изучению химического состава археологических памятников. — Советская археология, II, 1936.
28. Археологическая карта р. Прони, ч. I. — Советская археология, IV, 1937.
29. Игрушка в древности. — Игрушка. М., 1938, № 5.
30. Игрушки каменного века. — Игрушка. М., 1938, № 8—9.

---

* Составил Н. И. Кригер. В список не вошли неопубликованные работы, хранящиеся в личном архиве А. А. Мансурова.

31. Новейшие находки древних игрушек. — Игрушка. М., 1939, № 8-9.
32. Сводные каталоги археологических коллекций. М., 1939 (То же на грузинском языке. Тбилиси.).
33. Методика составления археологической карты. М., 1939.
34. Библиография археологии СССР.— Советская библиография, 1940, № 1 (18).
35. Библиография археологической литературы на русском языке (список № 1, январь—март 1940). — Историческая литература, 1940, № 3.
36. Библиография археологической литературы на русском языке (список № 2, апрель—июнь, 1940). — Историческая литература, 1940, № 4.
37. Библиография археологической литературы на русском языке (список № 3, июль—сентябрь 1940). — Историческая литература, 1940, № 6.
38. Библиография археологической литературы на русском языке (список № 4, октябрь—декабрь 1940). — Историческая литература, 1941.
39. Древнерусские жилища по данным археологических раскопок в Старой Рязани. — Исторические записки, т. 12, 1941.
40. Старорязанские и пронские гончарные клейма. — Советская археология, VIII, 1946.

II. Музееведение

41. Об обмене музеев материалами. — Вопросы областного музейного дела по данным I Конференции музейной работы ЦПО. Рязань, 1925.
42. Научный архив музея. Рязанский областной музей. Рязань, 1929.
43. Техника музейного дела. I. Учет и хранение коллекций. М., 1931.
44. План новой экспозиции Рязанского музея. — Краевед-массовик, 1931, № 6 (52).
45. Задачи музейного строительства. — Там же.
46. Место научно-исследовательской работы в музеях. — Советский музей, 1931, № 3.
47. Вспомогательные учреждения краеведческого музея. Научные архивы, фототеки, библиотеки. — Советский музей, 1932, № 1.
48. Экспозиционная музейная мебель в краеведческом музее. — Советский музей, 1932, № 4.
49. Кабинеты, лаборатории и мастерские краеведческих музеев. — Советский музей, 1932, № 5.
50. Ведение научных записок и опубликование материалов музеями. — Советский музей, 1933, № 1.
51. Нужно организовать высшее заочное обучение для музейных работников.— Советский музей, 1933, № 8.
52. Библиография литературы по музейной технике. Списки 1 и 2. — Советский музей, 1934, № 1.
53. Библиография иностранной литературы по музейной технике. — Советский музей, 1934, № 3.
54. Библиография литературы по музейной технике. Список 3. — Советский музей, 1934, № 4.
55. Комплектование и оформление исторических коллекций. — Там же.
56. Библиография литературы по музейной технике. Список 4. — Советский музей, 1935, № 2.
57. Библиография литературы по музейной технике. Список 5. — Советский музей, 1935, № 4.
58. Библиография литературы по музейной технике. Список 6. — Советский музей, 1935, № 5.
59. Библиография литературы по музейной технике. Список 7. — Советский музей, 1935, № 6.
60. Об использовании света и цвета в музеях (обзор специальной литературы). — Советский музей, 1935, № 3.
61. Вопросы отопления и вентиляции музейных зданий.— Советский музей, 1935, № 5.
62. Искусственное освещение в музеях. — Там же.
63. Освещение музеев (обзор русской и иностранной литературы). — Советский музей, 1935, № 6.
64. Указатель к журналу «Советский музей» за 1931—1935 гг. М. [Б. г.].
65. Планировка музейных зданий. — Советский музей, 1936, № 1.
66. Устройство и оборудование экспозиционных музейных зал. — Советский музей, 1936, № 3.
67. О составлении библиографии по музееведению. — Советский музей, 1936, № 4.
68. Об организации источников изучения в краеведческом музее. — Там же.
69. О технике показа предметных экспонатов. — Советский музей, 1936, № 6.
70. Работы Московского областного научно-методического совета. — Там же.

мелкозубчатым и веревочным штампами, находят аналогии, с одной стороны, в материалах фатьяновской культуры, а с другой — в поздняковских. Этот тип керамики прослежен в культурном слое, расположенном под поздняковским курганным могильником у дер. Малое Окулово под г. Муромом [14], и датируется он временем, близким к середине II тысячелетия до н. э.

На эту же дату указывает и находка бронзового ножа или копья (рис. 3, 7), найденного в жилище 1.

Среди находок на поселении Логинов Хутор большое место занимает серия кремневых скребков (рис. 3, *2—6*). Большинство их четырехугольной формы с рабочим краем на конце. Все они имеют высокую спинку. Этот тип скребков весьма стандартен. Такие часто встречаются как в могильных комплексах [15], так и на поселениях поздняковской культуры [16].

Большинство найденных костей животных принадлежало крупному рогатому скоту. Удалось выделить костные остатки девяти особей. В двух случаях отмечены находки костей овцы. Из диких животных в остеологическом материале представлен лось.

Среди других находок можно отметить глиняные орнаментированные пряслица округлой и пирамидальной формы, грузики, обломки сверленого топора — молота для дробления руды, глиняную льячку и другие предметы, обычные на поселениях поздняковской культуры.

В 1969 г. параллельно работам на Логиновом Хуторе отряд под руководством Б. А. Фоломеева проводил исследование на юго-западной окраине Канищевских дюн [17]. Здесь на склоне дюны, у обрыва террасы, обращенной в сторону р. Быстрицы, у соснового леса, называемого местным населением Фефелов бор, расположена неолитическая стоянка, культурный слой которой перекрыт более поздним слоем, содержащим железные предметы и славянскую керамику домонгольского времени. Археологические находки у Фефелова бора привлекали археологов давно.

Впервые в 1891 г. В. А. Городцов, проводя обследование Канищевских дюн, обнаружил в обрыве террасы остатки разрушенных погребений и кострищ со следами трупосожжения [18]. Позднее, в 1930 г., эта местность была обследована Н. В. Говоровым, которому удалось здесь найти погребение, сопровождавшееся сосудом с рогожным орнаментом [19].

В 1969 г. Б. А. Фоломеев на склоне дюны у Фефелова бора заложил несколько раскопов для выявления сохранности культурного слоя неолитического времени. В раскопе, заложенном параллельно краю террасы, были обнаружены шесть могильных ям, содержащих сосуды эпохи бронзы.

В 1970 г. наш отряд заложил раскоп площадью в 180 кв. м, примыкавший непосредственно к раскопу Б. А. Фоломеева. Целью раскопок было

---

[14] *А. В. Збруева.* Мало-Окуловские курганы. — СА, IX, 1947.
[15] *Т. В. Попова.* Коренецкий могильник и стоянка. — СА, 1962, № 1.
[16] *О. Н. Бадер.* Первобытное хозяйство на Оке и в Верхнем Поволжье. — ВДИ, 1939, № 3.
[17] *Б. А. Фоломеев.* Охранные раскопки в окрестностях г. Рязани. . .
[18] *В. А. Городцов.* Материалы к археологической карте. . .
[19] Коллекция хранится в Рязанском краеведческом музее, инв. № 492.

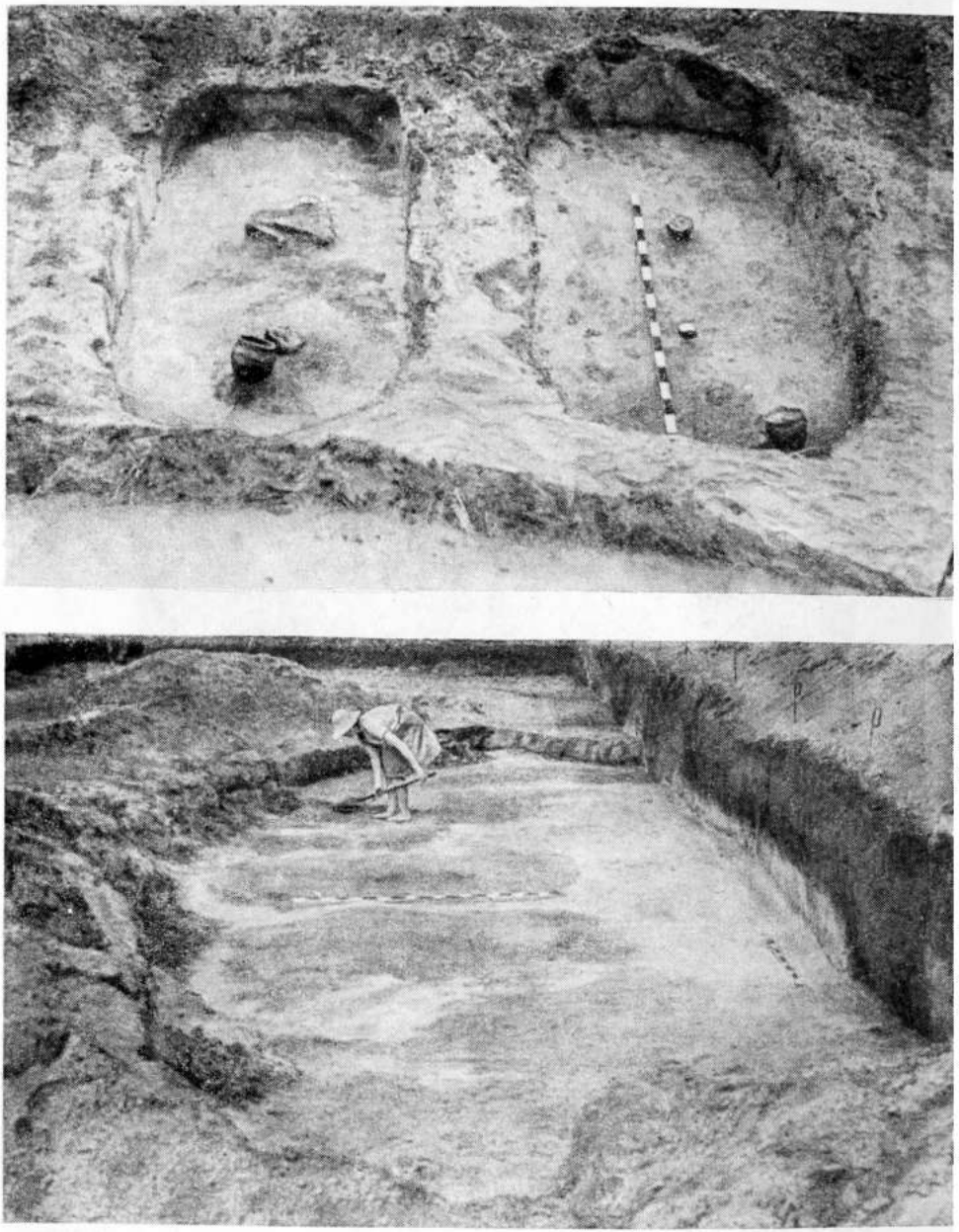


Рис. 5. Зачистка могильных ям. Могильник Фефелов Бор

Рис. 6. Керамика из могильника Фефелов Бор (1—7). Раскопки Б. А. Фоломеева

Рис. 7. Керамика из могильника Фефелов Бор

1 — погребение 7; *2* — погребение 15; *3* — погребение 12; *4*, *5* — погребение 11; *6* — погребение 6; *7* — погребение 9; *8* — погребение 14; *9* — погребение 5

исследование грунтового могильника. Раскопки показали, что культурный слой мощностью 80—100 см, насыщенный культурными остатками различных эпох, сильно перемешан в результате неоднократных заселений.

Тем не менее удалось выявить in situ несколько комплексов. Культурный слой начинался сразу под дерном, но до глубины 40—50 см был слабо насыщен культурными остатками. Ниже, на глубине 60 см от современной поверхности, удалось проследить остатки двух оснований славянских домов домонгольского времени. Это были наземные четырехугольные жилища с полами, плотно утрамбованными, обмазанными светлой глиной, смешанной с соломой. Размеры жилищ невелики — 27—28 кв. м. В одном жилище найден развал камней, около него — разбитый сосуд. На полу найдены фрагменты посуды и железные предметы. Керамика двух типов — круговая и лепная, с характерным волнистым краем и орнаментом, нанесенным на поверхность горшка либо в виде линии оттисков зубчатого штампа, либо в виде линий оттисков «гусиных лапок». Эта керамика встречается на многих поселениях X—XI вв.[20]

Ниже уровня славянских жилищ шел культурный слой, содержащий находки эпохи неолита и ранней бронзы. Эти древнейшие слои сильно пострадали от перекопов во время последующих заселений жилой площадки. Особенно сильно культурный слой был разрушен в эпоху поздней бронзы, когда здесь появился грунтовой могильник племен поздняковской культуры. На вскрытой площади в 1969 г. Б. А. Фоломеевым обнаружено 6 погребений, наш отряд вскрыл 11 погребений в 1970 г., 26 — в 1972 г., 15 — в 1973 г. Могильник не исчерпан, некоторые могильные ямы еще не вскрыты и уходят за пределы раскопов (рис. 5). Исследованные могилы расположены на глубине от 70 до 110 см от поверхности. Все они прорезают культурный слой, наиболее древние углублены в материковый песок от 25 до 45 см. Могилы расположены плотно одна к другой и в них прослежен довольно устойчивый погребальный обряд. Большинство могил ориентировано на северо-восток и север—северо-восток (с очень небольшими отклонениями). Размеры могил значительны — все они больше 2 м, в некоторых случаях достигают и 3 м. Около могил найдены остатки погребальной тризны — уголь, зола, разбитые или целые сосуды. К сожалению, в большинстве могил костяки не уцелели, но сохранившиеся лежали на левом боку в скорченном положении, головой на северо-восток или север — северо-восток. Обычно у головы, а иногда и в ногах, находится погребальный инвентарь, состоящий из двух, трех, чаще одного сосуда. Почти всегда в могилах встречаются остатки угольков и золы. В ряде могил обнаружена красная краска. В шести могилах найдены остатки бронзовых предметов, а в могиле 5 — большой слиток бронзы. Во время раскопок Б. А. Фоломеева в 1969 г. встречена одна могильная яма, содержащая остатки трупосожжения на стороне. В 1972 и 1973 гг. также было отмечено по одному случаю с трупосожжением. О находках погребе-

---

[20] *В. А. Мальм.* Производство глиняных изделий. — Труды ГИМ, вып. 33, 1959, стр. 128.

ния с остатками трупосожжения у Фефелова бора упоминает и В. А. Городцов [21].

Интересны находки ям от столбов, прослеженных у могил 1 и 20. Ямы диаметром 15—25 см, идущие вдоль края могилы, позволяют предполагать наличие оградки, по-видимому, наподобие тех, какие были прослежены П. Я. Мерпертом при раскопках абашевских могильников [22].

Описанный погребальный обряд характерен для грунтовых могильников поздняковской культуры. Как известно, ранние поздняковские могильники — курганные. Они изучены лучше, чем бескурганные.

Грунтовых могильников известно пока немного. Это могильник Дикариха на Плещеевом озере [23] и могильник на Черной горе [24]. Они имеют много общего между собой — размеры, ориентировку погребений, ритуал, при котором большую роль играет огонь и т. д. Все они, включая и погребения у Фефелова бора, расположены на поселениях эпохи неолита и ранней бронзы. Об этом свидетельствуют находки керамики из засыпки погребальных ям. Керамика, в частности из могильника у Фефелова бора, аналогична ранней керамике Логипова Хутора. Это заставляет нас относить погребения грунтового могильника у Фефелова бора к более позднему времени. Это же подтверждает и анализ керамики из могил (рис. 6; 7). Вся она небольших размеров, преобладают баночные формы и их варианты. Поверхность горшков грубо заровнена, многие сосуды асимметричны. Преобладают узоры из ямочного крупнозубчатого штампа, мало узоров, выполненных веревочным штампом, характерным для орнаментальных мотивов ранней стадии поздняковской культуры. Следует сказать, что отсутствует и посуда с сетчатой поверхностью, характерная для памятников поздняковской культуры на ее финальном этапе.

Именно эти соображения заставляют нас относить погребения могильника у Фефелова бора к началу поздней стадии поздняковской культуры, ко времени, когда сетчатая керамика еще не стала господствующей.

---

[21] *В. А. Городцов.* Материалы к археологической карте. . ., стр. 378.
[22] *П. Я. Мерперт.* Абашевские курганы Северной Чувашии. — МИА, № 97, 1961.
[23] *А. К. Никитин.* Дикариха. — МИА, № 110, 1963.
[24] *П. К. Цветкова.* Погребения поздняковской культуры на Черной горе.

Б. А. Фоломеев

Жилища стоянки Фефелов Бор I

Одна из наиболее трудных и интересных проблем истории населения Средней Оки — появление и развитие культуры ранней сетчатой керамики.

Весьма распространено мнение, что для поселений позднего этапа поздняковской культуры характерна керамика, покрытая сетчатыми отпечатками [1]. О. Н. Бадер считает, что «поздний этап поздняковской культуры заканчивается вместе с полным растворением свойственных ей особенностей в складывающейся на Оке местной культуре поселений с «текстильной» керамикой, соединившей в себе все местные и пришлые элементы в конце II или даже в начале I тысячелетия до н. э.» [2].

Таким образом, О. Н. Бадером поставлен вопрос о смене поздняковской культуры культурой ранней сетчатой керамики в конце II—начале I тысячелетия до н. э. Вывод этот получил полное подтверждение в результате раскопок стоянки и городища Тюков городок, открытых в 1928 г. О. Н. Бадером и исследованных в 1968 г. Т. Б. Поповой и в 1970—1971 гг. Б. А. Фоломеевым [3]. Однако остаются нерешенными еще многие вопросы, касающиеся времени появления культуры сетчатой керамики на Средней Оке, взаимоотношений носителей этой культуры с поздняковскими племенами и самого процесса сложения и развития культуры ранней сетчатой керамики.

Поэтому открытие и исследование стоянки Фефелов Бор I — памятника, содержащего чистый комплекс ранней сетчатой керамики, — имеют большое значение. Стоянка эта представляет особый интерес еще и потому, что на ней впервые для памятников ранней сетчатой керамики вскрыт целый комплекс углубленных в материк жилищ.

Стоянка Фефелов Бор I находится в окрестностях Рязани, в 3,5 км к северо-востоку от с. Канищево, на песчаном всхолмлении в пойме Оки, в 1,5 км от ее правого берега. В непосредственной близости от нее расположены стоянка Логиновская Приозерная (Логинов Хутор) и грунтовой могильник поздняковской культуры Фефелов Бор.

Памятник занимает площадку размерами 60×30 м, имеющую небольшой уклон к пойме. С трех сторон она обрамлена слабо задернованными

---

[1] *Т. Б. Попова.* Племена поздняковской культуры. — Труды ГИМ, вып. 40, 1970, стр. 186.

[2] *О. Н. Бадер.* Бассейн Оки в эпоху бронзы. М., 1970, стр. 63.

[3] *Б. А. Фоломеев.* Охранные работы в Рязанском и Клепиковском районах Рязанской области. — Археологические открытия 1971 г. М., 1972.

песчаными холмами, заросшими молодым лесом, с четвертой — ограничена берегом заболоченной старицы пойменной речки Быстрицы. Из-за низкого топографического положения (2—4 м над уровнем поймы) значительную часть ее в половодья заливает водой.

Раскопками 1970—1973 гг. была вскрыта площадь 840 кв. м, полностью раскопано шесть углубленных в материк жилищ. Культурный слой стоянки представляет собой темно-серый песок мощностью 20—40 см, слабо насыщенный находками, что свидетельствует о кратковременном заселении стоянки. Этот слой перекрыт пойменными отложениями мощностью до 50 см, в значительной степени опесчаненными. Вследствие этого западины жилищ сверху не прослеживались.

На контакте культурного слоя и материка удалось зафиксировать только общие, порой очень расплывчатые контуры жилищ. Это связано, по-видимому, с обвалом еще в древности верхних краев жилищ. Поэтому истинными размерами жилищ считались их контуры на глубине 20 см от поверхности материка.

Расположены жилища компактно, свободного места между ними немного. Четыре жилища (3—6) вытянулись в один ряд вдоль берега старицы, в пониженной части стоянки. Два (1 и 2), как бы образуя второй ряд, расположились топографически несколько выше. На одном с ними уровне находится жилище, угол которого зафиксирован в северном углу раскопа (рис. 1; 2).

Жилище 1 расположено в центральной части стоянки. Форма его прямоугольная, стенки слегка выпуклые, углы скругленные. Южный угол несколько оттянут наружу. Ориентировано жилище длинными сторонами перпендикулярно старице. Размеры на уровне материка — 6,9××6,3 м=43,47 кв. м; на глубине 20 см от поверхности материка — 6,4××5,8 =37,12 кв. м. Дно жилища котлообразное. Углубленность центра его относительно поверхности материка составляет 60 см. Средняя, наиболее углубленная часть жилища на площади 3,9×3,2 м (12,48 кв. м) покрыта коричневым сильно уплотненным суглинком мощностью в центре до 20 см. На центральной части его лежит углисто-золистое пятно овальной формы размерами 180×100 см. Следы прокала под ним не наблюдаются.

В золисто-углистом пятне встречались камни и обожженные кости животных. Измельченные кальцинированные косточки были и в коричневом суглинке.

В южном углу жилища имеется еще одно золисто-углистое пятно прямоугольно-овальной формы размерами 110×55 см. В заполнении его много пережженных камней, а вблизи отмечено крупное скопление сетчатой керамики.

К северо-западной стенке жилища примыкала ниша прямоугольных очертаний площадью около 1 кв. м. От северо-восточной стенки шел проход шириной 1,4 м в смежную с жилищем камеру овально-прямоугольных очертаний, имевшую размеры 5×2,1 м. В центральной части прохода, углубленного в материк на 20 см ниже пола жилища, отмечены углистые пятна. Края камеры были углублены в материк всего на 20 см. Однако центральная часть ее прослеживалась в материке до глубины 70 см.

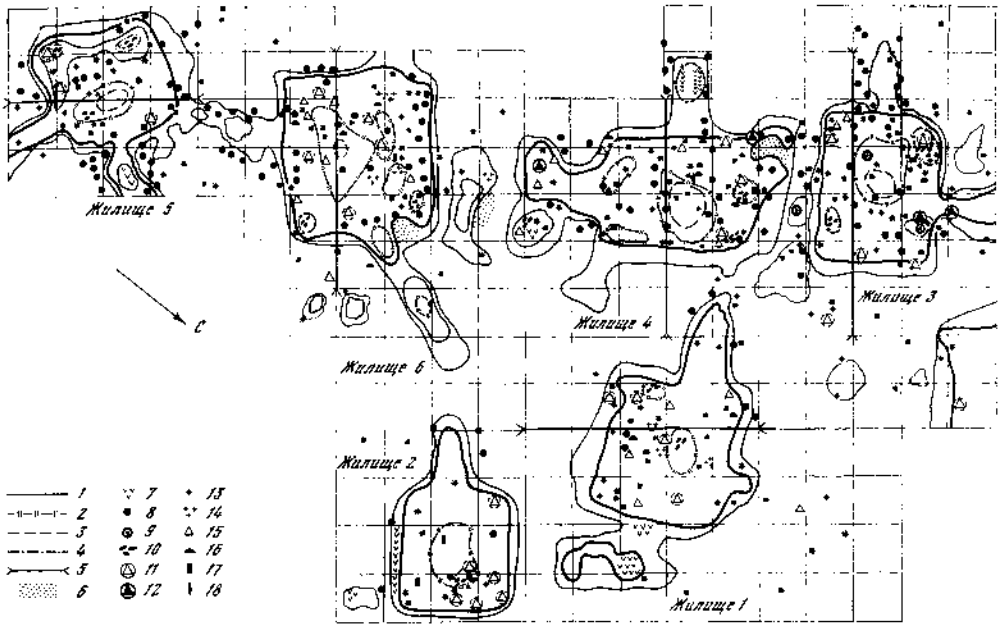


Рис. 1. План раскопок жилищ 1—6 на стоянке Фефелов Бор I

1 — очертания жилищ;
2 — углисто-золистые пятна;
3 — контуры прокаленного песка;
4 — ямы на полу жилищ;
5 — линии поперечных разрезов жилищ;
6 — «песчаные холмики»;
7 — скопления углей;
8 — столбовые ямы;
9 — столбовые ямы, забутованные камнями;
10 — скопления камней;
11 — развалы сосудов;
12 — миниатюрные сосуды;
13 — орудия из камня и кремня;
14 — скопления отщепов;
15 — обломки «светильников»;
16 — глиняные кружочки;
17 — вотивные топорики;
18 — пряслица

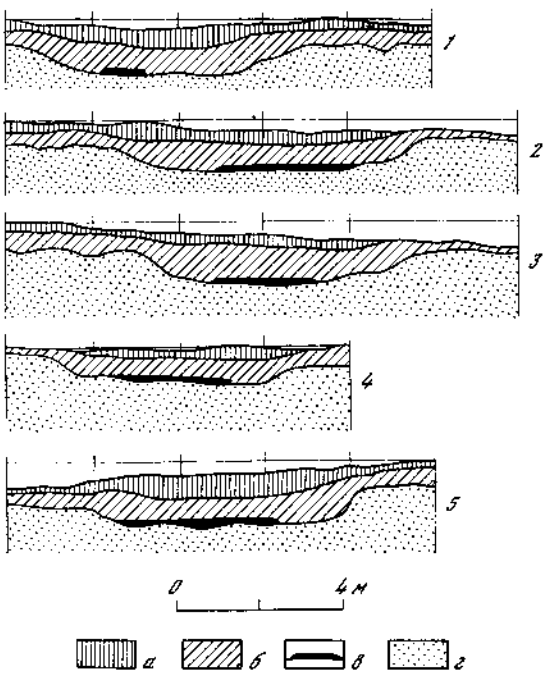


Рис. 2. Поперечные разрезы жилищ на стоянке Фефелов Бор I

1 — жилище 1; *2* — жилище 3; *3* — жилище 4; *4* — жилище 5; *5* — жилище 6
а — пойменные отложения;
б — культурный слой;
в — золисто-углистый слой;
г — материковый песок

Коридорообразный выход из жилища в сторону старицы устроен не в центре юго-западной стенки, а несколько смещен к западному углу жилища. Длина его 3,6 м, ширина на глубине 20 см от поверхности материка 1,4 м. Пол выхода имел пологое поднятие к старице. Близ внешних стенок выхода отмечено несколько столбовых ям. Столбовые ямы встретились и при зачистке пола жилища.

Отмечены следующие закономерности распределения находок на полу. Развалы сосудов и крупные скопления керамики встретились на краю центрального углисто-золистого пятна и близ углистого пятна с камнями в южном углу жилища. Зафиксировано три скопления отщепов в непосредственной близости от центрального углисто-золистого пятна. Отщепы располагались компактными группами по 15—20 на площади не более 0,4 кв. м.

Жилище 2 расположено в непосредственной близости от жилища 1, к юго-востоку от него. Ориентировано оно длинными сторонами перпендикулярно старице. Очертания жилища прямоугольные, углы скруглены, стены несколько выпуклые наружу. Вдоль юго-восточной стенки прослежены вытянутые углистые пятна, по-видимому остатки стенки жилища. Размеры жилища на уровне материка 5,6×5,8 м=32,48 кв. м; на глубине 20 см от поверхности материка — 4,8×5,2 м=24,96 кв. м. Углубленность центра жилища относительно поверхности материка 50 см. Пол в центральной понижениой части на площади 2,8×3,6 м (10,08 кв. м) представляет собой коричневый уплотненный суглинок мощностью около 10 см. В центре жилища на глубине 40—50 см прослеживается большое углисто-золистое пятно неопределенной конфигурации, имевшее площадь около 4,5 кв. м. В северной его части, ближе к стене, была обнаружена яма овальной формы размерами 60×40 см, углубленная в пол на 15 см. Восточная часть ямы была заполнена скоплениями пережженных расколотых камней, западная — занята раздавленным сосудом с сетчатыми отпечатками (рис. 3, *1*). В непосредственной близости от этой ямы около северо-восточной стенки жилища и северного угла были еще развалы сосудов. Среди них гладкостенный сосуд (рис. 3, *2*). Большое скопление керамики имелось и в западном углу жилища.

Коридорообразный выход из жилища, устроенный в центре юго-западной стенки, был направлен в сторону старицы. Длина его 2,8 м, ширина 1,4 м. Пол выхода полого поднимался наружу. Вдоль стен выхода с внешних сторон прослежены три столбовые ямки. Еще две столбовые ямы встречены близ юго-восточной стены жилища и две — между золисто-углистым пятном и северо-западной стенкой.

Жилище 3 топографически расположено ниже жилищ 1 и 2, в прибрежной части стоянки. Оно имеет прямоугольную форму, скругленные углы и ориентировано длинными сторонами перпендикулярно старице. Размеры жилища на уровне материка 7,2×5,5 м=39,6 кв. м; на глубине 20 см от поверхности материка — 6,8×5,2 м=35,36 кв. м. Углубленность центра жилища относительно поверхности материка 60 см. Углисто-золистое пятно в центре жилища имело овальные очертания и занимало площадь около 5 кв. м. Слой коричневого суглинка на полу лежал отдельными пятнами толщиной 5—10 см, и только под частью

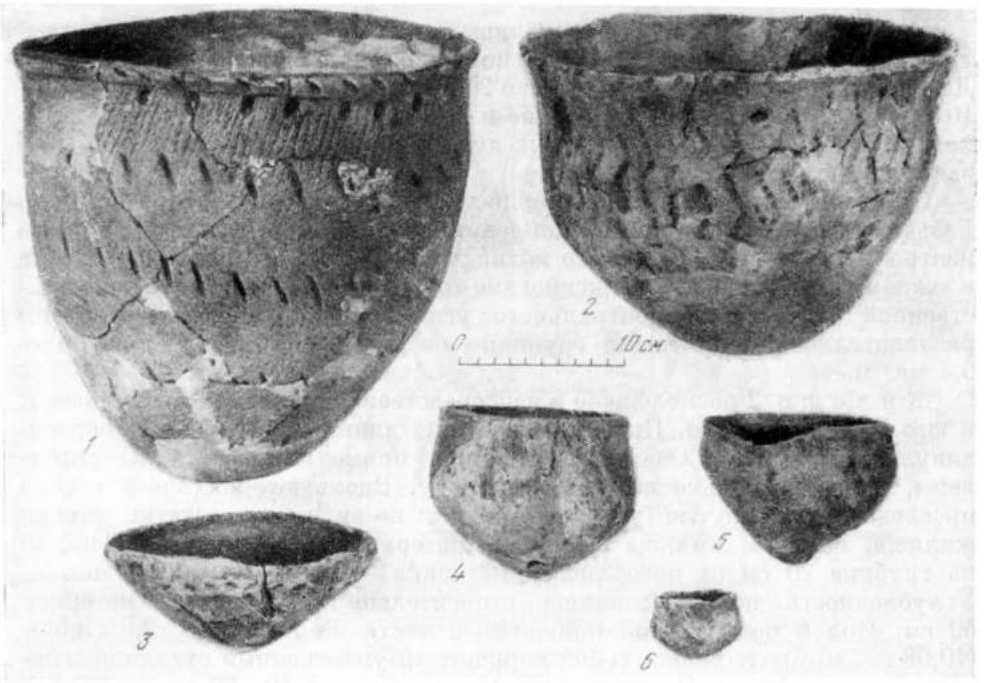


Рис. 3. Сосуды из жилищ стоянки Фефелов Бор I
1, 2 — жилище 2; *3, 5* — жилище 4; *4, 6* — жилище 3

углисто-золистого пятна на площади 1,5 кв. м мощность его достигала 20 см. Песок под этим местом имел следы прокала. Таким образом, местоположение очага можно локализовать именно на месте прокала материкового песка. Очаг в центре жилища был единственным постоянно действующим очагом. Углистые пятна, сопровождаемые часто скоплениями камней, встречались и в других частях жилища, например у юго-восточной стенки. Однако прокал песка под ними не наблюдался.

Западный угол жилища занимала яма овальной формы площадью около 1,8 кв. м, углубленная в материк на 30 см. В этом углублении и на площади, прилегающей к нему, было значительное количество находок: девять каменных орудий (четыре скребка, наконечник стрелы, «выпрямитель древков стрел», долотовидное орудие, сланцевая плитка, заготовка орудия) и два крупных скопления керамики. В самой яме и близ нее встречены довольно крупные камни без явных следов пребывания в огне и лишь отдельные мелкие угли.

В северном углу жилища имелась яма со следами каменной забутовки. Близ нее найден миниатюрный сосудик с круглым дном (рис. 3, *6*). Еще один миниатюрный сосуд найден в начале коридорообразного ответвления, отходившего от северо-западной стенки жилища (рис. 3, *4*). Ширина его

близ жилища составляла 90 см, однако по приближении к стенке раскопа он расширялся до 160 см. Углубленность в материк близ жилища составляла 30—40 см, а у стенки раскопа падала до 120 см. На глубине 60—90 см в расширяющейся части ответвления прослежено углистое пятно диаметром около 60 см.

Жилище имело выход в сторону старицы, устроенный в центре юго-западной стенки. Контуры выхода нечеткие, извилистые, углубленность его в материк составляет всего 20—25 см при ширине около 100 см и длине 2.8 м. Близ стенок выхода с наружных сторон было выявлено несколько столбовых ям.

Значительное количество столбовых ям отмечено и на полу жилища. Среди них достаточно отчетливо выделяются два ряда параллельных ям, проходящих по длинной оси жилища по сторонам от центрального очага. Несколько ям располагается около стен жилища.

Жилище 4 расположено на одном уровне с жилищем 3 и рядом с ним. Как и предыдущее, оно имеет прямоугольные очертания и скругленные углы. Однако в отличие от других, оно ориентировано длинными сторонами параллельно старице. Размеры жилища на уровне материка 5,4×7,8 м =42,12 кв. м. на глубине 20 см от поверхности материка — 5.0×6,4 м=32 кв. м. Углубленность центра жилища относительно поверхности материка 50 см. Углисто-золистое пятно в центре жилища, имеющее овальные очертания, занимало площадь около 5,5 кв. м. Под ним прослеживалось пятно плотного коричневого суглинка площадью около 4 кв. м, переходящее в прокаленный оранжевый песок. Слой коричневого суглинка и прокаленный под ним материковый песок так же, как и в жилище 3, указывают на местоположение центрального очага открытого типа. Близ очага найдены две капли бронзы — единственная находка бронзы на стоянке.

Углистые пятна меньшей интенсивности, чем центральное, были отмечены на полу жилища еще в трех местах: первое — в южном углу, второе — в восточном и третье — близ северо-западной стенки. Последнее сопровождалось камнями, имеющими следы пребывания в огне, и скоплением сетчатой керамики.

К западному углу жилища примыкало сооружение в виде ниши, имеющей площадь около 4 кв. м. В юго-западной половине сооружения залегал темно-желтый песок, не содержащий находок, обрамленный полосой темно-серого песка. Другая половина ниши была заполнена обычным культурным слоем с включениями угля. Под темно-желтым песком и культурным слоем поблизости от одной из столбовых ям, в пределах оконтуривающей полосы темно-серого песка, в положении на боку был найден небольшой сосудик с приостренным дном (рис. 3, *5*).

Сооружение, остатки которого были описаны выше, по-видимому, представляло собой нишу в стенке жилища, в которой было устроено возвышение из материкового песка.

Близ юго-восточной стенки жилища 4 было раскопано еще одно сооружение, соединенное с ним углубленным в материке переходом. По общей конфигурации и размерам оно близко камере, смежной с жилищем 1. Длина его 4,8 м, ширина 1,5—1.8 м, углубленность в материк около 20 см.

В северо-восточной его части имелась овальная яма размерами 1,1×1,4 м, углубленная в материк на 40 см. В заполнении ямы встретились угли и обожженные камни. В этом сооружении напротив перехода в жилище 4 был найден еще один миниатюрный чашевидный сосудик.

От восточного угла жилища прослеживалось канавообразное углубление длиной около 2 м.

Выход из жилища был устроен в центре юго-западной стенки, направлен в сторону старицы и представлял собой коридор шириной 1,6 м, длиной 2,8 м. Углубленность его в материк составляла 35 см. В конце выхода была вырыта большая яма, имеющая овально-прямоугольные очертания и размеры 1,9×1,6 м. Глубина ямы от уровня пола выхода 35 см. Заполнение ямы представляло собой сплошной углистый слой, а на дне ее были прослежены остатки трех обгоревших плах, лежавших вдоль выхода. Однако прокал песка под этой ямой не наблюдался. Близ внешних стенок выхода отчетливо прослеживались столбовые ямы.

В расположении столбовых ям на полу жилища 4 можно усмотреть ту же закономерность, что и в жилище 3. Они расположены двумя параллельными рядами по обеим сторонам от очага и близ стенок жилища.

Предметы материальной культуры, найденные в жилище 4, распределены довольно равномерно по всей его площади, за исключением места, занятого очагом, на котором они встречались редко. Однако уже близ краев углисто-золистого пятна были встречены скопления керамики, кремневые орудия и скопления отщепов.

Жилище 5 топографически расположено ниже всех остальных жилищ. Оно имеет форму, близкую к квадрату со скругленными углами. Размеры жилища на уровне материка 5,7×5,5=31,35 кв. м; на глубине 20 см от поверхности материка — 5,1×4,9=24,99 кв. м. Углубленность центра жилища относительно поверхности материка 40 см.

Центральную часть жилища занимает золисто-углистое пятно, овальное в плане, площадью около 3 кв. м. Под ним залегал тонкий, около 5 см, слой коричневого уплотненного суглинка. Углисто-золистый слой и коричневатый суглинок содержали мелкие кусочки кальцинированной кости (ракушки?) и кусочки обожженной глины. Местоположение самого очага фиксируют контуры прокаленного песка под коричневым суглинком, занимающие площадь около 1 кв. м.

В южном и западном углах жилища имелись две небольшие углубленные в пол ямы, соединенные узкой, шириной 40—50 см, выемкой в полу, углубленной в материк на 20—25 см. В южном углу яма овальной формы имела размеры 0,6×0,45 м и была углублена в материк на 50 см. В заполнении ямы было много камней, поверх которых лежал вверх дном большой сосуд с сетчатой поверхностью, орнаментированный «жемчужинами» по венчику и тулову.

Вторая яма, занявшая западный угол жилища, была углублена в пол на 60 см и имела размеры 1,1×0,5 м. В заполнении ее также встречались угли и отдельные камни. Следует отметить, что близ этих ям и в пространстве между ямами и центральным очагом было найдено значительное количество керамики и кремня. Так, кремневых орудий здесь было найдено 11 из 19, приходящихся на все жилище.

Жилище 5 обладает рядом особенностей, выделяющих его из всех раскопанных на стоянке жилищ. Отличие заключается не только в квадратной форме, но также и в отсутствии обычного для других жилищ выхода в сторону старицы. Оно имело три коридорообразных ответвления, отходящих от центра северо-восточной стены, а также от восточного и северного углов. Назначение первых двух пока не установлено, так как они уходят в стенки раскопа. Третье, начинающееся у северного угла жилища, является углубленным в материк переходом в жилище 6. Оно представляет собой коридор, углубленный в материк на 20—40 см, длиной 4,2 м, шириной 0,8—1,4 м. Вдоль внешних стенок перехода зафиксировано значительное количество столбовых ям. Столбовые ямы, обнаруженные на полу жилища, располагаются как в центральной его части, так и по периметру стен.

Жилище 6 расположено в прибрежной части стоянки между жилищами 4 и 5 и соединено с последним углубленным в материк переходом, описанным выше. Очертания жилища прямоугольные, углы скругленные. Размеры на уровне материка — 7,5×6,8=51 кв. м; на глубине 20 см от поверхности материка — 6,9×6,4=44,16 кв. м. Углубленность центральной части жилища в материк 75 см.

На полу, в центральной углубленной части жилища располагалось углисто-золистое пятно площадью до 5 кв. м. Почти под всей этой площадью оно подстилалось тонким, около 5 см, слоем коричневого плотного суглинка. Прокал песка под углисто-золистым пятном значительный. Песок имеет ярко-оранжевый тон. Однако занятая прокаленным песком площадь ограничена в пределах овала размерами около 0,6 кв. м. Как и в предыдущих жилищах, в углисто-золистом пятне встречались обожженные кости животных, но отсутствовали скопления керамики. В непосредственной близости от него встречены скопления отщепов и развалы сосудов.

На полу жилища обнаружены и другие золисто-углистые пятна. Однако прокал песка под ними не наблюдался. Углисто-золистые пятна в восточном и северном углах содержали камни, сохранившие следы пребывания в огне.

Выход из жилища в сторону старицы, устроенный в юго-западной стенке, был несколько смещен к западному углу. Углубленность его в материк незначительная — около 20 см, ширина 1,6 м.

От северо-восточной стенки жилища шло коридорообразное ответвление длиной 6,6 см, шириной 1—1,2 м, углубленное в материк на 20—30 см. В центральной части этого ответвления была овальная яма, содержащая в заполнении угли. Глубина ямы от поверхности материка 60 см.

Между устьем коридорообразного ответвления и северным углом жилища имеется овальный холмик песка темно-желтого цвета размерами 1,5×1 м. На контакте с материком темно-желтый песок плавно переходит в светло-желтый.

На полу жилища было обнаружено значительное количество столбовых ям, расположенных вдоль его стен. Еще четыре ямы прослежены в непосредственной близости от очага.

Подводя итоги описанию жилищ стоянки Фефелов Бор 1, необходимо отметить, что, несмотря на индивидуальные особенности в устройстве, в целом они представляют собой комплекс с единой архитектурой, свидетельствующей об устойчивых домостроительных традициях. Все жилища можно охарактеризовать как четырехугольные полуземлянки площадью от 25 до 42 кв. м, пол которых углублен в материк на 40—75 см. Во всех жилищах были центральные очаги. Следы прокала материкового песка под ними были обнаружены в жилищах 3—6. Пол в жилищах 1—3 был покрыт плотным коричневым суглинком, а в жилищах 4—6 этот суглинок подстилал центральные углисто-золистые пятна. В золисто-углистых пятнах центральных очагов и на полу близ них чаще всего встречались только обожженные кости животных. Характерно отсутствие в непосредственной близости от них крупных скоплений керамики. В то же время близ краев углисто-золистых пятен неоднократно встречались скопления отщепов, что свидетельствует об изготовлении орудий около очагов. Самые большие скопления керамики и развалы сосудов встречены в углах и около стен жилищ, в ямах (жилища 2, 3, 5) или около небольших углистых пятен, в заполнении которых часто попадаются обожженные камни. Однако следы прокала материка под ними не наблюдаются.

Центральные очаги, по-видимому, были единственными постоянно действующими очагами. На них готовили пищу, после чего сосуды с пищей уносили в углы жилища и ставили в специально устроенные для этой цели ямы, заполненные предварительно горячими камнями, или же на пол жилища и обкладывали камнями. Возможно, здесь только иногда разводили небольшой огонь. Скопления обожженных камней, часто встречающиеся вдоль стен жилищ, могли использоваться и для обогрева удаленных от центрального очага частей жилища.

Интересной особенностью исследованных жилищ являются ниши в их стенах и сооружения, соединенные с жилищами углубленными в материк переходами (жилища 1, 4). Возможно, такими же сооружениями заканчиваются и коридорообразные ответвления от северо-западной стенки жилища 3 и юго-восточной стенки жилища 5. Назначение данных сооружений неясно. Считать их тамбурами, через которые был второй выход из жилищ, по-видимому, нельзя, так как на полу находятся глубокие ямы. Обращают внимание находки миниатюрных сосудиков (рис. 3, *3—6*), которые были встречены в самом овально-прямоугольном сооружении и нише (жилище 4), а также в начале коридорообразного ответвления, возможно заканчивающегося таким же сооружением (жилище 3). Исходя из того, что миниатюрные сосудики чаще всего считаются культовыми предметами, можно предположить, что ниши и овально-прямоугольные сооружения имели культовое назначение. Следует отметить, что в нише жилища 4 был устроен столик из темно-желтого песка. Подобный же столик был и в северном углу жилища 6.

Все жилища, за исключением 5, имели коридорообразные выходы в сторону старицы длиной до 3,6 м. Наличие таких длинных выходов, по-видимому, связано с устройством в них двойных дверей для сохранения тепла. Вторыми выходами из жилищ можно считать коридорообразные ответвления от центра северо-восточных стенок жилищ 5 и 6 и восточного

угла жилища 4. В центральных частях некоторых выходов имелись ямы с углем и даже с остатками обгоревших плах. О. Н. Бадер считает, что в подобных ямах устраивались кострища, не дававшие мошкаре проникать в жилища [4]. Вдоль внешних сторон почти всех выходов, а также перехода между жилищами 5 и 6 четко прослеживались столбовые ямы. По-видимому, столбы были опорными для перекрытия выходов и перехода.

Столбовые ямы, обнаруженные на полу жилищ, очень часто располагаются по периметру вдоль стен жилищ. Особенно четко такое расположение ям прослеживается на полу жилища 6. Можно предположить, что ямы эти остались от столбов, служивших опорой для бревенчатых или плетневых стен. Много столбовых ям обнаружено и в центральных частях жилища. Так, в жилищах 3 и 4 отмечается их расположение по двум параллельным прямым по обеим сторонам от очага. Эти столбы могли иметь прямое отношение к конструкции крыши, которая в этом случае могла быть двускатной. Однако они могли иметь отношение и к устройству внутренних деталей жилищ, например полатей.

Жилища стоянки Фефелов Бор I стоят особняком среди известных нам жилищ неолитической и бронзовой эпох Волго-Окского междуречья. Они довольно резко, особенно по размерам, отличаются от жилищ поздняковской культуры, имевших, как правило, площадь более 100 кв. м [5]. Исключение составляют только жилища стоянки Логинов Хутор (Логиновская Приозерная), раскопанные Т. Б. Поповой в 1968—1969 гг.[6] Два жилища этой стоянки углублены в материк на 70—80 см и имели прямоугольную форму. Площадь первого 65,7 кв. м, второго — 50 кв. м. В обоих жилищах были центральные очаги, представляющие собой мощные углисто-золистые пятна со скоплениями кампей. В первом жилище центральный очаг и зольники вдоль стен занимали почти половину всей площади пола. Во втором жилище пространство близ очага было покрыто слоем утрамбованной глины. Как видно, некоторые детали жилищ стоянок Логинов Хутор и Фефелов Бор I совпадают.

Некоторое сходство с жилищами стоянки Фефелов Бор I имеют жилища, раскопанные В. А. Городцовым на Городецком городище [7]. Жилища Городецкого городища имеют вид четырехугольных полуземлянок, углубленных в материк до 1 м. Длина их составляет 7—12 м, ширина около 5—6 м. Очаги располагались в середине земляного пола. Пол иногда был покрыт «желтовато-бурой плотной почвой, в которой крупных остатков почти не было, а встречалось много костей и чешуи рыб» [8]. В этом описании пола нетрудно узнать коричневый суглинок, покрывающий пол жилищ стоянки Фефелов Бор I. Прямоугольные полуземляночные жи-

---

[4] ОКАЭ, вып. I, 1959, стр. 10.
[5] *Т. Б. Попова.* Племена поздняковской культуры, стр. 219.
[6] *Т. Б. Попова.* Раскопки поселения Логинов Хутор. — Археологические открытия 1969 г. М., 1970, стр. 48.
[7] *В. А. Городцов.* Бытовая археология. М., 1910, стр. 378.
[8] Там же.

лища небольших размеров известны и на других городищах городецкой культуры и памятниках с сетчатой керамикой Костромской низины [9].

Отмеченная выше близость жилищ стоянки Фефелов Бор I и памятников с сетчатой и рогожной керамикой раннего железного века имеет большое значение, так как служит одним из доказательств культурной преемственности между племенами бронзового и раннего железного веков, а также прочных и долговременных традиций в домостроительстве у населения Средней Оки

Поиски еще более близких аналогий жилищам стоянки Фефелов Бор I уводят на Среднюю Волгу и в Прикамье. Близкие по конфигурации, площади и углубленности в материк жилища открыты на некоторых поселениях эпохи бронзы бассейна Средней Волги [10], особенно на стоянках приказанской и чирковско-сейминской культуры. Прикамские жилища эпохи бронзы имеют прямоугольные очертания, длинные коридорообразные выходы, иногда по два на жилище [11]. Иногда в этих выходах, как и на стоянке Фефелов Бор I, устраивались очаги [12]. Характерным признаком камских жилищ считаются и ниши в стенах [13], и соединение их переходами [14]. Эти явления также отмечены на стоянке Фефелов Бор I. Встречаются в прикамских жилищах и возвышения из материкового песка [15], по-видимому, аналогичные песчаным столикам жилищ 4 и 6 стоянки Фефелов Бор I. Общее намечается и в расположении столбовых ям на полу — двумя параллельными рядами по обеим сторонам от центрального очага и по периметру стен [16].

Следует отметить, что приведенные выше камские аналогии жилищам стоянки Фефелов Бор I чаще всего наблюдаются в жилищах конца гаринского — начала борского этапов, т. е. XIV в. до н. э.

Отмеченная близость среднеокских и камских жилищ явно недостаточна для утверждения о культурно-этническом единстве населения Средней Оки и Камы. Слишком большая разница имеется в материальной культуре этих областей. Пока можно говорить лишь о близости домостроительной техники, развивавшейся в сходных географических условиях и на одинаковом уровне социально-экономических отношений.

---

[9] *А. П. Смирнов, И. В. Трубникова.* Городецкая культура. — САИ, вып. Д1—14, 1965. стр. 12; *И. И. Третьяков.* Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М., 1966, стр. 149, 154.

[10] *А. Х. Халиков, Е. А. Халикова.* Васильсурское поселение эпохи бронзы. — МИА, № 110, 1963, стр. 239—268; *А. Х. Халиков.* Материалы к изучению истории населения Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья в эпоху неолита и бронзы. Йошкар-Ола, 1960, стр. 92—99; *Он же.* Древняя история Среднего Поволжья. М., 1964, стр. 244.

[11] *О. Н. Бадер.* Поселения турбинского типа в Среднем Прикамье. — МИА, № 99, 1961, стр. 26, 67, 70, 80, 84, 135, 144, 150; ОКАЭ, вып. I, стр. 11, 12, 28, 34, 116, 124 и др.

[12] ОКАЭ, вып. I, стр. 10.

[13] Там же, стр. 79, 82 и др.

[14] *О. Н. Бадер.* Поселения турбинского типа. . ., стр. 53, 67, 84, 135; ОКАЭ, вып. I, стр. 28, 95, вклейка между стр. 132—133.

[15] *О. Н. Бадер.* Поселения турбинского типа. . ., стр. 51.

[16] Там же, стр. 27; ОКАЭ, вып. I, стр. 133.

Подробное описание всего материала, происходящего со стоянки Фефелов Бор I, не входит в задачи данной публикации. Здесь дается только суммарная его характеристика; более подробно описаны только находки, имеющие значение для определения даты жилищ.

Бо́льшая часть материала, происходящего со стоянки, найдена в жилищах (табл.).

Распределение находок по жилищам

Номера жилищ	Изделия из глины						Кремневые и каменные орудия						
	обломки сосудов	миниатюрные сосуды	крючочки	обломки светильников	пряслица	топорики	скребки	стрелы, дротики	ножи	сверла	полированные плиты	«выпрямители древков стрел»	долота, топоры
1	201	—	3	5	—	—	8	6	3	3	2	—	1
2	450	—	—	—	—	3	3	2	1	—	—	—	2
3	462	2	4	3	—	—	20	5	1	2	3	2	5
4	280	2	6	7	2	—	12	7	1	1	—	1	3
5	320	—	—	—	—	—	7	8	—	—	1	—	—
6	440	—	2	6	—	1	14	6	3	—	1	2	—

Самой крупной категорией находок из жилищ является керамика. Преобладает сетчатая керамика, отпечатки на которой могут быть подразделены на два типа — «ниточные» и «рябчатые» [17]. «Ниточные» представляют собой отпечатки тонкой, чаще всего двупрядной веревочки, расположенные бессистемно или параллельными рядами (рис. 4, *1—4*); «рябчатые» — квадратные, прямоугольные или овальные мелкие ячейки, тесно примыкающие одна к другой (рис. 4, *5—10*). В меньшем количестве встречена керамика гладкостенная (рис. 4, *13*, *14*) и с рельефными расчесами, выполненными гребенчатым штампом (рис. 4, *11*, *12*). Сетчатая керамика в подавляющем большинстве имеет небольшую органическую примесь, реже встречаются песок, дресва, шамот; гладкостенная — преимущественно мелкозернистый песок. Орнаментация гладкостенной и сетчатой керамики существенно не отличается. Следует только отметить более частое применение на сетчатой керамике ямочного и ямчатого орнамента и зонального его расположения, а на гладкостенной — зубчатого и геометрических мотивов. Почти все сосуды орнаментированы. Днища сосудов преимущественно круглые или уплощенные, иногда небольшие плоские.

---

[17] Терминология В. А. Городцова (*В. А. Городцов.* Отчет об археологических исследованиях в долине Оки в 1897 г. — Древности, т. XVII, 1900, стр. 26).

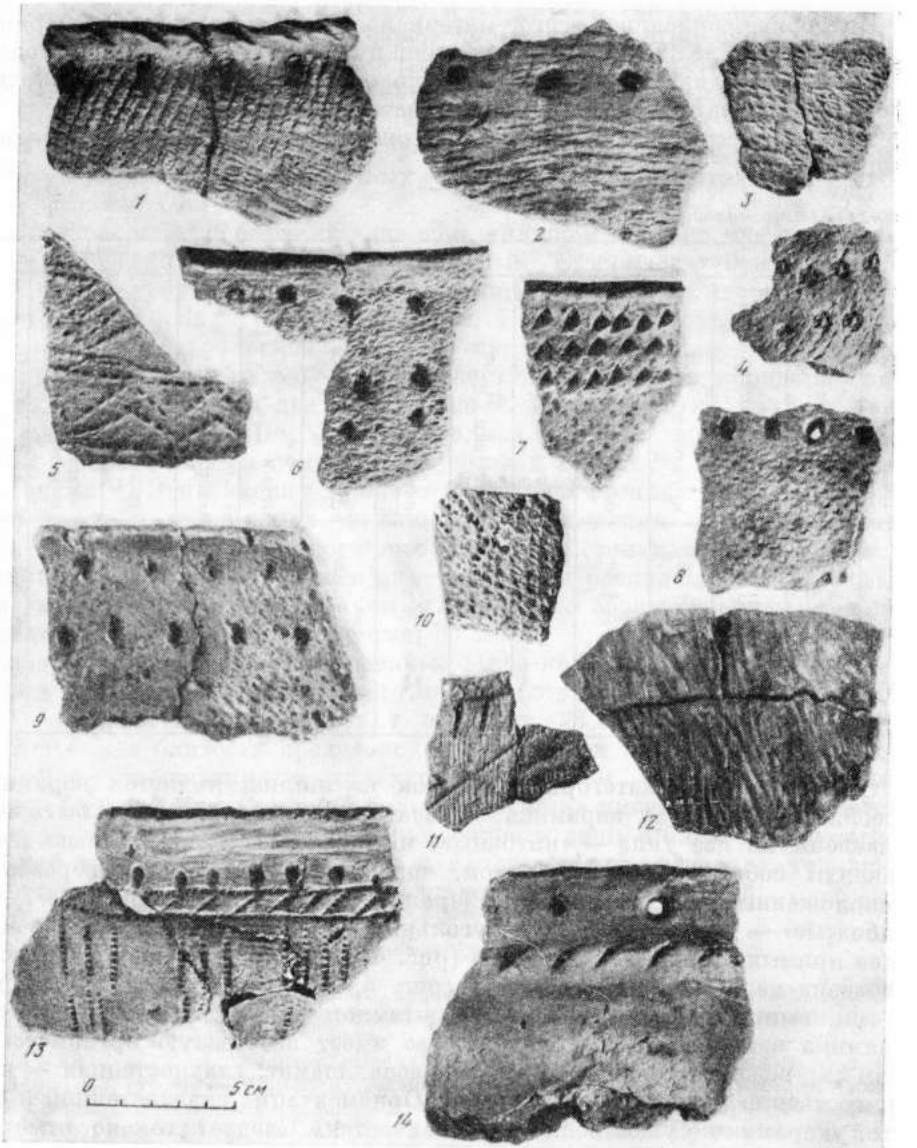


Рис. 4. Обломки сосудов со стоянки Фефелов Бор I

1—4 — фрагменты с «ниточными» отпечатками; *5—10* — фрагменты с «рябчатыми» отпечатками; *11, 12* — фрагменты с «бороздчатой» поверхностью; *13, 14* — гладкостенная керамика

Кроме фрагментов сосудов, на стоянке встречены и другие изделия из глины. Из них наибольшее распространение имеют глиняные кружочки с пришлифованными краями, изготовленные из стенок сетчатых сосудов. Большинство из них имеют по два просверленных отверстия (рис. 5, *4—11*). Аналогичные изделия встречаются на стоянках культуры ранней сетчатой керамики в Костромской низине [18].

В значительном количестве найдены обломки толстостенных сосудиков с поддонами, служивших, по-видимому, светильниками (рис. 5, *1—3*). Обломки верхних, чашевидных частей сосудиков по внешнему виду напоминают обломки лячек. Однако частая их встречаемость на стоянке и наличие поддона исключают использование их в этом качестве. Сосудики на поддонах известны на стоянках культуры ранней сетчатой керамики на Верхней Волге и на ранних дьяковских городищах [19].

На полу жилищ 2 и 6 найдено два целых и два обломка глиняных вотивных топориков (рис. 5, *12—16*), близких глиняным топорикам фатьяновских могильников и Мало-Окуловских курганов [20].

Многочислен и разнообразен кремневый инвентарь. Скребки все с круглыми рабочими краями двух типов: овальные, иногда имеющие ложкарные изгибы (рис. 6, *1*, *2*), и круглые (рис. 6, *3*). Стрелы листовидные, листовидные с маленькими треугольными черешками, листовидные удлиненных пропорций с усеченными основаниями (рис. 6, *7—9*, *12*). Последние принято датировать временем не позже XIV в. до н. э.[21] Встречено также два дротика с четко выраженными треугольными черешками (рис. 6, *5*, *6*). Следует отметить нож с массивной рукояткой и треугольной стреловидной рабочей частью (рис. 6, *4*). Подобный нож встречен в Коренецких курганах [22].

Среди каменных изделий необходимо отметить так называемые выпрямители древков стрел (рис. 5, *15—17*). Два из них имеют по одному желобку, третий — два, расположенные крестом. «Выпрямители древков стрел» обычны для фатьяновских могильников и памятников чирковско-сейминской культуры. Найдены они и на позднеэнеолитических стоянках бассейна Средней Оки [23].

Из рассмотренного выше материала затруднительно вывести твердую дату для стоянки. Однако наиболее вероятным временем ее существования следует считать XV—XIII вв. до н. э. В пользу этой даты свидетельствуют приведенные выше аналогии жилищам и некоторые датирующие

---

[18] *И. И. Гурина.* Памятники эпохи бронзы и раннего железа Костромского Поволжья. — МИА, № 110, 1963, стр. 143.

[19] Стоянка Плещеево III — коллекции ГИМ, № 102024. *И. Г. Розенфельдт.* Керамика Щербинского городища как источник для периодизации и этнического определения дьяковской культуры. — СА, 1972, № 4, стр. 47.

[20] *Л. А. Крайнов.* Древнейшая история Волго-Окского междуречья. М., 1972, стр. 154; *Т. Б. Попова.* Племена поздняковской культуры, стр. 191.

[21] *О. Н. Бадер.* Поселения турбинского типа. . ., стр. 184; *А. Х. Халиков.* Древняя история Среднего Поволжья, стр. 248.

[22] *Т. Б. Попова.* Коренецкие курганы и стоянка. — СА, 1965, № 1, стр. 158.

[23] *Л. А. Крайнов.* Древнейшая история. . ., стр. 149; *А. Х. Халиков, Е. А. Халикова.* Васильсурское поселение. . ., стр. 261. Владычинская береговая стоянка — коллекция ГИМ, № 101991.

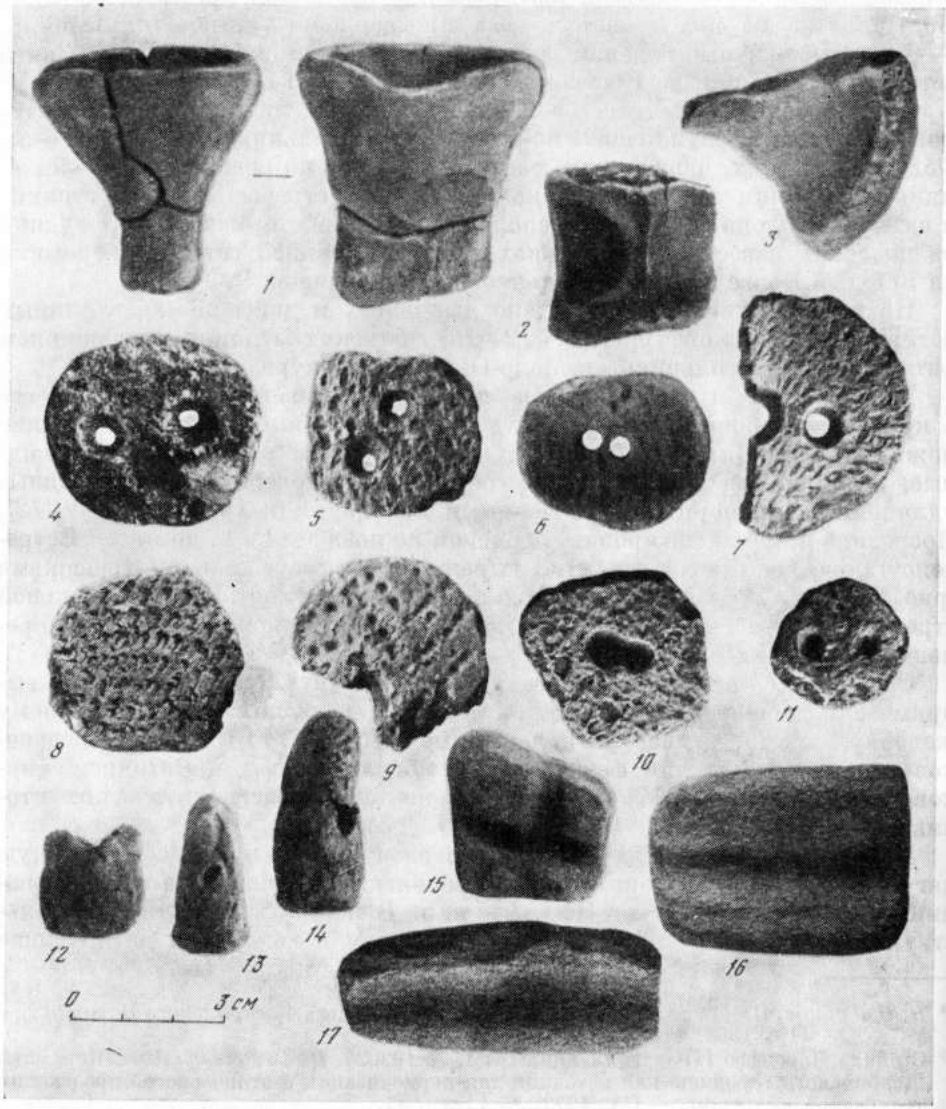


Рис. 5. Изделия из камня и глины со стоянки Фефелов Бор I

1—3 — обломки «светильников»; *4—11* — глиняные кружочки из стенок сосудов *12—14* — вотивные топорики; *15—17* — «выпрямители древков стрел»

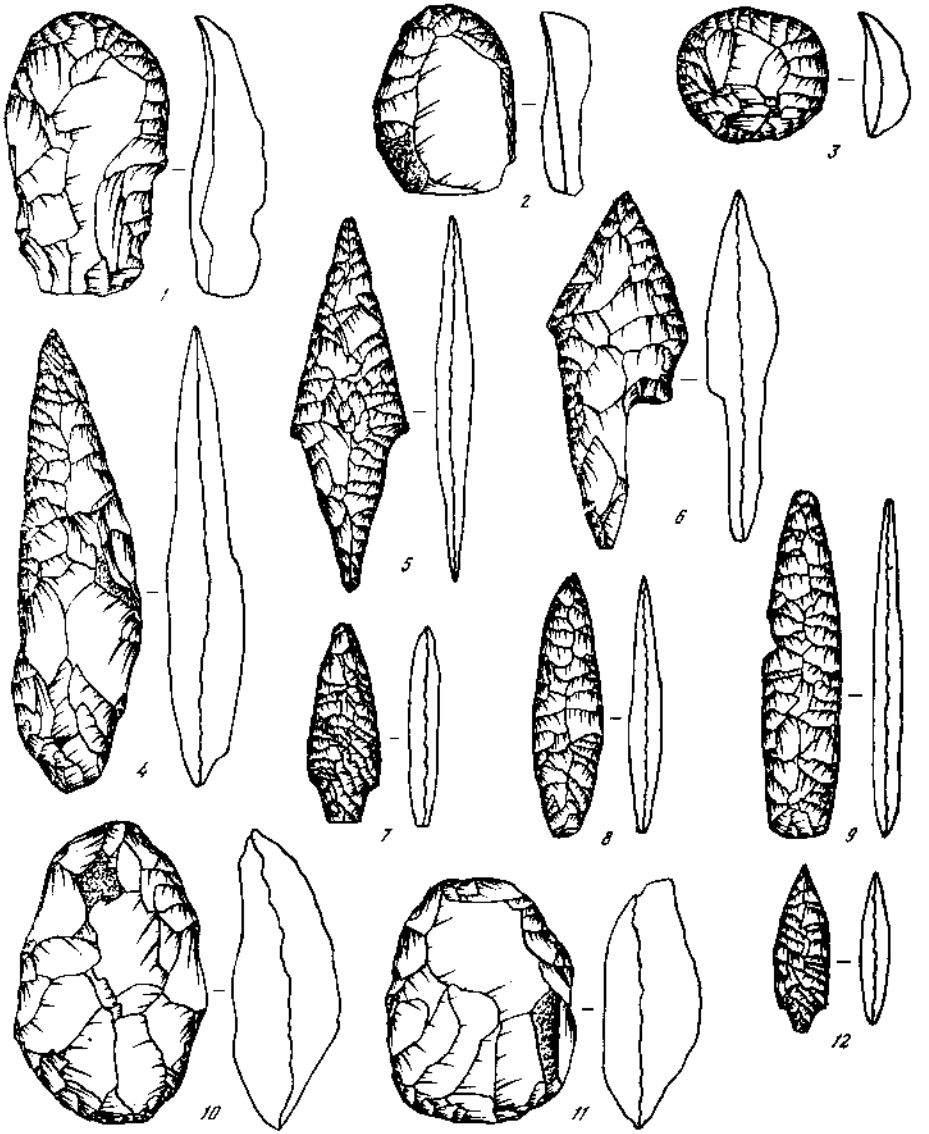


Рис. 6. Кремневые орудия со стоянки Фефелов Бор I

1—3 — скребки; *4* — нож-кинжал; *5, 6* — наконечники дротиков; *7—9, 12* — наконечники стрел; *10, 11* — долотовидные орудия

предметы: глиняные вотивные топорики, «выпрямители древков стрел», стрелы с усеченными основаниями и т. п.

Такая ранняя дата стоянки уже сложившейся культуры ранней сетчатой керамики предполагает, что сама сетчатая керамика появилась на Оке еще раньше.

Сетчатая керамика встречается уже на многих позднеэнеолитических памятниках, относимых И. К. Цветковой к третьему этапу рязанской культуры, залегая на них совместно с керамикой «дубровичского» типа: Дубровичи (Борок), Борки II, Ибердус I, Совка II, Владычинская береговая и другие. Конец существования этих стоянок приходится на середину II тысячелетия до н. э. Однако керамика «дубровичского» типа продолжала бытовать и в третьей четверти II тысячелетия до н. э. Об этом свидетельствует находка фрагментов ее видоизмененного варианта на полу жилищ стоянки Фефелов Бор I.

Временем не позже второй четверти II тысячелетия до н. э. датирует Т. Б. Попова стоянку Логинов Хутор. Наряду с обычной для стоянки гладкостенной керамикой здесь встречена и сетчатая. Одновременность гладкой и сетчатой керамики доказывается находками сетчатых сосудов на полу жилищ. На полу жилища был найден развал сосуда с сетчатыми отпечатками, который имеет прямой венчик, выпуклые бока и яйцевидное днище [24]. Встречается сетчатая керамика и на таких раннепозняковских памятниках, как Алекановская стоянка и Мало-Окуловские курганы [25].

Таким образом, появление сетчатой керамики на Средней Оке следует датировать временем не позднее второй четверти или середины II тысячелетия до н. э., а это означает, что на Средней Оке во второй половине I тысячелетия до н. э. существовали две этнически различные культуры: позднякovская и ранней сетчатой керамики.

---

[24] См. выше стр. 226.
[25] Коллекции ГИМ, № 98328, 42784.

А. А. Мансуров и *О. Н. Бадер*

Археологическая карта окрестностей Касимова

От одного из авторов

Настоящая работа была выполнена А. А. Мансуровым и О. Н. Бадером после проведения в 30-х годах совместных полевых обследований в Касимовском р-не и в 1940 г. была сдана для публикации в Трудах Научно-исследовательского института краеведческой и музейной работы НКП, где оба автора в то время состояли консультантами.

Считая дело составления археологических карт первоочередной задачей археологов-краеведов на местах, авторы в конце 30-х годов наметили публикацию серии работ, которые должны были служить руководством для выявления и учета археологических памятников и составления археологических карт, а также большого руководства для сбора, хранения и использования археологического материала в краеведческом музее.

Однако Отечественная война и гибель А. А. Мансурова не позволили нам полностью осуществить намеченные планы. Настоящая работа и работа А. А. Мансурова «Основная археологическая карта РСФСР, л. № 37—56» (123, рис. 10) [1], выполненные в соответствии с требованиями предложенной методики, были сданы для публикации, но, к сожалению, не были напечатаны.

Рукопись настоящей работы и названной работы А. А. Мансурова после войны не была нами разыскана. Особенно досадна пропажа некоторых иллюстраций, которые нельзя восстановить. Работа публикуется нами по уцелевшей копии текста с некоторыми сокращениями и дополнениями.

Труд по созданию настоящей работы разделен между авторами следующим образом: О. Н. Бадером написано введение, описания Подборной и Ибердусской стоянок, Земского курганного могильника и некоторых других памятников, обследованных совместно с А. А. Мансуровым, а также первая часть заключительной главы, касающаяся памятников первобытного общества, т. е. эпохи камня, бронзы и раннего железа; им же работа дополнена новыми данными, появившимися в послевоенные годы. Весь остальной текст написан А. А. Мансуровым, которым также

[1] В скобках указаны ссылки на список литературы, приложенный в конце статьи (см. стр. 316—323).

И. С. Гагин, касимовский краевед (1767—1844)

Немногочисленные археологические находки на территории Касимовского уезда в период с 1884 по 1917 г. передавались в Рязанский музей. В «Трудах» Комиссии печатается ряд исторических документов по Касимову, интересных и в археологическом отношении, в частности по вопросам постройки стен кремля.

В конце 1880-х годов вышла в двух изданиях книга П. И. Шишкина «История города Касимова с древнейших времен» (215). Составленная малокомпетентным автором, она слово в слово повторила гагинские и некоторые другие сведения об археологических памятниках Касимова и его окрестностей, появившиеся в печати в первой половине и в середине XIX в.

После Великой Октябрьской социалистической революции в Касимове был организован местный краеведческий музей, при котором работал краеведческий актив. Помимо разведок И. А. Китайцева, давших хорошие результаты, в исследованиях принимали участие приезжавшие из центра специалисты. Так, в 1924 г. были произведены археологические рекогносцировки Н. И. Лебедевой, в 1925 г. Б. А. Куфтин при участии Н. И. Лебедевой, А. А. Мансурова и И. А. Китайцева произвел первые раскопки Подборной стоянки, а также раскопал Земский курган, и в 1926 г. — Ибердусскую стоянку. В 1932 г. О. Н. Бадер совместно с А. А. Мансуровым вели археологические разведки на ближайшем к Касимову отрезке Оки, а в 1937 и 1940 гг. О. Н. Бадер произвел раскопки Подборной стоянки.

Значительное количество археологических коллекций и отдельных находок было собрано в Касимовском музее, в частности Л. А. Кленовым.

Систематизация материалов по археологии Рязанской области велась с 1925 г. А. А. Мансуровым, который в связи с этой работой составил несколько библиографических и археографических указателей по археологии и этнографии Рязанского края. Некоторые из них были изданы в Трудах общества исследователей Рязанского края (в семи отдельных выпусках). Эта работа и легла в основу предлагаемого труда, который в целом был закончен в 1940 г.

В послевоенные годы в районе Касимова продолжал археологические обследования И. А. Китайцев. Особенно интересны его находки в 40-х—50-х годах близ с. Бабина-Булыгина, где им открыта новая неолитическая стоянка, и у с. Ибердус. По следам Б. А. Куфтина и И. А. Китай-

цева в 1960—1962 гг. вела раскопки у с. Ибердус И. К. Цветкова. Она продолжила раскопки Ибердусской I стоянки и исследовала еще две стоянки у того же села, давшие материал, очень ценный для изучения волосовской и поздняковской культур.

Географическое введение

В географическом отношении описываемый район может быть назван окрестностями Касимова. Сам город Касимов лежит на высоком левом берегу Оки. Течение последней занимает большое пространство, проходя по всем четырем кварталам. Входя в пределы листа у самого юго-западного его угла, Ока вплоть до 55-й параллели течет на север, после чего резко меняет свое направление, спускаясь к юго-востоку. Перемена течения здесь связывается с наличием так называемого Окско-Цнинского вала, или Касимовской каменноугольной гряды, которую река пробивает на нижнем отрезке своего течения (в пределах рассматриваемого листа). Это обстоятельство меняет характер окской поймы. Верхний отрезок Оки, имеющий спокойное течение, характеризуется широкой поймой, изобилующей множеством озер и стариц. Богатые заливные луга простираются на десятки километров от русла Оки. Издавна славящиеся так называемые Ерахтурские, Кочемарские и Рубецкие луга представляют собой не что иное, как сплошной массив, смыкающийся уже за пределами описываемого листа с не менее знаменитыми Ижевскими лугами. Как раз этот отрезок Оки, тянущийся благодаря извилистости ее течения более чем на 100 км, в археологическом отношении исследован хуже всего. Известная археологическая карта долины Оки, составленная в 1895 г. В. А. Городцовым, обрывается километрах в 30 выше границы листа. Нижний отрезок Оки, являясь непосредственными окрестностями Касимова, обследован гораздо лучше.

Поворачивая от 55-й параллели к юго-востоку, Ока теряет свою широкую пойму и течет в узком коридоре, выложенном известняковыми породами. Берега ее высокие, изобилующие выходами белого камня, разработка которого во многих местах началась уже давно. Известно, например, что минарет Касимовской мечети, построенный в XV в., сооружен из малеевского камня (Малеево — село, находящееся от Касимова километрах в 12 выше по Оке). Дно реки устлано камнем и до последнего времени обилием перекатов доставляло судоходству большие неудобства. Особенно опасным считался перекат «Каменка», расположенный ниже Касимова.

На описанном отрезке Ока не принимает более или менее значительных притоков. Имеющиеся же впадают главным образом с левой стороны. Наиболее крупные из них: Пра и Гусь. Из других левобережных притоков должны быть отмечены: Ламша, Сынтул, Сиверка и Бабенка — маленькие речушки, омывающие Касимов с северной и юго-восточной сторон. Самый значительный правобережный приток — Ташенка с впадающими в нее речками Мур и Чинур.

Верхний отрезок течения Оки покрыт густой сетью пойменных озер, которые занимают очень большие пространства. Наиболее значительным

является озеро Румбы, расположенное близ с. Ерахтур. Названия селений, рек и урочищ представляют большой интерес с точки зрения топонимики. Можно легко выделить три группы наименований: славянские (русские), как, например, Ладыжкино, Рубецкое, Акимино, Истомино, Чернышево, Лом, Брево, Василево, Жданово, Давыдово и др.; древнефинские, как, например, Ибердус, Курман, Телебукино, Ерахтур, Чинур, Нармушадь, Сынтул и пр.; татарские, как, например, Алькичево, Карамышево, Джегурманово, Темгенево, Баишево, Сафоново, Колобердеево и т. д.

Вопрос о времени заселения территории. Обзор находок костей ископаемых четвертичных животных

Древнейшие следы пребывания человека на описываемой территории представлены неолитическими стоянками. Палеолитических и мезолитических памятников не найдено. Однако, учитывая то, что геологические условия местности позволяют допустить пребывание на берегах Касимовского течения Оки палеолитического человека, и то, что даже сравнительно недалеко вверх по Оке, а также вниз, в окрестностях Мурома и севернее, на Клязьме, палеолитические памятники уже найдены, — вполне вероятно предположить, что и здесь они будут открыты.

В связи с этим интересно сделать обзор костей четвертичной фауны, найденных на описываемой территории. К сожалению, имеющиеся у нас сведения очень неполны. Во-первых, многие находки бесследно исчезли, так как попали в руки лиц, не понимавших их значения; во-вторых, часть собранных в музее костей не имеет документации, почему и не может быть включена в сводку, и, в-третьих, обращали на себя внимание, естественно, лишь крупные кости, а все остальные остались никак не отмеченными.

Приводим список известных находок.

1. Около дер. Баишева, по сведениям, полученным от В. И. Нагибина, заведующего Касимовским музеем, в январе 1930 г. были найдены кости мамонта, которые поступили в Касимовский музей. [№ 31][2].

2. На берегу речки Зыбенки между деревнями Жданово и Давыдово еще до империалистической войны были найдены бивни мамонта, которые были находчиком сданы полиции. Сведения сообщил в 1923 г. касимовский учитель Ф. Дашков. [№ 48].

3. Около дер. Поповка в ручье Черный Рог в 1910-х годах был найден череп бизона. Находка поступила в Касимовское среднее техническое училище. После организации в Касимове музея череп был передан туда. [№ 44].

4. Около дер. Савино бывшей Бошинской волости, по сведениям, полученным от В. И. Нагибина, в январе 1930 г. был найден крестец мамонта. [№ 49].

---

[2] В прямых скобках здесь и в дальнейшем указаны номера местонахождений по археологической карте Касимова и его окрестностей (рис. 1).

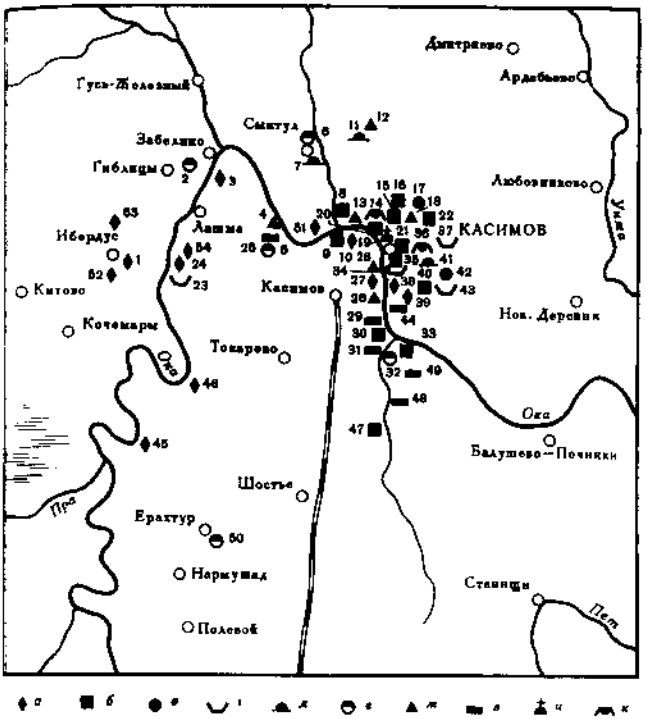


Рис. 1. Археологическая карта Касимова и окрестностей

Условные обозначения:

а — стоянка;
б — городище;
в — селище;
г — могильник;
д — курганы;
е — клад;
жс — находки отдельных вещей;
з — палеонтологические находки;
и — древний храм;
к — каменная гробница;
1 — Ибердусская I стоянка;
2 — Степаново, находка монет;
3 — Забелинская стоянка;
4 — Телебукино, находки каменных орудий;
5 — Телебукино, находка костей мамонта;
6 — Дубово поле, находка монет;
7 — Бажсновские курганы;
8 — Сынтульское городище;
9 — Бабенское городище;
10 — Затонная стоянка;
11 — Земские курганы;
12 — Алешино и Земское, находки каменных орудий;
13 — Касимов, находка каменного топора;
14 — гробница царевича Якова;
15 — Касимов, кремль;
16 — Мусина гора, укрепление;
17 — Касимов, находки монет;
18 — Касимов, находки каменных орудий;
19 — Старая мечеть;
20 — текие Шах-Али;
21 — Городец Мещерский;
22 — Земляной Струг, городище;
23 — Курманский могильник;
24 — Курманская стоянка;
25 — Телебукино, находки монет;
26 — Межубры, озеро, находка каменной стрелки;
27 — Подборная стоянка;
28 — «Последняя избушка», находки каменных орудий;
29 — Ташенка, находка костей мамонта;
30 — Ташенское городище;
31 — Баишево, находки костей мамонта;
32 — Баишево, находки татарских монет;
33 — Баишевское городище;
34 — Старый Посад, погребение;
35 — Старое Мещерское городище;
36 — текие Авгана;
37 — старое татарское кладбище;
38 — Поповская низовая стоянка;
39 — Поповская стоянка;
40 — Столбище, городище;
41 — Поповские курганы;
42 — Поляны, селище;
43 — Поповский боровой могильник;
44 — Поповка, находка черепа бизона;
45 — Добрынин Остров, стоянка;
46 — Ладышкинская стоянка;
47 — Ждановское городище;
48 — Зыбенка, речка, находки костей мамонта;
49 — Савино, находки костей мамонта;
50 — Ерахтур, находки монет;
51 — Бабино-Булыгинская стоянка;
52 — Ибердусская II стоянка;
53 — Ибердусская III стоянка;
54 — Курманская стоянка эпохи бронзы

5. Около с. Ташенка в 1929 г. при ломке камня в карьере рабочие нашли кости мамонта. Сведения получены через В. И. Пагибина. (135) [№ 29].

6. В июне 1926 г. близ с. Телебукино при добыче камня рабочими были найдены на значительной глубине в слое белой глины четыре больших кости мамонта и один зуб весом 7,5 фунтов. (55, 73) [№ 5].

Этими отрывочными сведениями ограничиваются известные нам случаи находок костей четвертичных животных. Упомянем, что В. И. Крейтон в «Спутнике по Рязанскому музею» (90) отмечает, что в Касимовском уезде часты находки костей шерстистого носорога.

Стоянки неолитической и бронзовой эпохи. Обзор отдельных находок

Сведения, которыми мы располагаем относительно стоянок древнейшего человека для территории изучаемого листа, далеко не полны. Несомненно, число их будет значительно увеличено после обследования отрезка верхнего течения Оки. Из числа известных и обследованных памятников исключительный интерес и значение имеют стоянки Ибердусские и Подборная.

Приводим описания памятников и находок.

1. Около с. Алешино и дер. Земское на полях находят каменные стрелки. (91) [№ 12].

2. Добрынин остров, стоянка. Находится на правом берегу Оки в так называемых Ерахтурских лугах — километрах в 8 к северо-западу от северного конца с. Ерахтур, на высоком холме, никогда не заливаемом полой водой. Разведка памятника была проведена Д. И. Агаповым в 1929 г. Собранные им находки в виде осколков глиняной посуды и одного кремневого отщепа позволяют предположительно отнести памятник к эпохе бронзы. (Коллекция в количестве 10 экз. хранится в Рязанском областном музее под № 351.) О Добрынине острове имеется ряд литературных упоминаний. Еще в 1864 г. П. А. Гильдебрандт писал в газете «День»: «Касимовский уезд может гордиться тем, что его почва служила ареною действий для богатыря Добрыни, недаром названного былиною Рязаничем: свидетелем этого может служить Добрынь-остров — земляное возвышение в 70 саженях от Оки (неподалеку от села Ерахтура), во время половодья представляющее из себя остров. Верстах в шести находится другое возвышение по имени Пупки. Народное предание говорит, что на Пупках сидел Илья Муромец, а на Добрынь-острове — Добрыня Никитич и что эти два богатыря перебрасывались топорами» (46). Подобных легенд о богатырях, перебрасывающихся топорами, распространено немало. С ними мы еще встретимся в дальнейшем, при описании городищ. Легенду о Добрыне-острове передают в разных вариантах. Так, И. А. Кузьмин (92) говорит, что Добрыня перебрасывался топором с богатырем Володей, живущим на Володиной горе, расположенной между дер. Сидоровой и с. Токаревым — на расстоянии 15 верст. В путеводителе «Волга и ее притоки», составленном Н. Усовым (177), товарищем Добрыни назван Алеша Попович, живший будто бы на другом холме в лугах, верстах

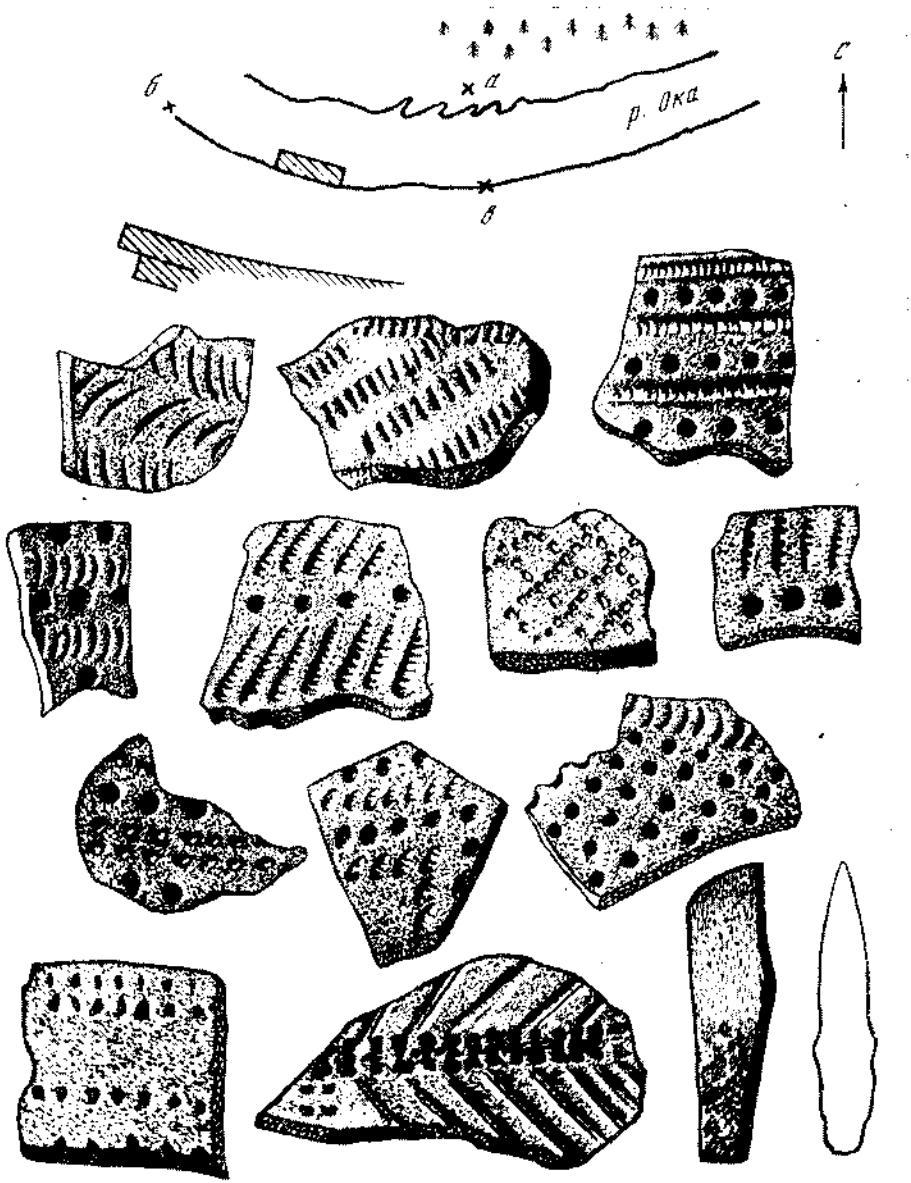


Рис. 2. Забелинская стоянка. Схематический план местонахождений и найденные предметы

а — место находок Анучфриева и забелинских ребят; *б*, *в* — места находок К. Тронина

в четырех. Местные жители указывают также под дер. Ладыжкино местечко «курган», куда будто бы Добрыня бросал топор. (46, 53, 92, 118. 204, 215) [№ 45].

3. Забелинская неолитическая стоянка. Находится на правом песчаном берегу Оки, против пристани Забелино, несколько выше по течению (рис. 2). Сведения о памятнике были сообщены погостьинским учителем М. П. Головкиным в 1925 г. (48, 118) [№ 3].

4. Бабенская неолитическая стоянка. Находится на левом берегу Оки, напротив с. Бабенки (или Бабино-Булыгино). По данным И. Л. Китайцева, открывшего и неоднократно обследовавшего стоянку в 40-х и 50-х годах, культурный слой стоянки уже полностью развеян. Собранный им на стоянке материал в виде обломков керамики, а также кремневых осколков и орудий, по мнению И. К. Цветковой, сообщившей нам эти сведения о памятнике, относится к раннему этапу рязанской неолитической культуры. [№ 51].

5. Затонная неолитическая стоянка. Находится против Касимова на правом берегу Оки. Она расположена на берегу затона и тянется от Троицкого озера по направлению к с. Бабенкам. Поверхность ее частью поросла ивовым и осиновым кустарником. Песчаные обнажения густо усеяны раковинами, костями рыб и животных, кремешками и иногда обломками глиняной посуды. Вследствие того, что это место из года в год заливается водой, состояние большинства находок плохое. Керамика коричневая, слабо обожженная, с ямочным и точечным орнаментом (рис. 3). Угли, мелкие кости животных и раковины встречаются в кустиках или в котловинах, чаще всего не в местах первоначального залегания, а уже перенесенные водой. В 1924 г. Н. И. Лебедева заложила на стоянке несколько пробных шурфов и установила отсутствие культурного слоя. Он развеян ветрами и размыт весенними разливами Оки. Поэтому раскопки памятника производить нельзя. В Касимовском музее собрано немало находок с этой стоянки. Коллекции в Рязанском музее, инв. № 286 — 8 экз. и № 354 — 69 экз. Первая собрана А. А. Мансуровым в 1928 г., вторая — им же в 1929 г. (47, 99, 101, 118, 151) [№ 10].

6. Стоянка I у с. Ибердус. Была открыта И. А. Китайцевым в 1926 г. В письме о своей находке к А. А. Мансурову (1926 г.) И. А. Китайцев пишет: «Любопытное открытие — колоссальнейшая стоянка длиной до версты, с культурным слоем до 1 аршина (и несколько больше). Внешний вид стоянки — конфигурация местности — чрезвычайно схож с Подборной. Большой водой этого года и поразмыта, и занесена значительным слоем песка, под которым обнаружен культурный слой. На поверхности собрано до десятка кремневых изделий и сотни осколков и черепков».

В 1927 г. Б. А. Куфтин произвел раскопки стоянки. Сведения о них Б. А. Куфтиным сообщены не были, и мы лишены возможности характеризовать эти раскопки.

Ибердусская стоянка в раскопках 1927 г. дала коллекцию, состоящую из 3632 предметов, хранящуюся в Московском областном музее в г. Истре под номером 64. Как обычно на стоянках, и здесь преобладает керамика. Она встречена частью в очень крупных фрагментах и дала возможность восстановить один сосуд целиком и два — в их нижней части.

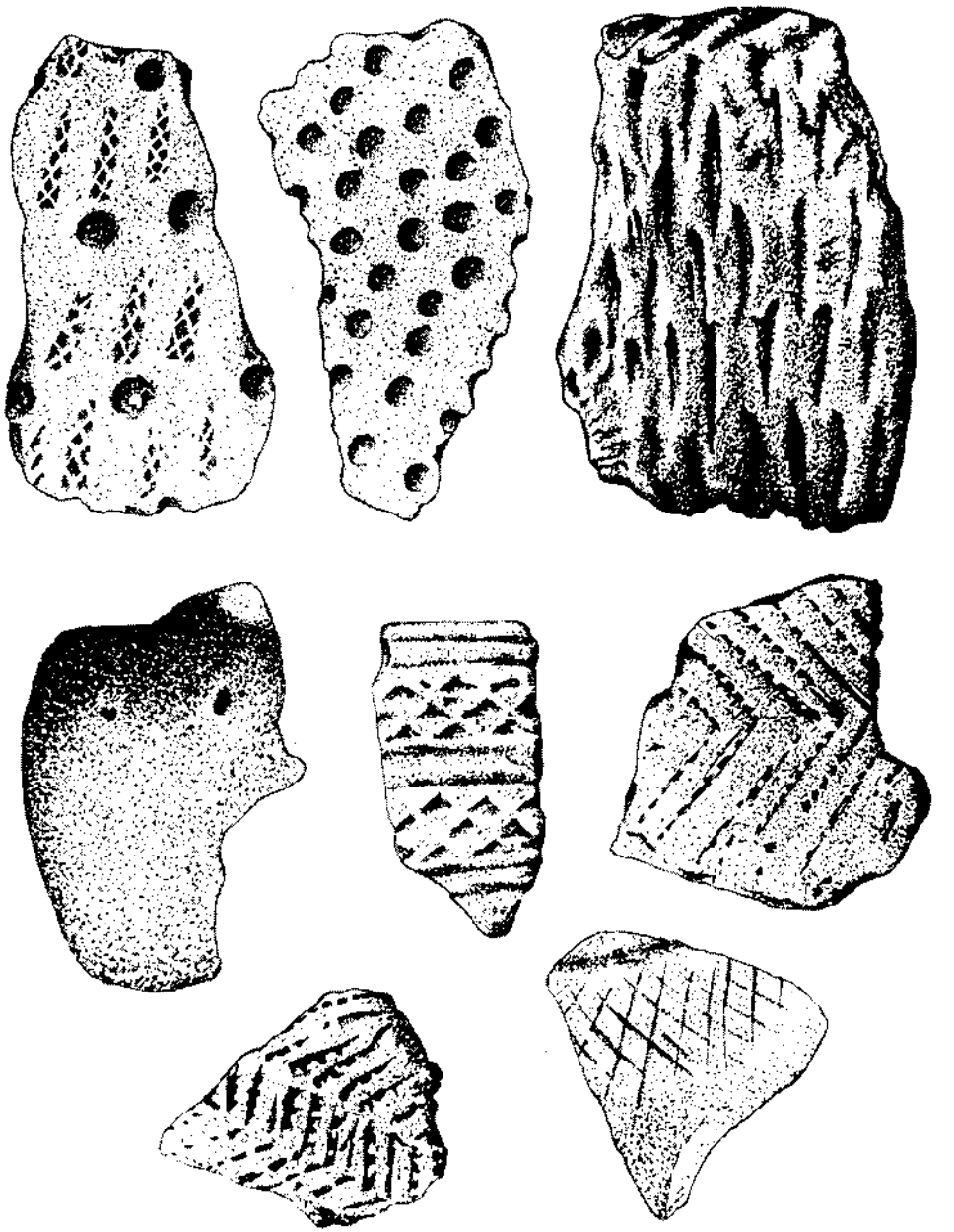


Рис. 3. Керамика с Затонной стоянки

произведены разбор и систематизация библиографических и в значительной мере музейных археологических источников.

Рисунки подготовлены художником К. Н. Никахристо.

Краткий очерк истории исследований

Археологическое изучение памятников Касимова и его окрестностей началось в 1830-х годах, но мы имеем ряд более ранних исторических источников, которые очень важны и в археологическом отношении. Татарские памятники, необычные для Центральной России, естественно прежде всего привлекали к себе внимание.

Немецкий ученый и государственный деятель Герберштейн, посетивший в последний раз Россию в 1526 г., в своем труде «Записки о московитских делах» кратко описал современный ему Касимов, находившийся в то время под управлением царевича Джан-Али; упомянуто им было лишь о татарах. Следующее упоминание о Касимове принадлежит Адаму Олеарию, который с голштинскими послами ехал в Персию и посетил Касимов в 1636 г. Помимо кратких сведений о татарском царевиче, его дворце и мечети, Олеарий оставил нам самое древнее изображение Касимова в виде рисунка его с Оки. Далее о Касимове говорит Мейерберг, бывший в России в 1661—1662 гг. В 1669 г. Касимов посетил Стрюис. Из его записок мы знаем, что он был во дворце царевича. В 1692 г. вышло первое издание книги Н. Витсена «Noorol en Oost Totorye» (Amsterdam, 1785), где снова встречается упоминание о Касимове. Витсен повторяет сведения об этом городе, данные Олеарием, Мейербергом и Герберштейном. Известна гравюра, выполненная по рисунку Витсена. Она содержит многие детали, которых в рисунке Олеария нет. Но так как мы не знаем, был ли Витсен сам в Касимове, и видим, что в изображении топографии города им допущены слишком большие неточности (за городом изображены несуществующие горы), то и к другим деталям должно отнестись с некоторой осторожностью. В 1703 г. в Касимове побывал голландский путешественник Корнелий ле Брен (Корнелий де Бруин). В своем описании путешествия через Россию в Персию и Индию он кратко описывает город, упоминая о каменной мечети. О ней же упоминает и гравер русской Академии Унферцагт, который посетил Касимов в 1719 г., сопровождая Л. В. Измайлова, ехавшего русским послом в Китай.

Обстоятельное описание татарских памятников Касимова было сделано в 1768 г. академиком Палласом.

Все перечисленные материалы носят отрывочный и случайный характер и касаются почти одних татарских памятников. Значительно более интересным и разносторонним источником являются описания, чертежи, планы и карты, оставленные местным историком-самоучкой, одним из первых русских краеведов — Иваном Сергеевичем Гагиным (1767—1844), с которого по существу и начинается археологическое изучение данного района.

И. С. Гагин был касимовским мещанином, потерявшим в молодости состояние и посвятившим всю свою жизнь изучению местного края.

Наиболее любимой им областью занятий была история. Он проделал кропотливую работу по изучению древних источников по Касимову, собирал местные предания и описал целый ряд археологических памятников, наносил их на карту и снял с них планы. Благодаря Гагину, мы имеем точные сведения о местоположении царского дворца в Касимове, план расположения крепостных стен Касимовского кремля и Городца Мещерского, описание укрепления на Мусиной горе и хорошие рисунки и планы городищ: Бабинского, Сынтульского, Земляного Струга, Столбища и Баишевского.

Конечно, в начале XIX в. И. С. Гагин не мог установить правильную археологическую датировку городищ. Все они относятся к ранней поре железа. Гагин же связывал их с Городцом Мещерским, думая, что они были оборонительными крепостями, поставленными, чтобы оберегать подступы к нему, главным образом сверху и снизу по Оке. Это утверждение неоднократно повторялось в литературе (Барановичем, Вельяминовым-Зерновым, Шишкиным, Любомудровым и др.), и лишь в 1924 г. Н. И. Лебедева дала обоснованное опровержение этого неправильного взгляда (101).

Археологические исследования в собственном смысле после Гагина не велись до конца 1870-х годов, но в литературе за этот период неоднократно появлялись описания отдельных памятников. Не говоря об упомянутых авторах, следует указать на статью «Курганы и остатки древних укреплений в Рязанской губернии», помещенную в октябрьском номере Журнала Министерства народного просвещения за 1846 г. (93), на описание городищ Ходаковским (208), на материалы, имеющиеся в «Истории Рязанского княжества» Д. И. Иловайского (74), и на статьи П. А. Гильдебрандта в газете «День» за 1864 г., объединенные под заглавием «Сказания о Касимове и его уезде» (46), в которых между прочим упоминается Добрынин Остров.

Первые археологические раскопки на изучаемой территории были произведены в 1877 г. Ф. Д. Нефедовым. Он раскопал Поповские курганы, Бабенское городище и старое татарское кладбище в Касимове. Кроме того, им были описаны Земляной Струг, Баишевское (Первинское) городище и Столбище.

После организации Рязанской ученой архивной комиссии (1884) археологическое изучение Касимовского уезда входит в круг ее деятельности. Однако оно не получает достаточного развития. По ее инициативе в Касимове проводятся раскопки татарских «текие» А. В. Селивановым в 1886 г. Курманский могильник был раскопан в 1888 г. С. А. Уваровым, но раскопки эти прошли мимо Рязанской ученой архивной комиссии, и она после безрезультатных попыток получить их материалы для Рязанского музея предприняла повторные раскопки Курманского могильника в 1897 г., которые были проведены А. И. Черепниным, И. И. Проходцовым и А. П. Мансуровым. Этими же членами Комиссии были осмотрены и другие памятники в окрестностях Касимова, но, видимо, не остановили их особого внимания, так как о них имеются лишь очень краткие упоминания в годичном отчете Комиссии.

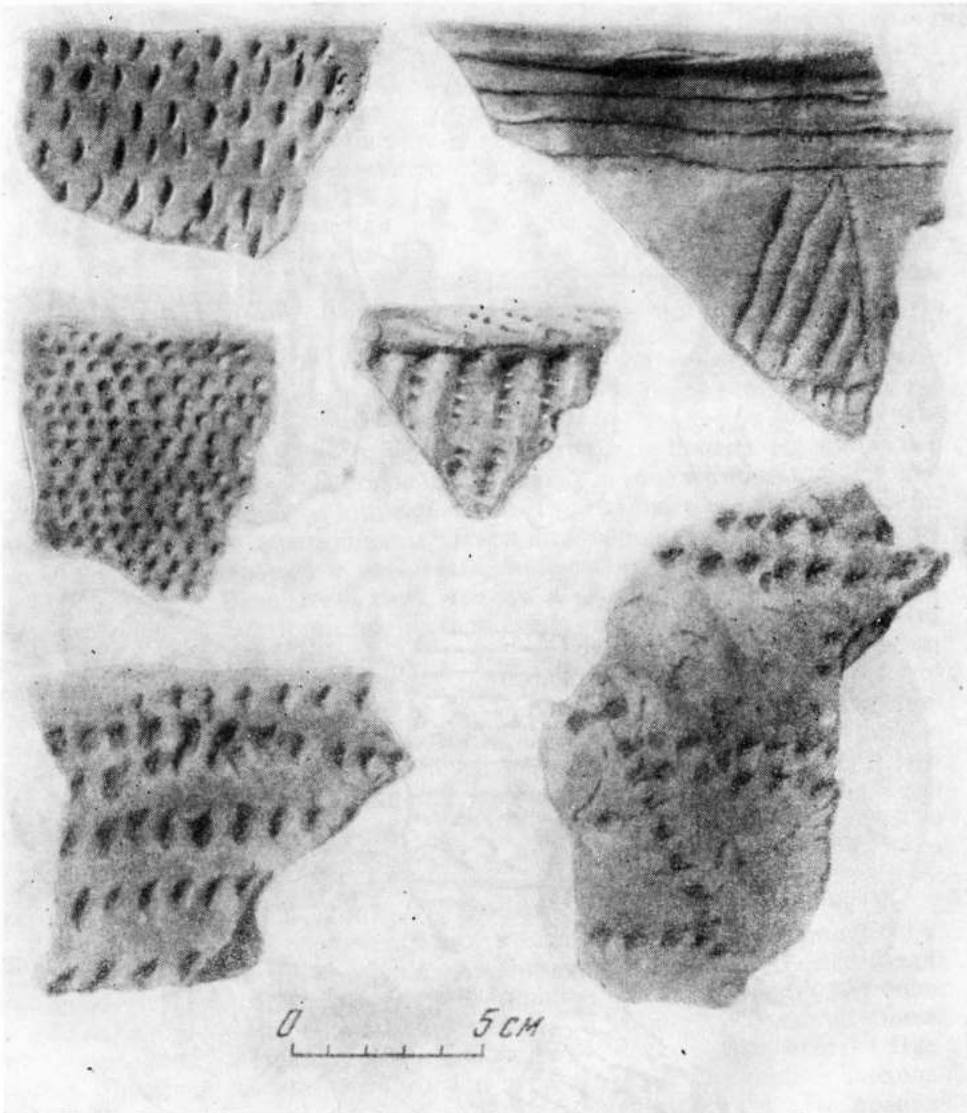


Рис. 4. Керамика со стоянки Ибердус I. Раскопки Б. А. Куфтина

Керамика отличается большим своеобразием и выделяет Ибердусскую стоянку из всех окских стоянок (рис. 4).

Прежде всего укажем на несколько фрагментов от неолитических сосудов с ямочно-гребенчатым орнаментом, говорящих о наличии на стоянке древнейшего подслоя.

Основная масса керамики состоит из крупных сосудов с широким прямым горлом, иногда несколько отогнутым венчиком и круглым дном, своеобразной особенностью которого является слабо заостряющийся выступ в центре, почему все днище по форме отдаленно напоминает конец лимона. Наружная поверхность густо покрыта ямочным (но не круглоямочным) штамповапным орнаментом, переходящим иногда и на внутреннюю поверхность сосудов. Имеется также крупнозубчатый и линейный орнамент. Нередко орнаментом покрыто все поле, но с большими промежутками. Тогда орнамент образует более сложный узор.

Этот основной керамический комплекс стоянки напоминает, с одной стороны, позднеиеолитическую керамику, которая также характеризуется уже не сплошным заполнением орнаментального поля, и с другой, несмотря на относительную тонкость стенок, — керамику волосовского типа. Небольшое число обломков из этого комплекса имеет примесь толченых раковин к глиняному тесту — признак, столь характерный для керамики Волосовской стоянки. Фрагменты с примесью раковин происходят из основной толщи культурного слоя стоянки, из «штыков» 2—5, при наличии всего шести «штыков» лопаты в этих раскопах. Наиболее близкой нашему основному керамическому комплексу представляется керамика некоторых стоянок бассейна Оки и Волги, таких как Владычинская, Черногорская, Николо-Перевоз, Холомониха, Панфиловская.

Однако в Ибердусе имеется также иная, очень своеобразная керамика, залегавшая вместе с только что описанной. Она представлена несколькими большими тонкостенными сосудами, один из которых удалось реставрировать. Сосуд имеет уже хорошо выраженные плечики и несколько отвернутую, высокую шейку с косой насечкой сверху по венчику; корпус его высок, а самый конец конического дна уплощен. Вся поверхность покрыта несложным узором (частью зигзаговым, «елочным») из отпечатков одного и того же тонкого, чуть изогнутого гребенчатого штампа; шейку опоясывает ряд неглубоких ямочных вдавлений с неровным дном и неправильной формы. При всем разнообразии керамики окских стоянок привести достаточно близкие аналогии керамике этого типа мы затрудняемся.

На стоянке найдены также единичные фрагменты, видимо, небольших сосудов горшковидной формы, чрезвычайно густо покрытые отпечатками крупнозубчатого штампа. Это делает их очень близкими штампованной или, как ее обычно называют, «рогожной» керамике древних городищ в районах к югу от Оки.

Несколько неожиданным является отсутствие в этой коллекции текстильной, или сетчатой, керамики.

Кремневый инвентарь отличается хорошим качеством. Имеются разнообразной формы наконечники стрел и дротиков — ланцетовидные и черешковые, с двумя шипами, ножи, хорошие пластины и пр. Есть также каменные рыболовные грузила.

По совокупности признаков мы считаем возможным отнести Ибердусскую стоянку к середине II тысячелетия до н. э.

Обработка остатков фауны из Ибердусской стоянки произведена в 1940 г. Н. А. Евтюховым в Московском областном музее. Среди костя-

ных остатков определены семь костей быка. Как известно, на Оке в это время в составе дикой фауны бык представлен лишь единичными находками. Учитывая позднее время стоянки, когда домашние животные уже были известны в этой зоне, мы считаем наиболее вероятным, что перед нами здесь остатки домашней коровы, хотя Н. А. Евтюхов как зоолог ничего не мог сказать по этому поводу. Вероятно, здесь имело место еще очень ограниченное использование домашних животных.

В 1960—1961 гг. памятник был исчерпан новыми раскопками И. К. Цветковой, открывшей здесь жилище прямоугольной формы. По представлениям И. К. Цветковой, памятник относится к позднему этапу рязанской неолитической культуры. Материал раскопок И. К. Цветковой хранится в ГИМ.

В Московском областном музее хранятся еще две коллекции, собранные Б. А. Куфтиным в 1927 г. близ Ибердуса. Одна из них, состоящая из 28 предметов, по характеру близка к основной коллекции. Другая (30 предметов) содержит раннюю текстильную (сетчатую) керамику. Первая из этих коллекций обозначена Б. А. Куфтиным под именем 2-й Ибердусской стоянки, другая — 3-й Ибердусской. (80, 81, 118, 130, 131, 133, 173, 210, 211, 212) [№ 1].

7. Стоянка II у с. Ибердус. Находится на юг—юго-восток от стоянки Ибердус I, на том же левом берегу Оки. В 1960—1962 гг. раскапывалась И. К. Цветковой, исследовавшей здесь три полуземлянки прямоугольной формы, соединенные переходами. Относится к волосовской культуре, но в верхнем горизонте культурных отложений содержит материал поздняковской культуры, а в юго-юго-восточной части стоянки волосовский слой отсутствует, и имеется только поздняковский слой.

Материал хранится в ГИМ. (211—213) [№ 52].

8. Стоянка III у с. Ибердус. Расположена на левом берегу Оки, на север—северо-запад от Ибердусской I стоянки. В 1961 г. она раскапывалась И. К. Цветковой и дала чисто поздняковский материал.

Материал раскопок хранится в ГИМ. (212) [№ 53].

9. В г. Касимове на склоне Успенского оврага была найдена кремневая стрелка длиной 4,5 см. Она хранится в Касимовском музее. Там же в 1932 г. А. А. Мансуров нашел также каменную стрелку, которая хранится в Рязанском областном музее. [№ 18].

10. В г. Касимове во время постройки нового (сетевязального) корпуса фабрики «Красный Текстильщик» на мысе, образуемом впадением р. Сиверки в Оку, были найдены в большом количестве черепки древней посуды. Там же в 1929 г. был найден каменный сверленый топор, который передан в Касимовский музей (рис. 5). По словам передавшего, вместе с топором были найдены глиняные сосуды, но они были брошены, и точного описания их он дать не мог. (176) [№ 13].

11. Курманская стоянка. В отчете С. А. Уварова о раскопках Курманского могильника (200) было отмечено наличие на песчаных буграх Курманского могильника стоянки каменного века. Об этом же пишет и И. И. Проходцов в своей работе «Курманский могильник» (170): «Отложив работы до следующего дня, мы занялись обзором ряда песчаных бугров дюнного происхождения, раскинувшихся на протяжении трех верст

от дер. Шульгиной к с. Курману, не достигая последнего версты на две. По склонам этих бугров попадаются черепки от глиняных горшков с орнаментом, типичным для местного каменного века, и осколки, «отбросы» кремневых орудий». В 1888 г. М. П. Новиков доставил в числе других предметов, найденных на территории Курманского могильника, две каменные стрелы. При землечерпательных работах в 1931 г. близ Курмана был найден каменный топор (рис. 5, 2). (63, 107, 171, 172, 200) [№ 24].

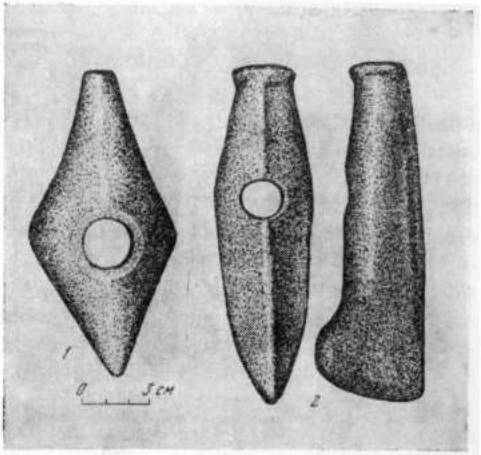


Рис. 5. Каменные сверленые топоры, найденные у фабрики «Красный текстильщик» в Касимове (1) и у с. Курман (2)

12. В 1937 г. О. Н. Бадером обследована близ Курмана стоянка эпохи бронзы. Возможно, что это та же стоянка, что и описанная выше, но скорее другая. На ее разрушающейся поверхности собран материал (рис. 6), относящийся к поздняковской культуре. (10) [№ 54].

13. Ладышкинская стоянка. Находится на правом берегу Оки между дер. Лыдышкино и с. Рубецкое. В 1928 г. в Касимовский музей поступили восемь маленьких стрелок, прекрасно обработанных мелкой ретушью, и с десяток обломков керамики, собранных на песке террасы старого русла реки. Среди последних есть часть дна сферического сосуда, имеются экземпляры ямочно-гребенчатого типа. Керамика по внешнему виду очень сходна с найденной на Ибердусской стоянке. [№ 46].

14. В 1923 г. близ озера Межубры была найдена каменная стрелка с мелкой ретушью. Она хранится в Касимовском музее. [№ 26].

15. Подборная стоянка является памятником крупного научного значения, подвергшимся к тому же широким раскопкам.

Стоянка была открыта весной 1924 г. заведующим Касимовским краеведческим музеем И. А. Китайцевым во время археологической разведки, предпринятой им совместно с А. А. Мансуровым. При этом была собрана коллекция весьма своеобразной керамики.

Стоянка находится на правом берегу Оки, на несколько километров ниже г. Касимова, против дер. Поповской. Расположена на довольно обширном дюнном всхолмлении «Малый бор», поросшем дубовым леском, между небольшими пойменными озерами Подборным и Межубры. Край суходола, на котором расположена стоянка, не заливается в половодье, но еще в 20-х годах заметно разрушался разливами Оки, обнажая культурные остатки.

Первые рекогносцировочные раскопки Подборной стоянки были произведены в августе 1924 г. под руководством Н. И. Лебедевой. Помимо коллекции, от этих раскопок сохранились: письменные материалы

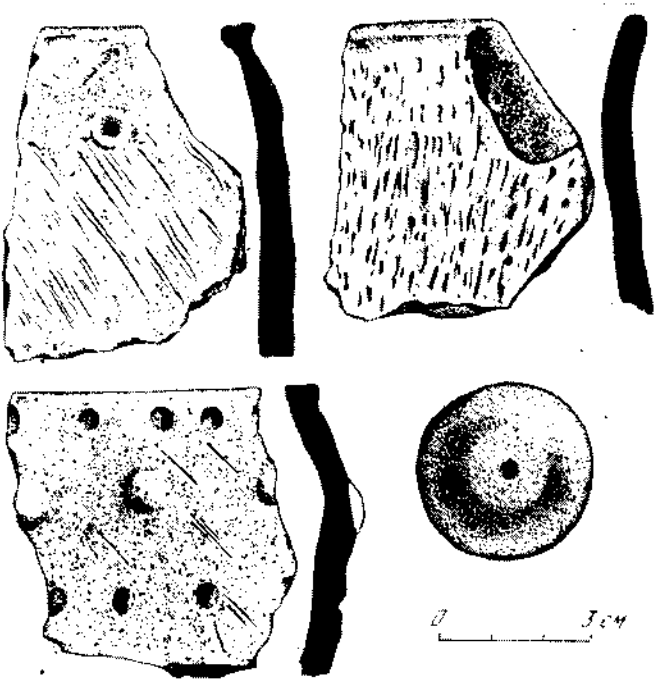


Рис. 6. Керамика с Курманской стоянки

И. И. Лебедевой, среди которых имеется план раскопок, несколько выполненных в красках стратиграфических колонок и дневник. Кроме того, имеется небольшая информация И. И. Лебедевой о раскопках (101).

В следующем 1925 г. раскопки Подборной стоянки были продолжены Б. А. Куфтиным (Институт антропологии МГУ) совместно с И. И. Лебедевой и при участии А. М. Россовой-Куфтиной, И. А. Китайцева и А. А. Мансурова. От этих раскопок, помимо коллекции, сохранился краткий дневник, два приблизительных плана и небольшая статья Б. А. Куфтина (95). Судя по дневнику, раскопки продолжались всего два-три дня.

В своей статье (95) Б. А. Куфтин указывает, что в его раскопках «следов жилищ обнаружено не было. Вследствие плохих условий консервации костный материал сохранился плохо. Костяных поделок нет, а кухонные отбросы представлены исключительно зубами лошади, коровы, лося и свиньи».

Б. А. Куфтин в результате раскопок выделил особую подборную культуру, включил ее в одну группу со срубной и родственной ей хвалынской культурой и датировал временем не ранее начала I тысячелетия до н. э., с чем нельзя согласиться.

Несмотря на то что материал первых раскопок Подборной стоянки так и не был издан, все же она получила определенную известность.

Упоминания и сведения о Подборной стоянке мы находим в многочисленных источниках.

Коллекции 1925 г. — в Рязанском областном музее, инв. № 262 — 55 экз. и № 487 — 6049 экз.

Имеются сведения о том, что Б. А. Куфтиным раскопки Подборной стоянки были продолжены в 1926 и 1927 гг. Так, в Музее антропологии МГУ имеется небольшое количество вещей из раскопок 1927 г., частью с пометками об их происхождении из раскопа Ж. Следовательно, после 1925 г., когда были вскрыты площади А, Б и В, было раскопано еще по крайней мере четыре площади: Г, Д, Е и Ж. Их размеры и расположение на памятнике нам совершенно неизвестны. В Музее антропологии имеются из этих раскопок сильно разложившиеся остатки какого-то бронзового предмета. Кроме того, по указанию А. А. Мансурова, в 1926 г. Б. А. Куфтиным была найдена половина каменной литейной формы для отливки бронзовых копий, показанная им В. А. Городцову на раскопках Старой Рязани и зарисованная последним. Копия этого рисунка попала позже в Рязанский музей. Местонахождение самого предмета нам неизвестно.

В 1928 и 1929 гг. А. А. Мансуровым был произведен сбор подъемного материала (Рязанский музей, коллекции № 299 — 118 экз. и № 353 — 131 экз).

В 1932 г. Подборная стоянка была осмотрена О. Н. Бадером, при этом сделаны фотоснимки, переданные затем в Рязанский музей, и собрана коллекция предметов, переданная Касимовскому музею. Сделано наблюдение, что культурные отложения стоянки располагаются не только по склону к Оке, как это было установлено раскопками, но что они занимают также значительную площадь поверхности суходола и что там, видимо, и находится основная часть стоянки.

В июле 1937 г. на Подборной стоянке были произведены раскопки под руководством О. Н. Бадера (10). Раскопки длились всего семь дней, но они были спланированы с расчетом на их продолжение в ближайшие годы.

Мы заложили 12 пробных участков размерами 1×1 м в различных пунктах на верхнем плато суходола и отчасти вниз, у северного его конца, на пойме — 11 и 12. Бо́льшая часть этих участков была приурочена к ямкам, сделанным, видимо, пастухами. Таким образом, было выяснено, что культурный слой покрывает здесь значительную площадь, определяемую расположением пробных участков 1—10, т. е. площадь по крайней мере 50×75 м, вероятно же, больше. Мощность его от 0,25 до 0,80 м и более. Участок 11, расположенный к северу от суходола, на пойме никаких признаков стоянки уже не обнаружил.

Следующим этапом наших работ явилось вскрытие поперечной траншеи, имевшей целью проследить соотношение культурных отложений верхней площадки и склонов и главным образом соотношение культурного слоя стоянки с отложениями окской поймы (рис. 7). В средней части полученного разреза вдоль всей стоянки культурный слой оказался разрушенным, видимо ледоходами. Это обстоятельство повело к ошибочному заключению первых исследователей стоянки о ее размерах. Здесь

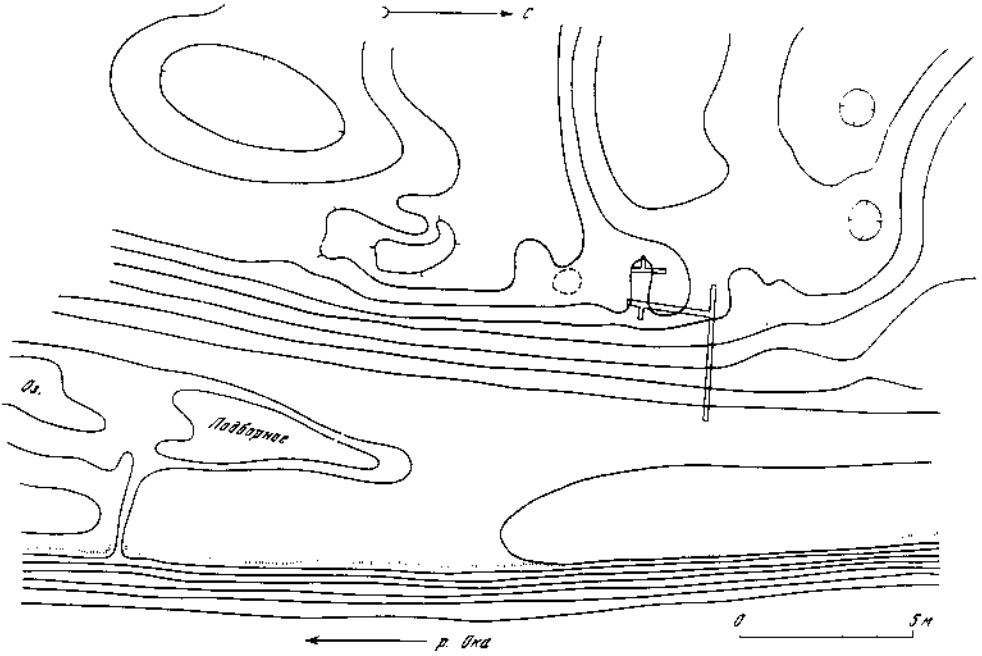


Рис. 7. Топографический план Подборной стоянки (экспедиция О. Н. Бадера). Обозначены траншеи раскопок 1937 г.

берег из-за отсутствия дернового покрова и до сего времени продолжает размываться водой и разрушаться ветром. Именно отсюда происходит сероватый песчаный балласт на культурном слое как в верхних частях стоянки, где этот балласт не содержит культурных остатков, так и в нижней ее части, где он отличается большей мощностью и содержит отдельные находки остатков материальной культуры со стоянки во вторичном залегании. Разрушение культурного слоя в средней зоне склона произошло в позднейшее время, но началось все же давно, что следует из факта частичного перекрытия песчаного балласта верхним горизонтом аллювия. Культурный слой и в верхних, и в нижних участках стратиграфической траншеи одинаково интенсивен. Он везде залегает на песчаной дюне, и только в самых нижних участках его подстилает вязкая речная глина. В связи с этим он приобретает здесь влажность, имеет более светлый оттенок, но сохраняет все ту же, что и наверху, чисто песчаную структуру, примесь угля, золы, остатков кострищ. Словом, характер и содержание культурного слоя не оставляет сомнения в том, что мы имеем здесь дело никак не с фактом оползания культурного слоя с более высоких участков склона, но что сюда, на пойму, к подножию дюны распространялось в свое время древнее поселение I (15).

Эти наблюдения прежде всего вносят значительные коррективы в наши представления о площади, занятой древним поселением. Длина его рав-

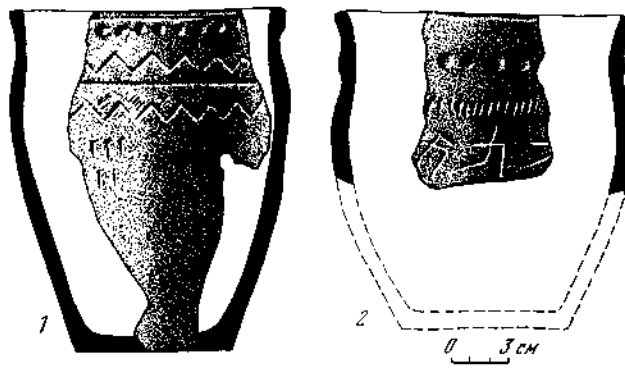


Рис. 8. Керамика с Подборной стоянки (1, 2)

нялась минимум 150 м, но широтный, перпендикулярный диаметр, оказывается, также составлял не менее 150 м. Возможно, что распространение стоянки в сторону Оки было даже более значительным. Но до современного русла Оки стоянка не доходила, так как на обнажении берега культурные остатки отсутствуют. Общая площадь поселения, таким образом, может быть исчислена не менее чем в 15 тыс. кв. м.

В нижних участках нашего разреза, т. е. на пойме, культурный слой покрыт относительно мощным слоем однородного, чуть слоистого аллювиального суглинка без всяких культурных остатков. Процесс наслоения аллювия продолжается здесь и поныне.

Наконец, завершением наших раскопок 1937 г. явилось вскрытие возможно более обширной площади стоянки для изучения ее бытовых комплексов. Для этой цели была выбрана хорошо сохранившаяся площадка у северной окопечности поселения. Размеры вскрытой здесь площади были невелики — 90 кв. м. Южнее, в центральной части стоянки, пробным участком 5 был обнаружен край заметной впадины, заполненной культурным слоем. Рекогносцировочный разрез показал, что мы имеем дело здесь с землянкой. Двухметровая траншея, проведенная с севера на юг вдоль разрушающегося верхнего края стоянки с целью спасения находящегося там материала, дала в разрезе восточный конец той же землянки. Общие ее размеры можно определить как 9×15 м. Интересно, что с поверхности эта землянка до сего времени хорошо определялась пологой впадиной, которая первоначально была принята за естественную. На площади стоянки были заметны еще четыре или пять таких же впадин. Если они имеют то же происхождение, то мы можем рассчитывать на пять-шесть больших жилищ в дальнейших раскопках этой стоянки.

Добытая раскопками 1937 г. коллекция предметов очень богата. Состав ее в общем тот же, что и в первых раскопках. Обращают на себя внимание находки целых и почти целых сосудов, меандровый орнамент на одном из сосудов в виде плывущих вокруг уточек или гусей, обломок каменной мотыги и др. (рис. 8).

К моменту наших раскопок следы выемок Н. И. Лебедевой и Б. А. Куфтина были лишь слабо заметны в виде пологих, расплывчатых впадин, протянувшихся на север примерно от средней части нашего основного стратиграфического разреза.

Мы нанесли их на план, и, таким образом, рис. 7 представляет достаточно общий план раскопок Подборной стоянки (исключая раскопки 1926 и 1927 гг., о которых мы ничего не знаем).

Последними и наиболее крупными явились раскопки Подборной стоянки 1940 г. под руководством О. Н. Бадера при участии М. А. Бадер. Были вскрыты две площади на верхней площадке, т. е. на поверхности террасы, где располагалась основная часть древнего поселения. Первая из этих площадей полностью включила большое жилище, разрез которого был получен нами в 1937 г. Второй площадью вскрыто второе жилище. Культурный слой между жилищами очень беден остатками материальной культуры, а местами вовсе не содержит их.

Оба жилища представляли собой крупные полуземлянки четырехугольной формы: основания их лишь незначительно углублены в землю. Удалось выяснить столбовую конструкцию их стен и деление на отдельные части при помощи внутренних перегородок. При исследовании первого жилища зафиксированы более 200 столбовых ямок и прокаленные пятна на месте очагов. План первого жилища опубликован (25), план второго представлен на рис. 9.

Подборная стоянка была одним из богатых поселений поздняковской культуры. Она относится к относительно раннему этапу этой культуры и датируется третьей четвертью II тысячелетия до н. э. (10, 13, 15—17, 20, 22—25, 47, 50, 59, 68, 82, 95—99, 101—103, 112, 113, 115—118, 121, 131, 142, 146, 150, 155, 168, 169, 175, 178, 184, 196, 197) [№ 27].

16. Поповская неолитическая стоянка. Расположена на левом берегу Оки, у южной стороны нижней слободы дер. Поповка, на северном конце значительного скопления дюн, неподалеку от небольшого пойменного озера Свежакова. Стоянка находится у подножия сильно размываемого половодьем высокого дюнного всхолмления (рис. 10). Остатков культурного слоя не найдено. Стоянка производит впечатление совершенно разрушенной. В 1932 г. О. Н. Бадером, открывшим этот памятник, собраны многочисленные осколки кремня (среди них несколько ножевидных пластинок, один осколок со следами ретуши, один довольно крупный законченный скребок), а также два-три кусочка очень сильно разрушенной, не поддающейся определению керамики. В общем материал производит впечатление принадлежности стоянке неолитического типа.

На расстоянии около четверти километра к юго-востоку от Поповской стоянки, на юго-западном склоне той же дюнной гряды, в том же году О. Н. Бадером и А. А. Мансуровым собрано незначительное количество кремневых осколков. Культурного слоя не замечено. Трудно решить вопрос о культурной принадлежности данного местонахождения, хотя характер материала дает возможность считать его неолитическим, а близость расположения находок от Поповской стоянки, быть может, связывает его с последней. Коллекция в Рязанском музее, инв. № 504 — 86 экз. (121) [№ 39].

Рис. 9. План второго жилища Подборной стоянки (раскопки О. Н. Бадера, 1940 г.)
1 — очертания жилища; *2* — границы позднейшей ямы; *3* — столбовые ямы; *4* — углубления; *5* — очажное пятно

17. Поповская низовая неолитическая стоянка. Близ дер. Поповка на песчаных отмелях Оки против школы (на левом берегу) в 1932 г. были найдены два обломка неолитической ямочно-гребенчатой керамики. Отлогая отмель, где найдена керамика, в современном ее виде не могла быть местом неолитического поселения. По-видимому, это остатки прежде бывшей здесь, теперь смытой стоянки, тем более что за последние десятилетия тут, по словам касимовских граждан, неоднократно встречались подобные находки. О. Н. Бадером собрано здесь же еще несколько обломков керамики. По указаниям некоторых стариков, в 70-х годах прошлого столетия против Поповки на Оке, как против Черного Рога, был так называемый Черный остров. Он теперь смыт. На нем находили древние черепки и каменные стрелки. Коллекция, собранная О. Н. Бадером в количестве 6 экз., занивентаризирована в Рязанском музее под № 502. (121) [№ 38].

18. Стоянка в урочище «Последняя Избушка» у Подборного озера. Находится метров на 200 южнее Подборной стоянки, на том же всхолмлении, близ южного конца озера Подборного, против избушки бакенщика.

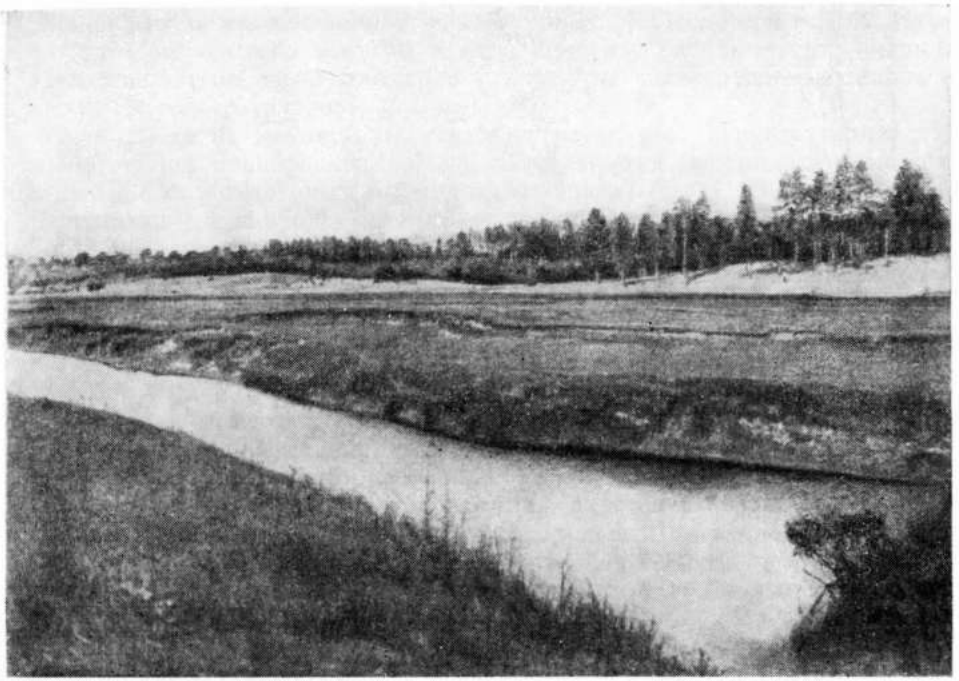


Рис. 10. Вид Поповской неолитической стоянки

В музее антропологии МГУ сохранились три полевых пакета с собранным здесь Б. А. Куфтиным (?) в 1926 или 1927 г. (?) подъемным материалом, снабженным этикетками с надписями: «Урочище „Последняя Избушка" у Подборного озера, подъемный материал».

Коллекция состоит из кремня и керамики, частью сильно разрушенной. Материал очень своеобразен.

Найденные кремневые орудия и осколки прежде всего отличаются миниатюрностью. В то же время здесь отсутствуют хорошо ограненные ножевидные пластинки.

Среди орудий преобладают наконечники стрел очень небольших размеров (рис. 11, *1—3*), сделанные из пластинок, что видно из изогнутого профиля при почти неретушированном брюшке (рис. 11, *1*). Один из наконечников, также очень плоский, имеет форму с усеченным основанием. Два наконечника (рис. 11, *4*, *5*) имеют характерную для позднеолитических и раннеметаллических памятников Оки ланцетовидную форму и отличаются чрезвычайно высокой техникой.

Своеобразны два небольших, но массивных орудия. Одно из них (рис. 11, *6*) трехгранное, имеет довольно тщательную обработку обоих концов. Другое, длиной всего 2 см (рис. 11, *7*), имеет миндалевидную форму, очень массивно, хорошо обработано с двух сторон. Назначение обоих орудий неясно.

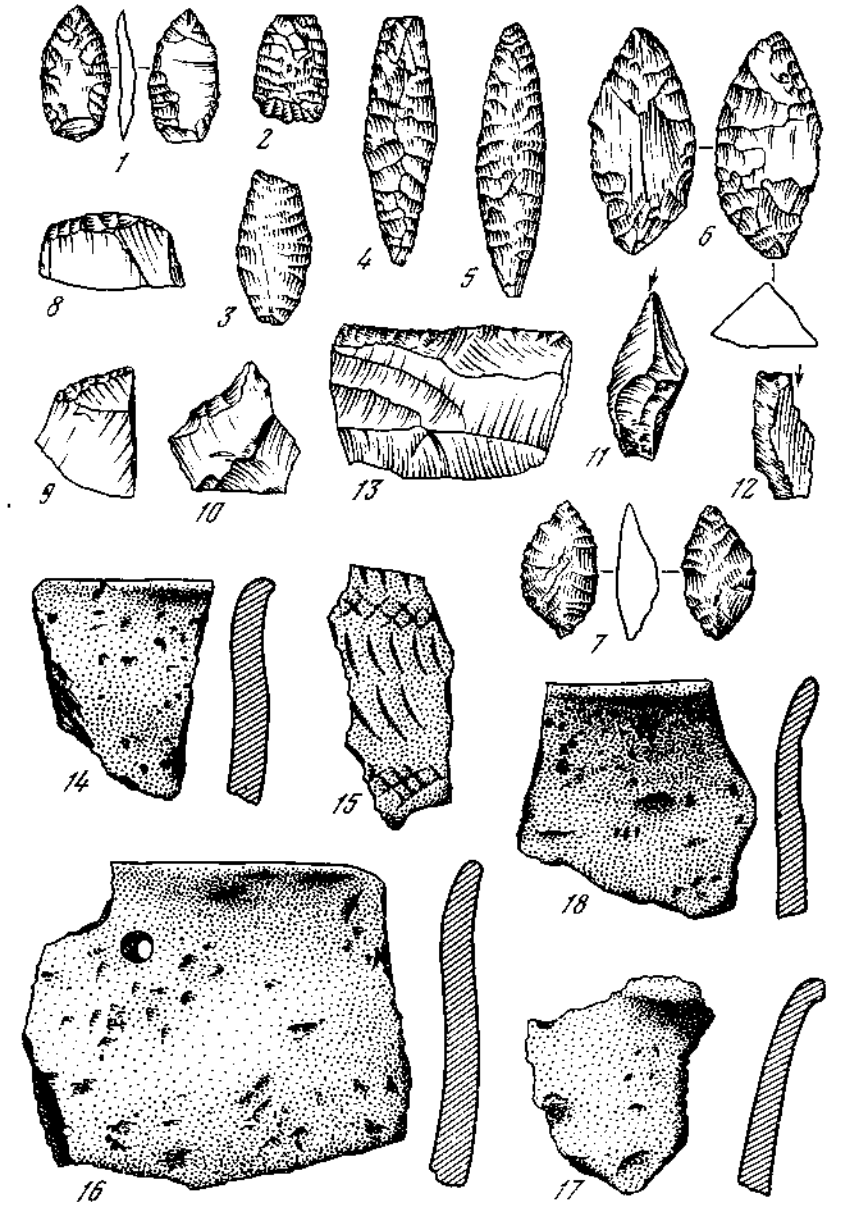


Рис. 11. Находки в урочище «Последняя избушка» (1—18)

Далее имеются сломанные скребок (рис. 11, *8*) и нож (рис. 11, *9*) на широких тонких пластинках с очень тонкой ретушью и обломок ножа (рис. 11, *13*). Упомянем также две проколки (рис. 11, *10*, *11*), одна из которых больше напоминает сверло и имеет на трехгранном конце тонкий резцовый скол (рис. 11, *11*).

Особо отметим одно орудие, потерявшее свою первоначальную форму в костре, но все же сохранившее характерный резцовый скол.

Керамика состоит из небольших тонкостенных (3—5 мм) сосудов с выраженной формой плечиков и шеек, иногда с заметно отогнутыми наружу венчиками и шейками (рис. 11, *14—18*). Глина с заметными мелкими растительными примесями, выгоревшими при обжиге. Цвет — от темно-серого до красновато-желтого. Бо́льшая часть фрагментов вовсе не несет орнамента; некоторые же несут на шейке неглубокие и неправильные ямочные вдавления (рис. 11, *17*, *18*), другие — густой орнамент из рядов наискось поставленных и пересекающихся вдавлений линейного штампа (рис. 11, *15*).

Мы считаем возможным датировать весь комплекс самым концом бронзовой эпохи, примерно началом последнего тысячелетия до н. э., временем несколько более поздним, чем соседняя Подборная стоянка. Вероятно, одним из ближайших аналогов этой стоянки является Ефановская, или Перемиловская, стоянка на Нижней Оке, раскопанная нами в 1927 г. (22, 25). Странно отсутствие здесь текстильной керамики, но некоторые из плохо сохранившихся фрагментов производят впечатление «сетчатых», хотя и не настолько ясно, чтобы говорить об этом с определенностью.

19. Около с. Телебукино, на юго-запад от последнего, в поле находили в 1900-х годах каменные стрелы. (105) [№ 4].

Городища и селища

Городищ на изучаемом отрезке территории довольно много. Большинство из них относится к ранней поре железа, к дьяковской культуре. Из них особенно интересны Земляной Струг, широко поставленные раскопки которого позволили бы осветить чрезвычайно важный материал, характеризующий эпоху, непосредственно предшествующую славянскому заселению края, и Бабенское городище — редкий пример прекрасной сохранности внешних форм памятника. Древнеславянские памятники представлены слабо. Городец Мещерский сильно разрушен; Касимов застроен; древних русских селищ не найдено.

1. Бабенское городище. Расположено на правом берегу Оки, на 3,5 км выше г. Касимова, у с. Бабенки. Место это хорошо известно местным жителям, а также касимовским гражданам под названием Бабенского кургана. Оно часто служит местом загородных прогулок. Первое описание этого памятника дано И. С. Гагиным, который также нанес его на карту окрестностей Касимова, снял с него план и сделал несколько рисунков. План и один из рисунков Гагина приводятся нами (рис. 12).

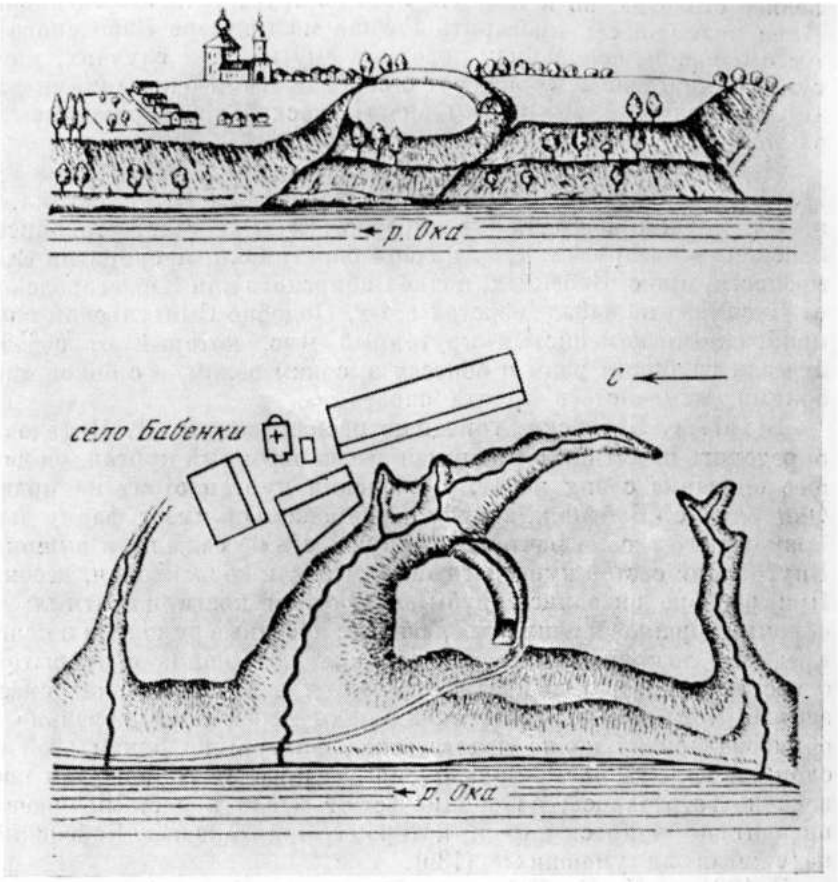


Рис. 12. Бабенское городище. Два вида сбоку и план (по И. С. Гагину)

В своей рукописи «О достопамятности г. Касимова» (41) И. С. Гагин пишет, что Бабенское городище, или, как он его называл, крепость, «значительное укрепление, и в самом берегу Оки крутизна горы слишком 20 сажен. Вал довольно высок, склон к оврагу пологим полуциркулем; ров длины не более 15 сажен, но укреплению природа сама способствовала, ибо внутри вала площадь длины 27, а поперечины 23 сажени. Предместие оное имеет само по себе удобные способы, так что 2 крутые оврага обошли площадь, равную в квадрате имеющую до 4 десятин, и сошлись собою близко, почему и можно заключить, что было жилище изрядное». Гораздо точнее и понятнее, чем в этих словах, передан памятник Гагиным на чертеже. Последний воспроизводит его очень тонко, очень близким к современному состоянию городища. Это интересно не только в том отношении, что свидетельствует о хорошей сохранности памятника за пос-

леднее столетие, но и тем, что контролирует точность гагинских планов. Имея возможность проверить Гагина на примере Бабенского городища, мы с большим основанием доверяем ему и в тех случаях, когда его рисунки и чертежи не совпадают с современными очертаниями памятников. В таких случаях мы можем видеть, насколько разрушились памятники за последнее столетие.

В «Местногеографических древностях в Рязанской губернии» Н. В. Любомудров (108), очевидно по данным И. С. Гагина, описывает этот памятник, называя его «крепостью». Вот текст его описания: «Бабенская — на другом, т. е. правом берегу Оки, насупротив Сынтульской крепости, при с. Бабенках, подле Сибирского или Нижегородского тракта, от Касимова на запад, верстах в 4-х. Подобно Сынтульской она образует прибрежный каменистый крутоярый мыс, который от своей площади отрезан глубоким рвом и обнесен высоким валом, а с боков опоясан глубокими, каменистого грунта оврагами».

В 1877 г. Бабенское городище раскапывал Ф. Д. Нефедов. Не умея определить памятник и принимая его за огромный курган, он дает следующее описание своих работ: «Бабенский курган стоит на правом берегу Оки близ с. Бабенок, в виду Касимова. Он имеет форму полумесяца. Размеры его весьма почтенны: окружность 64 сажени, а вышина 7 сажен. Внутренний состав кургана: глина, местами обожженная, песок и камень. При раскопе оказались: зубы, челюсти и кости животных; черепки и обломки горшков и глиняных чашечек; костяные рукоятки и пепел. Все эти предметы лежали слоями. На глубине 1,5 аршина в прорытой траншее с востока на запад показался пепел; я велел осторожно смести с него землю. Когда земля была сметена, то перед нами довольно явственно обрисовалась из пепла человеческая фигура; по бокам этой фигуры — слои угля, даже целые головни и везде красная глина. Хотя костей человека не встречалось, но обилие всюду пепла и местами жженых костей наводят на вопрос: народ, которому принадлежал Бабенский курган, не сжигал ли умерших?» (136).

В 1924 г. Н. И. Лебедева обследовала Бабенское городище (101) и пришла к заключению, что культурный слой на нем разрушен. Подъемный материал по пашне: кости домашних животных и керамика с тканым орнаментом. Городище, по определению Н. И. Лебедевой, относится к началу железного века, к городецкой культуре.

Заключение Н. И. Лебедевой о полной испорченности культурного слоя неосновательно. Как показали последующие разведки, он сохранился удовлетворительно, хотя местами, возможно, и попорчен. С 1925 по 1928 г. Бабенское городище неоднократно посещалось И. А. Китайцевым, который заложил на нем несколько шурфов, но никаких находок, кроме сетчатой керамики и обломка бронзовой пряжки, не было.

Летом 1932 г. городище было обследовано А. Л. Мансуровым и О. Н. Бадером; последним было сделано несколько фотографических снимков и продольный профиль памятника. Городище имеет хорошо выраженный культурный слой глубиной до 0,70 м.

Редкий пример превосходной сохранности представляют оборонительные сооружения городища в виде высокого вала (до 5—6 м), очень

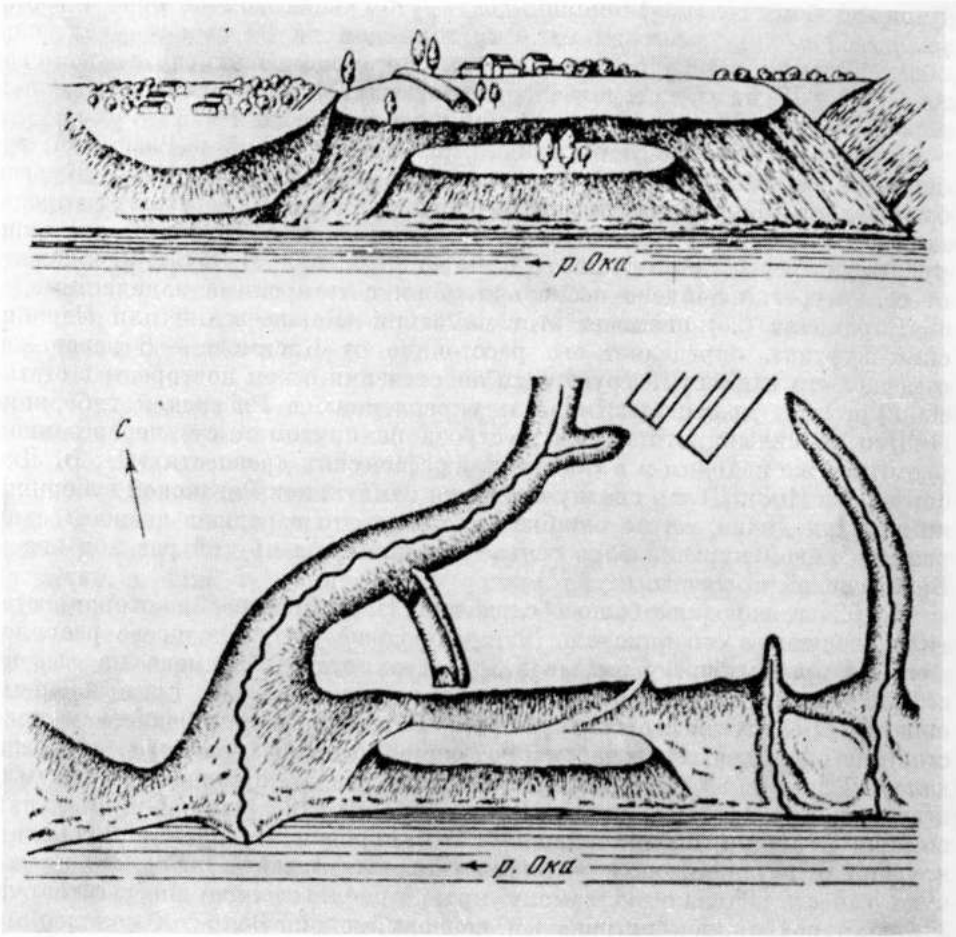


Рис. 13. Баишевское городище. Вид сбоку и план (по И. С. Гагину)

крутого, с неоплывшими склонами. Одной из причин такого состояния городища следует считать его облесенность. Мелкими деревьями и кустарниками покрыты все склоны городища, охраняемые благодаря этому от оползаний и размыва. Поверхность городища, вал и ров задернованы и, таким образом, легко обозреваемы и не портятся корнями деревьев.

В Касимовском музее хранится небольшое количество находок с Бабенского городища. В Рязанском музее имеются коллекции № 273 — 11 экз. и № 503 — 18 экз. (26, 32, 38, 39, 41, 42, 47, 57, 69, 93, 101, 105, 107, 108, 113, 118—121, 127, 136, 143, 171, 172, 191, 215 [№ 9].

2. Баишевское городище (рис. 13) — оно же, по другим источникам, Шемякинское, Бакшеевское, Первинское или Ташенское — впервые описано И. С. Гагиным (41). «Пятая крепость . . . при татарской деревне

Бишевой близ сельца Шемякина на крутом береговом от оврага составившемся холму — высоты от реки имеющем до 30 сажен; угол оной обведен земляным валом отлогим полуциркулем, площадь в диаметре по 33 саж. — на обе стороны, — которую татары, поселившиеся в полверсте, заняли кладбищем и присвоили себе».

В статье «Курганы и остатки древних укреплений в Рязанской губернии» (93) этому памятнику посвящены следующие строки: «Курган близ сельца Шемякина, вниз по течению р. Оки в 10 верстах от города, по внешнему виду. . . похожий на усеченный конус. Величина его в окружности простирается до 25, вышина до 3 саженей. В 1836 г. неподалеку от сего кургана найдено несколько монет с татарскими надписями».

Баранович (26) называет этот памятник «Бакшеевский или Первинский курган», определяет его расстояние от Касимова — 8 верст — и отмечает его глинистый грунт. Эти же сведения о нем повторены в статье «О курганах, древних могилах и укреплениях в Рязанской губернии» (143) и добавлено, что курган «устроен на крутом мысу, перерезанном рвом». То же находим и в «Местногеографических древностях» Н. В. Любомудрова (108). Делая сводку описания памятников Рязанской губернии, не зная их лично, он по ошибке описывает это городище дважды: один раз под видом кургана близ сельца Шемякина, а другой раз под видом Бакшеевской крепости.

В 1924 г. городище было обследовано Н. И. Лебедевой, которая оставила следующее его описание (99): «Городище у дер. Бакшеево расположено на правом берегу р. Оки в 9 верстах от г. Касимова на выгоне с. Бакшево, окаймлено с одной стороны непосредственно примыкающим оврагом, а с другой стороны — оврагом, отстоящим от городища на расстоянии одной четверти версты. С южной стороны городище обнесено валом. Длина вала 102 аршина. Высота от рва 3,5 аршина (ров заплыл) и от уровня двора 1,5 аршина. Длина городка 112 аршин. Минимальная ширина 9 аршин, максимальная — 170. Городок весь занят татарским кладбищем и так перерыт могилами, что нельзя найти ни одного нетронутого места. Только по самому краю приблизительно на расстоянии 3 аршин сохранился нетронутый дерновый слой. Заложен колодец на 15 аршин от восточного края вала, размером 3 на 3 аршина. Обнаружен культурный слой 6—8 вершков, обломки костей животных, коричневая керамика с примесью дресвы без орнамента и черная с тканым орнаментом. Второй колодец был заложен в расстоянии 17 аршин от первого, по краю городища. Находки те же, но их меньше. Третий колодец заложен на расстоянии 20 аршин от второго. Культурный слой не дал никаких находок. Четвертый колодец был заложен на западной стороне на расстоянии 60 аршин от конца вала. Культурный слой мощный, до 1,5 аршина. Найдены: кости животных, коричневая керамика неровного обжига с примесью дресвы, черная с тканым орнаментом, края сосудов без шейки, иногда расплющенные, иногда с нарезами. Попадается керамика с веревочным орнаментом. Для больших раскопок городище погибло».

В последний раз памятник был обследован О. Н. Бадером в 1932 г. Сопоставление его с планом Гагина обнаружило видимое соответствие памятника с чертежом, составленным в 1830-х годах. За истекшее столетие

отмечается разрушительная работа Оки, которая без следа смыла бывший между городищем и рекой отрог берега, а также значительно подмыла основание мыса, на котором расположено самое городище. Наличие здесь каменоломни также способствовало разрушению. Вал сохранился довольно хорошо. Ров почти на всем протяжении заплыл. Вся площадка и часть вала находятся под густо расположенными могилами старого татарского кладбища и поросла несколькими старыми березами. Вся поверхность городища и его склонов задернована, исключая несколько пунктов в начале склона к Оке, обнаруживающих остатки культурного слоя очень небольшой мощности. Здесь же был найден обломок шейки сосуда с характерными отпечатками ткани. Судя по форме городища и указанной находке, О. Н. Бадер полагает возможным отнести его к ранней стадии городищ дьякова типа.

В Касимовском музее имеется небольшая коллекция сетчатой керамики, собранная на Баишевском городище. В Рязанском музее под № 510 заинвентаризирована одна находка с этого памятника. (47, 57, 93, 99, 101, 108, 113, 118—121, 136, 143, 215 [№ 33].

3. Городец Мещерский. Город Касимов, названный по имени своего первого татарского царя, которому он был пожалован в XV в., до этого времени назывался Городцом Мещерским. Он был основан, как говорит предание, в 1152 г. Юрием Долгоруким на мысе, образующемся при впадении речки Бабенки в Оку, более чем на километр ниже по течению реки от того места, где сейчас находится центр города. Укрепления Городца располагались не на самой стрелке мыса, которая была неудобна для этой цели, потому что имела недостаточные размеры и не занимала господствующей высоты, а несколько западнее, за вторым поворотом (считая от устья) речки Бабенки. Место это было достаточно удобно, обширно и окружено с двух сторон крутыми склонами долины Оки и Бабенки. Оставалось лишь укрепить западную сторону, соединяющую Городец с открытой местностью, и восточную, лежащую на склоне к Оке и Бабенке, соединяющую Городец со стрелкой мыса. Судя по чертежу И. С. Гагина, который еще в конце XVIII в. застал заметные остатки укреплений, почти целиком уничтоженные при генеральном межевании, они именно таким образом и располагались. В настоящее время хорошо заметна лишь часть восточного вала, который в своей южной части, прилегающей к берегу Оки, срыт.

В «Географическом лексиконе Российского государства» Ф. Полунина, изданном в 1773 г. (157), читаем: «Городец, старое имя г. Касимова, о коем зри в своем месте. В Городце святый великий князь Александр Невский в 1263 г. скончался».

В рукописях И. С. Гагина о Городце Мещерском имеется целый ряд упоминаний. Большое внимание он уделяет доказательству того, что Александр Невский скончался действительно в Городце Мещерском, а не в Волжском (Балахонском), как это утверждал Н. И. Мельников-Печерский. Свои доказательства И. С. Гагин строит на расчете дней следования тела Александра Невского от места смерти к месту погребения. Как известно, он был похоронен во Владимире через восемь дней после смерти. Так как от Касимова до Владимира 155 верст, а от Волж-

ского городца — 369 верст, Гагин считает, что если бы Александр Невский действительно умер в Волжском городце, то за это время тело его не успели бы перенести во Владимир. Для подкрепления своих доказательств он начертил специальную карту «Путь Александра Невского из Орды во Владимир» (44).

В своей рукописи «О достопамятности города Касимова» (41) И. С. Гагин пишет: «Немало также и нам должно содрогнуться, когда и мы видим подобные развалины опустошенного нашего Городца, и что грозная рука татарская не щадила наших предков так же, как и старорязанских князей и граждан, проливала кровь бесщадно, ибо предместие Городца более ничего для доказательства не содержит, как одно то живое урочище речки Бабенки, протекающей с восточной стороны меж крутизнами гор и впадающей в реку Оку при гористом месте вышедшим курганом, где ныне находятся земляные валы и бастионы, при коих, вероятно, были деревянные башни стен и ворота. Внутри площадь пространства имеет неправильными углами длины до 215 саж. поперек до 90 саж.; а вокруг всего города 672 саж.»

По данным И. С. Гагина, Городец Мещерский был разрушен татарами около 1372 г. и после этого был уже возобновлен не на старом месте, а выше по реке, там, где сейчас находится центр города.

Краткие упоминания о Городце Мещерском мы находим у Ходаковского (208), Макарова (110), Барановича (26), Иловайского (74), Любомудрова (108), Добролюбова (57), Вельяминова-Зернова (32), Шишкина (215). В Новом энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона (т. XXI) отмечено, что «в XIV в. здесь были особые удельные князья Мещерские из инородцев, принявших православие. В 1376 г. Мещерский городец уничтожен монголами, затем восстановлен и отошел к Москве». В связи с этим событием история сохранила имя последнего удельного мещерского князя Александра Уковича, продавшего свои земли, включая Касимов и Елатьму, московскому князю Дмитрию Донскому. П. А. Гильдебрандтом (46) сведения о Городце Мещерском даны с грубыми ошибками. Остатки его укреплений автор неправильно указывает «невдалеке от впадения речки Гуся в Оку».

Археологических раскопок Городца Мещерского не было. Неоднократные поиски культурного слоя на памятнике, предпринимавшиеся А. А. Мансуровым, положительных результатов не дали. По-видимому, весь культурный слой смыт. В 1932 г. памятник был осмотрен О. Н. Бадером, который обнаружил следы древних построек в местах, где на гагинских чертежах показаны бастионы. Сохранившаяся часть вала имеет хорошо заметное понижение к речке Бабенке, что наводит на мысль о его защитном значении для доступа к воде. (26, 32, 34, 37, 38, 40, 41, 44, 46, 53, 56, 57, 74, 79, 108—111, 114, 118—121, 156, 157, 206, 208, 215) [№ 21].

4. Ждановское городище. Находится на берегу р. Ташенки километра на 2 южнее дер. Жданово. Оно было описано еще в 1874 г. (43). Приводим это описание: «Городок в Шостьинской волости, в расстоянии от с. Шостьи на 4 версты по направлению к с. Бетину. В длину этот городок имеет до 30, а в ширину до 20 саж. Окружность его до 600 саж.

Форму имеет треугольную. Поверхность площадки ровная, распахивается под посевы. Помещен на высоком месте на берегу оврагов. Внешние укрепления: с востока — овраги, с севера, юга и запада — окопы. Длина канав до 5, а ширина до 1 саж. Въезд с запада. Городок частью разрушен искателями кладов. Преданий о сооружении его, равно о каких-либо находках в народе не существует».

М. Ф. Ястребова в своей рукописи «Этнографические материалы по селу Шостье Касимовского уезда» (217) приводит сохранившиеся у местного населения предания об этом городище.

В 1925 г. городище было обследовано Ф. А. Дашковым, который заложил на нем шурф и выяснил принадлежность городища к ранней поре железного века. Мощность культурного слоя равна 70 см. (118, 43, 217) [№ 47].

5. Земляной Струг, городище. Впервые об этом памятнике упоминает И. С. Гагин (41). «Первая (крепость), находящаяся у города на восток, слывущая Земляной струг, в два отделения. Площадь на нем остроконечная, длина до 45 и поперек до 20 сажен, крутизна всходу на него до 13 сажен. От сего окопа к северу холм особый, который также в конце сошедшихся оврагов имеет земляной вал и ров 14 сажен, в середине коего ворота. Площадь сей крепости содержит длины 53 и поперечины в широкой середине до 26 сажен. Место избрано совсем неприступное, оврагами и горами успособленное. Находится ныне под владением татар и ямщиков. Расстояние от городовой черты на восток с небольшим 2 версты».

Другое свидетельство о городище относится приблизительно к тому же времени. В работе Д. Т. Воздвиженского, учителя Рязанской гимназии, деятельного краеведа и основателя «музеума» в Рязани, «Исторические и археологические достопамятности по Рязанской губернии», изданной в 1827 г. (33), оно описано так: «Касимовский струг. Земляная насыпь, находящаяся в трех верстах от Касимова к востоку, не есть также бывший керемет обитавших тамо древних народов? Сие возвышение, от прочего грунта отделенное рвом, длиною простирается сажен на 50, а в ширину сажен на 20. По некоторому сходству в наружном образовании с речным судном, называющимся стругом, оное возвышение носит такое же название. Окружной грунт земли состоит из глины, поверхность же сего так называемого струга покрыта черноземом, почему и производится на нем землепашество».

Ценным дополнением к приведенным двум описаниям являются снятые Гагиным в начале XIX в. планы и чертежи. Будучи впервые опубликован в печати Воздвиженским, Земляной Струг неизменно упоминается и кратко описывается во всех историко-археологических обзорах Рязанской губернии, появившихся в прошлом веке. В 1842 г. «Рязанские губернские ведомости» помещают о нем специальную статью, названную «Городище Земляной Струг в Касимовском уезде» (49). В ЖМНП памятник назван «курганом», и его размеры ошибочно указаны: окружность до 30, а вышина до 4 сажен. Эта ошибка была неоднократно повторена в других работах. Лишь Любомудров (108) писал, что «эта крепость представляет насыпь или возвышенность длиной 50, шириной 25 и выши-

ной 10 саженей», давая цифры, приближающиеся к обмерам И. С. Гагина. Приводим описание Барановича (26), которое легло в основу других вариантов: «Земляной струг находится в 2,5 верстах к северо-востоку от города (Касимова). Окружающая его местность гориста и имеет глинисто-песчаную почву, покрытую мелколесьем. С южной стороны прилегает к нему овраг, верстах в 4 отсюда врезающийся в левый берег Оки. Название свое Земляной Струг получил от сходства с баркою (стругом); даже и теперь, когда наружный вид кургана значительно от времени изменился, он все еще сохраняет подобие барки. Внутренний состав кургана — чернозем; окружность его до 30 сажен, высоты до 4-х и никаких примет, которые доказывали бы, что он был некогда обитаем, не существует. Земляной струг без всякого сомнения есть замечательный остаток касимовской старины. Ясно видно, что он дело рук человеческих. Но с какой целью и когда устроен, — неизвестно».

В период деятельности Рязанской ученой архивной комиссии Земляной Струг был однажды осмотрен членами ее А. И. Черепниным, И. И. Проходцовым и А. П. Мансуровым. Однако в протоколах заседаний, кроме самого факта осмотра памятника, названного «Струг» (в 1897 г.), ничего не отмечается.

Н. И. Лебедевой в 1924 г. производится первое археологическое обследование памятника. В 1924 г. Б. А. Куфтин проводит на нем небольшие раскопки, и с 1925 по 1928 г. И. А. Китайцев ведет систематические наблюдения за памятником, осматривая его обнажения и собирая находки.

В 1924 г. И. Н. Лебедева (101) писала: «Тремя пробными колодцами установлено: отсутствие насыпного вала, наличие культурного слоя от $^3/_8$ до $^1/_2$ аршина. Обнаружено кострище с остатками костей свиной туши (челюсть, кости головы, лопатка, ножные кости), керамика коричневая неровного обжига с примесью дресвы. Относится, вероятно, к разряду холмищ; в отношении времени датировать трудно за отсутствием руководящих форм».

Результаты исследований Б. А. Куфтина в 1925 г. остались неопубликованными. Располагая черновиком дневника раскопок,[5] который вела Н. И. Лебедева, мы можем отметить следующие факты. Обмер памятника установил следующие его размеры: длина 88 м, ширина 36 м, высота восточного склона от нижней точки 9,65 м, высота по южному склону от нулевой линии (речка Бабенка) 11,05 м. Были заложены три траншеи. Установлена мощность культурного слоя на северной части городища до 8—9 вершков; в южной же части, расположенной ниже, — до $1^3/_4$ аршина. Возможно, что он сюда сполз.

Дневник отмечает следующие находки: брусок с дырочкой в виде утюжка; глиняное пряслице; железный нож славянского типа; обломок железа; две круглые спрудовые бляшки, одна бронзовая бляшка, проволочное бронзовое кольцо с заходящими концами. Керамика была найдена следующих типов: сетчатая, с веревочным орнаментом, черная лощеная, гладкая с примесью дресвы, коричневая и желтая со слабо вдавленной шейкой и отвернутыми краями, без орнамента, толстостенные сосуды крупных размеров с краями без шейки, славянские с параллельно-

линейным орнаментом. Были найдены кости свиньи, коровы, лошади и собаки.

Гораздо богаче оказались находки И. А. Китайцева в последующие три года. Они позволяют расслоить памятник по крайней мере на два комплекса: первый, относящийся к первой половине I тысячелетия н. э., и второй, относящийся к первым векам II тысячелетия н. э. К первой группе предметов относятся: сетчатая, веревочная и гладкая грубая, сделанная без применения круга керамика, литейная форма для мелких бронзовых украшений, несколько бронзовых привесок в виде креста, полой трубочки, орнаментированной витым узором, большая костяная игла, римская арбалетная фибула, плоская трехлопастная костяная иластинка с просверленным отверстием посредине, не вполне ясного назначения (псалий?) и, наконец, медная фигурка в виде ящера, аналогии которой могут быть указаны в находках Кошибеевского могильника. Кроме того, некоторые из найденных на городище бус, очевидно, могут быть отнесены к первому комплексу находок (пастовые и другие, соединенные вместе по несколько штук).

Ко второй группе предметов, очевидно одновременных Городцу Мещерскому, относятся фрагменты древнерусской керамики, бусы древнеславянского типа, железный нож, височные кольца с перевитой проволокой, железная пряжка, витой бронзовый браслет, черешковые железные стрелки (в числе их и с двумя остриями), замочный ключ, стремя и др. (рис. 14).

Таблица вещей с Земляного Струга недавно опубликована Н. Н. Третьяковым (197, рис. 85).

В 1932 г. О. Н. Бадер и А. А. Мансуров внимательно осмотрели памятник и сопоставили его с древними гагинскими чертежами. У Гагина Земляной Струг представляется в виде двух друг за другом лежащих холмов, отделенных до самого основания рвом. Все исследователи после Гагина обращали внимание исключительно на передний холм (лежащий ближе к течению речки Бабенки). Между тем, на чертеже Гагина показан за ним второй холм, отделенный от него рвом и перерезанным посредине поперечным валом (рис. 15). Вала теперь нет, но узкий ров заметен, причем посредине рва сделана насыпь, образующая ворота, хорошо заметные и на чертеже Гагина. На втором холме обнаружен повсеместно культурный слой, более бедный. Приходится согласиться с Гагиным, что эта часть также принадлежит к Земляному Стругу. Сопоставляя план памятника с его инвентарем, можно предположить, что передний холм, где были найдены древние предметы, был основным его ядром, который ограничивался самостоятельным валом и рвом; так было в первый период его существования. Впоследствии площадь его была расширена, и он занял собой все пространство до вала и рва, показанного на чертеже Гагина. В дальнейшем на месте первого, ставшего внутренним, рва образовался овраг, отделивший противоположные концы городища и превративший его в два самостоятельных холма.

Основные коллекции с Земляного Струга хранятся в Касимовском музее.[5] В Рязанском музее под № 244 и 264 заинвентаризировано две коллекции, заключающие всего лишь несколько предметов, в том числе

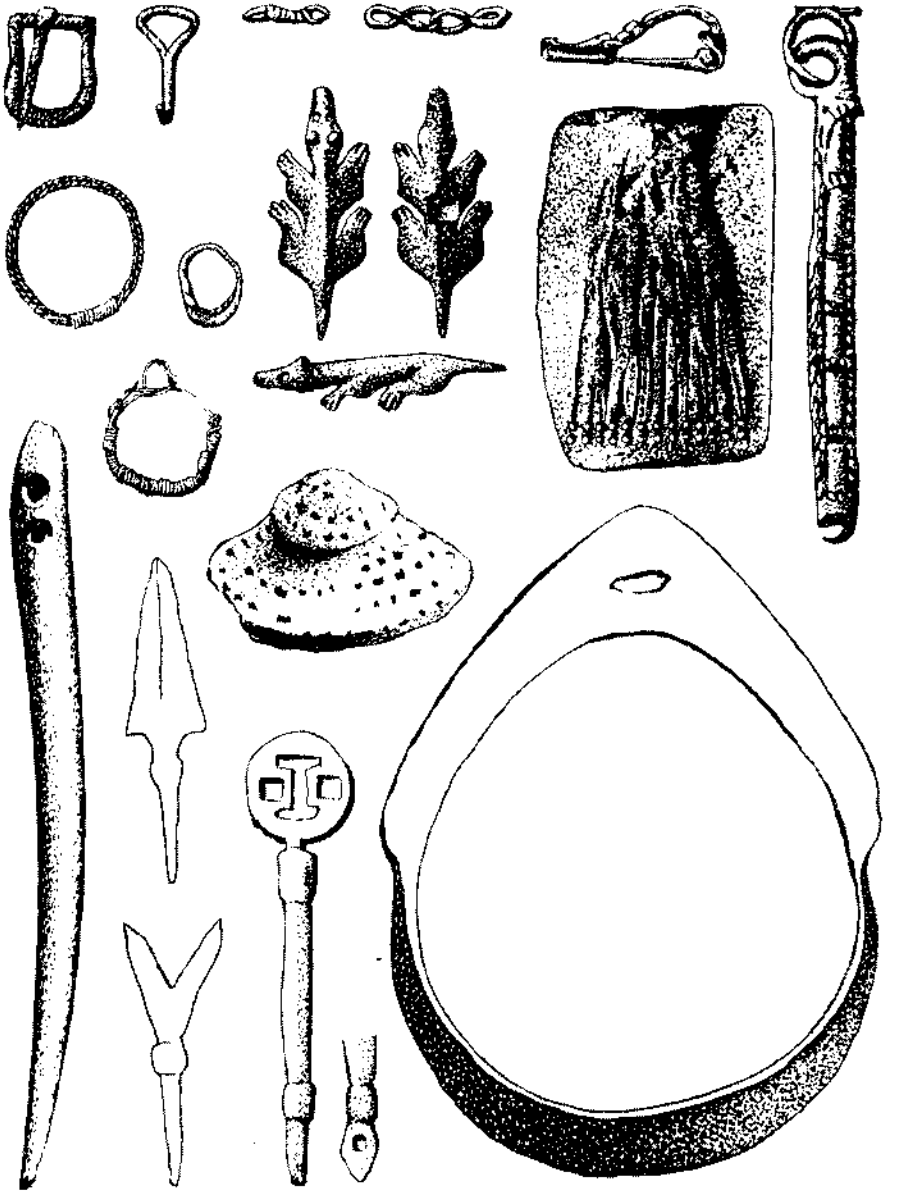


Рис. 14. Городище Земляной Струг. Некоторые из найденных вещей

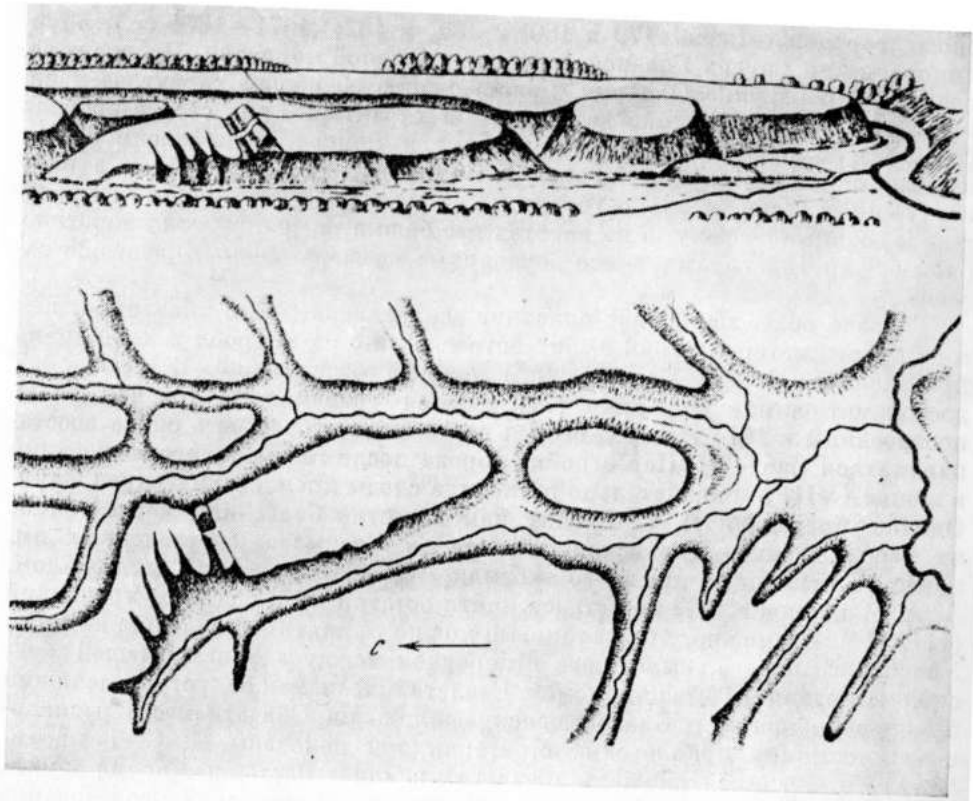


Рис. 15. Городище Земляной Струг. Вид сбоку и план (по И. С. Гагину)

слепок с литейной формы. (6—8, 26, 32, 33, 40, 41, 45, 47, 49, 57, 93, 99, 101, 108, 113, 118, 121, 132, 136, 143, 148, 151, 171, 172, 174, 197, 206, 209, 214, 215) [№ 22].

6. Касимовский кремль. Когда в XIV в. Городец Мещерский был разрушен татаро-монголами, он, как говорит предание, был восстановлен уже не на прежнем месте, а выше по течению Оки на 600 сажен, получив новое наименование «Низового нового города». Его укрепления в виде вала, рва и деревянных стен существовали до XVIII в. Сохранились сведения о том, что Петр I во время своего посещения г. Касимова в 1703 г. дал разрешение не восстанавливать более крепостных стен, о чем его просили касимовцы. Понятно, что в начале XVIII в. Касимов уже не имел никакого стратегического значения, и «городовая повинность» была лишь неоправданной необходимостью обузой.

Сведений о касимовских укреплениях ранее XVII в. никаких не имеется. Что же касается XVII в., то здесь наиболее важными источниками являются изображение города, нарисованное Олеарием, писцовые книги, составленные Воейковым и Раковым в 1627—1628 гг., и книги Касимов-

ского городового дела «179 и 180, и 181, и 182» (1671—1674 гг.), опубликованные в Трудах Рязанской ученой архивной комиссии. По гравюре, сделанной с рисунка Олеария, можно судить об общем характере касимовских строений. Все они деревянные и характерны для своего времени (рис. 16). В писцовых книгах Воейкова и Ракова стены касимовского кремля описываются так: «Город Касимов деревянный, рублен в одну стену, крыт тесом, а около города. . . (?) В городе двое ворот — проезжие и водяные на реку, а на воротах две башни, а промеж этих воротных башен 6 других глухих — все деревянные по мере около города 525 сажен».

Гораздо более подробное описание всех укреплений с указанием, кем и из какого материала они были построены, и с их подробными обмерами приведено в «Книгах Касимовского городового дела» (83). В «Рязанских достопамятностях» Иеронима (71) имеется указание на то, что вновь построенный в 1674 г. город сгорел через 5 лет, после чего снова восстанавливался (рис. 17). Перестройка города после генерального межевания в конце XVIII в. окончательно изгладила следы кремлевских укреплений. Однако благодаря И. С. Гагину нам известно более или менее точное их расположение. На нескольких планах Касимова, составленных им, нанесены границы прежнего кремля. Пользуясь этим материалом, А. А. Мансуров в 1932 г. пытался найти остатки кремлевских укреплений (111, 114). Возможно, что за таковые можно принять возвышение на краю Успенского оврага, выходящее в переулок между зданием бывшей женской гимназии и бывшим домом Столетовых, и также уступ, делящий бывшую Соборную и Благовещенскую площади. Оба эти места расположены по линии кремлевских стен, как они показаны И. С. Гагиным. Ввиду того, что вся площадь древнего кремля в настоящее время занята улицами, площадями и постройками, ее археологическое исследование очень затруднительно и может быть осуществлено лишь частично в связи со строительными работами. (31, 32, 35, 39, 41, 46, 71, 78, 83, 108, 111, 116, 127, 128, 133, 134, 188, 205, 207, 208, 215) [№ 15].

7. Мусина гора. В «Историческом объяснении» И. С. Гагина (37) имеется такое место: «В Касимове же, из Городца происшедшего, жил их ордынский чиновник или наемник по имени Мусин по составу их имеющегося казначейства по сборной податной суммы с областей Российских, как видно из истории (Карамзин, т. IV, стр. 75). Чиновники татарские приехали в область Суздальскую, Рязанскую и Муромскую, сочли жителей и поставили над оными десятников, сотников и темников для собирания податных налогов. Чиновник Касимовского городца сего Мусин жительство имел в особенной земляной крепости между двух оврагов на мысу в предместии и середине Городца (Мещерского) и Новгорода (т. е. вновь построенного Касимова, тогда еще не получившего этого имени). Оные земляные остатки рва и осыпей и поднесь живым доказательством в садах по плану положенных у обывателей находятся и зовутся Мусина гора (далее несколько слов рукописи утрачено). . . крепости. Чиновник Батаев исправлял посольства в Орду и в княжеские столицы — Владимир, Суздаль, Ростов и Ярославль. Таковая их станция и особенно с городом Темниковым была утверждена для непременного сношения

Рис. 16. Город Касимов (с гравюры Олеария, XVII в.)

Рис. 17. Город Касимов (с гравюры Витсена, XVIII в.)

царедворцам княжеским о состоянии Российских обстоятельств. А притом по сему тракту отправлялась сборная сумма с их конвоями к областным оным царям золотоордынским».

Действительно, название Мусиной горы удержалось за указанной Гагиным частью городца до сих пор. Так называют несколько кварталов, лежащих за левой стороной Успенского оврага. На плане Касимова, составленном Гагиным в начале XIX в., показаны валы Мусиной крепости. Они проходили по саду бывшего Ивановского училища. Однако осмотр этой местности в 1922 и 1923 гг. никаких следов не обнаружил. (37) [№ 16].

8. Поляны, селище. В 1932 г. О. Н. Бадер и А. А. Мансуров обнаружили памятник в 1,5 км от Поповки, в направлении к Казенному лесу (близ Карамышева), на пашне, называемой «Поляны». На склоне, прилегающем к колодцу и истоку ручья, был обнаружен культурный слой мощностью до 40 см и найдена керамика. Селище было найдено по резко выделявшимся пятнам на пашне, которые были замечены с противоположного берега ручья. Основная масса находок распространяется в нижней части пашни, примыкающей к ручью, причем среди керамики есть русского типа и более древняя, которую можно сблизить с финской. Последняя находилась на более низком склоне пашни.

Коллекция в Рязанском музее, инв. № 511—120 экз. (121) [№ 42].

9. Старое Мещерское городище. При впадении р. Бабенки в Оку, непосредственно под Городцом Мещерским, на месте водомерной избушки бакенщика (398 км), находится сильно выступающий вперед плоский мыс, отделяющийся от основного берегового массива узким перешейком. Описанные условия чрезвычайно характерны для расположения древнего дославянского городища и сами по себе ставят вопрос о его поисках.

Предположения о наличии памятника могут быть подкреплены 1) находкой А. А. Мансуровым в 1926 г. обломка керамики с отпечатком ткани; 2) наличием некоторого углубления в месте перешейка, ориентированного в поперечном направлении, где сейчас проложена дорога. Это углубление по своему местоположению может оказаться остатком рва, тем более что для нужд дороги оно не требуется и едва ли было сделано для нее. Осмотр обнажений со стороны окского берега над массивами известняка и со стороны речки Бабенки и ям на самой площади городища, в значительной мере ими разрушенной, обнаружил наличие отложений культурного слоя с мелкой битой глиняной русской посудой, мелкими осколками костей и т. п., но не дал находок культуры городищ дьякова типа, к которым памятник должен быть отнесен, судя по отмеченной находке обломка глиняного сосуда с текстильным отпечатком.

Коллекция в Рязанском музее, инв. № 508 — 4 экз. (121) [№ 35].

10. Столбище, городище. Первые сведения о памятнике даны у И. С. Гагина (рис. 18). В его рукописи «О достопамятности г. Касимова» (41) мы читаем: «Четвертая крепость по течению реки (Оки) пониже города на южную сторону, близ заводи Поповской, расстоянием до 4 верст с небольшим. Сия крепость устроена на вышедшем островом холму двумя высотами или уступами на первую в (высоту?) сходу до 30 сажен и с той площади на высшую еще до 20 сажен. На сей возвышенности ровная площадь

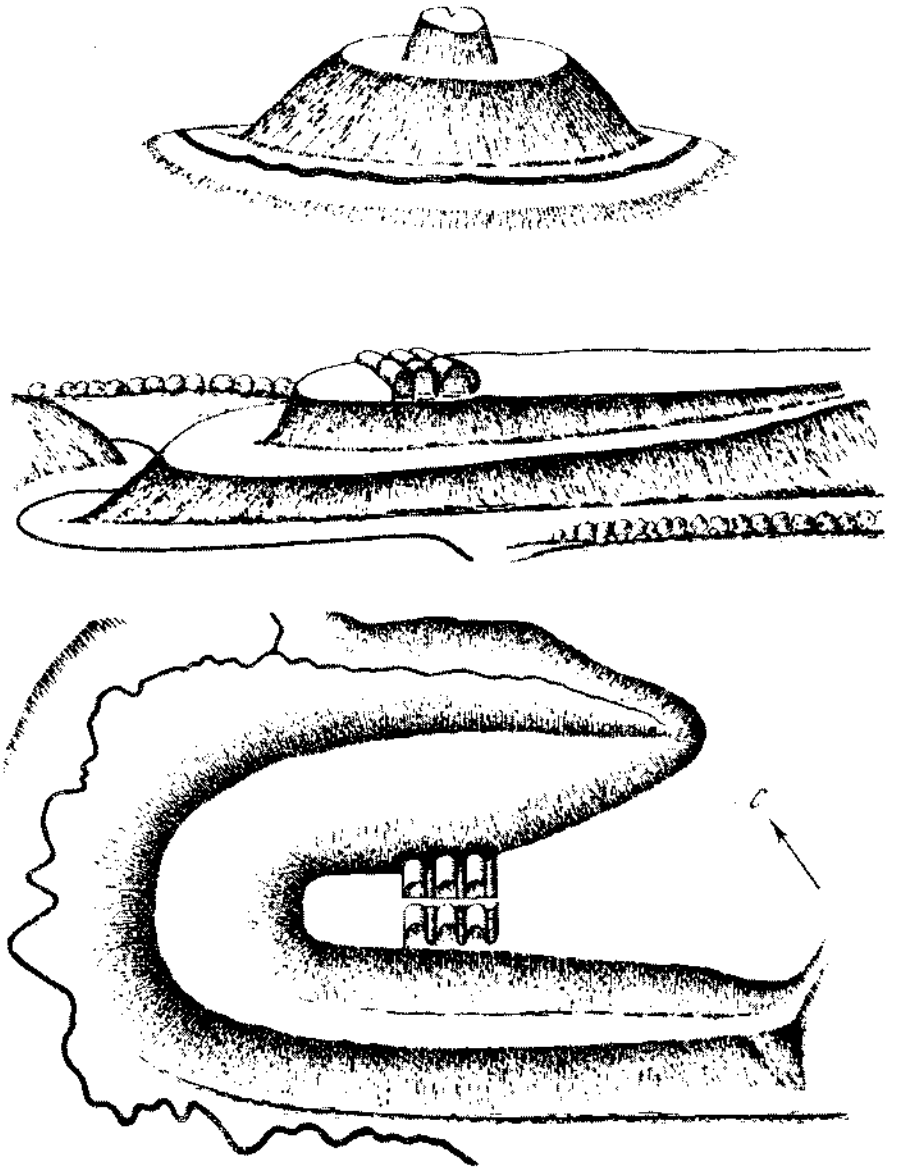


Рис. 18. Городище Столбище. Вид сбоку и план (по П. С. Гагину)

невелика, не более 27 саженей длины и 14 саженей ширины, которая и обнесена крутым валом и позади ров, а потом еще таковых же 2 ряда, коих и находится три вала и три глубоких рва, перерезывающих перешеек холма, который видится издали подобно земляной пирамиде. Но за теми валами предместие пошло ровное и в расстоянии 300 саженей находится источник, стекающий с горы на луга, а внизу пред входом небольшая речка. Холм сей от реки Оки отстоит не более 1 версты. Предместие оное, хотя и городским священникам уступленное и потому именуемое Поповская пустошь, ныне состоит под помещичьим владением».

Возможно, что Ходаковский имеет в виду Столбище, когда упоминает в «Исторической системе» (208): «В трех верстах ниже городка Касимовского, на Оке пустой городок» (под словом «пустой», очевидно, разумеется незастроенный).

В ЖМНП (97) этот памятник описан следующим образом: «Столбище, курган, получивший свое имя, как видно, от сходства внешней фигуры его со столбом, имеющим вид усеченного конуса. Он находится в 4 верстах от города, близ дер. Поповской. Окружность этого кургана простирается до 20, вышина до 5 саженей». Эти цифры приведены ошибочно. По сведениям Н. Любомудрова (108), окружность одного верхнего яруса равняется 100 саженям. Кроме того, он сообщает о Столбище такие подробности: «От площади отделяют его три в ряд один за другим идущих глубоких рва с высокими валами, посредине которых сделан узкий проход. Окруженная таким образом с трех сторон оврагами, а с четвертой рвами и валами, Столбищенская насыпь представляет собой неприступную крепость. . . Весь этот холм зарощен теперь частым кустарником». Баранович (26), описывая Столбище, повторяет неверно указанные в ЖМНП его размеры.

Следует отметить, что Баранович впервые еще в 1860 г. подверг сомнению предположение И. С. Гагина о том, что Столбище, равно как и другие городища, было крепостью, охранявшей подступы к Городцу Мещерскому. «При описании города Касимова, — говорит он, — было упомянуто о пяти передовых укрепленных пунктах, которые будто бы построены были с целью усилить оборону существовавшего некогда на месте нынешнего Касимова Мещерского городца. Впрочем следует заметить, что подобные стратегические соображения едва ли были свойственны дикарям, жившим в этой страшной глуши, и мнение, что Земляной Струг, Столбище и курганы Бабенский, Сынтульский и Бакшеевский были некогда крепостями, опровергается как рассудком, так и самою их местностию».

В 1924 г. памятник был обследован П. И. Лебедевой, которая заложила на нем три шурфа и обнаружила культурный слой мощностью до 3 вершков, лежащий на известняковых камнях. Найдены были лишь мелкие обломки костей животных и обломки коричневой керамики с примесью дресвы. Отсутствие находок руководящих форм не позволило ей датировать городище, а наличие двух валов и бедность культурного слоя дали повод предположить, что в данном случае налицо крепостное сооружение.

Обследования О. Н. Бадера и А. А. Мансурова в 1932 г. значительно дополнили материал Н. И. Лебедевой. На борту городища, обращенном к долине Оки, близ вала был заложен шурф, обнаруживший глубину культурного слоя на 70 см. Слой темно-серый песчаный, с многочисленными об-

ломками камня, часто битого и жженого. Попадаются обломки глиняной посуды и кости животных. Культурный слой без резкой границы переходит в серо-желтый песчаный с обильной примесью мелкого камня и прорезанный густой сетью древесных корней, чем и объясняется его серый оттенок.

Поверхность городища занята лесом. Склоны густо поросли. Сравнение памятника с чертежом Гагина указывает, что последний был сделан правильно, но схематично. В частности, уплощение первого уступа на чертеже не соответствует современному виду.

Памятник относится к ранней поре железного века (дьяковской культуре). Коллекция в Рязанском музее, инв. № 513— 50 экз. (26, 32, 40, 41, 47, 57, 93, 99, 101, 108, 113, 118-- 121, 136, 143, 171, 172, 208, 215) [№ 40].

11. Сынтульское городище. Описано И. С. Гагиным (41) следующим образом: «Вторая крепость тоже по избранию места отлична и видом и способностью, и находится повыше города на севере при речке Сынтул, неподалеку реки Оки, на вышедшем из возвышенности холму, на каменных утесах к реке. Площадь полукружным валом обнесена по ровному месту, в середине коего был проезд — ров рыт наружу. Внутри с углов начинаемы длины 70 сажен, а поперечины до 35 сажен, и состоит из городовой черты на расстоянии до 2 верст с саженями в помещичьих владениях». На «Плане крепостей города Касимова» (42) И. С. Гагин в объяснительных знаках пишет относительно городища: «Третья крепость с земляною насыпью и рвом при речке Сынтуле, устроенная на каменном крутом мысу, форштат же оной окружен с боков оврагами» (рис. 19).

Н. Любомудров (108) писал: «Сынтульская крепость при речке Сынтуле к северу от Касимова в 3 верстах вблизи Астраханского, или Саратовского, тракта. Она образует прибрежный обрывистый каменистый мыс, отделяющийся от площади земляной насыпью и рвом, через который устроены два прохода. Форштат ее окружен с боков оврагами».

В 1932 г. памятник был осмотрен О. Н. Бадером и А. А. Мансуровым. Осмотр того места, которое И. С. Гагин называет «сынтульской крепостью», обнаружил следующее: на левом берегу речки Сынтул, не далее чем в 1 км от ее впадения в Оку, непосредственно над водяной мельницей, близ дер. Лощинино имеется единственное возвышение, представляющее собой острог нагорного берега Оки и занятое фруктовым садом и домом, принадлежавшим до революции И. К. Кострову. Место это именовалось раньше «ближней Костровской дачей». Подстилающим слоем является известняк. Внешних признаков городища нет. На месте вала и рва, если ориентироваться на гагинские рисунки, разбит сад. Очевидно, за последнее столетие при планировке усадьбы почва была выровнена. Возможно, что сохранившееся песчаное курганообразное возвышение за садом, примыкающее к фундаменту большого разрушенного здания, есть остаток вала.

Сохранность памятника плохая. Помимо нарушенной формы, он в значительной мере утратил культурный слой. Покатость его площади и твердое каменное основание создавали особо благоприятные условия для его смыва.

Коллекция в Рязанском музее, инв. № 505 — 11 экз. (26, 32, 40—42, 91, 108, 113, 118—121, 208, 215) [№ 8].

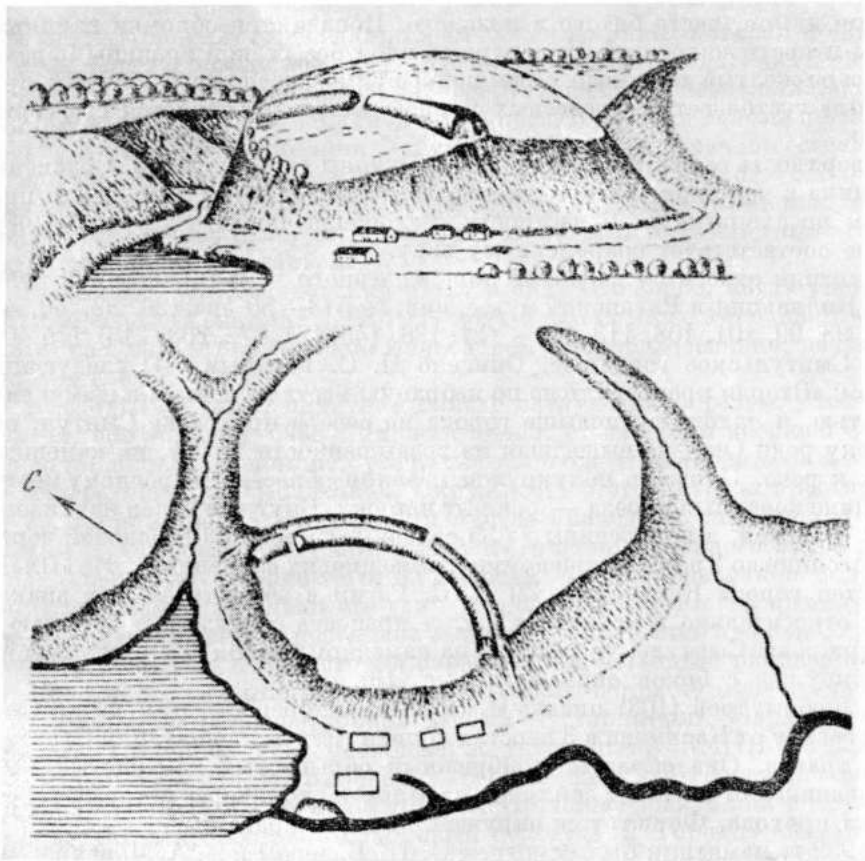


Рис. 19. Городище Сынтул. Вид сбоку и план (по И. С. Гагину)

12. Ташенское городище. Возвышенное место при впадении р. Ташенки в Оку сохранило до сего времени название «городища». Оно было осмотрено в 1932 г. О. Н. Бадером. Судя по совершенно разрушенному каменоломней выступу этого мыса, он должен был ранее выступать значительно вперед, что создавало благоприятные условия для устройства на нем городка, подтверждением чего, очевидно, и является сохранившееся название места. (121) [№ 30].

Могильники

Группа бескурганных могильников представлена бедно. Правда, среди них имеется такой широко известный в археологии памятник, как Курманский могильник, но общее количество открытых памятников пока остается совсем незначительным.

1. Курманский могильник. Находится километрах в 20 от Касимова на правом берегу Оки, в 4 км от с. Курман и в 1 км от дер. Шульгиной. Впервые он был раскопан в 1888 г. С. А. Уваровым (200). В 1897 г. памятник был вторично раскопан членами Рязанской ученой архивной комиссии А. П. Черепниным и И. И. Проходцовым при участии А. П. Мансурова. Отчет о последних работах составлен И. И. Проходцовым (170). В отчете описаны раскопки 18 могил (всего же вместе с уваровскими раскопками было раскопано не менее 100 погребений). Материалы раскопок С. А. Уварова поступили в ГИМ, коллекции раскопок 1897 г. — в Рязанский музей. Туда же были переданы в 1898 г. дополнительные находки, собранные на поверхности могильника А. П. Мансуровым. Он продолжал собирать вымываемые водой предметы и в последующие годы. Эти последние материалы были позднее переданы Касимовскому музею. Кроме того, в Гиблицком музее местного края имелось небольшое собрание вещей, найденных в Курманском могильнике в 1926—1928 гг.

Курманский могильник является памятником, получившим достаточную известность в специальной археологической литературе. В частности, материалы его были привлечены к использованию в известной работе П. П. Ефименко «Рязанские могильники» (58).

Ввиду того что отчеты о раскопках памятника опубликованы, а суммарная характеристика его инвентаря дана П. П. Ефименко, мы ограничиваемся ссылкой на названные работы и не повторяем в наших описаниях опубликованных материалов.

Коллекция в Рязанском музее, инв. № 143 и № 197 — 724 экз. (9, 21, 28, 29, 36, 52—54, 58, 60—63, 65, 75, 88, 89, 100, 106, 107, 117—120, 126, 132, 133, 137, 145, 148, 149, 153, 161, 163, 164, 165—167, 170, 171, 173, 179, 180, 183, 190, 191, 193, 200, 201, 214, 216 [№ 23].

2. Поповский «боровой» могильник. Обследован в 1932 г. О. П. Балером и А. А. Мансуровым.

В местности, называемой «бор», расположенной в 1,5 км от городища Столбище, в глубине берега, на возвышенном месте, между двумя низинами находятся сплошные песчаные бугры, сильно развеваемые, во многих местах обнаженные и частью поросшие сосной, мхом и редким травянистым покровом; несколько лет тому назад здесь был большой смешанный бор.

Близ южного края этих бугров, у лощины на склоне песчаной осыпи найдены обломки керамики, мелкие железные предметы и тонкое бронзовое колечко-серьга с разомкнутыми кольцами. Над местом находки обнаружен четырехугольный раскоп в 4 кв. м глубиной около 1 м, хорошо сохранившийся. На тех же участках в 1923 г. И. А. Китайцевым и А. А. Мансуровым были найдены обломки керамики, кости, бронзовое витое колечко, бронзовая подвеска. Очевидно, здесь мы имеем дело с сильно разрушенным могильником.

Находки памятника хранятся в Касимовском и Рязанском музеях, инв. № 506 — 18 экз. (121) [№ 43].

3. Старо-Посадское погребение. В 1939 г. на склоне левого берега Бабенки, на Старом Посаде, неподалеку от Ильинской церкви было обнаружено погребение. При извлечении его из земли костяк был разрушен.

По описанию осматривавшего находку И. А. Китайцева, при костяке найдены два шейных обруча, три массивных браслета, много височных колец, несколько ажурных перстней, серьга с мелкими коническими привесками и несколько раковинок. Он полагает, что все находки по своему характеру могут быть сопоставлены с Курманским могильником и Земляным Стругом. [№ 34].

Курганы

Этот вид памятников в окрестностях Касимова представлен очень слабо. Правда, два из известных трех памятников исключительно интересны. Это Земские курганы, дающие новый материал о распространении так называемой абашевской культуры, и Поповские курганы, раскопанные еще в 1870-х годах и свидетельствующие о процессе обрусения мордовских племен.

1. Баженовские курганы. Курганный могильник находится в лесу между дер. Баженовым и с. Митиным, на берегу речки Сынтул, на расстоянии не более 0,5 км от нее. Часть курганов разрыта любителями. Были найдены череп, кольца и браслеты. Часть курганов сохранилась в неприкосновенности. [№ 7].

2. Курганный могильник у дер. Земское. Первое упоминание о курганах у дер. Земское мы находим в рукописи И. А. Кузьмина «Исторические пункты Сынтульской волости Касимовского уезда» (91). Автор сообщает, что один из курганов в 1922 г. был уничтожен и превращен в пахоть; в кургане ничего не найдено.

В 1925 г. под руководством Б. А. Куфтина были проведены раскопки могильника. Судя по схематическому плану Б. А. Куфтина, переданному вместе с добытым материалом в Московский областной музей, могильник состоял к моменту раскопок из четырех курганов. Б. А. Куфтин раскопал два кургана.

Судя по кратким ссылкам в отчетах Озерной комплексной экспедиции Московского областного музея, организованной в 1926 г., раскопки Земских курганов были Б. А. Куфтиным в 1926 г. продолжены. Мы ничего не знаем об этих раскопках. Материалов этих раскопок нет в каких-либо музейных собраниях.

По сведениям, полученным А. А. Мансуровым, жители дер. Земское году в 1928 «рыли бугры с целью узнать, что там есть. Нашли человеческие и лошадиные кости». По тем же сведениям, один из курганов был распахан еще лет 25 назад. Наконец, в 1937 г. обследование Земского могильника было произведено О. Н. Бадером. При этом был снят точный план могильника, сделано описание курганов и проведены контрольные раскопки сильно поврежденного большого кургана.

Переходим к описанию памятника. Могильник находится к северу от дер. Земское Касимовского р-на, несколько вправо от столбовой дороги в Булгаково, сейчас же за деревней. Он пересекается с запада на восток небольшой полевой дорогой (рис. 20).

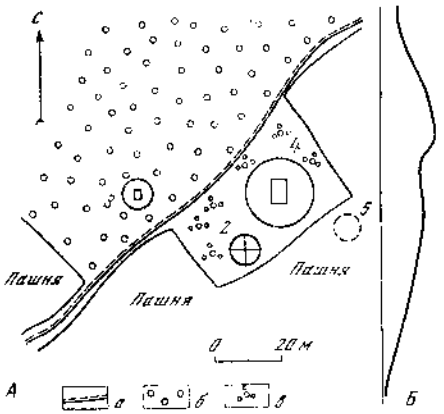


Рис. 20. План Земского курганного могильника абашевской культуры (А) и профиль поверхности большого кургана 1 по линии север—юг (Б)

Условные обозначения:
а — дорога;
б — кустарник;
в - отдельные кусты
План снят О. Н. Бадером в 1937 г. Крестами обозначены курганы, раскопанные Б. А. Куфтиным в 1925 г.; третий раскопанный им курган (5) распахан; курган 4 раскопан колодцем в 1926 г. неизвестными лицами

Памятник расположен на ровной, возвышенной площади, на правом берегу небольшой речки — ручья Макария, метрах в 300—400 от него и около 1 км от Оки. Три кургана поросли редким молодым осинником два — почти без следа распаханы.

На площади Земского могильника находятся многочисленные ямы от выемки песка для дорожного ремонта. Этими ямами испорчены поль большого кургана. Расположены курганы без особого порядка. В северной части могильника находится курган, заметно более крупный, чем остальные (рис. 20).

К у р г а н 1 распахан и представляет собой слабо возвышающуюся расплывчатую насыпь диаметром около 9 м, выделяющуюся светлым песчаным пятном на буром фоне пашни.

К у р г а н 2 раскопан и, по-видимому, разрушен последующей выемкой песка для ремонта дороги. Однако диаметр его устанавливается по сохранившимся основаниям вполне точно и равен 10 м. Высота в настоящее время 1,15 м.

К у р г а н 3 имеет правильную округлую форму и слабые следы ровиков у основания. Диаметр его 10 м и современная высота 1 м. В центре кургана правильная квадратная выемка раскопа размерами 4×4 аршина со сторонами, точно ориентированными по странам света.

К у р г а н 4. Диаметр его равен 22 м. На вершине имеются следы двух старых больших кладоискательских ям. Поэтому высота кургана меньше первоначальной и в настоящее время равна всего 2,50 м.

К у р г а н 5, по словам местных жителей, был очень небольшим. В настоящее время от него сохранился лишь еле заметный расплывчатый бугорок на пашне, даже не отмеченный на плане Б. А. Куфтина.

Необходимо отметить, что у Б. А. Куфтина курганы 2 и 4 обозначены на плане в виде овалов. В момент нашего обследования, может быть из-за плохой сохранности курганов, этого не было видно, а лучше других сохранившаяся насыпь кургана 3 была совершенно правильной круглой формы.

В 1925 г. Б. А. Куфтиным были раскопаны два кургана — 1 и 2; курган 3 за дорогой раскопан, вероятно, в 1926 г., что и нашло свое отражение в упоминавшихся отчетах Озерной комплексной экспедиции Московского областного музея.

Большой курган 4 был в 1937 г. единственным, который не подвергался археологическим раскопкам.

Мы заложили вытянутую с севера на юг траншею-раскоп длиной 8 м и шириной 2 м так, что восточная стенка проходила через центр кургана точно с севера на юг и послужила нам для изучения центрального разреза кургана. По доведении его до глубины 3,50 м рядом с востока была вскрыта аналогичная площадь. Таким образом, раскоп был доведен до размеров 8×4 м.

В центре кургана сверху был обнаружен глинистый грунт, заполнявший верхнюю часть воронки кладоискательской ямы; на дне ее — лошадиные кости, по-видимому, недавнего происхождения.

На центральном разрезе насыпи, состоявшей из светлого песчаного грунта с прослойками железистых ортзандов, удалось проследить очертания широкой ямы глубиной до 2,20 м, заполненной сероватым рыхлым песком (рис. 21). Эта яма разрушила вершину кургана и ушла в насыпь, достигнув уровня материковой ленты под насыпью. На уровне материка, выраженном очень слабо, в разных частях раскопа были обнаружены отдельные угольки, а в юго-западной части раскопа на этом же уровне был найден обломок глиняного сосуда без орнамента, мало говорящий о форме сосуда и его культурной принадлежности. Погребение, по-видимому, располагалось на уровне почвы и было разрушено кладоискательской ямой.

На восточной стенке раскопа удалось наблюдать разрез другой, более глубокой кладоискательской ямы.

Переходя к описанию раскопок Б. А. Куфтина, мы помимо коллекции, хранящейся в Московском областном музее, принуждены пользоваться лишь коллекционной описью, т. е. другими словами, полевыми этикетками Б. А. Куфтина, а также наброском разреза одного из раскопанных курганов, который по совпадению диаметров можно принимать за курган 2; курган 1, судя по следам его на пашне, имел меньший диаметр. Дневника или каких-либо прочих записей при коллекции нет.

В кургане 1, видимо, ничего не найдено; по крайней мере, ни одна из вещей коллекции не имеет соответствующей этикетки. Однако, по словам очевидца раскопок, жителя дер. Земское Г. И. Николаева, в этом кургане был обнаружен «небольшой черно-синий горшочек». В то же время единственный в коллекции небольшой черный горшочек не имеет этикетки. Возможно, что он действительно происходит из кургана 1 (рис. 22, *16*).

Из кургана 3 происходит всего один обломок керамики с линейным орнаментом (рис. 22, *15*), найденный в насыпи.

В кургане 2 под насыпью найдена могильная яма глубиной 1,60—1,70 м. На дне ее лежали останки вытянутого на спине (?) скелета, ориентированного головой на юг. Скелет был плохой сохранности; в коллекции от него имеются лишь отдельные фрагменты черепа, зубы и некоторые кости ступни.

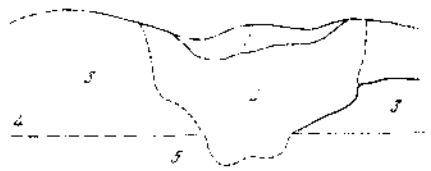


Рис. 21. Разрез центрального кургана Земского могильника по восточной стенке раскопа О. П. Бадера (1937 г.)

1 — гумнистая перемешанная земля, на глубине 40—50 см — лошадиные современные кости; *2* — засыпь кладоискательской ямы; *3* — светлый песчаный грунт насыпи кургана с ортзандовыми прослойками; *4* — тонкий почвенный слой с вкраплениями угольков — видимо, уровень погребения, разрушенного кладоискательской ямой; *5* — светлый песчаный грунт с ортзандами

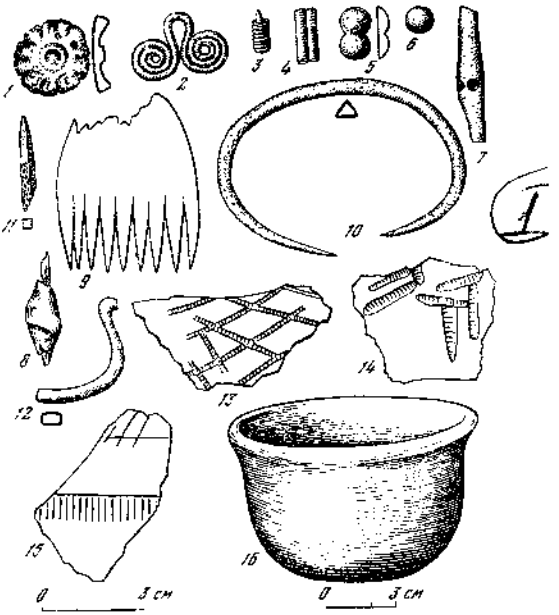


Рис. 22. Инвентарь погребения из кургана 2 в Земском могильнике (1—16). Раскопки Б. А. Куфтина в 1925 г.

Под скелетом у черепа обнаружены остатки бересты. Вероятно, береста подстилала весь скелет, или же последний был в нее завернут.

По указанию упомянутого Г. И. Николаева и А. А. Мансурова, в этом погребении найдены сохранившиеся косы и остатки накосников с бронзовыми украшениями.

Под правой косой найден кусок дерева (днища?) с остатками меховой настилки на нем. Деревянный тлен обнаружен также и поверх той же косы. Возможно, что перед нами следы деревянного внутримогильного сооружения.

Справа у головы найдены бронзовая привеска в виде розетки с небольшими рельефными лопастями и с двумя сквозными отверстиями для прикрепления к основе, с одной стороны плоская (рис. 22, *1*)[3]; небольшая привеска очковидной формы, сделанная из круглой бронзовой проволоки, свернутой в виде двух спиралей (рис. 22, *2*); небольшая бронзовая пронизка в виде трубочки с мелкими спиральными рельефными валиками и сохранившимися остатками нитки внутри (рис. 22, *3*).

Две похожие пронизки, но двойные и еще более тонкие (рис. 22, *4*), найдены у левого виска. Там же — маленькая бляшка в виде двух соединенных краями полушарий, полых внутри (рис. 22, *5*), и обломок такой же бляшки в виде одного полушария (рис. 22, *6*).

К головному убору относятся более крупная бронзовая пронизка в виде трубочки с двумя сквозными отверстиями сбоку (рис. 22, *7*), одним —

[3] А. Е. Алихова предоставила нам свои рисунки и описания вещей из Земского, за что мы приносим ей свою искреннюю благодарность.

круглым, другим — неправильной формы, и узел из кожаного ремешка (рис. 22, *8*) со следами входившего в него бронзового предмета.

Кроме того, здесь же собрано 26 обломков бронзовых спиральных пронизок, между ними остатки семи двойных пронизок. Все они принадлежали к головному убору.

От самого головного убора в области правого виска сохранились куски кожи со следами меха и распавшихся бронзовых бляшек. В пункте прикрепления розетки и очковидной привески уцелели кусочки кожи с шитьем и с одной спиральной пронизкой. Отсюда же имеются остатки бересты и кожи со швами, сшитыми через край. Головной убор был, вероятно, кожаным с мехом.

На правой косе, лучше сохранившейся, обнаружены остатки кожаных и бронзовых украшений, возможно составлявших части накосника; отсюда происходит часть украшения, состоящего из полоски кожи со следами от распавшихся бронзовых бляшек и с шитьем. Это украшение находилось под косой и было прикрыто двумя кусками кожи с сохранившимися швами. На той же косе найдены три обломка спиральных пронизок и девять мелких обломков бляшек полушаровидной формы. Имеются с правой косы также два кусочка кожи с остатками шитья; нитки наложены в виде спирали.

Справа у той же косы — очень тонкий костяной гребень с девятью зубцами; верхняя часть его не сохранилась (рис. 22, *9*).

На расстоянии 80 см от височной кости под скелетом на бересте — куски кожи с остатками медных колец (?). На одном из последних сохранилась крученая нитка.

На правой руке — бронзовый браслет с разомкнутыми более тонкими концами, треугольный в сечении, внутренняя поверхность плоская (рис. 22, *10*).

У ступней скелета вместе с древесным тленом — бронзовое четырехгранное шильце (рис. 22, *11*) с остатками дерева от черенка. На плюсневых костях левой ноги — кусок смолы или вара черного цвета с отпечатками складок одежды или покрова с одной стороны. Между этими костями — обломок довольно толстой бронзовой пластины. У левой же ноги — обломок бронзового предмета в виде изогнутого стержня (рис. 22, *12*). Поверх пальцев правой ноги — часть расколовшегося в продольном направлении костяного предмета, первоначальная форма которого неясна.

У правой ступни среди обломков керамики найдено плоское дно глиняного сосуда; глиняное тесто с примесью раковин. Из обломков керамики приведем два (рис. 22, *13*, *14*), почти черного и красновато-желтого цвета с гребенчатым орнаментом.

Приводим на нашей таблице также упомянутый выше обломок керамики из насыпи кургана 3 (рис. 22, *15*) — с разным орнаментом и со следами сглаживания травой (?) на внутренней поверхности.

Единственный почти целый (реставрированный) глиняный сосуд происходит из кургана 1 или 2. Он невелик (рис. 22, *16*), чашевиден, с округлым уплощенным дном и несколько отвернутым краем, из глины с небольшой примесью шамота и с хорошо сглаженной поверхностью черного цвета. Орнамент отсутствует.

Описанные вещи, в особенности бронзовые розетка, очковидная привеска, браслет, относятся к абашевской культуре эпохи бронзы и могут быть датированы второй половиной II тысячелетия до н. э.

Первоначально культура Земского могильника была определена Б. А. Куфтиным как финская. Однако после опубликования В. Ф. Смолиным результатов проведенных им в том же 1925 г. раскопок Абашевского могильника в Чувашии (185, 186) и Н. Н. Бортвиным — годом позже найденного Верхне-Кизильского клада (30) эта ошибка была исправлена (96). (2, 23, 30, 91, 96, 144, 160, 185, 186) [№ 11].

3. Поповские курганы. Были раскопаны Ф. Д. Нефедовым в 1877 г.: «Насколько можно заключить по характеру данной местности, — пишет он в своем отчете (136), — могильники начинаются от Столбищенского кургана (т. е. городища). . . и идут по кривой линии на север к Татарскому или Тюменеву (Темгеневу). . . Могильные курганы, мною разрытые, жители дер. Поповской называют мордовским кладбищем. Один семидесятилетний старик. . . удостоверил меня, что в соседстве с ними жила мордва и именно эрзяне. . . Мордовки ходили с прялками к нашим бабам на посиделки, а наши к ним в гости». Всех курганов было разрыто Нефедовым 63. Было найдено 42 черепа, 3 костяка, несколько отдельных костей. Из вещей — ожерелья, браслеты, кольца, серьги, подвески. Скелеты были найдены все лежащими на материке, но положение их чрезвычайно разнообразно: одни были вытянуты, другие — со сложенными на груди или животе руками, третьи — с пригнутыми к подбородку коленями и т. д. Преимущественная ориентировка — головой на запад. Попадались кости и черепа животных (каких именно, исследователь не отмечает). В одном погребении найдены железный нож и огниво с кремнем; у некоторых на животе лежали железные бляхи; в ногах или головах — уголь и горшки. У женщины из кургана 3 на шее, кроме ожерелья, сохранилась материя, а на голове — волосы. У одного покойника были прослежены остатки кожаной обуви, у другого — остатки сгнившего гроба или доски и серьги с речными раковинами.

«Вещи и украшения, добытые из курганов этих раскопок, — отмечает Ф. Д. Нефедов, — далеко уступают по технике и изяществу вещам парахинских раскопок (произведенных им в том же году). В числе их видим и ожерелья, одно также с морскими раковинами; но работа груба, а массивные серьги приводят просто в удивление, как только могли их выдержать нежные женские уши».

Общий вид могильника представлял собой лесную заросль, в которой были разбросаны курганы. Многие из них были покрыты полусгнившими пнями, молодыми березами, липами и кустарником. Дорога в с. Тюменево (Темгенево) разделяет могильник на две части. Курганы почти все круглые со срезанной вершиной, представляющей форму подковы. Высота курганов от 2 до 9 аршин, окружность — от 12 до 50 аршин. Внутренний состав курганов — желтый и белый песок и сгнившие корни деревьев.

Коллекция, добытая Ф. Д. Нефедовым, описана в «Указателе памятников Императорского Российского исторического музея» (202), причем отмечено, что точное распределение предметов по протоколам раскопок невозможно.

Датировка и в особенности этническое определение материалов встречает некоторые затруднения. А. В. Арциховский, основываясь на них, пишет в «Курганах вятичей» (9), что Ока близ Касимова из вятической реки становится кривической. Б. А. Куфтин считает Поповские курганы позднефинскими (94). А. И. Иванов установил ряд аналогий материалов Поповских курганов с материалами раскопанного им Пустошенского финского могильника (70).

Место раскопок Нефедова было в 1932 г. осмотрено О. Н. Бадером и А. А. Мансуровым. Оно называется «могилище» или «мордовское кладбище» и находится за Налтачеевым оврагом, в 1 км от с. Поповки по направлению к с. Темгеневу. Среди еще заметных курганов, почти полностью раскопанных, было найдено по два-три кургана довольно хорошей сохранности, имеющих лишь незначительные боковые впадины. Сейчас можно насчитать не менее трех десятков еще заметных курганов. Местность поросла мелким лесом и кустами. (9, 28, 70, 94, 121, 136, 191, 193, 202) [№ 41].

Клады

1. Близ Баишевского городища в 1836 г. было найдено несколько монет с татарскими надписями. (26, 93) [№ 32].

2. В местечке «Дубово поле» бывшей Сынтульской волости находят клады из серебряных и медных «клиновидных» монеток (очевидно, царского периода). (21) [№ 6].

3. В с. Ерахтур приблизительно в 1913 г. в восточной части найден горшочек, покрытый истлевшим полотенцем с серебряными монетами царского периода. Горшочек не сохранился. Монеты были распроданы в частные руки. Одна из них поступила в Касимовский музей. [№ 50].

4. В 1927 г. в г. Касимове на склоне Успенского оврага был найден клад в 282 монеты («денги» Ивана IV). Коллекция Рязанского областного музея, инв. № 2409. [№ 17].

5. Близ дер. Степаново был найден клад медных монет, который отдали на отливку церковного колокола. (203) [№ 2].

6. Близ с. Телебукино в местечке Курепино в 1922 г. были найдены монеты времени Петра I. (104, 105) [№ 25].

Позднетатарские памятники

Несколько татарских памятников в Касимове являются следами просуществовавшего более 200 лет удельного Касимовского царства. Эти памятники относятся к XV—XVIII вв. и представляют собой архитектурные сооружения и кладбища.

Около 1452 г. Городец Мещерский был отдан в удел казанскому царевичу Касиму, по имени которого впоследствии и стал называться Касимовым. Московское правительство стремилось воспользоваться в своих целях видимой самостоятельностью Касимова, поставив его фактически

в полную от себя зависимость. Когда историческая обстановка сложилась так, что необходимость в Касимовском царстве миновала, оно было ликвидировано. В четырехтомном сочинении В. В. Вельяминова-Зернова «Исследование о Касимовских царях и царевичах» (32) дается подробное описание всей жизни Касимовского удельного царства. Мы не будем останавливаться на истории Касимовского царства, а прямо перейдем к описанию памятников, оставшихся от него до наших дней. К числу их относятся: 1. Мечеть в г. Касимове; 2. Текие Шах-Али рядом с мечетью; 3. Текие Авгана на Старом Посаде; 4. Старое Татарское кладбище; 5. Гробница царевича Якова.

Кроме того, достоверно известно о бывших, но теперь разрушенных следующих двух памятниках: 6. Дворец Касима; 7. Мавзолей царицы Фатимы.

Последние два памятника ныне уже не существуют, и поэтому мы не можем нанести их на карту, но все же дадим краткие о них сведения в тексте наших описаний.

1. Старая мечеть в г. Касимове (рис. 23). Ее построение приписывают Касиму и относят к 1467 г. Она помещается на бывшей Ханской, теперь Нацменовской площади. Древнейшей ее частью является высокий выложенный из белого камня минарет. Сама мечеть перестраивалась несколько раз. Среди касимовцев передавалось преданию о том, что Петр I, проезжая через город, по ошибке приняв мечеть за церковь, на нее перекрестился, и когда узнал об этом, то с досады велел ее разрушить. Однако по просьбе мусульманского населения он отменил свое распоряжение, и мечеть с тех пор оставалась полуразрушенной до 1768 г., когда она с разрешения Екатерины II была восстановлена.

Едва ли, однако, справедлива легенда, связывающая разрушение мечети с распоряжением Петра I.

Посетивший в 1768 г. Касимов академик Паллас пишет (154), что при нем строилась мечеть на месте развалившейся старой. Вместе с тем он сообщает, что «старая мечеть была складена из кирпичей, которые величиною больше 13 дюймов; а башня построена из тесаных и нарочито великих камней, которые, кажется, браны из находящейся по ту сторону Оки за 11 верст от города при дер. Малееве каменной ломки».

По свидетельству И. С. Гагина, мечеть, восстановленная в 1768 г., была одноэтажной и крыта тесом. Посредине крыши стоял шпиль с яблоком, на котором была водружена железная луна. Нижний этаж был сложен из камня.

Около 1830 г. был выстроен второй кирпичный этаж, сверх которого был возведен железный купол с вызолоченною через огонь бронзовой луной, укрепленной на высоком шпиле.

В таком виде мечеть существует и до настоящего времени. Теперь в ней помещается Касимовский краеведческий музей. (26. 32, 40, 43, 128, 154, 182, 209, 215) [№ 19].

2. Текие Шах-Али. По поводу нее В. В. Вельяминов-Зернов пишет (32): «Памятником долголетнего пребывания Шах-Алия в Касимове осталась выстроенная им так называемая местными татарами текие (мавзолей). Хан построил это здание в 1555 г. В нем погребены были он сам и многие

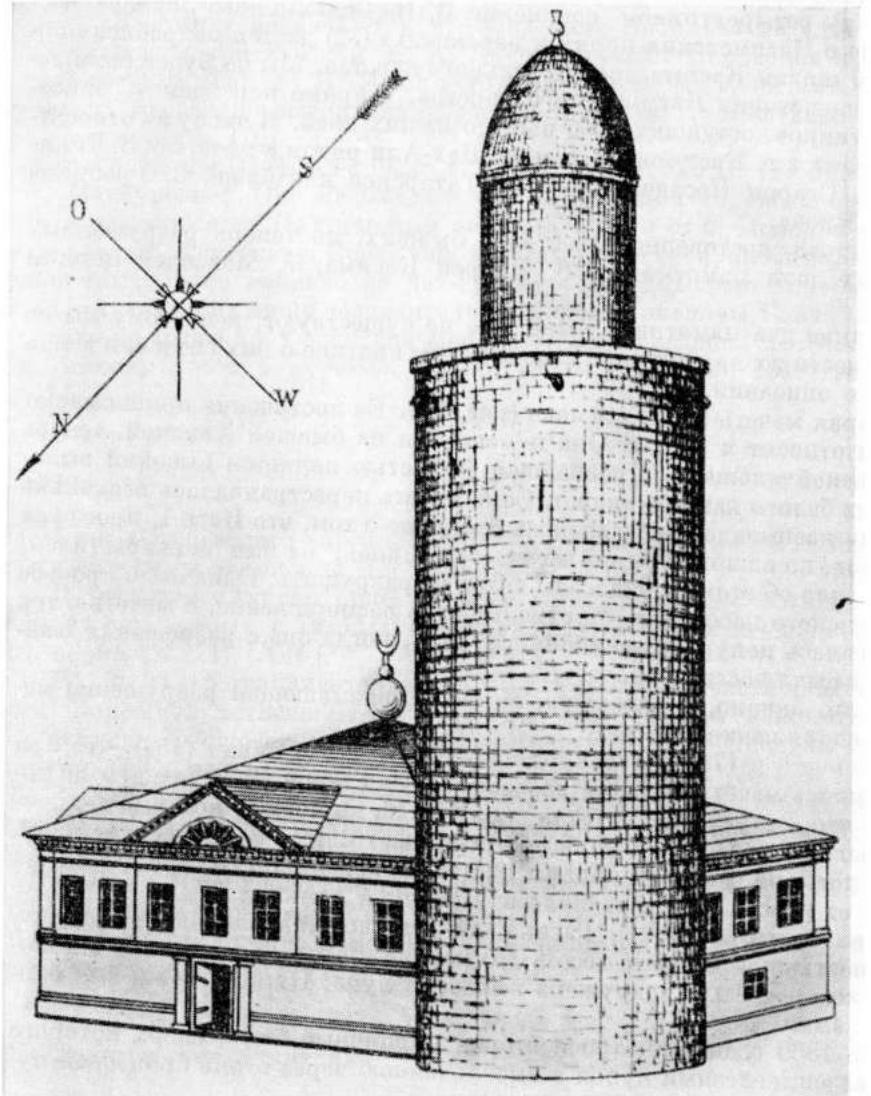


Рис. 23. Касимов. «Старая мечеть»

близкие ему лица. Доказательством служат уцелевшие доныне в текие надгробные камни и надписи».

Первое описание этого памятника оставлено Палласом (154): «На западном конце оного (Ханского кладбища) находится небольшой пустой, уповательно для моления по магометанскому обычаю назначенный покой со сходом при западной стене и с малым окном на северной стороне. А оный покой устлан нетесаным диким камнем. Прочую часть занимает свод, или погреб, в котором находятся надгробные камни. Поверх сводов пустая часть засыпана землею, на которой ныне растет калина. Все строение от востока к западу длиною больше 20, шириною больше 11, а вышиною до 7 аршин. Внутри малого погреба, считая от востока к западу, немного шире 4 аршин с половиною. В большой погреб сделан вход с южной стороны почти в середине всего строения и, следовательно, близ простенка между погребами. Помянутый вход снаружи до полутора, а изнутри больше 2 аршин шириною и сделан наподобие ворот; но не видно следов, чтобы прежде были крючья, на которые навешивают двери. Над оным в середине карниза вмазана каменная доска с краткою арабскою надписью, которую мне перевели следующим образом: «Единому великому богу! Владелец сего места Шагали-Хан, сын султана Шах-аулеара, месяца Рамазана в 21 день в 962 году. . .» Помянутый погреб, считая от востока к западу длиною до 9 аршин с четвертью, а шириною 8 аршин с четвертью, а вышиною несколько больше 5 аршин. В стене на север сделаны два окна, а на восток только одно, которые снаружи сужены и были с железными решетками; но кому-то за благо рассудилось оные выломать. В сем погребе видны восемь продолговатых могил».

Год построения мавзолея Паллас перевел с арабского летосчисления на христианское неправильно. В то время как 962 г. соответствует 1554—1555 гг., он назвал его 1520. В ряде описаний памятника ошибка Палласа была повторена.

Текие Шах-Али много раз была описана И. С. Гагиным, который сделал несколько ее зарисовок и планов.

Через 92 года после Палласа текие Шах-Али была описана муллой Хусейном Фейзхановым следующим образом (32): «Шах-Алиева текие находится саженях в 35 от старой Касимовской мечети. Она имеет в длину около 19 аршин, в ширину 12, а в вышину около 7 аршин. Сложена она из белого камня. Вместо крыши сделаны два отлогих кирпичных свода; по всему верху их растут деревья и кустарники: шиповник, черемуха, рябина в большом количестве и сосны, уродливые, но довольно толстые. По наружным стенам наверху видны следы бывшего некогда карниза; из-за них и из-за деревьев, которыми обросла крыша, сводов снизу разглядеть нельзя. Дверей — две, окон — четыре; двери и окна железные. Внутренность мавзолея разделена капитальною стеною на две комнаты: одну большую, а другую, налево от нее — малую. В большой комнате три окна, из них два обращены на север и одно на восток. Входят в комнату прямо со двора. Дверь обращена на юг и приходится почти на самой середине наружного фаса здания. Со двора над дверью вмазана каменная доска, на которой красивым почерком вырезана следующая надпись по-арабски: а) внутри в четырехугольной продолговатой рамке, в двух строках: «Стро-

итель и собственник этого здания — Шах-Али-хан, сын Шайх-Аулиярсултана; 21 числа месяца Рамазана 962 года (9 августа 1555 г.); б) кругом рамки: сверху, снизу, слева и справа: «Бог, нет бога кроме него, бога живого и бога сущего. Им не овладевают ни дремота, ни сон. Ему принадлежит все, что на небесах, и все, что на земле. Кто может быть перед ним заступником иначе как с его разрешения? Он знает будущее и прошедшее, и люди из того, что он ведает, постигают только то, что он сам захотел открыть им. Престол его простирается над небесами и землею, и ему ничего не стоит оберегать их; один он всевышний и великий» [4].

«Малая комната в текие имеет одно только окно, которое обращено на север и размером своим меньше окон большой комнаты. Вход прямо со двора: дверь проделана в западной стене здания. Малая комната совершенно пустая. По-видимому, она в прежние времена служила молельной, и в ней, по всей вероятности, читали Коран для поминовения лиц, похороненных в текие. Под текиею, а именно под большой комнатою, находится почти одинаковой с ней величины подвал. Спускаются в него по ступенькам через небольшую дверь, проделанную вблизи главного входа.

В подвале нет ничего, кроме небольшого возвышения, сложенного посредине из камней. В полу, в некоторых местах, заметны продушины величиною с кирпич. Думать должно, что под полом находился еще другой подвал. Местные жители утверждают, что этот нижний подвал действительно существует, и что из него ведет подземный ход в мечеть».

Летом 1863 г. В. В. Вельяминов-Зернов посетил Касимов и тщательно исследовал текие Шах-Али. Его наблюдения в общем совпадают с материалами Хусейна Фейзханова, он он установил, что все стены текие имеют различную толщину; одна же, именно внутренняя, отделяющая большую комнату от малой, непомерно толста; в ней почти 3 аршина в ширину. «В существовании второго подвала, — пишет В. В. Вельяминов-Зернов (32), — и подземного хода из текии, о которых говорили уже многие до меня, я вполне убежден. Ход, как я думаю, вел из второго подвала либо в ханский дворец, находившийся вблизи текии, либо в мечеть; быть может, выходил он и на р. Оку».

В. В. Вельяминов-Зернов сделал подробное описание найденных им 11 надгробных камней, которое помещено во втором томе его исследования (32) и к которому мы и отсылаем интересующихся.

Текие Шах-Али, точно так же как и текие Авгана, о которой речь будет ниже, почти всегда находилась в запустении и разрушалась посетителями. Только в 1887 г. при содействии Рязанской ученой архивной комиссии Техническим строительным комитетом Министерства внутренних дел были проведены реставрационные работы. Текие Шах-Али была приведена в полный порядок, снабжена железными дверями и ставнями и обнесена железной оградой на высоком кирпичном фундаменте.

Во время этих работ А. В. Селиванов произвел исследование «с целью узнать, существует ли какой-нибудь подземный ход или другое помещение, на которое указывали, по словам покойного Гагина, имевшиеся у стен отдушины. Хотя несмотря на все поиски, ни этих отдушин, ни каких-

[4] Слова, вырезанные кругом рамки, — это 256-й стих II суры Корана.

либо признаков помещения, лежащего ниже подвала, не оказалось, но зато при раскопках в земле попались сложенные в кучу кости и значительное количество остатков различного рода тканей, образцы которых взяты для (рязанского) музея» (182).

Образцы упомянутых шелковых тканей хранятся в Рязанском областном музее; часть их в 1925 г. была передана Касимовскому музею. Исследования черепов были произведены А. Г. Рождественским (177). (1, 3, 32, 36, 40, 72, 139 — 141, 147, 153, 154, 162, 177, 181, 182, 192, 215 [№ 20].

3. Текие Авган-Мухаммед-султана находится на площади старого татарского кладбища на Старом Посаде. Она была описана в 1863 г. В. В. Вельяминовым-Зерновым (32), который характеризовал ее так: «Текие на Старо-Посадском кладбище — небольшое одноэтажное здание. В длину имеет она около 14 аршин, в ширину около 8 аршин, а в высоту около 6 аршин; складена из кирпича. Прежде была она выбелена снаружи; но белая краска отпала и теперь текие имеет цвет красноватый. Крыша сделана сводом. Свод засыпан землею, которая, вероятно, навозена была нарочно, потому что слой ее довольно толст. Свод зарос травою; растут на нем и деревья; две небольшие рябины и одна маленькая береза. . . Стены толщиною в $^3/_4$ аршина. Вход один; проделан посредине длинного фаса, обращенного на запад. Дверь во входе новая железная. . . Окон — шесть: по два с обоих фасов — переднего (где вход) и заднего — и по одному с каждого бокового фаса. . . Снаружи весь верх текие отделан в три ряда разноцветными четырехугольными изразцами с выбитыми на них арабесками, в верхнем и нижнем ряду изразцы поставлены прямо, в среднем наискось. Снаружи же углы здания, вход и симметрично с ним средина заднего фаса украшены колоннами и изразцами, поставленными наискось, такими же точно, какими убран верх здания. . . Над самым входом со двора возвышается фронтон. В нем вмазан камень, на котором вырезана следующая надпись, расположенная в трех строках внутри продолговатой рамки: «В 1658 г. благословенного месяца Рамазана в 9 день в год мыши, сын Араб-Мухаммед-хана Авган-Мухаммед-султан отошел от сего мира. Над ним соорудила это здание супруга его Алтын-ханым, дочь Хаджим-султана». . . Внутренность текие состоит из одной комнаты. Комната эта несколько ниже уровня земли, так что в нее надобно спускаться по трем ступенькам. Пол земляной. В комнате в левом углу от входа лежат три камня довольно длинных (около 2 аршин) и не очень широких (от 9 до 14 вершков), но толстых и тяжелых. Камни эти глубоко вросли в землю; я пытался было с помощью заступа перевернуть их, но не мог».

По поводу этих камней Вельяминов-Зернов указывает, что они не походят вовсе по своей форме на надгробные камни. Однако в 1886 г. А. В. Селиванов произвел раскопки в текие Авгана и выяснил, что все три камня были надгробными. «Все три камня, — пишет он (182), — имеют форму удлиненного узкого и довольно высокого прямоугольника с баулообразным закруглением с верхней стороны и с более широким основанием. Со всех сторон и сверху они украшены довольно красивыми арабесками, а на узких боковых сторонах покрыты татарскими надписями. Такие надписи имеются и на верхней стороне одного из камней. Все три надгробные плиты высечены из белого известкового камня, причем арабески покрыты

разноцветными красками, местами довольно хорошо сохранившимися». Надписи эти были прочитаны профессором Коршем. Оказалось, что наибольший камень принадлежит могиле Авган-Мухаммед-Султана, другой был поставлен в честь Хаджи-Султана, отца жены Авгана; третий же — в честь Тюге-султана, двоюродного брата Авган-Мухаммед-Султана. А. В. Селиванов полагает, что два последних камня были перенесены в эту текие из других мавзолеев, после того как последние были разрушены. В следующем 1887 г. при расчистке мусора внутри текие М. П. Новиковым была найдена четвертая надгробная плита. В этом же году была произведена реставрация памятника, о которой было сказано при описании текие Шах-Али.

Несмотря на то что реставрация чрезвычайно способствовала сохранности постройки, все же время и некультурность привели ее опять в плачевное состояние. Еще при осмотре текие А. А. Мансуровым в 1926 г. дверь и железные ставни оказались украденными, надгробные памятники повалены и разбиты, изразцы выломаны и выкрошены почти все (несколько образцов их было взято в Касимовский музей).

Надписи на каменных плитах изучались, помимо Корша, Трутовским (199) и Кобеко (84, 85). (1, 3, 32, 36, 40, 72, 84, 85, 139—141, 147, 162, 181, 182, 192, 199) [№ 36].

4. Старое Татарское кладбище. Находится на Старом Посаде и непосредственно примыкает к текие Авгана. В. В. Вельяминов-Зернов пишет (32): «Кладбище это лежит не в дальнем расстоянии от города при Старопосадской слободе на высоком и красивом месте. Татары называют его старое кладбище. В прежнее время стояло здесь очень много татарских надгробных памятников. В 1860 же году мулла Хусеин видел только камней 40; остальные, по уверению местных жителей, были разобраны соседними крестьянами для фундаментов на дома и для плит на печи». Разрушение кладбища продолжалось все последующие годы, так что в июне 1926 г. осматривающий его А. А. Мансуров видел лишь четыре стоявших и уже покосившихся памятника и насчитал упавших целых камней 29. Кроме того, были замечены два каменных основания (1,5×2 м), и несколько камней взято в Касимовский музей, один камень — в Рязанский и один — в Московский областной. О времени возникновения этого кладбища точных сведений не имеется, но древнейшие найденные там надгробные памятники относятся к XVI в. (4, 32, 133, 147, 215) [№ 37].

5. Гробница царевича Якова при бывшем Казанском монастыре в г. Касимове. Названный Яков был сыном касимовского царевича Сеид-Бургана, крестившегося и назвавшегося Василием Арслановичем. Умер царевич Яков в 1677 г. в молодых летах. Над могилой была поставлена часовня, впоследствии перестроенная. Вид старой часовни передан И. С. Гагиным в оставшихся после него чертежах. (32) [№ 14].

Разрушенные поздние татарские памятники

Мы уже отмечали, описывая Касимовский кремль, что после разгрома Городца Мещерского татаро-монголами в XIV в. город был восстановлен на другом месте, лежащем на 600 сажен выше по Оке. Таким образом,

Касим получил в удел не прежний Мещерский Городец, а Новый Низовой город. Свой же дворец и мечеть он построил на холме, лежащем между новым городом и старым городцом. Впрочем есть указания на то, что и в стенах кремля стоял другой царский дворец (очевидно, деревянный), который, видимо, служил не для жительства царей и их семей, а для использования в качестве присутственного места.

6. Царский дворец находился на площади против мечети. В переписной книге 1627 г. упомянуты «дом и врата каменные». По словам Палласа (154), еще задолго до 1768 г. были целы «большие многими готскими фигурами и арабскими надписями украшенные ворота, также продолговатый четвероугольный дом». Очевидно, внешний вид этой уже обветшавшей и частично разрушенной постройки воспроизведен на рисунке Олеария (рис. 16) и гравюре Витсена (рис. 17). И. С. Гагин сделал чертеж фундамента, остававшегося до начала XIX в. в целости и потом разобранного на кампи владельцем этого места помещиком Симоновым.

На упомянутых рисунках место вокруг царского дворца и мечети показано окруженным высоким тыном. Это и был так называемый дворец царевича (или царя — в зависимости от того, кто в данное время являлся владельцем Касимова). О том, что этот двор был действительно укрепленным местом, свидетельствует следующий факт. В 1670 г. разинское движение охватило северные уезды Тамбовской губернии, лежащие близ Касимова. Касимовский воевода Тимофей Караулов решил защищаться от разинского войска и сделал необходимые приготовления. Так как в это время в Касимове «города» не было — он недавно сгорел, — то, как говорится в челобитной касимовцев, — «воевода, взяв твою великого государя зелейную и пороховую казну и пушки и пушечные запасы, велел отвезти в Касимове касимовского царевича Василия Арслановича на двор, потому, государь, что у нас в Касимове города и острога нет, сидеть нам от воровских людей не в чем, опричь его, царевича Василия Арслановича, двора». (32, 40, 41, 77).

7. Мавзолей султанши Фатимы. Находился на Старопосадском кладбище близ текие Авгана. Фатима была женой царевича касимовского Арслана и матерью царевича Сеид-Бургана, названного после крещения Василием Арслановичем. После смерти последнего она была признана русским правительством в качестве владелицы Касимовского удела и, таким образом, была последней представительницей царских касимовских родов. Имеются сведения (32), что она была похоронена в одном мавзолее со своим мужем, царевичем Арсланом. Мавзолей этот был разрушен в XVIII в., и достоверных сведений о нем не сохранилось. (32).

Непроверенные сведения

Описание археологических памятников мы заканчиваем списком непроверенных сведений. Нам кажется, что эти материалы в известной мере должны помочь при дальнейших исследованиях данной территории.

1. По сведениям, собранным С. А. Локтюшовым, близ Бабенок находили каменные орудия.

2. Близ дер. Самуиловки находится местность, называемая «Булан бор». В ней как будто есть курганы.

3. Между дер. Сидоровой и с. Токаревым есть местность, называемая «Володина гора». Предание говорит, что на ней жил богатырь, перебрасывавшийся топором с Добрыней, жившим на Добрынине острове.

4. По сообщению Н. И. Лебедевой, близ с. Гиблиц на речке Андреевке есть около 30 курганов.

5. Она же сообщила (с чужих слов), что близ с. Гиблиц за селом имеется насыпь со рвом вышиной 10 сажен.

6. По сообщению А. А. Урусова, близ дер. Степаново, на возвышенном месте, называемом «Горелки», никогда не заливаемом полой водой, находят человеческие кости.

7. По сведениям, полученным от местных жителей, на левом берегу Оки, против Добрынина острова, между озером Ватажным и Затоном, близ местности, называемой «Жмыхово», имеется местность, называемая «Городищи», с ясно заметным валом.

8. Близ сел Гиблиц и Степаново имеется деревня, называемая «Городище». Нет ли в ней остатков укреплений?

9. Близ с. Ерахтур имеется «мордовское кладбище».

10. Близ с. Ибердус на правом берегу р. Гусь имеется городок.

11. По сообщению С. А. Лебедевой, к юго-западу от с. Телебукино около небольшого леса есть каменные насыпи. Говорят, что раньше здесь была дер. Каменка.

12. Ф. Д. Нефедов отметил, что в г. Касимове близ собора были найдены два скелета: оба в гробах, с обращенными к югу лицами, один — женский, другой — детский. Очевидно, это остатки старого кладбища.

13. По сообщению Н. И. Лебедевой, за с. Клетино по направлению к Касимову, за речкой на горе имеются курганы.

14. По сообщению Д. И. Агапова, в с. Куземкине при рытье колодца при сооружении крахмально-паточного завода гражданами Коченовыми были выкопаны бронзовые украшения овальной формы ажурной работы с привесками, размерами приблизительно 15×8 см. Вещи находятся у М. О. Коченова (сообщено в 1927 г.).

15. По сообщению С. А. Лебедевой, в Куренинском овраге близ с. Телебукино находятся ямы с остатками глинобитных сооружений.

16. За с. Лощинино к Оке находится большое количество песчаных холмов: не могильники ли?

17. Саженях в 300 от с. Темгенево в большом количестве находят черепки древней посуды. Очевидно, это селище.

18. В докладе А. И. Черепнина «Об археологических исследованиях и раскопках лета 1897 г.» (214) сказано: «Курганы. . ., указанные нам одним лесным сторожем верстах в 5 от Касимова, недалеко от с. Селище посредине большого леса, оказались остатками от древних земляпок, окруженных земляною насыпью в виде кольца. Подымаясь из лощины наверх между деревьями молодого леса, перед нами показались отдельные курганы. Пройдя к ближнему кургану, мы увидали, что от вершины его внутрь вырыта глубокая круглая яма, точно курган был раскопан колодцем, углубленным от вершины до основания, уцелевшие же боко-

вые стороны кургана представляли как бы остатки его. То же самое оказалось на всех мнимых курганах: на площадке в $^1/_2$ десятины их было 27. В этой местности никогда раскопки не производились, и о существовании этих ям с кольцеобразными земляными осыпями неизвестно даже крестьянам ближайших селений. Осмотревши всю группу этих оригинальных курганов, не оставалось сомнения, что каждый из них представляет остатки землянки, окруженной земляною насыпью. Когда в этих землянках жили люди, верх каждой из них (был) прикрыт конусообразным шалашом. Размеры насыпей и ям были разной величины — одни занимали большую площадь, другие меньшую. Несомненно, здесь было пристанище вольницы, вроде того, какое мне удалось видеть в Пронском уезде».

К сожалению, А. И. Черепнин не дал точного указания места, где он наблюдал эти курганы. Поиски их А. А. Мансуровым в 1923 и 1924 гг. не увенчались успехом.

19. А. А. Урусов (203) сообщает, что в 4 км от с. Погост, в лесном овраге, называемом «Страшный овраг», находится пещера, которая в настоящее время обвалилась и найти ее трудно. Вход в нее был размером роста среднего человека. При входе была найдена когда-то металлическая посуда. Найти следы этих вещей ему не удалось, так как владелец их был безродный и сейчас умер.

20. По сообщению А. А. Урусова, в $1^1/_5$ км от с. Степаново на возвышенном месте, называемом «Горички», расположенном в лугах и никогда даже в самые большие разливы, не заливаемом водой, находили человеческие кости.

Заключение

После того как в предшествующем изложении были даны описание и характеристика всех известных для описываемого района памятников мы считаем полезным дать сжатую характеристику их по группам, которые соответствуют различным последовательным этапам истории общества на данной территории.

Остатки палеолитических и эпипалеолитических стоянок здесь пока не обнаружены, но присутствие их не возбуждает сомнений, если мы вспомним, что этот район располагается южнее Сунгирской палеолитической стоянки на Клязьме и как раз между двумя известными на Оке палеолитическими стоянками — Карачаровской близ Мурома и Ясаковской близ Спасска — и между эпипалеолитическими стоянками в урочище Елин бор под Муромом и Коростовской и Борковской близ Рязани (27). Обнаружение стоянок этих эпох и в районе касимовского течения Оки — вопрос времени.

Перечисленные выше палеонтологические находки четвертичного времени служат подтверждением этого.

Вероятно, то же самое можно сказать и об остатках поселений раннеэнеолитических с грубым макролитоидным инвентарем каменных орудий и еще без керамики. Подобные остатки, с одной стороны, известны на Верхней Оке, с другой — на р. Илемне близ Мурома. Однако вопрос

датировки макролитов на Оке и их проблема в целом требуют специального изучения.

Более поздние поселения эпохи развитого неолита хорошо представлены. К этому времени относятся Затонная, Забелинская, Бабино-Булыгинская и некоторые другие стоянки. На них представлена столь характерная для нашего неолита керамика с ямочно-гребенчатым орнаментом, относящаяся в данном случае к IV — началу II тысячелетия до н. э. Но на выявленных здесь перечисленных выше стоянках имеется и позднеолитическая керамика с преобладанием гребенчатого орнамента и с менее густым заполнением орнаментального поля. Ее можно отнести к первой половине II тысячелетия до н. э. (25).

Более древняя ямочная керамика очень хорошо представлена на Забелинской стоянке, поэтому общую дату последней следует считать более ранней. Более поздняя керамика лучше представлена на Затонной стоянке, хотя на ней есть также отдельные фрагменты хорошей ямочной керамики. Таким образом, обе стоянки — Забелинская и Затонная, вероятно, существовали в течение длительного времени. Незначительность собранного на этих стоянках материала лишает нас возможности сделать более подробные выводы. Население этих стоянок жило рыболовством и охотой.

Еще более поздний характер имеют Ибердусские I и II стоянки, относящиеся к энеолитической волосовской культуре. Это интереснейшие окские поселения волосовской культуры. Своими корнями они уходят в неолитическую культуру, но не волго-окского, а камского типа. Однако поздние типы кремневых стрел, своеобразные глиняные сосуды с уплощенным дном, появление металлических изделий и домашних животных указывают на перелом, который начинает происходить на окских стоянках, в основном еще сохранявших старый рыболовно-охотничий уклад. Этот перелом совершается под непосредственным влиянием соседних племен, уже выделившихся в качестве скотоводческих (например, фатьяновская археологическая культура в Верхнем Поволжье (86, 87) и другие, более южные культуры того же времени) и воспринявших металлические орудия в результате развивающегося обмена с племенами, уже освоившими металлургию. Генетическая связь волосовской культуры на Оке и Каме с волго-камской неолитической культурой и отсутствие таких связей с волго-окской неолитической культурой с ямочно-гребенчатой керамикой свидетельствуют о приходе племен волосовской культуры на Оку с востока. Это произошло на грани III и II тысячелетий до н. э. В последующее время волосовская культура постепенно поглотила местные неолитические племена. Следы взаимной ассимиляции отразились и в материальной культуре поселений как поздненеолитического, так и волосовского типа (22, 25).

Ко II тысячелетию до н. э. относится в Волго-Окском крае появление новых археологических культур в виде могильников и поселений балановского типа и могильников фатьяновского типа. В районе Касимова эта культура представлена случайной находкой сверленого шлифованного топора-молота в устье речки Сиверки. Его ромбоидальная форма вполне типична для фатьяновской культуры (86, 87). Однако более ве-

роятна принадлежность этого топора-молота к балановской культуре, родственной фатьяновской и распространявшейся около середины II тысячелетия до н. э. и на область нижнего и среднего течения Оки (23).

К бронзовому веку относятся Подборная, Ибердусская III и отчасти Ибердусская II стоянки. Они принадлежат к числу стоянок поздняковского типа, обследованных нами, а затем Т. Б. Поповой на Оке в числе более 30 и еще очень слабо выявленных в литературе. Явные черты сходства поздняковской культуры на Оке со срубной культурой более южных областей дают нам основание датировать ее второй половиной II тысячелетия до н. э.

Весьма существенные материалы для датировки Подборной стоянки дали нам раскопки поперечной траншеи, затронувшей склон дюны и часть поймы. Установленное этой траншеей существование постоянного поселения у подножия дюны на нижней террасе Оки (15) было возможно лишь в условиях существенно иного климата, климата более сухого, чем современный, когда разливы Оки не покрывали поймы и не достигали уровня поселения. Этим условиям подходил так называемый суббореальный климатический период, главным образом его средняя часть, которая известна как ксеротермическое время и соответствует примерно второй половине II тысячелетия до н. э.

Последующий субатлантический климатический период ознаменовался заметным, возможно даже резким, увлажнением климата и, следовательно, изменением режима наших рек. Нижняя часть Подборной стоянки стала систематически заливаться паводками Оки, была покинута людьми и постепенно покрылась толщей аллювиальных отложений. Это произошло в конце суббореального — начале субатлантического периода, за 800 лет до начала н. э.

Появление поздняковских поселений на Оке мы объясняем постепенным продвижением на север племен, оставивших нам памятники обширной и неоднородной срубной группы. Почти через четверть века после того как это положение было сформулировано, оно нашло подтверждение в исследованиях Т. Б. Поповой (158, 159). Это продвижение было облегчено происходившим в суббореальное время сдвигом к северу ландшафтных зон, наступлением степи и лесостепи на лес и, параллельно, соответствующим смещением окских племенных лесных охотников и рыболовов, которые должны были или несколько отступить вместе с лесом, или перейти в новых условиях к иным формам хозяйства (13).

Как известно, в конце II тысячелетия до н. э. на Оке и Верхней Волге появляется и постепенно получает широкое распространение керамика с текстильными отпечатками на наружной поверхности, связанная с кремневым инвентарем. Подобная керамика представлена и в описываемом районе, например на Забелинской стоянке (рис. 2, внизу слева). Особенно типична примесь так называемой текстильной керамики к поздняковской. Постепенно примесь текстильной керамики делается на поздняковских поселениях все более заметной, и, наконец, оба типа керамики сливаются в единый нераздельный комплекс. Не подлежит сомнению, что именно на этой основе к середине I тысячелетия до н. э. сформировалась новая культура скотоводов и лесных земледельцев. Носители этой культуры

уже освоили металлургию железа, перенесли свои поселения из пойм и низин на высокие берега и известны археологии как носители культуры городищ дьякова типа (13, 25).

Встает вопрос о соотношении на Оке фатьяновской и балановской культур с поздняковской, отчасти совпадающих и по времени, и по территории. Их мирное чересполосное сосуществование на одной территории, подобное сосуществованию с рыболовно-охотничьей энеолитической культурой, маловероятно, ибо и фатьяновские, и поздняковские племена занимались главным образом скотоводством и земледелием. Обитая бок о бок в пределах какой-либо территории, они, вероятно, должны были прийти в столкновение из-за стад и пастбищ, в которых они были в равной мере заинтересованы.

Присматриваясь внимательнее к этой проблеме, мы видим, что стоянки поздняковского типа распространены в бассейне Оки, а могильники фатьяновского типа — в бассейнах Клязьмы и Волги. Если Оку мы и должны включать в общие пределы распространения фатьяновской, главным же образом балановской культуры, то мы делаем это на основании лишь отдельных случайных находок. Ни один могильник фатьяновского и балановского типа на Средней и Нижней Оке нам неизвестен. Почти все они находятся к северу от Оки, в бассейне Клязьмы и Верхней Волги. О том же говорит нам сравнение количества отдельных находок сверленых топоров в верхневолжских и окских музеях. Так, если в Калининском музее их много десятков, то в Рязанском и Муромском музеях они исчисляются единицами.

Из этих фактов мы делаем тот вывод, что области распространения фатьяновской, балановской и поздняковской культур в основном были различны и лишь отчасти заходили одна в другую в бассейне Оки (23).

Примерно то же можно сказать и о сейминско-турбинской культурной области. После открытия Турбинского и других памятников в Прикамье область распространения этой культуры определяется как лежащая к востоку от области поздняковской культуры. Район соприкосновения этих культур на Оке находился где-то около устья Клязьмы.

Еще больше вопросов ставит перед нами Земский могильник. Он принадлежит по всем признакам — бронзовым украшениям в виде розеток и очков, устройству могил и пр. — к абашевской культуре. Абашевскую культуру принято датировать второй половиной II тысячелетия до н. э. Основная территория распространения — Чувашская АССР и левобережье Волги вплоть до Урала.

Таким образом, открытие Земского могильника на Оке, так же как Огубского на Протве, было большой неожиданностью. Однако они не представляют собой единственного исключения: могильники абашевского типа теперь обнаружены в бассейне Верхней Волги, а также на Дону.

Мы не беремся в данной работе обсуждать вопрос об отношении Земского могильника к остальным местным культурам бронзовой эпохи. Но перед нами остается факт глубокого проникновения пока еще отдельных поселений, принадлежавших абашевскому племени или племенам,

на территории, занятые современными им племенами эпохи бронзы на Оке и Верхней Волге.

На примере Земского могильника можно показать черты сходства абашевской культуры с другими памятниками той же и близких территорий, на этот раз с памятниками, гораздо более поздними. Так, маленькие круглые бронзовые бляшки, частью парные (рис. 22, *5*), встречены в Ананьинском и Пьяноборском могильниках на Каме и Кошибеевском могильнике на Оке. Маленькие спиральные пронизки-витушки (рис. 22, *4*) тоже имеются в Пьяном Бору и Кошибееве, а также в рязанских могильниках, например в Борковском и Кузьминском. Очковидные проволочные привески (рис. 22, *2*) известны из Апаньина (впрочем, вероятно, из древнего подслоя), из Кошибеева и в близких формах — из некоторых других окских могильников. Примерно то же можно сказать о трубочках-пронизках с кольцевыми вздутиями на концах, о спиральных перстнях и т. д.

Все эти аналогии нельзя рассматривать как случайные. Мы имеем здесь дело с длительным переживанием на значительной территории определенных культурных традиций, получивших свое начало еще в широко распространенной абашевской культуре.

В свете всего сказанного выше абашевскую культуру следует рассматривать как одно из первых звеньев в цепи культурного развития древнефинских народов Поволжья (25).

Мы уже говорили, что культура городищ дьякова типа на Оке в процессе своего формирования как бы вытекает из культуры стоянок с текстильной керамикой и кремневым инвентарем в начале I тысячелетия до н. э. К числу древнейших городищ дьякова типа с текстильной керамикой в нашем районе следует отнести городища Бабенское, Земляной Струг и Столбище. Возможно, что сюда же относится и Ждановское городище, но так как оно специально обследовано не было и кроме очень немногочисленных случайных находок у нас ничего нет, его приходится упомянуть лишь условно. Для рассматриваемого района культура дьяковских городищ обычна. Она продержалась на этой территории в течение очень продолжительного периода, длившегося больше тысячелетия, и заняла вторую половину I тысячелетия до н. э. и первую половину I тысячелетия н. э. Широко поставленных раскопок городищ на изучаемой территории проведено не было, а потому мы не имеем возможности дать конкретную характеристику их особенностей. Но так как эта культура хорошо изучена в памятниках, расположенных выше и ниже по Оке, у нас есть о ней общее представление. В это время получает преобладающее значение скотоводство. Охота и рыболовство отходят на второй план, хотя продолжают играть известную роль в хозяйственной жизни. Развивается мотыжно-подсечное земледелие, но оно не занимает господствующего положения. Патриархально-родовой быт еще достаточно крепок. Очевидно, обитатели одного городища и составляли основную производственную единицу — патриархальную семью. Городище было не только военным укреплением, но и местом постоянной защиты стад.

Связь культуры городищ дьякова типа с окскими финскими могильниками представляется наиболее вероятной. Из них на изучаемой тер-

ритории находится Курманский могильник. Он, как об этом уже было сказано, относится к наиболее поздним, одним из последних могильников рязано-окских финнов, отступавших на восток перед двигавшейся в том же направлении в VIII в. волной славян (21). Тем интересней отметить, что среди находок на Земляном Струге, который, помимо раннего дьяковского слоя, имеет поздний — финско-славянский, было несколько аналогичных находкам в финских могильниках (фибулы, керамика, бронзовая фигурка ящера, бусы, привески).

Свидетельствуя о связях между культурой дьяковской и рязано-окских могильников, Земляной Струг в то же время дает материал и для связей этих культур с раннеславянской. Если вспомнить о наличии всего в нескольких километрах от него Поповского курганного могильника, инвентарь которого, аналогичный инвентарю другого мещерского могильника в Парме, раскопанного Б. А. Куфтиным, представляется как бы переходным от финского к славянскому, то легко понять, какое богатое поле для исследования процесса ассимиляции местных финнов славянами заключает в себе этот комплекс описанных выше памятников.

Раннеславянскими памятниками этот район небогат. На изучаемом отрезке Оки эта река в XI—XII вв. перестает быть вятической и, видимо, заселена из владимиро-суздальских земель. Те славянские элементы, которые наблюдались в Поповских курганах, характернее для кривичей, чем для вятичей. В процессе обрусения мещерские племена впитывали в себя элементы славянской культуры. Процесс этот шел замедленно. В то время как южнее и западнее интенсивно складывались черты будущей великорусской народности, здесь, в глуши мещерских лесов, еще бытовали туземные особенности. Может быть, этой оторванностью от московских центров и объясняется в известной мере факт образования именно здесь удельного татарского царства. Страну полудикую, с значительным процентом языческого населения, легче было отдать в удел мусульманскому правителю, чем области с коренным русским христианским населением.

В дальнейшем ходе касимовской истории круг археологических памятников начинает значительно суживаться. О Касимовском кремле и его укреплениях мы уже больше узнаем из письменных источников, чем из раскопок. Татарские памятники, сохранившиеся до наших дней, в известной мере требуют специальных археологических приемов изучения. Интересно было бы поставить раскопки древних татарских могильников, селищ и царского дворца. Это большая самостоятельная и очень интересная задача.

Остается еще совершенно неисследованная категория археологических памятников — русские селища. Они, несомненно, дадут большой материал для местной истории нескольких последних столетий.

Источники и использованная литература

1. *А. И. Л.* Наши губернские архивные комиссии. — Исторический вестник, 1891, февраль, стр. 600—668.
2. *Алихова А. Е.* Абашевские курганы близ села Земского Рязанской области. — КСИИМК, 64, 1956.
3. Алфавитный указатель к статьям, речам и докладам, входящим в состав трудов первых 12 археологических съездов и их предварительных комитетов. — Труды XII АС, т. III. М., 1905.
4. *Андреевский И. Е.* Ученые архивные комиссии в 1886 г. Обзор их деятельности. — Русская старина, 1887, № 11.
5. Археологические изыскания. — Наука и искусство, 1926, № 1.
6. Археологические исследования Земляного струга. — Вестник рязанских краеведов, 1925, № 4.
7. Археологические находки и исследования. — Известия Центрального бюро краеведения, 1925, № 4.
8. Археологические разведки Касимовского края. — Красный восход. Касимов, 1925, № 44.
9. *Арциховский А. В.* Курганы вятичей. М., 1930.
10. *Бадер О. Н.* Практическая подготовка музейных кадров. — Советский музей, 1938, № 5.
11. *Бадер О. Н.* Археологические памятники, их охрана и методы первичного изучения. М., 1938.
12. *Бадер О. Н.* По следам наших первобытных предков. М., 1938 (1-е изд.) и 1939 (2-е изд.).
13. *Бадер О. Н.* К истории первобытного хозяйства на Оке и в Верхнем Поволжье в эпоху металла. — ВДИ, 1939, № 3.
14. *Бадер О. Н.* Материалы к археологической карте восточной части горного Крыма. — Труды НИИ краеведческой и музейной работы. т. I. М., 1940.
15. *Бадер О. Н.* Из последних наблюдений над стратиграфией окских стоянок в связи с палеоклиматологической схемой Блитта—Сернандера. — Бюллетень Четвертичной комиссии АН СССР, 1940, 6-7.
16. *Бадер О. Н.* Археологические раскопки близ Касимова. — Большевистский путь, № 150—152. Касимов, 1940.
17. *Бадер О. Н.* О результатах археологических исследований близ Касимова в 1940 г. — Сталинское знамя. Рязань, сентябрь, 1940.
18. *Бадер О. Н., Мансуров А. А.* Составление сводных каталогов археологических коллекций. [Рец.]. — Советский музей, 1940, № 2.
19. *Бадер О. Н.* Материалы к археологической карте Москвы и ее окрестностей. — МИА, № 7, 1947.
20. *Бадер О. Н.* Раскопки Подборновской стоянки и поздняковская культура на Оке. Краткое изложение доклада в Ин-те краеведческой и музейной работы 27.XI 1940 (см.: Краткий обзор докладов, заслушанных Археологической секцией НИИ краеведческой и музейной работы, составленный В. А. Тихомировой). — Историко-археологический сборник Ин-та краеведческой и музейной работы. М., 1948.
21. *Бадер О. Н.* Древнее Поветлужье в связи с вопросами этногенеза мари и ранней истории Поволжья. — СЭ, 1951, № 2.
22. *Bahder O.* Kulturen der Bronzezeit in Zentralrussland. — SMYA, FFT, 59 : 1. Helsinki, 1957.
23. *Бадер О. Н.* Балановский могильник. К истории лесного Поволжья в эпоху бронзы. М., 1963.
24. *Бадер О. Н.* Краткий очерк археологических работ в довоенный период на Оке. — Сб. Древности Восточной Европы. М., 1969.
25. *Бадер О. Н.* Бассейн Оки в эпоху бронзы. М., 1970.
26. *Баранович М.* Рязанская губерния. — Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами генерального штаба. СПб., 1860.
27. *Борисковский П. И.* Палеолитические и эпипалеолитические местонахождения бассейна р. Оки. — Труды Советской секции Международной ассоциации по изучению четвертичного периода, вып. I, 1937.
28. *Борисова Е.* Основные черты финской культуры Окского бассейна. . . Схема экскурсии 6 (зал 5). — Общеобразовательные экскурсии. Сборник схем экскурсий по материалу открытых зал ГИМ, вып. I. М., 1927.
29. *Борисова Е.* Пояснительный текст к схеме экскурсии 6 на тему «Основные черты финской культуры Окского бассейна. . .» — Там же.
30. *Bortwin N. N.* The Verkhny-Kizil Find. — ESA, III, 1928.

31. Великая реформа. Под ред. А. К. Дживелегова, С. П. Мельгунова и В. И. Пичеты. — Русское общество и крестьянский вопрос в прошлом и настоящем, т. I. М., 1911.
32. *Вельяминов-Зернов В. В.* Исследование о Касимовских царях и царевичах. СПб., ч. I, 1863; ч. II, 1864; ч. III, 1866; ч. IV, 1887.
33. *Воздвиженский Д.* Исторические и археологические достопамятности по Рязанской губернии. — Исторический статистический и географический журнал, или современная история света, ч. II, кн. 2-я. М., 1927.
34. *Воскресенский С. А.* Учебный курс географии Рязанской губернии (Родиноведение). Рязань, 1885.
35. Выпись из писцовой книги 1627 г. о г. Касимове. Рукопись начала XIX в. на 16 стр. в полулиста. — Научный архив Рязанского областного музея, № 507.
36. Выставка (на VIII АС). — Труды VIII АС 1890 г. М., 1897.
37. *Гагин И. С.* Историческое объяснение о древнем Городце, состоящем в Рязанской губернии и переименованном на Новый Город и во-вторых на царское имя Касимов с доказательством достоверных фактов и описанием двух предместий, т. е. Городца с минующимся монастырем и при оно особо Нова Города на ордынском тракте ко Владимирской великокняжеской столицы через Боголюбово и о переселении по оному скончавшегося в Городце Касимовском мощей святого и великого князя Александра Невского на 15 ноября и погребенного во Владимире 23 числа 1263 году. Рукопись 1843 г. (хранится в Касимовском музее).
38. *Гагин И. С.* Касимов и его окрестности. Карты, составленные в 1820-х годах, 1 л.
39. *Гагин И. С.* Краткое географическое описание гор. Касимова [Рукопись] (хранится в Касимовском музее).
40. *Гагин И. С.* Краткое описание Рязанской губернии города Касимова. Достопамятности. — В кн.: *А. А. Мансуров.* Описание рукописей этнологического архива, вып. 4. Рязань, 1930 (Труды Общества исследователей Рязанского края, вып. XXXIX).
41. *Гагин И. С.* О достопамятности г. Касимова — древней и о нынешнем его состоянии, извлеченное из разных российских историй [Рукопись 1823 г.] (хранится в Касимовском музее).
42. *Гагин И. С.* План окрестностей города Касимова, с двумя городовыми и пять вокруг оного лежащими крепостьми. [Чертеж 1820-х или 1830-х годов].
43. *Гагин И. С.* Планы и фасады татарских древнейших зданий, состоящих Рязанской губернии в городе Касимове. — Касимов, 1830. — Научный архив Рязанского областного музея.
44. *Гагин И. С.* Путь Александра Невского из Орды во Владимир [Карта].
45. *Гакман А.* Два яблока мечей времени переселения народов. Б. г. и м.
46. *Гильдебрандт П. А.* Сказание о Касимове и его уезде. — День. М., 1864, № 21, 24, 28 и 33.
47. Годовой отчет по музейному отделу Губоно за 1923—1924 гг. Рязань, 1924. — Научный архив Рязанского областного музея, № 227.
48. *Головкин М. П.* Случайные находки. — В кн.: *А. А. Мансуров.* Описание рукописей этнологического архива, вып. 4. Рязань, 1930.
49. Городище Земляной Струг в Касимовском уезде. — Рязанские губернские ведомости, 1842, № 21.
50. *Городцов В. А.* Галические клад и стоянка. — Труды секции археологии Института археологии и искусствознания РАНИОН, III, 1928.
51. *Городцов В. А.* Результаты археологических исследований в Белевском и Рязанском уездах в 1897 г. — АИЗ, 1898, № 7-8.
52. *Городцов В. А.* Русская доисторическая керамика. — Труды XII АС. М., 1901.
53. *Горшенов Н. Я.* От г. Москвы до Нижнего Новгорода. — Поволжье. Природа, быт, хозяйство. Путеводитель по Волге, Оке, Каме, Вятке и и Белой. Под ред. В. П. Семенова-Тян-Шанского. 2-е изд. Л. [Б. г.].
54. *Готье Ю. В.* Железный век в Восточной Европе. М.—Л., 1930.
55. *Гусев.* Редкая находка. — Красный восход. Касимов, 1926, № 44.
56. Дело Рязанского губмузея с общей перепиской по г. Рязани. 1923—1926 гг. — Научный архив Рязанского областного музея, № 377.
57. *Добролюбов И. В.* Историко-статистическое описание церквей и монастырей Рязанской епархии, ныне существующих и упраздненных, с списками их настоятелей за XVII,

XVIII и XIX столетия и библиографическими указаниями, т. IV. Рязань, 1891.
58. *Ефименко П.* Рязанские могильники. Опыт культурно-стратиграфического анализа могильников массового типа. — Материалы по этнографии, т. III, вып. 1. Л., 1926.
59. *Жуков Б. С.* Работы по палеоэтнологии в СССР за 1918—1925 гг. — Этнография, 1926, № 1-2.
60. Журналы заседаний Рязанской ученой архивной комиссии, заседание 5 февраля 1888 г. — ТРУАК, т. III, № 2.
61. То же, заседание 20 мая 1888 г., т. III, № 5-6.
62. То же, заседание 5 сентября 1888 г., т. III, № 7, стр. 144.
63. То же, стр. 148.
64. То же, заседание 5 марта 1889 г., т. IV, № 2.
65. То же, заседание 5 сентября 1889 г., т. IV.
66. То же, заседание 7 октября 1897 г., т. XII, вып. 3.
67. То же, заседание 6 ноября 1905 г., т. XX, вып. 2.
68. Журнал заседаний Совета Рязанского областного музея (со 2 февраля 1923 г. по 31 декабря 1925 г.) — Научный архив Рязанского областного музея, № 1.
69. Запись поступлений в музей предметов и коллекций и исключение их за 1925—1926 гг. — Научный архив Рязанского областного музея, № 66.
70. *Иванов А.* Пустошенский могильник. Раскопки в с. Пустоши Судогодского уезда Владимирской губ. 1924 г. — Труды Владимирского областного музея, вып. I, 1925.
71. *Иероним.* Рязанские достопамятности. С примечаниями И. Добролюбова. Рязань, 1889.
72. *Иваноков И. А.* О VII археологическом съезде в Ярославле. Казань, 1888.
73. *И. К.* Остатки мамонта. — Красный восход. Касимов, 1926, № 4.
74. *Иловайский Д. И.* История Рязанского княжества. М., 1858.
75. Императорский Российский исторический музей. Указатель памятников. 2-е дополн. изд. М., 1893.
76. Инвентарные карточки археологического подотдела, папки с № 4701—5000. Рязань, 1923. — Научный архив Рязанского областного музея, № 204.
77. *Кабанов А. К.* Касимовский воевода Тимофей Караулов в 1670 году. — ТРУАК, т. XXIV, вып. 2. Рязань, 1915.
78. *Калайдович К.* Письма к А. Ф. Малиновскому об археологических исследованиях в Рязанской губ. М. [Б. г.].
79. Касимов. — Новый энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона, т. XXI.
80. *Китайцев И. А.* Сведения об открытии Ибердусской стоянки. — В кн.: *А. А. Мансуров.* Описание рукописей этнологического архива, вып. 3. Рязань, 1930.
81. *Китайцев И.* Успехи краеведения. — Красный восход. Касимов, 1926, № 66.
82. Книга поступлений № 2 с № 842 по № 2144 Рязанского областного музея. Рязань, 1926. — Научный архив Рязанского областного музея, № 24.
83. Книги Касимовского городового дела 179 и 180, и 181, и 182 (1671 — 1674 гг.). — ТРУАК, т. VIII, вып. 1, 1893.
84. *Кобеко Д. Ф.* Еще о надгробных надписях в Касимове. — ТРУАК, т. IX, 1894.
85. *Кобеко Д. Ф.* Надгробные надписи в Касимове. — ТРУАК, т. VII, вып. 4, 1892.
86. *Крайнов Д. А.* Памятники фатьяновской культуры. Московская группа. — САИ, вып. В1—19, 1963.
87. *Крайнов Д. А.* Памятники фатьяновской культуры. Ярославско-Калининская группа. — САИ, вып. В1-20, 1964.
88. Краткий путеводитель по Государственному Российскому историческому музею. М., 1923.
89. Краткий путеводитель по Российскому историческому музею. М., 1914.
90. *Крейтон В.* Спутник по Рязанскому музею. Часть I. Палеонтологический отдел. Рязань, 1901.
91. *Кузьмин И. А.* Исторические пункты Сынтульской волости Касимовского уезда. — В кн.: *А. А. Мансуров.* Описание рукописей этнологического архива, вып. 1. Рязань, 1928 (Труды Общества исследователей Рязанского края, вып. XV).
92. *Кузьмин И. А.* Легенда о Добрынине острове Касимовского уезда. — В кн.: *А. А. Мансуров.* Описание рукописей этнологического архива, вып. 2. Рязань, 1929 (Труды Общества исследователей Рязанского края, вып. XXII).
93. Курганы и остатки древних укрепле-

ний в Рязанской губернии. — ЖМНП, 1846, октябрь.
94. *Куфтин Б. А.* Материальная культура русской Мещеры. Ч. I. Женская одежда: рубаха, панева, сарафан. — Труды Государственного музея ЦПО, вып. III. М., 1926.
95. *Куфтин Б. А.* Новая культура бронзовой поры в бассейне р. Оки на озере Подборном близ г. Касимова Рязанской губ. — Материалы к доистории ЦПО. М., 1927.
96. *Куфтин Б. А.* Татары касимовские и татары мишари Центрально-промышленной области. К вопросу выяснения областных типов и составных элементов волго-окской этнической культуры (этническое наименование и элементы жилища). — Культура и быт населения ЦПО. М., 1929.
97. *Лебедева Н. И.* Дневник раскопок Подборной стоянки в 1924 г. — Научный архив Рязанского областного музея.
98. *Лебедева Н. И.* Дневник раскопок 1925 г. Стоянка у оз. Подборное Касимовского уезда Рязанской губернии. — Научный архив Рязанского областного музея.
99. *Лебедева Н. И.* Дневник рекогносцировок и раскопок в окрестностях г. Касимова Рязанской губернии летом 1924 г. — В кн.: *А. А. Мансуров.* Описание рукописей этнологического архива, вып. 4. Рязань, 1930.
100. *Лебедева Н. И.* Инвентарная опись археологического отдела. — Научный архив Рязанского областного музея, № 127.
101. *Лебедева Н. И.* Отчет о летних работах по археологии в окрестностях г. Касимова. — Вестник рязанских краеведов, 1925, № 1.
102. *Лебедева Н. И.* Письма к А. А. Мансурову 1924 и 1925 гг. — В кн.: *А. А. Мансуров.* Описание рукописей этнологического архива. Рязань, 1933.
103. *Лебедева Н. И.* Стоянка у озера Подборное близ г. Касимова (дневник раскопок). — Научный архив Рязанского областного музея, № 615.
104. *Лебедева С. А.* Село Телебукино Касимовского уезда. — В кн.: *А. А. Мансуров.* Описание рукописей этнологического архива, вып. 2. Рязань, 1929.
105. *Лебедева С. А.* Село Телебукино Касимовского уезда. Кое-что из его прошлого. — В кн.: *А. А. Мансуров.* Описание рукописей этнологического архива, вып. 1. Рязань, 1928.
106. Летние работы Рязанской ученой архивной комиссии. — Рязанский листок, 1897, № 92—94.
107. *Локтюшов С. А.* Каменный период в Рязанской губернии. Доисторический очерк. Рязань, 1916.
108. *Любомудров Н. В.* Местногеографические древности в Рязанской губернии. — Прибавления к Рязанским епархиальным ведомостям, 1874.
109. *Макарий.* Сборник церковно-исторических и статистических сведений о Рязанской епархии. М., 1863.
110. *Макаров М.* Заметки о землях Рязанских. — Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских, 1846, № 1, «Смесь».
111. *Мансуров А. А.* Восстановление границ Касимовского кремля. — Красный восход. Касимов, 1922, № 66.
112. *Мансуров А. А.* В Касимовском музее. — Красный Восход. Касимов, 1923, № 62.
113. *Мансуров А. А.* Загадки давно минувшего. — Красный восход. Касимов, 1924, № 62.
114. *Мансуров А. А.* К восстановлению границ Касимовского кремля. — Вестник рязанских краеведов. Касимов, 1924, № 3.
115. *Мансуров А. А.* Исследования Рязанской губернии за лето 1925 г. — Наше хозяйство. Рязань, 1925, № 10.
116. *Мансуров А. А.* К истории первобытного человека в Касимовском крае. — Красный восход. Касимов, 1925, № 65.
117. *Мансуров А. А.* Археологический подотдел. Путеводитель по Рязанскому Государственному областному музею, 1926.
118. *Мансуров А. А.* Описание рукописей этнологического архива Общества исследователей Рязанского края, вып. 1—5. Рязань, 1928—1933.
119. *Мансуров А. А.* Библиография Рязанского края. Этнология и палеоэтнология (археология), часть I, вып. 1. Рязань, 1930.
120. *Мансуров А. А.* Библиография Рязанского края. Этнография и археология, часть II, вып. 1. Рязань, 1932.
121. *Мансуров А. А.* Результаты археологических обследований в окрестностях г. Касимова летом 1932 г. — Научный архив Рязанского областного музея, № 647.
122. *Мансуров А. А.* Археологическая карта реки Прони. — СА, IV, 1937.

123. *Мансуров А. А.* Методика составления археологической карты. М., 1939.
124. *Мансуров А. А.* Сводные каталоги археологических коллекций. М., 1939.
125. *Мансуров А. П.* К вопросу о древнем населении Мещерского края. — ТРУАК, т. XII, вып. 1, 1897.
126. *Мансуров А. П.* Касимовский уезд. — Московские ведомости, 1889, № 307.
127. *Мансуров А. П.* Остаток Касимовской старины. — ТРУАК, т. XIII, вып. 3. 1893.
128. *Мансуров А. П.* Петр Великий в г. Касимове. — Русский архив, 1895, № 6.
129. *Мансуров А. П.* Сообщение о находках на Курманском могильнике весной 1898 г. — ТРУАК, т. XIV, вып. 2, 1899, Протоколы заседания 20 января 1899.
130. Материалы о краеведческой организации в Гиблицах. — Научный архив Рязанского областного музея, № 535.
131. Материалы о краеведческой организации в Ижевском и Касимове. — Научный архив Рязанского областного музея, № 538.
132. Материалы о музейно-краеведческой работе в Касимове (переписка Рязанского губ. музея с Касимовским музеем). — Научный архив Рязанского областного музея, № 349.
133. Материалы о музейно-краеведческой работе в Касимовском у. (переписка Рязанского губ. музея с Касимовским уездом). — Научный архив Рязанского областного музея, № 344.
134. *Мордовченко Н.* Второй Рязанский областной краеведческий съезд. — Краеведение, 1924, № 3.
135. *Нагибин В. И.* Находки костей мамонта (письмо к А. А. Мансурову). — В кн.: *А. А. Мансуров.* Описание рукописей этнологического архива, вып. 4. Рязань, 1930 (Труды Общества исследователей Рязанского края, вып. XXXIX).
136. *Нефедов Ф. Д.* Раскопки курганов в Касимовском уезде. Из протоколов заседаний Комитета по устройству антропологической выставки. . . Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, № 23. М., 1878.
137. Новое пожертвование в исторический музей. — ЗРАО, н. с., т. IV, вып. 3-4, 1890.
138. *Порцов А.* Хронология событий Тамбовского края. — Известия Тамбовской ученой архивной комиссии, вып. 56.
139. О городе Касимове Рязанской губернии. — ЖМВД, 1841, июль.
140. О древних зданиях в Рязанской губернии по 1827 г. — Отечественные записки, 1828, п. 33.
141. О замечательных памятниках древности в Рязанской губернии. — Санктпетербургские ведомости, 1838, № 272.
142. Общая переписка Рязанского губмузея по г. Рязани и губернии. — Научный архив Рязанского областного музея, № 378.
143. О курганах, древних могилах и укреплениях в Рязанской губернии. Сведения, собранные Рязанским губернским статистическим комитетом согласно программе Центрального статистического комитета. — Рязанские губернские ведомости, 1874, № 6, 7 и 9.
144. О работах комплексной озерной экспедиции музея ЦПО по этнологии и палеоэтнологии летом 1926. — В кн.: *А. А. Мансуров.* Описание рукописей этнологического архива, вып. 4. Рязань, 1930.
145. Отчет Государственного исторического музея за 1916—1925 гг. М., 1926.
146. Отчет о деятельности Общества исследователей Рязанского края за 1926 г. Рязань, 1927.
147. Отчет о деятельности Рязанской ученой архивной комиссии за 1887 г. — ТРУАК, т. II, 1887.
148. Отчет о деятельности Рязанской ученой архивной комиссии за 1897 г. Рязань, 1898.
149. Отчет о деятельности Рязанской ученой архивной комиссии за 1899 г. Рязань, 1900.
150. Отчеты о деятельности Рязанского областного музея за 1924—1925 гг. и перспективные предположения. — Научный архив Рязанского областного музея, № 111.
151. Отчет о деятельности Рязанского Государственного областного музея за 1926—1927 гг. — Научный архив Рязанского областного музея, № 215, л. 55—57.
152. Отчет о работе Рязанского Средне-

Окского музея за 1932 г. — Научный архив Рязанского областного музея, № 645.
153. Отчет о состоянии и деятельности императорского Московского археологического общества с 17 февраля 1888 г. по 17 февраля 1889 г. — Древности, т. XIII.
154. Паллас. Путешествие по разным провинциям Российской империи, ч. I. СПб., 1773.
155. Переписка Рязанского губмузея с Москвой. — Научный архив Рязанского областного музея, № 376.
156. *Погодин М. П.* Житейская мудрость. — Сельское хозяйство, 1860, отдел «Смесь».
157. *Полунин Ф.* Географический лексикон Российского государства, или словарь, описующий по азбучному порядку реки, озера, моря, горы, города, крепости и пр. с поправлениями и пополнениями. . . с предисловием Герарда Фридериха Миллера. М., 1773.
158. *Попова Т. Б.* Происхождения поздняковской культуры. — Труды ГИМ, вып. 37, 1960.
159. *Попова Т. Б.* Эпоха бронзы на Тамбовщине. — СА, 1961, № 3.
160. Предварительный отчет об исследовательских работах озерной экспедиции Московского областного музея в 1926 г. — Научный архив Рязанского областного музея, № 221.
161. Приемные описи за 1918—1922 гг. — Научный архив Рязанского областного музея, № 25.
162. Протокол общего собрания (Русского археологического общества) 1 ноября 1883 г. — ЗРАО, н. с., т. I, 1883.
163. Протоколы X АС в Риге. — Труды X АС, т. III. М., 1900.
164. Протоколы заседаний Императорского Московского археологического общества (1888). — Древности, т. XIII, вып. 2.
165. То же (1889). — Там же.
166. То же (1891—1892 гг.). — Там же, т. XVI.
167. Протоколы заседаний музейной коллегии (с мая 1921 г. по 28 ноября 1922 г.). — Научный архив Рязанского областного музея, № 3.
168. Протоколы заседаний первого совещания палеоэтнологов ЦПО. — Материалы к доистории ЦПО. М., 1927.
169. Протоколы совещания этнологов ЦПО 7—10 декабря 1927 г. — Культура и быт населения ЦПО. М., 1929.
170. *Проходцов И. И.* Курманский могильник. — ТРУАК, т. XIII, вып. 1, 1898.
171. *Проходцов И. И.* Обозрение пятнадцатилетней деятельности (Рязанской ученой архивной) комиссии. Рязань, 1899.
172. *Проходцов И. И.* О деятельности Рязанской ученой архивной комиссии за первое двадцатипятилетие — 1884—1909 гг. (Юбилей двадцатипятилетия Рязанской ученой архивной комиссии). Рязань, 1911.
173. Путеводитель (по Гиблицкому музею местного края). Рязань, 1928.
174. Раскопки. — Красный Восход. Касимов, 1925, № 41.
175. Раскопки Подборной стоянки. — Вестник рязанских краеведов, 1925, № 3.
176. Редкая находка. — Рабочий клич. Рязань, 1929, № 284.
177. *Рождественский А. Г.* Черепа из древних могил Рязанской губернии. — ТРУАК, т. VIII, вып. 1, 1893.
178. Сведения о работах по палеоэтнологии музея ЦПО в Рязанской губернии в 1921 г. — В кн.: *А. А. Мансуров.* Описание рукописей этнологического архива, вып. 3. Рязань, 1930.
179. *Селиванов А. В.* Кратний каталог Рязанского музея. I. Отдел археологический. Рязань, 1889.
180. *Селиванов А. В.* О древнейшем населении Приокского района. . . — Труды III историко-археологического съезда в г. Владимире 20—26 июня 1906 г. Владимир, 1909.
181. *Селиванов А. В.* Отчет о поездке в Касимов. — Журнал Рязанской губернской архивной комиссии, 1885, Заседание 6 октября 1885 г.
182. *Селиванов А. В.* Раскопки в г. Касимове в 1886 г. — ТРУАК, т. II, вып. 2, 1887.
183. *Сизов В. И.* К отчету гр. С. А. Уварова о его раскопках в Касимовском уезде. — Древности, т. XIII, вып. 2.
184. *Синельников Н.* Хроника. — Русский антропологический журнал, т. 15, вып. 3-4, 1927.
185. *Смолин В. Ф.* Абашевский могильник в Чувашской республике. Чебоксары, 1928.
186. *Smoline V.* La nécropole d'Abachévo. — ESA, I, 1927.

Солодовников Д. Д. Городец Мещерский. [Рукопись 1929 г., собственность автора].
Сообщения с мест. — Книга о книгах. М., 1924, № 1-2.
Список научных докладов, прочитанных в Обществе исследователей Рязанского края за время его существования (1920—1930). — Научный архив Рязанского областного музея, № 558.
Списки поступлений в Музей архивной комиссии с 1887 по 1898 г. — Научный архив Рязанского областного музея, № 42.
Спицын А. А. Обозрение некоторых губерний и областей России в археологическом отношении. Рязанская губ. — ЗРАО, н. с., т. XI, вып. 1-2, 1899.
Султанов Н. Художественный отдел VII АС в Ярославле (оттиски из газеты «Художественные новости»). СПБ., 1887.
Толстой И., Кондаков Н. Русские древности в памятниках искусства. Вып. 5. Курганные древности и клады домонгольского периода. СПб., 1889.
Третьяков В. П. О юго-западных связях рязанского неолита. — СА, 1964, № 4.
Третьяков В. П. К вопросу о каменных орудиях Волго-Окского междуречья. — МИА, № 131, 1965.
Третьяков П. Н. К истории докласового общества Верхнего Поволжья. — Известия ГАИМК, вып. 106, 1934.
Третьяков П. Н. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М.—Л., 1966.
Третьяков П. Н. У истоков этнической истории финно-угорских племен. — СЭ, 1961, № 2.
Трутовский В. К. Надгробные надписи из текие Афган-Мохамед-Султана в г. Касимове. — ТРУАК, т. V, вып. 9, 1890.
Уваров С. А. Курманский могильник. — Древности, т. XIV, 1890.
Указатель выставки при VII АС. Ярославль, 1887.
Указатель памятников императорского Российского исторического музея. М., 1893.
Урусов А. А. Ответы на вопросы анкеты бывшей Рязанской архивной комиссии. — В кн.: *А. А. Мансуров.* Описание рукописей этнологического архива, вып. 1. Рязань, 1928.
204. *Усов Н. А.* Волга и ее притоки. Путеводитель. Нижний Новгород, 1923.
205. *Фриде М. А.* Русские деревянные укрепления по древним литературным источникам. — Известия Российской Академии истории материальной культуры, т. III, 1924.
206. *Хватов А.* Остатки старины в Касимове. — В кн.: *А. А. Мансуров.* Описание рукописей этнологического архива, вып. 3. Рязань, 1930 (Труды Общества исследователей Рязанского края, вып. XXVI).
207. *Холмогоров В.* Переписная книга по городу Касимову за 1646 г. — ТРУАК, т. VI, 1891.
208. *Ходаковский.* Историческая система. — Русский исторический сборник, кн. 3, 1838.
209. *Худзинская Л. А.* Суеверия. — В кн. *А. А. Мансуров.* Описание рукописей этнологического архива, вып. 5. Рязань, 1933 (Труды Рязанского Бюро краеведения, вып. 7/48).
210. *Цветкова И. К.* Волосовские неолитические племена. — Труды ГИМ, т. XXII, 1953.
211. *Цветкова И. К.* Отчет об археологических раскопках в 1960 г. — Архив ИА АН СССР.
212. *Цветкова И. К.* Отчет об археологических раскопках в 1961 г. — Архив ИА АН СССР.
213. *Цветкова И. К.* Отчет об археологических раскопках в 1962 г. — Архив ИА АН СССР.
214. *Черепнин А. И.* Об археологических исследованиях и раскопках лета 1897 г. — ТРУАК, т. XII, вып. 3, 1897, Заседание 3 ноября 1897 г.
215. *Шишкин Н. И.* История города Касимова с древнейших времен. Касимов, 1888; 2-е испр. и дополн. изд. Рязань, 1891.
216. *Эдинг Д.* Сарское городище. Ростов-Ярославский, 1928.
217. *Ястребова М. Ф.* Этнографические материалы по селу Шостьи Касимовского уезда. — В кн.: *А. А. Мансуров.* Описание рукописей этнологического архива, вып. 1. Рязань, 1928.

О. Н. Бадер, Г. К. Вагнер, Н. И. Кригер

Роль А. А. Мансурова в изучении Рязанского края

В первые же годы после Великой Октябрьской Социалистической революции начинается бурное развитие краеведения на местах. В нем нашел выражение деятельный интерес советских людей к познанию своей родины, своего края — его природы, экономики, истории и культуры.

В 20-х годах возникает множество краеведческих музеев и обществ и собирается огромный научный материал. Правда, эта собирательская деятельность не всегда была на должном научном уровне и нуждалась в методическом руководстве. Роль научно-методических центров выполняли в те годы не только центральные учреждения, вроде созданных тогда Государственного музея Центрально-Промышленной области или несколько позже Института краеведческой и музейной работы, но и некоторые научно более сильные местные музеи и краеведческие организации.

Одним из таких центров была Рязань с ее крупным краеведческим музеем и Обществом исследователей Рязанского края, весьма универсальным по составу специалистов. Душой исторических секций Общества и заведующим Отделом археологии и этнографии областного музея многие годы был Алексей Алексеевич Мансуров.

А. А. Мансуров родился 28 (15) марта 1900 г. в г. Касимове Рязанской области в семье провинциального чиновника. В 1918 г. он окончил касимовскую мужскую гимназию и поступил на физико-математический факультет Московского университета.

В силу семейной традиции А. А. Мансурова влекло к историческим наукам. Его дед, А. П. Мансуров, был активным участником работы Рязанской ученой архивной комиссии. Эта традиция позже определила деятельность Алексея Алексеевича.

Первоначальная служба А. А. Мансурова началась в г. Касимове, где он работал до 1924 г. по линии народного образования, в частности занимая должность заведующего уездным Отделом народного образования. Эта деятельность нашла свое отражение в печатных работах Алексея Алексеевича. В те же годы он организовал Касимовский музей местного края, существующий до сих пор.

С 1924 г. А. А. Мансуров работал в Рязанском музее в должности старшего научного сотрудника, ученого секретаря, выполнял обязанности директора, а также был секретарем губернского Комитета по изучению производительных сил при Губплане, ученым секретарем Общества исследователей Рязанского края и т. д.

В этот период Рязанский музей и Общество исследователей Рязанского края бурно развиваются и становятся на одно из первых мест среди учреждений подобного типа. Например, они издают более 120 выпусков различных трудов. В 1925 г. здесь состоялась первая конференция музейных работников Центрально-Промышленной области, в организацию и проведение которой А. А. Мансуров вложил много сил. Вскоре после этого Рязанский музей получил статус базового музея.

А. А. Мансуров

Будучи прекрасным организатором и энтузиастом музейного дела, А. А. Мансуров сумел создать в Рязанском музее коллектив работников различных специальностей, которые проделали большую работу, особенно по библиографии Рязанского края. Комплекс этих работ, по существу возглавлявшихся Алексеем Алексеевичем, представляет крупный интерес как опыт коллективного всестороннего изучения литературы по краю (из составленных 30 выпусков издано 17).

Личные работы Алексея Алексеевича за этот период относятся к археологии, этнографии, музееведению и библиографии по данным предметам.

Исследования А. А. Мансурова по вопросам организации коллективной и индивидуальной научно-исследовательской работы, столь близкие нашей эпохе, до сих пор оставались неоцененными. Ныне своевременно вспомнить об этих работах и дать новую оценку их значения.

В 1933 г. А. А. Мансуров был переведен в Москву, где, работая в тех же отраслях, занимал различные должности в Московском областном музее, Центральном и Областном Бюро краеведения, работал преподавателем и секретарем кафедры музееведения на Высших музейных курсах, во Всесоюзной Книжной Палате, в Музее игрушки и т. д.

В начале Великой Отечественной войны Алексей Алексеевич вступил в ряды ополченцев и погиб в одном из сражений.

Исследования А. А. Мансурова по археологии, музееведению и библиографии представляют собой единое целое, так что, классифицируя его печатные работы, часто затрудняешься отнести их к той или иной категории.

Алексей Алексеевич принимал участие во многих археологических исследованиях по Рязанскому краю совместно с В. А. Городцовым, Б. А. Куфтиным, О. Н. Бадером, а также в этнографических экспедициях с тем же Б. А. Куфтиным и Н. И. Лебедевой.

В области археологии А. А. Мансуров был прежде всего систематиком. Его представления о необходимой организации археологических работ лучше всего выражены в книге «Методика составления археологической карты» (1939). Намеченный им план был рассчитан на большой культурный подъем всей страны и рост квалифицированных научных кадров на периферии. Сейчас, когда во всей стране начата работа по составлению Свода памятников истории и культуры, особенно жаль, что А. А. Мансурова нет с нами.

По справедливому замечанию Алексея Алексеевича, особое свойство работ по археологическому картированию заключается в том, что «их никогда нельзя считать не только вполне, но даже и в основном законченными. Археологическая карта должна непрерывно пополняться в результате длительных и систематических наблюдений. . . Известная часть археологических памятников обнаруживается только постепенно; другая исчезает бесследно».

Поэтому в вопросах археологического картирования выступает особая роль краеведческих музеев, работа которых связана с хорошим знанием края и постоянными широкими связями с местным населением. Музеи должны взять на себя важную работу систематического археологического картирования. По мысли Алексея Алексеевича, должна быть составлена по единой методике «Основная археологическая карта», включающая в себя «все археологические памятники территории на основании использования всех источников и сплошного ее обследования».

При составлении «Основной археологической карты» учитываются и систематизируются вещевые археологические коллекции, архивные (рукописные) материалы, фотографические и прочие иллюстративные материалы, литература, данные наблюдений и опроса, картографические материалы. Весь этот систематизированный материал является научным аппаратом дальнейших исследований. В ряде работ Мансуров выясняет методику и технику систематизации каждого из этих видов источников.

Практическую работу по составлению «Основной археологической карты» А. А. Мансуров начал для Рязанского края. В образцовый порядок были приведены археологические коллекции Рязанского музея. «Музеи — не только выставки, но и хранилища научных материалов», — любил утверждать Алексей Алексеевич. В связи с этим и поднимался вопрос о составлении сводных каталогов археологических коллекций, хранящихся в различных музеях и институтах СССР.

С целью учета архивных материалов по археологии и этнографии Рязанского края для «Основной археологической карты» А. А. Мансуров предпринял описание рукописей архивов Рязанского музея и Общества исследователей Рязанского края. Для учета литературных материалов по Рязанскому краю Алексей Алексеевич провел большую библиографическую работу, выразившуюся в ряде публикаций. Они отмечены рецензиями на русском и иностранном языках. Библиографические работы показали, какое неожиданное обилие источников вскрывается при систематическом обследовании литературы, изданной в Рязанской области.

В результате многолетних исследований Алексей Алексеевич собрал огромный материал для археологической карты, к сожалению, остаю-

щийся неопубликованным. Некоторые листы заслуживают опубликования хотя бы с методической точки зрения. Оставленный А. А. Мансуровым богатый архив материалов к археологической карте служит ценным источником для новых исследований (А. Л. Монгайт).

Что касается других археологических вопросов, то надо отметить описание Алексеем Алексеевичем некоторых новых памятников по р. Проне, обследованной им совместно с О. Н. Бадером и Н. П. Милоновым, а также раскопки в Старой Рязани и связанное с этим исследование древнерусских жилищ, наконец, статьи о касимовском кремле, археологической игрушке и гончарных клеймах. Алексей Алексеевич пропагандировал необходимость химических анализов археологических предметов из металлов и готовил работу на тему «Что такое культурный слой».

А. А. Мансуров был крупным музейным работником и, будь он жив, стал бы сейчас одним из ведущих специалистов в этой области.

Он был хорошим знатоком русской и иностранной литературы по музееведению. Печатные работы Алексея Алексеевича посвящены технике учета и хранения коллекций, созданию архивов при музеях, планировке музейных зданий, технике, экспозиции, освещению музеев, отоплению и вентиляции музейных помещений, библиографии музееведения и организационным вопросам. Подготовленная им совместно с О. Н. Бадером книга об организации, методике и технике работы краеведческих музеев в области археологии осталась неопубликованной.

А. А. Мансуров был выдающимся библиографом. Ему принадлежат 36 опубликованных библиографических работ по археологии и музееведению, а также по методике библиографии.

Алексей Алексеевич смотрел на библиографию как на метод учета предыдущих исследований, необходимый в работе каждого ученого. По его мнению, библиографию по каждому вопросу должен вести квалифицированный специалист в данной отрасли. В области методики библиографии очень интересен предложенный Алексеем Алексеевичем метод составления указателей географических названий. Благодаря этому методу его библиография Рязанского края используется как справочник, позволяющий установить местоположение того или иного пункта.

Труды А. А. Мансурова по организации коллективной и индивидуальной научно-исследовательской работы (в том числе библиография) представляют интерес для научных работников любой специальности. Очень ценны разработанные им рекомендации о работе с книгой, о режиме рабочего времени и организации рабочего места научного сотрудника.

В заключение нельзя не сказать о большом внимании, которое А. А. Мансуров уделял вопросу подготовки молодых музейных работников. Еще в Рязанском музее им был организован институт практикантов, из которого вышли впоследствии известные музейные работники — геологи, археологи, этнографы и искусствоведы. Эту же работу Алексей Алексеевич продолжал в Москве на Высших музейных курсах Наркомпроса.

Алексей Алексеевич Мансуров был человеком громадной самодисциплины и вместе с тем неиссякаемой веселости и остроумия, чудесным товарищем и большим патриотом, отдавшим свою жизнь за Родину.

71. Новая литература по музейному делу (1934—1935). [Б. г. и м.].
72. Научный архив краеведческого музея (краткое руководство по организации и технике работы). М., 1936.
73. Справочно-библиографическая картотека по методике и организации краеведения и музейного дела. — Советский музей, 1937, № 1.
74. Литература по музейному делу, опубликованная в 1936 г. — Советский музей, 1937, № 3.
75. Из опыта заочного музейного образования. — Советский музей, 1937, № 4.
76. Кафедра музееведения Высших музейных курсов. — Советский музей, 1937, № 5.
77. Новости музейной техники. — Советский музей, 1939, № 3.
78. Изучение техники музейного дела. — Советский музей, 1939, № 5.
79. Генрих Гейне о музеях. — Советский музей, 1939, № 10.
80. Библиография музееведения. — Советская библиография, 1940, № 1 (18).

III. Методика и техника библиографии

81. К методике составления аннотаций и вспомогательных указателей в краевой библиографии. — Советская библиография, 1933, № 1-3.
82. Краевая библиография в системе краевого источниковедения на службе социалистического строительства края. — Советское краеведение, 1934, № 12.
83. Об организации рукописных отделений при краеведческих библиотеках. — Советское краеведение, 1935, № 9.
84. Организация источников краеведческого изучения в районах. — Там же.
85. Библиографические работы горьковских краеведов. — Советская библиография, 1936, № 2.
86. Краевая библиография. — Советская библиография, 1937, № 1.
87. Географические указатели (к вопросу о применении топографических индексов). — Советская библиография, 1940, № 1 (18).

IV. Разное

88. Наши источники водоснабжения (г. Касимов). — Красный восход. Касимов, 1923, № 16 (344).
89. Состояние и перспективы краеведческого исследования в Рязанской губернии. — Наше хозяйство. Рязань, 1935, № 5.
90. Краткий библиографический указатель по Рязанскому краю, применительно к нуждам трудовой школы. Рязань, 1926.
91. Первые шаги по организации краеведческой работы. — Сб. Первые шаги краеведа. Иваново-Вознесенск, 1926.
92. Краеведение в школе (совместно с М. А. Осиповым и Е. И. Яблоковым). Рязань, 1927.
93. К биографии П. А. Оленина-Волгаря (два письма к нему Л. Н. Толстого). Материалы к характеристике рязанских уроженцев. — Труды Общества исследователей Рязанского края, вып. VII, 1927.
94. Об изучении материалов о местных деятелях и уроженцах. — Краеведение, 1928, № 1.
95. Библиография рязанской печати, вып. 1. — Труды Рязанского Бюро краеведения, вып. 43, 1931.
96. По Московской области. — Сб. Туристические маршруты. М.—Л., 1931.
97. Библиография картографирования литературы и карт. — Всесоюзная Книжная палата, 1939, № 1-2 [редакция].
98. Библиография. — Книжная палата, 1939, № 3-4 [редакция].

А. Л. МОНГАЙТ

Этот том исследований о древностях Рязанской земли был подготовлен бессменным руководителем Рязанской экспедиции Института археологии АН СССР Александром Львовичем Монгайтом. К сожалению, ему не суждено было увидеть этот труд в виде книги.

20 августа 1974 г. Александр Львович скончался.

Из жизни ушел крупный ученый, хорошо известный как в Советском Союзе, так и за рубежом.

А. Л. Монгайт родился 21 апреля 1915 г. в г. Николаеве в семье служащего. В 1940 г. он окончил исторический факультет МГУ. В июле 1941 г. А. Л. Монгайт ушел добровольцем в ряды народного ополчения. В 1943 г. он поступил в аспирантуру Института истории материальной культуры, а в 1945 г. защитил кандидатскую диссертацию на тему «Старая Рязань». С этого года он работал в Институте археологии АН СССР в должности старшего научного сотрудника. В 1961 г. А. Л. Монгайт защитил докторскую диссертацию по книге «Рязанская земля».

А. Л. Монгайт был крупным специалистом в области славяно-русской археологии. Его раскопки в Старой Рязани привели к интересным и важ-

ным открытиям: была восстановлена история и культура одного из крупнейших княжеств Древней Руси.

В своей научной деятельности А. Л. Монгайт уделял много внимания теоретическим и историческим исследованиям. Принадлежащие его перу научно-популярные работы способствовали популяризации достижений советской археологии в нашей стране и за рубежом. Его книга «Археология в СССР» переведена на многие иностранные языки. Исследования А. Л. Монгайта отличают строгая доказательность выводов, большое критическое чутье, глубина анализа, огромная эрудиция.

А. Л. Монгайт всегда живо интересовался достижениями мировой археологической науки. Им создан капитальный двухтомный труд «Археология Западной Европы». В нем даны всесторонний обзор и исследование археологических данных по истории человечества на Европейском континенте от палеолита до средневековья.

А. Л. Монгайт принимал активное участие в общественной жизни Института археологии АН СССР. Он состоял членом редакционных коллегий изданий Института, много сил отдавая редакторской работе.

Память об А. Л. Монгайте — человеке светлого ума, исключительно трудолюбивом и жизнерадостном — навсегда сохранится среди всех, знавших его.

Список сокращений

АИЗ — Археологические известия и заметки
АС — Археологический съезд
АСГЭ — Археологический сборник Государственного Эрмитажа
ВВ — Византийский временник
ВДИ — Вестник древней истории
ГАИМК — Государственная Академия истории материальной культуры
ГИМ — Государственный исторический музей
ГЭ ОИПК — Государственный Эрмитаж. Отдел истории первобытной культуры
Древности — Древности. Труды Московского археологического общества
ЖМВД — Журнал Министерства внутренних дел
ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения
ЗРАО — Записки Русского археологического общества
ИА АН СССР — Институт археологии Академии наук СССР
КСИА — Краткие сообщения Института археологии
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры
МАВГР — Материалы по археологии восточных губерний России
МГУ — Московский государственный университет
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
НКП — Народный комиссариат просвещения
ОКАЭ — Отчет Камской археологической экспедиции
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
СА — Советская археология
САИ — Свод археологических источников
СЭ — Советская этнография
ТРУАК — Труды Рязанской ученой архивной комиссии
ЦГАДА — Центральный государственный архив древних актов
ЦПО — Центрально-Промышленная область
ЧНИИ — Чувашский научно-исследовательский институт языка, литературы, истории и экономики
ESA — Eurasia Septentrionalis Antiqua
SMYA, FFT — Suomen Muinaismuistoyhdistuksen Aikakauskirja, Finska Fornminnesforeningens Tidskrift

Содержание

А. Л. Монгайт

Работа Рязанской археологической экспедиции в 1966—1970 гг. 5

В. П. Даркевич

Раскопки на Южном городище Старой Рязани (1966—1969 гг.) 19

П. А. Раппопорт, Е. В. Шолохова

Новые материалы о жилищах Старой Рязани 72

Ю. Л. Щапова

Стеклянные изделия из Старой Рязани (по материалам раскопок 1966—1968 гг.) 76

И. Г. Розенфельдт

Северный мыс городища Старая Рязань 93

Т. А. Кравченко

Шатрищенский могильник (по раскопкам 1966—1969 гг.) 116

Р. Л. Розенфельдт

Егорьевская коллекция рязанских вещей 184

Е. И. Оятева

Обувь из раскопок Переяславля-Рязанского 189

В. А. Мальм, М. В. Фехнер

Археологические исследования древнего Пронска и городища на горе Гневне 193

И. Г. Недошивина

Курганный могильник у дер. Маклаково 210

Г. Ф. Полякова
Селища в долине Прони 216

Т. Б. Попова
Исследование памятников эпохи бронзы на Канищевских дюнах под Рязанью 222

Б. А. Фоломеев
Жилища стоянки Фефелов Бор I 236

А. А. Мансуров и *О. Н. Бадер*
Археологическая карта окрестностей Касимова 253

О. Н. Бадер, Г. К. Вагнер, Н. И. Кригер
Роль А. А. Мансурова в изучении Рязанского края 324

Список работ А. А. Мансурова 328

А. Л. Монгайт 331

Список сокращений 333